

thebigbook.

БЛЕСТЯЩИЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОРОКИ-УБИЙЦЫ»!

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ
СОВЫ ОХОТЯТСЯ
НОЧЬЮ

СОВЫ ОХОТЯТСЯ НОЧЬЮ

ЭНТОНИ
ГОРОВИЦ

Два романа по цене одного означают двойное удовольствие
для читателей: две тайны, два детектива и, возможно, два убийцы.

The Amazon Book Review

АЗБУКА

·the big book·

**КНИГИ
ЭНТОНИ ГОРОВИЦА**

**СОРОКИ-УБИЙЦЫ
СОВЫ ОХОТЯТСЯ НОЧЬЮ**

ЭНТОНИ
ГОРОВИЦ

СОВЫ
ОХОТЯТСЯ
НОЧЬЮ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 70

Anthony Horowitz
MOONFLOWER MURDERS
Copyright © 2020 by Anthony Horowitz
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Александра Яковлева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-18643-9

© А. Л. Яковлев, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается
Эрику Хэмлишу и Джону Сэлндеру,
с благодарностью
за множество добрых встреч*

**СОВЫ ОХОТЯТСЯ
НОЧЬЮ**

Айос-Николаос, Крит

«Полидорус» — очаровательный семейный отель, расположенный в нескольких шагах от оживленного городка Айос-Николаос, в часе езды от Ираклиона. Номера ежедневно убираются, все они оснащены вайфаем и кондиционером, из части комнат открывается вид на море. Кофе и домашняя еда подаются на уютных террасах. Заходите на нашу веб-страничку или ищите нас на [booking.com](https://www.booking.com).

Вы не представляете, сколько времени мне пришлось потратить на составление этого текста. Меня тревожило такое скопление прилагательных. Подходит ли эпитет «оживленный» для характеристики Айос-Николаоса? Я сперва хотела было использовать выражение «жизнь бьет ключом», но потом решила, что это намекает на беспрестанное движение машин и шум, которые, кстати, являются неотъемлемой частью существования в этом городе. На самом деле от нас до центра пятнадцать минут ходьбы. Можно ли описать это расстояние как «в нескольких шагах»? Не стоило ли упомянуть расположенный по соседству пляж Амуди?

Вот ведь забавно: почти всю свою жизнь я проработала редактором и никогда не испытывала затруднений в обращении с рукописями писателей, а как понадобилось сочинить рекламное объявление в несколько строчек для обратной стороны открытки, так корпела над каждой буквой. В итоге я показала текст Андреасу, который прочитал его за пять секунд, а потом просто хмыкнул и кивнул, что, с учетом затраченных мною трудов, меня одновременно порадовало и взбесило. Есть в характере у греков одна черта. Люди это невероятно эмоциональные. Их драматургия, поэзия и музыка, что называется, достают прямо до сердца. Но когда доходит до повседневных дел, неизбежных мелких деталей, они занимают позицию «siga siga», что в приблизительном переводе означает: «Да какая, к черту, разница?» Эту фразу я слышу каждый день.

Пока я, с сигаретой и чашкой крепкого черного кофе, перечитывала написанное, в голове у меня крутились две мысли. Во-первых, мы собирались разместить открытки на стойке рядом со столом администратора, но раз их смогут взять только туристы, уже приехавшие в отель, то какой прок от подобной рекламы? Вторая мысль была неотвязной и давно уже не давала мне покоя: а какого дьявола я вообще здесь торчу? Как докатилась до такой жизни?

Всего за два года до своего пятидесятилетнего юбилея — а к этому возрасту, как я полагала, мне предстоит наслаждаться всеми благами, доступными тому, кто имеет умеренный, но стабильный доход, удобствами маленькой лондонской квартиры и насыщенной общественной жизнью — я вдруг оказалась совладелицей и управляющей отелем, который в действительности куда более уютен, чем мне удалось его описать. «Полидорус» стоит прямо на берегу Эгейского моря, две его террасы укрыты в тени зонтиков и кипарисов. У нас имеется всего двенадцать номеров, которые обслуживал персонал из числа местной молодежи, не теряющей оптимизма даже во время самых страшных запарок. Простая, но вкусная еда, пиво «Мифос», собственный музыкант, а про красивейшие пейзажи я уж и не говорю. У нас есть свои преданные клиенты. Мы не делаем ставку на тех гостей, что приезжают в одном из гигантских автобусов, которые я видела ползущими по не рассчитанным на них дорогам в направлении шестизэтажных громад на противоположном берегу бухты.

Есть у нас, разумеется, и свои недостатки: скверная проводка, вечные проблемы с канализацией и нестабильный вайфай. Не хочу тиражировать стереотип про ленивых греков, и, быть может, это просто мне не повезло, но эпитет «надежный» едва ли применим к людям, которые на нас работают. Панос превосходный повар, но стоит ему поссориться с женой, детьми или мотоциклом, как он уходит в очередной загул, и Андреас принимает вахту на кухне, оставляя меня управляться в баре и в ресторане, который загадочным образом оказывается полон, когда у

нас не хватает официантов, и наполовину пуст, когда мы набираем их слишком много. Достичь золотой середины, увы, так и не удалось. Всегда существовала гипотетическая возможность, что поставщик продуктов приедет вовремя, но с нашими заказами этого почему-то не произошло ни разу. Если что-то ломалось, а это случалось постоянно, нам предстояли часы напряженного ожидания, когда же наконец соизволит явиться мастер или представитель фирмы.

По большей части гости наши казались довольными. Но нам приходилось метаться, словно актерам в безумном французском фарсе, создавая впечатление, что все в полном ажуре. К тому времени, когда я падала на кровать (а это зачастую бывало в час или в два ночи), я ощущала такую усталость, что представляла себя высохшей и завернутой в пелены египетской мумией. В подобные мгновения я чувствовала себя хуже всего и засыпала с ужасной мыслью, что едва открою утром глаза, как все это сумасшествие начнется снова.

Пожалуй, я впадаю в излишний пессимизм. Разумеется, были у нашей жизни здесь и чудесные стороны. Никакие закаты в мире не сравнятся с эгейскими, и я каждый вечер любовалась ими, замирая от восторга. Неудивительно, что греки верили в богов: в Гелиоса на золотой колеснице, едущего по этому бескрайнему небу за Ласифианские горы, подернутые тончайшей дымкой, сначала розовой, а потом розовато-лиловой, темной и бледной одновременно. Каждое утро ровно в семь я купалась, смывая в кристально чистой морской воде следы излишков вина и сигаретного дыма. Были ужины в маленьких тавернах в Фурни и Лимнесе: аромат жасмина, сияющие над головой звезды, веселый смех и звон стаканов с ракией. Я даже начала учить греческий, занимаясь по три часа в неделю с девушкой, достаточно юной, чтобы годиться мне в дочери. Она успешно вбивала мне в голову ударные слоги и глаголы, бывшие не просто неправильными, но откровенно неприличными, причем умудрялась делать это легко и весело.

Но это был для меня вовсе не отпуск. Я перебралась в Грецию после того, как детективный роман «Английские сорочки убийства» обернулся настоящей катастрофой¹[1]. То была последняя книга, над которой мне довелось работать, и связанные с нею события привели к смерти ее автора, краху издательства и концу моей собственной карьеры. Именно в такой последовательности. В общей сложности мы опубликовали девять романов о частном сыщике Аттикусе Пюнде; все они стали бестселлерами, и я полагала, что серия продолжится. Но внезапно все закончилось. В результате я начала новую жизнь, и, признаться честно, чересчур значительную ее часть составляла тяжелая работа.

Это неизбежно сказалось на моих отношениях с Андреасом. Мы не ссорились, это не в наших характерах, но выработали форму общения, которая настораживала все сильнее. Мы кружили, как два боксера, не желающие вступать в схватку. Сказать по совести, сцепись мы по-настоящему, это могло бы пойти нам обоим на пользу. Мы же ухитрились сползти на этот ужасный ринг, так хорошо знакомый давно женатым парам, где оставшееся невысказанным ранит куда больнее, чем обидные слова. Отношения мы, кстати сказать, так и не оформили. Андреас сделал мне предложение, все чин по чину: преподнес колечко с бриллиантом, стоя на одном колене. Но у нас оказалось слишком много дел, чтобы обвенчаться, к тому же я еще недостаточно хорошо знала греческий, чтобы понять слова службы. Мы решили подождать.

Взятая пауза не пошла нам на пользу. В Лондоне Андреас всегда был моим лучшим другом. Возможно, так получалось потому, что мы не жили вместе, и я всегда ждала встречи с ним. Мы читали одни книги. Любили поесть... особенно когда Андреас готовил. Секс у нас был просто шикарный. Но Крит вовлек нас в отношения совсем другого сорта, и, хотя после нашего отъезда из Соединенного Королевства прошла всего пара лет, я уже подумывала о том, как бы сбежать обратно, хотя и не приступала до поры до времени к деятельным поискам конкретного способа.

А потом вмешалась сама судьба и подкинула мне шанс. Путь к побегу открылся однажды утром в понедельник, с появлением солидно выглядевшей семейной пары, явно англичан. Эти двое спускались под руку по склону с главной дороги. Я с первого взгляда поняла, что это люди обеспеченные и приехали они сюда не ради отдыха на море. На мужчине были длинные брюки и куртка — что странно для утренней жары, — рубашка поло и панама. Наряд женщины подходил скорее для теннисного матча, чем для пляжа; на шее у нее красовалось дорогое ожерелье, а в

¹ См. роман «Сороки-убийцы».

руках она держала аккуратную сумочку. На обоих были дорогие солнечные очки. Им, по моим прикидкам, перевалило за шестьдесят.

Мужчина вошел в бар и расстыковался с супругой. Я поймала на себе его изучающий взгляд.

— Прошу прощения, — проговорил он хорошо поставленным голосом. — Вы говорите по-английски?

— Да.

— Не хочу быть невежливым... но вы, случайно, не Сьюзен Райленд?

— Да, это я.

— Позвольте спросить, нельзя ли переговорить с вами, мисс Райленд? Меня зовут Лоуренс Трехерн. А это моя жена Полин.

— Здравствуйте. — Полин Трехерн улыбнулась вежливо, но не дружелюбно. Эта женщина явно не доверяла мне и даже избегала встречаться со мной взглядом.

— Можно предложить вам кофе? — Я задала вопрос осторожно. Я не предлагала посетителям его купить. Не хотелось создавать впечатление, будто я корыстна, но одна мысль не давала мне покоя. Я продала квартиру в Северном Лондоне и ухнула в «Полидорус» большую часть своих сбережений, однако прибыли покуда не получила. Совсем наоборот: хотя мы с Андреасом — тут я была уверена — делали все правильно, но каким-то образом сумели накопить почти десять тысяч евро долга. Наши финансы таяли, и иногда мне казалось, что грань, которая отделяет нас от банкротства, столь же тонкая, как и слой пены на свеже сваренном капучино.

— Нет, спасибо, мы к вам по делу.

Я проводила посетителей за один из столиков в баре. На террасе было уже людно, но Вангелис, исполнявший роль официанта, когда не играл на гитаре, справлялся отлично, да и жара пока еще ощущалась не так сильно.

— Так чем я могу вам помочь, мистер Трехерн?

— Можете обращаться ко мне просто Лоуренс. — Он снял головной убор, обнажив редущие седые волосы и макушку, ухитрившуюся загореть на солнце, и положил панаму перед собой. — Надеюсь, вы простите, что мы без приглашения. У нас есть общий друг, Саджид Хан. Он передает вам привет, кстати.

Саджид Хан? Мне потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить поверенного из городка Фрамлингем в Суффолке. Он был другом Алана Конвея, автора «Английских сорочьих убийств». Когда Алан умер, именно Саджид Хан обнаружил тело. Но я встречалась с этим адвокатом всего пару раз. И едва ли стала бы называть его приятелем или даже хорошим знакомым.

— Вы живете в Суффолке? — спросила я.

— Да. Мы владеем гостиницей близ Вудбриджа. Мистер Хан пару раз оказывал нам услуги. — Лоуренс помедлил, вдруг смутившись. — Я обсуждал с ним на прошлой неделе один непростой вопрос, и он посоветовал поговорить с вами.

Меня удивило, откуда Хан узнал, что я на Крите. Видимо, кто-то ему сообщил, поскольку сама я абсолютно точно этого не делала.

— Вы приехали в такую даль, чтобы поговорить со мной? — поинтересовалась я.

— На самом деле это не так уж далеко, да и к тому же мы все равно путешествовали. Мы остановились в «Минос-Бич». — Он указал на отель, расположенный на противоположной стороне теннисного корта, справа от нашего.

Это подтвердило мое первое впечатление о достатке Трехернов. «Минос-Бич» представлял собой бутик-отель с частными виллами и садом, полным скульптур. Ночь там стоила около трехсот фунтов.

— Я хотел было вам позвонить, — продолжил Лоуренс, — но это дело не из тех, которые стоит обсуждать по телефону.

С каждой минутой разговор становился все более загадочным, и, если честно, меня это настораживало. Четырехчасовой перелет из Лондона, потом еще час езды от Ираклиона. Поездку сюда простой прогулкой не назовешь.

— Так что у вас за дело? — осведомилась я.

— Это связано с убийством.

Последнее слово на мгновение повисло в воздухе. С другой стороны террасы сияло солнце. Стайка местных ребятишек весело смеялась и кричала, плескаясь в водах Эгейского моря. Семьи

сидели за столиками. Я смотрела, как Вангелис проходит со стаканами апельсинового сока и кофе со льдом на подносе.

— А кого убили? — задала я вопрос.

— Человека по имени Фрэнк Пэррис. Вы едва ли слышали о нем, но можете знать название отеля, где произошло убийство. Он называется «Бранлоу-Холл».

— И принадлежит вам?

— Да, так и есть. — Ответ дала Полин Трехерн, заговорив в первый раз за все время нашей беседы. Выражалась она с достоинством коронованной особы и, прежде чем произнести каждое слово, словно бы вырезала его ножницами из остальной фразы. Тем не менее у меня создалось впечатление, что эта женщина принадлежит к среднему классу, наравне со мной.

— Он снял номер на три ночи, — сказал Лоуренс. — И на вторую был убит.

Рой самых разных вопросов кружился у меня в голове. Кто такой Фрэнк Пэррис? Кто его убил? При чем тут я? Но задавать их я не стала. А вместо этого спросила:

— Когда это случилось?

— Примерно восемь лет назад, — пояснил Лоуренс Трехерн.

Полин положила сумочку-клатч на стол рядом с панамой, как если бы это был некий оговоренный заранее знак, что пришел ее черед. Присутствовало в этой даме нечто такое — ее молчаливость, скудость эмоций, — наводившее меня на мысль, что именно она принимает важные решения. Солнечные очки у миссис Трехерн были такие темные, что, когда она обратилась ко мне, я почти впала в транс, наблюдая за двумя отражениями внимательно слушающей себя.

— Вероятно, будет лучше, если я расскажу все с самого начала, — произнесла она в своей сухой манере. — Тогда вам станет понятно, почему мы здесь. Надеюсь, у вас найдется свободное время?

Меня ждало полсотни неотложных дел. Однако я любезно сказала:

— Да, сколько угодно.

— Благодарю вас. — Она собралась с мыслями, а потом начала: — Фрэнк Пэррис работал в рекламном бизнесе. Он только что вернулся в Англию из Австралии, где прожил несколько лет. Его жестоко убили в гостиничном номере в ночь на пятнадцатое июня две тысячи восьмого года. Эта дата навсегда врезалась мне в память, потому как она совпала со свадебным уик-эндом нашей дочери Сесили².

— Этот человек был в числе приглашенных?

— Нет. Мы никогда раньше с ним не встречались. Под свадьбу мы зарезервировали около дюжины номеров. Пригласили только близких: родственников и друзей. В отеле в общей сложности тридцать два номера, и мы решили, вопреки моему разумному мнению — муж, увы, со мной не согласился, — остаться открытыми для прочих посетителей. Мистер Пэррис приехал в Суффолк навестить родных. Снял номер на трое суток. Его убили поздно ночью в пятницу, но тело было обнаружено только в субботу, во второй половине дня.

— Уже после того, как молодые расписались, — пробормотал Лоуренс Трехерн.

— Как его убили?

— Ударили несколько раз молотком. Лицо было ужасно обезображено, и, если бы не бумажник и паспорт, найденные в сейфе, полиция не смогла бы опознать погибшего.

— Сесили была жутко расстроена, — вставил Лоуренс.

— Да, как и мы все. Такой чудесный был день. Сначала церемония бракосочетания в саду, потом обед на сто персон. Погода стояла как по заказу. И все это время мы даже не догадывались, что в комнате наверху, практически над свадебным шатром, лежит в луже крови убитый человек. Сесили и Эйдену пришлось отложить медовый месяц, — добавила Полин, и голос ее, даже спустя столько лет, задрожал от возмущения. — Полицейские запретили им уезжать. Сказали, что об этом не может быть и речи, хотя было очевидно, что молодожены не имеют никакого отношения к убийству.

— Эйден — это муж Сесили?

² Здесь и далее дни недели соответствуют авторскому тексту. — *Примеч. ред.*

— Да. Эйден Макнейл. Наш зять. Молодые собирались поехать в воскресенье утром на Антигуа, но в итоге прошло две недели, прежде чем им это разрешили, а ведь полиция практически сразу арестовала убийцу, так что задерживать их так надолго не было никакой необходимости.

— Так полицейские знали, кто это сделал?

— О да. Это было ясно с самого начала, — пояснил Лоуренс. — Убийцей оказался один из наших сотрудников, румынский иммигрант по имени Штефан Кодреску. Он был разнорабочим и жил в отеле. У него имелось преступное прошлое — мы знали об этом, когда нанимали парня. Мне стыдно признаться, но именно поэтому мы его, собственно, и взяли. — Рассказчик потупил глаза. — Мы с женой участвовали в программе по реабилитации юных правонарушителей, в рамках которой их после освобождения пристраивают на работу. Мы искренне верили в тюремную реформу и давали юношам и девушкам второй шанс: брали их на кухню, убирать комнаты или следить за садом. Вам наверняка известно, что процент рецидива среди тех, кто отбыл заключение, астрономически высок. Так происходит потому, что у этих людей нет возможности снова вернуться к полноценной жизни. Мы тесно взаимодействовали со службой пробации, и там нас заверили, что Штефан подходит по всем критериям. — Трехерн тяжело вздохнул. — Увы, эти люди ошиблись.

— Сесили верила в него, — сказала Полин.

— Она была с ним знакома?

— У нас две дочери, и обе помогают нам в отеле. Когда это произошло, Сесили была управляющей. Собственно говоря, это она проводила собеседование со Штефаном и взяла его на службу.

— Ваша дочь играла свадьбу в том самом отеле, где работала?

— Именно. Это семейный бизнес. Наш персонал — часть нашей семьи. Сесили даже мысли не допускала, чтобы торжество состоялось еще где-то, — заявила Полин.

— И ваша дочь считала Штефана невиновным?

— Поначалу да. И настаивала на этом. В этом-то и беда с Сесили. Она всегда была слишком доброй, доверчивой — такие люди склонны видеть в каждом человеке лучшие стороны. Но улики против Штефана оказались просто сокрушительными. Не знаю даже, с чего начать. Отпечатков пальцев на молотке не обнаружили — их стерли начисто. Но брызги крови нашли на его одежде и на деньгах, взятых у убитого, — они были спрятаны у Штефана под матрасом. Его видели входящим в номер Фрэнка Пэрриса. Да и в любом случае он сознался. Когда это произошло, даже Сесили признала свою ошибку, и на этом все закончилось. Она улетела с Эйденом на Антигуа. Отель постепенно вернулся к нормальной жизни, хотя заняло это много, очень много времени, а в номере двенадцать никто с тех пор не живет. Мы используем его как кладовку. Как я уже сказала, все это случилось давно и, как нам казалось, осталось далеко в прошлом. Но получается, что это не так.

— И что же произошло? — спросила я, заинтригованная вопреки самой себе.

Эстафета перешла к Лоуренсу.

— Штефана приговорили к пожизненному заключению, и он сейчас за решеткой. Сесили писала ему пару раз, но он не ответил, и мы решили, что она про него забыла. Дочь казалась совершенно счастливой, занимаясь делами отеля и, разумеется, погружившись в семейную жизнь с Эйденом. Когда они поженились, ей было двадцать шесть. Она на два года старше мужа. Сесили через несколько месяцев исполняется тридцать четыре.

— Дети у них есть?

— Да. Маленькая девочка. Впрочем, ей теперь уже семь... Роксана.

— Наша первая внучка. — Голос изменил Полин. — Милое дитя. Все, о чем мы могли мечтать.

— Мы с Полин наполовину отошли от дел, — продолжил Лоуренс. — У нас дом в Йере на юге Франции, и мы подолгу живем там. Короче говоря, несколько дней назад позвонила Сесили. Трубку взял я. Было примерно часа два, по французскому времени. Я сразу понял, что дочь была сильно расстроена. Более того, она волновалась. Затрудняюсь сказать, откуда она звонила, но это был вторник, так что, скорее всего, из отеля. Обычно мы некоторое время просто болтаем, но в тот раз Сесили перешла прямо к делу. Сказала, что много размышляла о случившемся...

— Об убийстве?

— Именно. Она заявила, что с самого начала была права и Штефан Кодреску невиновен в преступлении. Я спросил, с чего она так решила, и Сесили ответила, что наткнулась кое на что в одном романе, который ей дали почитать. «Разгадка была там, прямо у меня перед глазами» — это точные ее слова. Потом дочь добавила, что послала книгу мне, и действительно, уже на следующий день я ее получил.

Он полез в карман куртки и достал издание в мягкой обложке. Я сразу узнала его: картинка, шрифт, название. И с этой секунды беседа наша начала обретать смысл.

Это был роман «Аттикус Пюнд берется за дело», третья книга серии, которую сочинял Алан Конвей, а я редактировала для издательства «Кловерлиф букс». Я сразу припомнила, что действие там по большей части развивается в отеле, но в графстве Девон, а не в Суффолке, и происходит в 1953 году, а не в наши дни. В памяти всплыл званый вечер в германском посольстве в Лондоне. Алан тогда еще выпил лишнего и оскорбил посла.

— Конвей знал про убийство? — осведомилась я.

— О да. Спустя шесть недель после трагедии Алан Конвей приезжал в отель и прожил там несколько дней. Мы оба встречали его. Он сказал, что был другом жертвы, Фрэнка Пэрриса, и задал нам кучу вопросов про убийство. И с персоналом тоже разговаривал. У нас даже мысли не было, что он собирается обратить всю эту историю в развлечение. Будь Конвей с нами откровенен, мы бы вели себя более осмотрительно.

Именно поэтому он и слухавил, подумалось мне.

— Книгу вы прежде не читали? — уточнила я.

— Мы напрочь забыли о его визите, — признал Лоуренс. — К тому же мистер Конвей предусмотрительно не выслал нам экземпляр. — Он помедлил. — Но потом Сесили прочла роман и обнаружила там нечто такое, что проливает новый свет на случившееся в «Бранлоу-Холле»... По меньшей мере так ей показалось. — Трехерн посмотрел на жену, как бы ища поддержки. — Мы с Полин тоже прочитали книгу, однако не нашли никакой связи с реальными событиями.

— Совпадения есть, — признала Полин. — Во-первых, все персонажи узнаваемы и явно списаны с людей, которых мистер Конвей встречал в Вудбридже. Даже имена те же самые... или очень похожие. Вот только мне кажется, что ему нравилось искажать образы людей так, что они становились ужасной карикатурой на самих себя. Например, прототипами владельцев «Мунфлауэра», отеля из книги, очевидно, являемся мы с Лоуренсом. Но они оба мошенники. Зачем ему это понадобилось? Мы в жизни не совершали бесчестных поступков.

Полин была скорее возмущена, чем взволнована, и посмотрела на меня так, словно это я во всем виновата.

— Отвечая на ваш вопрос, скажу: мы понятия не имели, что книга вообще опубликована, — продолжил Лоуренс. — Сам я не поклонник детективов. Да и никто у нас в семье их не читает. Саджид Хан сказал, что мистера Конвея уже нет в живых. Может, это и к лучшему, потому как нас очень сильно подмывало выдвинуть против него иск.

— Так. Давайте перейдем к делу, — произнесла я. У меня создавалось странное ощущение: факты громоздились друг на друга, но при этом я чувствовала, что супруги чего-то недоговаривают. — Вы допускаете, что вопреки уликам, не говоря уже о признании вины, Штефан Кодреску на самом деле не убивал Фрэнка Пэрриса, а Алан Конвей, посетив ваш отель, за считанные дни сумел выяснить, кто настоящий преступник. А потом неким образом указал на этого человека в своем романе «Аттикус Пюнд берется за дело».

— Точно.

— Но, Полин, это лишено смысла. Если бы Алан знал имя убийцы и понимал, что невиновный томится в тюрьме, он наверняка пошел бы в полицию! С какой стати ему зашифровывать истину в художественном произведении? Кто сумеет ее там отыскать?

— Именно поэтому мы здесь, Сьюзен. По словам Саджида Хана, вы знали Алана Конвея лучше, чем кто-либо другой. Вы редактировали эту книгу. Если в ней и впрямь что-то спрятано, то кто это найдет, если не вы?

— Минуточку. — Наконец я поняла, где нестыковка. — Все началось, когда ваша дочь заметила что-то в тексте романа. Она первой прочла «Аттикус Пюнд берется за дело», а затем послала книгу вам. Так?

— Да. — Полин кивнула. — Но мы не знаем, что именно Сесили обнаружила.

— Так почему бы вам просто не позвонить ей и не спросить, о чем идет речь?

Ответ на мой вопрос дал Лоуренс Трехерн:

— Разумеется, мы звонили ей. Мы оба прочли книгу, а потом несколько раз звонили дочери из Франции. Наконец трубку взял Эйден и сообщил нам, что случилось. — Он помедлил. — Дело в том, что Сесили пропала.

Отъезд

Тем вечером я сорвалась на Андреаса. Честное слово, я не собиралась, но день принес столько неудач, одну за другой, что мне захотелось наорать либо на луну, либо на него, а он попросту оказался ближе.

Началось с того, что милая семейная пара, Брюс и Бренда из Маклсфилда, оказалась в итоге не такой уж милой. Эти двое потребовали предоставить им пятидесятипроцентную скидку по счету, иначе они разместят на сайте *TripAdvisor* весь перечень претензий, накопившихся с самого дня заезда, и тогда, заверили они, к нашему отелю и близко никто не подойдет. И что же это оказались за жалобы? Целый час не работал вайфай. Ночью кто-то играл на гитаре. Замечен одинокий таракан. Сильнее всего меня бесило, что Брюс и Бренда жаловались каждое утро, с неизменными кислыми улыбочками, и я с самого начала понимала, что они намерены выкинуть фокус. У меня появилась встроенная антенна, при помощи которой я безошибочно определяла туристов, включающих вымогательство в свои планы на отдых. Вы удивитесь, узнав, как их много.

Панос в тот день не вышел на работу. Вангелис опоздал. Компьютер Андреаса глюканул — а я ведь давно просила его посмотреть — и ухитрился отправить в спам запросы на бронирование двух номеров. Когда мы это обнаружили, клиенты уже заказали комнаты в другом месте. Перед сном мы пропустили по стаканчику «Метаксы», местного бренди, единственного достойного в Греции, но настроение у меня не улучшилось, и, когда Андреас спросил меня, что не так, я наконец не выдержала.

— Что не так? Да все, черт побери! Какого хрена вообще спрашивать, неужели не ясно?!

Я, вообще-то, не употребляю крепких выражений... по крайней мере, в адрес людей, которые мне нравятся. Лежа в постели и глядя на раздевающегося Андреаса, я злилась на себя. Я испытывала весьма противоречивые чувства: мне хотелось обвинить Андреаса во всем, что случилось с момента моего приезда на Крит, но в то же время я терзалась угрызениями совести за то, что подвела его. Однако хуже всего было ощущение беспомощности: события текли своим чередом, и я плыла по течению, а не направляла его. Неужели я осознанно выбрала жизнь, где совершенно чужие люди имеют право унижить меня из-за пары евро и где все мое благосостояние рухнет из-за сорвавшейся брони?

В этот миг я поняла, что должна вернуться в Англию и что на самом деле я уже некоторое время хотела этого, даже если и пыталась убедить себя в обратном.

Андреас почистил зубы и вернулся из ванной голым, каким всегда ложился в постель, напоминая одну из тех фигур — эфеба, а быть может, сатира, — которые можно увидеть на античных вазах. Мне подумалось, что за пару минувших лет он стал в большей степени греком, чем раньше. Его черная шевелюра сделалась чуть более косматой, глаза немного потемнели, а в манерах появилась некая вальяжность, какой я не замечала в бытность Андреаса преподавателем в Вестминстерской школе. Он также прибавил в весе, хотя, возможно, его животик, не замаскированный пиджаком, просто стал чаще попадаться мне на глаза. Меня по-прежнему влекло к нему. Но при этом мне вдруг захотелось с ним расстаться.

Я выждала, когда Андреас уляжется. Спали мы под одной простыней, с открытыми окнами. Комары в такой близости от моря почти не водились, и я предпочитала ночную свежесть искусственно охлажденному воздуху из кондиционера.

— Андреас... — начала я.

— Чего?

Если бы я не помешала, он бы заснул через несколько секунд. Голос у него уже был сонный.

— Я хочу вернуться в Англию.

— Что? — Он повернулся и приподнялся на локте. — Зачем?

— У меня там есть одно дело.

— В Лондоне?

— Нет. Я поеду в Суффолк. — (Он смотрел на меня в упор, и лицо его приняло крайне озабоченное выражение.) — Это ненадолго, — сказала я. — Всего на пару недель.

— Но, Сьюзен, ты необходима здесь, в отеле.

— Нам нужны деньги, Андреас. Мы не сможем платить по счетам, если не раздобудем дополнительные финансы. А мне за эту работу предлагают большую сумму. Десять тысяч фунтов. Наличными!

Это была правда.

Поведав мне про убийство в отеле, Трехерны принялись рассказывать об исчезновении дочери.

— Это очень не похоже на Сесили — уйти, никому ничего не сказав, — заметил Лоуренс. — Тем более бросив малышку...

— Кто присматривает за ребенком? — спросила я.

— Эйден. И еще есть няня.

— Это не просто «не похоже на нее». — Полин одарила мужа испепеляющим взглядом. — Сесили в жизни не совершала ничего подобного и уж тем более не бросила бы Роксану на произвол судьбы. — Она обратилась ко мне: — Если сказать по правде, Сьюзен, мы безумно тревожимся. И хотя Лоуренс может не согласиться, я убеждена, что исчезновение как-то связано с этой книгой.

— Я согласен, — буркнул Лоуренс.

— А кто-нибудь еще был в курсе ее забот? — задала я вопрос.

— Я уже говорил, что Сесили звонила нам из «Бранлоу-Холла», а значит, любой из персонала мог подслушать ее.

— Я имею в виду, делилась ли она с кем-то своими подозрениями?

Полин Трехерн покачала головой:

— Мы несколько раз пытались связаться с ней из Франции, но так и не смогли. И тогда набрали Эйдена. Он нам не звонил, не желая волновать, но, как выяснилось, обратился в полицию в тот самый день, когда Сесили пропала. К сожалению, полицейские не приняли его заявление всерьез... По крайней мере, сначала. Они предположили, что это могло стать результатом ссоры между супругами.

— А у них были проблемы в семейной жизни?

— Никаких, — ответил Лоуренс. — Они всегда жили душа в душу. Полицейские допросили Элоизу — это няня, — и она сказала то же самое. Она никогда не слышала, чтобы Сесили с мужем ссорились.

— Эйден — идеальный зять. Умный и трудолюбивый. Нам остается только желать, чтобы Лиза — это вторая наша дочь — нашла кого-то вроде него. И он переживает не меньше нашего!

Всякий раз, когда Полин обращалась ко мне, у меня создавалось впечатление, будто она борется с чем-то. Неожиданно она достала пачку сигарет и закурила. Полин курила жадно, как человек, только что дорвавшийся до табака после долгого воздержания.

Сделав затяжку, моя собеседница продолжила:

— Ко времени нашего возвращения в Англию полицейские соизволили наконец-то проявить интерес. Но проку от них оказалось не так уж много. Сесили отправилась выгулять пса. У нее есть косматый золотистый ретривер по кличке Медведь. Мы всегда держали собак. Из отеля она уехала в три часа пополудни и припарковала машину у станции Вудбридж. Дочь часто гуляла по тропе у реки, я имею в виду реку Дебен. Есть там круговая тропа, идущая вдоль берега, и в самом начале она довольно оживленная. Но затем дорожка становится шире и безлюднее, потом вы проходите по ней через лес и на другой его стороне попадаете на дорогу, ведущую обратно через деревню Мартлшем.

— Значит, если кто-то на нее напал...

— В Суффолке такого не бывает. Но вы правы, там есть достаточно мест, где Сесили могла оказаться совершенно одна и ее никто видел. — Полин вздохнула и продолжила: — Эйден встревожился, когда жена не вернулась домой к ужину, и вполне резонно позвонил в полицию. Приехали два офицера в форме, задали несколько вопросов, но тревогу подняли только на следующее утро, когда, разумеется, было уже поздно. Причиной послужило то, что объявился

Медведь — он один прибежал на станцию, и тогда к делу стали относиться с большей серьезностью. С помощью служебных собак полицейские прочесали местность от Мартлшема до самого Мелтона. Никакого прока. Там сплошь поля, леса, илистые болота... Предостаточно мест, где можно спрятаться. Они ничего не нашли.

— Сколько времени прошло с ее исчезновения? — спросила я.

— В последний раз Сесили видели в прошлую среду.

Я уловила, как опустилась тишина. Пять дней. Долгий период, настоящая пропасть, в которую провалилась Сесили.

— Вы проделали длинный путь, чтобы найти меня, — произнесла я наконец. — Чего же именно вы от меня хотите?

Полин посмотрела на мужа.

— Ответ содержится в этой книге, — сказал он. — В романе «Аттикус Пюнд берется за дело». Вы знаете его лучше, чем кто-либо другой.

— Следует заметить, прошло уже несколько лет с тех пор, как я его читала, — призналась я.

— Вы сотрудничали с автором, этим самым Аланом Конвеем. Вам известно, как работал его ум. Если мы попросим перечитать роман, вы наверняка сможете заметить вещи, на которые не обратили внимания прежде. А если вы приедете в «Бранлоу-Холл» и прочтете книгу, так сказать, прямо на месте действия, вероятно, обнаружите то, что уловила Сесили и что побудило ее позвонить нам. И это, в свою очередь, поможет выяснить, что случилось с нашей дочерью.

Когда Лоуренс произносил последние слова, «что случилось с нашей дочерью», голос изменил ему. Могла существовать какая-нибудь совершенно простая и банальная причина ее исчезновения, но это было маловероятно. Сесили что-то знала. Она представляла для кого-то угрозу. Эту мысль лучше было не озвучивать.

— Вы разрешите? — спросила я и позаимствовала у Полин Трехерн сигарету.

Моя пачка осталась за стойкой бара. Полноценный ритуал: вытащить сигарету, прикурить, сделать первую затяжку — давал мне время подумать.

— Я не могу поехать в Англию, — сказала я наконец. — Боюсь, у меня тут слишком много забот. Но книгу я прочитаю, если вы не против оставить мне свой экземпляр. Не обещаю, что мне на ум и впрямь придет что-то дельное. Я имею в виду, что помню сюжет, и он не вполне сходен с тем, что вы мне рассказали. Но я могу сообщить вам свои соображения по электронной почте...

— Нет. Так не пойдет. — Полин уже приняла решение. — Вам нужно переговорить с Эйденом и Лизой. И с Элоизой, раз уж на то пошло. И встретиться с Дерексом, ночным администратором. Он дежурил в ту ночь, когда убили Фрэнка Пэрриса, и его допрашивал следователь. Он тоже фигурирует в книге Алана Конвея, хотя там его обозвали Эриком. — Женщина просительно наклонилась ко мне. — Мы не отнимем у вас много времени.

— И мы хорошо вам заплатим, — добавил Лоуренс. — Денег у нас достаточно, и мы не поскупились, если это поможет найти нашу дочь. — Он помедлил. — Скажем, десять тысяч фунтов?

Услышав это заявление, Полин недовольно покосилась на мужа, и мне подумалось, что тот без согласия супруги значительно увеличил, быть может, даже удвоил ту сумму, какую они собирались предложить мне изначально. Вот чего я добилась своими отговорками. Мне показалось на миг, что у Полин готово сорваться с языка возражение, но потом она смирилась и кивнула.

Десять тысяч фунтов. Я подумала, что давно пора заново оштукатурить балкон. Приобрести Андреасу новый компьютер. И заменить холодильник для мороженого, который уже дышит на ладан. А также вспомнила бесконечные сетования Паноса и Вангелиса насчет повышения зарплаты.

— Ну разве я могла отказаться? — так я сказала Андреасу в нашей спальне поздно ночью. — Нам нужны деньги, да и, кроме того, может, мне и удастся помочь этим людям в поисках дочери.

— Думаешь, Сесили еще жива?

— Вполне возможно. Но даже если и нет, быть может, я смогу выяснить, кто ее убил.

Андреас сел. Он целиком стряхнул сон и явно встревожился за меня. Я почувствовала себя виноватой за доставленное ему беспокойство.

— Сьюзен, когда ты в прошлый раз отправилась на поиски убийцы, это закончилось не слишком удачно, — напомнил он.

— Сейчас дело обстоит иначе. Эта история не имеет никакого отношения ко мне лично.

— Что служит лишним доводом не лезть в нее.

— Возможно, ты прав. Но...

Я приняла решение, и Андреас это знал.

— К тому же мне по-любому требуется передышка, — заявила я. — Уже два года прошло, Андреас, и, за исключением выходных на Санторини, мы нигде не были. Я совершенно вымоталась: постоянно приходится тушить пожар, без конца крутиться, чтобы все работало. Думаю, ты меня понимаешь.

— Ты хочешь передохнуть от отеля или от меня? — спросил он.

Я не была уверена, что знаю ответ на этот вопрос.

— Где ты остановишься? — продолжил пытаться меня Андреас.

— У Кэти. Будет здорово повидаться с сестрой. — Я положила руку ему на плечо и ощутила теплую плоть и рельеф мускулов. — Ты прекрасно справишься и без меня. Я попрошу Нелл прийти и помочь. И мы будем каждый день созваниваться.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, Сьюзен.

— Но ты же не собираешься останавливать меня?

Некоторое время он молчал, и я видела, как в нем происходит борьба: мой Андреас против Андреаса-грека.

— Нет, не собираюсь, — сказал он наконец. — Ты вправе делать то, что считаешь нужным.

Два дня спустя Андреас доставил меня в аэропорт Ираклиона. По дороге из Айос-Николаоса, когда проезжаешь мимо Неаполи и Лассити, встречаются воистину красивейшие участки. Местность там дикая и пустынная, вдали тянутся горы, и ощущение такое, что минули тысячелетия, а этот край почти совсем не изменился. Даже автомагистраль, начинающаяся после Малии, проложена среди захватывающего дух ландшафта, а к концу она идет на спуск, и перед тобой вдруг открывается широкий пляж из белого песка. Возможно, именно поэтому мне взгрустнулось — при мысли о том, что я оставляю позади. Внезапно все трудности и вся рутина управления «Полидорусом» выветрились из памяти. Вспоминались ночи, волны и pansélinos — полная луна. Вино. Смех. Моя простая жизнь.

Собираясь в дорогу, я сперва намеренно достала самую маленькую из сумок. Я подразумевала, что для Андреаса и меня самой такой выбор должен был стать свидетельством, что это всего лишь короткая деловая поездка и совсем скоро я буду дома. Но, роясь в гардеробе и глядя на одежду, которую не носила два года, я поймала себя на мысли, что навалила на кровать гору вещей. Меня ждет возвращение в английское лето, а это значит, что будет жарко и холодно, сыро и сухо — и все в один день. Жить мне предстоит в дорогом загородном отеле. Там, не исключено, действует дресс-код для ужина. И мне платят десять тысяч фунтов. Нужно выглядеть профессионалом.

Поэтому, приехав в аэропорт Ираклиона, я тащила за собой старый чемодан на колесиках. И эти самые колесики назойливо скрипели, катясь по бетонному полу. Мы остановились на минуту в зале ожидания, под резкими струями кондиционированного воздуха и еще более резким светом электрических ламп.

Андреас обнял меня.

— Обещай, что будешь осторожна. И позвони, как только доберешься до места. Мы можем использовать «Фейстайм».

— Если вайфай не подведет!

— Обещай, Сьюзен.

— Обещаю.

Взяв обеими руками за плечи, он поцеловал меня. Я улыбнулась ему и покатила чемодан по направлению к дородной хмурой гречанке в синей форме. Она проверила мой паспорт и билет, а потом отправила проходить досмотр. Я обернулась и помахала.

Но Андреас уже ушел.

Опилки

Возвращение в Лондон стало своего рода потрясением. После долгого пребывания в Айос-Николаосе, по сути всего лишь разросшейся рыбацкой деревушке, я очутилась посреди мегаполиса и оказалась совершенно не готова к его быстрому ритму, шуму и скоплению людей на улицах. Все выглядело более серым, чем мне запомнилось, и трудно было смириться с пылью и бензиновыми выхлопами. От обилия новых сооружений у меня голова пошла кругом. Виды, к которым я привыкла за всю свою взрослую жизнь, изменились за каких-то два года. Многочисленные мэры столицы, с их любовью к высоткам, позволили разным архитекторам изуродовать пейзаж своими творениями, и в результате все вокруг было и чужим и знакомым одновременно. По пути из аэропорта я ехала на заднем сиденье черного такси вдоль Темзы, и строящийся квартал жилых и офисных зданий вокруг электростанции Баттерси чем-то напомнил мне поле боя. Здесь словно бы произошло вторжение неприятеля, и все эти краны с их мигающими красными огнями казались чудовищными стервятниками, клюющими разбросанные по земле невидимые трупы.

Первую ночь я решила провести в гостинице, и, честно говоря, мне было не по себе. Коренная жительница Лондона, я опустилась до статуса гостя столицы и возненавидела отель «Премьер инн» в Фаррингдоне. Не по его вине — в заведении было чисто и уютно, — а просто потому, что вынуждена была там остановиться. Сидя на кровати с розовато-лиловыми подушками и логотипом в виде «спящей луны», я чувствовала себя совершенно несчастной. Я уже скучала по Андреасу. Я отправила ему из аэропорта эсэмэску, но знала, что если вызову его по «Фейстайм», то непременно расплачусь, и это докажет, что он был прав и мне не следовало уезжать. Чем скорее я попаду в Суффолк, тем лучше. Но я не была пока готова к этому путешествию. До отъезда мне требовалось уладить пару дел.

После беспокойного сна и завтрака: яйцо, сосиска, бекон, бобы — все как в любом отеле экономичной ценовой категории, — я направилась на вокзал Кингс-Кросс, в одно из гаражных хранилищ, устроенных в арке под железнодорожной линией. Перебираясь на Крит, я продала квартиру в Крауч-Энде и почти все, что в ней было, но в последний момент решила до поры не расставаться с машиной, ярко-красным родстером «Эм-Джи-Би», купленным в момент помрачения рассудка, совпавшим с сороковым моим днем рождения. Я не собиралась больше на ней ездить, и хранить ее было безумным чудачеством — за эту привилегию приходилось выкладывать по сто пятьдесят фунтов каждый месяц. Но я просто не могла заставить себя расстаться с «Эм-Джи-Би», и в ту минуту, когда двое молодых людей выкатили мой родстер, это напомнило встречу со старым другом. И даже больше: этот автомобиль был частью прежней жизни, вернувшейся ко мне. Уже просто от заскрипевшей подо мною кожи водительского сиденья, деревянного рулевого колеса и донельзя старомодного радиоприемника над коленками я ощутила прилив симпатии к самой себе. Я дала себе слово, что, если вернусь на Крит, заберу авто с собой — и к чертям проблемы с регистрацией в греческой автоинспекции и с левосторонним движением. Стоило повернуть ключ, и машина завелась с пол-оборота. Я нажала пару раз на акселератор, наслаждаясь довольным урчанием двигателя, а потом тронулась с места и покатила по Юстон-роуд.

Стояло еще утро, и трафик был не таким уж плотным — без пробок. Возвращаться прямо в отель не хотелось, поэтому я прокатилась по Лондону, просто от нечего делать, чтобы посмотреть что да как. Железнодорожную станцию Юстон перестраивали. Гауэр-стрит была разбитой, как всегда. Едва ли стоило считать случайным совпадением, что я оказалась в Блумсбери, в окрестностях Британского музея, но воистину без всякого осознанного намерения проехала мимо «Клоуверлиф букс», независимого издательского дома, в котором проработала одиннадцать лет. Точнее сказать, мимо того, что от него осталось. Здание стояло разрушенным, с заколоченными окнами и закопченными стенами, в окружении строительных лесов, и мне пришла мысль, что

страховая компания отказалась платить. Видимо, поджог и попытка убийства не были включены в полис.

Я подумывала сгонять в Крауч-Энд, дав «Эм-Джи» всерьез поразмяться, но решила, что это подействует на меня слишком угнетающе. К тому же меня ждала работа. Оставив машину на площадке «Национальных автостоянок» в Фаррингдоне, я пешком вернулась в гостиницу. Освободить номер предстояло только через час, и я скоротала его в обществе кофемашины, двух пачек бесплатного печенья и Интернета. Открыв ноутбук, я стала по очереди вводить в строку поиска: «Бранлоу-Холл», Штефан Кодреску, Фрэнк Пэррис, убийство.

И вот какие статьи нашла: детективная загадка, лишенная интриги и рассказанная всего в четырех независимых друг от друга главах.

«Ист-Энглиан дейли таймс», 18 июня 2008 года

В ПРЕСТИЖНОМ ОТЕЛЕ УБИТ ПОСТОЯЛЕЦ

Полиция расследует убийство пятидесятирехлетнего мужчины, труп которого был обнаружен в пятизвездочном отеле «Бранлоу-Холл», расположенном близ Вудбриджа в Суффолке. Это заведение, где одна ночь в номере люкс стоит триста фунтов, очень популярно среди знаменитостей при проведении свадеб и вечеринок. Гостиница также используется как место для съемок многих телевизионных программ, включая сериал «Молодой Морс» и передачу «Антикварные гастроли».

Жертвой оказался постоялец по имени Фрэнк Пэррис, известный человек в рекламном бизнесе, удостоившийся наград за работы для «Барклиз банк» и организации по защите прав сексуальных меньшинств «Стоунволл». Он дорос до креативного директора компании «Маккан-Эриксон» в Лондоне, а затем отправился в Австралию, где основал собственное агентство. Семьи у погибшего не было.

Детектив-суперинтендант Ричард Локк, ведущий расследование, заявил: «Это было особо жестокое убийство, совершенное преступником-одиночкой с целью грабежа. Похищенные у мистера Пэрриса деньги найдены, и в ближайшее время мы произведем арест злоумышленника».

Убийство произошло в ночь перед свадьбой Эйдена Макнейла и Сесили Трехерн, дочери владельцев отеля, Лоуренса и Полин Трехерн.

Тело было обнаружено вскоре после церемонии бракосочетания, проводившейся в саду гостиницы. Обе супружеские пары воздерживаются от комментариев.

«Ист-Энглиан дейли таймс», 20 июня 2008 года

ЗАДЕРЖАН ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В ВУДБРИДЖСКОМ УБИЙСТВЕ

В связи с жестоким убийством бывшего рекламщика в «Бранлоу-Холле», известном суффолкском отеле, полиция арестовала мужчину двадцати двух лет.

Детектив-суперинтендант Ричард Локк, ведущий расследование, сообщил: «Это было ужасное преступление, совершенное без всякой жалости. Моя команда работала очень быстро и тщательно, и я рад заявить, что мы смогли арестовать злоумышленника. Хочу высказать свое искреннее сочувствие молодоженам, особый день в жизни которых оказался омрачен столь печальными событиями».

Подозреваемый задержан и предстанет перед Ипсуичским уголовным судом на следующей неделе.

«Дейли мейл», 22 октября 2008 года

ПОЖИЗНЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДЛЯ УСТРОИВШЕГО «КОШМАР С МОЛОТКОМ» СУФФОЛКСКОГО УБИЙЦЫ

Решением Ипсуичского уголовного суда румынский иммигрант Штефан Кодреску был приговорен к пожизненному заключению за убийство пятидесятирехлетнего Фрэнка Пэрриса, совершенное в номере люкс престижного отеля «Бранлоу-Холл» близ Вудбриджа, Суффолк. Пэррис, которого называли обладателем «блестящего креативного мышления», незадолго перед этим вернулся из Австралии и собирался уйти на покой.

Штефан Кодреску, сознавшийся в жестоком убийстве, въехал в Соединенное Королевство в возрасте двенадцати лет. Еще будучи подростком, он привлек внимание лондонской полиции, расследующей деятельность румынских ОПГ, занимающихся операциями с поддельными кредитными карточками, украденными паспортами и фальшивыми удостоверениями личности. В девятнадцать лет Кодреску был арестован за кражу со взломом при отягчающих обстоятельствах и нападение. Его приговорили к двум годам лишения свободы.

Лоуренс Трехерн, владелец «Бранлоу-Холла», присутствовал в зале суда при оглашении приговора. Он сообщил, что нанял Кодреску, проработавшего в гостинице пять месяцев, в рамках программы реабилитации юных преступников. Мистер Трехерн сказал, что не сожалеет о своем поступке. «Мы с женой потрясены смертью мистера Пэрриса, — заявил он. — Но я по-прежнему верю, что молодые люди должны получить шанс на возвращение в нормальное общество».

Оглашая приговор Кодреску, судья Азра Рашид справедливо заметил: «Несмотря на преступное прошлое, вы получили уникальную возможность изменить свою жизнь. Но вместо этого совершили жестокое убийство ради наживы и тем самым предали доверие своих нанимателей, которые руководствовались самыми благими намерениями».

На суде обнародовали тот факт, что Кодреску, которому исполнилось уже двадцать два года, влез в долги, играя в онлайн-покер и на автоматах. Адвокат обвиняемого, Джонатан Кларк, сказал, что его подзащитный потерял связь с реальностью. «Он жил в виртуальном мире, а долги нарастали как снежный ком, и в конце концов ситуация вырвалась из-под контроля. Случившееся той ночью имело причиной своего рода безумие... помрачение рассудка».

Напомним, что на Пэрриса напали с молотком и избили так зверски, что его невозможно было опознать. Детектив-суперинтендант Локк, произведший арест, признался, что это было «самое мерзкое дело из всех, какие ему приходилось вести».

Представитель благотворительного общества «Скрин конселлинг», расположенного в Норидже, призвал Комиссию по игорному бизнесу запретить делать онлайн-ставки при помощи кредитных карт.

Такова была история: начало, кульминация и конец. Однако, порыскав по Интернету, я обнаружила кое-какую информацию, способную, образно выражаясь, послужить заключительным аккордом всей этой композиции, если бы не последние сведения, полученные мною от Трехернов.

«Кэмпейн», 12 мая 2008 года

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК ДЛЯ «САНДОУНЕРА»

Зарегистрированное в Сиднее рекламное агентство «Сандоунер», основанное Фрэнком Пэррисом, бывшим креативным директором компании «Маккан-Эриксон», вышло из бизнеса. Австралийская комиссия по безопасности и инвестициям, этот официальный финансовый сторожевой пес, подтверждает, что после всего трех лет работы агентство прекращает свою деятельность.

Пэррис, начинавший карьеру копирайтером, на протяжении двух десятилетий был заметной фигурой на лондонской рекламной сцене, заслужив престижные награды за работу для «Барклиз банк» и «Домино-Пицца». В 1997 году он также разрабатывал для общества «Стоунволл» кампанию «Экшн Фэг», направленную на защиту прав геев в вооруженных силах и вызвавшую в обществе весьма неоднозначную реакцию.

Сам Пэррис не скрывал своей сексуальной ориентации и прославился экстравагантными и роскошными вечеринками. Ходят слухи, что переезд в Австралию был продиктован стремлением несколько заретушировать его публичный имидж.

В первый месяц «Сандоунер» получил несколько крупных заказов, включая рекламу солнечных очков «Фон Зиппер», шоколада «Вэгон Вилс» и обуви «Кастом». Однако этот кратковременный успех совпал с падением рынка, приведшим к значительному снижению потребительского спроса и затрат на продвижение товаров. Поскольку в Австралии быстро набирают обороты интернет-реклама и видеоролики в Сети, становится очевидным, что «Сандоунер», сделав

ставку на традиционную рекламу, а не на цифровые технологии, тем самым ускорил для себя визит в салун последней надежды.

Так, и что можно было почерпнуть из всей этой информации?

Ладно, допустим, во мне заговорил редактор, но я отметила, что во всех заметках убийство описывалось как жестокое, как будто кого-то убивают нежно или с жалостью. Обрисовывая персону Фрэнка Пэрриса, журналисты оперировали теми немногими деталями, что имелись в их распоряжении: отмечен наградами, гей, экстраверт, в конечном счете неудачник. Это не помешало «Мейл» характеризовать его как обладателя «блестящего креативного мышления». Впрочем, пресса готова была простить Пэррису почти все, что угодно: ведь, в конце концов, он был убит румынским иммигрантом. В самом ли деле Штефан Кодреску состоял в банде, торгующей паспортами, фальшивыми кредитками и прочим? Никаких свидетельств этого не приводилось, а то, что полиция на тот момент занялась румынскими преступными группировками, могло оказаться чистым совпадением. Арестован он в итоге был за кражу со взломом.

Что же касается «блестящего креативщика» Фрэнка Пэрриса, то возникал вопрос: какими судьбами его занесло в отель в Суффолке, да еще накануне свадьбы, на которую он не был приглашен? Полин Трехерн сказала, что Пэррис приехал навестить родственников. Но почему тогда он не остановился у них?

Упоминание про суперинтенданта Локка меня встревожило. Мы встречались с ним после гибели Алана Конвея и, признаюсь честно, не слишком поладили. Как сейчас его помню: этот здоровенный, донельзя рассерженный офицер полиции ввалился в кафешку на окраине Ипсуича, орал на меня минут пятнадцать, а потом ушел. Алан срисовал с него одного из своих персонажей, и Локк сорвал зло на мне. У него ушло меньше недели, чтобы вычислить Штефана, арестовать его и предъявить обвинение в убийстве. Ошибся ли суперинтендант? Согласно газетным материалам (и, если уж на то пошло, рассказу Трехернов), все это дело выглядело ясным как день.

Однако восемь лет спустя Сесили Трехерн пришла к иным выводам. И загадочным образом исчезла.

В Лондоне дел у меня больше не оставалось. Напрашивалась идея поговорить со Штефаном Кодреску, что означало навестить его в тюрьме. Но я даже не знала, где его содержат, и Трехерны тут помочь не могли. Как же получить необходимые сведения? Я снова полезла в Интернет, но ничего не нашла. А потом вспомнила про одного знакомого автора, Крейга Эндрюса. Писательством он занялся поздно, и мне довелось редактировать первый его роман — триллер, действие которого происходит в тюрьме. Помнится, при прочтении меня впечатлила жесткость его стиля наряду с достоверностью описаний. Автор явно глубоко погрузился в тему.

Разумеется, у него теперь был другой издатель. «Клоуверлиф букс» оказало литератору скверную услугу, выйдя из бизнеса и сгорев дотла, но, с другой стороны, дебют оказался успешным, и мне встречались положительные рецензии на новую книгу Эндрюса в «Мейл он Санди». Терять было нечего, поэтому я написала ему на электронную почту, сообщив, что вернулась в Англию, и попросила помочь мне установить местонахождение Штефана Кодреску. Уверенности, что Крейг ответит, не было.

Затем я упаковала ноутбук, взяла чемодан и выручила свой «Эм-Джи» со стоянки, где за унылый грязный угол, в котором стоял автомобиль, мне предъявили чек на несуразную сумму. Вид любимой машины до сих пор приводил меня в восторг. Я запрыгнула на сиденье и несколько секунд спустя съехала под рокот мотора по пандусу на Фаррингдон-роуд и взяла курс на Суффолк.

«Бранлоу-Холл»

На время пребывания в Суффолке я могла остановиться у сестры, но Трехерны предложили разместить меня бесплатно в своем отеле, и я предпочла согласиться. Истинная причина заключалась в том, что меня не радовала перспектива провести столь продолжительное время в обществе Кэти. Она была на два года моложе меня, и, глядя на сестру, имевшую двух очаровательных детей, уютный дом, успешного мужа и близких друзей, я невольно сравнивала все это со своей неустроенной жизнью и испытывала комплекс неполноценности. Когда после трагических событий в «Клоуверлиф букс» я решила уехать на Крит, Кэти обрадовалась, видя в этом поступке своего рода обращение к нормальному семейному укладу, и мне не хотелось объяснять сестре, почему я вернулась. Не то чтобы Кэти стала осуждать меня. Скорее уж это я чувствовала бы себя виноватой.

В любом случае имело смысл обосноваться прямо на месте преступления, где до сих пор собрано такое множество свидетелей. Так что я обогнула Ипсуич и выехала на трассу A12, миновав правый поворот на Вудбридж. Вместо этого я проехала еще пять миль, до солидного указателя (черный фон, золотые буквы), и по узкой дорожке, вьющейся между живыми изгородями с вкраплениями алых маков, добралась до каменных ворот, за которыми раскинулась старинная усадьба рода Бранлоу, занимающая обширный участок суффолкской земли.

Полагаю, что, учитывая, сколь многое из того, о чем рассказывается на этих страницах, произошло именно здесь, мне следует описать сие место самым тщательным образом.

Итак... Это был красивый особняк — нечто среднее между домом помещика, замком и французским шато: строго квадратное здание, окруженное лужайками с вкраплениями декоративных деревьев и густым лесом на заднем плане. В какой-то период истории поместья лес этот, видимо, окружал дом, потому как гравийная подъездная дорожка, сбивая с толку, вела к боковой стене с несколькими окнами, но без двери, тогда как настоящий вход располагался за углом и глядел на другую сторону.

Именно так, стоя лицом к фасаду дома, можно было оценить все его великолепие: парадная дверь с арочным портиком, готические башни и зубчатые стены, гербы, каменные трубы, соединенные, надо понимать, со множеством каминов. Окна были двойной высоты, с наличниками, украшенными лепными головами давно забытых лордов и леди. По краю крыши расселось немалое число каменных птиц, с орлом в каждом углу, а над парадной дверью помещалась прекрасной работы сова с раскинутыми в стороны крыльями. Глядя на нее, я припомнила, что видела изображение совы на указателе снаружи. Это был логотип отеля, нанесенный также на меню и почтовую бумагу.

Дом был окружен невысокой стеной с одной стороны и заборчиком с другой, и от него веяло безмятежностью, как если бы здание специально отгородили от реального мира. Слева, то есть в стене, противоположной подъездной дорожке, имелась целая серия неброских, более современного дизайна дверей, выходящих из бара на очень ровную, красиво подстриженную лужайку. Именно на ней и проходил восемь лет назад свадебный обед. Правее и немного позади располагались две уменьшенные версии главного особняка. Одна представляла собой часовню, а вторая — зернохранилище, переоборудованное в оздоровительный корпус, с пристроенной оранжереей и крытым плавательным бассейном.

Едва припарковав «Эм-Джи» на гравийной дорожке, я поймала себя на мысли, что всякий писатель, решивший сочинить роман об убийстве в классической сельской усадьбе, нашел бы здесь весь необходимый материал. А любой убийца, желающий избавиться от трупа, имел бы под рукой несколько сот акров земли. Я задавала себе вопрос: искала ли полиция Сесили Трехерн на этой территории? Молодая женщина сказала, что отправилась гулять с собакой, а ее машину обнаружили возле железнодорожной станции в Вудбридже, но кто может поручиться, что она сама управляла ею?

Я не успела еще выключить зажигание, как появился молодой человек и вынул мой чемодан из багажника. Он проводил меня в гостиничный вестибюль. Тот был квадратным, но производил

впечатление круглого — благодаря круглому столу, круглому ковру и кольцу мраморных колонн, поддерживающих потолок, украшенный кругом из рельефной штукатурки. Пять дверей, одна из которых принадлежала современному лифту, вели в разных направлениях, но молодой служащий провел меня во второй холл, со стойкой администратора, спрятанной под массивной каменной лестницей.

Ступеньки изгибались по спирали, не закрывая вид вплоть до сводчатого потолка тремя этажами выше. Создавалось впечатление, что ты внутри собора. Прямо передо мной находилось огромное витражное окно, хотя никаких религиозных мотивов там не было и в помине. Такие, скорее, можно встретить в какой-нибудь старой школе или даже где-нибудь на железнодорожном вокзале. Пространство наверху, которое я могла охарактеризовать как площадку, раскинулось по обе стороны лестницы, отчасти перекрываемое стеной. Но в стене имелся полукруглый проем, так что идущих по площадке гостей почти наверняка можно было видеть снизу. Лестничная площадка соединяла два коридора, тянувшихся по всей длине отеля, образуя, если угодно, перекладину в большой букве «Н».

За стойкой администратора восседала женщина в строгом черном платье. Стойка с зеркальными углами была сделана из какого-то темного полированного дерева и выглядела тут совершенно неуместной. Я знала, что «Бранлоу-Холл» по большей части построили в начале XVIII века, и вся прочая обстановка была подчеркнута традиционной и старомодной. У противоположной стены стояла лошадь-качалка с облупившейся краской и внимательными глазами. Мне невольно вспомнился знаменитый мистический рассказ Дэвида Герберта Лоуренса «Победитель на деревянной лошадке». За стойкой администратора, справа и слева, располагались два маленьких кабинета. Позже я выяснила, что один из них занимала Лиза Трехерн, а другой — ее сестра Сесили. Двери были открыты, и я увидела пару одинаковых столов с телефонными аппаратами. Не отсюда ли Сесили позвонила во Францию?

— Мисс Райленд? — Администратор ждала меня.

Предлагая бесплатное размещение, Полин Трехерн обещала сообщить персоналу, что я помогаю ей в одном деле, не уточняя, в каком именно. Девушка была примерно такого же возраста, что и встретивший меня парень. В принципе, они вполне могли оказаться братом и сестрой: оба светловолосые, слегка медлительные. Возможно, скандинавы.

— Добрый день! — Я поставила между нами сумочку, готовая достать кредитку, если попросят.

— Надеюсь, поездка из Лондона была приятной?

— Да, спасибо.

— Миссис Трехерн распорядилась разместить вас в крыле «Мунфлауэр». Там вам будет очень удобно.

«Мунфлауэр». Именно такое название Алан Конвей дал отелю в своей книге.

— Нужно подняться на один пролет. Или предпочитаете воспользоваться лифтом?

— Думаю, меня и лестница вполне устроит, спасибо.

— Ларс донесет ваш багаж и покажет номер.

Судя по имени, точно скандинав. Я поднялась вслед за Ларсом до площадки второго этажа. На стенах висели картины маслом: портреты, запечатлевшие представителей многих поколений семьи, причем ни один из них не улыбался. Ларс свернул вправо, и мы пошли по открытому пространству, которое хорошо просматривалось снизу. Я заметила стоявший у стены столик с двумя стеклянными подсвечниками, а на подставке между ними лежала большая серебряная брошь. Она была в форме круга с серебряной булавкой. Сложенная пополам карточка с машинописным текстом сообщала, что это фибула XVIII века, и это меня заинтересовало, потому что такого слова мне прежде слышать не доводилось. Под столом находилась застеленная клетчатым одеялом собачья корзинка, и она напомнила мне о Медведе, золотистом ретривере Сесили Трехерн.

— А где же собака? — спросила я.

— Ушла погулять, — уклончиво ответил Ларс, похоже несколько удивившись вопросу.

Все, что я описывала до сих пор, было проникнуто духом древности, но когда мы вошли в коридор, я подметила электронные замки на дверях и глядевшую на нас из угла камеру видеонаблюдения. Видимо, хозяева, наученные горьким опытом, установили ее уже после

убийства — ведь если бы она была здесь раньше, то убийцу удалось бы заснять на пленку. Первая дверь, к которой мы подошли, была обозначена номером десять, а следующая — одиннадцать. Однако дверь, на которой должна была красоваться цифра двенадцать, оказалась немаркированной. Тринадцатой комнаты в отеле тоже не было, видимо, из суеверных соображений. Мне показалось или Ларс действительно пошел быстрее? Я слышала, как половицы скрипят под его шагами, а колесики моего чемодана повизгивают, прыгая на стыках.

После номера четырнадцать мы добрались до противопожарной двери, которая вела в коридор, явно относящийся к не столь давним временам, — он располагался в части, пристроенной к дому сзади. Впечатление создавалось такое, будто к старому отелю прилепили второй, современный, и я задумалась, существовало ли уже все это восемь лет назад, когда Фрэнк Пэррис зарегистрировался в гостинице... и был выписан из нее по причине смерти. Ковры в новой секции имели отвратный рисунок — такие никто не постелет у себя в доме. Двери были из дерева, не такие тяжеловесные и более современного дизайна, а расстояние между ними сократилось, намекая на меньшие размеры комнат, чем в старом здании. Осветительные приборы были встроены в потолок. Это и есть крыло «Мунфлауэр»? Я не стала спрашивать у Ларса, значительно опередившего меня вместе с моим повизгивающим чемоданом.

Мне выделили не просто номер, но апартаменты в самом конце коридора. Ларс провел ключом-карточкой, отперев замок, и мы оказались в светлой, уютно обставленной комнате, где преобладали различные оттенки кремового и бежевого, а на стене висел большой телевизор. Покрывала на кроватях были дорогими. Присланные в подарок бутылка вина и корзина с фруктами ждали меня на столе. Я выглянула в окно и увидела задний двор отеля, по дальней стороне которого шли строения — видимо, переделанные конюшни. Оздоровительный корпус и плавательный бассейн располагались справа. Дорожка вела к большому современному зданию, стоявшему в стороне от отеля. На его воротах я разглядела название: «БРАНЛОУ-КОТТЕДЖ».

Ларс поместил мой чемодан на складную багажную подставку, которые мы в «Полидорусе» не применяли, потому что они занимают слишком много места и выглядят по-дурацки.

— Холодильник. Кондиционер. Мини-бар. Кофемашинка... — Он устроил мне экскурсию по комнате, как будто я сама не могла разобраться, что к чему. В тоне юноши угадывалась скорее вежливость, чем радушие. — Пароль от вайфая на столе. Если что-то потребуется, наберите ноль, чтобы позвонить администратору.

— Спасибо, Ларс, — поблагодарила я.

— Угодно что-нибудь еще?

— Откровенно говоря, мне хотелось бы попасть в номер двенадцать. Можно получить ключ?

Ларс взглянул на меня с удивлением, но это продолжалось всего лишь секунду: Трехерны подготовили почву.

— Я открою его для вас, — сказал он.

Молодой человек направился к двери, и тут наступил неудобный момент: я не была уверена, следует ли мне дать чаевые и ждет ли их служащий или нет. На Крите мы держали в баре соломенную шляпу, и обладающие лишним евро посетители клали его туда. Потом чаевые делились поровну между персоналом. В общем и целом, я чаевые давать не люблю. Это выглядит старомодно, возвращает нас к былым временам, когда официанты и прислуга в гостиницах рассматривались как представители низших классов. Ларс явно думал иначе. Он насупился, повернулся на каблуках и вышел.

По мере того как я распаковывала вещи, мое уныние росло. Помещенная в гардероб дорогого отеля, моя одежда производила жалкое впечатление. Это напоминало о том, что за последние два года я почти не покупала себе ничего нового.

Черный «рейнджровер» проехал мимо конюшен и, хрустя гравием, свернул на подъездную дорожку к Бранлоу-коттеджу. Я услышала, что дверца хлопнула, и выглянула в окно как раз вовремя, чтобы увидеть: из машины выходит молодежавый мужчина в ветровке и кепи. С ним была собака. В ту же минуту дверь дома открылась, и навстречу приехавшему бегом устремилась девочка с черными волосами. За ней следовала смуглая худая женщина с пакетом из супермаркета. Мужчина заключил девочку в объятия. Лиц я толком не видела, но догадывалась, что это Эйден Макнейл, а девочка — его дочь Роксана. А женщина, должно быть, няня, Элоиза. Мужчина коротко сказал ей что-то, после чего все трое направились в дом.

Я чувствовала себя виноватой, будто подглядывала за ними. Я развернулась, подхватила сумочку, где лежали деньги, блокнот и сигареты, покинула комнату, открыла противопожарную дверь и перешла в старую часть здания, где и располагался двенадцатый номер. Сама собой напрашивалась мысль, что начать стоит именно отсюда. Ларс оставил дверь открытой, подперев ее мусорной корзиной, но я не хотела, чтобы мне мешали, поэтому убрала корзину, и замок защелкнулся у меня за спиной.

Я оказалась в комнате примерно вдвое меньшей, чем та, где поселили меня. Ни кровати, ни ковра здесь не было: вероятно, они были перепачканы кровью и их вынесли. Во многих детективных романах я читала, что насильственная смерть оставляет в помещении своего рода эхо, но никогда всерьез не верила в подобное, однако в этом месте определенно присутствовала некая аура... Пустое пространство там, где должна была стоять мебель; выцветшие стены с пятнами в тех местах, где раньше висели картины; никогда не раздвигающиеся шторы. Здесь хранились две тележки, доверху забытые полотенцами и чистящими средствами, груда коробок, куча электрических приборов вроде тостеров и кофеварок, а также ведра и швабры. Короче, весь тот хлам, который не должен попадаться на глаза гостю фешенебельного отеля.

Значит, вот тут и убили Фрэнка Пэрриса. Я пыталась представить, как открывается дверь и кто-то прокрадывается в комнату. Если Фрэнк спал в момент нападения, злоумышленнику было не обойтись без электронного ключа-карты, но у Штефана Кодреску такой наверняка имелся. По расположению электрических розеток я прикинула, где стояла кровать, и вообразила лежащего в темноте Фрэнка. Повинуясь порыву, я снова открыла дверь. Петли не скрипнули, зато раздался отчетливый щелчок отпираемого электронного замка. Достаточно ли громкого, чтобы разбудить спящего? Газеты сообщали до обидного мало подробностей, и Трехерны толком дополнить ничего не могли. Где-то должен храниться полицейский отчет, из которого можно узнать, стоял Фрэнк или лежал, что было на нем надето, как именно он умер. Кладовка, обшарпанная и заброшенная, могла поведать мне очень мало.

Стоя там, я вдруг ощутила уныние. И зачем только я уехала от Андреаса? Какого черта тут делаю? Вот если бы в «Бранлоу-Холл» прибыл Аттикус Пюнд, он бы давно уже нашел разгадку преступления. Возможно, само расположение комнаты или собачья корзинка могли послужить ему подсказкой. А как насчет старинной фибулы? Это ведь нечто прямо-таки сошедшее со страниц романа Агаты Кристи, разве не так?

Но проблема в том, что я-то не сыщик. И теперь даже больше не редактор. Я полный ноль.

Лиза Трехерн

В самый первый вечер Полин и Лоуренс Трехерн пригласили меня на ужин, но когда я спустилась в обеденный зал отеля, то застала там одного лишь Лоуренса.

— Боюсь, у жены разболелась голова, — пояснил он.

Я подметила, что столик все равно накрыли на троих.

— Лиза пообещала присоединиться к нам, — продолжил Трехерн. — Но начать придется без нее.

Сейчас, одетый в клетчатую рубашку слишком большого размера и красные вельветовые брюки, он выглядел старше, чем на Крите. Под глазами отчетливее проступали морщины, а на щеках виднелись темные пятна, всегда ассоциировавшиеся у меня с болезнью или преклонным возрастом. Очевидно, исчезновение дочери тяжело сказывалось на нем, и наверняка то же самое можно было сказать и о Полин, «головная боль» которой объяснялась тем же обстоятельством.

Я села напротив Лоуренса. На мне было длинное платье и танкетки, но я чувствовала себя неуютно. Мне хотелось скинуть обувь и ощутить под ногами песок.

— Это замечательно, что вы приехали, мисс Райленд, — начал Трехерн.

— Прошу, зовите меня просто Сьюзен. — Мне казалось, что мы уже оставили формальности позади.

Подошел официант, и мы заказали напитки. Лоуренс выбрал джин с тоником. Я попросила бокал белого вина.

— Как вам номер? — спросил он.

— Просто замечательный, спасибо. У вас прекрасный отель.

Трехерн вздохнул:

— На самом деле он уже не мой. Теперь им руководят дочери. Да и особого удовольствия мы сейчас не получаем. Для Полин и меня делом всей жизни стало создание и обустройство отеля, но когда случаются подобные вещи, невольно задаешь себе вопрос: а стоило ли оно того?

— Когда вы возвели пристройку?

Он удивился, как если бы я задала странный вопрос.

— Был ли отель таким, как сейчас, на момент убийства Фрэнка Пэрриса? — пояснила я свою мысль.

— А... — До него дошло. — Да, был. Мы произвели реконструкцию в две тысячи пятом году. Добавили два новых крыла: «Мунфлауэр»³ и «Барн-Оул»⁴. — По его губам скользнула улыбка. — Идея названий принадлежала Сесили. Лунный цветок распускается после захода солнца, и сова-сипуха тоже, разумеется, летает по ночам. — Улыбка стала шире. — Вы наверняка заметили, что совы тут у нас повсюду. — Мой собеседник взял меню и показал картинку, оттиснутую золотом на обложке. — Это тоже придумала Сесили. Она подметила, что «барн оул» является анаграммой для Бранлоу, и ее осенило использовать сову в качестве нашего логотипа.

У меня екнуло сердце. Алан Конвей тоже питал слабость к анаграммам. В одной из его книг, например, все персонажи получили имена по названиям станций лондонского метро. То была странная игра, которую он затеял со своими читателями, и она вовсе не пошла на пользу его творчеству.

— Производя реконструкцию, мы добавили лифт для лиц с ограниченными возможностями, — продолжал говорить Лоуренс. — И сломали стену, чтобы расширить обеденный зал.

Речь шла о помещении, в котором мы находились. Я попала в него через круглый холл на входе и обратила по пути внимание на новый лифт. Кухня располагалась в дальнем конце, растянувшись по всей тыльной стене отеля.

³ Moonflower (англ.) — лунный цветок.

⁴ Barn owl (англ.) — сова-сипуха.

— Из кухни можно попасть наверх? — спросила я.

— Да. Есть служебный лифт и лестница. Мы их устроили в то же время. А еще переоборудовали конюшни под жилье для персонала и добавили плавательный бассейн и спа-зону.

Достав блокнот, я записала всю полученную информацию. Из нее следовало, что убийца Фрэнка Пэрриса, кто бы он ни был, мог попасть в двенадцатый номер четырьмя различными способами: при помощи лифта в фасаде отеля, другого лифта в задней его части, а также по главной или по служебной лестнице. Если преступник уже находился в отеле, то мог спуститься с третьего этажа. Всю ночь за стойкой администрации должен был кто-нибудь находиться, но проскользнуть мимо него незамеченным не составляло особого труда.

Однако на Крите Полин Трехерн обмолвилась, что Штефана Кодреску видели входящим в номер жертвы. Как он мог проявить такую беспечность?

— Насколько понимаю, новостей у вас нет, — сказала я.

— Насчет Сесили? — Лицо Лоуренса исказилось. — Полицейские считают, что ее якобы зафиксировала одна из камер видеонаблюдения в Нориче, но это полный бред. У нее там ни одной знакомой души.

— Дело об исчезновении вашей дочери ведет суперинтендант Локк?

— Старший суперинтендант Локк, вы имеете в виду? Да. Не могу сказать, что возлагаю на него большие надежды. Он действовал очень нерасторопно в самом начале, когда быстрота важнее всего, да и сейчас тоже не выказывает особых успехов. — Трехерн уныло потупил взгляд, потом спросил: — У вас было время перечитать книгу?

Хороший вопрос.

Вы наверняка сочтете, что первым делом я должна была проштудировать детектив от корки до корки. Но у меня даже не было его при себе. Признаться честно, на Крите я не держала ни одного из романов Алана Конвея — слишком неприятные воспоминания они пробуждали. Я заглянула в книжный магазин в Лондоне с намерением приобрести экземпляр, но обнаружила, что романа нет в наличии. За время работы в издательстве я так и не смогла решить, хороший это знак или плохой. Книга успешно продается или просто не доходит до прилавка?

Истина крылась в том, что мне пока не хотелось читать роман.

Я помнила детали достаточно хорошо: захолустный городок Тоули-на-Уотере, смерть в Кларенс-Кип, различные улики, установление личности убийцы. У меня еще хранились где-то рабочие заметки, материалы «дискуссий», которые мы с Аланом вели по электронной почте в процессе редактуры (я употребляю кавычки, потому что он не прислушивался ни к одному из сказанных мною слов). В этом романе ничего неожиданного для меня не было. Я знала сюжет назубок.

Но стоило помнить, что Алан любил поиграть с текстом: вечно рассовывал повсюду не только анаграммы, но и акrostихи, акронимы, зашифровывал внутри одних слов другие. Отчасти он поступал так с целью просто потешить себя, но зачастую действовал в угоду неприятной стороне своего характера. Мне уже стало ясно, что при создании романа «Аттикус Пюнд берется за дело» Конвей позаимствовал многие особенности «Бранлоу-Холла», однако при этом он не описал реальных событий, случившихся в июне 2008 года. Не было в книге ни дельца-рекламщика, ни бракосочетания, ни молотка. Если за те несколько дней, что Алан провел в отеле, он каким-то образом вычислил истинного убийцу Фрэнка Пэрриса, то наверняка скрыл разгадку в некоем слове или в описании чего-то совершенно не относящегося к делу. Так, допустим, он вполне мог зашифровать имя преступника в названиях глав. Глаз Сесили Трехерн зацепился за что-то при прочтении книги, но было очень мало шансов, что подобное произойдет со мной тоже. Во всяком случае, прежде, чем я узнаю гораздо больше как о ней самой, так и обо всех прочих в отеле.

— Пока еще нет, — сказала я, отвечая на вопрос Лоуренса. — Мне подумалось, что разумнее сначала познакомиться с людьми и оглядеться. Я не знаю, что обнаружил Алан, приехав сюда. И чем больше я освоюсь в отеле, тем больше шансов обнаружить связь.

— Да, — кивнул мой собеседник. — Это здравая мысль.

— Есть возможность осмотреть комнату, где жил Штефан Кодреску?

— Я провожу вас туда после ужина. Там поселили другого нашего сотрудника. Но я уверен, он не станет возражать.

Официант принес напитки, и в этот же самый момент появилась Лиза Трехерн. По крайней мере, я предположила, что это она. Я видела в газетах фотографии ее сестры: симпатичная, но с каким-то детским лицом — губки бантиком, пухлые щеки. Если не считать светлых волос, постаромодному коротко подстриженных, эта женщина совсем не была похожа на Сесили. Серьезная, не улыбочивая, в подчеркнута деловом костюме, дешевых очках и практичной обуви. С левой стороны рта у нее имелся шрам, и я поймала себя на том, что слишком внимательно смотрю на него. То была совершенно ровная линия с полдюйма в длину — такую отметину мог оставить нож. Я на ее месте попыталась бы несколько заретушировать рубец при помощи макияжа, но, похоже, Лизу это не заботило. Она хмурилась, и создавалось впечатление, что улыбаться у нее не получается — шрам не дает.

Молодая женщина шла к столику словно боксер, выходящий на ринг, и даже прежде чем она произнесла первые слова, я поняла, что мы не поладим.

— Значит, это вы Сьюзен Райленд, — заявила она и без всяких церемоний уселась. — Меня зовут Лиза Трехерн.

— Рада познакомиться, — сказала я.

— Да неужели?

— Чего-нибудь выпьешь, дорогая? — спросил Лоуренс несколько нервозно.

— Я уже заказала официанту. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Это вы додумались прислать сюда Алана Конвея?

— Я тут ни при чем, — ответила я. — Я знала, что Конвей пишет новую книгу, но увидела ее, только когда она была закончена, и понятия не имела о его визите в этот отель до тех пор, пока ваш отец не приехал на Крит.

Я соображала, под каким именем была выведена в романе Лиза. Имелся в «Аттикус Пюнд берется за дело» один персонаж со шрамом: прелестная голливудская актриса Мелисса Джеймс. Да, точно. Такие вещи забавляли Алана: взять дурнушку и превратить ее в полную противоположность.

Лиза моих слов будто не слышала.

— Что же, если из-за этой книжки с Сесс что-то случится, вы, надеюсь, будете довольны собой.

— Полагаю, это вряд ли справедливо... — начал было Лоуренс.

Но я и сама могла за себя постоять.

— Как думаете, где ваша сестра? — спросила я.

Мне было любопытно, не собирается ли Лиза признаться, что считает Сесили мертвой, разрушая тем самым робкую надежду, питаемую отцом. Я видела, что на миг моя собеседница заколебалась: ей очень хотелось это сделать, но так далеко она зайти не решилась.

— Не знаю. Поначалу, когда Сесс пропала, я подумала, что у них с Эйдом произошла ссора.

Сесс и Эйд. Не особенно ласковые уменьшительные имена. Скорее, просто сокращенные, для сбережения времени.

— Они часто ругались?

— Да...

— Это не так, — вмешался Лоуренс.

— Да ладно, папа! Я знаю, тебе нравится считать их образцовой парой. «Ах, Эйден — идеальный муж, идеальный отец!» Но если хочешь знать мое мнение, он женился на Сесс только ради ее внешних данных. Лучистая улыбка. Голубые глаза. Но никому нет дела до того, что происходит между ними.

— Что именно вы хотите сказать, Лиза? — спросила я. Меня удивило, что она столь откровенно выражает свои чувства.

Подошел другой официант, с двойным виски на серебряном подносе. Не поблагодарив его, Лиза взяла напиток.

— Я просто сыта по горло тем, что Эйд расхаживает по отелю с таким видом, будто он тут главный. Вот и все. Особенно с учетом того, что вся тяжелая работа ложится на меня.

— Лиза занимается бухгалтерией, — пояснил Лоуренс.

— Я занимаюсь счетами, контрактами, страховками, кадрами и снабжением. — Она одним глотком выпила половину виски. — А он только треплется с гостями.

— Думаете, это Эйден убил Фрэнка Пэрриса? — спросила я.

Собеседница уставилась на меня. Я намеренно устроила провокацию, но мой вопрос был вполне логичным. Если Сесили убили, то потому, что она узнала правду о предыдущем преступлении. Отсюда вытекало, что тот, кто лишил жизни Фрэнка Пэрриса, устранил и Сесили Трехерн.

— Нет, — ответила Лиза, прикончив виски. — Я так не думаю.

— Почему?

Она посмотрела на меня как на слабоумную.

— Потому что Пэрриса убил Штефан! Он сам признался. И сидит в тюрьме.

В зале начали появляться и другие гости. Было четверть седьмого, и на улице было еще очень светло. Лоуренс взял одно из лежащих на столе меню.

— Не пора ли сделать заказ? — спросил он.

Я была голодна, но перебивать Лизу не хотелось. Я ждала, когда она продолжит.

— Нанять Штефана Кодреску было ошибкой, и нам давно уже следовало его уволить. Я, между прочим, с самого начала так говорила, да вот только никто меня не слушал. Он не просто сам был преступником, но и вырос среди уголовников. Мы дали ему шанс, а Штефан только издевался над нами. Этот тип всего пять месяцев здесь проработал, но обворовывал нас с первого дня, как перешагнул порог отеля.

— Но мы не знали об этом, — возразил Лоуренс.

— Знали, папочка. Я знала. — Она обратилась ко мне: — Не прошло и нескольких недель после появления Штефана, как я стала замечать неладное. Вы, Сьюзен, даже вообразить не в состоянии, что такое управлять гостиницей...

Тут я могла утереть ей нос, но сдержалась.

— Это все равно что машина с тысячью вращающихся частей, и беда в том, что, если некоторые из них не функционируют, никто этого не замечает. Машина не останавливается. Вино и виски. Шампанское. Стейки из филе. Мелкая наличность. Вещи гостей: драгоценности, часы, коллекционные солнечные очки. Белые и полотенца. Антикварная мебель. Впустить сюда вора — это все равно что вручить наркоману ключи от местной аптеки. Как можно было связаться с этим мошенником!

— Ну, вообще-то, когда Штефан поступил на работу, в мошенничестве его никто не обвинял, — напомнил дочери Лоуренс. Но в голосе его не было убежденности.

— Ты о чем, папочка? Его упекли в тюрьму за взлом и нападение.

— Это не одно и то же...

— Ты меня не слышишь. Как всегда. — Лиза махнула на него рукой и сосредоточилась на мне. — Я мигом поняла: что-то не так. У нас завелся вор. Но стоило мне упомянуть имя Штефана, как все тут же набрасывались на меня.

— Но поначалу он тебе нравился. Ты проводила с ним кучу времени.

— Я пыталась проникнуться расположением к нему, потому что вы все этого хотели. А поблизости от Штефана я держалась лишь по одной-единственной причине — и, между прочим, я вам постоянно об этом твердила, — потому что стремилась не спускать с него глаз. И ведь я оказалась права! Что, разве нет? Случившееся в номере двенадцать просто ужасно, но это доказывает, что я все это время была права.

— Сколько всего денег было украдено из комнаты Фрэнка Пэрриса? — осведомилась я.

— Сто пятьдесят фунтов, — ответил Лоуренс.

— И вы в самом деле полагаете, что Штефан убил человека, зверски изуродовав его молотком, за такую ничтожную сумму?

— Я уверена, что Штефан не собирался никого убивать. Он пробрался в номер посреди ночи с расчетом стащить что плохо лежит. Но тот бедняга проснулся, окликнул его, и Штефан, действуя инстинктивно, напал на постояльца. — Лиза фыркнула. — Все это выяснилось на суде.

Для меня это выглядело лишенным смысла. Если Штефан не собирался убивать Фрэнка Пэрриса, то с какой стати он прихватил с собой молоток? И не логичнее ли зайти в комнату в отсутствие хозяина? Но я промолчала. Есть люди, с которыми попросту не возникает желания спорить, и Лиза определенно принадлежала к их числу.

Она подозвала официанта и распорядилась принести еще выпивку. Я воспользовалась возможностью тоже сделать заказ. Всего лишь салат и еще бокал вина. Лоуренс выбрал стейк.

— Не потрудитесь ли рассказать мне о том, что происходило в ночь убийства? — спросила я, и не успели эти слова слететь с моих губ, как меня охватило довольно странное чувство. Фраза была такой старомодной, такой избитой. Встреть я ее в романе, вычеркнула бы без жалости.

Отвечать взялся Лоуренс:

— На выходные к нам приехало тридцать друзей и знакомых, но, как я уже говорил, отель оставался открытым для посетителей, так что и обычные постояльцы у нас тоже имелись. Все номера были заняты. Фрэнк Пэррис оформил бронь за два дня до свадьбы, в четверг. На трое суток. Я его запомнил, потому как с этим клиентом с самого начала начались сложности. Пэррис устал, был утомлен долгим перелетом, и комната ему не понравилась, поэтому он потребовал переселить его.

— А где его сперва разместили?

— В номере шестнадцать. Это в крыле «Мунфлауэр», где живете вы.

Я проходила мимо номера шестнадцать на пути в свои апартаменты. Он размещался сразу за парадной дверью, где начинался ковер с головоломным рисунком.

— Клиент предпочитал старинную часть отеля, — продолжил Трехерн. — К счастью, мы смогли все уладить, и Пэррис получил желаемое. Кстати, забота о том, чтобы гости были довольны, по большей части лежит на Эйдене. И он очень успешно справляется со своими обязанностями.

— А человек, с которым поменялся Фрэнк Пэррис, не жаловался?

— Как помнится, этот номер забронировал отставной директор школы, путешествующий ради своего удовольствия. Не думаю даже, что он знал про обмен.

— Можете назвать его фамилию?

— Директора? Нет. Но мне не составит труда выяснить ее, если хотите.

— Да, будьте добры.

— Свадьба была намечена на субботу, и мы предупредили гостей, что их ждут определенные неудобства. Например, мы закрыли спа-зону в пятницу рано вечером, чтобы собрать весь персонал у плавательного бассейна и поднести каждому по стаканчику. Мы хотели, чтобы служащие чувствовали себя участниками торжества, хотя на саму церемонию их не пригласили. Эта вечеринка началась в половине девятого и закончилась в десять.

— Штефана тоже позвали?

— Да. Он там присутствовал. Так же, как Эйден и Сесили, Полин и я, Лиза...

Имя спутника Лизы, или, точнее, его отсутствие, повисло в воздухе.

— Вечер выдался очень теплый. Вы, возможно, помните, что лето в том году стояло знойное.

— Это была жуткая ночь, жаркая и душная, — сказала Лиза. — Я просто дожидаться не могла, когда наконец уйду домой.

— Лиза живет не в поместье, — заметил отец, а потом добавил: — Хотя могла бы. Территория у нас составляет почти три сотни акров.

— Эйден и Сесили заняли мое прежнее жилье, — процедила молодая женщина.

— Бранлоу-коттедж, — произнесла я.

— Я переехала в Вудбридж и очень этим довольна. Я ушла с вечеринки задолго до десяти. Отправилась домой и сразу легла в постель.

— Остальное я предоставляю рассказать Дереку, — завершил Лоуренс. — Это наш ночной администратор, который приехал примерно в это же время. В вечеринке он не участвовал.

— Его не пригласили?

— Пригласили, конечно, но Дерек не любит общества. Вы это сами поймете, когда с ним познакомитесь. Именно он находился за стойкой администратора, когда произошло убийство.

— И когда это случилось?

— Как утверждают полицейские, Пэрриса убили в ночь с пятницы на субботу, примерно в половине первого.

— А вы, Лоуренс, тоже были здесь?

— Нет. Передав управление отелем дочерям, мы с Полин купили дом в Саутуолде. И тем вечером поехали туда.

— Но на следующее утро мы все присутствовали на свадьбе, — вставила Лиза. — Такой чудесный был день... за исключением, разумеется, убийства. Бедный Эйден! Уверена, он на такое не подписывался.

— Лиза, честное слово, это уже слишком, — возмутился Лоуренс.

— Я только хочу сказать, что Сесс оказалась для него счастливым билетом. Кем он был до встречи с ней? Да никем! Работал агентом по недвижимости.

— И хорошо справлялся. Эйден здорово помогает нам здесь, в отеле, что бы ты ни говорила, — с жаром заявил Трехерн. — К тому же мне кажется неуместным вести разговор в таком ключе, с учетом того, как мы все переживаем за Сесили.

— Я тоже переживаю! — воскликнула Лиза. К своему удивлению, я увидела, как слезы побежали у нее из глаз, и поняла, что она говорит правду. Официант принес Лизе второй виски и забрал поднос. — Конечно, я беспокоюсь за Сесили. Она ведь моя сестра! И если с ней что-то случится... мне даже подумать об этом страшно.

Лиза уткнулась взглядом в дно стакана. Некоторое время мы трое молчали.

— Что вы помните о свадьбе? — задала я очередной вопрос.

— Свадьба как свадьба. У нас они тут постоянно проходят. Это наш хлеб с маслом. — Лиза вздохнула. — Церемония состоялась в розарии. Я была подружкой невесты. Чиновник-регистратор прибыл из Ипсуича, потом был обед в шатре на центральной лужайке. Я сидела рядом с матерью Эйдена, приехавшей из Глазго.

— А его отец присутствовал?

— Он умер, когда сын еще был маленьким. От рака. У Эйдена есть сестра, но ее не пригласили. Надо сказать, что родни со стороны жениха собралось мало. Миссис Макнейл была очаровательна: этакая пожилая леди с шотландским колоритом. Я начала уже умирать от скуки, но тут снаружи шатра раздались громкие крики. Несколько минут спустя прибежала Хелен, и вид у нее был такой, словно она призрака увидела.

— А Хелен — это кто?

— Старшая горничная. Как оказалось, одна из девушек зашла в номер двенадцать и обнаружила там Фрэнка Пэрриса с разможенной головой. Ну и картинка: ошметки мозгов по всему одеялу.

Лиза почти ликовала. Вопреки сказанному ранее, она не могла удержаться, чтобы не позлорадствовать: ведь столь важный для сестры день оказался безнадежно испорчен. Глядя на эту странную молодую женщину, я пыталась понять, точно ли у нее все дома.

— Горничную звали Наташа, — вставил Лоуренс. — Она пришла убраться в номере и обнаружила труп.

Лиза залпом опрокинула виски.

— Не знаю, что вы рассчитываете найти, Сьюзен. Штефан сознался в преступлении и несет заслуженное наказание. Еще лет десять пройдет, прежде чем власти хотя бы задумаются о возможности его освобождения, и это правильно. Что до Сесс, то она объявится, когда сама сочтет нужным. Моей сестричке нравится быть в центре внимания. Вероятно, она просто разыгрывает из себя героиню драмы.

Лиза нетвердо поднялась, и я поняла, что она наверняка уже выпивала, прежде чем прийти сюда, и два двойных виски составили компанию многим прочим.

— Оставляю вас двоих наедине, — сказала она.

— Лиза, тебе нужно поесть.

— Я не голодна. — Девушка наклонилась ко мне. — Вы в ответе за Сесили, — отрезала она. — Вы издали эту долбаную книжку. Найдите мою сестру.

Лоуренс смотрел, как его дочь неверной походкой идет через обеденный зал.

— Прошу прощения, — сказал он. — Лиза очень много работает. На нее легла вся ответственность по управлению отелем. Неудивительно, что она немного устала.

— Похоже, она не особенно любит сестру.

— Не принимайте это всерьез. Лиза просто делает вид. — Трехерн пытался убедить меня, однако сам выглядел не слишком уверенным. — Это у них еще с детства началось, — признался он. — Девочки постоянно соперничали во всем.

— Откуда у нее шрам?

— А, я так и знал, что вы спросите. — Ему явно не хотелось говорить об этом. Я выжидала. — Боюсь, это Сесили виновата. Не что иное, как несчастный случай, но... — Лоуренс вздохнул. — Когда Лизе было двенадцать, а Сесили десять, они повздорили. Сесили бросила в сестру кухонный

нож. На самом деле она не хотела причинить ей вред. Это была всего лишь глупая детская выходка, продиктованная вспышкой гнева, однако лезвие задело Лизу... ну, результат вы видели. Сесили была ужасно расстроена.

— А из-за чего они поссорились?

— Разве это важно? Из-за какого-нибудь мальчика, быть может. Между ними вечно существовало соперничество. Но ведь это обычное дело, разве нет? Сесили уродилась более красивой, чем сестра, и стоило ей познакомиться с кем-нибудь, это всегда бесило Лизу. Вот почему она, кстати говоря, так настроена против Эйдена. Всеми виной обычная ревность, не стоит воспринимать ее слова всерьез. На самом деле он замечательный парень. Мы с ним отлично ладим. — Лоуренс поднял бокал с вином и заключил: — Девчонки есть девчонки!

Он произнес это как тост, но я к нему не присоединилась. Так-то оно так, подумалось мне, но нельзя же доходить до грани психоза. Сесили изуродовала Лизу. Лиза всей душой ненавидит Эйдена. И ненависть эта, переплетенная со своего рода ревностью и завистью, вполне могла распространяться и на Штефана Кодреску.

Но вот только имеет ли все это отношение к убийству? Вот в чем вопрос.

Ночной администратор

Ужинала я без аппетита. Слова Лизы меня задели, и я задавала себе вопрос, справедлив ли ее упрек. Я не отправляла Алана Конвея в «Бранлоу-Холл», но, без сомнения, в конечном счете получила выгоду от его поступка. Вольно или не вольно, я была отчасти виновата.

После кофе Лоуренс провел меня через кухню, и я обратила внимание на служебную лестницу и лифт, ведущие на верхний этаж. Мы вышли с задней стороны отеля, и, бросив взгляд через двор, я заметила подъездную дорожку к Бранлоу-коттеджу. В нескольких его окнах горел свет. Возле дома по-прежнему стоял черный «рейнджровер».

— Для Эйдена это сущий ад, — вздохнул Лоуренс. — Едва сообщив в полицию об исчезновении Сесили, он сразу стал главным подозреваемым. В подобных делах с мужьями всегда так. Но я и мысли не допускаю, что он мог желать вреда моей дочери. Я видел их вместе. И знаю, что они значат друг для друга.

— У них только один ребенок? — спросила я.

— Да. Меня это немного печалит. Но роды были трудные, и я думаю, Сесили просто не хотела снова пройти через это. И к тому же у нее было столько хлопот с отелем.

— Вы сказали, что Роксане семь. — Я сложила цифры в уме. — Когда у нее день рождения?

Лоуренс понял, к чему я клоню.

— Сесили уже ждала ребенка, когда выходила замуж. Но причина брака не в этом. Современные молодые люди не придают особого значения формальностям... Не то что мы. Эйден обожает дочь. Сейчас Роксана — единственное, что помогает ему сохранить здравый рассудок.

— Как вы считаете, он не откажется поговорить со мной?

Меня это несколько смущало. Я приехала сюда, чтобы прочитать книгу, которая может быть, а может и не быть связана с убийством, произошедшим тут восемь лет назад. Но это одно дело. А вот расспрашивать безутешного мужа про исчезнувшую жену — совсем другое.

— Уверен, Эйден будет рад пообщаться с вами. Мог у него спросить, если хотите.

— Да, будьте так добры. Спасибо.

Беседуя, мы шли мимо плавательного бассейна, разместившегося в огромных размерах оранжерее, созданной по образу и подобию Брайтонского павильона. Она находилась рядом со зданием, бывшим уменьшенной копией главного дома. Некогда то был амбар, перестроенный теперь в оздоровительный корпус. Корпус как раз закрывался на ночь, и из боковой двери вышел симпатичный юноша в спортивном костюме и со спортивной сумкой. Заметив нас, он помахал рукой.

— Это Маркус, — сообщил Лоуренс. — Он заведует спа. Но пришел к нам всего пару лет назад.

— А кто работал тут в то время, когда убили Фрэнка Пэрриса?

— Один австралиец. Его звали Лайонел Корби. Но он вскоре уволился. Мы понесли гораздо меньшие потери в персонале, чем вы могли бы себе представить.

— Вам известно, где он сейчас?

— Наверное, вернулся в Австралию. Я найду его последний телефонный номер, если это поможет.

Значит, тот человек приехал из Австралии. Как и Фрэнк Пэррис. Обнаружилась какая-никакая связь.

— Да. Это может пригодиться, — кивнула я.

Мы дошли до конюшни, переоборудованной под жилой корпус для персонала. Здесь размещались пять маленьких квартир-студий, каждая с отдельной дверью и единственным окном, выходящим на отель. Главное служебное помещение находилось в дальнем конце.

Лоуренс указал на него:

— Вон там Штефан хранил инструменты, включая молоток, которым было совершено убийство.

— Можно взглянуть?

Я и сама не знала, что рассчитывала найти в комнате. Бетонный пол и полки, заставленные картонными коробками, банками с краской, разными химикатами... Я отметила, что замка на двери нет.

— Защита сильно напирала на это обстоятельство во время суда, — согласился Лоуренс. — Да, любой мог взять молоток. Проблема заключалась в том, что это было единственное свидетельство в пользу Штефана, и под тяжестью остальных улик оно оказалось почти невесомым.

Мы подошли к соседней двери. Тут, в квартире номер пять, прежде жил Штефан. Лоуренс постучал и, не дождавшись ответа, достал плоский ключ и вставил его в замок.

— С Ларсом я уже переговорил, — пояснил Трехерн. — Он, видимо, в пабе с Ингой. Они приехали в этом году.

Мне вспомнилась деловитая девушка за стойкой администратора.

— Они скандинавы? — спросила я.

— Да, датчане. Наняты через агентство. — Мой собеседник вздохнул. — В программе по реабилитации юных преступников мы больше не участвуем.

Мы вошли в комнату, которую стоило назвать каморкой, с единственной кроватью у двери, столом, шкафом и комодом. Вторая дверь вела в угловой санузел с унитазом, раковиной и душем. Я предположила, что все пять квартир в точности такие же. Ларс содержал свою в пугающей чистоте. Постель выглядела так, словно на ней никогда не спали, а полотенца в ванной были развешаны идеально ровно. Если не считать пары книг на столе, никакие личные вещи в поле зрения не попадали.

— Эти скандинавы очень аккуратные, — пробормотал Лоуренс, прочитав мои мысли. — Комната выглядит совсем не так, как во времена, когда здесь жил Штефан.

Это меня удивило.

— А вам откуда известно, как она прежде выглядела?

— Лайонел, бывший тренер по фитнесу, о котором я уже упоминал, неоднократно бывал здесь. Они со Штефаном дружили. Вам следует заглянуть в полицейские протоколы.

— Проще сказать, чем сделать.

— Я могу переговорить со старшим суперинтендантом Локком.

— Нет, не стоит. Я его знаю.

Еще я знала, что Локк едва ли захочет поделиться со мной чем-либо, даже минутой своего времени. Я оглядывала комнату с порога, не желая заходить внутрь.

— Деньги, принадлежавшие убитому, нашли здесь?

— Да. Под матрасом.

— Не самое хитроумное место, чтобы припрятать ворованную наличность.

Лоуренс кивнул. И заметил:

— Про Штефана Кодреску можно разное сказать. Не вызывает сомнений одно: особым умом он не отличался.

— Кто-то мог подкинуть деньги.

— Ну да, чисто теоретически. Но задайте себе вопрос: когда? В течение дня это практически невозможно. Как видите, дверь выходит на отель, народу везде полно. У нас собрались гости; оздоровительный корпус был открыт; охранники, кухонные работники постоянно сновали туда-сюда; люди смотрели из окон. Не думаю, что кто-то мог проскользнуть в комнату незамеченным, а уж поверьте мне на слово, полицейские опросили сотни свидетелей. И дело не только в деньгах. Еще нашли следы крови — на полу в душе и на простынях на постели Штефана. Криминалисты выяснили, что следы были оставлены более двенадцати часов назад. История яснее ясного. В ночь с пятницы на субботу Штефан убил Фрэнка Пэрриса. Было много крови. Он вернулся к себе, принял душ и лег в кровать, оставив на всем своем пути очевидные улики.

— Если кто-то хотел переложить вину на Штефана, то мог сделать это где-нибудь после полуночи, — заметила я.

— В принципе верно. Хотя и маловероятно. Во-первых, замок защелкивается автоматически, и, прежде чем вы успели спросить, дубликата ключа в офисе Лизы нет. А во-вторых, посмотрите на расположение кровати. Она стоит прямо у двери. Не представляю, как неизвестный мог проникнуть в комнату, перепачкать простыни и пол в душе, а потом выйти, не разбудив при этом Штефана.

Мой провожатый закрыл дверь, и мы вместе вернулись в отель.

— Дерек должен быть уже здесь, — сказал Лоуренс. — Я попросил его прийти пораньше, чтобы поговорить с вами. — Он помедлил. — Могу я попросить вас быть с ним помягче? Парень десять лет работает в отеле, и он хороший человек. Но несколько чувствительный. Дерек ухаживает за больной матерью. То, как Алан Конвей поступил с ним, вернее, с ними обоими, в самом деле возмутительно. Получилась донельзя злая карикатура.

Мне вспомнилось, что в книге фигурировал персонаж по имени Эрик Чандлер, работавший у кинозвезды личным шофером и дворецким и живший с матерью Филлис. Эта парочка появлялась в первой главе и особой симпатии не вызывала.

— Дерек читал «Аттикус Пюнд берется за дело»? — поинтересовалась я.

— К счастью, нет. Он вообще мало читает. Думаю, лучше о книге не упоминать.

— Не буду.

— Ну, в таком случае доброй ночи.

— До свидания. Спасибо за ужин.

Предупреждение Лоуренса Трехерна оказалось совершенно излишним. Я с первого взгляда поняла, что Дерек Эндикот — человек ранимый, доброжелательный и безобидный. Это читалось в его подслеповатых глазах за толстыми линзами очков, в робкой улыбке и вьющихся волосах, торчащих во все стороны без всякого намека на прическу. Ему было уже за тридцать, но лицо его казалось совершенно детским: пухлые щеки, толстые губы, кожа, намекавшая на то, что ей никогда не доводилось знать бритвы. Дерек уже занял пост за стойкой администратора, забившись в «пещеру», образованную диагональным пролетом лестницы, ведущей на второй этаж. Я заметила, что у него припасена еда в пластиковом контейнере, а также термос и журнал с кроссвордами.

Он меня ждал. Лоуренс сообщил ему о причине моего приезда. При моем приближении Дерек неуклюже приподнялся, а потом, так и не приняв до конца вертикального положения, снова сел. На ресепшене было довольно прохладно, но мне в глаза бросились капельки пота у него на шее и на щеках.

— Мистер Эндикот... — начала я.

— Пожалуйста, обращайтесь ко мне просто Дерек. Меня все так называют. — Голос у него был надтреснутый, высокий.

— Вам известно, зачем я здесь?

— Да. Мистер Трехерн попросил меня сегодня прийти пораньше.

Он с трепетом ждал первого вопроса, и я постаралась максимально смягчить формулировку.

— Вы дежурили в ту ночь, когда был убит мистер Пэррис. Все, что вы видели или слышали, может оказаться крайне полезным.

Дерек нахмурился:

— Я думал, вы тут, потому что Сесили пропала.

— Ну, вполне вероятно, что между двумя этими событиями существует связь.

На время он задумался. Я буквально читала мыслительный процесс по его глазам.

— Да. Возможно, вы правы.

Я наклонилась над столом:

— Знаю, это было довольно давно, но не могли бы вы припомнить случившееся той ночью?

— Да разве такое забудешь! Это было ужасно. Правда, мистера Пэрриса я не знал. Я вообще с гостями почти не встречаюсь, если только меня не ставят в дневную смену, а это бывает, если вдруг работников не хватает. Вообще-то, я видел, как мистер Пэррис поднимается вверх. Это было после ужина. Но мы не разговаривали. — Тут рассказчик снова поправил себя. — Хотя нет, неправда. Мы говорили по телефону. В четверг. Он позвонил из своего номера. Попросил заказать такси на утро в пятницу. Я заказал.

— Куда он собирался ехать?

— В Хит-хаус в Уэстлтоне. Я записал это в журнал. Вот почему я припомнил, когда полицейские спросили меня. Впрочем, мне этот дом и так знаком. Он находится очень близко от того места, где живем мы с мамой. Мне не понравилось, что к нам нагрянула полиция. «Бранлоу-Холл» такой прекрасный отель. Люди приезжают сюда, чтобы отдохнуть и расслабиться. А не для... — Не

найдя, чем закончить предложение, он умолк. — Признаться честно, в ту ночь накануне свадьбы я чувствовал себя не очень хорошо, — продолжил Дерек спустя некоторое время. — Из-за расстройства...

— Что именно вас расстроило?

— Нет, я имел в виду расстройство желудка. Съел что-то не то.

— Вы не присутствовали на вечеринке?

— Нет. Но меня пригласили! Я так радовался за Сесили и мистера Макнейла.

Интересно, что Сесили была, похоже, единственным человеком в отеле, кого Дерек называл по имени.

— Мне казалось, что они идеальная пара, — продолжал ночной администратор. — И так приятно было видеть ее счастливой. Вы не знаете, где она?

— Пока нет, но надеюсь это выяснить.

— Только бы с ней ничего не случилось. Сесили замечательный человек. Старается никому не доставлять хлопот. И всегда была очень добра ко мне.

— Можете подробно описать мне события той ночи, когда был убит мистер Пэррис? — спросила я.

— Едва ли я смогу вспомнить детали. — Вопреки подобному заявлению, Дерек явно хорошо подготовился. Набрав в грудь воздуха, он ринулся вперед. — Я находился за столом... здесь... в десять вечера. Примерно в это время закончилась вечеринка для сотрудников. Судя по голосам, они славно провели время. Все были очень довольны. Мистер Пэррис поднялся к себе в номер минут через пять после моего прихода, то есть приблизительно в пять минут одиннадцатого. После этого мимо меня прошли всего несколько человек. Как обычные постояльцы, так и гости из числа приглашенных на свадьбу. Короче говоря, к полуночи я остался в полном одиночестве, и это хорошо. Я люблю свою работу, потому что мне нравится, когда я сам по себе. Мама готовит мне бутерброды, я беру что-нибудь почитать, а иногда слушаю радио. Сесили, вообще-то, разрешает смотреть фильмы на компьютере, но я не хочу этого делать, потому как считаю, что моя задача — постоянно быть начеку.

— Так вы что-нибудь слышали или видели той ночью?

— Я как раз к этому и подхожу! — Он снова набрал в грудь воздуха. — Вскоре после полуночи вдруг ни с того ни с сего подал голос Медведь.

— Медведь? Это собака?

— Да, пес Сесили. По большей части он спит в доме, но иногда ночует здесь, на втором этаже. Там он в ту ночь и был, в своей корзине. — Дерек махнул рукой в сторону округлого проема галереи на втором этаже. Видеть корзину со своего места он не мог, но звуки имеют свойство распространяться вниз. — Хозяйева его с собой не взяли, потому как свадьба и все такое, поэтому Медведь устроился там.

— И он издал звук?

— Я подумал, что кто-нибудь ему на хвост наступил или что-то вроде того, и поднялся по лестнице. Но там никого не было. Медведь лежал в своей корзине как ни в чем не бывало. Видимо, ему просто плохой сон приснился. Я нагнулся и погладил пса, и вот тут кто-то и прошмыгнул.

— Прошмыгнул куда?

— По коридору. Из нового лифта по направлению к крылу «Мунфлауэр».

Я уже упоминала, что «Бранлоу-Холл» построен в форме буквы «Н». Присев рядом с собакой, Дерек находился примерно посередине короткой перекладки с коридорами по обоим ее концам. Человек, который направлялся к номеру двенадцать, должен был идти со стороны фасада здания.

— Мог кто-то войти в отель с улицы? — спросила я.

— Не знаю.

— Но парадная дверь была заперта?

Дерек замотал головой:

— Прежде мы никогда не запирали дверь. В те времена не было нужды. — Он нахмурился и добавил важно: — Теперь закрываем.

— Но кто это был, вы не видели. — Особой нужды спрашивать не было. Силуэт, промелькнувший по коридору, мог находиться в поле зрения Дерек а едва ли секунду.

— Я подумал, что это был Штефан, — признался Дерек. Потом он затараторил, буквально захлебываясь словами: — Я никому не хотел причинять вреда. Я только рассказал полиции, что видел. Тот человек нес ящик с инструментами. Ящик точно принадлежал Штефану. Я его тысячу раз видел. И еще на том человеке была вязаная шапка. — Он приложил руки к голове, поясняя, что имеет в виду.

— Вы хотите сказать... бини?

— Да. Штефан часто носил бини. Но свет был тусклый, и все произошло так быстро. Я заявил полицейским, что не уверен.

— Что вы делали дальше? — задала я вопрос. — После того, как заметили человека с ящиком?

— Пошел в главный коридор посмотреть, кто это. Но когда я туда добрался, было уже поздно. Он исчез.

— Скрылся в одном из номеров?

— Надо полагать. — Вид у Дерек а был несчастный, как если бы вся эта история приключилась по его вине. — Полицейские сказали, что злоумышленник зашел в номер двенадцать.

Номер двенадцать располагался всего в пяти или шести шагах от места, где лестничная площадка выходила в коридор, и на той же стороне, что и противопожарная дверь. Если Дерек а направился напрямик туда, то неизвестный, получается, скрылся за считанные секунды.

— Вы слышали, как он постучал?

— Нет.

— Никто ничего не сказал?

— Нет.

— И что вы об этом думаете?

— Ничего я не думаю. То есть тогда я решил, что Штефан зашел в один из номеров, чтобы что-то починить — унитаз, например. Хотя это странно, потому что, вызывая рабочего, постояльцы всегда звонят мне. Но все было тихо. Ни малейшего шума, ничего. Так что немного погодя я вернулся за свой стол, и на этом все закончилось.

— Больше вы ничего не слышали?

— Нет. — Он потряс головой.

— Дерек... — Ну как мне сказать такое мягко? — Фрэнк а Пэрриса насмерть забили молотком. Он должен был кричать. Как-то не верится, что вы могли его не услышать.

— Ничего я не слышал! — Он заговорил громче. — Я был в самом низу и слушал музыку по радио...

— Хорошо, хорошо. — Я дала ему успокоиться. А потом спросила: — Кто обнаружил тело?

— Наташа. Одна из горничных. Она, похоже, русская или вроде того. — При воспоминании о случившемся глаза у него расширились. — Наташа увидела труп, когда вошла убрать комнату. Говорили, что девушка все кричала и кричала, никак не могла остановиться.

— Но это ведь произошло намного позже... На следующий день.

— Да. — Ночной администратор наклонился вперед и почти прошептал: — Кто-то повесил на дверь номера двенадцать табличку «Не беспокоить». Это сделали специально. Чтобы никто не узнал.

— Тогда почему Наташа все-таки вошла туда?

— Потому что табличку сняли.

— Кто?

— Не знаю. Это так и не выяснили.

Больше парень сообщить ничего не мог, я это видела. Вид у него был усталый.

— Спасибо, Дерек, — сказала я.

— Мне так жаль, что это случилось. Отель с тех пор так и не стал прежним. Здесь постоянно такая атмосфера... Я часто говорю это маме. Как будто тут витает некое зло. А теперь вот еще и Сесили пропала. Когда она сделала тот звонок, я сразу догадался: что-то неладно. Сесили была сильно встревожена. Все это части одного целого, и мне кажется, эта история никогда не кончится.

— У вас есть догадки, кто убил Фрэнк а Пэрриса?

Мой вопрос явно удивил Дерекa, как если бы никто и никогда не просил его поделиться своими мыслями.

— Это был не Штефан, — сказал мой собеседник. — Даже если это Штефана я видел идущим по коридору, убийца не он, я уверен. Штефан был хороший парень. Очень тихий. Я знаю, что мисс Трехерн... Лиза то есть, не больно-то жаловала его и считала нечестным, но мне он нравился. Как думаете, ее найдут?

— Сесили Трехерн?

— Да.

— Непременно найдут. Уверена, что она цела и невредима, — бодро произнесла я, хотя в душе прекрасно сознавала, что это ложь.

Я пока и полных суток не провела в отеле, но атмосфера его уже каким-то образом подействовала на меня. Быть может, тут и впрямь витало то самое ощущение зла, о котором говорил Дерек. Не знаю. Но вот в чем я твердо была уверена, так это в том, что Сесили Трехерн мертва.

«Фейстайм»

Старею я, что ли?

Пытаясь связаться с Критом, я смотрела на свое изображение на мониторе и, даже с учетом того, что камера ноутбука никому не льстит, не могла порадоваться тому, что вижу. Я выглядела усталой. Два года под критским солнцем и среди сигаретного дыма пагубно отразились на коже. После отъезда из Лондона я перестала подкрашивать волосы, и не могу сказать с уверенностью, что получила в результате: приятную натуральность или неприглядную седину. Следовать за модой я никогда особо не стремилась. Живя одна в квартире, я взяла в привычку расхаживать в больших не по размеру футболках и леггинсах. Разумеется, на работу я наряжалась как положено, но, оказавшись в вынужденной отставке, избавилась от бремени трех «К»: костюм, колготки, каблуки. Под греческим солнцем я щеголяла в первой попавшейся одежде, только бы она была светлой и просторной. Андреас вечно твердил, что любит меня такой, какая я есть, и нет нужды впечатлять его. Но, глядя сейчас на свое изображение, я пыталась понять, не позволила ли себе опуститься — жуткое выражение, наводящее на мысль о распущенности и упадке.

Послышался сигнал, мое изображение заняло место в углу, где ему и положено находиться, а экран заполнило лицо Андреаса. Я боялась, что его нет дома или, хуже того, что он будет дома, но не ответит. Однако вот он, сидит на террасе. Когда Андреас откинулся на спинку кресла, я разглядела у него за спиной ставни и горшки с шалфеем и душицей, которые посадила сама. Его компьютер стоял на стеклянном столе с трещиной — мы все время собирались его заменить, но так и не заменили.

— Yassou, agariti mou! — произнес Андреас.

У нас, с первого дня моего переезда на Крит, установился шуточный обычай: каждое утро он здоровался со мной по-гречески. Но сейчас невольно мелькнула мысль: уж не хочет ли Андреас уколоть меня, напомнив, что я так далеко от него?

— Как дела? — спросила я.

— Скучаю по тебе.

— Как гостиница?

— Гостиница?.. Да как обычно. Никуда не делась.

Лицо Андреаса озаряло мой экран — во всех смыслах. Смуглая кожа и густые черные волосы подчеркивали ослепительную белизну зубов, а глаза его буквально светились. Он был невероятно красивый мужчина, и, глядя на его изображение на мониторе, я испытала страстное желание пролезть через это прямоугольное окно и очутиться в его объятиях.

«Я не бросила Андреаса, — твердила я себе. — Просто уехала на недельку. Когда все кончится, я вернусь на Крит, разбогатев на десять тысяч фунтов. В конечном счете этот опыт лишь сблизит нас».

— Где ты сейчас? — поинтересовался Андреас.

— В отеле «Бранлоу-Холл».

— Хорошее заведение?

— Полный улет. Картины маслом на стенах и витражные окна. В некоторых номерах кровати с балдахином. Тебе бы понравилось.

— И кто делит с тобой твою кровать?

— Перестань!

— Мне в моей постели тебя не хватает. Здесь без тебя вообще все не так. Многие из постоянных гостей жалуются.

Настроение изменилось, мы посерьезнели. Я только сейчас поняла, что покинула Крит, даже не подумав о неизбежных краткосрочных последствиях. Мы ничего не обсудили, не попытались сгладить углы, проявившиеся в наших отношениях. Последний наш разговор получился резким. «Я не хочу, чтобы ты уезжала», — сказал Андреас. Но я все равно уехала. И сейчас призадумалась: не повела ли себя плохо и, что еще хуже, не разрушила ли что-то очень важное для себя?

— Как там Панос и Вангелис? — осведомилась я.

— Прекрасно.
— Скучают по мне?
— Конечно скучают! — Андреас раскинул руки, так что они скрылись из виду по обе стороны экрана. — Но мы справляемся.
Я нахмурилась:
— Хочешь сказать, что вы вполне способны обходиться без меня?
— Нам нужны деньги! Ты уже получила гонорар?
По правде говоря, Лоуренс ничего мне пока не заплатил.
— Я в процессе, — сказала я.
— Если бы не деньги, я бы тебя ни за что не отпустил. — Эти его слова прозвучали очень погречески. Я не бралась угадать, шутит мой партнер или нет.
— Ну, расскажи мне про убийство, — продолжил Андреас. — Выяснила, кто его совершил?
— Я пока ничего не знаю.
— Это был муж.
— Что?
— Я говорю, что пропавшая женщина наверняка на его совести. В подобных случаях всегда виноват муж. Он не показался тебе подозрительным?
— Я с ним еще даже не разговаривала. И дело гораздо сложнее, чем можно подумать. Все крутится вокруг событий восьмилетней давности. Если кто-то убил Сесили, то именно из-за них.
Андреас указал на экран. Его палец, непропорционально увеличившийся, нацелился на меня.
— Ты, главное, береги себя. Помни, что если опять попадешь в неприятности, меня на этот раз не будет рядом, чтобы помочь.
— Почему бы тебе не сесть на самолет и не прилететь в Англию? — промолвила я, мечтая, чтобы он оказался со мной.
— Без тебя «Полидорус» еще может обойтись. Но не без нас обоих.
Я услышала крики. Они доносились из-под террасы, как мне показалось, но точно определить было сложно. Андреас прислушался, потом пожал плечами, извиняясь.
— Мне нужно идти, — сказал он.
— Если дело в микроволновке, то ее надо сначала выключить, а потом снова включить. Она постоянно барахлит и капризничает.
— Это подходит ко всему в нашем отеле. И вообще ко всей стране! — Андреас наклонился ближе. — Я скучаю по тебе, Сьюзен. И беспокоюсь. Не подвергай себя риску.
— Не буду.
Крики продолжались, становясь все громче.
— Люблю тебя.
— И я тоже тебя люблю.
Мы потянулись друг к другу через две тысячи миль. Пальцы наши одновременно нашли курсор. Мы нажали на клавиши. Экран опустел.

Хит-хаус, Уэстлтон

Следующий день начался с неприятного сюрприза.

Позавтракав у себя в номере, я как раз спускалась по лестнице, когда заметила человека в костюме, решительной походкой направлявшегося от фасада отеля к офису администратора. Я сразу его узнала: сердитый взгляд, темная кожа, мускулистые шея и плечи. Даже походка у него была необычная: он двигался как бульдозер в поисках стены, которую можно снести. Так или иначе, нельзя было не узнать старшего суперинтенданта Ричарда Локка, и на миг меня обуяло желание развернуться и юркнуть в свой номер, сделав вид, будто я что-то забыла, лишь бы не встречаться снова. Помнится, бравый детектив страшно разозлился, когда я в прошлый раз вмешалась в его расследование.

Но я уже зашла слишком далеко, и пути назад не было. Поэтому я склонила голову пониже и поспешила вперед, делая вид, что не замечаю полицейского, погруженная в собственные мысли. Мы прошли буквально в нескольких дюймах друг от друга, и он хоть и видел меня, но явно не узнал. Мне пришлось отметить это обстоятельство как прискорбный недостаток наблюдательности в человеке, величающем себя сыщиком. Говоря по совести, он, должно быть, просто думал о чем-то другом. Я слышала, как Локк спросил про Эйдена Макнейла, и сообразила, что старший суперинтендант пришел доложить мужу об успехах в поисках его жены, а скорее всего, об отсутствии оных. И от души порадовалась, что полицейский меня не узнал, — эта встреча не пошла бы на пользу нам обоим.

А еще это происшествие давало мне повод отложить свою беседу с Эйденем, которой я до сих пор откровенно боялась. Я не разделяла мнения Андреаса, заявившего, что «в подобных случаях всегда виноват муж». То обстоятельство, что Эйден женат на Сесили, отнюдь не возводило его в ранг главного подозреваемого. Напротив, невзирая на слова Лизы, все говорило о том, что эти двое были счастливы вместе. А еще у них был ребенок. Это ведь наверняка означает, что муж не хотел причинить Сесили вреда? Ну и как мне с ним говорить?

Каким облегчением было сесть в свой старый добрый родстер «Эм-Джи-Би» и нажать на газ, уезжая прочь из отеля. День выдался чудесный, но мне хотелось как можно скорее тронуться в путь. Поэтому я выждала, пока миную подъездную дорожку, и только потом остановилась и подняла крышу. Затем я поехала дальше: гнала, врубив максимально разрешенную скорость и ощущая, как поток ветра холодит лицо и треплет волосы. Промчавшись между зеленых лужаек и посадок, я выбралась на трассу A12 и свернула на север, к Уэстлтону. В день своей гибели Фрэнк Пэррис навещал некий Хит-хаус. Мне требовалось выяснить, не там ли жили его родственники и, что еще важнее, не обитают ли они там до сих пор.

Уэстлтон — милая деревушка, а если точнее, то и не деревушка даже, а просто поселение на перекрестке дорог. Здесь пересекаются Йоксфорд-роуд, ведущая в Йоксфорд, Данвич-роуд, ведущая в Данвич, и Блитберг-роуд, ведущая в Блитберг. Чего вы тут не найдете, так это Уэстлтон-роуд, ведущей в Уэстлтон. Как будто кто-то подсказывает, что нет особой причины посещать то место, куда вас занесло. Там есть старомодный автосервис, паб, обозначенный указателем, но невидимый глазу, букинистический магазин, а больше почти ничего. Говорят, деревня расположена рядом с превосходным природным заповедником и отсюда можно прогуляться до моря. Уверена, это славное местечко для жизни.

Разыскать Хит-хаус оказалось непросто, особенно в старой машине без навигатора. В отеле я распечатала карту, но нарезала немало кругов, пока не наткнулась на фермера, моющего трактор из шланга. Фермер указал на узкую улочку, которой я не замечала, по большей части из-за отсутствия у нее названия. Улочка увела меня далеко от центра деревни, в собственно природный заповедник, и в конце уперлась в поросший травой луг с бревенчатым домом на дальней его стороне. Это и был Хит-хаус. Название было написано на американский лад на почтовом ящике у ворот.

Дом был из тех, что предназначены предстать взору летним утром среди свежескошенных лужаек, усыпанных цветами кустов, с раскачивающимся под деревьями гамаком и так далее. Хит-

хаусу было уже лет сто, и, даже не входя внутрь, я знала, что найду там голые балки и открытые очаги, укромные уголки и потолки, с которыми нужно быть начеку, чтобы не удариться головой. Особой красоты в здании не наблюдалось: крыша кое-как залатана черепицей другого цвета, сбоку пристроена уродливая современная оранжерея. Но это был дом из тех, что уютны уже сами по себе. В нем имелось, надо полагать, пять или шесть комнат, две из которых примостились под фронтонами крыши. На дереве висел набор колокольчиков, умиротворяюще позвякивающих на ветру.

Припарковав машину, я вышла. Не было нужды запирасть ее или поднимать крышу. Открыв калитку, я увидела мужчину в синей спецовке, красившего оконную раму. Был он низеньким и худым, очень бледным, с коротко подстриженными волосами и в круглых очках. Это и есть хозяин дома? Или человек, на него работающий? Трудно было сказать.

— Добрый день! — воскликнул неизвестный. Он, похоже, вовсе не удивился, увидев меня. На его губах играла улыбка.

— Вы здесь живете? — спросила я.

— Да. Чем могу помочь?

К такой общительности я оказалась не готова и не могла сообразить, как лучше представиться.

— Простите, что отрываю вас от дел, — начала я. — Но не могли бы мы переговорить. — (Он выжидающе молчал.) — Это насчет «Бранлоу-Холла».

Тут мужчина сразу оживился:

— Да, конечно.

— Я там остановилась.

— Счастливица. Шикарный отель.

— Я хочу задать вопрос о том, что произошло там довольно давно. Вы, случайно, не знали человека по имени Фрэнк Пэррис?

— Да. Я знал Фрэнка. — Мой собеседник заметил, что до сих пор держит малярную кисть, и опустил ее. — Не хотите ли войти в дом и выпить чашку чаю?

Такое гостеприимство меня ошеломило. Он, похоже, был не просто согласен, но горел желанием поговорить со мной.

— Спасибо, — сказала я и протянула руку. — Меня зовут Сьюзен Райленд.

Он критически осмотрел свою ладонь, перепачканную белой краской.

— Мартин Уильямс. Извините, что не могу подать руку. Пойдемте...

Он повел меня за угол дома и далее через сдвигающуюся дверь. Внутри дом оказался в точности таким, как я себе и представляла. Кухня была просторной и уютной, с плитой фирмы «Ага», островком для приготовления пищи, подвешенными к потолочным балкам цветочными горшками и обеденным столом из сосны, вокруг которого стояло восемь стульев. Тут имелись современное окно, выходящее в сад, и арочный проем, ведущий в коридор со стенами из красного кирпича, круглым антикварным столиком и лестницей на второй этаж. Семья закупалась в супермаркете «Уайтроуз». Два фирменных пластиковых пакета стояли на полу в ряд с высокими резиновыми сапогами, кошачьим лотком, гладильной доской, теннисными ракетками, корзиной для белья и велосипедным насосом. Это создавало ощущение не столько неопрятности, сколько обжитого дома. Все находилось там, где следует. Карты, выпущенные картографическим обществом, и пособия по наблюдению за птицами лежали раскрытыми на столе, рядом со свежим номером «Гардиан». Повсюду были фотографии в рамках: две девочки, от младенческого возраста до лет двадцати с небольшим.

— Вам крепкий или с мятой? — спросил Мартин, включая чайник.

Но прежде чем я успела ответить, в комнату вошла женщина. Она была чуть ниже хозяина и примерно того же возраста: в качестве пары они подходили друг другу идеально. Женщина слегка напомнила мне Лизу Трехерн — из породы злючек. Разница заключалась в том, что она была настроена более воинственно. Я вступила на ее территорию, и мне здесь явно были не рады.

— Это Джоанна, — представил супругу Мартин. Потом обратился к жене: — А это Сьюзен. Она приехала из «Бранлоу-Холла».

— Из «Бранлоу-Холла»?

— Да. Хочет разузнать насчет Фрэнка.

При этих словах Джоанна переменялась в лице. Минуту назад она выглядела сдержанно негостеприимной, теперь же заметно встревожилась. Быть может, даже испугалась.

— Это довольно непросто объяснить... — начала я, стараясь ее успокоить.

Стоявший рядом с плитой электрический чайник зашипел.

— Я просто готовлю чай для Сьюзен, — сказал Мартин. — Так вам какой: крепкий или с мятой?

— Крепкий будет в самый раз, — ответила я.

— Я сама сделаю. — Джоанна потянулась за кружками и пакетиками с заваркой.

— Нет-нет, дорогая. Ты лучше посиди и займи гостью. — Уильямс улыбнулся мне. — Не так часто у нас бывают посетители. А мы обществу всегда рады.

Почему у меня сложилось впечатление, что эти двое ведут своего рода игру? Они напомнили мне мужа и жену из пьесы «Кто боится Вирджинии Вулф?» — тех самых, что заманили в свой дом юную пару исключительно с целью разлучить возлюбленных.

Мы с Джоанной сидели за столом, я расспрашивала ее про Уэстлтон, а Мартин тем временем готовил чай. Я забыла все, что она сказала. Помню только ее обращенный на меня взгляд, воинственный и напряженный. Я порадовалась, когда Мартин присоединился к нам. В отличие жены, он держался исключительно приветливо. Даже пододвинул мне тарелку с печеньем.

— Так почему вы заинтересовались Фрэнком? — спросил он.

— Вы с ним родственники? — ответила я вопросом на вопрос.

— Да. — Мой собеседник нисколько не смутился. — Он приходился мне шурином. Джоанна — его сестра.

— И он приехал в Суффолк навестить вас?

— Простите, Сьюзен, но вы не ответили на мой изначальный вопрос. — Он улыбнулся. — С какой стати вы заинтересовались Фрэнком?

Я кивнула:

— Уверена, вы слышали про исчезновение Сесили Трехерн. Ее родители владеют отелем.

— Да. Мы читали об этом в газетах.

— Они попросили меня помочь, потому как считают, что исчезновение дочери может быть связано с убийством Фрэнка.

— А вы кто? Ясновидящая или что-то в этом роде?

— Нет. Я работала в издательстве. Один из моих авторов написал о случившемся, и Трехерны думают, что тут может быть связь. — Объяснять все в подробностях было довольно проблематично, поэтому я решила пойти напролом. — Вы встречались с Фрэнком в те выходные, когда он умер?

На миг мне показалось, что супруги станут отпираться. Джоанна вздрогнула, но Мартин невозмутимо кивнул:

— Ну да. Он приезжал сюда в тот самый день, когда произошла трагедия. Если правильно помню, его убили в ночь на субботу. А здесь он был накануне, утром в пятницу, сразу после завтрака. В котором это было часу, дорогая?

— Около десяти, — ответила Джоанна, не сводя с меня взгляда.

— Можете назвать причину его визита?

— Фрэнк только что вернулся из Австралии. Хотел повидаться с нами.

— Но у вас он не остановился.

— Нет. Мы были бы рады принять его, но он даже не дал нам знать, что находится в Англии, пока не позвонил из отеля утром. Уж таков был Фрэнк — полон сюрпризов.

Я не поверила ни единому из слов хозяина и, самое удивительное, подозревала, что он на это и не рассчитывал. Весь его рассказ и даже эта лукавая улыбочка... все это был спектакль. Мартин походил на фокусника, позволяющего мне посмотреть на карту, но при этом твердо уверенного, что две секунды спустя она поменяется на совсем другую. Его поведение, учитывая, что речь идет о человеческой жизни, о члене семьи, которого жестоко убили, выглядело очень странным.

Я обратилась к Джоанне, решив, что, может быть, до нее окажется легче достучаться:

— Понимаете, мне очень неприятно вмешиваться. Знаю, что это не мое дело, но, как я уже объяснила, я просто пытаюсь найти Сесили, и все, что вы поведаете мне о событиях тех выходных, может оказаться полезным.

— Едва ли нам есть, что сообщить... — попыталась было уклониться Джоанна.

— Спрашивайте о чем угодно, — оборвал ее Мартин. — Нам нечего скрывать.

В романах Алана Конвея люди произносят такую фразу, когда им определенно есть что скрывать.

Я обвела комнату взглядом.

— Как давно вы тут живете? — Я намеренно переменяла тему, заходя с другой стороны.

— Мы переехали... — Мартин принялся загибать пальцы. — Так, это было, наверное, за семь лет до того, как Фрэнк перебрался в Австралию — в девяносто восьмом. В том году умерла мать Джоанны.

— Это дом принадлежал ей?

— Да. До этого мы жили в Лондоне. Я работал на страховую компанию в Сити. «Гест Кригер»... Вы наверняка про них слышали. Они специализируются на искусстве.

— Я искусством не интересуюсь.

— Что ж, к счастью, у фирмы есть много богатых клиентов, которые интересуются. — По губам Мартина промелькнула все та же странная улыбочка. Она начинала меня раздражать. — Джоанне всегда хотелось перебраться из Лондона в сельскую местность. И так уж случилось, что я по большей части работаю на телефоне. Не имеет значения, где я нахожусь. Наши девочки как раз пошли в школу, когда дом освободился, и поэтому мы переехали.

— Какую школу посещали ваши дочери?

— Вудбриджскую.

— У моей сестры там дети учатся, — сообщила я. — А мой партнер раньше преподавал там.

— Школа им очень помогла, — сказала Джоанна, слегка оттаяв. — Они обе теперь поступили в университет.

— Их наверняка порадовала встреча с дядей.

— Девочки с ним не виделись. Их не было дома, когда он приезжал.

— И ваш брат не захотел проведать племянниц? После того, как проделал столь далекий путь из Австралии?

— Фрэнк заезжал по делам, — сказал Мартин, позволив вкрасься в голос ничтожной толике раздражения. Он держал в руке печенье и теперь разломил его и положил обе половинки на тарелку. — Печальная история, но брат Джоанны потерял большую часть денег, вложенных в австралийский бизнес, и в Англию вернулся почти ни с чем. Он задумал снова открыть агентство и предлагал нам войти в долю. — Уильямс покачал головой. — Боюсь, об этом не могло быть и речи, — продолжил он. — Я теперь работаю на себя и вполне доволен, но основать с Фрэнком совместный бизнес я никак не мог. Из этого ничего бы не получилось.

— Почему?

— Потому что я его не любил. Никто из нас его не любил.

А вот и оно, всплыло внезапно. Своего рода признание. Вот только в чем именно?

Джоанна поставила чашку на блюдце, и оно звякнуло.

— Суть не в том, нравился нам Фрэнк или нет, — сказала она. — У меня с братом было очень мало общего. Начать хотя бы с разницы в возрасте. Да и по жизни мы выбрали разные дороги. В Лондоне я работала администратором в Государственной службе здравоохранения. У меня есть Мартин и дети. Я никого не хочу осуждать, но стиль жизни Фрэнка был совершенно чужд моему собственному.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, его сексуальную ориентацию, конечно. Он был гей, и я не имею ничего против, но зачем выставлять это напоказ? Эти вечеринки, наркотики, одежда, которую он носил, и такое множество молодых людей...

— Эй, поаккуратнее! — Мартин, похоже, забавлялся возмущением жены. Он нежно похлопал ее по руке. — Не забывай про толерантность!

— Тебе известны мои мысли на сей счет, Мартин. Мне эти вещи просто кажутся отвратительными, только и всего.

— Фрэнк любил привлекать внимание, — кивнул хозяин дома. — Что правда, то правда.

— Так что же произошло, когда он приехал сюда? — спросила я.

— Он рассказал нам, что потерял кучу денег. — Разговор снова повел Мартин. — Просил нашей помощи. Мы обещали подумать, хотя с самого начала решили, что этому не бывать. Мы вызвали Фрэнку такси, и он вернулся в отель.

— Про свадьбу он не упоминал?

— Вообще-то, Фрэнк нам про нее все уши прожужжал. Гостиница, мол, битком набита, и большой шатер в саду портит вид. Заявил, что владельцы обязаны были сделать ему скидку.

— А про Сесили что-нибудь говорил? Или про ее жениха, Эйдена Макнейла?

— Про них он не упоминал. Хотел бы я рассказать вам больше, Сьюзен, но Фрэнк пробыл у нас всего минут сорок пять. Мы выпили чаю. Поговорили. Потом он уехал.

Джоанна явно желала, чтобы я последовала примеру ее брата. Я допила чай, вторую кружку мне не предложили. Я встала и вежливо произнесла:

— Большое спасибо. Вы оба были очень любезны. Я пробуду в Суффолке еще несколько дней. Вы не против, если мне придется заглянуть к вам еще раз?

— Всегда рады, — ответил Мартин. — Если у вас появятся еще какие-то вопросы, мы охотно на них ответим. Так ведь, Джо?

— Я вас провожу. — Джоанна тоже поднялась и указала на арку.

Держись хозяйка чуть менее формально, могла бы вывести меня через раздвижную дверь — тем путем, которым я вошла. Но Джоанна явно ощущала необходимость проводить гостью через коридор и парадную дверь. И тут мне на глаза попала скрытая до того за плитой пробковая доска с приколотой в углу визиткой, на которой значилось: «Уэсли и Хан, доверенные. Фрамлингем».

Это был тот самый Саджид Хан, подсказавший Лоуренсу и Полин Трехерн, где меня искать. Прежде он вел дела Алана Конвея. Интересно, что связывает его с Мартином и Джоанной Уильямс?

Я собиралась спросить Джоанну насчет юриста, но ничего не вышло. Провожая меня из кухни, она держалась сдержанно вежливо, но едва мы перешагнули через порог, повернулась ко мне, и я увидела в лице женщины невероятную перемену. Джоанна пришла в ярость и смотрела на меня так, словно хотела убить.

— Я не желаю, чтобы вы снова являлись сюда, — прошипела она тихо, чтобы Мартин не услышал.

— Простите?

— Просто убирайтесь. Мы не рады были видеть Фрэнка и не рады вам. Что бы там ни случилось в отеле, к нам это не имеет ни малейшего отношения. Так что проваливайте и впредь оставьте нас в покое.

Я даже не знаю, как вышла из дома. Помню только, как за спиной захлопнулась дверь, и я подумала, что хотя и понятия не имею, что именно сейчас произошло, однако это напрочь лишено хоть какого-нибудь смысла.

Бранлоу-коттедж

Вернувшись в отель, я не заметила поблизости никаких подозрительных людей или полицейской машины, и это позволило мне думать (и надеяться), что старший суперинтендант Локк уехал. Время близилось к полудню, а это означало удобный час для визита к Эйдену Макнейлу. Я до сих пор немного побаивалась встречи с ним, однако понимала, что не могу дольше ее оттягивать. Прямо из машины я позвонила Лоуренсу, но трубку взяла Полин.

— Муж сейчас в саду, — сообщила она. — Прошу прощения, что не пришла вчера на ужин. Я не очень хорошо себя чувствовала.

— Все в порядке, Полин. Я собираюсь побеседовать с Эйденем.

— Ах да. Он общался с полицией этим утром.

— Есть новости?

— Никаких.

— Я только хотела узнать, не переговорил ли Лоуренс с Эйденем. Он сказал, что предупредит его о моем возможном визите.

— Вот чего не знаю, того не знаю. Подождите минутку, я спрошу.

Послышался щелчок (моя собеседница перевела разговор на удержание), а потом издали донесся ее голос. «Дорого-о-ой!» — окликнула она супруга через окно. Я выждала с минуту, потом Полин снова появилась на линии, слегка запыхавшись.

— Да, — сказала она. — Эйден ждет вас.

— Он не против побеседовать?

— Ничуть. Зять готов на все, лишь бы найти Сесили...

Это меня приободрило.

Я прошла через отель, мимо Ларса, который сидел за столом администратора, читая датский футбольный журнал под названием «Tipsbladet». Молодой человек при моем появлении даже головы не поднял. Выйдя на задний двор, я миновала оздоровительный корпус, плавательный бассейн и направилась по гравийной дорожке в Бранлоу-коттедж.

С чего, интересно, им вздумалось называть его коттеджем? Здание представляло собой прочный трехэтажный дом на отдельном земельном участке, обнесенном невысокой стеной с воротами. За оградой виднелись качели и не до конца надутый резиновый детский бассейн. На подъездной дорожке стоял «рейнджровер». Пока я шла по хрустящему под ногами гравию, меня не оставляло какое-то очень странное чувство: смутное беспокойство, а может, даже страх. Но я боялась не Эйдена. Я думала про Сесили, дочь, жену и мать семилетней девочки. Она пошла прогуляться по мирным суффолкским лужайкам и не вернулась. Если ли что-то худшее, что может произойти с человеком? Да, здесь повсюду такие просторы. Живя в сельской местности, ты каждую минуту находишься среди — как бы это лучше выразиться? — необъятной пустоты. Теперь я это ощущала. Но вплоть до этой минуты я никогда не задумывалась, как легко можно стать частью этой самой пустоты.

Когда я приблизилась к парадной двери, она открылась, и навстречу вышел Эйден. Он, должно быть, заметил меня в окно.

— Вы, наверное, Сьюзен Райленд? — воскликнул хозяин Бранлоу-коттеджа, протягивая мне руку.

— Да.

— Вы вовремя. Элоиза поехала забирать Рокси из школы. Входите.

Первое впечатление об Эйдене не совпало с моими ожиданиями. Это оказался очень приятный мужчина, светловолосый, голубоглазый, подтянутый. На нем были джинсы, спортивная рубашка и мягкие туфли. От Трехернов я знала, что ему тридцать два, но выглядел он лет на пять моложе, будучи наделен даром Питера Пэна, угадывавшимся в его подвижности и легкости походки. Проводив меня в кухню, он, не спрашивая, включил чайник. В доме царили чистота и порядок. Ни на одной поверхности не наблюдалось лишних предметов.

— Вы давно приехали? — спросил Эйден.

Только сейчас, когда он повернулся, я заметила усталые глаза, порожденные беспокойством морщины. Он явно плохо спал и в последнее время похудел.

— Вчера. — Я не знала, с чего начать. — Мне очень жаль, что Сесили исчезла. Должно быть, для вас это ужасно.

— Ужасно? — Собеседник вяло улыбнулся, оценивая слово. — Если хотите знать правду, Сьюзен, это даже близко не подходит к тому, что я чувствую. Ужасными стоит назвать подозрения полицейских, что я как-то замешан в этом деле. Еще ужасно то, что они приезжают сюда уже седьмой или восьмой раз, но так и не обнаружили, черт побери, никаких зацепок.

Голос Эйдена звучал как-то странно, как если бы у него болело горло.

— Я знаю старшего суперинтенданта Локка, — сказала я. — Это очень старательный человек.

— Вы думаете? Лично я сильно в этом сомневаюсь. Полагаю, что, если бы детектив Локк и его приятели были немного более старательными, Сесили сейчас была бы уже дома.

Я смотрела, как Эйден готовит чай. Он делал это при помощи коротких, нетерпеливых движений — так алкоголик мог бы наливать себе стакан скотча — и при этом все время говорил, даже повернувшись спиной ко мне:

— Я позвонил в полицию в восемь часов вечера того дня, когда жена исчезла. Это была среда. Сесили должна была вернуться к шести, чтобы помочь уложить Роксану, и я раз десять звонил ей на мобильный. Телефон не отвечал. Что-то стряслось, я это сразу понял, но прошел еще час, прежде чем явился хоть кто-то из полиции. Вроде как патрульные. Но и они не восприняли дело всерьез. Работнички еще те. Начали задавать дурацкие вопросы: «Между вами произошла ссора? Ваша жена находилась в депрессии?» И только когда два часа спустя на станции Вудбридж нашли собаку, полиция начала действовать. Там же обнаружилась и машина Сесили.

— «Рейнджровер»?

— Нет. Это мой автомобиль. Она ездит на «гольф» модели «Эстейт».

Я отметила употребленный в настоящем времени глагол. Эйден не колеблется и считает жену живой.

— А что сказал вам Локк сегодня? — спросила я.

— Да ничего нового. И это в точности характеризует, насколько полиция продвинулась в этом деле. — Эйден открыл холодильник, достал пакет молока и с такой силой поставил его на разделочный стол, что тот чуть не смялся. — Вы не представляете, что это за канитель. Они затребовали все банковские реквизиты Сесили, ее медицинские данные, фотографии — среди них была и сделанная в день нашей свадьбы, опубликованная во всех газетах. Сто человек обыскивают окрестности реки Дебен. Пусто. Потом вдруг начинают появляться донесения. Пропавшую якобы видели в Лондоне. Она была в Норидже. Она появилась в Амстердаме. Хотя как Сесили ухитрилась туда попасть без загранпаспорта, который лежит у нас дома в комод, ума не приложу.

Он налил молоко.

— Мне сказали, что первые семьдесят два часа после исчезновения самые важные. Свидетели, находившиеся неподалеку от места происшествия, до сих пор там и помнят подробности. Еще можно обнаружить улики. Вам известно, что восемьдесят процентов пропавших людей находят в радиусе сорока миль от места, где они живут?

— Я этого не знала.

— Локк мне сказал. Думал, что это должно меня приободрить. Но Сесили они не нашли, а прошло уже больше недели.

Эйден разлил чай, и мы сидели друг напротив друга, не прикасаясь к чашкам. Мне хотелось достать сигарету, но я догадывалась, что хозяин не курит. В доме не чувствовалось запаха дыма, да и зубы у него были слишком белые. Мне вновь вспомнились слова Андреаса: «Пропавшая женщина наверняка на его совести. В подобных случаях всегда виноват муж». Если это и впрямь так, то тогда или Эйден Макнейл величайший из всех известных мне актеров, или он действительно пребывает на грани нервного срыва. Я смотрела, как он сидит сгорбившись напротив меня. Это был человек, напрочь лишившийся покоя и буквально раздираемый переживаниями на части.

— Ваши тесть и теща считают, что исчезновение Сесили может быть как-то связано с книгой, которую она прочитала, — сказала я.

Эйден кивнул:

— «Аттикус Пюнд берется за дело». Да. Они говорили.

— Вы читали ее?

— Да. — Последовала долгая пауза. — Это я дал жене роман. Посоветовал его прочесть. — Он вдруг разозлился. — Если это правда и Сесили исчезла из-за него, значит это моя вина. Хотел бы я, чтобы она никогда не слышала об этой проклятой книжке.

— А сами вы как о ней узнали?

— Один из гостей упомянул. В общем, такая у меня работа. Я разговариваю с постояльцами. Забочусь о том, чтобы они были всем довольны. Сесили ведет документацию, Лиза заведует финансами. А я просто пиарщик. — Эйден встал и подошел к буфету, продолжая говорить. — Я встречал Алана Конвея, когда тот приезжал сюда много лет назад, но понятия не имел, что он собирается написать о нас книгу. Напротив, в разговоре со мной он подчеркнул, что не намерен этого делать... Ублюдок. В общем, наш гость заговорил о детективном романе и сказал, что там описан отель под названием «Мунфлауэр», а как известно, у нас одно крыло так называется. Так что я купил экземпляр и, разумеется, сразу понял, что мы все там фигурируем: Лоуренс и Полин Дерек, это наш ночной администратор, я...

Эйден повернулся. В руках у него была новенькая книга в мягкой обложке. Я узнала силуэт Аттикуса Пюнда, название романа крупными буквами, надпись «БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ „САНДИ ТАЙМС“», горделиво помещенную наверху. Сколько часов потратила я, работая над оформлением серии? Помню, как вела переговоры с художниками, прося их избегать простых контуров и пастельных цветов давно забытой Англии Энид Блайтон, пусть даже книги серии идеально вписываются в эту нишу. Есть множество издателей — взять, к примеру, «Английскую библиотеку классического детектива», — уже заполонивших прилавки книжных магазинов своими винтажными обложками, и нам требовалось отличаться от них. Алан был самостоятельным современным писателем, а не каким-нибудь подражателем Дороти Ли Сэйерс или Джона Диксона Карра. Таково было главное послание, которое я хотела донести до читателя. После смерти Алана издательство «Орион», купившее права на всю серию, изменило обложки, но сохранило общий стиль дизайна. Он оказался удачным, что было в значительной степени моей заслугой.

— Итак, Сесили прочла книгу. Она что-то рассказывала вам о своих подозрениях? — задала я очередной вопрос.

— Ну, буквально в двух словах. Сказала, что в романе есть кое-что странное, что заставило ее усомниться в виновности Штефана. Вроде как получается, что убийца на самом деле не он. Но это все, Сьюзен. Мне бы расспросить жену поподробнее о том, что именно она обнаружила, да нам было не до этого. Возникли кое-какие проблемы с отелем. Роксана приболела. Лиза стервозничала больше обычного. Короче, мы были заняты по горло и не нашли времени сесть и все обсудить.

Мы оба смотрели на остывающий чай, одновременно приходя к пониманию, что не хотим его пить. Эйден встал и достал из холодильника бутылку вина, налил два бокала.

— Я стараюсь держаться ради Роксаны, — сказал он. — Она еще толком не понимает, что происходит, знает только, что мамочка уехала. Ну как мне ей все объяснить?

Он сделал большой глоток вина.

Я выждала немного, пока алкоголь подействует. Потом спросила:

— Вы не против, если мы поговорим про свадьбу? Вашу с Сесили?

— Нет, конечно. Если это способно помочь.

— Как вы познакомились?

— Сесили приезжала в Лондон, подумывая насчет покупки квартиры. Я сам из Глазго. Жил там с матерью.

— Ваша мама была на свадьбе?

— Да.

— А сейчас она не приехала, чтобы помочь?

Эйден покачал головой:

— У нее альцгеймер. Моя сестра Джоди ухаживает за ней. Но мне они здесь не нужны. У меня есть Элоиза. Мать и сестра тут не помогут.

— Простите меня извините, — сказала я. — Продолжайте.

— Я переехал в столицу примерно в две тысячи первом году. Устроился на работу агентом по недвижимости и в результате познакомился с Сесили. Случилось так, что мне выпало показывать ей однушку в Хокстоне. Из Суффолка туда добираться было удобно, но цену заломили непомерную, да и с крышей имелись проблемы. Так совпало, что это произошло в мой день рождения. Я не мог дождаться, когда закончу работу и отправлюсь в паб, где меня ждала куча приятелей. Поэтому я посоветовал клиентке не покупать квартиру, а вместо этого пойти со мной. — Воспоминание заставило его улыбнуться. — Все мои друзья в нее просто влюбились. И сразу поняли, что мы созданы друг для друга.

— Как долго вы были помолвлены?

— Полтора года. С точки зрения Полин и Лоуренса, срок был слишком короткий, но мы не хотели тянуть. Родители Сесили потребовали от меня войти в их семейный бизнес, и я не возражал. То, чем я занимался в Лондоне, и то, что делаю здесь... Особой разницы нет. Работа с людьми.

— А теперь расскажите о самом дне свадьбы. Обо всем, что тогда случилось.

Вино помогало. Не знаю, как Эйден, но я определенно почувствовала себя более расслабленной.

— Мне этого никогда не забыть. — Мой собеседник тряхнул головой. — Сесили начала день с чтения своего гороскопа в газете. «Готовьтесь к превратностям судьбы», — говорилось там. Едва ли бы вам понравился такой прогноз в день свадьбы, и Сесили всерьез встревожилась. Разумеется, предсказание сбылось в точности, и все пошло наперекосяк. Наверное, мне не стоит об этом упоминать, но я считаю, что Лоуренс и Полин совершили грубейшую ошибку, не закрыв отель для других гостей. Поступи они иначе, все было бы под контролем, Фрэнк Пэррис не поселился бы там и ничего вообще не случилось бы.

— Когда вы встретились с ним?

— В четверг вечером, когда он приехал. Фрэнк забронировал номер стандарт, и мы поселили его в крыле «Мунфлауэр». Комната была совершенно чудесная, но ему не понравилась. Он хотел что-то более традиционное и высказал претензии. Мне удалось уладить все наилучшим образом и перевести его в номер двенадцать. Там его и убили.

— Опишите Фрэнка.

Эйден задумался.

— Лет пятидесяти, волнистые седые волосы, довольно короткие. Он только-только приехал из Австралии, очень устал после долгого перелета и в силу этого был несколько раздражительным. Но на следующий день он держался приветливее.

— Вы виделись с ним дважды?

— Я его регистрировал. Затем мы с Сесили встретили его в обед в пятницу у дверей отеля. Он выходил из такси. Сказал, что доволен новым номером, а когда узнал, что мы собираемся пожениться, рассыпался в любезностях. Весь такой жеманный. Сразу видно, что из тех, кто любит покрасоваться. Скажи вы мне, что буквально несколько часов спустя его убьют, я бы не поверил. Он был из тех, кто полон жизни.

— Фрэнк не упоминал, что делал в Уэстлтоне?

Эйден на секунду задумался.

— Нет, не припомню. Про Уэстлтон Фрэнк ничего не говорил, зато сообщил, что намеревается этим вечером сходить в оперу в Снейп-Молтингсе. Там вроде как давали что-то из Моцарта. Не стану утверждать, что он приехал специально ради этого. Но есть люди, способные проделать много миль, чтобы побывать в этом концертном зале. Некоторые останавливаются у нас.

— И больше вы его не встречали?

— Может, и встречал. Но если и так, то не обратил внимания. Вы же понимаете, Сьюзен, что у меня и без того забот было по горло.

— А вечером в пятницу состоялась вечеринка для обслуживающего персонала?

— Да, и это вполне в духе Лоуренса и Полин. Им хотелось, чтобы все приняли участие в торжествах. Они хорошие люди и считают, что все сотрудники отеля — одна семья. — Эйден глянул в окно, словно бы услышал что-то. Но Роксана пока не возвращалась. — Вечеринка началась в половине девятого и продлилась примерно час.

— Штефан на ней присутствовал?

— Да. Все там были. Лайонел, Дерек, Штефан, Лиза... Хотя нет, Дерек не пришел. Но все остальные были.

— Вы разговаривали со Штефаном?

Мой собеседник задумчиво нахмурился.

— Возможно. В самом деле не помню. Но едва ли я мог провести с ним много времени, потому как он уходил с работы.

— Штефан увольнялся?

— А разве вам никто не сообщил? Его выгнали. Лиза сразу невзлюбила Штефана. Была уверена, что парень приворовывает по мелочам. По правде говоря, Лиза не нуждалась в поводе, чтобы от него избавиться. Уж если вы Лизе не понравились, то пиши пропало. Это всем известно. Она и мне-то не слишком симпатизирует, если честно, но тут причина скорее в том, что я женат на ее сестре. Лиза терпеть не может, когда у Сесили есть что-то такое, чего нет у нее самой.

Я призадумалась. Как там Лиза выразилась во время ужина насчет Штефана? «Нам давно уже следовало его уволить». Возможно, она хотела сказать, что и впрямь уволила парня, но сделала это уже позже, однако у меня создалось впечатление, что собеседница преднамеренно скрыла это обстоятельство, что выглядело странным. Значит, Штефан тогда как раз узнал, что потерял работу? Помимо прочего, это могло подтолкнуть его к кражам у гостей, поскольку впредь он лишился такой возможности. Мне подумалось, что Лиза не преминула бы обратить на это мое внимание. Но она промолчала. Почему?

— Значит, Фрэнка Пэрриса вы больше не видели? — спросила я.

— Нет. До половины девятого я был с Сесили. Потом мы пошли на вечеринку. А после отправились в постель.

Услышав это, я удивилась:

— Вы разве не по отдельности должны были спать в ту ночь? Накануне свадьбы?

— А зачем нам это? Свадьба была традиционная во многих смыслах. Так захотела Сесили. Но устраивать мальчишник и девичник мы не собирались. Как и спать в отдельных комнатах.

Мне вспомнились недавние слова Эйдена.

— Вы говорили, что гороскоп в тот день сулил Сесили превратности судьбы, и предсказание сбылось в точности: все пошло наперекосяк. Что именно вы имели в виду?

— Ну, согласитесь, мало радости, когда твоя свадьба омрачается убийством...

— Это понятно. Но были и другие неприятности?

— Вы в самом деле хотите знать? Так, разные накладки, которые не имеют никакого значения.

— В данном случае все имеет значение. Никогда не угадаешь, что именно может пригодиться.

Эйден вздохнул:

— Ну, это были просто досадные мелочи. Из разряда тех, что случаются на каждой свадьбе. Начать с того, что с шатром вышла задержка. Его привезли только после обеда в пятницу, и рабочие провозились с ним всю вторую половину дня. Одна из подружек невесты заболела и не смогла приехать. Сесили сочла, что это плохая примета. А потом она расстроилась, потеряв ручку, которая должна была быть при ней во время бракосочетания в розарии.

— Она потеряла шариковую ручку?

— Нет, чернильную, которую принес ей отец. Лоуренс коллекционирует старинные авторучки. Он так гордился, что сумел раздобыть ее к свадьбе.

— Лоуренс купил эту ручку в качестве подарка?

— Нет, взял напрокат в одной антикварной лавке. Она была синяя. И совершенно новая.

— Простите? — Я была совершенно сбита с толку. — Вы вроде как говорили про антиквариат?

— Ну да, ручка была старинная, однако новая. Взятая взаймы и при этом синяя! Теперь ясно?

— Ну разумеется. — Я чувствовала себя полной идиоткой и предпочла не углубляться в тему.

— Короче, ручка так и не нашлась. Позже мы подумали, что ее мог стянуть Штефан. Но на этом неприятности не закончились. Грузчики расколотили целый ящик с бокалами для вина. Торт не получился. Ну и зачем я вам все это рассказываю? В целом свадьба у нас была самая обычная, ничем не примечательная.

— За исключением того, что произошло убийство.

— Да, верно. — Мой довод отрезвил Эйдена. — Этот день призван был стать счастливейшим в нашей жизни. Бракосочетание состоялось в полдень, в саду. Венчания не планировалось, поскольку мы оба неверующие. Примерно в четверть первого мы уселись за обеденный стол. И только начались тосты, как одна из горничных отеля — ее звали Наташа Мэлк — выбежала из номера с воплями про убийство. На этом, как вы понимаете, торжество и закончилось.

Эйден допил вино и отставил бокал в сторону, давая понять, что больше пить не будет.

— Я любил Сесили сильнее, чем вы можете себе представить. И сейчас люблю. Она умная, красивая, деликатная и прекрасно меня понимает. У нас чудесная дочь. И вот вдруг случается такое, и вся моя жизнь превращается в чертов кошмар.

Как раз в эту секунду на подъездной дорожке появился автомобиль, серебристый «фольксваген-гольф-эстейт». В молодой женщине за рулем я узнала няню. Роксана сидела, пристегнутая, на заднем сиденье. Машина остановилась. Няня вышла, и Медведь, золотистый ретривер, выпрыгнул следом за ней. Именно этот пес лаял той ночью, восемь лет назад. Тогда он, наверное, был совсем еще щенком. Теперь это была взрослая собака, перекормленная и грузная, действительно схожая с медведем.

— Не возражаете, если мы продолжим беседу в другое время? — спросил Эйден.

— Ничуть.

— Сколько вы еще намерены тут пробыть?

Хороший вопрос. Я и сама толком этого не знала.

— Неделю, возможно, — ответила я.

— Понятно. Спасибо вам за то, что пытаетесь помочь.

До сих пор я ровным счетом ничего не сделала.

Оставив Эйдена Макнейла в кухне, я направилась к выходу. Стоило мне отворить дверь, как в дом влетела Роксана, которой не терпелось увидеть отца. Меня она, похоже, даже и не заметила. Это была премилая девчушка, черноволосая, с темно-кариими глазами. Отец подхватил ее на руки.

— Как поживает моя девочка?

— Папуля!

— Где вы были?

— Гуляли в парке. Мамачка вернулась? Я так по ней соскучилась!

— Пока нет, детка. Потерпи еще немного...

Выйдя за порог, я столкнулась лицом к лицу с няней Элоизой, которая несла одеяло и корзину для пикника. На миг мы обе замерли, не в силах решить, кому из нас следует уступить дорогу.

Элоиза обожгла меня яростным взглядом. В какой-то степени это было повторением случившегося сегодня утром с Джоанной Уильямс, но в то же время по-другому. Исходящая от нее эмоция была такой мощной и сконцентрированной, что я в буквальном смысле слова оторопела. И главное, вся эта ненависть не имела под собой никакой причины. Мы ведь прежде даже и не встречались никогда. Ранее я описала Элоизу как женщину смуглую и худощавую, но теперь поняла, что она еще была злобной и опасной, как персонаж из древнегреческой трагедии. Даже в этот погожий летний день одежда на ней была серой. Волосы черные как смоль с серебристо-седой прядью на боку. Не столько Мэри Поппинс, сколько Стервелла де Виль.

— Вы кто? — спросила няня.

— Друг семьи. Меня попросили помочь.

— Мы не нуждаемся в помощи. Нам нужно только одно: чтобы нас оставили в покое. — Элоиза говорила с французским акцентом, как в артахусном фильме. Она буквально впиалась взглядом в мое лицо.

Я бочком обогнула няню и зашагала обратно к отелю. Отойдя на некоторое расстояние, я обернулась, чтобы бросить на дом последний взгляд. Элоиза была все еще здесь, стояла на пороге, и весь вид ее недвусмысленно предупреждал: даже и не вздумай впредь сюда возвращаться.

Переписка

От: Крейг Эндрюс <CAndrews13@aol.com>

Отправлено: 20 июня 2016 года в 14:03

Кому: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr>

Тема: RE: Штефан Кодреску

Привет, Сьюзен!

Я очень удивился, получив от Вас письмо. Вижу, Вы используете новый электронный адрес. Это в Греции? Я искренне огорчился, услышав о трагедии, случившейся в издательстве «Клоуверлиф букс». Кстати, а что там на самом деле произошло? Каждый озвучивает свою версию. В любом случае мне жаль, что мы с Вами больше не видимся. Я вошел во вкус наших долгих посиделок под чипсы «Принглс» и бокал сухого вина!

Видели мою новую книгу в списке бестселлеров? Правда, она продержалась там всего неделю, что не помешало издателям разместить эту информацию на обложке. Роман называется «Отмечая время». (Да, знаю, что Вы скажете: снова слово «время» в названии и опять тот же самый герой, Кристофер Шоу... Я предпочитаю оставаться в зоне комфорта, а издатели из «Ходдера» не возражают.)

Теперь что касается Штефана Кодреску. Он содержится в королевской тюрьме Уэйленд, что в Норфолке. Для встречи с ним Вам потребуется его согласие, или, возможно, Вы переговорите с его адвокатом. Я нашел его через Интернет. Вы никак заинтересовались убийством? Жутко хотелось бы узнать, что у Вас на уме. Просигнальте потом что и как.

Берегите себя.

Крейг

P. S. Если будете в Лондоне и нужно будет где-то остановиться, дайте знать. Я сейчас сам по себе, и места хватает. Обнимаю.

Штефану Кодреску

IP25 6RL, Тетфорд, Гристон,

Томпсон-роуд, королевская тюрьма Уэйленд

20 июня 2016 года

Уважаемый Штефан!

Меня зовут Сьюзен Райленд, я раньше работала редактором в издательстве «Клоуверлиф букс».

Мы с Вами никогда не встречались, а пишу я Вам вот по какой причине. Недавно ко мне обратились Лоуренс и Полин Трехерн, владельцы отеля «Бранлоу-Холл», где, насколько мне известно, Вы прежде служили. Вы могли прочитать в газетах, что их дочь Сесили пропала, и родители очень сильно встревожены. Они считают, что я могу помочь.

Дело в том, что самым известным из писателей, с которыми я работала, был некий Алан Конвей. Он написал книгу, отчасти основанную на событиях, которые произошли в «Бранлоу-Холле» восемь лет назад. К сожалению, сам Алан уже умер, и я не могу переговорить с ним, но, похоже, в его романе есть некое обстоятельство, связанное с загадочным исчезновением Сесили Трехерн. Оно может также иметь непосредственное отношение к Вам и вынесенному Вам обвинительному приговору.

Мне бы очень хотелось встретиться с Вами как можно скорее. Насколько я понимаю, мне позволят приехать в тюрьму Уэйленд, только если Вы внесете меня в список своих посетителей. Можете Вы это сделать? Если надумаете

связаться со мной, позвоните по номеру: 07710 514444 или напишите на мое имя в «Бранлоу-Холл». Жду от Вас вестей.

С наилучшими пожеланиями,

Сьюзен Райленд

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 14:18

Кому: Джеймсу Тейлору <JamesTaylor666!@gmail.com>

Тема: Алан Конвей

Дорогой Джеймс!

Давненько мы с Вами не общались, и надеюсь, что адрес Вашей электронной почты за это время не изменился. Как поживаете? Помнится, прошлая наша встреча переросла в очень пьяный ужин в «Короне» во Фрамлингеме, и Вы тогда поделились со мной намерением поступить в театральное училище. Осуществились ли Ваши планы? Не предстоит ли мне вскоре увидеть Ваше имя на афишах?

Вы, вероятно, удивлены, с какой стати я вдруг решила Вам написать. Это долго объяснять, скажу лишь, что я неким образом оказалась снова втянута в историю с Аланом Конвеем.

У него есть книга под названием «Аттикус Пюнд берется за дело». Он написал ее еще до того, как Вы с ним стали партнерами, и разумеется, Вы тогда еще не превратились в помощника Пюнда! Есть все основания полагать, что сюжет основан на реальных событиях, имевших место в Суффолке, в отеле «Бранлоу-Холл». Не помните, может, Алан когда-нибудь упоминал это место? За убийство был осужден некий Штефан Кодреску, но вполне вероятно, что настоящий преступник вовсе не он.

Мне известно, что Алан хранил кучу записей. Помню, как мы с Вами рылись в его кабинете, пытаясь отыскать информацию насчет «Английских сорочьих убийств». Как понимаю, вместе с Эбби-Грейндж Вы также унаследовали и архивы Конвея. Возможно, Вы выбросили все бумаги на помойку, но если вдруг что-то сохранилось, то это могло бы мне помочь.

Связаться со мной можно по этому адресу электронной почты или же по телефону: 07710 514444. В любом случае буду рада встрече. Вы, полагаю, сейчас в Лондоне, а я в данный момент нахожусь в Суффолке, но могу подскочить к Вам в любое время.

С приветом,

Сьюзен (Райленд)

Пятн. 20 июня, 14:30

Лайонел, здравствуйте! Этот номер все еще Ваш? Вы сейчас в Англии? Извините за беспокойство, но не могли бы Вы со мной встретиться по одному важному вопросу? Это насчет Сесили Трехерн из Бранлоу-Холла. С уважением,

Сьюзен Райленд

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 14:38

Кому: Кейт Лейт <Kate@GordonLeith.com>

Тема: Алан Конвей

Привет, Кэти!

Я снова ненадолго приехала в Великобританию и сейчас в Суффолке! Прости, не было времени позвонить или прислать письмо. Очень неожиданно все случилось. Боюсь, это снова касается Алана Конвея. Ну никак он не оставит меня в покое.

Как дела? Как там Гордон, Джек, Дейзи? Сто лет прошло, а вы так и не приехали на Крит!

Как насчет ужина сегодня или завтра (в субботу)? Я могу приехать, или вы приезжайте ко мне. Я остановилась в отеле «Бранлоу-Холл» (бесплатно). Звони или пиши.

С любовью,

Сьюзен (чмок-чмок)

Пятн., 20 июня, 14:32

Здравствуй, Сьюзен. Да, я читал про Сесили в газетах. Ужас. Помогу чем смогу. Я в Лондоне, работаю в клубе «Верджин Эktiv Барбикан». Звоните или пишите на LCorby@virginactive.co.uk в любое время. Всего доброго.

Лайонел

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 14:45

Кому: Лоуренс Трехерн <lawrence.treherne@Branlow.com>

Тема: Сесили

Уважаемый Лоуренс!

Надеюсь, что с Вами все хорошо и что Полин чувствует себя лучше.

Я встретила сегодня утром с Эйденем, и мы отлично поговорили. Еще мне удалось связаться с Лайонелом Корби по номеру, который Вы мне дали. Он в Лондоне, и завтра я, вероятно, съезжу туда и повидаяюсь с ним. Конечно, можно было бы пообщаться по телефону, но лицом к лицу, мне кажется, будет правильнее.

Пока я буду отсутствовать, не могли бы Вы оказать мне услугу? Можете записать все, что произошло, с Вашей точки зрения, в четверг, 14-го, в пятницу, 15-го, и в субботу, 16 июня 2008 года? То есть в тот свадебный уик-энд. Вы разговаривали с Фрэнком Пэррисом? Видели или слышали что-то в ночь, когда он был убит? Понимаю, это весьма обременительная просьба, но чем с большим количеством людей я общаюсь, тем запутаннее все становится, и такой обзор и в самом деле может оказаться очень полезным.

Также (хоть мне и неприятно упоминать об этом) я буду очень признательна, если Вы передадите мне часть вознаграждения, о котором мы с Вам условились. Мой партнер Андреас остался сейчас один на Крите, и ему нужны дополнительные сотрудники, чтобы компенсировать мое отсутствие. Если Вам удобнее перечислить деньги по безналичному расчету, могу выслать Вам банковские реквизиты.

Спасибо.

Сьюзен.

P. S. Вы обещали узнать, как звали директора школы, который должен был въехать в номер двенадцать, если бы туда не поселили Фрэнка Пэрриса. Вам удалось найти эту информацию?

От: Кейт Лейт <Kate@GordonLeith.com>

Отправлено: 20 июня 2016 года в 15:03

Кому: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr>

Тема RE: Алан Конвей

Сью!

Поверить не могу, что ты здесь и даже ничего мне не сказала. Ну конечно, приезжай — сегодня в семь или когда удобно. Что ты делаешь в «Бранлоу-Холле»? Рада, что ты не платишь — цены там просто сумасшедшие. Годрона, боюсь, не будет дома. Работает допоздна, как обычно. Дейзи тоже путешествует, зато Джек способен осчастливить нас своим присутствием.

Дай знать, если вдруг что-то не случится. В противном случае жду тебя около семи.

Сгораю от нетерпения увидеть.

Кэти (чмок-чмок-чмок-чмок)

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 15:20

Кому: Андреасу Патакису <Andakis@polydorus.co.gr>

Тема: Скучаю по тебе

Мой дорогой Андреас!

Чудно как-то посылать тебе электронное письмо. Мы никогда не общались по электронке... уж точно не в последние два года (за исключением той истории, когда ты пропал в Афинах и я уже собиралась обращаться в Интерпол). Но я сейчас рассылаю целый букет имейлов, и этот способ общения кажется мне самым простым.

Прежде всего, я скучаю по тебе. Честно-честно. Первое, что я заметила, проснувшись поутру, так это пустую половину двуспальной кровати. Ее, правда, для меня заполнили несуразной горой из подушек, но это ведь не одно и то же. Я пробыла здесь всего пару дней, но кажется, что уже прошла целая вечность. Будучи в Лондоне, я проезжала мимо здания «Клоуверлиф букс» (оно до сих пор стоит в лесах), и у меня возникло странное чувство, что на самом деле мне здесь не место. И я не уверена до конца, где оно теперь, мое место в этом мире.

Про Сесили Трехерн сказать особо нечего. Сегодня поутру я встретила с ее мужем, Эйденом Макнейлом, и прониклась к нему большей симпатией, чем ожидала. Я буду очень удивлена, если вдруг выяснится, что он хоть как-то причастен к исчезновению жены. Он не просто расстроен, но страшно переживает, я бы даже сказала, что вид у бедняги изможденный. У него есть семилетняя дочка, за которой присматривает няня, вида настолько зловещего, что ей впору в триллерах сниматься. И еще пес — по сути, свидетель, потому как он был там, в своей корзине, в ту самую ночь, когда убили Фрэнка Пэрриса. Если бы только собака могла говорить!

Насколько я могу судить, полиция если официально и не прекратила искать Сесили, то особо не усердствует. Дело ведет старший суперинтендант Локк. Этот же самый сыщик расследовал убийство Алана и проявил себя тогда не слишком способным. Мы с ним пока не разговаривали, но это, наверное, и к лучшему, потому как — ты наверняка помнишь — в прошлый раз мы не ладили.

Что до произошедшего много лет назад убийства, то оно выглядит не менее запутанным, чем в романе Алана Конвея, но без привычных улик и подсказок от автора, которые помогли бы мне раскрыть преступление. А если верно то, что Штефан Кодреску его не совершал, то мы снова упираемся в пропавшую последнюю главу! Я выяснила, в какой тюрьме содержится Штефан, и написала ему, однако не уверена, что он согласится со мной встретиться.

Но я хочу написать тебе не про убийство, а совсем про другое.

Все это произошло так стремительно — я имею в виду свое решение отправиться в Англию, — и я знаю, что пробуду тут всего около недели, но это побудило меня призадуматься: о нас, об отеле и о Крите. Я люблю тебя, Андреас, и хочу быть с тобой, но у меня начинает вызывать беспокойство то, в каком направлении развиваются отношения между нами.

У нас никогда нет времени поговорить о чем-либо, кроме дел, и иногда я пытаюсь понять: это мы управляем отелем или он управляет нами? Я изо всех сил старалась честно выполнять свои обязательства, но мы двое работаем так много, что просто не находим времени друг для друга. И буду откровенной. Я всю свою жизнь проработала в издательстве. Меня неизменно приводило в восторг все, имеющее отношение к книгам: рукописи, редакция, презентации, вечеринки. Мне этого не хватает. Я просто чувствую себя неполноценной. Боже, это звучит ужасно. Получается, все дело во мне? Но нет, это не так. По правде говоря, в нас обоих.

Мне просто кажется, что нам следует сесть и подробно все обговорить: что мы делаем, зачем мы это делаем и к чему в итоге хотим прийти, работая вместе. Я даже задаю себе вопрос: счастлив ли ты в «Полидорусе», особенно когда все идет кривь и вкось? Если мы совершили ошибку, нам нужно набраться смелости и признать это. Последнее, чего мы хотим, это закончить взаимными обвинениями,

но иногда у меня возникает впечатление, что дело приобретает именно такой оборот.

Ну ладно, на этом я умолкаю. Я еду ужинать с Кэти. Пожалуйста, не возражай мне, а сперва хорошенько подумай и постарайся меня понять. Как бы я хотела, чтобы «Английских сорочьих убийств» никогда не существовало. Проклятый Алан Конвей. Это все его вина.

С безграничной любовью,

Сьюзен

От: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr >

Отправлено: 20 июня 2016 года в 15:35

Кому: Майклу Били <mbealeyt@orionbooks.com>

Тема: Лондон/помощь

Добрый день, Майкл!

Понимаю, что прошло немало времени, но я снова приехала в Лондон на несколько дней и просто хотела бы узнать, нет ли каких-нибудь вакансий в «ОБ» или в «Ашетт»? Помните, Вы делали мне предложение пару лет назад? Мы тогда славно пообедали в «Уэлсли», и я почти поддалась на Ваши уговоры... Это было до того, как все пошло кувырком!

Или, может, Вам приходилось слышать, что кто-то ищет сотрудников? Главного редактора? Выпускающего редактора? Мне подойдет что угодно.

Надеюсь, у Вас все хорошо. Рада, что ваше издательство делает деньги на Аттикусе Пюнде, причем с оригинальными обложками!

Жму руку,

Сьюзен

«Три трубы»

Когда я подкатила на «Эм-Джи» к дому Кэти, сестра выскочила мне навстречу, и оставалось предположить, что она сидела и ждала, когда раздастся звук мотора. С нашей последней встречи прошло два года, но Кэти ничуть не изменилась. Она обрадовалась мне и казалась совершенно спокойной. Я вышла из машины, и мы обнялись.

— Прекрасно выглядишь! Дивный загар. Бог мой, да ты больше на гречанку похожа, чем на уроженку Англии!

Я привезла ей оливковое масло, мед и пряности из горной деревушки Критса. Забрав подарки, Кэти проводила меня в дом, и я вынуждена была признать, что впервые за все время приезда в Англию чувствую себя желанным гостем.

Сестра, само собой, приготовила идеальное угощение, идеально сервированное на идеальной кухне. Как ей это удалось? Я отправила ей электронное письмо в половине третьего, она в этот день работала в местном садовом центре, но при этом ухитрилась приготовить марокканский тажин из курицы с нутом, миндалем и кускусом, который подала на стол с охлажденным розовым вином. Это я к тому, что зайди вы ко мне в квартиру в Крауч-Энде, не обнаружили бы там даже половины необходимых ингредиентов. Измельченный тмин? Листья кориандра? Большинство баночек для специй в моем буфете имели вид замасленный и пыльный, потому как никогда не открывались, а чтобы найти в холодильнике овощи — не увядшие, без бочков или не сморщенные, — стоило очень хорошо постараться. Если хотите поужинать со мной, готовьтесь есть разогретую в микроволновке пиццу. Но хотя я и предлагала Кэти пойти в паб или в ресторан в Вудбридже, сестра даже и слышать об этом не желала.

— Нет. В ресторане толком не поговоришь, да и Джек попозже домой вернется и захочет встретиться с тетушкой.

Ее сын Джек, двадцати одного года, учился теперь на первом курсе Бристольского университета. Девятнадцатилетняя Дейзи устроила себе годичные каникулы, помогая беженцам в Северной Франции.

Забавно, насколько близки мы всегда были с сестрой, оставаясь при этом совершенно разными. Это проявилось еще в нашу бытность детьми. Мы росли вместе, в самом обычном доме в Северном Лондоне. Ходили в одну школу. Менялись одеждой и подначивали друг друга насчет бойфрендов. Но если Кэти была совершенно счастлива и мечтала о том дне, когда у нее будет собственный дом и та жизнь, которой желали нам родители, то я частенько сбегала в местную библиотеку и грезилась о совершенно иных вещах. Я вливалась в шайку в таверне «Ямайка», грабя потерпевших крушение моряков, неосторожно приблизившихся к берегу. Я влюблялась в Эдварда Рочестера, но в моей версии романа спасала его из огня. Я отправлялась в затерянный город Кор и обретала бессмертие в огненном столбе. Мы были полной противоположностью Сесили и Лизе Трехерн, этим враждующим сестрам, находившимся в буквальном смысле на ножах. У нас с Кэти не было ничего общего, кроме любви и привязанности друг к другу, которые мы пронесли через всю жизнь.

Бывали времена, когда я хотела бы сильнее походить на сестру. Жизнь Кэти являла собой образец уюта и упорядоченности: двое детей, теперь уже взрослых; муж-бухгалтер, трижды в неделю ночующий в Лондоне, но по-прежнему обожающий жену после брака длиной в четверть века; работа с частичной занятостью; круг близких друзей; общественная деятельность... Ну и все такое прочее. Мне Кэти часто представлялась более умной и зрелой версией меня самой.

И тем не менее я бы не смогла жить в таком вот доме. Я бы вообще не купила дом, имеющий название. Для таких, как я, вполне достаточно номера.

«Три трубы» располагались в тихом переулке в виде полумесяца на окраине Вудбриджа. И да, у дома действительно имелись три трубы, хотя они и являлись чисто декоративными, потому как в каминах были установлены светильники с имитацией огня. Глядя на все эти отполированные поверхности, сдвигающиеся стеклянные двери, пушистые ковры и со вкусом подобранные

предметы искусства, я понимала, что, живя здесь, чувствовала бы себя запертой в клетку. Но Кэти, похоже, так не считала. Она была матерью, женой, домохозяйкой. Ей нравилось существовать в определенных рамках.

Однако не стану утверждать, что мой собственный, беспорядочный стиль жизни мог послужить для кого-то предметом зависти. Моя ранняя любовь к книгам не привела меня в те места, которые я себе воображала. Она привела меня... к книгам. Я начала с должности младшего редактора в «Харпер-Коллинз», затем стала выпускающим редактором, потом — старшим редактором и, наконец, главой отдела художественной литературы в компании, которая в буквальном смысле слова сгорела ясным пламенем. Издательская индустрия густо населена идеалистами, людьми, бескорыстно любящими свою работу. Вот почему столь многим из нас так плохо платят. Мне посчастливилось приобрести двухкомнатную квартиру в Крауч-Энде еще до того, как цены на недвижимость сошли с ума, однако с ипотекой удалось полностью развязаться только перед самым отъездом на Крит. У меня было много романов с мужчинами, но ни одна связь не была длительной, потому что я сама этого не хотела. Пока не появился Андреас и не изменил все.

Вот такими мы были. Две сестры, глядящие друг на друга через провал, становящийся с годами все шире, разделенные пропастью, но одновременно близкие. Порой мы осуждали друг друга, но, возможно, это лишь помогало нам лучше понять самих себя.

— Думаешь, разумно было позволить втянуть себя в очередное расследование убийства? — спросила Кэти.

— В этот раз я буду более осторожной.

— Надеюсь.

— Да и вообще, мне начинает казаться, что вся эта затея обернется пустой тратой времени.

— Почему? — удивилась она.

— Да потому, что чем больше я задаю вопросов, тем более очевидным становится, что Фрэнка Пэрриса убил именно Штефан Кодреску. Все улики указывают на него, и, судя по всему, кроме Штефана, мотив имелся только у двух человек, причем, откровенно говоря, я даже не вполне понимаю, что это был за мотив.

— А кто эти люди?

— Ну... Семейная пара, живущая в Уэстлтоне, Мартин Уильямс и его жена Джоанна, сестра покойного Фрэнка.

Вид у Кэти стал изумленный.

— Неужели Джоанна и Мартин Уильямс? Ну и ну!

— Ты их знаешь?

— Встречалась однажды. Не могу сказать, что они мне понравились.

Это было необычно. Как правило, Кэти хорошего мнения обо всех вокруг.

— А что именно тебя насторожило? — осведомилась я.

— Да так, ничего определенного. Просто не понимаю я таких людей. — Видя, что мне нужно больше подробностей, сестра неохотно продолжила: — Эта Джоанна — настоящий деспот. За столом она главная, никому и слова не дает вставить. А Мартин — законченный подкаблучник. Жена вертит им как хочет. И ей это, похоже, доставляет удовольствие.

Меня это озадачило.

— Когда ты с ними встречалась? — спросила я.

— Ну... Сто лет назад. Наверное, еще даже до убийства. Они оба присутствовали на каком-то обеде, и я запомнила их только потому, что у меня просто в уме не укладывалось, как двое таких разных людей способны много лет ужиться в браке!

— Значит, говоришь, жена всем заправляет, а муж подкаблучник? Ты уверена?

— Абсолютно.

— Это странно. Я видела их сегодня утром, и мне показалось, что у них в семье все обстоит как раз наоборот. — Не желая особо заморачиваться, я выкинула чету Уильямс из головы. — Да, по всему получается, что убийца Штефан. Я имею в виду... кровь на подушке, кровь в душе, деньги под матрасом. Его даже видели входящим в номер!

— В таком случае что же произошло с Сесили Трехерн?

— Возможно, это просто совпадение. Она могла упасть в реку. Допустим, решила искупаться и утонула. Если верить ее сестре Лизе, брак Сесили был вовсе не таким уж благополучным, как казалось со стороны, и она могла сбежать с другим мужчиной. — Однако, даже произнося эти слова, я понимала, что такое невозможно. Маленькую дочь Сесили никогда бы не бросила.

— Тебе заплатят, если ты не добьешься результата?

Вот об этом я как-то не подумала. Я потянулась за сигаретой.

— Не возражаешь, если я выйду на улицу? Мне нужно покурить.

Кэти поглядела на меня искоса:

— Ты сказала, что подумываешь бросить курение.

— Да, я и впрямь думала на этот счет.

— И что?

— Решила пока не бросать.

Сестра передала мне пепельницу. Знала, что она мне понадобится. Потом Кэти поставила на поднос кофейник, молочник, две чашки и, что необычно для нее, два стакана с виски.

— Выпьешь со мной? — спросила она.

— Только чуть-чуть. Я за рулем.

Мы вышли на улицу и уселись за деревянным столиком рядом с рыбным прудом. Вечер выдался теплый, на небе загорелись половинчатая луна и несколько звезд. Сад, разумеется, выглядел красивым; рассаду Кэти приобретала за полцены у себя на работе. Недавно она купила статуэтку прыгающей лягушки, изо рта у которой лилась вода, и шум этот только подчеркивал глубокую тишину вокруг. И вдруг я заметила, что один куст погиб. Он рос на самом виду, на круглой клумбе посреди лужайки. Определить, как он называется, я не берусь — шарообразный такой и коротко стриженный, — но этот куст был совершенно бурый. По какой-то причине это меня встревожило. По моим представлениям, Кэти должна была избавиться от него в тот самый момент, как только начали опадать листья.

Я зажгла сигарету и стала умиротворенно курить, слушая шум падающей воды.

— Ты вернешься на Крит? — поинтересовалась Кэти.

У нас с сестрой не было друг от друга секретов. За ужином мы поговорили об отеле, о личных проблемах и о моих сомнениях.

— Не знаю, — сказала я. — Не представляю даже, на каком этапе наши отношения с Андреасом. Перед отъездом из Англии он сделал мне предложение.

— Да, ты мне рассказывала. Ты отказала ему.

— Ничего подобного. Я сказала «да». Но потом мы передумали. Решили, что брак нам не подходит. Я заставила его сдать кольцо обратно. В любом случае оно стоило дороже, чем он мог себе позволить, а у нас каждое пенни было на счету. — Я внимательно посмотрела на сестру поверх кончика сигареты. — Иногда мне хочется, чтобы я больше походила на тебя.

— Ты сама знаешь, что это неправда. — Кэти отвела взгляд.

— Нет, честно. Бывают времена, когда я чувствую себя совершенно опустошенной. Не знаю, хочу ли я и дальше жить с Андреасом. И вообще толком не знаю, чего именно хочу.

— Послушай меня, Сьюзен. Забудь про это дурацкое расследование убийства. — Она снова повернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза. — Езжай назад в Грецию. В Англии для тебя нет больше места. Возвращайся к Андреасу.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что Андреас хороший человек, и зря ты хочешь с ним расстаться. Если начистоту, я была рада, когда вы встретились. Это ведь я познакомила вас!

— Неправда. Это была Мелисса...

— Ну, положим, ты бы никогда не встретила с Андреасом, не отправь я Джека и Дейзи в Вудбриджскую школу. Поверь мне: ты вытащила счастливый билет. Но в этом вся ты: всегда смотришь вперед, строишь планы на будущее. Тебе вечно недосуг просто присесть и насладиться тем, что имеешь.

Я была сбита с толку. Мне казалось, что сестра хочет донести до меня что-то совсем иное, но не может облечь это в слова.

— Кэти, у тебя все хорошо? — спросила я.

Она вздохнула. И в свою очередь задала вопрос:

— Ты когда-нибудь думаешь о своем возрасте?
— Стараюсь не думать. Не забывай, что я на два года старше тебя.
— Знаю. Но иной раз нахлынет, и... — Кэти попыталась пояснить свою идею. — Ненавижу мысль о старости. Я чувствую, как старею, когда смотрю на этот дом, этот сад и себя саму... Неужели так и есть?

— Но ты же всегда этого хотела, ведь правда?

— Да. Наверное. Мне повезло.

Повисла пауза. По какой-то причине я чувствовала себя не слишком уютно.

— Это ты сообщила Саджиду Хану, где меня найти? — Не берусь судить, почему вывалила этот вопрос именно сейчас, но он вертелся у меня в уме с того самого момента, как Лоуренс и Полин объявились у нас в гостинице. Как Трехерны меня нашли? Они сказали, что адрес им дал Хан, но у него-то его точно не было. Кроме Кэти, вообще никто не знал, где меня искать.

— Саджид Хан? Поверенный? — воскликнула она растерянно. — Он помогал нам с тем несправедливым увольнением в садовом центре, и я время от времени вижусь с ним. Но насколько помню, я ничего ему не сообщала. Так это Хан втянул тебя в эту историю?

— Судя по всему.

— Ну, надеюсь, ты не винишь меня. Возможно, Гордон кому-нибудь сболтнул. Он ведь секреты хранить не умеет.

Нашу беседу прервал звук подъезжающего мотоцикла.

— Это Джек, — сказала Кэти. В голосе ее чувствовалось облегчение.

Несколько секунд спустя в садовой калитке появился Джек, в кожаной куртке и со шлемом в руках. Два года минуло с последней нашей встречи, и его наружность несколько обескуражила меня. Волосы у племянника были длинные и довольно-таки неухоженные. Он не брился, и щетина ему не шла. Джек расцеловал меня в обе щеки. Меня обдало запахом табака и алкоголя. Не мне было осуждать парня, но все-таки я была поражена. В подростковом возрасте он не курил. Хорошенько рассмотрев Джека, я заметила его потухшие глаза. Он выглядел напряженным и встревоженным, как если бы не ожидал застать меня здесь.

— Привет, Сьюзен.

— Привет, Джек. Как дела?

— В порядке. Как тебе живется на Крите?

— Замечательно.

— Мам, в холодильнике есть что-нибудь?

— Курица должна быть. И доешь макароны, если не против.

— Спасибо. — Он улыбнулся мне. — Рад видеть тебя, Сьюзен.

Потом он ушел, шаркающей походкой направившись в сторону кухни. Я смотрела ему вслед, вспоминая десятилетнего мальчишку, открывающего для себя «Властелина Колец»; двенадцатилетнего сорванца, орущего и хохочущего на заднем сиденье моего нового «Эм-Джи»; пятнадцатилетнего подростка, напряженно готовящегося к экзаменам на аттестат. Неужели сегодняшнее состояние моего племянника является естественной стадией процесса взросления? Или я что-то упускаю?

Кэти уловила, видимо, ход моих мыслей. И пояснила:

— Для Джека это оказалось немного тяжеловато — первый год в универе. Когда мальчик возвращается домой, все, что ему нужно, это еда и постель. Но через пару недель он будет в порядке. Требуется только немного родительской заботы.

— Я удивлена, что ты согласилась купить ему мотоцикл. — Это было не мое дело, но я знала, как ненавистна Кэти сама подобная идея. Она всегда беспокоилась, почти маниакально, что кто-то из детей может получить травму.

Сестра беспомощно махнула рукой:

— Джеку уже двадцать один. Он накопил денег. Как я могла его остановить? — Она допила виски, дав тем самым понять, что вечер окончен. — Прости, Сьюзен. Я должна вернуться в дом и позаботиться о сыне.

— Все нормально. Я завтра еду в Лондон, надо рано вставать. Спасибо за ужин.

— Было здорово увидеться с тобой. Но прошу, подумай над моими словами. Честно говоря, я сомневаюсь, что ты сможешь отыскать Сесили Трехерн. Быть может, ее вообще никогда не найдут. А Фрэнка Пэрриса убили очень давно. Лучше тебе забыть про все это.

Мы расцеловались и пошли каждая по своим делам.

И только отъезжая от дома сестры, я вдруг поняла, что весь вечер пошел наперекосяк, почти с самого начала. Кэти слишком усердно старалась. Ощущение было такое, что куриный тажин, розовое вино, бумажные салфетки и все прочее присутствовали специально, чтобы отвлечь меня. Была в них какая-то фальшь... как в трех трубах на крыше.

Еще мне вспомнился мертвый куст — ракитника, шиповника или чего-то еще, — оставленный без присмотра прямо посреди лужайки. Потом в памяти всплыло электронное письмо, содержавшее по меньшей мере три опечатки. «Годрона, боюсь, не будет дома». Да, любой может сделать ошибку. Возможно, сестра спешила. Но это было совсем не похоже на Кэти, всегда такую аккуратную.

Может быть, я просто слишком увлеклась игрой в сыщика, когда постоянно приходится иметь дело с людьми, которые выглядят такими милыми и любезными, но на самом деле могут обернуться хладнокровными убийцами? Допустим, что так. Однако на сердце у меня было беспокойно, и поделаться с этим я ничего не могла. Я не сомневалась: Кэти что-то скрывала.

Она утаивала от меня правду.

Стаканчик перед сном

В отель я вернулась поздно и собиралась сразу лечь, но, проходя через вестибюль, заметила Эйдена Макнейла. Он сидел в баре один, и такой возможностью грех было не воспользоваться. Я подошла к нему.

— Не возражаете, если я присоединюсь?

Я уселась раньше, чем он успел ответить, но заметила, что ему приятно видеть меня.

— Буду рад компании, — сказал Эйден.

Бар производил ощущение клуба для джентльменов, но был слишком пуст: мы оказались единственными гостями среди кожаных кресел, свободно расставленных столиков, ковров и деревянных панелей. Громко тикавшие в углу дедовские часы напоминали, что сейчас двадцать минут одиннадцатого. Эйден был в кашемировом свитере и в джинсах, на ногах мокасины без носков. В руке он держал стаканчик с какой-то бесцветной жидкостью, явно не водой. Еще я заметила книгу в мягкой обложке, лежавшую заглавием вниз. Это был тот самый экземпляр романа «Аттикус Пюнд берется за дело», который он уже показывал мне ранее.

— Что пьете?

— Водку.

За стойкой бара командовал Ларс. Возникало ощущение, что они с Ингой в отеле повсюду, словно дети из «Кукушек Мидвича».

— Мне двойной виски и еще водку для мистера Макнейла, — заказала я. Потом бросила взгляд на книгу. — Читаете?

— Перечитываю. Раз в десятый уже, наверное. Все надеюсь, что если Сесили обнаружила в романе какую-то зацепку, то, может, и я тоже найду.

— Ну и?

— Пусто. Я, вообще-то, не поклонник детективов и по-прежнему считаю Алана Конвея ублюдком, но признаю, что рассказчик он хоть куда. Мне нравятся истории про маленькие общины, где каждый скрывает тайну. Ничего не скажешь, история запутанная и держит в напряжении до конца: развязка вообще как удар под дых... по крайней мере, при первом прочтении. Чего я не могу понять, так это откуда в авторе столько яда.

— Что вы имеете в виду?

— А вы послушайте.

Одна из страничек книги была загнута. Эйден открыл ее и начал читать:

— «При всех своих изъянах, говорить Эджернон умел: язык у него, что называется, был подвешен хорошо. Образование он получил в небольшой частной школе в Западном Кенсингтоне и при желании мог быть очаровательным и остроумным. С коротко подстриженными волосами и внешностью звезды театра, он был естественно привлекателен, особенно для дам в возрасте, принимавших Эджернона по номиналу и не спешивших наводить справки о его прошлом. Он до сих пор помнил, как купил свой первый костюм на Сэвил-роу. Костюм стоил дороже, чем он мог себе позволить, но, подобно машине, создавал статус. Когда Эджернон входил в комнату, его замечали. Когда он открывал рот, его слушали».

Эйден положил книгу.

— Это я, — сказал он. — Эджернон Марш.

— Вы так думаете?

— Этот тип работал агентом по недвижимости, как и я. Похож на меня внешне. Даже инициалы мои. Хотя ума не приложу, с какой стати Конвей выбрал такое дурацкое имя.

Тут Эйден попал в точку. В процессе редактуры я убеждала Алана заменить имя Эджернон, которое казалось мне словно бы взятым из пьесы Ноэла Каурда. «Даже у Агаты Кристи не было ни одного персонажа, которого бы так звали», — говорила я. Но он, понятное дело, не слушал.

— У Алана было своеобразное чувство юмора, — сказала я. — Если это вас утешит, то я тоже выведена в одной из его книг.

— Правда?

— Да. Сара Меринос в романе «Аперитив с цианидом». Райленд, насколько мне известно, это ведь тоже порода овец, как и меринос. Сара — настоящая гадина, и ближе к концу ее убивают.

Принесли напитки. Эйден прикончил свой виски и взял новый стакан.

— Вы много общались с Аланом, когда он был здесь? — спросила я.

— Нет. — Мой собеседник покачал головой. — Я встречался с ним дважды: сначала — когда он выбирал номер, а потом мы с ним еще минут пять поговорили. Мне он не сильно понравился. Алан сказал, что был другом Фрэнка Пэрриса и просто хочет понять, что случилось, но стал задавать все эти вопросы, и я с самого начала почувствовал, что у него на уме совсем другое. Он проводил много времени с Лоуренсом и Полин. И с Сесили. Они имели глупость довериться ему, а Конвей потом взял и написал про нас книжку. — Эйден помедлил. — А насколько хорошо вы его знали?

— Я была его редактором. Но близко мы не общались.

— Все писатели такие? Присваивают то, что видят вокруг?

— Писатели разные, — ответила я. — Но они ничего не присваивают, если быть точным. Они впитывают. Это на самом деле очень странная профессия: жить в своего рода сумеречной зоне между реальным миром и тем, который возникает в твоём воображении. С одной стороны, писатели — чудовищные эгоисты. Самоуверенность, самокопание, даже самоненавистничество... Но обратите внимание: везде первая часть слова «само». Все эти долгие часы наедине с собой! Но в то же время они искренние альтруисты. Все, чего им хочется, это угодить другим людям. Нередко мне кажется, что литераторами становятся неполноценные личности. Им не хватает чего-то в жизни, и они заполняют этот изъян словами. Бог свидетель, мне это не дано, при всей моей любви к чтению. Вот почему я стала редактором. Я получаю вознаграждение и испытываю восторг от создания новой книги, но при этом моя работа значительно веселее.

Я отпила глоток виски. Ларс подал мне односолодовый с острова Джюра. В нём ощущался привкус торфа.

— Замечу, что Алан Конвей не походил на писателей, которых я знала прежде, — продолжила я. — Он не любил писать. По крайней мере, не любил те книги, которые принесли ему успех. Алан считал, что детективная литература ниже его достоинства. Вот одна из причин, по какой он поместил вас и этот отель в свой роман. Думаю, ему нравилось играть с вами, превращая в Элджернона, потому как все это занятие представлялось Конвею не более чем игрой.

— А другие причины?

— Я вам скажу, хотя никому больше не говорила. У Алана почти истощились идеи. Вот так все просто. Он в буквальном смысле украл сюжет для четвертой своей книги, «Гость приходит ночью», у одного из своих слушателей на курсах писательского мастерства. Я встречалась с тем человеком и прочла рукопись. Мне кажется, Алан приехал в «Бранлоу-Холл» отчасти из любопытства — он знал Фрэнка Пэрриса, — но в основном потому, что искал вдохновение для следующего романа.

— Но ему каким-то образом удалось выяснить, кто настоящий убийца. По крайней мере, так решила Сесили. Не в этом ли все дело?

Я пожала плечами:

— Не знаю, Эйден. Алан мог раскопать что-то. Но в равной степени возможно, что он обозначил ключ, сам не понимая, что делает. Когда Сесили читала книгу, какое-то слово или описание могло пробудить воспоминание или послужить толчком к осознанию некоего факта, известного только ей. Ведь если Алан выяснил, что Фрэнка Пэрриса убил не Штефан Кодреску, то почему умолчал об этом? Это вовсе не повредило бы продажам. Даже, напротив, подстегнуло бы их. Можно ли найти вескую причину, по которой он держал рот на замке?

— Но что в таком случае вычитала в романе Сесили? И почему она пропала?

На эти вопросы у меня не было ответа.

Ларс за стойкой протирал бокал. Он поставил его и обратился к нам:

— Через пять минут бар закрывается, мистер Макнейл. Не желаете заказать что-нибудь напоследок?

— Нет, Ларс, спасибо. Думаю, нам уже хватит. Можете закрываться прямо сейчас.

— Я не спросила у вас про Сесили, — сказала я. Этого разговора я опасалась больше всего, но мы вроде как нашли общий язык, да и момент был подходящим. — О том, что произошло в тот последний день.

— Среда... — Это единственное слово Эйден произнес низким голосом, глядя в стакан, и я отчетливо ощутила, как переменилась атмосфера между нами, стоило мне вступить на запретную территорию.

— Вы не против поговорить об этом?

Он замялся:

— Я уже прогонял это все раз за разом, с полицейскими. Не вижу, как это может помочь. Это не имеет к вам никакого отношения.

— Верно. И я понимаю, что это не мое дело. Но я тоже переживаю за Сесили, и если вдруг в ходе беседы всплывет какое-то воспоминание, мельчайшая деталь, кажущаяся вам незначительной, то кто знает...

— Ну ладно. — Эйден повернулся к бармену. — Ларс, сделай мне еще одну порцию, пока не закрылся. — Он посмотрел на меня. — Вам тоже?

— Нет. Мне достаточно, спасибо.

Он собрался с духом:

— Даже не знаю, что вам рассказать, Сьюзен. Это был самый заурядный день. Как говорится, ничто не предвещало: просто еще одна среда, и я понятия не имел, что вся моя жизнь, черт побери, пойдет под откос. После обеда Элоиза повезла Рокси к педиатру. Ничего серьезного, просто животик разболелся.

— Расскажите про Элоизу.

— Что вы хотите знать?

— Как долго она работает у вас?

— С самого начала. Приехала сразу после рождения Рокси.

— Красивое имя — Роксана.

— Да. Это Сесили выбрала.

— Получается, Элоиза перебралась в Суффолк спустя год после убийства Фрэнка Пэрриса?

— Точно. Роксана родилась в январе две тысячи девятого. Элоиза приехала спустя пару месяцев после этого.

— Она находилась в Англии, когда произошло убийство?

— Вы же не думаете, что она как-то причастна к нему? Простите, но это полная чушь. Наша няня знать не знала Фрэнка Пэрриса. Элоиза Радмани родом из Марселя. И кстати, то, как она попала сюда, на самом деле очень печальная история. Элоиза была замужем. С мужем познакомилась в Лондоне — они оба были студентами. Но он умер.

— От чего?

— СПИД. Парень страдал от язвы желудка и нуждался в переливании крови. Ему очень не повезло: заразили во время процедуры. Бедняга умер во Франции, но Элоиза после этого решила вернуться в Англию и предложила свои услуги кадровому агентству.

— Какому именно?

— «Найтсбриджские нянюшки». Так сразу и не выговоришь, да?

Он улыбнулся, но я не улыбнулась в ответ. Мне до сих пор не удавалось забыть, как посмотрела на меня Элоиза, когда я выходила из дома, — с нескрываемой ненавистью.

— Значит, в тот день, когда Сесили исчезла, няня возила Роксану к доктору?

— Да. После обеда. Утром собаку выгуливал я... мы просто прошлись по усадьбе. Потом была очередь Сесили. В течение дня мы не раз ходим из отеля домой и обратно. Они расположены совсем близко.

— Сесили говорила с вами о книге?

— Нет.

— Вы знали, что она послала экземпляр своим родителям на юг Франции?

Эйден покачал головой:

— Полицейские тоже спрашивали меня об этом. Полин сообщила им о телефонном звонке. Естественно, возникает вопрос: можно ли считать простым совпадением то, что во вторник она позвонила родителям, чтобы рассказать про этот дурацкий роман, а уже на следующий день... — Он осекся и отхлебнул водки, лед застучал о края стакана.

— Так или иначе, старший суперинтендант Локк не видит никакой связи, — продолжил Эйден. — По его версии, если на Сесили напали, то это произошло без предварительного умысла.

— А как думаете вы?

— Не знаю. Но на ваш вопрос отвечаю: нет, Сесили не говорила мне, что отослала роман родителям. Может, решила, что я подниму ее на смех. Или сочла, что у меня хватает забот, помимо Штефана Кодреску, или что мне это просто будет неинтересно. — Он протянул руку и захлопнул книгу. — Мне горько, что жена не доверилась мне. Это заставляет меня чувствовать себя виноватым.

— Когда вы в последний раз видели Сесили? — спросила я.

— Я не знаю, чего ради вы задаете мне эти вопросы! Не понимаю, что вы хотите знать! — взорвался Эйден, но потом овладел собой. — Извините. Просто все это очень тяжело.

Мой собеседник прикончил напиток, как раз когда Ларс принес последний заказ. Поблагодарив его, Эйден взял стакан и перелил из него водку в свой, только что опустошенный.

— В последний раз я видел жену примерно около трех дня, — сказал он. — Сесили взяла «фольксваген». Сам я полчаса спустя уехал на «рейнджровере». Мне было нужно во Фрамлингем. Я отправился туда, чтобы встретиться с нашим поверенным, его зовут Саджид Хан.

Забавно, с каким постоянством всплывает в ходе расследования это имя. Саджид Хан был поверенным Алана Конвея. Он сообщил Трехернам, где меня найти. Его визитка обнаружилась в доме Мартина и Джоанны Уильямс. Его услугами пользовалась моя сестра Кэти. И вот теперь выясняется, что и Эйден, по его словам, в день исчезновения Сесили ездил на встречу с этим юристом.

— Требовалось подписать кое-какие бумаги, — продолжил Макнейл. — Ничего особенно важного. И еще мне дали несколько поручений. Сесили попросила меня завезти кое-какую одежду в благотворительный магазин. Она активно поддерживает ВАДХ.

— ВАДХ? А что это такое?

— Восточноанглийские детские хосписы. В Вудбридже отделения у них нет. Еще мне предстояло забрать кресло, которое мы отдавали в мастерскую, чтобы сменить обивку. Ну и в супермаркет заехать. Домой я вернулся в начале шестого. Возможно, в половине. И удивился, что Сесили до сих пор нет. Инга делала чай для Рокси. Она приходит и помогает иногда.

— А где была Элоиза?

— У нее был свободный вечер. — Эйден допил то, что еще оставалось в стакане. Я сделала то же самое. — Когда Сесили и к семи не вернулась, я заглянул в отель. Подчас она зарабатывается в офисе и теряет представление о времени. Но там жены не оказалось. Никто ее не видел. Тогда я все равно еще не очень встревожился. Это Суффолк, как-никак. У нас здесь ничего такого не случается.

Вообще-то, в Суффолке были убиты Фрэнк Пэррис и Алан Конвей, но я предпочла не упоминать об этом.

— Я обзвонил нескольких ее подруг. Попытался набрать Лизу, но та не ответила. Мне пришла в голову мысль, что что-то могло стрястись с Медведем. Наш пес уже не молод, и иногда у него возникают проблемы с лапами. Но время шло, а новостей от Сесили не было, и в восемь вечера я решил, что пора обратиться в полицию.

Эйден замолчал. Повисла долгая пауза. Я прикидывала в уме время. Он уехал из отеля приблизительно в половине четвертого. Вернулся вскоре после пяти, быть может, даже в половине шестого. От Фрамлингема до Вудбриджа двадцать минут езды. Времени для визита к поверенному и выполнения пары поручений ему как раз хватало.

— В котором часу вы встретились с Саджидом Ханом? — спросила я.

Эйден бросил на меня странный взгляд, и я поняла, что переборщила с вопросами.

— А вам-то какая разница?

— Просто пытаюсь по...

Он не дал мне закончить:

— Вы считаете, что я убил жену, так ведь?

— Нет, ну что вы, — возразила я, но как-то не слишком убедительно.

— Разумеется, считаете. Когда я уехал из дома? Когда видел Сесили в последний раз? Думаете, полиция не задает мне раз за разом все эти вопросы? Все уверены, что я убил ее — единственную женщину, сделавшую меня по-настоящему счастливым. И теперь все станут так

думать до конца моей жизни. Моя дочь будет взрослеть, пытаюсь понять, убил ли папочка мамочку, и мне никогда не удастся объяснить...

Эйден нетвердо поднялся на ноги, и я с удивлением заметила ручейки слез, сбегающие у него по щекам.

— Вы не имеете права, — хрипло продолжил он. — Никакого права. Ладно полицейские, это их работа. Но вы-то кто? С вас, если на то пошло, вообще все беды и начались. Это вы опубликовали книгу, превратив произошедшую тут трагедию в своего рода развлечение. А теперь заявились сюда, изображая Шерлока Холмса или долбаного Аттикуса Пюнда и выведывая то, что вас никак не касается. Если можете найти что-то в этой книжке — вперед. За это вам и деньги платят. А меня с этих пор оставьте в покое!

Эйден ушел. Я смотрела, как он покидает комнату. У меня за спиной Ларс загремел металлическими жалюзи, стукнувшими о барную стойку. Я вдруг осталась в полном одиночестве.

Фрамлингем

Я сочувствовала Эйдену и ругала себя за то, что зашла слишком далеко. Однако это не помешало мне на следующий день проверить рассказанную им историю.

Странно было снова оказаться во Фрамлингеме, ярмарочном городке, который Алан Конвей выбрал своим домом и где мне пришлось провести немало времени непосредственно после смерти писателя. Я припарковала машину на главной площади, напротив «Короны» — гостиницы, где я раньше жила и где состоялся памятный пьяный ужин с Джеймсом Тейлором, сожителем Алана. Это напомнило мне о том, что от Джеймса до сих пор нет ответа. Оставалось только гадать, получил ли он мое письмо. Хотелось размять ноги, поэтому я пошла прогуляться по Хай-стрит, мимо кладбища, где упокоился Алан. Я подумывала заглянуть на могилу — я видела ее, расположенную под двумя вязами, — но потом отказалась от этой мысли. Отношения между нами всегда были сложными, натянутыми, и моя попытка мирно побеседовать с Конвеем у надгробия вполне может перерасти в ссору.

Фрамлингем казался еще более спокойным, чем обычно. Вопреки чудесному замку и живописным окрестностям, городок страдал в середине недели от туристического затишья. Трудно сказать, работали ли магазины, да если честно, мне до этого не было никакого дела. Каждые выходные тут открывается фермерский рынок, а в остальные дни центральная площадь служит просто стоянкой для машин. Супермаркет, который навещал Алан, находится прямо в центре, но прячется от глаз, словно бы сознавая свое уродство и понимая, что ему здесь не место.

Благотворительный магазин ВАДХ находился в нижней части городка, от агентства недвижимости надо было пройти прямо вдоль по улице. Магазины были совсем небольшой и располагались в бывшем жилом доме, одном из четырех одинаковых коттеджей, образующих небольшую линию, но кто-то встроил в его фасад четыре больших современных окна, полностью разведав здание с соседями. Со стыдом признаюсь, на меня благотворительные магазины навевают тоску. Их повсюду такое множество, и в конце дня они напоминают о прогоревшем бизнесе и общем упадке экономики. Но здесь меня встретили жизнерадостная девушка-волонтер по имени Стевия, куча книг и три стойки с неожиданно модной одеждой. Кроме нас двоих, никого в магазине не было, и Стевия оказалась не прочь поговорить. Если честно, она просто тараторила без умолку:

— Эйден Макнейл? Да, конечно, я его помню. Я была здесь, когда он заходил, а потом давала показания в полиции. Ну разве это не ужасно — то, что случилось? В Суффолке такие вещи обычно не происходят, хотя было, конечно, то громкое дело в Эрл-Сохеме много лет назад, ну и еще убийство того писателя. Да, мистер Макнейл заходил к нам в среду после обеда. Я видела, как он паркует машину на другой стороне улицы, прямо вон там.

Он принес четыре или пять платьев, пару кофточек, рубашки. Некоторые довольно поношенные, но было там одно платье от «Бёрберри», ни разу не надетое. Даже с ярлычком. Мы сразу продали его почти за сотню фунтов, а это гораздо больше того, что мы выручаем обычно за свой товар. Полицейские хотели выяснить, кто именно его купил, но тут я им помочь не смогла, потому что рассчитывались наличными. Другую одежду, которую мы не продали, полицейские забрали — и с концами. Думаю, это не совсем справедливо, хотя, наверное, не стоит жаловаться, учитывая обстоятельства. Ой, там было еще кое-что из мужской одежды: пиджак, несколько галстуков, старая рубашка и красивый такой жилет.

— Вы разговаривали с Эйденем?

— Да, поболтали немного. Симпатичный мужчина, очень дружелюбный. Сказал мне, что едет забирать из мастерской кресло. Вроде как в нем пружины меняли или что-то в этом роде. Объяснил, что его жена активно поддерживает ВАДХ и пожертвовала значительную сумму на наш новый хоспис «Трихаус Эппил». Я не верю, что он может быть причастен к ее исчезновению. В смысле, ну не мог же человек стоять здесь и трепаться как ни в чем не бывало, будь он замешан в преступлении, да?

— В какое время Эйден сюда заходил?

— В четыре. Я запомнила, потому что как раз подумала, что осталось полчаса до закрытия, а тут как раз он и вошел. А почему вы всем этим интересуетесь, кстати? Вы журналистка? Надеюсь, я не попаду в неприятности из-за того, что наговорила вам тут лишнего...

Я постаралась успокоить Стевию и, отчасти из чувства вины, потратила пять фунтов на мексиканский горшок с кактусом. Горшок оказался подделкой, и по пути к машине я сплвила его в другой благотворительный магазин.

Покончив с этим, я направилась назад по улице к горчично-желтому зданию с вывеской «Уэсли и Хан, поверенные». Два года минуло с тех пор, как я была здесь, и теперь, идя от главной дороги к строению, бывшему некогда частным домом, испытывала своего рода дежавю. Признаюсь, у меня создалось ощущение, что за столом на ресепшен сидит та же самая скучающая девушка. Более того, она вполне могла читать тот же самый журнал. Время тут словно остановилось. Цветы в горшках наполовину засохли. Здесь по-прежнему царила атмосфера безжизненности, которая мне запомнилась.

На этот раз я заранее предупредила о своем визите по телефону и была препровождена вверх в ту же минуту, как вошла. Неровно пригнанные половицы поскрипывали у меня под ногами. Мне не давали покоя две загадки, связанные с конторой «Уэсли и Хан». Кто такой мистер Уэсли? Существовал ли он вообще? И с какой стати человек вроде Хана, представитель гордой индийской нации, обосновался в таком месте, как Фрамлингем? Нет, не подумайте, Суффолк не подвержен расизму. Но населен почти исключительно белыми.

Саджид Хан был в точности таким, каким я его запомнила: смуглый и энергичный, с густыми бровями, встречающимися почти посередине лба. Юрист буквально выпрыгнул из-за внушительных размеров стола — поддельный антиквариат — и стремительно пересек комнату, заключив протянутую мной руку в обе свои ладони.

— Дорогая мисс Райленд, какая радость снова видеть вас в Суффолке! И вы, насколько понимаю, остановились в «Бранлоу-Холле»? Как это похоже на вас — влипнуть в очередную историю. — Он усадил меня в кресло. — Чаю хотите?

— Нет, благодарю вас.

— Я настаиваю. — Хан нажал кнопку на телефонном аппарате. — Тина, вас не затруднит принести нам два чая? — Он лучезарно улыбнулся мне. — Как вам живется на Крите?

— Замечательно, спасибо.

— Никогда там не был. Мы обычно ездим летом в Португалию. Но раз у вас там отель, может, и стоит дать вам шанс.

Поверенный уселся за стол. На нем по-прежнему стояла фоторамка, где на экране менялись цифровые изображения. Мне стало любопытно, добавил ли Саджид Хан новые фото к тем, которые я видела в прошлый раз, два года назад. Похоже, ничего не изменилось: жена, дети, жена с детьми, он с женой... бесконечный круг воспоминаний.

— Необычная какая получалась история с Аланом Конвеем, — продолжил юрист, посерьезнев. — Я так до конца и не понял, что произошло, но меня убеждали, что вас тогда едва не убили. — Он вскинул одну бровь, и вторая поползла следом за ней. — Теперь-то, надеюсь, вы в порядке?

— Да, все хорошо.

— Я давно не получал вестей от молодого человека, бывшего некоторое время партнером Конвея, Джеймса Тейлора. Ему, как вам наверняка прекрасно известно, достались в итоге все деньги. По последним слухам, он отправился в Лондон и с головокружительной скоростью проматывает там наследство. — Саджид Хан улыбнулся. — Так чем я могу быть полезен вам в этот раз? В телефонном разговоре вы обмолвились о Сесили Макнейл.

Впервые мне довелось услышать, чтобы ее так называли. Для всех прочих она была Сесили Трехерн, словно бы и не выходила замуж.

— Да, — кивнула я. — Ее родители разыскали меня на Крите. Странное дело. И тут, кстати, снова может оказаться замешан Алан. Вам известно, что он написал роман, сюжет которого частично основан на событиях, имевших место в «Бранлоу-Холле»?

— Знаю, «Аттикус Пюнд берется за дело». Читал эту книгу. Рискую показаться тупицей, но я так и не уловил связи. Мне даже в голову не приходило, что Конвей пишет про «Бранлоу-Холл».

Вроде как о свадьбе там ничего нет. Да и действие происходит не в Суффолке, а где-то в Девоне, если не ошибаюсь.

— Тоули-на-Уотере.

— Точно. Ничье имя не было упомянуто.

— Имена он всегда изменял. Думаю, опасался судебного преследования. — Пришло время перейти к делу. Я собиралась в Лондон и хотела выехать побыстрее. — Лоуренс и Полин Трехерн полагают, что Сесили заметила в книге какую-то важную деталь, и это связано с ее исчезновением. Вы не против, если я задам несколько вопросов?

Юрист вскинул руку:

— Пожалуйста, полный вперед. Боюсь, в прошлый раз я вам не сильно помог. Быть может, теперь получится лучше.

— О'кей. Начнем с Эйдена. Он говорит, что приезжал на встречу с вами в день исчезновения Сесили.

— Да. Так и было.

— Помните, в какое время?

Вид у Хана стал изумленный, словно мне не следовало задавать подобный вопрос.

— В пять часов, — сказал поверенный. — Встреча была короткая. Мы обсуждали контракт с новым поставщиком. — Он помедлил. — Надеюсь, вы не допускаете, что Эйден как-то причастен к исчезновению жены?

— Не в том смысле, нет. Просто за день до исчезновения Сесили звонила родителям. Она была уверена, что разыскала новую улику касательно убийства Фрэнка Пэрриса, случившегося восемь лет назад, однако Эйдену ничего не сказала...

— Думаю, тут нам лучше остановиться, мисс Райленд. Прежде всего, мистер Макнейл — клиент нашей фирмы, и к тому же у него не было никаких мотивов убивать Фрэнка Пэрриса, если вы на это намекаете.

Открылась дверь, появилась девушка с ресепшена, которая внесла на подносе две чашки чая и сахарницу. Чашки были белые, с логотипом конторы на боку.

— А что случилось с мистером Уэсли? — поинтересовалась я, когда юрист передавал мне одну из чашек.

— Ушел на пенсию. — Хан улыбнулся секретарше. — Спасибо, Тина.

Выждав, когда девушка уйдет, я продолжила более осторожно:

— Вы были во Фрамлингеме, когда произошло убийство?

— Да, был. По правде говоря, я даже разговаривал с мистером Пэррисом. За день до его убийства между нами произошла короткая беседа.

— Вот как? — Это оказалось для меня неожиданностью.

— Да. Меня попросили связаться с Пэррисом по личному делу. Оно касалось наследства. Не вижу необходимости вдаваться в детали.

— Вы представляли интересы Мартина и Джоанны Уильямс, — сказала я. На самом деле это был блеф. Я заметила его визитку у них на кухне и поняла, что юрист имел к ним отношение. — Я ездила в Хит-хаус. Они мне все объяснили.

— Как они поживают?

— Превосходно. Так вас хвалили. Уильямсы очень высоко ценят то, что вы для них сделали.

Это была бессовестная ложь. Мартин и Джоанна ни словом не обмолвились о юристе. Я просто рассчитывала, что, польстив Хану, сумею выудить из него больше информации. Уловка сработала.

— Ну, в конечном счете не так уж сильно я им и помог, — возразил поверенный, но по тону собеседника чувствовалось, что он очень собой доволен. — Значит, о доме они вам рассказали?

— Да.

— Завещание было совершенно ясным и недвусмысленным. Хит-хаус делился пополам между двумя детьми покойной миссис Пэррис: Фрэнком и его сестрой Джоанной. Да, мистер Пэррис позволил Уильямсам некоторое время после смерти матери жить там совершенно бесплатно, но это вовсе не подразумевает, что он отказался от своих прав на долю имущества. На этот счет никакого соглашения, устного или письменного, не существовало.

Я пыталась сохранить невозмутимое выражение лица, хотя на самом деле Хан только что снабдил меня сведениями, способными в корне все изменить. «Он задумал снова открыть агентство и предлагал нам войти в долю». Вот что сказал Мартин, но то была преднамеренно расплывчатая, граничащая с ложью формулировка. Фрэнк Пэррис разорился и хотел получить свою половину наследства. Вот почему он приехал в Суффолк. И вполне возможно, что именно по этой самой причине его и убили.

— Уильямсы так любят этот дом, — заметила я.

— И неудивительно, — кивнул мой собеседник. — Джоанна в нем выросла. Чудное местечко.

В фоторамке промелькнула миссис Хан в купальнике и с пластмассовой лопаткой в руках.

— Так, значит, вы разговаривали с Фрэнком Пэррисом? — вернулась я к интересовавшей меня теме.

— Звонил ему на мобильный. Это было в пятницу, вскоре после его визита к сестре. Он собирался выставить дом на продажу через агентство Кларка во Фрамлингеме. Я хотел сказать, что не стоит вот так уж сразу брать с места в карьер, но потом понял, что дела его в Австралии приняли не лучший оборот. Я просил Пэрриса дать Уильямсам немного времени, чтобы обговорить условия переезда, да и если на то пошло, найти, куда переезжать. В этом я отчасти преуспел. Он по-прежнему намеревался связаться с Кларком, но согласился на отсрочку.

— Уильямсы, должно быть, страшно переживали?

— Миссис Уильямс была очень недовольна. — Хан щедро добавил в чай сахара.

Мне не составляло труда представить реакцию Джоанны. «Проваливайте и впредь оставьте нас в покое», — припомнились мне ее прощальные слова.

— Едва ли супруги сильно расстроились, когда Фрэнка забили до смерти, — заметила я. Выяснилось то, что мне требовалось знать. Необходимость тщательно выбирать слова отпала.

Хан болезненно поморщился:

— Не уверен, что это так. Это ведь был их близкий родственник, брат Джоанны как-никак. Уильямсы десять лет прожили в доме бесплатно. Им на самом деле не на что жаловаться.

Я не отпила еще ни глотка чая, да мне, честно говоря, и не хотелось. Я пыталась сообразить, могли ли Мартин или Джоанна попасть в «Бранлоу-Холл» в ночь убийства, и прикидывала, как бы лучше выяснить это. Мне представлялось, как один из супругов, а то и оба вместе крадутся по отелю с молотком и в коридоре случайно наступают на хвост Медведю. Картинка почему-то не складывалась. Но никого, кроме них, со столь очевидным мотивом в поле зрения не наблюдалось.

— Спасибо вам огромное, мистер Хан, — сказала я и встала, собираясь уходить.

Поверенный тоже поднялся на ноги, и мы обменялись рукопожатием.

— Как поживает ваша сестра? — осведомился он.

— Мы виделись с Кэти вчера. У нее все в порядке, спасибо.

— Надеюсь, Уилкоккс сумеет все уладить, — продолжил Хан, но потом заметил удивление на моем лице и поспешно добавил: — Впрочем, вы, наверное, это не обсуждали.

— Не обсуждали что? — спросила я.

Юрист улыбнулся, делая вид, что это сущий пустяк, но совершил ошибку и, понимая это, принялся крутить педали назад.

— Да так, я просто дал ей небольшой совет.

— Кэти тоже ваша клиентка?

Улыбка его никуда не исчезла, но утратила искренность.

— Вам лучше спросить это у сестры, мисс Райленд. Уверен, вы меня понимаете.

Не будь она его клиенткой, он бы прямо так и сказал.

Вот недаром сердце у меня было не на месте с того самого вечера, который я провела с Кэти. Уж не Джек ли угодил в неприятности? Нет ли у сестры денежных затруднений? Что она от меня скрывает? Пока я шла к машине, Мартин и Джоанна Уильямс, Фрэнк Пэррис, «Бранлоу-Холл» и даже Сесили Трехерн как-то сразу отступили на второй план.

Моя сестра попала в беду. И мне следовало выяснить, что случилось.

Мартлшем-Хит

Прежде чем ехать в Лондон, я проверила электронную почту.

Там обнаружилось несколько писем, вот только от Андреаса по-прежнему не было ни слова. Это меня не удивляло. Он и в лучшие времена отвечал далеко не сразу, а уж когда дело касалось личных отношений или чувств, терялся и впадал в своего рода эмоциональный ступор. Ему требовалось время, чтобы все осмыслить.

А вот Джеймс Тейлор был просто счастлив, что я вернулась в Великобританию. Он писал, что будет рад видеть меня и захватит все, что имеет отношение к роману «Аттикус Пюнд берется за дело». Джеймс предложил поужинать в ресторане «Le Caprice»⁵, и оставалось лишь надеяться, что платить по счету будет он сам. С Лайонелом Корби мы договорились встретиться в тренажерном зале, где он сейчас работал. А Майкл Били пригласил меня пропустить по стаканчику в «Сохо-Хаусе» на Грик-стрит.

И наконец, я позвонила Крейгу Эндрюсу. Существовала вероятность, что мне предстоит задержаться в Лондоне на несколько дней, и меня не сильно прельщал уют гостиницы «Премьер инн». В первом своем письме Крейг обещал предоставить в мое распоряжение комнату, а мне приходилось бывать однажды в его красивом доме, особняке в викторианском стиле на Ледброк-Гроув. Состоянием он обязан был не книгам, а прежней карьере в банке. Романы про Кристофера Шоу были крепкими середнячками в списках продаж, не более того, но давали Эндрюсу свободу распоряжаться деньгами, которые у него уже имелись. Крейг очень обрадовался, и было здорово поболтать с ним по телефону, но почему, нажимая отбой, я ощущала вину перед Андреасом? Глупости. Все, на что я рассчитывала, это гостевая спальня на пару ночей, ну и, может быть, ужин с бутылочкой вина.

Прежде чем выехать на трассу A12, я остановилась в Вудбридже. Я выглядела достаточно презентабельно для отеля, да и Кэти, разумеется, не было дела до моего вида, но неприлично было заявляться в «Le Caprice» или, если уж на то пошло, в особняк к Крейгу в тех нарядах, которые я захватила с собой. На старой площади в Вудбридже нашлась пара на удивление приличных бутиков, и я покинула их с темно-синим бархатным коктейльным платьем до колен и хлопковым жакетом от «Ральф Лорен» (скидка 25 процентов). Потратила я намного больше, чем намеревалась, но держала в уме деньги, обещанные Лоуренсом, и надеялась, что они поспеют прежде, чем наступит срок очередного платежа по кредиту.

Благополучно погрузив пакеты в багажник, я двинулась дальше на юг, но всего в паре миль от Вудбриджа, на круговом перекрестке, заметила указатель на Мартлшем-Хит. Повинуясь порыву, я включила поворотник и свернула в сторону. Нравится мне это или нет — по правде говоря, я не испытывала ни малейшего восторга, — но меня ждала одна встреча. И оттягивать ее больше не стоило.

Штаб-квартира Суффолкского управления полиции располагалась в воистину уродливом современном здании в пяти минутах езды от главной дороги. Это была прямоугольная коробка из бетона и стекла, лишенная каких бы то ни было архитектурных достоинств. Интересно, чем заслужили жители Мартлшем-Хит столь brutальное украшение с одной стороны деревни, наравне с парящим в вышине ужасом исследовательского центра «Бритиш телеком», который портил линию горизонта с другого ее конца? В порядке оправдания стоит заметить, что обе эти конструкции хотя бы обеспечивали местное население работой.

Я подошла на вахту и спросила, можно ли переговорить со старшим суперинтендантом Локком. Оказалось, что у них так не принято: следовало условиться о встрече заранее.

— Вы по какому вопросу?

— Это насчет исчезновения Сесили Трехерн.

⁵ «Каприз» (фр.).

Служащая в мундире посмотрела на меня с сомнением, но взялась за телефонную трубку, а я тем временем присела на пластиковый стул и принялась рассеянно листать номер «Суффолк лайф» пятимесячной давности. Я не была уверена, что Локк согласится меня принять, да и по поведению дежурной было непонятно, ответил ли он хотя бы на звонок. Поэтому я поразились, когда спустя несколько минут детектив вдруг появился, выйдя из лифта. Суперинтендант двинулся таким решительным шагом, что я бы не удивилась, если бы он схватил меня, поместил под арест и упек за решетку. Таков уж был стиль его поведения... постоянно на грани насилия. Создавалось впечатление, будто Локк заразился чем-то, подхватил у преступников, с которыми имел дело, некий вирус. Я знала, что не нравлюсь ему. Он ясно дал это понять во время прошлой нашей встречи.

Но когда Локк заговорил, в тоне его угадывались почти веселые нотки:

— Так-так-так, мисс Райленд. Заприметив вас в отеле, я как-то сразу почувствовал, что это не случайно. А когда мне доложили, что вы здесь, почему я не удивился? Ну да ладно. Могу уделить вам пять минут. Здесь на этаже есть кабинет, где можно поговорить...

Выходит, я недооценила его наблюдательность. Локк заметил меня, когда мы разминулись на ресепшене в «Бранлоу-Холл», просто предпочел не узнать. Суперинтендант проводил меня в пустой кабинет, представлявший собой идеальный квадрат, точно посередине которого стояли стол и четыре стула. Окно выходило на лес, обступавший здание со всех сторон. Локк пропустил меня вперед, а потом, когда я уселась, закрыл дверь. И поинтересовался:

— Как поживаете?

Вопрос поверг меня в изумление.

— Замечательно, благодарю вас.

— Наслышан о том, что случилось в прошлый раз, когда вы расследовали смерть Алана Конвея. Вас едва не убили. — Он погрозил мне пальцем. — А я ведь предупреждал вас, что не стоит лезть в это дело.

Я не припоминала, чтобы он говорил что-нибудь подобное, но спорить не стала.

— Итак, что привело вас снова в Суффолк и конкретно в «Бранлоу-Холл»? Хотя можете не говорить. Эйден Макнейл уже звонил мне и жаловался на вас. Забавно, правда? Я только что напомнил, что Алан Конвей уже принес вам достаточно неприятностей. Однако вы тем не менее никак не хотите оставить его в покое.

— Я бы выразилась иначе: это он не желает оставить в покое меня.

— Конвей и после смерти остался таким же мелким вонючим куском дерьма, каким был при жизни. Вы и в самом деле верите, что в его книге может что-то крыться? Еще одно засекреченное послание... на этот раз насчет Фрэнка Пэрриса?

— Вы читали роман? — спросила я.

— Да.

— Ну и?

Локк вытянул ноги и задумался. Меня поразило, что он ведет себя непривычно вежливо, даже дружелюбно. Впрочем, его обида всегда была направлена не на меня лично, а на Алана Конвея, и не без веской причины. Алан попросил его помочь в подготовке материала для книг, а взамен вывел полицейского в виде довольно комичного персонажа — инспектора Реймонда Чабба. Чабб и Локк: производитель замков и замок⁶. Смекаете? Еще он создал гротескную пародию на жену Локка, которая появляется во второй книге серии, «Нет покоя нечестивым». Впрочем, тут я судить не берусь, поскольку лично с этой женщиной никогда не встречалась. Вероятно, после смерти Алана Локк решил простить мне участие в этом деле. Возможно, помогало и то обстоятельство, что его двойник не появлялся на страницах романа «Аттикус Пюнд берется за дело».

— Мне эта книга показалась обычным хламом, — спокойно заявил полицейский. — Вам известны мои взгляды на детективную литературу.

— Вы выражаете их весьма решительным образом.

Необходимости вновь озвучивать свои воззрения не было, но Локк не удержался:

— Романы о сыщиках, вроде тех, что кропал Алан Конвей, не имеют ничего общего с реальной жизнью, и, если люди, читающие оные, считают иначе, это говорит не в пользу их ума. Максимум,

⁶ Lock (англ.) — замок.

на что способны частные детективы, это проследить за вашим сыном-подростком или выяснить, с кем спит ваш муж. Да и убийство происходит обычно не в деревенских коттеджах или в поместьях и не на морских курортах, если уж на то пошло. «Аттикус Пюнд берется за дело»! Назовите мне хоть что-нибудь из этого романа — одну-единственную деталь, которая не являлась бы полной чушью. Голливудская актриса покупает дом в сельской глуши. Эта история с бриллиантом. Кинжал на столе в гостиной. Да я вас умоляю! Как только вы видите на столе нож или кинжал, то сразу понимаете — дело кончится тем, что он окажется в чьей-то груди.

— Это еще Чехов заметил.

— Кто, простите?

— Русский драматург. Согласно его высказыванию, если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем оно непременно должно выстрелить. Он тем самым давал понять, что каждая деталь истории должна иметь смысл.

— А он, часом, не говорил, что детективная история обязана быть недостоверной и заканчиваться полным вздором?

— Как я понимаю, вы не догадались, кто там убийца?

— Даже и не пытался. Я книжонку-то эту прочитал исключительно в надежде, что там и впрямь может обнаружиться хоть что-то, имеющее отношение к исчезновению Сесили Трехерн. Однако, как выяснилось, только время зря потратил. Ну и хлам!

— Книга разошлась по миру полумиллионным тиражом. — Не знаю, с чего я вдруг поднялась на защиту Алана Конвея. Возможно, защищала таким образом саму себя.

— Ну, мисс Райленд, вам известны мои мысли на сей счет. Вы превращаете убийство в игру и предлагаете читателям принять в ней участие. Как фамилия инспектора полиции из романа «Аттикус Пюнд берется за дело»? Крол. Видимо, потому, что у него кроличьи мозги. Он ведь круглый идиот, правда? Никогда ничего не делает как надо. — Локк стукнул тяжелыми костяшками пальцев по столу. — Вы наверняка горды собой. Полмиллиона экземпляров инфантильной дребедени, превращающей преступление в банальную вещь и подрывающей веру в силу закона.

— У вас сложилось собственное мнение насчет детективной литературы, но мне кажется, что вы заблуждаетесь, старший суперинтендант. С повышением вас, кстати. Не думаю, что книги Алана причинили кому-либо вред, за исключением меня, конечно. Люди наслаждаются ими и прекрасно понимают, что хотят получить, читая детективы. Им требуется не столько настоящая жизнь, сколько побег от нее. И Бог свидетель, в наши дни все мы в этом нуждаемся. Что мы имеем в реальности? Круглосуточные новости. Фейковые сенсации. Политики, обзывающие друг друга лжецами и только в этом не грешащие против правды. Наверное, есть что-то утешающее в книге, где все в мире, в котором развивается действие, ну буквально все, встает на свои места и ведет вас к непреложной истине.

В дискуссию Локк вступать не стал.

— Зачем вы здесь, мисс Райленд? — спросил он. — По какой причине приехали в Мартлшем-Хит?

— Ну, вообще-то, я собиралась попросить вас показать мне старые документы по делу Штефана Кодреску. С тех пор прошло восемь лет, и они уже никому не интересны. Мне хотелось бы увидеть отчеты криминалистов, материалы допросов и все такое.

Детектив покачал головой:

— Даже и не надейтесь.

— Почему?

— Потому как это строго конфиденциально! Здесь управление полиции. Вы и в самом деле думаете, что мы показываем служебную информацию любому представителю общественности, который постучится в дверь?

— Но что, если Штефан Кодреску не убивал?

Тут терпение у Локка лопнуло, и в голосе его прорезались угрожающие нотки.

— Послушайте-ка меня, — начал он. — То расследование вел я, так что, говоря напрямик, ваши слова можно счесть оскорбительными. Когда произошло убийство, вас тут не было. Вы преспокойненько сидели у себя в издательстве и позволяли вашему «золотому перу» превратить это все в глупую сказку. Лично у меня нет ни малейших сомнений, что Фрэнк Пэрриса убил

Штефан Кодреску, страдавший от игровой зависимости и нуждавшийся в деньгах. Он сам признался в этом, сидя в таком же вот кабинете, только этажом выше, и его адвокат, между прочим, все это время был рядом. Никто не выкручивал подозреваемому руки. Никто ему не угрожал. Кодреску — преступник-рецидивист, и, между нами говоря, принимать его на работу в отель было безумием. Всего за месяц до убийства в «Бранлоу-Холле» я работал в составе команды, пресекавшей деятельность банды румын в Ипсуиче. Очаровательная была компания, промышлявшая нищенством, грабежами и кражами со взломом. Все до единого — выпускники Румынской академии криминальных наук. Я не шучу. У них даже учебники имелись, где рассказывалось, как отключить сигнализацию, скрыть ДНК и все такое прочее. Так вот, выяснилось, что большую часть дохода шайке приносил бордель в округе Рейвенсвуд. Самой юной из содержащихся в нем девушек было четырнадцать лет. Четырнадцать! Ее обманом ввезли в страну и заставили обслуживать троих или четверых мужчин за ночь. Если она отказывалась, бедняжку били и морили голодом. Ну что, получают ваши читатели наслаждение от истории про регулярное насилие над четырнадцатилетним ребенком? Может, нам послать Аттикуса Пюнда расследовать подобные преступления?

— Ума не приложу, зачем вы мне все это рассказываете, — возразила я. — Разумеется, то, что вы описали, ужасно. Однако был ли причастен к этим преступлениям Штефан Кодреску?

— Но... — Детектив воззрился на меня как на слабоумную.

— Судя по вашим словам, Кодреску следовало признать убийцей Фрэнка Пэрриса просто потому, что он румын!

Локк издал нечто похожее на рычание и вскочил так стремительно, что стул бы его повалился, не будь его ножки привинчены к полу.

— Просто убирайтесь отсюда, — заявил он. — И из Суффолка тоже.

— Я, вообще-то, еду в Лондон.

— Вот и хорошо. Потому что, если у меня возникнет впечатление, что вы чините мне препятствия в деле об исчезновении Сесили Трехерн, я мигом посажу вас под арест.

Я поднялась, но ушла не сразу.

— А как вы думаете, что произошло с Сесили? — спросила я.

Какое-то время детектив пристально смотрел на меня, но потом все-таки ответил:

— Не знаю. По моим предположениям, она мертва, и кто-то ее убил. Возможно, муж. Не исключено, что между ними произошла ссора и он пырнул супругу ножом, хотя мы и не нашли следов ее ДНК на нем или в иных местах, где их быть не должно. Быть может, это сделал тот чудаковатый парень, что до сих пор живет с матерью и по ночам дежурит в отеле. Допустим, он запал на Сесили. Не исключено, что виноват какой-нибудь неизвестный, совершенно посторонний человек, псих, которому случилось прогуливаться вдоль реки Дебен с эрекцией в штанах. Вероятно, мы никогда не найдем преступника. Я вам одно могу сказать: кем бы ни был наш злоумышленник, он абсолютно точно не фигурирует в дурацком детективном романе, написанном восемь лет тому назад. Вбейте это себе в голову и возвращайтесь домой. И хватит уже задавать вопросы. Я вас предупредил, поэтому если что — пеняйте на себя.

Лоуренс Трехерн

Я остановилась на заправочной станции на окраине Лондона и снова проверила электронную почту. От Андреаса пока ничего. Подтверждение от Джеймса Тейлора: в семь тридцать вечера в «Le Carrice». И длинное сообщение от Лоуренса Трехерна. Я прочла его за чашкой кофе и круассаном, таким черствым и непропеченным, что он не имел никакого сходства со своими собратьями, продающимися во Франции. Письмо пришло как раз вовремя. В нем содержался последовательный отчет о событиях в «Бранлоу-Холле», изложенный с его личной точки зрения. Было любопытно, как все это соотносится с тем, что я уже выяснила. Кроме того, отчет мог мне пригодиться при встрече с Лайонелом Корби на следующее утро.

Вот что я прочла:

От: Лоуренс Трехерн <lawrence.treherne@Branlow.com>

Отправлено: 21 июня 2016 года в 14:35

Кому: Сьюзен Райленд <S.Ryeland@polydorus.co.gr>

Тема: RE: Сесили

Уважаемая Сьюзен!

Вы просили записать мои воспоминания о дне свадьбы. Я делаю это при помощи жены, но прошу простить за отсутствие сколько-нибудь сносного стиля, потому как литератор, боюсь, из меня аховый. История, придуманная Аланом Конвеем, сильно отличается от той, что произошла в «Бранлоу-Холле» в 2008 году, так что сомневаюсь, будет ли Вам какой-либо прок от моих записок, но в то же время не помешает изложить факты, по крайней мере такими, какими я их запомнил.

Вам, вероятно, интересно будет узнать, как Эйден и моя дочь познакомились, и я, пожалуй, начну отсюда, поскольку считаю, что это тоже важная часть истории.

В начале августа 2005 года Сесили находилась в Лондоне и подумывала о том, чтобы уйти из отеля. Я, кажется, уже упоминал (и мне больно говорить об этом), но они с сестрой всегда не слишком ладили. Прошу, не спешите делать отсюда выводы. Две девочки, растущие вместе, часто ссорятся из-за музыки, одежды, бойфрендов и тому подобного, и мои дочери не исключение. Лиза вечно твердила, что Сесили наша любимица, но это не так: мы одинаково любим обеих.

Так вот, когда наши девочки выросли, то они стали вместе работать в отеле. Предполагалось, что мы с Полин со временем полностью передадим управление в руки дочерей, но отношения у них никак не складывались. Между ними постоянно происходили трения. Не хочу вдаваться в подробности, потому как это все не более чем досадные мелочи, но в результате Сесили решила пойти своим путем: покинуть Суффолк и попытаться счастья в большом городе. Мы предложили купить ей квартиру в Лондоне. Это может показаться экстравагантным, но мы и прежде подумывали об этом. Нам нравится посещать спектакли и концерты, и в далекой перспективе приобретение недвижимости оправдало бы себя с экономической точки зрения. Вот почему Сесили и поехала в столицу.

Ей приглянулась квартира в Восточном Лондоне, и так получилось, что агентом, который должен был показать покупательнице недвижимость, оказался Эйден. Искра между ними проскочила сразу. Он был на пару лет моложе Сесили, но выказал себя с лучшей стороны. Ему удалось скопить достаточно денег, чтобы приобрести собственную квартиру на Эджвер-роуд, около станции метро «Марбл-Арч». Неплохо для молодого человека двадцати с небольшим лет, пусть это всего лишь однушка. Из разговора Сесили узнала, что сегодня у агента день рождения, и приложила все усилия, чтобы пойти с ним на вечеринку и познакомиться с его друзьями. Это очень похоже на Сесили. Она любит брать быка за рога. По ее словам, она сразу почувствовала расположение к Эйдену, поскольку поняла, что они совместимы.

Вскоре с ним познакомились и мы, и он нам очень понравился. Честно говоря, Эйден оказал нам большую услугу, поскольку сам он настолько же хотел покинуть столицу, насколько Сесили рвалась туда. Ему удалось убедить ее остаться в «Бранлоу-Холле». Лондон Эйден не любил и полагал, что Сесили там жить тоже не

понравится, но они сохранили его квартиру, просто на всякий случай, если вдруг надумают сбежать из Суффолка. Но, к слову сказать, после его появления отношения Сесили с Лизой резко улучшились. Теперь их стало двое против одного: Эйден придал Сесили уверенности.

Кстати, прилагаю несколько снимков дочери. Вы могли видеть фотографии Сесили в газетах, но там она мало похожа на себя. Она красивая девушка. Очень напоминает свою мать в том же возрасте.

Эйден и Сесили перебрались в Бранлоу-коттедж за шесть месяцев до свадьбы. Там жила Лиза, но мы уговорили ее переехать в принадлежащую нам квартиру в Вудбридже. Это имело смысл, особенно когда появилась Роксана. Эйден взял на себя пиар-вопросы. Готовил буклеты, пресс-релизы, рекламные объявления, специальные события. И замечательно справлялся. Именно тогда мы с Полин поняли, что можем с чистой совестью удалиться на покой. Лиза тоже проделывает огромную работу. Вопреки ее собственным словам, я не думаю, что она невзлюбила Эйдена. В глубине души я надеялся, что, глядя на семейное счастье сестры, Лиза и сама задумается о замужестве.

Теперь перейдем к главному. Итак, 15 июня 2008 года. Свадебный уик-энд.

Я заново пережил каждую его минуту, подробно вспомнив обо всех проблемах, вставших на нашем пути. А их оказалось немало. Все началось еще в четверг, с разборок с подрядчиками, взявшимися установить шатер. Представители фирмы сообщили по телефону, что у них сломался грузовик, а потому шатер задержится — самое жалкое оправдание, какое мне приходилось слышать. В общем, прибыл шатер только в пятницу после обеда, и нам пришлось буквально из кожи вон лезть, чтобы установить его вовремя. Сесили пребывала в отчаянии, потому что одна из подружек невесты слегла с жестоким гриппом, а она сама потеряла ручку, которую я специально ради торжественного случая одолжил у знакомого антикара. Это был «Монблан 342» 1956 года выпуска, с золотым пером: воистину дивная вещица, в оригинальном футляре и никогда не бывшая в употреблении. Я тогда не на шутку рассердился, хотя дочери ничего не сказал. Мне так хотелось, чтобы ручка была при ней в день свадьбы, потому как это было одновременно нечто старое, нечто новое, нечто взятое взаймы и нечто синее⁷.

Лиза непоколебимо уверена, что ручку стащил Штефан. Он шнырял по дому, переноса вещи, а ручка просто лежала на столе. Я упомянул о ней в разговоре с полицейскими, но пропажу так и не нашли. В итоге Сесили пришлось обойтись парой монет, брошкой Полин и лентой.

Что еще сказать? Сесили всю неделю мучилась бессонницей. Нервы сдали. Поэтому накануне свадьбы я дал дочери таблетку диазепама. Она сперва не хотела ее принимать, но Эйден и Полин уговорили: дескать, надо выспаться, нельзя же выглядеть на торжественной церемонии словно зомби! В такой важный день она должна быть самой красивой и прекрасно себя чувствовать. Ну, хотя бы с погодой нам повезло. Пятница выдалась просто шикарной. В кои-то веки метеорологи не подвели. Начали прибывать гости. Шатер установили-таки, и мы все наконец с облегчением выдохнули.

Когда Фрэнк Пэррис в четверг вечером заселялся в «Бранлоу-Холл», меня в отеле не было. Я в то время находился дома в Саутуолде. Я видел Пэрриса мельком в пятницу рано утром, когда приехал в гостиницу. Он как раз садился в такси. Я успел разглядеть, что одет Пэррис был в тонкий желтовато-коричневый свитер и белые брюки. Волосы у него были серебристые и волнистые, как у мальчика на той картине Милле⁸, если Вы понимаете, о чем я. Самое интересное, мне уже тогда подумалось, что с этим постояльцем у нас возникнут проблемы. Легко заявлять такое задним числом, после того, что случилось, скажете Вы, но я обратил внимание, что Пэррис ругается с таксистом, регулярно обслуживающим наш отель. Этот таксист очень ответственный человек, и опоздал-то он всего на пару минут, поэтому у меня возникло такое чувство, будто туча на солнце набежала. По моему мнению, и я не побоюсь это утверждать, Фрэнк Пэррис и Алан Конвей были одного поля ягоды.

В пятницу состоялась вечеринка для обслуживающего персонала. Нам хотелось отблагодарить сотрудников за тяжелую работу, да и на следую⁸

⁷ Согласно английской свадебной традиции, при невесте должно быть нечто старое, нечто новое, нечто взятое взаймы и нечто синее (something old, something new, something borrowed, something blue).

⁸ Имеется в виду картина английского художника Джона Эверетта Милле «Мыльные пузыри».

щий день им, разумеется, предстояло много дел, так что время было подходящим. Проходила вечеринка у плавательного бассейна. Вечер выдался замечательный, разве что немного душноватый. Подавали игристое вино, канапе, джин «Пиммз». Сесили произнесла речь, поблагодарив каждого лично, и все восприняли это очень тепло.

Полагаю, Вам захочется узнать, кто присутствовал на вечеринке. Ну, по сути, был весь обслуживающий персонал, включая Антона, нашего шеф-повара. Лайонел, Наташа, Уильям (это садовник), Сесили, Эйден, Лиза, Полин, я и, разумеется, Штефан. Из членов семьи я пригласил очень немногих, но, помнится, пришел брат Полин. И еще мать Эйдена, очень милая женщина, заглянула на десять минут, прежде чем пойти спать. Так что это было, скорее, мероприятие из жизни отеля, нежели часть свадебных торжеств. Если хотите, могу прислать Вам полный список участников, но в общей сложности их насчитывалось человек двадцать пять.

Теперь нужно подробно рассказать Вам про Штефана Кодреску. И я, пожалуй, начну с того, что, вопреки всему приключившемуся, всегда симпатизировал ему. Мне он показался тихим, трудолюбивым, вежливым, и, откровенно говоря, у меня складывалось такое впечатление, что парень был благодарен нам за предоставленный шанс. Сесили полностью разделяла мою точку зрения. Как Вам известно, она довольно энергично встала на его защиту, по крайней мере вначале, и испытала жуткое разочарование, когда Штефан сознался в убийстве. Только у Лизы имелись сомнения на его счет. Моя старшая дочь была убеждена, что Кодреску промышлял мелкими кражами, и, как ни печально, приходится признать, что в итоге Лиза оказалась права. Хотел бы я, чтобы мы вовремя к ней прислушались и избавились от Штефана намного раньше, но теперь жалеть об этом бессмысленно.

Стоит отметить, что накануне, в четверг, Лиза вызвала Штефана к себе в кабинет и уведомила его об увольнении. Так что ко времени вечеринки у бассейна Штефан уже знал, что ему предстоит уйти. Кстати говоря, мы выплатили ему щедрое пособие в размере трехмесячной зарплаты, так что смерть от голода парню уж точно не грозила. Однако это, я имею в виду известие об увольнении, в значительной степени объясняет последующие события. Тем вечером Штефан изрядно выпил. Лайонел, менеджер спа-корпуса, проводил его до комнаты. Вполне возможно, что к тому времени у Кодреску уже созрело решение компенсировать утрату заработка кражей у гостей отеля. Этого я не знаю. Как не знаю и того, почему Лиза решила действовать за два дня до свадьбы. Стоило подобрать более удобное время.

Прежде чем перейти к следующей теме, хочу сообщить еще одну деталь насчет вечеринки. Дерек Эндикот на нее не пришел. Он в тот вечер вообще пребывал в странном настроении. Я попытался поговорить с ночным администратором, но он был погружен в себя, как если бы получил дурную весть. Мне следовало сообщить Вам об этом прежде, но я вспомнил эту подробность только сейчас, когда принялся все записывать. Полин еще сказала, что вид у Дерекка такой, словно он вдруг призрак увидел!

Дерек дежурил той ночью. Мы с женой ушли домой где-то в половине одиннадцатого. Согласно данным полиции, Фрэнка Пэрриса убили некоторое время спустя после полуночи — на него напали с молотком в номере двенадцать, где он остановился. Мы об этом узнали намного позже.

Я и Полин приехали в отель на следующее утро, в день свадьбы нашей дочери, в десять часов. Мы с гостями выпили кофе, церемония проходила в розарии, расположенном с южной стороны дома, за низкой изгородью. Состоялась она ровно в полдень, ее проводил чиновник-регистратор из Муниципального совета графства Суффолк. Обед начался без пятнадцати час в шатре, где сто десять гостей разместились за восемью столами. Меню было изысканное. Тайский салат из киноа и кешью, затем тушеный лосось, а на десерт — белые персиковые печенье с миндальным кремом. Я сильно волновался, потому что мне предстояло произносить речь, а с выступлениями на публике у меня не очень. Но дело обернулось так, что говорить мне не пришлось. Как и всем прочим.

О том, что стряслась беда, я догадался, услышав доносящиеся из отеля крики. Ткань приглушала звуки, но было ясно, что стряслось нечто из ряда вон выходящее. В шатер вбежала Хелен, которая служила у нас тогда старшей горничной. Женщина она была спокойная и ответственная, не из тех, кто будет

поднимать шум по пустякам. Но тут я сразу сообразил, что Хелен не на шутку взволнована. Сначала у меня мелькнула мысль, что в отеле начался пожар — другого разумного объяснения не находилось. И старшая горничная не поспешила меня разубедить. Хелен попросила меня срочно пойти с ней, и хотя как раз подавали первую перемену блюд, я понял, что у меня нет выбора.

Наташа ждала снаружи и была в ужасном состоянии: белая как простыня, по щекам бегут слезы. Именно она обнаружила тело, и зрелище это было кошмарное. Фрэнк Пэррис в одной пижаме лежал поверх одеяла, а не под ним, голова его была разможена до неузнаваемости. Повсюду кровь, осколки костей, ошметки мозгов и все такое. В общем, жуть. Хелен уже вызвала полицию, и совершенно правильно сделала, но это, само собой разумеется, означало немедленный конец всем свадебным увеселениям. И действительно, мы еще разговаривали за порогом шатра, а до меня уже доносился вой сирен полицейских машин, сворачивающих с трассы A12.

То, что происходило далее, почти не поддается описанию.

В считанные минуты идеальная английская свадьба превратилась в полный бардак. Подкатили четыре полицейские машины, и вскоре территорию отеля заполонило не менее дюжины детективов, фотографов и криминалистов. Первой на место преступления прибыла инспектор Джейн Криган. Должен сказать, она очень хорошо справилась со своей задачей. Некоторые гости, стремясь узнать, что происходит, вышли из шатра. Инспектор препроводила всех обратно, а потом сама зашла внутрь и вкратце сообщила о том, что случилось.

Она вела себя крайне деликатно, но факты сводились к тому, что свадебные торжества окончены, а расходиться никому нельзя. Минуту назад эти люди были гостями на бракосочетании, теперь же стали потенциальными подозреваемыми или, по крайней мере, свидетелями, а шатер превратился в огромный загон. Больше всех пострадали, ясное дело, Эйден и Сесили. У молодоженов был бронирован номер в Лондоне, а на следующий день они должны были вылететь на Антигуа, где их ждал медовый месяц.

Я переговорил с мисс Криган, прося отпустить молодых. Объяснил ей, что они никоим образом не связаны с убийством и даже не были знакомы с Фрэнком Пэррисом. Ну, если не считать краткой встречи накануне, разумеется. Однако это не дало результата. В итоге мы вернули деньги через страховую компанию, и позже новобрачные провели пару недель на Карибах, однако тем не менее едва ли это можно считать удачным началом семейной жизни.

Признаться, в глубине души я до сих пор сожалею, что Наташа не заглянула в номер 12 немного позже. Быть может, Эйден и Сесили успели бы уехать прежде, чем обнаружили труп. Наташа приступила к работе в половине девятого и миновала номер 12 по пути в крыло «Мунфлауэр». Горничная уверяет, что в это время на двери висела табличка «Не беспокоить», и она решила пока не заходить в комнату. Когда Наташа вернулась после часа дня, таблички не было. Ее потом нашли в мусорной корзине дальше по коридору.

Полицию это удивило. Разумеется, Штефан Кодреску мог повесить табличку на дверь номера, чтобы содеянное им не обнаружили как можно дольше, но, если подумать, в этом не было никакого резона, да и зачем ему понадобилось снимать ее позже? Сам Штефан отрицал, что прикасался к табличке, но полиция нашла на ней отпечатки его пальцев, а также следы крови Фрэнка Пэрриса, так что парень очевидно лгал.

Если честно, это обстоятельство до сих пор не дает мне покоя, поскольку я не нахожу в нем смысла. Табличка висела на двери в половине десятого, а в час дня оказалась в мусорной корзине. Как это можно объяснить? Кто-то обнаружил тело и счел нужным спрятать его на три с половиной часа? Штефану потребовалось вернуться в комнату? В конечном счете полиция пришла к выводу, что Наташа ошиблась. С ней, к несчастью, вы поговорить не сможете: она уехала обратно в Эстонию, и я понятия не имею, как ее найти. Еще я слышал, что Хелен умерла несколько лет назад. У нее был рак груди. Возможно, инспектор Криган сумеет помочь.

Что до Штефана, то в день свадьбы он не показывался. Видимо, страдал от похмелья. Когда я увидел Кодреску, он держался угрюмо и был в плохом настроении. В туалете вестибюля забился унитаз, и Штефан не слишком обрадовался, когда ему пришлось его прочистить. Как вы понимаете, моим долгом было говорить правду, а потому я сообщил полицейским, что вид у парня был такой, будто он полночи не спал.

У него имелся универсальный ключ, подходящий ко всем дверям, так что проникнуть в номер двенадцать ему было просто. И выглядел Штефан в точности так, как человек, который только что совершил ужасное преступление и ждет возмездия.

Надеюсь, это Вам поможет. По-прежнему жду Ваших соображений по книге. Что до другой Вашей просьбы, то будьте любезны сообщить мне банковские реквизиты Вашего партнера, и я охотно перечислю ему аванс в счет обговоренной нами суммы. Скажем, 2500 фунтов?

С наилучшими пожеланиями,

Лоуренс Трехерн

P. S. Гостя, за которым изначально был забронирован номер 12, звали Джордж Сондерс. Он прежде был директором средней школы «Бромсуэлл-Гроув» и в тот раз приезжал в Суффолк на встречу с выпускниками. Л. Т.

К письму прилагались две фотографии Сесили, обе сделанные в день ее свадьбы.

Лоуренс описал дочь как красавицу. Разумеется, мог ли отец, да еще в такой особенный момент, использовать другой эпитет? Однако, на мой взгляд, он был не вполне справедлив. На девушке было белоснежное свадебное платье, медальон из платины или белого золота с выгравированным на нем сердечком, стрелой и тремя звездами. Светлые от природы волосы безукоризненно уложены в стиле, заставившем меня вспомнить про Грейс Келли. Сесили смотрела мимо камеры, как если бы видела где-то там вдалеке счастье, предначертанное для нее судьбой. И тем не менее имелось в ее внешности что-то неизменно заурядное. Мне искренне не хочется быть жестокой. Она была привлекательной молодой женщиной. Все в этой фотографии наводило меня на мысль, что Сесили принадлежала к числу людей, которых я рада была бы иметь в числе своих знакомых. Таких обычно называют славными, но...

Наверное, я хочу сказать, что легко могла представить ее заполняющей налоговую декларацию, занимающейся стиркой или прополкой в саду, но никак не раскатывающей по горному серпантину в Монако в пятидесятые годы прошлого века на «астон-мартине» со складной крышей.

Я закрыла ноутбук и направилась обратно к машине. Мне еще предстояло добраться до Лондона, а потом по Северной окружной дороге — до Ледброк-Гроув. Крейг Эндрюс обещал быть дома к четырем, чтобы встретить меня, а я хотела принять душ и переодеться перед ужином в «Le Carice».

Теперь я понимаю, что мне следовало тщательно обдумать прочитанное. Как выяснилось впоследствии, в электронном письме Лоуренса содержалось множество ответов на загадки. Просто я пока еще их не видела.

Ледброк-Гроув

В бытность редактором мне нравилось бывать в гостях у писателей, смотреть, где живут и работают наши авторы. Мне хотелось знать, какие книги стоят у них на полках и какие картины висят на стенах, идеальный ли порядок на их письменных столах или же те представляют собой поле боя, усеянное листочками с заметками и отброшенными идеями. И поэтому меня всегда раздражало, что самый успешный из наших авторов, Алан Конвей, ни разу не пригласил редактора в претенциозное недоразумение под названием «Эбби-Грейндж» (он переименовал свою усадьбу в честь рассказа Артура Конан Дойла). Я побывала в доме только после смерти его хозяина.

Не уверена, что следует изучать историю жизни литератора, чтобы правильно оценить его творчество. Возьмем, к примеру, Диккенса. Будем ли мы сильнее наслаждаться «Оливером Твистом», зная, что писатель сам в детстве был уличным сорванцом и работал в Лондоне на фабрике по производству ваксы вместе с мальчиком, которого звали Феджин? Или же, допустим, будет ли довлеть над нами осознание того, как дурно обращался сам Диккенс со своей первой женой, при знакомстве с созданными им женскими персонажами? Литературные фестивали, которые теперь регулярно проводятся по всей стране, превратили писателей в шоуменов и отворили дверь в их личную жизнь, а дверь эту, как мне частенько кажется, стоит держать закрытой. На мой взгляд, лучше судить об авторах по их произведениям, а не наоборот.

Но редактировать книгу — это не просто читать ее, здесь нужен иной опыт. Данный процесс подразумевает взаимодействие, и я всегда видела частью своей задачи влезть писателю в голову, разделить с ним процесс творчества. Романы вполне можно сочинять в уединении, но их создатели до определенной степени подвержены воздействию окружающей среды, и я давно поняла, что чем больше знаю об авторах, тем успешнее помогу им достигнуть цели.

Я как-то раз навещала Крейга Эндрюса, когда редактировала самый первый его роман. У него был дом с тремя спальнями на тихой улочке, с парковочным местом и обилием зелени. Цокольный этаж он переоборудовал под просторную кухню и столовую с выходом во внутренний дворик через стеклянную дверь. Первый этаж занимали кабинет (он же библиотека) и гостиная с большим телевизором на стене и пианино. Спальни располагались на следующих двух этажах. Подруг у Крейга имелось множество, однако женат он никогда не был, так что обстановка отражала исключительно его собственный вкус: дорого, но неброско. В комнатах повсюду были книги: сотнями громоздились они на полках, притулившихся где можно и нельзя, и нелишним будет напомнить, что библиофил не может быть совсем уж плохим человеком. Может показаться странным, что писатель, работающий в криминальном жанре и подробно описывающий насилие и тюремный быт, способен питать слабость к романтической поэзии и французским акварелям. Однако главное, что восхищало меня в творчестве Эндрюса, — это элегантный слог, органично сочетавшийся с достоверностью.

Крейга открыла я. По меньшей мере я поверила порекомендовавшему его молодому агенту, а когда прочла рукопись, то сразу подписала с ним контракт на две книги. Первый роман должен был называться «Жизнь без зеркал», и название это восходило к восхитительной цитате Маргарет Этвуд: «Жить в тюрьме — это жить без зеркал. Жить без зеркал — это жить без себя». И это стало первым, что я поменяла. Книга была хорошо написана, но название показалось мне некоммерческим, да и Крейг явно не был заинтересован в продажах, которые, увы, диктуют закон на этой территории. «Тюремное время» звучало грубее, но было лаконичным, резким и хорошо смотрелось на обложке. Как сообщил мне в электронном письме автор, с тех пор он использовал слово «время» для каждой своей новой книги.

Крейг встретил меня на пороге, одетый в привычную футболку, джинсы и, как я отметила, босиком. Мне кажется, что любой человек, посвятивший двадцать лет работе в банковской системе, заслужил право ходить без галстука или носков. Эндрюсу, как мне помнилось из биографии, было сорок четыре года. Однако выглядел он моложе, возможно, потому, что

регулярно посещал фитнес-клуб. Лицо у него было симпатичное, из тех, которые, будучи помещенными на обложку, помогают продавать книги.

— Сьюзен! Ну до чего же я рад вас видеть! — Хозяин дома расцеловал меня в обе щеки. — Давайте помогу с сумкой. Входите.

Он проводил меня в уютную комнату на верхнем этаже. Комната была мансардного типа, с окнами, выходящими на муниципальный сад за домом, — определенно шаг вперед по сравнению с отелем «Премьер инн». При ней имелась ванная комната с душем, из которого вода хлещет во всех направлениях, и Крейг предложил мне ополоснуться и переодеться с дороги, а он пока поставит чайник. Вечером нам обоим предстояло уйти: ему в театр, а мне на ужин с Джеймсом Тейлором.

— Я дам вам вторые ключи и покажу, где холодильник, так что вы и без меня прекрасно обойдетесь, — заверил Эндрюс.

Встреча получилась приятной — напоминание о жизни, которую я ухитрилась разрушить, ввязавшись в историю с Аланом Конвеем. Расстегнув сумку, я достала одежду, включая купленные в Вудбридже обновки. Я уложила их туда, прежде чем выйти из машины: не годилось объявляться под дверью у Крейга обвешанной пакетами, словно я только что с распродажи.

И тем не менее, выкладывая вещи на кровать, я чувствовала себя несколько неуютно. То было чувство, которое часто возникает у меня, когда приходится ночевать в чужих домах: ощущение пересеченной границы, вторжения. Отчасти поэтому я не захотела пожить у Кэти. Неужели, спрашивала я себя, я и в самом деле приехала сюда из соображений экономии, чтобы не оплачивать пару суток пребывания в дешевой гостинице? Нет. Ответ неправильный. Крейг пригласил меня, и я не видела причины отказываться. Это гораздо приятнее, чем быть самой по себе.

Но в то же время, позвонив Эндрюсу, я определенно испытывала угрызения совести, и теперь, глядя на свой ноутбук, тоже лежащий на постели, прекрасно понимала почему. Я обручена с Андреасом. Пусть мы и отложили свадьбу, но не отказались от нее навсегда. Колечко с бриллиантом вернулось в ювелирный магазин, однако есть ведь и другие кольца. Так что, спрашивается, я делаю в доме у мужчины, с которым едва знакома? Тем более, что мужчина этот богат, холост и примерно моего возраста. Андреасу я, между прочим, об этом визите и словом не обмолвилась. А если бы он сам вдруг улизнул к какой-нибудь афинской красотке, то как бы я к этому отнеслась? Что почувствовала бы?

Разумеется, между нами ничего быть не может, напомнила я себе. Крейг никогда не выказывал ко мне интереса, как и я к нему. Но эти соображения слабо помогали, пока я стояла под душем, попутно наслаждаясь напором воды, о каком на Крите нам приходилось только мечтать. Я чувствовала себя голой во всех смыслах. Мне не давала покоя мысль, не правильнее ли будет позвонить Андреасу по «Фейстайм» и рассказать о том, где я. По крайней мере, это исключит всякий намек на измену. Я тут по делу. Отрабатываю десять тысяч фунтов, которые целиком уйдут на нужды нашего отеля. С учетом разницы во времени на Крите должно быть восемь часов — время ужина для гостей, тогда как местные предпочитают садиться за стол значительно позднее. Возможно, Андреас помогает сейчас на кухне. Или приглядывает за баром. Он ведь должен был уже прочитать мое электронное письмо! Почему до сих пор не вызвал меня по «Фейстайм»?

Когда я собралась уходить, ноутбук по-прежнему с укоризной смотрел на меня. Я решила выждать еще день, прежде чем написать Андреасу снова. Крейг ждал меня внизу, и было невежливо томить его слишком долго. И быть может, я не хотела разговаривать с Андреасом. Это ему требовалось поговорить со мной.

Я надела коктейльное платье, а к нему — пару простых серебряных сережек, купленных на Крите. Добавила в виде последнего штриха капельку духов на запястье и спустилась по лестнице.

— Шикарно выглядите. — Когда я вошла в кухню, Крейг выключил плиту и налил кипятку в стеклянный заварочный чайник: не какой-нибудь там пакетик, а самые настоящие листья. Он сменил футболку на рубашку с длинным рукавом. И надел носки, а заодно и ботинки. — Чай из Шри-Ланки, — пояснил он. — В феврале я был там на фестивале в Галле.

— И как все прошло?

— Чудесно. Если не считать того, что авторов, которые не нравятся местным властям, имеют тенденцию сажать в тюрьму. Мне следовало быть осмотрительнее. — Он поставил на стол две чашки и блюдца. — Что касается тюрьмы... Вы уже связались со Штефаном Кодреску?

— Да, но он мне пока еще не ответил.

— Так что все-таки происходит?

Я рассказала ему всю историю: про написанную Аланом книгу, про визит Лоуренса и Полин Трехерн на Крит, про исчезновение Сесили. Я по мере сил старалась, чтобы это не походило на приключенческий роман, где я выступаю в роли отважной главной героини, преследующей убийцу. Откровенно говоря, мне не давали покоя слова, сказанные Ричардом Локком в Мартлшем-Хит: «Вы преспокойненько сидели у себя в издательстве и позволяли вашему „золотому перу“ превратить это все в глупую сказку». Сесили Трехерн, мать маленькой девочки, отправилась на прогулку с собакой и бесследно пропала. Вполне возможно, что это связано с убийством Фрэнка Пэрриса, которое произошло восемь лет назад. Ну чем не сюжет для детективного романа? Проще простого придать этим двум событиям видимость всего лишь интригующих происшествий. Но я не за этим сюда приехала. Я не Аттикус Пюнд. Моя задача, как я пояснила Эндрюсу, заключается в том, чтобы прочесть книгу и попытаться разглядеть в ней то, что способно помочь.

— Насколько близко вы знали Алана Конвея? — спросил Крейг.

— Ну, я в свое время открыла его для читателей, так же как и вас, — ответила я. — Правда, с вами работать было гораздо приятнее.

— Спасибо на добром слове. — Он улыбнулся.

— Я говорю это вполне искренне. Конвей был непростым человеком. В общей сложности мне довелось работать над девятью его романами, и мне нравилось его творчество... по крайней мере, пока дело не дошло до «Английских сорочьих убийств».

— Может, расскажете мне, что тогда произошло?

Выбора у меня не было. В конечном счете я пользовалась гостеприимством этого человека. И я поведала Эндрюсу все без утайки. Времени это заняло немало, так что на какой-то стадии мы перешли от забеленного молоком чая к белому вину.

— Невероятная история, — сказал Крейг, когда я закончила. — Не возражаете, если я задам один вопрос?

— Валяйте.

— Ведя то расследование, вы едва не погибли, однако теперь делаете это во второй раз. Вы предполагаете, что кто-то убил Сесили, поскольку она что-то выяснила. Скажите, Сьюзен, а вы не боитесь, что такая же судьба может постигнуть и вас тоже?

Мне невольно вспомнилась Кэти, спросившая: «Думаешь, разумно было позволить втянуть себя в очередное расследование убийства?»

И я дала Крейгу тот же самый ответ, что и сестре:

— В этот раз я буду более осторожной.

Да вот только правда ли это? Я встречалась с Эйденем Макнейлом, Дерекотом Эндикотом, Лизой Трехерн, а также с Мартином и Джоанной Уильямс. Я была одна, а любой из них мог лгать мне. Любой из них вполне может оказаться тем человеком, кто до смерти забил Фрэнка Пэрриса молотком. Няня по непонятной причине повела себя как гарпия, и даже суперинтендант Локк туманно мне угрожал. Все это определенно не те люди, с которыми стоит иметь дело, но как я смогу вытянуть из них что-то, не доверяясь им по крайней мере до некоторой степени? Возможно, я все-таки подвергаю себя риску.

— Вы перечитали тот детектив? — осведомился Крейг.

— «Аттикус Пюнд берется за дело»? Пока еще нет. Собираюсь начать в понедельник.

— Вот, возьмите мой экземпляр, если хотите. — Он подошел к полке и вернулся с новой книгой в руке. — Кто-то подарил мне это издание, но наверху у меня хранится старое. Берите, если, конечно, вы уже не обзавелись романом...

— Нет. Как раз собиралась купить.

— Тогда это сэкономит вам деньги. — Крейг глянул на часы. — Мне пора. Вечером мы можем не увидаться. Спектакль закончится только в половине одиннадцатого.

— Вы не возражаете, если я приглашу вас на ужин завтра вечером? Я не успела еще расспросить вас про ваши книги, про новых издателей и прочее. Вы, насколько понимаю, не женаты и никакими иными обязательствами не связаны?

— Нет, боже упаси!

— Ну, тогда давайте выберем заведение где-нибудь поблизости. Если, конечно, вы не против приютить меня на вторую ночь.

— Нисколько. Напротив, буду рад.

Эндрюс ушел раньше меня. И лишь после его ухода я осознала то, что было очевидно с самого начала. Крейг, с его аккуратной бородкой, смуглой кожей и карими глазами, очень сильно напоминал мне Андреаса — но только несколькими годами моложе и более состоятельного. Короче говоря, улучшенного во всех отношениях. Открытие было неприятным, зато верным. Меня всегда привлекал определенный тип мужчин, и мне пришло в голову, что если Андреас представляет собой реальность, то Крейг олицетворяет идеал.

Но живу-то я с Андреасом.

Для поездки по городу я заказала такси. Понимая, что в центре будет трудно припарковать мой «Эм-Джи», я оставила его на стоянке близ станции метро «Ледброк-Гроув». Чтобы добраться до ресторана «Le Carice», мне потребовалось полчаса.

И все это время я думала о Крейге.

«Le Caprice», Лондон

Когда я в прошлый раз ужинала с Джеймсом Тейлором, мы оба сильно напились, и я твердо решила, что снова этого не случится. Особенно с учетом того, какие цены заламывают в «Le Caprice». Я была там всего однажды: мой бывший босс Чарльз Клоувер пригласил меня туда на день рождения, чтобы поближе познакомиться, однако ничем хорошим это не закончилось. Еда была великолепной, но я помню, как все глазели на меня, пока я шла через зал. Добраться до своего столика незамеченной невозможно: половина посетителей, наверное, и приходит сюда специально, чтобы себя показать, но это не мой случай. Я предпочитаю места более укромные, где нет необходимости постоянно следить за собой. Меня удивляло, почему Джеймс выбрал именно этот ресторан. Это определенно был шаг вперед по сравнению с «Короной» во Фрамлингеме.

Он опаздывал на десять минут, и я уже склонялась к мысли, что про меня забыли, когда Джеймс наконец появился. Наш столик ему указал официант, с которым они явно были хорошо знакомы. С прошлой нашей встречи минуло два года, и, глядя на Тейлора, идущего сейчас через зал, я не заметила никаких отличий. Длинные волосы; нежное, как у ребенка, лицо, на котором щетина смотрится неуместно; взгляд, полный веселья и энергии, но с легким намеком на лукавство... Я прониклась к нему симпатией с момента нашего знакомства в Эбби-Грейндж и надеялась, что и сейчас ничего не изменится.

Однако, пока Джеймс усаживался, извиняясь за опоздание и ссылаясь на пробки на дорогах, я заметила, что с парнем творится что-то неладное. Тейлор выглядел уставшим, напряженным. Он явно слишком увлекался ночными загулами, слишком много пил и, вероятно, злоупотреблял наркотиками. У него был классический вид сибарита, и если в его облике угадывалось нечто байроническое, то стоило себе напомнить, что лорд Байрон умер всего в тридцать шесть от заражения крови. На Джеймсе были черная кожаная куртка и футболка, какие он предпочитал носить и прежде, вот только бренды стали более дорогими. Когда он вскинул руку, заказывая шампанское, я обратила внимание на золотой браслет и два кольца, которых прежде не было.

— Сьюзен, какая приятная неожиданность вновь увидеться с вами! Ужин за мой счет, и никаких возражений. Как поживаете? Слышал, вы пострадали, выясняя, кто прикончил Алана. Это ужасно! Трудно поверить, что его на самом деле убили. Даже не знаю, что бы он сам об этом сказал! История ну прямо как в романе.

Я расслабилась. Да, снаружи Тейлор переменялся, но внутри остался старым добрым Джеймсом.

— Не думаю, что Алан был бы сильно впечатлен, — ответила я. — Он не очень жаловал детективные истории.

— Ему бы понравилось фигурировать в газетах. Мы часто обсуждали, сколько дюймов ему отведут. Под некролог, в смысле! — Мой собеседник хохотнул, а потом потянулся за меню. — Я буду гребешки, стейк и жареную картошку. Мне нравится здешняя еда. И я очень хочу услышать, как все было. За что именно убили Алана? Кому он помешал? И каким образом вы оказались втянуты в это дело?

— Я все объясню, — пообещала я, думая про себя, что совсем недавно излагала подробности Крейгу и начинаю уже уставать от всей этой истории. — Но сначала расскажите о себе и своих успехах. Служите где-то актером? Помнится, на прошлой нашей встрече вы обмолвились, что собираетесь поступить в театральное училище.

— Я поступал в КАТИ и в Центральную⁹, но мною нигде не заинтересовались. Видимо, я слишком стар и безнадежно испорчен. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Денег у меня теперь полно, и работать нет нужды. Знаете, что продажа Эбби-Грейндж принесла мне два миллиона фунтов? Ума не приложу, кому понадобилось платить такие бабки ради того, чтобы торчать

⁹ Имеются в виду Королевская академия театрального искусства и Королевская центральная школа драмы и ораторского искусства в Лондоне.

посреди чертова Суффолка, но я не жалею. Книги Алана все еще переиздаются, и мне регулярно шлют чеки за роялти. Это все равно что сорвать банк в лотерею, с тем исключением, что выигрыш выплачивают каждые полгода.

Алан Конвей был женат и имел сына. Однако полгода спустя после выхода романа «Аттикус Пюнд берет за дело» он открыто объявил себя геем и развелся с супругой. Она со временем перебралась в Бредфорд-на-Эйвоне, что в графстве Уилтшир. Их отношения продолжались еще по меньшей мере в течение года, и на протяжении всего этого времени Алан пользовался мальчиками по вызову. Находил он их в Лондоне; дело было на заре Интернета, когда карточки в телефонных будках стали постепенно выходить из оборота. Мой сотрапезник как раз и был одним из этих мальчиков. Джеймс не таясь поведал мне об их совместной с Аланом жизни: секс, поездки тайком во Францию и в США. Признаться, мне его бесстыдство показалось подкупающим. Алан оформил его как секретаря, занимавшегося подготовкой материала, однако на самом деле платил парню деньги за интимные услуги, причем я не сомневаюсь, что эти двое мухлевали с налогами. После того как Алан развелся, Тейлор переехал жить к нему, хотя двадцатилетняя разница в возрасте тяжело сказывалась на обоих. Джеймс Тейлор послужил прототипом Джеймса Фрейзера, который появляется в четвертом романе серии в качестве помощника Пюнда. Портрет получился немного добрее, чем тот, что Конвей срисовал с меня. Фрейзер также фигурировал во всех последующих книгах, вплоть до «Английских сорочьих убийств».

Мы заказали еду. Принесли шампанское, и Джеймс поведал мне о своей новой жизни в Лондоне. Он купил квартиру в Кенсингтоне, ту самую, в которой жил прежде. Много путешествовал. У него была целая череда связей, но теперь он состоит в серьезных отношениях с одним пожилым человеком по имени Иан, дизайнером ювелирных украшений.

— Он в самом деле слегка похож на Алана, — признался Джеймс. — Забавно, что, сколько бы ты ни искал, всегда возвращаешься к тому же самому.

Партнер Тейлора побуждал его остепениться, найти себе постоянное занятие, но Джеймс пока не представлял, какое именно.

— Вы в курсе, что скоро выйдет телевизионный сериал про Аттикуса Пюнда? — спросил он у меня.

— Когда начинаются съемки?

— Уже начались. На главную роль пригласили Кеннета Брану, а я там исполнительный продюсер! — Он расплылся в довольной улыбке. — В первой книге я не появляюсь, но если будут экранизировать все, то кому-то придется сыграть меня. Я бы предложил Бена Уишоу. Что скажете?

После первой перемены блюд — еда была отменной — я без охоты вернула разговор к Алану Конвею. В конечном счете он был главной темой встречи. Это подразумевало необходимость сделать краткий обзор событий со времени моего переезда на Крит. Джеймс читал про исчезновение Сесили Трехерн в газетах, однако новость не произвела на него особого впечатления. Его куда больше заинтриговала сопричастность Алана к делу об убийстве восьмилетней давности, а когда я назвала ему имя жертвы, он меня страшно удивил, воскликнув:

— А ведь я был знаком с Фрэнком Пэррисом!

— Каким образом?

— А вы как думаете, дорогуша? Он трахал меня... правда всего пару раз, помнится.

Столики в «Le Caprice» расположены близко друг к другу, и я заметила, что ужинавшая по соседству пара навострила уши.

— Где?

— В Лондоне! У него была квартира на Шеперд-Маркет — по сути, совсем недалеко отсюда. Приглашать клиентов к себе мне не нравилось. Я обычно пользовался гостиницами. Удобно и анонимно. Но Фрэнк был не из тех, кто предпочитает прятать скелеты в шкафу. Совсем наоборот! Прежде чем увести очередного любовника к себе домой, он сперва возил его по клубам и ресторанам и показывал друзьям.

— А почему он вообще пользовался мальчиками по вызову?

— Да потому что мог себе это позволить! Фрэнк питал пристрастие к молоденьким юношам и был в состоянии заплатить за свою прихоть. Он не состоял в браке, в сожительстве или в чем-то подобном... А если и состоял, то никогда в этом не признавался. Кстати, вкусы у него были весьма

своеобразные. Не так-то просто найти партнера, который согласился бы проделывать те вещи, что ему нравились.

— Какие вещи?

Слова вырвались прежде, чем я успела прикусить язык, но Джеймс не смутился.

— Он очень любил унижать людей. Связывать их и все такое. Мне такие люди попадались. От них добра не жди...

Наши соседи слушали раскрыв рот.

— А как Алан с ним познакомился? — спросила я, намеренно понизив голос в расчете, что собеседник последует моему примеру.

— Как именно, понятия не имею, но это было не сложно. В Лондоне множество баров, а возможно, это случилось в одном из заведений «Чариотс». Ну, вы знаете, это гей-сауны. Сказать по правде, однажды мы даже устроили четверняк: я, Алан, Фрэнк и Лео. Это я про ужин говорю, кстати! А вы что подумали? У меня создалось впечатление, что Фрэнк был для Алана своего рода духовным наставником, если хотите. Конвей тогда еще сильно сомневался в себе, в своей сексуальной ориентации, и Пэррис направлял его на этом пути.

— А кто такой Лео?

— Еще один мальчик по вызову. Вроде меня. — Джеймс по-прежнему не понижал голос, и я заметила, как тихо стало за соседними столиками. Едва ли это была привычная тема для разговоров в «Le Carrice».

— Мы все по большей части знакомы друг с другом, — продолжил мой собеседник. — Это едва ли назовешь обществом в точном смысле слова, но полезно бывает знать, если вдруг попадетс какой-нибудь извращенец или переодетый легавый. Ну и все такое прочее.

— Вы жили вместе с Аланом, когда убили Фрэнка?

— Нет, тогда еще нет. Но мы уже часто встречались, и Алан поговаривал о том, чтобы съехаться. Когда это произошло, нас не было в Англии. Новость мы услышали по радио. — Он задумался. — Признаюсь по совести, я был в шоке. Хочу сказать, если бы Фрэнка забили до смерти молотком в его лондонской квартире или где-нибудь в темных переулках в Сохо, тут удивляться нечему. Здесь у нас это привычное дело, особенно с учетом его пристрастий. Но в престижном отеле, в сельской глуши...

— Алан переживал?

Джеймс затруднился с ответом.

— Не то чтобы переживал. Нет. Скорее, был заинтригован. Он находился в книжном туре по Европе. Вы помните, наверное, что Конвей такие туры терпеть не мог. Интересная была в нем черта: он ненавидел людей, которые любили его книги. Мы посетили Францию, Голландию и Германию, а потом сняли на три недели в Тоскане виллу в горах. Дивное было местечко.

— Так когда именно Алан узнал о смерти Фрэнка?

— Я услышал по радио и сказал ему. Кстати, он навестил тот отель почти сразу, как мы вернулись, — не потому, что переживал за Фрэнка Пэрриса, а потому, что собирался использовать сюжет в следующей книге.

Принесли второе: стейк для Джеймса, дуврскую камбалу для меня. Наблюдая, как официант умело разделяет рыбу двумя ножами, я подумала о том, что мы с ним, в сущности, заняты одним и тем же: отделяем мясо от костей. Разница в том, что официант выбрасывает кости, а мне они требуются, чтобы проникнуть в суть происходящего.

— Дело в том, что Алан забуксовал, — продолжил Тейлор. — В Тоскане он был мрачнее тучи. С первыми двумя книгами все получилось как нельзя лучше. Он уже составил себе имя, деньги текли рекой. Ну вы это, конечно, не хуже меня знаете. Это же все по большей части произошло благодаря вам. А вот третья книга — ну никак не двигалась с места.

— До тех пор, пока Конвей не побывал в «Бранлоу-Холле»?

— В точку. Алан снял номер и провел там несколько дней, хотя и не без проблем, потому как не прожил он там и двадцати минут, как стал переживать, что наткнется на Мелиссу.

— Что? — Я удивилась. — Мне казалось, его бывшая жена перебралась в Бредфорд-на-Эйвоне.

— Нет, это произошло позже. После разрыва и продажи их дома в Орфорде Мелисса решила пожить там еще немного. Уж не знаю почему. Возможно, ей просто требовалось переварить

произошедшее. Поэтому она сняла дом буквально в двух шагах от отеля. Мало того, в дальнем конце ее сада имелась калитка, которая вела на территорию гостиницы.

Так, значит, Мелисса тоже в игре. Я сделала себе зарубку в памяти, чтобы заняться этим позже.

— Но встречи, слава богу, не произошло, — продолжил Джеймс. — Не забывайте: в ту пору Мелисса знала, что он гей, но больше никто. Алан еще не заявил о своей ориентации и никому даже не обмолвился насчет меня! Вы были в курсе, что он голубой?

— Нет! Узнала, только когда прочла в газетах.

— Ну, в этом весь Алан. Так или иначе, он прожил в отеле три или четыре дня и, как я понял, нашел сюжет для книги, потому что вернулся в прекрасном настроении. Сказал, что переговорил со множеством людей и теперь знает, о чем писать.

Я наострила уши.

— Вам известно, с кем именно он разговаривал?

— Да со всеми! — Тейлор пришел в ресторан с пластиковым пакетом из супермаркета, который потом поставил на пол, под стол. Теперь он достал его и показал мне. — Я принес все, что только сумел найти. Тут фотографии, заметки, флешки... На некоторых из них записи бесед. Дома могут найтись и другие. Если обнаружу еще что-нибудь, непременно дам знать.

— Просто фантастика, Джеймс. Спасибо. — Я и в самом деле была очень удивлена. — Не думала, что вы храните старые бумаги.

Джеймс кивнул:

— Вообще-то, я не собирался. Продав дом, я поначалу хотел выбросить весь этот хлам. Вы даже не представляете, сколько там всего было. Начать с сотен книг. Девять романов на тридцати языках!

— На тридцати четырех, — поправила я.

— Ну на кой черт мне сдался «Аттикус Пюнд» на японском? А еще там были рукописи, экземпляры с правкой, блокноты и разные черновики. Я даже нанял одного парня из Ипсуича, чтобы тот отвез все это на своем грузовике на местную свалку. Но тут случились две вещи. Сначала мне позвонили из одного американского университета. Сказали, что сожалеют о смерти Алана, и выразили заинтересованность в приобретении его архива. Обратите внимание на формулировку: «в приобретении»! Американцы не обещали заплатить, по крайней мере напрямую, но ясно дали понять, что старые рукописи и прочие бумаги Конвея имеют ценность. А потом — это было еще до того, как завещание вступило в силу, и я сидел тогда на мели — я решил продать часть принадлежавших Алану книг. Я отобрал кое-что из романов Агаты Кристи. У него, как вам известно, ее было немерено. Так что я взял несколько томов и отнес их в букинистический магазин в Феликстоу. Мне сильно повезло, что владелец его оказался человеком порядочным. Он честно сказал, что поскольку это все сплошь первые издания, то они представляют собой небольшое состояние! Одна только книжка про Роджера Экройда стоила две тысячи фунтов. А я-то рассчитывал выручить денюжку на картошку с рыбой... Причем не на ту картошку с рыбой, которую подают здесь!

— Выходит, все это до сих пор у вас, — заметила я.

— Я предложил университету назвать цену. И до сих пор жду ответа. Но я все сберег — до единой бумажки! У меня было намерение разобрать архивы и разложить все по порядку, но руки до этого пока не дошли — я ведь тот еще лентяй. Но после вашего звонка я собрал все, что смог найти касательно романа «Аттикус Пюнд берется за дело». Речь ведь шла об этой книге, точно?

— Да.

— Вам повезло, что у него все было помечено. Это ведь Алан. Если кто-то публиковал о нем что-то в газетах, он делал вырезку и вклеивал в книгу. Конвей был настоящим экспертом по части себя самого. — Джеймс ехидно усмехнулся. — Буду рад, если вы вернете со временем эти материалы. Не исключено, что вы смотрите сейчас на источник моего существования в старости.

Мне как-то сложно было представить Джеймса Тейлора стариком.

— Он вам что-нибудь говорил насчет убийства?

— Алан никогда не обсуждал со мной свои книги, даже если вставлял в них меня. Но как я уже сказал, домой он тогда вернулся изрядно повеселевшим. Передам вам единственную фразу, которую Алан мне сказал: «Они взяли не того человека». Его это очень забавляло.

— Он имел в виду Штефана Кодреску?
— Не слышал такого имени.
— Это тот парень, которого арестовали.
— Ну, видимо, про него Алан и толковал. Он был знаком с детективом, который проводил расследование, и был уверен, что тот напортачил по полной программе.

— Но имя настоящего убийцы Конвей вам не назвал?

— Нет. Сожалею.

— Как вы думаете, если бы Алан в самом деле знал, кто убил Фрэнка Пэрриса, он бы сказал? В особенности учитывая, что Фрэнк был ему другом.

Джеймс поморщился:

— Вовсе не обязательно. Мне Алан в целом нравился, но по временам он вел себя как конченный засранец. Это был один из самых жутких эгоистов, каких мне только довелось встречать. Полагаю, ему не было никакого дела ни до Фрэнка Пэрриса, ни до его убийцы. Кстати, вполне возможно, что он ничего такого и не знал. А вы сами-то в курсе, что там на самом деле стряслось? — Джеймс указал на меня вилкой.

— Нет, — призналась я.

— Ну ничего, вы непременно это выясните. — Он улыбнулся. — Я вот что скажу, Сьюзен. Забавно, что мы оба сидим здесь, снова вместе. И дух Алана витает где-то над нами. Интересно, оставит ли он когда-нибудь нас в покое? — Тейлор поднял бокал. — За Алана!

Мы чокнулись.

Но пить я не стала.

Сесили Трехерн

Когда я вернулась на Ледброк-Гроув, было уже поздно, но о том, чтобы лечь спать, даже и речи не шло. Перевернув полученный от Джеймса пластиковый пакет, я вывалила все его содержимое на кровать. Там оказалась полная машинописная рукопись романа «Аттикус Пюнд берется за дело» с заметками на полях, завернутая в целлофановую обложку, несколько блокнотов, с полдюжины фотоснимков, несколько рисунков, газетные вырезки про убийство в «Бранлоу-Холле», включая уже знакомые мне статьи из «Ист-Энглиан дейли таймс», различные компьютерные распечатки и три флешки. Глядя на это изобилие, я почти не сомневалась, что ответы на волнующие меня вопросы: «Кто убил Фрэнка Пэрриса и куда исчезла Сесили Трехерн?» — лежат сейчас передо мной. Здесь есть свидетельства, которыми не располагает даже полиция. Вот только с чего начать? Рукопись, насколько я поняла, являлась вторым черновиком и могла заинтересовать лишь острого на глаз архивиста. Например, в исходном варианте роман начинался следующей фразой: «Тоули-на-Уотере представлял собой крошечный городок, состоящий немногим больше чем из гавани и двух узких улиц, окруженных не менее чем четырьмя различными полосами воды». Алан подчеркнул слова «немногим больше чем из двух» и «не менее чем четырьмя», и я бы на его месте поступила точно так же: согласитесь, слишком тяжеловесная конструкция, да и вообще, звучит не ахти. Потом он полностью переработал весь этот абзац и использовал его позже, вставив уже во вторую главу, а книгу решил открыть сценой на кухне в Кларенс-Кип (Кларенс-Корт — так первоначально называлась усадьба).

И так далее. Тут не найти ничего интересного касательно реальных событий в целом и уж точно ничего относящегося к убийству.

Записные книжки тоже носили сугубо академический характер. Я узнала мелкий корявый почерк Алана, голубые чернила, которые он предпочитал. Десятки страниц были исписаны вдоль и поперек: вопросы, идеи, вычеркнутые фразы, какие-то стрелки.

Элджернон знает о завещании.

Шантажирует его?

Джейсон переспал с Нэнси.

Шестьдесят фунтов.

Из комода украдены трусики.

Несколько имен и названий в окончательном варианте изменилось, но большая часть авторских задумок в той или иной форме нашла свое воплощение на страницах романа. Алан начертил подробный план «Бранлоу-Холла», который использовал в своей книге как прообраз отеля «Мунфлауэр», попросту разобрав его по кирпичику и возведя заново в Девоне. Тут дело обстояло точно так же, как и с прочими детективами Конвея: городка, где произошло убийство, на самом деле не существовало, но, судя по картам, автор вообразил его расположенным где-то на побережье близ Эпплдора.

Материалы для компьютерных распечаток в основном были позаимствованы у лучшей подруги писателя — Википедии и включали статьи о знаменитых бриллиантах, кинематографе Великобритании, французской коммуне Сен-Тропе, Закон об ответственности за убийство от 21 марта 1957 года и прочие элементы повествования, которые, как я помнила, вошли в роман.

На одной из флешек хранились фотографии людей, с которыми Алан встречался. Я узнала Лоуренса и Полин Трехерн, Лизу и Сесили, Эйдена Макнейла и Дерека. Еще на одном снимке была изображена невысокая полная женщина с коротко стриженными волосами и близко посаженными глазами, в черном платье с белым фартуком. Я предположила, что это Наташа Мэлк, служанка из Эстонии, обнаружившая труп. Какой-то мужчина, видимо Лайонел Корби, был запечатлен у входа в спа-корпус. Были еще фотографии зданий и интерьеров: номер 12, конюшни, бар, лужайка, где играли свадьбу. С тяжелым сердцем мне пришлось признать, что я с самого начала шла по стопам Конвея.

Джеймс приложил также старомодный снимок, отпечатанный на настоящей бумаге. Фото привлекло мое внимание, потому что на нем был запечатлен Алан, обедавший в каком-то элитном дорогом ресторане, судя по всему в Лондоне, в компании двоих мужчин. С одной стороны от Конвея устроился Джеймс Тейлор, совсем еще молоденький. С другой стороны находился мужчина с волнистыми седыми волосами, загорелый, в бархатном пиджаке. Это, должно быть, Фрэнк Пэррис. Интересно, чьим любовником был тогда Джеймс: Фрэнка или Алана? Трудно понять. Все трое сидели тесно друг к другу и улыбались.

Сперва я предположила, что снимок сделал официант, но, присмотревшись получше, поняла, что камера располагалась слишком низко и слишком близко. Столик был на четверых, и наверняка их фотографировал четвертый член компании. Уж не тот ли самый мальчик по вызову, о котором упомянул Джеймс? Кажется, его звали Лео? Что ж, это вполне возможно.

Внизу открылась и закрылась дверь: Крейг вернулся из театра. Прежде чем приступить к делу, я выключила свет, оставив только бра над кроватью, и плотно задернула шторы. Но лишь теперь, притихнув и затаив дыхание, я сообразила, что поступила так вполне намеренно, с целью скрыть, что я бодрствую, и не дать хозяину предлога меня побеспокоить. Я ждала, пока Эндрюс поднимется по лестнице. Потом услышала, как хлопнула еще одна дверь, и облегченно выдохнула.

После чего занялась остальными флешками. Вставила вторую в ноутбук. На ней были записаны интервью с Лоуренсом, Полин и Лизой. Они меня не интересовали, по крайней мере пока. Я подключила последнюю флешку. И нашла именно то, на что надеялась.

Беседа с Сесили Трехерн.

Я достала наушники и, ощутило нервничая, воткнула штекер в гнездо. Я не знала, жива Сесили или мертва, но именно из-за этой женщины я оказалась здесь и невольно чувствовала ее незримое присутствие с момента приезда в Суффолк. В самом ли деле мне хочется услышать ее голос? Было жутко думать, что голос этот может оказаться единственным, что от нее осталось. Да и что касается Конвея... Если уж на то пошло, минуло несколько лет с тех пор, как мы в последний раз общались с Аланом, и я определенно не горела желанием устроить с ним сеанс спиритической связи. Может, отложить до утра? Но это было самое важное для меня интервью. Не было никакого смысла ждать.

Я передвинула курсор и решительно нажала на кнопку «PLAY».

И через несколько секунд услышала их обоих. Как жаль, что камеры в телефонах появились только несколько лет спустя, потому что мне хотелось бы также видеть собеседников. Во что была одета Сесили? Как она выглядела, как двигалась? И где происходил разговор? Где-то внутри отеля, если судить по звукам, но полной уверенности нет.

Конвей показывал себя с лучшей стороны. Я почти улыбнулась, распознав эти слегка заискивающие нотки в его голосе. Он мог быть располагающим, когда хотел, это я знала по личному опыту, вот только в моем случае переговоры всегда заканчивались серией жалоб и неправомερных требований. То, что я не могла видеть Алана, меня не заботило. Большая часть нашего с ним общения происходила по телефону. А вот касательно Сесили дело обстояло иначе. Она впервые ожила для меня, пусть только наполовину. Голос ее походил на голос Лизы. Правда, судя по тону, Сесили, в отличие от старшей сестры, была человеком приятным, доброжелательным и спокойным.

Трудно было поверить, что эта беседа состоялась восемь лет назад. Голоса сохранились отлично, и меня вдруг поразила мысль, что после смерти родителей первое, что стерлось у меня из памяти, это как они звучали. Теперь все обстоит иначе. Современные технологии изменили природу смерти.

Алан. Здравствуйте, миссис Макнейл! Спасибо, что согласились поговорить со мной.

Сесили. Я не привыкла, чтобы ко мне так обращались. Прошу, называйте меня просто Сесили.

Алан. Ах да. Разумеется. Как прошел медовый месяц?

Сесили. Ну, понятное дело, поначалу возникли осложнения, после того что случилось. Пришлось отложить свадебное путешествие на две недели. Но в целом все прошло хорошо, мы жили в уютном отеле. Вам приходилось бывать на Антигуа?

Алан. Нет.

Сесили. Карибское море великолепно. Нам обоим требовался отпуск, это уж точно.

Алан. Прекрасно выглядите. Я смотрю, вы сумели приобрести фантастический загар.

Сесили. Спасибо.

Алан. Не хочу отнимать у вас много времени. Извините, что отвлекаю вас от дел.

Сесили. Ничего страшного, сегодня в отеле особой запарки нет, все спокойно. Вы довольны своим номером?

Алан. Да, он очень милый. И вообще, у вас замечательный отель.

Сесили. Я рада, что вам нравится.

Алан. Кстати, вы в курсе, что моя бывшая жена снимает дом по соседству с вами?

Сесили. Какой именно дом?

Алан. Оуклендс.

Сесили. Вы имеете в виду Мелиссу? Я и не знала, что вы двое...

Алан. Мы расстались в прошлом году.

Сесили. Ой, сожалею. Мы с ней болтали пару раз. Я иногда вижу Мелиссу в спа-корпусе.

Алан. Не беспокойтесь. Все прошло очень мирно, и я просто радуюсь, что она счастлива здесь. Но перейдем к непосредственной теме нашей беседы. Надеюсь, я не огорчил вас, заведя разговор о случившемся?

Сесили. Нет. Больше месяца уже прошло, и мы все убрали в номере двенадцать. Много плохих вещей происходит в отелях... Это как в том фильме, «Сияние». Не знаю, приходилось ли вам его видеть? Я почти не знала Фрэнка Пэрриса, да и в комнату к постояльцу не заглядывала, поэтому не была так уж сильно потрясена. Простите, я не имела в виду ничего пренебрежительного. Я знаю, что он был вашим другом.

Алан. Я давно уже с ним не виделся. Мы познакомились в Лондоне.

Сесили. А теперь вы живете во Фрамлингеме?

Алан. Да.

Сесили. Эйден сказал мне, что вы писатель.

Алан. Да. У меня вышло две книги: «Аттикус Пюнд расследует» и «Нет покоя нечестивым».

Сесили. Боюсь, я их не читала. У меня вечно не хватает времени на чтение.

Алан. Они получились весьма недурными.

Сесили. Вы собираетесь написать о нас?

Алан. Это не входит в мои планы. Как я уже говорил вашим родителям, мне просто хочется выяснить, что случилось. Фрэнк был очень добр ко мне, помог, когда я находился в сложной ситуации, и я в долгу перед ним.

Сесили. Мне как-то неудобно было бы оказаться среди персонажей книги.

Алан. Не беспокойтесь, я никогда не помещаю реальных людей в свои произведения, и уж тем более без их согласия. И не пишу криминальные романы, основанные на реальных событиях.

Сесили. Ну, тогда, я думаю, все в порядке.

Алан. В любом случае полиция нашла преступника, насколько мне известно.

Сесили. Да. Они арестовали Штефана Кодреску.

Алан. Можете рассказать о нем?

Сесили. Что именно вы хотите знать?

Алан. Вы удивились, узнав о его аресте?

Сесили. Да. Очень. Точнее сказать, я была потрясена. Вы в курсе, что мои родители принимали на работу бывших правонарушителей? Лично мне эта идея

кажется замечательной. Мы должны помогать оступившимся людям вернуться к полноценной жизни. Я знала, что в юности Штефан попал в неприятную историю, но это случилось не по его вине. Если учесть, в каком мире он вырос, то станет ясно, что у него просто-напросто не было никаких шансов. Но, оказавшись в нашем отеле, Штефан был так нам за все благодарен, хорошо исполнял свои обязанности, и... мне он показался добрым человеком. Знаю, моя сестра Лиза недолюбливала Кодреску, но это потому, что он не делал того, чего она желала.

Алан. Чего именно?

Сесили. Ну, не работал достаточно усердно. Так сестра говорила. Еще она подозревала Штефана в мелких кражах, но ведь их кто угодно мог совершить. Допустим, Лайонел или Наташа — да мало ли кто. Лиза шпыняла парня только потому, что я ему симпатизировала. И думаю, увольнять его было ошибкой. У нее не имелось ровным счетом никаких доказательств. Мне кажется, это было несправедливо. Я, кстати, ей прямо так и сказала.

Алан. Полицейские считают, что Штефан вломился в номер к Фрэнку из-за того, что его уволили... Он знал, что ему предстоит уйти из отеля.

Сесили. Да, именно так они говорят, но я не думаю, что это правда.

Алан. Полагаете, это сделал не Штефан?

Сесили. Не знаю, мистер Конвей. Поначалу я считала, что Штефан невиновен. Мы обсуждали это с Эйденом, и даже он согласился со мной, хотя никогда не испытывал к нему особого расположения. Видите ли, Штефан производил впечатление порядочного человека. Всегда был честен, имея дело со мной. И как я уже упомянула, очень ценил, что мои родители дали ему реальный шанс, взяв сюда на работу; он никогда бы не подвел их. Услышав, что Штефан сознался... я просто не могла поверить. А теперь полицейские утверждают, что улики у них хоть отбавляй, правда, что это за улики, не говорят. В общем, я не знаю. Полицейские уверены, что это дело очень простое. Они заявляют, что обнаружили в комнате Штефана деньги... Прошу прощения, вы не могли бы дать мне минутку? Просто это так ужасно и огорчительно, когда убивают человека.

Запись выключили, потом включили снова.

Сесили. Извините, пожалуйста.

Алан. Не стоит извиняться. Я все прекрасно понимаю. Все-таки в тот день была ваша свадьба. Все эти события наверняка показались вам кошмаром.

Сесили. Да, так и есть.

Алан. Мы можем поговорить потом, если хотите.

Сесили. Нет, давайте лучше уж покончим с этим сейчас.

Алан. Ну хорошо. Не могли бы вы подробнее рассказать о Фрэнке Пэррисе?

Сесили. Я почти его не знала. Я вам уже говорила.

Алан. Вы виделись с ним в четверг, когда он приехал?

Сесили. Нет. Я слышала, что ему не понравился номер, но Эйден уладил вопрос. Эйден просто золото, незаменимый человек в обращении с гостями. Постояльцы в нем души не чают, и, если возникает проблема, он всегда находит оптимальное решение, которое всех устраивает.

Алан. Значит, Эйден переселил Фрэнка в номер двенадцать?

Сесили. Поменял его местами с другим гостем. Учителем или что-то вроде того. Тот еще не прибыл, поэтому так ничего и не узнал.

Алан. А затем, в пятницу, Фрэнк ездил на такси в Уэстлтон.

Сесили. Такси заказывал Дерек. Вы говорили с Дерексом?

Алан. С ночным администратором? Пока нет, встречаюсь с ним сегодня вечером.

Сесили. Я видела мистера Пэрриса в районе обеда, когда он вернулся. Я как раз решала вопрос с фирмой, устанавливающей шатер. На самом деле они нас жутко подвели. Никогда к ним больше не обратимся. Приехали с огромным опозданием. В

конце концов все уладилось, но я была на восточной лужайке, когда мистер Пэррис вернулся на другом такси. Эйден вышел в этот момент на улицу, и они немного поболтали.

Алан. Вам известно, о чем шел разговор?

Сесили. Да так, ничего особенного... Про отель, про номер и тому подобное. Я хотела повидать жениха, поэтому подошла к ним. Эйден представил меня гостью.

Алан. Какое мнение сложилось у вас о Фрэнке Пэррисе?

Сесили. Можно честно? Я знаю, что он был вашим другом и не хочу обижать вас, но...

Алан. Прошу, говорите как на духу.

Сесили. Хорошо. Мне он не слишком понравился. Это трудно объяснить, и, быть может, отчасти дело в том, что я была тогда несколько на взводе: проблем хватало и голова просто шла кругом. Но мне он показался несколько... Не знаю, как лучше сформулировать... Ну, неискренним, что ли... Уж слишком по-приятельски и любезно он держался — так и увивался вокруг Эйдена, потому что тот переселил его в другой номер... Но меня не покидало ощущение, что Пэррис только делает вид. Когда он сказал, что отель ему понравился, у меня возникло чувство, что все обстоит как раз наоборот. А когда он поздравлял нас с Эйденем с предстоящей свадьбой, то это скорее походило на издевку.

Алан. Фрэнк по временам бывал несколько... козлистым.

Сесили. Я даже не вполне понимаю, что это означает.

Алан. Смотрел на других свысока.

Сесили. Это еще не все. Он врал. Могу привести пример. Эйден сказал, что вечером у нас будет праздник, и выразил надежду, что шум не потревожит гостя. Пэррис же ответил, что ему все равно, так как вечером его в отеле не будет. Он, мол, едет в Снейп-Молтинг слушать «Свадьбу Фигаро». Я не большой знаток оперы, но это название запомнила, потому что он несколько раз его повторил. Долго разглагольствовал о том, что это, дескать, его любимая опера, что он не устает ею наслаждаться и ждет не дождется начала представления.

Алан. А почему вы подозреваете, что Фрэнк солгал?

Сесили. Я это точно знаю, потому что мне довелось быть в Снейп-Молтинг пару дней спустя, на ярмарке. Я видела там афишу, но никакой «Свадьбы Фигаро» в ней не значилось. Вечером в пятницу состоялся концерт молодежного оркестра под управлением Бенджамина Бриттена.

Алан. Как думаете, зачем Фрэнку это понадобилось?

Сесили. Я же сказала — чтобы поиздеваться над нами.

Алан. И все-таки это кажется довольно странным способом.

Сесили. Не думаю, что у него имелась какая-либо веская причина. По-моему, Пэррису просто нравилось выказывать свое превосходство. Возможно, потому, что он был гей, а мы нормальные. Ой, я что-то плохое сказала? Он жил в Лондоне, а мы застряли в глубинке. Он был гость, а мы всего лишь обслуживающий персонал. Не знаю. Прощаясь, Фрэнк продемонстрировал довольно странное рукопожатие. Он как бы заключил ладонь Эйдена в обе свои, как делают президенты или другие высокопоставленные персоны, и никак не отпускал. А потом поцеловал его, что мне показалось неприличным. И одновременно, обнимая меня, положил мне руку пониже спины. Возможно, мне не стоило рассказывать вам об этом. Я лишь хочу дать понять, что Пэррис играл с нами. Наша с ним встреча продлилась всего несколько минут, и вы знали его намного лучше, но лично мне ваш друг не показался приятным человеком. Вы уж меня извините, но это правда.

Алан. Больше вы с ним не виделись?

Сесили. Нет. В пятницу мы устроили вечеринку, и нам было не до него. В любом случае отель был заполнен под завязку, так что следовало подумать и о других гостях. Я рано легла, приняв таблетку снотворного. Ну а на следующий день была моя свадьба.

Алан. Вы видели на вечеринке Штефана Кодреску?

Сесили. Да, он был там.

Алан. Каким он вам показался?

Сесили. Ну, незадолго до этого Лиза сообщила ему об увольнении, поэтому особо радостным он не выглядел. Все больше молчал. Эйден сказал, что Штефан выпил лишнего. Ушел он очень рано. Мне кажется, Лайонел проводил его в комнату и уложил спать.

Алан. Однако несколько часов спустя он снова встал. Если верить полицейским, Штефан вернулся в отель и проник в номер двенадцать.

Сесили. Так они утверждают.

Алан. Но Дерек его видел.

Сесили. Дерек мог ошибиться.

Алан. Вы так считаете?

Сесили. Я не знаю. Мне трудно говорить об этом. Вообще-то, если у вас нет других вопросов, то мне пора. Думаю, что уже рассказала вам все, что знаю.

Алан. Вы очень помогли мне, Сесили. Нет, какой все-таки шикарный загар. Как вам семейная жизнь?

Сесили (смеется). Ну, все еще только начинается. Мы чудесно провели время на Антигуа, а теперь вернулись домой, и это просто замечательно. Мы очень счастливы в Бранлоу-коттедже и хотим только одного — оставить все плохое позади и впредь не вспоминать о нем.

Алан. Большое спасибо, что уделите мне время.

Сесили. Пожалуйста. Всего вам доброго.

На этом запись закончилась, и воцарилась тишина, в которой ощущалось нечто зловещее. Она напомнила мне, что Сесили отсутствует вот уже десять дней, и я задавала себе вопрос: услышит ли кто-нибудь вновь ее голос?

На флешке было еще одно интервью. Эйден упомянул, что имел непродолжительную беседу с Аланом. Мне пришлось воспроизвести ее раза два, прежде чем я поняла, что она состоялась до разговора Конвея с Сесили. Мужчин представила друг другу Полин Трехерн, и Алан уже вел запись.

Полин. Простите, но я не хочу, чтобы мои слова записывали на диктофон.

Алан. Запись исключительно для личного пользования. Это проще, чем делать заметки от руки.

Полин. Тем не менее. Мне как-то не по себе, когда это происходит. Вы точно не собираетесь писать о том, что случилось в нашем отеле?

Алан. Нет-нет, не беспокойтесь, сюжет моего нового романа совсем иной. Да и действие там происходит не в Суффолке, а в другом месте.

Полин. Вы уже придумали название?

Алан. Пока еще нет.

Входит Эйден.

Полин. Это Эйден Макнейл, мой зять.

Алан. Мы, кажется, уже встречались.

Эйден. Да. Я был на ресепшене, когда вы приехали. Помог вам с выбором номера. Надеюсь, там вполне удобно?

Алан. Все замечательно, спасибо вам большое.

Эйден. Простите, а вы что, записываете нашу беседу на диктофон?

Алан. Да, записываю. А вы против?

Эйден. Вообще-то, да.

Полин. Мистер Конвей задает вопросы насчет убийства.

Эйден. Ну, лично я предпочел бы не говорить об этом.

Алан. Я не понял...

Эйден. Извините меня, мистер Конвей. По долгу службы я обязан защищать интересы отеля. Эта история со Штефаном Кодреску не принесла нам ничего, кроме неприятностей, и мне в самом деле не хочется еще более афишировать ее.

Алан. Я не собираюсь передавать записи кому-либо.

Эйден. Даже так. Мы сообщили полиции обо всем, что произошло в тот день. Мы ничего не скрываем. И если вы намерены в той или иной степени возложить на отель ответственность...

Алан. У меня нет подобных намерений.

Эйден. Мы не можем быть в этом уверены.

Полин. Эйден!

Эйден. Простите, Полин. Я уже сказал Лоуренсу, что считаю это скверной идеей. Не сомневаюсь, что мистер Конвей — уважаемый писатель...

Алан. Пожалуйста, зовите меня просто Аланом...

Эйден. Я в эти игры не играю. Прошу прощения. Не могли бы вы выключить диктофон?

Алан. Ну, если вы настаиваете...

Эйден. Да, настаиваю.

На этом все и закончилось.

Было очевидно, что Эйден невзлюбил Алана Конвея с первой их встречи, и это чувство было мне понятно. Стоит ли считать подозрительным то обстоятельство, что Макнейл наотрез отказался давать интервью? Вряд ли. Эйден ясно дал понять, что в первую очередь заботится о репутации отеля.

Было уже за полночь, а завтра мне предстояло рано вставать, но прежде чем лечь в постель, я сделала еще кое-что: залезла в «Apple Music» и загрузила «Свадьбу Фигаро». Послушаю оперу завтра с утра, на свежую голову.

Лайонел Корби (завтрак)

Утром я чувствовала себя усталой и разбитой. Толком не выспавшись, я ушла из дома чуть свет, еще до того, как встал Крейг. Мне предстояло пересечь весь Лондон, чтобы успеть к семи часам на встречу с Лайонелом Корби, менеджером оздоровительного корпуса, работавшим в «Бранлоу-Холле» в то время, когда произошло убийство. Я, наверное, целую вечность ехала на метро, тупо глядя закрывающимися глазами в бесплатную газету, содержания которой хватило всего на две или три остановки.

Первое мое впечатление о Лайонеле Корби было нелестным. Он вырuling из потока машин на одном из этих дорожных велосипедов с ультратонкими колесами, в облегающих шортах из лайкры, доходивших до середины бедра и явно призванных обозначить его идеальную мускулатуру и, если уж на то пошло, правильной формы гениталии. Я предпочитаю видеть в людях лучшее — привычка, быть может, не особенно полезная для того, кто расследует убийство, но было в Корби нечто такое, что я с первого взгляда охарактеризовала бы как... Да, наглость, пожалуй. Согласно, этот человек работает в фитнес-клубе. Ему положено заявлять о своей хорошей физической форме. Но зачем делать это так кричаще? Когда мы обменялись рукопожатием, Лайонел пробежался по мне взглядом, и я приуныла, чувствуя себя неряшливо одетой теткой. Он, напротив, весело напевал, пристегивая велосипед к стойке.

— Ну что, Сьюзен, как насчет слегка позавтракать? — У него был ярко выраженный, тягучий австралийский акцент. — Тут вполне приличное кафе, а у меня имеется дисконтная карта.

Мы вошли внутрь. Клуб «Верджин Эktiv» располагался в бетонной коробке на шумной улице. Любопытно, но Аттикус Пюнд жил в квартире прямо за углом... То есть Алан Конвей вдохновлялся стоящим там зданием. Кафе еще только открылось, и посетителей, кроме нас, не было. Благодаря включенным кондиционерам помещение превратилось в холодильник. Лайонел заказал себе какой-то питательный напиток: некоторое количество полезных для здоровья овощей и фруктов, измельченных до состояния мерзкой зеленой слизи. Я подметила, что, усаживаясь, он снял с головы вязаную шапочку. Шевелюра у него была роскошная, но уже потихоньку редела на макушке, и он, видимо, стеснялся намечающейся плешки. Мне страсть как хотелось съесть глазунью, но ближайшее, что здесь предлагалось из этой области, это яйца пашот в толченом авокадо с бездрожжевым хлебом. Ни один из перечисленных ингредиентов не пробуждал ни малейшего аппетита. Я остановилась на капучино.

Мы заняли столик у окна.

— Боюсь, у меня всего полчаса, — сказал Лайонел.

— Очень любезно, что вы согласились повидаться со мной.

— Пустяки, Сью. То, что случилось с Сесс, просто ужасно. — Парень старался говорить искренне, но, на мой взгляд, явно перебарщивал, а потому я ему не верила. — Новости есть?

— Увы, нет.

— Печально. А вы-то с какого боку оказались там замешаны? Вы друг семьи?

— Не совсем. Лоуренс Трехерн попросил меня помочь. — Мне не хотелось снова рассказывать все с самого начала, да и Лайонел уже предупредил, что у нас лишь полчаса, поэтому я вкратце пояснила, каким образом исчезновение Сесили может быть связано с убийством Фрэнка Пэрриса, случившимся восемью годами ранее.

— Фрэнк Пэррис! — Лайонел тихонько присвистнул. — Когда я получил от вас письмо, то никак не мог сообразить, чем могу помочь. В «Бранлоу-Холл» я не наведывался с тех пор, как уволился. Скажу начистоту, Сью: я этот отель просто на дух не выносил! И очень рад, что ушел оттуда.

— Но вы, Лайонел, довольно долго там проработали. Целых четыре года.

Он в ответ улыбнулся.

— Вы отлично справились с домашним заданием. Если быть точным, три года и девять месяцев. Я принял только что открытый спа-корпус, и это было круто. Тренажерный зал,

оборудованный по последнему слову техники, все новенькое, шикарный бассейн. У меня были приличные клиенты, особенно из числа тех, кто не проживал в отеле. Но зарплата была нищенская, и, хотя я вел индивидуальные занятия, Трехерны платили мне всего двадцать пять процентов от выручки. Дерьмовые они работодатели. И вот что я вам скажу: иногда это заведение походило скорее на сумасшедший дом, чем на дорогой отель. Штефан Кодреску был нормальный парень. Еще я неплохо ладил кое с кем из персонала кухни. Зато остальных терпеть не мог.

— А не было ли у вас клиентки по имени Мелисса Конвей? — Не знаю, почему я вдруг спросила о ней. Меня удивило, когда Джеймс упомянул, что бывшая жена Алана поселилась в Вудбридже, да и к тому же в памяти засели слова Сесили, что Мелисса пользовалась спа.

— Мелисса? Да, была одна дамочка по имени Мелисса, ходила постоянно. Вот только фамилия у нее была другая: Джонсон, если не ошибаюсь. Она арендовала дом по соседству.

— Да, точно, после развода она вернула себе девичью фамилию.

— Откуда вы ее знаете? — поинтересовался Лайонел.

— Она была замужем за Аланом Конвеем, — ответила я.

— А, понял. И кстати, раз уж вы упомянули, Мелисса действительно была у нас в среду или в четверг вечером, накануне тех событий. Я запомнил, потому что настроение у нее было паршивое. Ходила мрачнее тучи.

— Вам известно, что именно ее расстроило?

Мой собеседник пожал плечами:

— Понятия не имею.

— А как вас вообще занесло в «Бранлоу-Холл»? — спросила я. — Как вы устроились на эту работу?

— Ну, знаете, я сперва и понятия не имел, во что вляпался. Я переехал в Лондон из Перта — это в Австралии, если вы вдруг не в курсе, — примерно одиннадцать лет тому назад. Мать у меня англичанка. Я снял комнату в Эрлс-Корте и нашел работу персонального тренера. Мне было всего двадцать, но я закончил в Перте специальные курсы при местном универе, и мне повезло. Что называется, приземлился на обе ноги. У меня появилось несколько частных клиентов, они рекомендовали меня знакомым. Но даже так жить в Лондоне было дорого, и надо было грести не покладая рук, чтобы держать голову над водой. Вы даже не представляете, с какого сорта народом мне приходилось иметь дело! Потом я стал тренером у одного парня, и он обмолвился, что только-только вернулся из «Бранлоу-Холла» и что там ищут менеджера спа-корпуса. Это показалось мне хорошей идеей, чтобы заработать немного денег, так что я прошел собеседование, и меня приняли.

— Как звали того человека, который порекомендовал вас? — осведомилась я.

— Теперь уже и не помню.

— Все ваши клиенты были мужчины?

— Нет. Пятьдесят на пятьдесят, примерно. А почему вы спрашиваете?

— Просто так. Продолжайте. Почему Трехерны оказались, на ваш взгляд, такими плохими работодателями, помимо зарплаты?

— Ну, положим, зарплата — это самое главное. К тому же они буквально выжимали из меня все соки. Я работал по десять часов в день, шесть дней в неделю. Не уверен даже, законно ли это. И никаких льгот. За все съеденное в отеле — плати, и никаких скидок в баре не давали. Мало того, вообще запрещали туда заходить, если там был кто-то из гостей. Добавьте сюда историю с преступниками! Программа по реабилитации молодых правонарушителей, так ее называли. Но это все чушь. Бывших заключенных попросту использовали. Штефану платили по самой низкой ставке, а пахал он практически круглые сутки. Трехерны, как вы понимаете, держали парня за глотку. Попробуй он только пожаловаться, его мигом бы вышвырнули. Он ведь румын, да к тому же у него срок за спиной. Другой работы без их рекомендации уж точно не найти. Разумеется, хозяевам все это было прекрасно известно. Выродки они. А потом еще Лиза Трехерн... — Лайонел с чувством тряхнул головой. — Это старшая дочь хозяев. Та еще штучка.

— Она обвинила Штефана в кражах.

— Лиза знала, что он не воровал. На руку нечиста была Наташа.

— Горничная?

— Да, все знали, какая это бессовестная девица. Как говорится, пожав ей руку, не забудь проверить, целы ли часы. Но Лиза вела свою игру, как и ее папаша. Ей нужен был Штефан.

— Нужен? В каком смысле?

— А вы как думаете? — Лайонел презрительно посмотрел на меня. — Лизу от него аж в жар бросало. Первосортный кусок двадцатидвухлетней восточноевропейской плоти. Она буквально глаз от красавчика не могла оторвать.

Можно ли доверять сказанному Лайонелом? Послушать его, так Мелисса была злокой, Лоуренс вел себя как негодяй, жестоко эксплуатируя Штефана, а Лиза предавалась похоти. Парень ни о ком не произнес ни одного доброго слова. И все же я мысленно возвращалась к встрече с Лизой в обеденном зале «Бранлоу-Холла». Она буквально пыхала злобой. «Нанять Штефана Кодреску было ошибкой, и нам давно уже следовало его уволить. Я, между прочим, с самого начала так говорила, да вот только никто меня не слушал». А как ответил ее отец? «Но поначалу он тебе нравился. Ты проводила с ним кучу времени». Я еще тогда подметила это противоречие. И возможно, Лайонел только что дал ему объяснение.

— Хотите верьте, хотите нет, — продолжил он, — но Лиза пробовала свои чары и на мне тоже. Постоянно заглядывала в спа-корпус. И должен сказать, что упражнения ее интересовали вовсе не те, которым меня научили на курсах в Перте.

— У них со Штефаном был роман? — Уже задавая этот вопрос, я сочла подобное допущение сомнительным. Если бы эти двое спали, сей факт наверняка всплыл бы на суде.

Корби покачал головой:

— Я бы не назвал это романом. Штефан питал к ней не больше чувств, чем я. Вы ведь видели ее шрам, — он указал на свой рот, — да и без него она далеко не Миранда Керр. Но секс у них со Штефаном был, если вы это имеете в виду. Бедолага не мог ей отказать! В конечном счете Лиза ведь практически управляла отелем. Он полностью находился в ее власти.

— Штефан сам вам об этом рассказывал?

— Нет. Он о подобных вещах никогда не говорил. Но стоило Лизе появиться рядом, вид у него сразу делался несчастный. А однажды я видел их вместе.

В кафе вошли еще двое посетителей. Лайонел заговорщицки наклонился ко мне.

— Это случилось недели за две или за три до убийства, — сообщил он. — Я закончил работу в спа и совершал короткую пробежку по территории. Вечер выдался чудесный, теплый. Светила полная луна. Я пробежался, сделал несколько упражнений на растяжку и решил подтянуться. Для этого я облюбывал одно дерево. Был у него сук как раз на подходящей высоте. Дело происходило в лесочке близ Оуклендса — коттеджа, где, кстати сказать, жила Мелисса. Вот, значит, иду я себе и вдруг слышу звуки. Не успел я опомниться, как увидел в траве сладкую парочку: он верхом на ней, оба в чем мать родила.

— Вы уверены, что это были Лиза и Штефан?

— Хороший вопрос, Сью. Вообще-то, было темно, расстояние довольно большое, и поначалу мне показалось, что это Эйден развлекается со своей будущей свояченицей. Вот бы смеху было! Но я занимался с Эйденем и знал, что у него на плече большая татушка. Он называл ее космическим червем, но, по мне, так она напоминала гигантского головастика! — Лайонел расхохотался. — Так что этим парнем абсолютно точно был не Эйден. Он был голый, и татушку я бы в лунном свете легко разглядел. Впрочем, я не собирался подсматривать за ними, как какой-нибудь извращенец, и пошел по своим делам. Ну и вы, конечно, догадываетесь, что произошло: я наступил на ветку, и эта проклятушая штуковина хрустнула так, словно кто из ружья выстрелил. Это их остановило. Парень обернулся, и я разглядел его лицо так же ясно, как вижу сейчас ваше. Это стопроцентно был Штефан.

— Он вас узнал?

— Не думаю.

— Вы с ним никогда об этом не говорили?

— Шутите, что ли?

Я обдумала услышанное и заметила:

— Одного не могу понять. Пару недель спустя Лиза его уволила. Если у них был секс, то зачем ей понадобилось это делать?

— Я тоже задавался этим вопросом. По моему мнению, Штефан взбунтовался и сказал Лизе «хватит». То, что она творила, было чистой воды принуждением. Возможно, он даже пригрозил пожаловаться на нее.

Я так до сих пор не получила вестей от Штефана Кодреску и пыталась понять, сколько требуется времени, чтобы мое письмо дошло до него в тюрьме. Оставался открытым вопрос, согласится ли он на свидание со мной, хотя мне просто до зарезу надо было встретиться с парнем. Требовалось выяснить, что именно произошло между ним и Лизой Трехерн. Она-то сама, ясное дело, ни в чем не признается. Только он может сказать мне правду.

— Вы были со Штефаном в пятницу вечером, — продолжила я. — Говорят, он напился на вечеринке?

— Да, это так. — Лайонел глянул на настенные часы.

Из условленных тридцати минут прошло уже двадцать. Парень сделал глоток протеинового шейка, от которого на верхней губе у него осталась зеленая полоска в виде полумесяца.

— Вообще-то, Штефану это было несвойственно, — заявил Лайонел. — Обычно его не развозило от спиртного, да он никогда и не злоупотреблял. Но его только что уволили, и вполне возможно, что он топил печаль в вине.

— Вы отвели его в комнату.

— Это было часов около десяти. Мы добрались до конюшен, которые Трехерны переоборудовали под жилье для персонала. Наши комнаты размещались по соседству. Я пожелал ему доброй ночи, и мы отправились по койкам. Я и сам изрядно вымотался, если честно.

— Когда вы уснули?

— Минут десять или пятнадцать спустя. опережая ваш вопрос: я ничего не слышал. Сплю я крепко. Мог ли Штефан встать и пойти в отель? Тут я, боюсь, ничем вам не пригожусь. Могу только сказать, что, когда я уходил, он лежал в постели.

— На следующий день вы его видели?

— Нет. Я был в спа, а он помогал на свадьбе.

— Вы верите в то, что это он убил Фрэнка Пэрриса?

Мой собеседник задумался. Потом кивнул:

— Да. Вероятно, так оно и есть. Я к тому, что полицейские обнаружили кучу улик, и мне известно, что Штефан был на мели. Он пристрастился к онлайн-играм. Все эти румыны такие. Он часто просил у меня займы до зарплаты в конце месяца.

Лайонел снова посмотрел на часы и встал. Наше время вышло.

— Надеюсь, что помог вам, Сью, — сказал он. — Потому что, если честно, мне Штефан нравился, и обошлись с ним далеко не лучшим образом. И надеюсь, что вы найдете Сесили. Есть какие-нибудь догадки, что с ней могло случиться?

— Пока нет. — Оставалась еще одна деталь, о которой мне хотелось спросить. — Вы поначалу подумали, что видели в лесу с Лизой Эйдена. Это потому, что ему свойственна была неразборчивость в связях?

— Неразборчивость в связях? Забавное какое выражение. Вы имеете в виду, ходил ли он на сторону? — Лайонел криво усмехнулся. — Понятия не имею, изменял ли Эйден жене, и, откровенно говоря, сам не знаю, почему, увидев тех двоих, я подумал на него. Может, они с Сесили были счастливы, а может, и нет... Кто их разберет. Но если рассуждать логически, то едва ли Эйден рискнул бы наставить Сесили рога. Это ведь она нашла его и вытащила из Лондона. А Сесили, я вам скажу, на свой лад была не менее жесткой, чем ее сестричка. Узнай она, что Эйден ее обманывает, сварила бы его яйца на завтрак.

Мы обменялись рукопожатием. В кафе зашел еще один тренер, тоже в шортах из лайкры, и я видела, как эти двое обнялись по-мужски, стукнувшись грудью и похлопав друг друга по спине.

Я по-прежнему не могла решить, понравился мне Лайонел Корби или нет. Можно ли верить в изложенную им версию событий? Тут я тоже находилась на распутье.

Майкл Били (обед)

Майкл Дж. Били был занятым человеком.

Его секретарша позвонила и сообщила, что выпивка в «Сохо-Хаусе» больше не актуальна. И поинтересовалась, удобно ли мне будет встретиться с ним за обедом в двенадцать тридцать. Обед оказался очень скромным: пара сэндвичей с чашкой кофе в заведении быстрого питания неподалеку от его квартиры, сразу за углом на Кингс-роуд, но меня это вполне устраивало. Я сомневалась, что у нас с Майклом найдется достаточно тем для разговора за полноценным бизнес-ланчем. Он всегда отличался немногословностью, вопреки тому, что тиражировал слова миллионами. Кстати, инициал «Дж.» на визитке был для него чрезвычайно важен. Поговаривали, что Майкл, будучи лично знаком с Артуром Ч. Кларком и Филипом К. Диком, захотел, чтобы его имя звучало похоже, в дань уважения к обоим авторам. Били был хорошо известен как знаток их творчества и публиковал длинные статьи в антологиях и литературных обозрениях.

Когда я пришла в кафе, Майкл был уже там, пролистывал очередную рукопись на айпаде. В его манере работать было что-то от крота: он горбился, нагибаясь вперед, словно стремясь проскрести туннель через экран. Мне пришлось напомнить себе, что мы с ним почти сверстники. Седые волосы, очки и старомодный костюм набавляли ему лет десять, и Били, похоже, с этим смирился. Есть мужчины, которые никогда не были на самом деле молодыми и даже не стремятся к этому.

— А, привет, Сюзен! — Майкл даже не приподнялся. Он был не из тех, кто склонен целоваться, даже просто чмокнуть в щечку. Но он хотя бы закрыл планшет и улыбнулся мне, моргая на солнце. Он уже заказал кофе и миндальное пирожное, лежавшее на бумажной тарелке, на которой его принесли. — Чем вас угостить?

— Да не стоит, благодарю. — Я пробежала взглядом по выставленным на витрине довольно унылого вида маффинам и плюшкам, ничем не соблазнившись. Да и к тому же мне хотелось поскорее перейти к делу.

— Ну, хотя бы попробуйте кусочек вот этого. — Он пододвинул ко мне пирожное. — Весьма недурственно.

Эта отрывистая манера речи, так хорошо мне знакомая. Он напоминал актера из тех пьес периода между двумя мировыми войнами, где все ведут долгие разговоры, но мало что происходит.

— Как дела? — спросил Майкл.

— Спасибо, я живу хорошо.

— Да вдобавок еще и в Греции, насколько мне известно?

— Если точнее, на Крите.

— Никогда не бывал на Крите.

— Съездите обязательно. Там красиво.

Даже в воскресенье Кингс-роуд была перегружена машинами, и в воздухе ощущались пыль и выхлопные газы.

— Ну а как тут у вас обстоят дела? — спросила я, стремясь заполнить повисшую паузу.

Майкл вздохнул и моргнул несколько раз.

— Ну, откровенно говоря, так себе, год выдался еще тот.

Я несколько не удивилась: у него все годы относились к этой категории. Били обратил мрачный взгляд на жизнь в своего рода искусство.

— Меня порадовало, что вы издаете серию про Аттикуса Пюнда. — Я твердо решила выдерживать позитивный настрой. — И сохранили прежний дизайн обложки. Недавно получила экземпляр от одного человека. Выглядит шикарно.

— Мы сочли непрактичным и невыгодным менять оформление.

— Книги Конвея хорошо продаются?

— Продавались.

Я ждала, когда собеседник пояснит свою мысль, но Майкл просто сидел и потягивал напиток из картонного стаканчика.

— Так что случилось? — пришлось мне наконец спросить.

— Ну, произошла та история с Дэвидом Бойдом.

Имя вроде как было мне смутно знакомо, но ничего конкретного я припомнить не могла.

— Кто такой Дэвид Бойд?

— Писатель.

Снова тишина. Потом Майкл неохотно продолжил:

— Я сам привел его в издательство, так что это, до определенной степени, моя вина. Я купил его первую книгу во Франкфурте. Вообще-то, на аукционе торговались трое, но нам повезло. Один издатель слился, второй не проявил особого энтузиазма, так что мы приобрели права по хорошей цене. Первый роман Дэвида Бойда мы выпустили полтора года назад, а второй — в январе.

— Фантастика?

— Не совсем. Киберпанк. Отлично проработанный сюжет. И стиль очень даже неплохой. На мой взгляд, убойная вещь: крупный бизнес, подлог, политики, китайцы. А вот продажи никакие. Даже не знаю, что именно не срослось, но первая книга расходилась очень плохо, а вторая просела еще сильнее. Да в придачу у него оказался слишком напористый литературный агент, Росс Симмонс из «Кёртис-Браун», который попытался связать нас новым контрактом. Поэтому мы приняли решение отказаться от автора. Печально, но ничего не поделаешь. Бывает.

И это вся история? А при чем тут книги Конвея?

— Так что именно случилось? — спросила я.

— Ну, он затаил на нас обиду. Не агент, а писатель. Вбил себе в голову, что мы якобы кинули его, нарушив слово. Это все весьма неприятно, но хуже всего — кому рассказать, так не поверят, — желая отомстить, Бойд взломал систему в «Хели Хатчинсон».

Тут я поняла, что дело и впрямь серьезно. Великое множество пугающих перспектив предстало перед моим мысленным взором. Я читала про «Хели Хатчинсон» в журнале «Букселлер»: это был новый, оборудованный по последнему слову техники дистрибьюторский центр близ Дидкота, что в Оксфордшире. Складские помещения площадью в двести пятьдесят тысяч квадратных футов. Роботизированные линии. Отправка шестидесяти миллионов книг каждый год.

— Это вылилось в сущий кошмар, — пояснил Майкл. — Хаос наступил совершенный. Мы отправляли не те книги не в те магазины. Заказы не выполнялись. Один покупатель получил тридцать экземпляров одного и того же романа Харлана Кобена... ему присылали по одной книге в день, месяц подряд. Часть изданий просто исчезла. Ты пытаешься их найти, а они словно бы никогда и на свете не существовали. Это коснулось и серии про Аттикуса Пюнда. — Майкл сообразил, что выдал несвойственный ему продолжительный монолог, и сбавил прыть. — Жутко неприятно.

— И как долго все это продолжалось? — задала я вопрос.

— Да еще до сих пор не закончилось. Мы направили туда своих специалистов, чтобы навести порядок. Последние два месяца оказались самыми скверными. Бог весть, как это скажется на продажах. Боюсь, выручки за этот квартал ждать не приходится!

— Мне очень жаль, — вздохнула я. — В полицию обращались?

— Ну да, полиция в курсе. Больше сказать ничего не могу, честно. Нам удалось сохранить это в тайне от прессы. Вообще-то, я не имел права вам об этом говорить.

Тогда зачем говорил? Вообще-то, у меня имелись предположения на сей счет.

— Думаю, сейчас не самое удобное время обращаться к вам за помощью, — сказала я. — В смысле, насчет работы.

— Я бы с радостью помог вам, Сьюзен. Считаю, вы славно потрудились над романами про Пюнда. И понимаю, что Алан Конвей был не из тех авторов, с кем приятно иметь дело.

— Ну, на самом деле вы и половины не знаете.

— Так что же там все-таки произошло? В «Клоуверлиф букс»?

— Это не моя вина, Майкл.

— Уверен, что так. — Он отломил кусочек миндального пирожного. — Но слухи-то, само собой, ходят.

— Слухи не всегда бывают правдивы.

— Очень редко. — Он положил кусочек в рот и стал ждать, когда тот растает, не глотая и не жуя. — Понимаете, у нас в издательстве сейчас полная засада, так что помочь я, к сожалению, ничем не смогу. Но при случае непременно замолвлю за вас словечко, авось что и получится. Какая именно работа вас интересует: руководитель проекта, выпускающий редактор?

— Что угодно подойдет.

— А как насчет фриланса? Допустим, несколько книг одной серии?

— Да, вполне годится.

— Тут может что-нибудь наклюнуться.

А может, и нет. Вот и все, беседа окончена.

— Может, все-таки выпьете кофе, Сьюзен? — спросил он.

— Нет, Майкл. Спасибо.

Сразу он меня не выставил, это было бы слишком грубо. Мы поболтали еще минут десять о том о сем: о текущих делах, о крушении «Клоуверлиф букс», о Крите. Майкл тем временем разделался с кофе и пирожным, и мы распрощались без рукопожатия, потому что пальцы у него были в сахарной пудре. Ну и стоило ли ради этого покупать жакет от Ральфа Лорена?

Встреча оказалась пустой тратой времени.

Крейг Эндрюс (ужин)

Это был уже мой третий прием пищи за день, а я до сих пор так толком и не поела.

Но на этот раз, однако, я намерена была отыграться. Крейг повел меня в старомодную трактир в Ноттинг-Хилле, в одно из тех местечек, где официанты одеты в черное и белое, а мельницы для перца на шесть дюймов длиннее необходимого. Паста, приготовленная по-домашнему, терпкое вино, разумные цены и столики, расположенные немного впрыток друг к другу. Именно такого типа ресторанички мне по вкусу.

— Ну, что вы обо всем этом скажете? — спросил Крейг, пока мы угощались очень вкусной брускеттой со спелыми томатами и сочными листьями свежего базилика.

— О еде? Или о ресторане?

— О преступлении! Полагаете, что Сесили Трехерн найдут живой?

Я покачала головой:

— Будь это возможно, она давно бы уже объявилась.

— Значит, она мертва.

— Да. — Я задумалась на минуту, не желая вот так вычеркивать ее из списка живых. — Вероятнее всего.

— Есть идеи, кто ее убил?

— Это запутанная история, Крейг. — Я постаралась собраться с мыслями. — Начнем с ее звонка родителям во Францию. Допустим, кто-то подслушал разговор. Сперва я думала, что Сесили звонила из Бранлоу-коттеджа, и в таком случае на подозрении оказывались только Эйден или Элоиза, няня Роксаны. Но выяснилось, что телефон стоял в ее кабинете в отеле, а это расширяет круг возможных кандидатов.

— Откуда вы узнали?

— Дерек, ночной портье, в тот момент был там и рассказал мне. «Когда она сделала тот звонок, я сразу догадался: что-то неладно. Сесили была сильно встревожена» — вот его слова.

— Значит, Дерек подслушал разговор?

— Да. Но кабинет Лизы Трехерн расположен напротив, и она тоже вполне могла все слышать. Это мог быть кто-то из гостей. Или же вообще некий человек, случайно проходивший в тот момент мимо окна. — Я вздохнула. — Тут возникает проблема. Если предположить, что Сесили заставили замолчать, так как она узнала что-то о смерти Фрэнка Пэрриса, то ее убийца был тем же, кто восемь лет назад прикончил самого Фрэнка. Но насколько я могу судить, ни один из упомянутых мною людей прежде даже не был знаком с ним. Ни Дерек, ни Эйден, ни Лиза. Ни у кого из них просто-напросто не было мотива.

— А вдруг Сесили решили устранить, чтобы защитить кого-то еще?

— Это я допускаю. Но вот кого? Фрэнк Пэррис приехал из Австралии. Случайно ли его приезд совпал со свадебным уик-эндом? Похоже, что да. Судя по всему, нет никакой связи между ним и «Бранлоу-Холлом», за исключением того, что он забронировал в этом отеле номер на трое суток.

Я налила себе немного вина из бутылки, живописно стоявшей на столе в устланной соломой корзинке. И продолжила:

— Забавно, но я таки нашла двоих, у кого имелся мотив для убийства Фрэнка. И они мне соврали! Проблема в том, что живут эти люди далеко от отеля и никак не могли подслушать разговор Сесили по телефону. — Я задумалась. — Если только, конечно, им не довелось заглянуть туда выпить...

— Кто такие?

— Джоанна и Мартин Уильямс. Сестра и зять покойника. Они живут в Уэстлтоне, в доме, половина которого принадлежала Фрэнку. Именно поэтому он и приехал в Суффолк — чтобы потребовать свою часть наследства.

— Как вы поняли, что они солгали?

— Благодаря сущему пустяку, откровенно говоря.

Первым об этом упомянул Эйден. Свадебный шатер доставили с задержкой. В отель его привезли только в пятницу после обеда. И вот тут-то возникает противоречие. Я вспомнила нашу беседу с Мартином Уильямсом. На мой вопрос, не упоминал ли его шурин про свадьбу, он ответил: «Вообще-то, Фрэнк нам про нее все уши прожужжал. Гостиница, мол, битком набита, и большой шатер в саду портит вид. Заявил, что владельцы обязаны были сделать ему скидку». А до этого мой собеседник обмолвился, что Фрэнк в тот день приехал к ним рано, сразу после завтрака. Если сложить два и два, станет понятно, что шатер Пэррис видеть никак не мог.

А вот сам Мартин, напротив, наверняка его видел. Он определенно ездил в «Бранлоу-Холл» где-то в пятницу, во второй половине дня. Зачем? Это всего лишь допущение, но Уильямс мог попытаться выяснить, в каком номере остановился его шурин, потому как задумал убить того. Этим можно объяснить и последние слова Джоанны: «Проваливайте и впредь оставьте нас в покое». Она знала о случившемся и боялась разоблачения.

Я поделилась своими соображениями с Крейгом, и тот улыбнулся.

— Да вы умница, Сьюзен. Думаете, этот тип, Мартин Уильямс, способен убить своего шурина?

— Ну, как я уже сказала, он был единственным, у кого имелся мотив. Если только... — Я, вообще-то, не собиралась подробно развивать эту тему, но Крейг явно заинтересовался всей историей, и я понимала, что обязана продолжать. — Возможно, это совсем уж безумная идея, но мне вдруг пришло в голову, что на самом деле мишенью для преступления мог являться вовсе не Фрэнк.

— В смысле?

— Начать с того, что он поменял комнату. Первоначально его поселили в шестнадцатом номере, но тот показался ему слишком современным. Поэтому его переселили в двенадцатый.

— А кто въехал в шестнадцатый?

— Некий отставной директор по имени Джордж Сондерс. Он прежде работал в местной школе «Бромсуэлл-Гроув». Допустим, что убийца не знал о замене. Он стучится в дверь номера двенадцать посреди ночи, Фрэнк открывает, злоумышленник наносит ему удар молотком по голове и убивает прежде, чем понимает свою ошибку.

— С какой стати Пэррису посреди ночи открывать дверь неизвестно кому?

— Веский аргумент. Но у меня мелькнула еще одна мысль. Что, если дело не во Фрэнке Пэрресе, не в Джордже Сондерсе или в каком-либо другом госте отеля. Причина в Штефане Кодреску. Очевидно, у него была связь с Лизой Трехерн, и в «Бранлоу-Холл» угнездились ревность и ненависть. А вдруг кто-то просто захотел подставить его?

— Обвинив в убийстве?

— Почему бы и нет?

— И для этого лишил жизни первого попавшегося гостя?

Моему собеседнику не было нужды вкладывать в тон столько скепсиса. Мне и самой подобная версия представлялась не слишком состоятельной.

— Теперь я понимаю, почему вам необходимо поговорить со Штефаном, — сказал Крейг. — Это поможет прояснить ситуацию.

— Если только он вообще мне ответит.

— Требуется время. Тюремная система норовит осложнить жизнь каждому, кто имеет с ней дело, внутри ее стен или снаружи. По крайней мере, так это выглядит.

Подали основное блюдо. Мы потолковали немного о тюрьмах.

Когда я познакомилась с Крейгом, четырем годами ранее, он страдал от комплекса, присущего всем писателям-новичкам: ощущал необходимость оправдываться за то, что делает. Ему только что исполнилось сорок — многовато для начинающего писателя, хотя Александр Макколл Смит был почти на десять лет старше, когда выпустил свой первый нашумевший бестселлер под названием «Женское детективное агентство № 1». Вероятно, я держала в уме этот факт, когда согласилась взять в работу рукопись новичка. А еще Крейг был богат. Нет, сам он этого никогда не выказывал, но дорогая одежда, машина, дом на Ледброк-Гроув говорили сами за себя. Он только что уволился из банка «Голдман Сакс», где занимал один из ключевых постов. Эту информацию мы никогда не помещали на обложках.

Я убедила Эндрюса, что «Тюремное время» (такое название роман, если помните, получил в итоге) не нуждается ни в каких извинениях, и наслаждалась совместной работой с автором. Сюжет

строился вокруг того, что главного героя, Кристофера Шоу, полицейского в штатском, отправляют в тюрьму строгого режима, чтобы добыть информацию у авторитетных уголовников. И эта схема отлично сработала для трех первых книг серии.

— Откуда у вас такой интерес к тюрьмам? — задала я Крейгу вопрос. Мы как раз заканчивали с основным блюдом, попутно распив бутылку вина.

— А я разве не говорил? — Я уловила в голосе собеседника нерешительность. В глазах его отражались язычки свечей. — Мой брат сидел.

— Мне жаль... — Я удивилась, почему он не поделился этим прежде. Циничная половина моей издательской души могла бы использовать сей факт для раскрутки книг.

— Джон был исполнительным директором в одном из крупных банков. Он пытался привлечь инвестиции из Катара. Шел две тысячи восьмой год, дело было как раз после финансового кризиса. Он задобрил инвесторов деньгами, что, естественно, не стали предавать огласке. Но потом это всплыло, и Бюро по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах вцепилось в Джона мертвой хваткой. В общем... — Крейг махнул рукой. — Ему дали три года.

— Извините, не стоило мне спрашивать.

— Да не переживайте, все нормально. Джона подвела скорее глупость, чем жадность, и случившееся с братом побудило меня пересмотреть взгляды на свою карьеру. Ведь на его месте запросто мог оказаться и я! Не утверждаю, что Джона не следовало наказывать, но тюрьма — это такое идиотское разбазаривание времени. Убежден, что когда-нибудь человечество оглянется назад и удивится: ну как можно было в двадцать первом веке цепляться за столь абсурдную и архаичную идею Викторианской эпохи? Десерт хотите?

— Нет.

— Тогда давайте выпьем кофе дома.

Ночь снова выдалась теплая, и мы решили прогуляться пешком. Я опасалась, что проявленный мною интерес к личной жизни Эндрюса испортит вечер, но на самом деле это только сблизило нас.

— Вы были замужем? — спросил Крейг.

— Нет. — Вопрос застал меня врасплох.

— Я тоже так и не женился. — Был на грани пару раз, но так и не срослось, а теперь, как понимаю, уже слишком поздно.

— Да что вы! — воскликнула я. — Вам же еще нет и сорока пяти!

— Я не об этом. Ну какая женщина в здравом уме выйдет за писателя?

— Я знаю многих писателей, живущих в счастливом браке.

— Я тут познакомился в прошлом году с одной дамой. Разведена, примерно моего возраста. У нас было много общего. Мне она по-настоящему нравилась. Но я никому не позволяю приближаться к себе... пока работаю. А проблема в том, что работаю я постоянно. В конце концов бедняге это надоело, и я нисколько ее не виню. Когда пишешь книгу, она становится для тебя самым главным на свете, а это далеко не все готовы принять.

Мы добрались до парадной двери. Крейг отпер замок, и мы вошли.

— Сюзен, у вас есть кто-нибудь? — спросил он.

Наступил момент, меняющий все. Бог свидетель, я прочитала достаточно романтических повестей, чтобы уловить подтекст, и прекрасно понимала, о чем на самом деле спрашивает Крейг. Вернее, угадывала под маской заданного вопроса приглашение. Оно напрашивалось с того самого момента, как я пересекла порог его роскошного холостяцкого дома, а потом еще и согласилась поужинать в уютном местном ресторанчике при свечах и с бутылкой вина в соломенной корзинке.

Самое ужасное заключалось в том, что я не знала ответа.

Андреас сейчас далеко, на Крите. Меня одолевало искушение. Почему бы и нет? Крейг олицетворял собой столичный шик, вечеринки, бестселлеры... Все то, с чем мне, собственно говоря, пришлось расстаться. Еще он был хорош собой, приятен в общении, воспитан и богат. И если один тоненький голосок в моей голове нашептывал, что именно этого момента я боялась с тех пор, как напросилась к нему в дом, то другой напоминал, что именно к этому я на самом деле стремилась, и советовал не упускать шанс, хватать его обеими руками.

«Сейчас нет. Я жила с одним человеком, но мы расстались». Вот, что мне хотелось ответить. Вот что я могла бы сказать. Это было бы так просто. Но не совсем правильно. Вернее, совсем неправильно. Хотя, с другой стороны...

— Сьюзен, у вас есть кто-нибудь? — повторил он.

— Да. Разве я вам не сказала? Я помолвлена.

Я с интересом наблюдала за тем, как Эндрюс воспримет эту новость.

— Поздравляю, — произнес он. — И кто же этот счастливец?

— Его зовут Андреас. Мы с ним совладельцы гостиницы на Крите.

— Должен признаться, это последнее, чего я мог от вас ожидать, но это чудесно. Ну что, выпьем кофе?

— Нет, спасибо. Вечер был просто замечательный, но мне завтра нужно встать пораньше, если я хочу вернуться в Суффолк.

— Да, конечно.

— Спасибо за ужин, Крейг.

— Рад был услужить.

Мы походили на актеров из пьесы, произносящих реплики, написанные кем-то другим. Он чмокнул меня в щеку, а затем ремарка «уходит со сцены» — и я поднялась в свою комнату.

Первая страница

Большая порция джина с тоником. Клубный сэндвич, припиленный коктейльной палочкой с миниатюрным американским флажком. Пачка сигарет. И книга.

Я была готова.

В Суффолк я вернулась к обеду и, разобрав вещи и наскоро приняв в номере душ, расположилась за одним из деревянных столов на улице рядом с баром. Я находилась в непосредственной близости от полосы травы — восточной лужайки, — на которой некогда стоял свадебный шатер Эйдена и Сесили. Главный вход в отель был прямо за углом, и я воображала, как Хелен, старшая горничная (мне она представлялась женщиной пожилой и строгой, в идеально подогнанной униформе), бежит во весь дух по гравийной дорожке, чтобы разыскать Лоуренса и сообщить ему о том, что обнаружила Наташа в двенадцатом номере. Каким ужасным выдался для них всех тот день! Гости в красивых нарядах, Эйден и Сесили, всего час назад вступившие в брак, — и тут вдруг все кардинальным образом меняется: полицейские машины, фотографии-криминалисты, нелюбезный детектив-суперинтендант Локк со своими вопросами, а под конец еще и труп, который вынесли из отеля на носилках...

Светило солнце, но я поежилась. Внутри, в помещении, было бы уютнее, но для меня, боюсь, чтение и курение идут рука об руку, и, хотя я прекрасно понимаю, что это вредная привычка (курение, понятное дело), но лично мне она необходима для концентрации. Полагаю, нетрудно догадаться, какую именно книгу я выбрала. Роман «Аттикус Пюнд берется за дело». Тот самый экземпляр, который Крейг дал мне в Лондоне. Пришло наконец время сразиться — не столько с самим текстом, сколько со своими собственными воспоминаниями о том, как он создавался. Странное у меня возникло чувство. Я собиралась читать про тайну одного убийства, погружившись в расследование другого.

Я оттягивала этот момент по причинам, которые объяснила раньше. Я прекрасно знала личность убийцы из романа и помнила все улики. Полагаю, честным будет признать, что произведения, созданные в жанре детектива, редко перечитывают заново: когда знаешь разгадку, сразу пропадает весь интерес.

Но сейчас дело обстояло совершенно иначе. Я получила неплохое представление о том, что происходило в «Бранлоу-Холле» четырнадцатого и пятнадцатого июня две тысячи восьмого года. Я познакомилась с большинством лиц, причастных к тем давним событиям. Алан Конвей приезжал в этот отель. Быть может, он даже сживал на том же самом месте, где теперь устроилась я. И что-то разглядел. «Они взяли не того человека». Так он сказал Джеймсу Тейлору. Алан приехал сюда в поисках вдохновения, но нашел нечто значительно большее. Однако в полицию о своих догадках не сообщил. Ответ он спрятал в романе. Это был единственный способ дать разумное объяснение исчезновению Сесили, и я собиралась все выяснить.

Книга в мягкой обложке лежала передо мной. Я провела пальцами по выпуклым буквам названия, ощущая их так, как если бы они представляли собой шрифт Брайля. Удивительно, как много бед ухитрился причинить людям Алан Конвей своим творчеством. Его последний роман «Английские сорочки убийства» едва не прикончил меня. Не стал ли этот, более ранний том серии причиной гибели Сесили Трехерн?

Я закурила сигарету. Перевернула первую страницу.

И начала читать.

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ «САНДИ ТАЙМС»

Алан
Конвей

Аттикус
Пюнд
берется
за
дело

Алан — на пике
игры! Вы получите
несомненное
удовольствие,
читая о третьем
боевом походе
скромняги-
детектива, —
от первой страницы
и до последней!
«ДЕЙЛИ МЕЙЛ»

Об авторе

Алан Конвей взялся за перо уже в зрелом возрасте, но сразу добился успеха. Самая первая из опубликованных им книг, «Аттикус Пюнд расследует», в один миг стала сенсацией и удостоилась премии «Золотой кинжал», присуждаемой Ассоциацией писателей детективного жанра за лучший детектив года. Роману суждено было стать первым в серии из девяти томов, где главным героем является немецкий сыщик. Серия оборвалась со скоростижной смертью автора, который скончался в 2014 году в своем доме во Фрамлингеме, графство Суффолк. Спустя полгода после выхода книги «Аттикус Пюнд берется за дело», ставшей к тому времени международным бестселлером, Алан Конвей, живший до этого с женой и единственным сыном, объявил себя геем. «Таймс» в своем некрологе сравнила Конвея с Агатой Кристи за хитроумность сюжетов, его также часто называли запоздавшим представителем «золотого века» детективной литературы. В настоящее время продано более двадцати миллионов его книг, а на канале Би-би-си-1 вскоре выходит в эфир экранизация романа «Аттикус Пюнд расследует», с Кеннетом Браной в главной роли.

Серия об Аттикусе Пюнде:

Аттикус Пюнд расследует
Нет покоя нечестивым
Аттикус Пюнд берется за дело
Гость приходит ночью
Рождество Аттикуса Пюнда
Аперитив с цианидом
Маки для Аттикуса
Мистер Пюнд за границей
Английские сорочки убийства

Отзывы о романе «Аттикус Пюнд беретя за дело»

Заприте дверь, свернитесь калачиком перед камином и погрузитесь в новый роман Алана Конвея. Вы не будете разочарованы.

«Гуд хаускипер»

Люблю детективы, которые бьют под дых, и этот, ребята, как раз из таких. Жду не дождусь следующего!

Питер Джеймс

В очередной раз Конвей являет нам картину той давно забытой старой Англии, где жизнь текла спокойно и размеренно. И делает это убийственно метко.

«Нью стэйтмент»

Это уже третья книга серии, и Аттикус Пюнд продолжает набирать силу. Увлекательная, запутанная история, интрига, которая держит в напряжении до самого конца.

«Обсервер»

Новый роман про Аттикуса Пюнда уже почти стал событием года. Спорим, вы не сумеете угадать развязку?

«Паблшерз уикли»

Аттикус Пюнд обогнал по популярности даже Ангелу Меркель. Еще бы, ведь читать про него куда интереснее.

«Дер Тагесшпигель»

Известная актриса задушена, и кто же под подозрением? Все! Последний «Аттикус Пюнд» — это настоящий бестселлер.

Ли Чайлд

Страшные вещи творятся в тихом маленьком городке на морском побережье... Мало найдется романов столь захватывающих, как «Аттикус Пюнд беретя за дело».

«Нью-Йоркер»

Аттикус Пюнд берется за дело

Алан Конвей

Литературно-художественное издание
Впервые опубликовано в Великобритании в 2009 г.
«Клоуверлиф букс»

Это издание в мягкой обложке выпущено в 2016 г.
«Орион фикшн»,
подразделением «Орион паблিশинг груп лимитед»,
Кармелит-Хаус, Виктория-Энбанкмент, 50, Лондон EC4Y 0DZ

Подразделение компании «Ашетт» в Соединенном Королевстве

5 7 9 12 8 6 4

Копирайт © Алан Конвей, 2009

Моральное право Алана Конвея считаться автором данной книги
утверждено в соответствии с Законом об авторском праве,
дизайне и патентах от 1988 г.

Все права защищены. Ни одна часть данного издания
не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме,
включая электронную, фотокопирование, магнитную запись
или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации,
без предварительного письменного разрешения как правообладателя,
так и вышеуказанного издательства.

Все события и персонажи данной книги,
за исключением реально существовавших исторических лиц,
являются вымышленными, любые совпадения случайны.

Запись каталога CIP доступна в Британской библиотеке.

ISBN (Mass Market Paperback) 771 0 5144 4566 6

Верстка Эрклайн Уэлс

Отпечатано и переплетено в Великобритании
фирмой «Энас и сыновья», Эпплдор

www.orionbooks.co.uk

Посвящается памяти Фрэнка и Лео

Оглавление

Действующие лица	XIII
Глава 1. Кларенс-Кип	1
Глава 2. Эджернон Марш	13
Глава 3. «Выкуп королевы»	31
Глава 4. Тайны и тени	41
Глава 5. Бриллиант «Людендорф»	49
Глава 6. Преступление и наказание	64
Глава 7. Вопрос времени	72
Глава 8. Застигнутый приливом	85
Глава 9. Место преступления	94
Глава 10. «Приди, сладкая смерть»	112
Глава 11. Тьма сгущается	123
Глава 12. Произведен арест	143
Глава 13. Post mortem	154
Глава 14. Бей и беги	166
Глава 15. Девушка на мосту	174
Глава 16. Пюнд испытывает озарение	184
Глава 17. Все собираются в отеле «Мунфлауэр»	189
Глава 18. Появляется вакансия	201

Действующие лица

Мелисса Джеймс, голливудская актриса, живущая в Тоули
Фрэнсис Пендлтон, супруг Мелиссы
Филлис Чандлер, повариха/экономка в доме Мелиссы
Эрик Чандлер, шофер/дворецкий, сын Филлис
Ланс Гарднер, управляющий отелем «Мунфлауэр»
Морин Гарднер, жена Ланса, также управляющая отелем
Элджернон Марш, застройщик и бизнесмен
Саманта Коллинз, сестра Элджернона, жена Леонарда
Леонард Коллинз, местный врач-терапевт, женат на Саманте
Джойс Кэмпбелл, тетья Элджернона и Саманты
Харлан Гудис, американский миллионер, супруг Джойс
Нэнси Митчелл, администратор в отеле «Мунфлауэр»
Бренда Митчелл, ее мать
Билл Митчелл, ее отец
Саймон Кокс, (он же Шиманис Чакс) кинопродюсер
Чарльз Парджетер, владелец бриллианта «Людендорф»
Элейн Парджетер, его жена
Инспектор Гилберт, расследует дело о похищении бриллианта
Сержант Дикинсон, работает вместе с Гилбертом
Аттикус Пюнд, всемирно известный сыщик
Мэделин Кейн, его секретарша
Эдвард Крол, старший инспектор; расследует дело об убийствах в отеле «Мунфлауэр»

Глава 1 Кларенс-Кип

— Ты так и намерен просто сидеть и бездельничать, Эрик, или поможешь мне мыть посуду?

Эрик Чандлер оторвался от просмотра местной газеты и проглотил вертевшийся на языке резкий ответ. Предыдущие два часа он провел, моя и полируя «бентли», — пустая трата времени, учитывая, что погода снова менялась. Апрель выдался никудышним, с постоянными шквальными бурями, налетавшими с моря. В кухню Эрик пришел весь промокший и замерзший и вовсе не испытывал желания помогать матери в мытье посуды или в других делах.

Филлис Чандлер, которая прежде склонялась над печью, теперь распрямилась, держа в руках противень с итальянским печеньем флорентини, каждое из которых представляло собой идеально подрумяненный золотисто-коричневый диск. Она поставила противень на разделочный стол и, взяв лопатку, стала перекладывать выпечку на тарелку. Иногда Эрик удивлялся, как матери удается готовить такую вкуснотищу, особенно с учетом того, что яйца и сахар до сих пор по карточкам, хотя после окончания войны прошло уже восемь лет. Но Филлис всегда каким-то образом ухитрялась обходить подобные препятствия. Когда белый хлеб снова появился в продаже, мама приволокла его из городка сразу в двух сумках, а свой мясной рацион, на который выделялось один шиллинг и восемь пенсов, она всегда растягивала дольше любых разумных пределов.

Копещащаяся в кухне мать напомнила Эрику хлопотливую ежиху. Как там звали героиню той книжки, которую она читала ему в детстве? Ухти-Тухти? Вот именно. Вроде как о приключениях ежихи-посудомойки, живущей в Озерном крае... Не то чтобы там много чего случалось. Мать была вылитая Ухти-Тухти: низенькая, кругленькая, даже одета точно так же — расшитое цветами платье с белым передником на объемистом животе. И колючая. Уж точнее слова для описания не подберешь.

Эрик бросил взгляд на раковину. В последние два дня мать была очень занята, готовя еду на выходные. Яйца вкрутую, суп из колотого гороха, цыпленок по-королевски... Мелисса Джеймс ждала гостей и, как всегда, предельно точно сообщила, что они изволят кушать. Погода определенно располагала к супам и горячим блюдам, и в кладовой на всякий случай хранились пара каплунов и нога ягненка. Копченая рыба и каша на завтрак. Коктейль «Том Коллинз» в шесть. Живот у Эрика заурчал, напоминая, что пуст с самого обеда. Когда мать снова отвернулась, он протянул руку и ухватил одно флорентини. Печенье было еще очень горячим, и Эрик быстро перекинул его с ладони на ладонь.

— Я все видела! — объявила Филлис.

Ну и как ей это удалось? Она ведь стояла спиной к нему, задом кверху.

— Их там еще полным-полно осталось, — сказал сын.

Аромат сухофруктов и золотистого сиропа щекотал ноздри. Ну почему она такая хорошая повариха?

— Это не для тебя, а для гостей мисс Джеймс!

— Я всего-то взял одну штучку, гости мисс Джеймс и не заметят пропажи.

Эрику частенько казалось, что он угодил в ловушку, причем с самого момента рождения. Он не мог припомнить времени, когда бы не был привязан к своей матери, причем не как полноценный член семьи, но как своего рода довесок, мотающийся на лямке ее фартука. Отец его был армейским капитаном и пришел в настоящий восторг, когда разразилась Великая война. Он мечтал о медалях, славе и о том, как навешает бошам. А взамен получил пулю в голову в каком-то далеком местечке, название которого Эрику даже выговорить толком не удавалось. Эрику было семь лет, когда пришла похоронка, и он до сих пор помнил свои тогдашние чувства... вернее, их отсутствие. Трудно скорбеть по человеку, которого едва знаешь.

Они с матерью уже тогда жили в Тоули-на-Уотере, в домике таком маленьком, что одному приходилось прижиматься к стенке, чтобы дать другому пройти. В школе Эрик не блистал, а

потому, окончив ее, перебивался разными заработками в Тоули: в пабе, в лавке мясника, в местном порту. Но нигде надолго не задерживался. Хотя к началу Второй мировой Эрик достиг призывного возраста, в армию его не взяли — он родился косолапым. В детстве мальчишки дали ему прозвище Увалень, а девчонки даже не смотрели в его сторону и вечно хихикали, когда он ковылял по улице. Эрик записался добровольцем в местное ополчение, но даже там никто не был ему рад.

Война закончилась. В Тоули поселилась Мелисса Джеймс, и Филлис поступила к ней в услужение. Поскольку выбора у Эрика по большому счету не было, он последовал за матерью, которая совмещала должности экономки и поварихи. Он стал дворецким, шофером, садовником и разнорабочим в одном лице. Но не посудомойщиком. Вот на это он никогда не подрыжался.

Теперь, когда Эрику уже исполнилось сорок три, он начал понимать, что больше от жизни ждать нечего. Что ж поделать, если такие карты достались ему при раздаче. Его удел мыть машину, полировать серебро, говорить: «Да, мисс Джеймс» и «Нет, мисс Джеймс». Но даже в модном красивом костюме, который хозяйка ему купила и обязывала надевать, когда он возил ее в город, Эрик по-прежнему оставался Увальнем. И останется им навечно.

Он откусил от флорентини, уже немного поостывшего, и посмаковал брызнувшее на язык масло. Это тоже часть ловушки: мама вкусно готовит, а он ест ее стряпню и толстеет.

— Если проголодался, в жестянке есть кокосовые печенья, — сказала Филлис, немного смягчившись.

— Они черствые.

— Давай подержу их пару минут над плитой, и они сразу станут первый сорт.

Даже проявляя заботу, мать ухитрялась его унижить. Ему что, полагается благодарить за объедки, которые остались после Мелиссы Джеймс и ее приятелей? Сидя за столом, Эрик чувствовал, как внутри его закипает гнев. Он заметил, что с недавних пор гнев этот стал более темным и куда менее контролируемым. И не только гнев, но и другие эмоции тоже. Чандлеру подумалось, не стоит ли поговорить об этом с доктором Коллинзом, лечившим его от простуд и мозолей. Доктор Коллинз всегда держался с ним по-дружески.

Но Эрик знал, что не сделает этого. Не расскажет никому про обуревающие сердце чувства, потому как не его вина, что они постепенно накапливаются, и ничего тут не изменить. Лучше уж держать их внутри, это его тайна.

Если только Филлис уже не проникла в нее. Иногда по тем взглядам, которые она бросала на сына, Эрик начинал подозревать, что так оно и есть.

Хлопнула дверь, и в кухню вошла Мелисса Джеймс, в брюках с высокой талией, шелковой рубашке и пажеской курточке с золотистыми пуговицами. Эрик проворно вскочил, оставив на столе недоеденное печенье. Филлис повернулась, вытирая руки о передник, словно давая этим понять, как сильно занята.

— Нет нужды вставать, Эрик, — произнесла Мелисса. Родилась она в Англии, но так долго проработала в Голливуде, что в некоторых ее словах безошибочно угадывался гнусавый американский акцент. — Я просто хочу прошвырнуться в Тоули...

— Мне вас отвезти, мисс Джеймс?

— Нет. Я возьму «бентли».

— Я только что закончил его мыть.

— Чудесно! Спасибо.

— В какое время изволите ужинать? — спросила Филлис.

— Я как раз и зашла сюда, чтобы это обсудить. Фрэнсис нынче уезжает в Барнстепл. У меня немного болит голова, так что я сегодня рано отправлюсь на боковую.

«Ну вот, опять, — отметил про себя Эрик. — Англичанка сказала бы „лягу спать“, а не „отправлюсь на боковую“». Американизмы увешивали Мелиссу, словно дешевые украшения.

— Могу подогреть вам супчик, если угодно. — В голосе Филлис прорезалась забота. С ее точки зрения, суп был равносителен лекарству, только обладал еще бóльшим эффектом.

— Мне тут подумалось, что вы можете навестить вечером свою сестру. Эрик отвезет вас на «бентли».

— Это так мило с вашей стороны, мисс Джеймс.

Сестра Филлис, тетка Эрика, жила в Бьюде, немного дальше по побережью. Ей с недавних пор нездоровилось, шла речь о возможной операции.

— Я буду к шести, — продолжила Мелисса. — И как только вернусь, вы оба свободны как пташки, и приятного вам вечера.

Эрик словно бы лишился дара речи. Такое происходило всякий раз, стоило Мелиссе Джеймс войти в комнату. Причина заключалась не только в том, что Мелисса была удивительно красива. Она вдобавок была еще и кинозвездой. Едва ли нашелся бы в Англии человек, который не узнал бы эти белокурые волосы, почти по-мальчишески коротко остриженные, эти пронзительно-голубые глаза и фирменную улыбку, только выигрывающую в обаянии благодаря тонкому шраму в углу рта. Даже сейчас, проработав на нее не один год, Эрик не мог до конца поверить, что эта небожительница и в самом деле находится в одном с ним помещении. Когда он смотрел на мисс Джеймс, то представлял себя в кино, и женщина эта казалась ему возвышенной и недоступной, словно на экране.

— Значит, до скорого. — Мелисса развернулась на каблуках и вышла из кухни.

— Вы бы зонтик захватили, мисс! Вроде как дождь собирается! — крикнула ей вслед Филлис.

В ответ Мелисса только вскинула руку. И скрылась из виду.

Филлис выждала несколько секунд, а потом повернулась к Эрику.

— И что это, скажи на милость, ты творишь? — сердито спросила она.

— В смысле? — Эрик напрягся.

— Опять ты на нее пялился самым возмутительным образом!

— Да не пялился я!

— Глазищи как блюдца! — Филлис уперла руки в боки, ну прямо вылитая Ухти-Тухти. — Будешь так себя вести, добьешься, что нас обоих вышвырнут отсюда.

— Мама... — Эрик чувствовал, как ярость волнами вскипает в нем.

— Я иногда пытаюсь понять, что с тобой не так, Эрик, — продолжила женщина. — Сидишь тут все время, один как сыч. Это ненормально.

Эрик зажмурил глаза. «Ну вот, опять начинается», — подумал он.

— Тебе давно пора найти себе подружку, с которой ты мог бы выйти погулять. Да, знаю, что ты не красавчик, и про твою ногу тоже помню... и все-таки! Вот хотя бы та девчонка из «Мунфлауэра», Нэнси. Я знаю ее мать. Замечательная семья, очень приличные люди. Почему бы тебе не пригласить Нэнси на чай?

Он не перебивал мать, голос ее постепенно словно бы отдалялся. Эрик понимал, что однажды его терпение закончится и он не сможет больше сдерживаться. И что тогда?

Ответа он не знал.

Мелисса вышла из кухни и пересекла холл, направляясь к парадной двери. Пол не был застлан коврами, и она почти механически, не сознавая, что делает, старалась ступать как можно тише, чтобы половицы не скрипнули. Хорошо бы выйти из дома, избежав очередной стычки. Разве у нее и без этого мало забот?

Филлис не ошиблась, на улице явно собирался дождь — впрочем, он всю неделю почти не прекращался, — но Мелиссе не хотелось брать зонтик, который всегда казался ей дурацким изобретением: то капли затекают под него снизу, то ветер норовит вырвать его из рук. Мисс Джеймс пользовалась зонтом только в том случае, если кто-то держал его над ней, пока она находилась на съемочной площадке или выходила из автомобиля перед премьерой фильма. Но такие случаи — дело другое. Там от нее ожидают подобного поведения. Теперь же Мелисса сняла с подставки для шляп возле двери непромокаемый плащ и набросила его на плечи.

Кларенс-Кип она купила в миг помрачения рассудка: в такие минуты Мелисса могла приобрести почти все, что угодно, и за любую цену, не думая о последствиях. Странное название для дома. «Кип» — термин, обозначающий главную башню замка, последний оплот сопротивления. Но Мелисса не собиралась ни от кого обороняться. И хотя дом понравился ей с первого взгляда, ничто в нем не напоминало замок.

Кларенс-Кип представлял собой затейливое строение времен Регентства, возведенное сэром Джеймсом Кларенсом, военачальником. Ему довелось сражаться во время Войны за независимость США и исполнять должность губернатора Ямайки. Вероятно, именно там Кларенс и

почерпнул вдохновение, поскольку дом его был построен по большей части из дерева, выкрашен в ослепительно-белый цвет и снабжен элегантными окнами, которые смотрели на просторные пустые лужайки, спускающиеся к морю. По обе стороны от парадной двери тянулась широкая веранда, а из расположенной прямо наверху главной спальни имелся выход на балкон. Лужайки были почти идеально ровными и покрытыми роскошной, чуть ли не тропической зеленью. Разве что пальм не хватало. Такой дом мог стоять где-нибудь на плантации в колониях.

Поговаривали, что однажды тут останавливалась королева Виктория. Некоторое время усадьба принадлежала Уильяму Рэйлтону, архитектору, спроектировавшему колонну Нельсона на Трафальгарской площади. До того как попасться на глаза Мелиссе, Кларенс-Кип долго стоял заброшенным, и она прекрасно осознавала, что вернуть дом к прежней роскоши времен Регентства обойдется в кругленькую сумму. Однако то, насколько круглой окажется эта сумма, стало для нее неприятным сюрпризом. Не успела новая владелица победить сухую гниль, как началась борьба с сыростью. Ущерб от прорвавшегося водопровода, трещины в фундаменте, просевшие углы — проблемы дюжинами выстраивались в очередь за ее автографом, причем расписываться всякий раз непременно приходилось в банковском чеке. Тут невольно призадуматься: а стоило ли оно того? Да, дом был красивый. Ей нравилось в нем жить: просыпаться и наслаждаться видом на море и шумом прибоя, прогуливаться по саду (когда погода позволяла), приглашать гостей на вечеринки в выходные. Но подчас Мелисса начинала склоняться к мысли, что эта борьба истощила ее во многих смыслах.

В финансовом уж точно.

Как она позволила событиям выйти из-под контроля? Пять лет прошло с тех пор, как мисс Джеймс участвовала в голливудском фильме, три года — как вообще снималась. Она целиком отдалась жизни в Тоули-на-Уотере: ремонтировала дом, налаживала бизнес, играла в теннис и бридж, каталась верхом, заводила друзей... вышла замуж. Впечатление создавалось такое, будто Мелисса решила превратить свою жизнь в величайшую из всех сыгранных ею ролей. Естественно, банкир предупредил ее. Бухгалтеры постоянно слали записки. В ушах до сих пор звенели вопли агентов, звонивших по телефону из Нью-Йорка. Но Мелисса слишком упивалась собой, чтобы прислушиваться к ним. У нее за плечами была череда успешных фильмов в Англии и в Америке. Ее лицо украшало обложки журналов «Вуманс уикли», «Лайф» и даже (после того, как ей довелось сыграть с Джеймсом Кэгни) «Тру детектив». Она не сомневалась, что вновь получит работу, если та ей понадобится. Она ведь Мелисса Джеймс. Если она захочет вернуться в кино, то станет даже более великой, чем когда-либо прежде.

И это скоро произойдет. Каким-то образом Мелисса позволила завалить себя счетами, так что продохнуть стало невозможно. Она выплачивает жалованье пятерым слугам. Содержит яхту и двух лошадей. Купленный ею бизнес, отель «Мунфлауэр», по меньшей мере половину года полон под завязку и должен, по идее, приносить солидную прибыль. Вместо этого от него одни убытки. Ее уверяли, что инвестиции окупятся, но пока никакого дохода почему-то не видно. Но что еще хуже, ее агенты — как английские, так и американские — утверждают, что якобы теперь, когда мисс Джеймс перешагнула сорокалетний рубеж, для нее доступно не так много ролей, как она считала. Оказалось, что за это время появились молодые актрисы, унаследовавшие ее мантию: Джейн Мэнсфилд, Натали Вуд, Элизабет Тейлор. А ей — нет, вы только подумайте — предлагают играть их матерей! И самое ужасное то, что за подобные роли щедрых гонораров ждать не приходится.

И все-таки Мелисса не унывала, не такой у нее был характер. Когда много лет назад она начинала актрисой на вторых ролях в малобюджетных отечественных картинах из так называемой категории «дешево и быстро», которые британские продюсеры снимали только в силу необходимости¹⁰, то грезилась о том дне, когда станет кинозвездой мирового уровня. И была непоколебимо уверена, что однажды это непременно случится. Мелисса принадлежала к тем людям, которые всегда добиваются чего хотят. Вот и сейчас она была преисполнена оптимизма. Не далее как сегодня утром мисс Джеймс прочитала замечательный сценарий. То был триллер, в

¹⁰ В Великобритании существовал Закон о квоте, согласно которому 20 % экранного времени в местных кинотеатрах должно было быть заполнено отечественной кинопродукцией.

котором она намеревалась сыграть главную роль — женщину, чей муж задумал ее убить, а когда покушение пошло не по плану, выставил супругу в качестве виновной. В режиссеры прочили Альфреда Хичкока, а это значит, что лента наверняка станет лидером проката. Да, это верно, что главную роль ей пока, собственно, никто еще не предложил. Через пару недель, когда мистер Хичкок приедет в Лондон, она отправится на встречу с ним. Но Мелисса не сомневалась в успехе. Да, героиня значительно моложе, однако роль ведь вполне можно переписать под нее, продолжала рассуждать актриса, нисколько не сомневаясь, что сумеет очаровать режиссера и сценаристов.

Все эти мысли роились в голове Мелиссы, пока она подходила к двери. Но прежде чем она успела распахнуть ее, позади послышались шаги. Мелисса сразу поняла, что это Фрэнсис Пендлтон, ее муж, спускается по лестнице. На краткий миг она испытала искушение спешно покинуть дом, как если бы просто не заметила супруга. Но потом одернула себя: ну что за ребячество? Да и все равно не сработает, уж лучше пройти через это.

Мелисса повернулась и с улыбкой произнесла:

- А я как раз собиралась уходить.
- Куда?
- В отель. Хочу поговорить с Гарднерами.
- Может, и мне с тобой пойти?
- Нет, не стоит! Я всего на полчаса.

Удивительное дело, насколько сложнее играть, когда перед тобой нет камер, огня и толпы человек в пятьдесят, без заранее написанного текста. Когда играть приходится себя саму. Мелисса старалась выглядеть естественной, делая вид, что все в порядке. Однако партнер смотрел на нее с сильным подозрением: для него это была не игра.

С Фрэнсисом Мелисса познакомилась на съемках своего последнего фильма, происходивших в Англии. Тогда-то она волею судьбы и оказалась в родном графстве. Картина «Заложница судьбы» — триллер, основанный на романе Джона Бьюкена, где Мелисса играла молодую мать, разыскивающую похищенную дочь, — впоследствии провалилась в прокате. Некоторые сцены снимались в Девоне, в Сонтон-Сэндз, и Фрэнсиса приставили к ней в качестве личного помощника. Хотя он был на десять лет моложе, между ними сразу проскочила искра, а потом дело приняло самый серьезный оборот. Безусловно, в романах во время съемок не было ничего нового. По правде говоря, Мелисса не могла припомнить ни одного фильма, во время создания которого не состояла бы в романтической связи с кем-нибудь из актеров или членов съемочной группы. Но в этот раз все оказалось иначе. Каким-то образом, когда была отснята последняя сцена и все разъехались по своим делам, Фрэнсис так и остался рядом, и Мелисса поняла, что он твердо решил придать их отношениям постоянный характер.

А почему бы и нет? Фрэнсис был хорош собой: с волнистыми волосами, загорелой кожей и в превосходной физической форме (последним двум достижениям он был обязан своей парусной яхте «Сандоунер»). Пендлтон был умен и, что самое важное, безоговорочно предан Мелиссе. И не такая уж это неподходящая партия, как сперва могло показаться. Родители его были богаты, отец — виконт и владелец поместья в двадцать тысяч акров в Корнуолле. На самом деле молодого человека следовало именовать достопочтенный Фрэнсис Пендлтон, и, хотя он не являлся наследником земли и титула, предпочитая не пользоваться почетной добавкой к имени, это был в высшей степени завидный жених. Едва об их помолвке стало известно, как новость замелькала в светской хронике всех лондонских газет, и Мелисса поняла, что поступила правильно: когда она вернется наконец в Голливуд под ручку с красивым и элегантным английским аристократом, то недвусмысленно заявит всем о себе.

Когда речь зашла о покупке Кларенс-Кип, Фрэнсис был единственным, кто поддерживал Мелиссу. И не просто поддерживал, но и всячески подталкивал ее к этому, и теперь она поняла почему. Усадьба располагалась поблизости от его малой родины. Семейные владения Пендлтонов находились в соседнем графстве, и, хотя родители отказались общаться с сыном — им пришлось не по нраву читать сплетни в газетах, — это был именно тот стиль жизни, о котором Фрэнсис всегда мечтал. Он не помогал жене с отелом, с лошадьми, да и вообще ни в чем не помогал. Фрэнсис даже с постели не вставал раньше десяти. В придачу к тропаеит ихор, трофейной жене, он получил также и собственное имение.

Мелисса смотрела, как он стоит у подножия лестницы: в синем свитере и белых брюках, словно собрался поплавать на яхте, содержать которую они больше не могли себе позволить. Стараясь подобрать нужные слова, Фрэнсис сжимал и разжимал кулаки. Ей подумалось, что он становится все более и более никчемным. Иногда, а правильнее сказать, довольно часто, Мелисса винила мужа в принятых ею решениях, как будто он изначально составил коварный план, как затянуть ее в свой мир.

— Думаю, нам нужно поговорить, — сказал он.

— Не сейчас, Фрэнсис. Эти противные Гарднеры меня уже заждались.

— Ну ладно, тогда как вернешься...

— А разве ты не собираешься сегодня в оперу?

— Мне казалось, мы оба туда идем. — Он нахмурился.

— Нет, я пас. — Мелисса надула губки. — Извини, милый. У меня голова болит. Ты ведь простишь меня, да? Я хочу лечь спать пораньше.

— Хорошо. Если ты не идешь, я тоже останусь дома.

Мелисса вздохнула. Вот этого ей хотелось меньше всего. У нее уже имелись свои планы на вечер.

— Не валяй дурака, — сказала она. — Ты ведь давно уже мечтал поехать в оперу и прекрасно знаешь, что одному, без меня, тебе там будет лучше. Ты всегда говоришь, что я засыпаю во втором акте.

— Потому что это так и есть.

— Мне не нравится опера. Я не понимаю сюжета. Там нет никакого смысла.

Если дело дойдет до препирательств, будет только хуже. Мелисса подошла к мужу и положила ладонь на его руку:

— Не хочу быть эгоисткой и лишать тебя удовольствия, милый. У меня сейчас полно забот: отель, новый сценарий и все такое прочее. А завтра или послезавтра мы обязательно поговорим. — Ей хотелось придать своим словам легкость. — Я ведь никуда не денусь!

Но Фрэнсис отнесся к последней фразе серьезно. Прежде чем жена успела убрать руку, он схватил ее и крепко сжал.

— Ты ведь не бросишь меня, Мелисса? Ты знаешь, что я люблю тебя, как прежде. Я готов ради тебя на все.

— Ну разумеется, знаю. Нет нужды напоминать об этом.

— Если ты меня оставишь, я умру. Я просто не смогу без тебя жить.

— Перестань нести чепуху, Фрэнсис. — Она попыталась высвободиться, но муж ее не отпускал. Мелисса не сдавалась. — Я не могу сейчас говорить... — Женщина понизила голос. — Эрик и его мать в кухне.

— Они нас не слышат.

— Но могут выйти в любой момент.

Фрэнсис попался на удочку, и она знала, что так и будет. Он отпустил ее руку, и Мелисса сразу шагнула назад, отступив на безопасное расстояние.

— Меня не дожидайся, — сказала она. — Поезжай заблаговременно. А то еще придется потом плестись за каким-нибудь трактором, и опоздаешь к началу представления.

— Ты же вроде как всего на полчаса уходишь?

— А вдруг задержусь? Не могу ручаться, как долго мне придется там пробыть. Я хочу потолковать с Гарднерами по поводу счетов. Вообще-то, есть у меня одна идея, способная их встряхнуть.

— Это ты о чем?

— Потом расскажу, после того как повстречаюсь с ними. Завтра поговорим, милый.

Мелисса уже почти ушла, но тут послышались пыхтение и стук когтей по доскам пола, и появилась собачка, бегущая через холл к хозяйке. Собака была из породы чау-чау: плотный комок рыжеватой шерсти с курносой мордой, треугольными острыми ушами и темно-пурпурным языком. Мелисса не удержалась. Радостно взвизгнув, актриса присела и запустила пальцы в шерсть псины около шеи, там, где она была гуще всего.

— Малыш Кимба! — проворковала женщина. — Как поживает мое солнышко? — Она поднесла лицо к морде пса и не отодвигалась, пока тот облизывал ей нос и губы. — Как поживает

мой любимый мальчик? Мамочка ненадолго отлучится, только в город ходит. Я скоро вернусь. Ты ведь будешь дожидаться меня в постельке, да?

Фрэнсис скроил недовольную мину. Ему претила идея пускать собаку в кровать, но он промолчал.

— Тогда ступай! Ах ты, мое золотце! Мамочка скоро придет.

Мелисса распрямилась и посмотрела на мужа.

— Наслаждайся оперой. Увидимся завтра, — сказала она.

После чего и в самом деле ушла, выскочив за порог и прикрыв за собой дверь, а Фрэнсис остался стоять в коридоре, угнетенный мыслью, что жена питает куда больше нежности к чау-чау, чем к нему.

Глава 2

Элджернон Марш

Мелисса любила «бентли» не менее нежно, чем своего питомца Кимбу. То была прекрасная машина, ее прихоть. И принадлежал автомобиль исключительно ей одной. Именно обладание значило для Мелиссы больше всего, ощущение власти. Сидя на обтянутом серебристой кожей кресле, вслушиваясь в глухой рокот мотора, гордясь, что ее машину любой узнает за милую, Мелисса чувствовала, как неприятный осадок от разговора с Фрэнсисом растворяется, уносится прочь вместе с завихрениями воздуха позади авто. «Бентли» был голубого цвета, шестой модели, со складной крышей с механическим приводом. Крышу, впрочем, приходилось держать поднятой, потому как дождь действительно вернулся, на этот раз в виде противной серой мороси. Ну как может погода быть такой холодной и унылой, и это в конце апреля? По словам агента, Альфред Хичкок собирается снимать новый фильм на студии «Уорнер бразерс» в Бербанке, что в штате Калифорния, и это ее очень даже устраивало. Как приятно будет снова погреться на солнышке.

Кларенс-Кип располагался меньше чем в полумиле от Тоули-на-Уотере — приморского городка, едва ли имевшего основания претендовать на этот статус. Тоули окружало не менее четырех различных полос воды: справа Бристольский залив, слева Ирландское море, а позади разливались эстуарии двух рек, Тоу и Торридж. Подчас казалось, что маленький порт вынужден бороться за выживание, особенно когда поднимался ветер и волны бесконечной серой чередой накатывались на берег. В такие дни рыбацьи шаланды норовило сорвать со швартовов, а маяк подслеповато мигал, освещая лишь окутывающие его быстро несущиеся тучи.

Население городка насчитывало сотни три душ. Большая часть домов размещалась на Марин-Парейд, протянувшейся вдоль набережной; параллельная ей, более узкая улица носила название Ректори-лейн. В число прочих строений, образующих Тоули-на-Уотере, входили: церковь — храм Святого Даниила, лавка мясника, пекарня, гаражи и бакалейный магазин, где также продавались различные хозяйственные товары. Многие годы в городке существовал только паб «Красный лев». Однако Мелисса купила здание, где в XIX веке располагалась таможня, и перестроила его в отель, который назвала «Мунфлауэр», в честь одного из своих фильмов. Там имелись двенадцать номеров, ресторан и комфортабельный бар.

Полицейского участка в Тоули-на-Уотере не было, да и нужды в нем никто не ощущал, поскольку, если не считать случаев, когда кучка подростков напивалась и хулиганила по мелочам на пляже, в городке, сколько хватало памяти, не происходило ничего криминального. Не было тут также почтамта, банка, библиотеки и кинотеатра. Тем, кому требовались эти заведения, нужно было ехать в Байдфорд: это занимало минут двадцать на поезде, курсировавшем взад-вперед по однопутной линии из Инстоу, или примерно четверть часа на машине: путь лежал через знаменитый Байдфордский длинный мост¹¹. Приезжие иногда удивлялись отсутствию в Тоули рыбных магазинов: рыбаки распродавали улов прямо с лодок.

«Мунфлауэр» был построен в расчете на растущее число семей из Лондона и других мест, стремящихся отдохнуть от суеты в летние месяцы, и Мелисса позаботилась, чтобы отель выглядел одинаково привлекательным и для взрослых, и для детей. Более дорогие номера были весьма комфортабельными. Хотя ужин подавали строго в семь, для юных гостей накрывали также полдник в половине шестого. Каждые выходные устраивались концерты и чайные вечеринки, а на лужайке проводились матчи по крокету или французскому крикету. Няnek и лакеев гостей размещали в отдельном здании в глубине сада, которое деликатно убрали с глаз подальше.

Мелисса подкатила к главному входу. Дождь к этому времени усилился, и, хотя до дверей было всего несколько шагов по гравийной дорожке, ее волосы и плечи успели покрыться каплями воды. Ланс Гарднер, управляющий, прекрасно видел, как она приехала, однако продолжал себе

¹¹ Имеется в виду старинный мост через реку Торридж, самый длинный из средневековых мостов в Англии (206 м, 24 пролета).

стоять с елейным видом, словно бы ему и в голову не приходило выйти навстречу с зонтом и проводить ее до здания. Он что, и гостей так встречает?

— Добрый вечер, мисс Джеймс, — сказал Ланс, не подозревая, что уже привел ее в дурное расположение духа.

— Здравствуйте, мистер Гарднер.

Вот так, официально. Мелисса никогда не называла по имени ни управляющего отелем Ланса Гарднера, ни его жену Морин, поскольку считала подобное обращение неуместным. Действительно, она ведь являлась хозяйкой «Мунфлауэра», а эти двое были наемными служащими, подчиненными Мелиссы, а вовсе не ее друзьями. Прежде супруги работали в «Красном льве», где Ланс заправлял всеми делами, а Морин заведовала баром. Поначалу Мелисса обрадовалась, когда сумела переманить их в свой новый отель. Как-никак они были местными: у них имелись приятели в муниципальном совете и в полиции. Если возникали проблемы с лицензиями или с окрестными поставщиками, Гарднеры всегда находили пути решения. Однако теперь, спустя три с половиной года после открытия «Мунфлауэра», Мелисса начала задаваться вопросом: а правильно ли она поступила, столь безоговорочно доверившись этой парочке? Она ведь почти ничего не знала об этих людях. Да, паб под их руководством приносил прибыль — это ей выяснить удалось, — но то была обычная пивная, где все гораздо проще, чем в гостинице.

А вот «Мунфлауэр» под их началом отнюдь не процветал. Что-то тут было не так. Отель пользовался спросом. Все газеты опубликовали положительные отзывы, явно вдохновленные идеей, что владеет им настоящая голливудская звезда. Мелисса понимала, что на первых порах часть посетителей приезжала сюда исключительно с целью посмотреть на нее, и щедро раздавала автографы, не желая разочаровывать постояльцев. Но с течением времени репутация заведения устоялась, хозяйка появлялась в нем все реже, и отель стал восприниматься таким, какой он есть сам по себе: уютный курорт в красивом приморском городке, с прекрасным пляжем и отличными видами. «Мунфлауэр» был весьма популярен: полон под завязку большую часть лета и загружен даже не в сезон.

Но при этом отель пожирал деньги. Ее деньги. Чья здесь вина? Мелисса предприняла ряд шагов, чтобы выяснить правду, но сегодняшнюю встречу организовала с целью проверить одну теорию, занимавшую ее ум уже в течение определенного времени.

— Ну что, как идут дела? — как бы невзначай спросила она, следуя за Лансом Гарднером через пустой вестибюль в его кабинет.

— Жаловаться не на что, мисс Джеймс. Нет, в самом деле. Девять номеров заняты. Боюсь, погода не играет нам на руку. Но я читал сводки из метеорологического бюро. Согласно прогнозам, май ожидается славный.

Через дверной проем они попали в большую квадратную комнату с двумя столами, стеллажами и старомодным сейфом в углу. На одной из стен размещался хитроумный электрощит, переключатели на котором были связаны со всеми комнатами, и Мелиссе вспомнилось, что его установка обошлась ей в небольшое состояние. Морин Гарднер сидела за своим столом и занималась бумагами, но встала, когда вошла Мелисса.

— Добрый вечер, мисс Джеймс.

— Не хотите чаю? — предложил Гарднер. — А может быть, чего-нибудь покрепче? — добавил он тоном заговорщика. Бар открывался не раньше половины седьмого.

— Нет, спасибо.

— Это прислали вам, мисс Джеймс... — Морин Гарднер достала пакет с тремя конвертами, уже распечатанный, и протянула его присевшей на стул Мелиссе.

Первый конверт был сиреневого цвета. Мелисса ожидала ощутить аромат лаванды и уже уловила его. Она знала, от кого это. Теперь ей приходило куда меньше писем, чем в те годы, когда она находилась на пике карьеры, но фан-клубы, объединявшие ее поклонников, существовали в Англии и Америке до сих пор, а адрес отеля «Мунфлауэр» был широко известен. Каждый месяц она получала два или три послания с уверениями в том, как зрители по ней скучают, и с мольбами сняться уже наконец в очередном фильме. Женщина, писавшая на сиреневой бумаге и подписывающаяся просто как «Ваша поклонница №1», обладала твердым, аккуратным почерком, а все запятые и точки ставила исключительно там, где надо. Мелисса терялась в

догадка, одинокая она или замужем, радуется жизни или несчастна. Стремление некоторых людей проявлять участие к ее карьере оставалось для актрисы непостижимым, а подчас и тревожило. Бросив взгляд на страницу, она прочла: «Как Вы могли так с нами поступить, дорогая мисс Джеймс? Экран стал без Вас тусклым. Наша жизнь лишилась света». Может ли быть вполне нормальным человек, который пишет подобные вещи? А это уже, наверное, девятое или десятое послание, отправленное мисс Сиреневый Конверт за минувшие годы.

— Благодарю, — кивнула Мелисса, сунув письмо обратно. Ответа не будет. С ответами поклонникам покончено. — Я просмотрела все ваши отчеты вплоть до февраля, — продолжила она, желая направить разговор в нужное русло.

— Рождество выдалось для нас очень удачным, — сказала миссис Гарднер.

— Угу. В декабре наши убытки оказались меньше, чем месяцем ранее, если вы это имеете в виду.

— Полагаю, нам следует поднять цены, мисс Джеймс, — заявил Ланс. — Увеличить стоимость номеров и обслуживания в ресторане...

— Но у нас и так уже один из самых дорогих отелей в Девоншире.

— Мы всячески стараемся экономить. Нам пришлось сократить штат. Однако это не отразилось на качестве нашего сервиса...

Бывали минуты, когда Ланс Гарднер говорил и выглядел как заурядный мошенник. И дело было не только в двубортном пиджаке, зачесанных назад волосах и тонких усиках. Главное заключалось во всей его манере держаться, в том, как он избегал встречаться с собеседником взглядом. Да и Морин Гарднер принадлежала к той же породе людей. Она была крупнее мужа и говорила громче. Злоупотребляла косметикой. Мелисса припомнила, как в первый раз увидела ее за стойкой бара в «Красном льве». Вот там ей самое место. Супругам было лет пятьдесят или около того. В браке Гарднеры жили давно, но детьми не обзавелись. В какой-то мере они являлись отражением друг друга, но как бы в кривом зеркале, искажающем картинку так, что ее почти невозможно узнать.

Мелисса решила взвести капкан.

— Я вот решила обратиться в аудиторскую компанию, — сказала она.

— Прошу прощения? — Ланс Гарднер посмотрел на нее, почти не скрывая тревоги.

— Хочу, чтобы кто-нибудь из Лондона просмотрел гроссбухи за последние два года: доходы, издержки, затраты на реконструкцию... — Она взмахнула рукой. — Новая панель с переключателями. Что мне нужно, так это полный аудит.

— Надеюсь, вы не имеете в виду, что я и Морин...

— Я ничего не имею в виду, мистер Гарднер. Не сомневаюсь, что вы двое проделали огромную работу. Я всего лишь предпринимаю разумные меры. Мы теряем деньги и не понимаем, почему так происходит. Если мы хотим получать прибыль, нам нужно выяснить, в чем проблема.

— Тут у нас в Тоули свои порядки, мисс Джеймс.

Ланс Гарднер растерянно умолк, так что слово взяла его супруга:

— Например, с рыбаками мы всегда рассчитываемся наличными. Так уж принято, и квитанций они, естественно, не выписывают. А когда сюда в последний раз заглядывал мистер Хокинг, мы угостили его ужином и бутылкой скотча. Денег он не берет.

Мелисса смутно что-то такое припоминала. Мистер Хокинг вроде как был местным электриком.

— Я лишь хочу сказать, — продолжила Морин, — что от лондонской фирмы тут толку не будет.

— Ну, это мы посмотрим. — Мелисса знала, что супруги станут возражать. И внимательно наблюдала за ними, ожидая этого момента. — Я приняла решение. Хочу, чтобы вы начали подготовку к приезду проверяющих.

— А когда это случится? — спросил Ланс. — Вы уже с ними договорились?

— Собираюсь написать завтра. По моим соображениям, аудиторы будут здесь через неделю или через две. Я дам вам знать, как только определюсь со сроками.

Хозяйка встала. Она сказала все, что собиралась сказать. Ланс и Морин Гарднер не сдвинулись с места.

— Большое вам спасибо. — Мелисса почти забыла про письма. Но, выходя из комнаты, схватила их и унесла с собой.

Повисла долгая пауза. Гарднеры словно бы хотели удостовериться, что остались одни.

— Что будем делать? — спросила Морин. Вид у нее был встревоженный.

— Нам не о чем беспокоиться. Ты же слышала ее слова. — Ланс достал из ящика стола пачку сигарет и закурил. — Мелисса считает, что мы проделали огромную работу.

— Эти ее аудиторы могут и не согласиться.

— Да, может, и не будет еще никаких аудиторов. Она пока что не отправила письмо, и, возможно, дело до этого вообще не дойдет.

— К чему ты клонишь? — Морин испуганно посмотрела на мужа. — Что собираешься предпринять?

— Поговорю с ней. Постараюсь убедить, что нанять шайку столичных мошенников означает выбросить деньги на ветер. Посоветую кого-нибудь из местных. Подешевле. Уверен, что сумею воззвать к ее здравому смыслу.

— А если она тебя не слушает?

Ланс Гарднер выдохнул дым. Облачко повисло в воздухе вокруг него.

— Тогда я придумаю что-нибудь еще...

В то самое время, когда Мелисса ехала в «Мунфлауэр», еще один автомобиль направлялся вдоль по Бронтон-роуд, огибающей Барнстепл, но двигался он заметно быстрее. Машина была французская, кремового цвета «пежо» — модель не из тех, что часто увидишь на английских дорогах, но тщательно выбранная своим хозяином. Она являлась для владельца больше чем транспортным средством. Это была его визитная карточка.

Человек за рулем держался вальяжно, покуривая сигарету, даже когда стрелка спидометра подкрадывалась к отметке в пятьдесят миль в час. Растущие по обочинам дороги деревья пролетали мимо, образуя зеленый туннель, который водитель находил причудливо гипнотическим. Дождь не переставал, и дворники усиливали гипнотический эффект, перемещаясь слева-направо, слева-направо, в ритме часов.

Кто бы мог подумать, что уже так поздно? Мужчина вспомнил затянувшийся обед в гольф-клубе, который плавно перетек в марафон с выпивкой: спиртное контрабандой пронесли через черный ход в гостиную для членов клуба. Нужно будет купить что-нибудь мятное, прежде чем вернуться домой. Сестре не нравится, когда от него пахнет виски. И хотя он остановился тут всего на неделю, ее муженек, этот выскочка-докторишка, только и ищет предлога попросить его съехать.

Элджернон Марш вздохнул. Все шло просто замечательно, а потом — бац! — и как-то вдруг разом перевернулось с ног на голову, после чего дела приняли скверный оборот. Он попал в переплет и понимал это.

Но в самом ли деле то была его вина?

Его родители погибли в первую неделю Блица¹². Элджернону тогда было всего шестнадцать, и, хотя он в тот момент находился далеко от Лондона, но часто думал о себе как еще об одной жертве той самой бомбы. В конце концов, она уничтожила его дом, комнату, где он спал, все его пожитки и детские воспоминания. Они с сестрой Самантой переехали к незамужней тете Джойс. И если с Самантой тетка ладила — точнее сказать, они сдружились так, что водой не разольешь, — то отношения с Элджерноном у нее так и не сложились.

И когда брат с сестрой повзрослели, ничего не изменилось. Саманта вышла замуж за врача и построила для себя новую жизнь, включающую дом в Тоули, двоих детей, чудесных соседей и место в муниципальном совете. А вот ничем не отличившийся во время войны Элджернон растворился в необъятном вакууме, предоставленный сам себе, без руля и без ветрил. На некоторое время он прибил к одной из шаек Южного Лондона: они называли себя «Слоны», этакий брикстонский сброд. Но Марш изначально подозревал, что вряд ли способен на серьезное преступление, и три месяца тюрьмы за участие в массовой драке в хорошо известном заведении «Нат-Хаус» на Пикадилли подтвердили его сомнения. После освобождения он поочередно

¹² Блиц — кампания стратегической бомбардировки Великобритании во время Второй мировой войны.

работал продавцом, букмекером, коммивояжером и наконец стал агентом по недвижимости. И именно в этом последнем занятии нашел свое призвание.

При всех своих изъянах, говорить Эджернон умел: язык у него, что называется, был подвешен хорошо. Образование он получил в небольшой частной школе в Западном Кенсингтоне и при желании мог быть очаровательным и остроумным. С коротко подстриженными волосами и внешностью звезды театра, он был естественно привлекателен, особенно для дам в возрасте, принимавших Эджернона по номиналу и не спешивших наводить справки о его прошлом. Он до сих пор помнил, как купил свой первый костюм на Сэвил-роу. Костюм стоил дороже, чем он мог себе позволить, но, подобно машине, создавал статус. Когда Эджернон входил в комнату, его замечали. Когда он открывал рот, его слушали.

В недвижимости его больше всего привлекала сфера жилой застройки. За время войны в Лондоне оказалось разрушено более ста тысяч зданий, так что вырисовывалась отличная перспектива строительства и реконструкции. Проблема заключалась в том, что рынок был переполнен, а Эджернон являлся всего лишь мелким игроком.

Ему удалось купить себе квартиру в Мейфэре. У него в работе имелась пара недурных проектов. А потом он открыл юг Франции и место, о котором никогда прежде не слышал, — Сен-Тропе на Лазурном Берегу. Вот там-то и вращались настоящие деньги. Все побережье превращалось в зону отдыха для богатых, с пятизвездочными отелями, новыми кварталами роскошных апартаментов, ресторанами, пристанями для яхт и казино. Это место идеально подходило для воплощения идеи, созревшей в уме у Эджернона: оно располагалось достаточно близко, чтобы клиенты чувствовали себя уверенно, но в то же время недостаточно близко, чтобы они могли представлять реальную картину событий. Название для новой компании родилось у него буквально за минуту: «Сан-Треп холдингс». Он съездил во Францию и вернулся, нахватавшись расхожих французских фраз и выражений и прикупив автомобиль «пежо», руль у которого, по счастью, располагался с правой стороны. Эджернон был готов начать.

Дело пошло даже лучше, чем он ожидал. На данный момент уже тридцать клиентов сделали вложения в «Сан-Треп холдингс», причем некоторые не по одному разу. Он обещал, что прибыль в пять, а то и в десять раз превзойдет сумму первоначальных инвестиций. Все, что от них требуется, это подождать. И хотя некоторым клиентам ему все-таки приходилось выплачивать дивиденды, остальные довольствовались дополнительной долей в компании, что в перспективе гарантировало еще большее обогащение.

Эджернон начал наведываться в Девон к сестре не потому, что они с Самантой были особенно близки, но потому, что у нее имелся просторный дом, куда он мог сбежать из Лондона, когда это требовалось. Существовали партнеры по бизнесу, с которыми Марш разругался, и старые знакомые, кого он предпочитал избегать. Когда возникала необходимость, Эджернон прыгал в машину и мчался на юго-запад. Тоули-на-Уотере ему не особо нравился, казался скучным местом. Он вряд ли мог рассчитывать встретить в подобной глуши самого крупного из своих инвесторов, но, как ни странно, именно так и произошло.

Мелиссе Джеймс его представили вскоре после покупки ею «Мунфлауэра». Поначалу Марш был ошеломлен знакомством со знаменитой актрисой, но быстро напомнил себе, что перед ним всего лишь очередная богатая дамочка, буквально умоляющая избавить ее от лишних денег. И это ему удалось, причем все оказалось гораздо проще, чем он даже мог надеяться. Марш с Мелиссой стали бизнес-партнерами, затем друзьями и, наконец, больше чем друзьями. Несложно было убедить Мелиссу, что компания «Сан-Треп холдингс» способна со временем принести ей доход даже больший, чем карьера в кино, с которой она вроде как решила покончить.

Кстати, причиной этой его поездки стала именно Мелисса. Несколько дней назад в лондонской квартире Эджернона раздался телефонный звонок.

— Это ты, милый?

— Мелисса, дорогая! Какой приятный сюрприз! Как поживаешь?

— Мне нужно увидеться с тобой. Можешь приехать?

— Разумеется. Ты ведь знаешь, что уговаривать меня не придется. — Марш выдержал паузу. — Что-то стряслось?

— Хочу обсудить с тобой мои инвестиции...

— Они преумножаются с фантастической скоростью.

— Знаю. Ты просто волшебник. И именно поэтому я решила, что настал самый удобный момент продать мои паи.

Элджернон аж подпрыгнул, услышав подобное заявление.

— Надеюсь, ты шутишь?

— Нет, я серьезно.

— Но еще полгода, и стоимость их удвоится. Мы откроем новый отель. И как только вилла в Кап-Ферра будет достроена...

— Да все я прекрасно знаю. Но мне вполне достаточно тех денег, какие я уже заработала. Так что приезжай, и давай все оформим. Но я буду рада видеть тебя и не только ради дел.

— Разумеется, дорогая. Как скажешь.

Вот так поворот! Если не удастся ее отговорить, Элджернону придется выложить порядка ста тысяч фунтов, выплачивая Мелиссе прибыли, существующие только в ее воображении. Он надавил на газ и увидел, как из-под попавшего в лужу колеса брызнул поток воды. Встреча с Мелиссой состоится завтра. Есть надежда, что она произойдет с глазу на глаз. Иметь с ней дело куда легче, когда муженек не вертится под ногами.

Сколько сейчас времени? Элджернон глянул на часы на приборной панели и нахмурился. Двадцать минут шестого. Неужели он всю вторую половину дня провел за выпивкой в Сонтонском гольф-клубе? Подняв глаза, Марш увидел через лобовое стекло человека. И с запозданием сообразил, что, оторвав на несколько секунд взгляд от дороги, принял слишком близко к обочине. Точнее, его переднее колесо уже заехало на полосу травы, отделяющую проезжую часть от деревьев. Именно по ней-то и шел тот человек. Элджернон увидел лицо мужчины, выпученные глаза и рот, раскрытый, видимо, в вопле ужаса. Он отчаянно завертел руль, пытаясь уклониться. Но это было бесполезно. Машина мчалась на скорости в пятьдесят с лишним миль в час.

Рев мотора заглушил крики, которые издавал пешеход, но звук от удара тела об автомобиль был самым жутким из всех, что доводилось слышать Элджернону. Он казался невыносимо громким. Марш надавил на педаль тормоза и заметил, что мужчина исчез, как по волшебству. Просто растворился в воздухе. Пока автомобиль с визгом останавливался, Элджернон пытался убедить себя, что это все ему лишь показалось, что это был не человек, а кролик или олень. Но он знал, что это самообман. Его мутило, алкоголь камнем давил на желудок.

Машина остановилась, по диагонали перегородив дорогу. Элджернон слышал, как дворники скребут по стеклу, и потянулся к тумблеру, чтобы отключить их. Что дальше? Он врубил заднюю передачу и развернул «пежо» параллельно деревьям. Из глаз его бежали слезы, но оплакивал Марш вовсе не того человека, которого только что покалечил, а то и убил. Он думал о собственной печальной судьбе: о том, что пьян и что после того случая с полицейской машиной на Гайд-Парк-Корнер его лишили прав на год и ему вообще нельзя было находиться за рулем. Что теперь будет? Если он насмерть задавил пешехода, его вполне могут отправить в тюрьму!

Элджернон выключил зажигание и открыл дверцу. Дождь злорадно накиннулся на него, заливая лицо. Марш все еще держал в руке сигарету, но курить как-то расхотелось, и он швырнул ее в траву. Что это за место? Где человек, которого он только что сбил, да и вообще, откуда тут, в такой глуши, вдруг взялся пешеход? Мимо пронесся автомобиль.

Элджернон понимал, что обязан через это пройти. Он вылез из машины и двинулся вперед по дороге. Пострадавшего он заметил почти сразу. Тот был одет в непромокаемый плащ и лежал на траве лицом вниз. На вид он был весь переломан: руки и ноги раскиданы в стороны, как если бы некое чудовище схватило беднягу и попыталось разорвать на части. Мужчина вроде как не дышал, и Элджернон не сомневался, что пешеход мертв. Разве можно выжить после подобного столкновения? В таком случае это квалифицируют как убийство. Ну надо же: он ведь и отвлекся-то всего лишь на две секунды, чтобы взглянуть на часы на приборной панели, и ухитрился за это время убить человека, а заодно и угробить свою собственную жизнь.

Мимо успела проехать всего одна машина. Она не остановилась. Учитывая, какой сильный идет дождь, водитель вполне мог его не заметить. И уж тем более он не видел распростершегося в траве человека. Элджернон вдруг пожалел, что оказался владельцем французского автомобиля «пежо» в Англии. Он, вероятно, один такой во всем графстве. Он осмотрелся. Дорога была пустой. Вокруг никого.

Решение пришло мгновенно. Марш повернулся и поспешил к машине, подметив вмятину на решетке радиатора и яркое пятно алой крови на серебристой эмблеме «пежо». Внутренне содрогнувшись, Эджернон достал носовой платок и стер кровь. Он хотел было выбросить платок, но передумал. Потом вспомнил про сигарету. Каким нужно быть безмозглым, чтобы вот так избавиться от нее? Но теперь уже слишком поздно. Ее наверняка унесло ветром. Нет смысла ползать на четвереньках, разыскивая пропажу. Сейчас самое главное — убраться отсюда как можно скорее.

Он сел в машину, захлопнул дверцу и повернул ключ зажигания. Мотор чихал, но заводиться отказывался. Эджернон промок до нитки. Дождевые капли стекали у него по лбу. Он стукнул руками по рулевому колесу, потом снова покрутил стартер. На этот раз двигатель ожил.

Марш включил передачу и вырулил на шоссе. Он не оглядывался. И не останавливался, пока не добрался до Тоули. Но в дом к сестре он не пошел: не осмеливался показаться там весь мокрый и с трясущимися руками. Вместо этого Эджернон выбрал тихую улочку, где остановился и просидел следующие двадцать минут, закрыв лицо руками и пытаясь сообразить, что делать.

Пока Эджернон Марш беспомощно сидел в машине, глядя на сбегающие по ветровому стеклу капли дождя, его сестра тоже находилась в состоянии, близком к шоку. Саманта изумленно смотрела на лежавшее перед ней на столе письмо.

— Я не понимаю, — произнесла она. — Что это означает?

— Полагаю, все предельно ясно, моя дорогая, — сказал ее муж. — Твоя тетушка...

— Тетя Джойс.

— Миссис Джойс Кэмпбелл, которая недавно, увы, скончалась, составила перед смертью завещание в твою пользу. И теперь поверенные хотят связаться с тобой, чтобы обсудить вопросы, касающиеся наследства, которое может оказаться весьма значительным. Милая моя, да это же отличная новость — для нас обоих! Не исключено, что я женился на мультимиллионерше!

— Ах, Лен, не говори так!

— Но это ведь вполне возможно.

Письмо принесли еще с утренней почтой, но оба супруга были сильно заняты, поэтому Саманта только что распечатала его. Оно пришло из адвокатской конторы в Лондоне, «Паркер и Бентли», и уже в самой шапке фирменного бланка, с указанным крупными буквами адресом в Линкольнс-Инн, угадывалась некая угроза. Саманта всегда нервничала, имея дело с законом. Она пугалась всякий раз, когда сталкивалась с тем, что не вполне понимала.

Послание было коротким: одна-единственная страница с тремя отпечатанными на машинке абзацами. Саманта внимательно изучила текст: раз, другой, третий. После чего позвала мужа и попросила его тоже прочитать письмо.

Леонард и Саманта Коллинз сидели в кухне своего пятикомнатного дома, вмещавшего также кабинет доктора. Это было красивое старинное здание, нуждающееся в ремонте. Соленые брызги с моря делали свое разрушительное дело, а ветер вырвал из крыши несколько черепиц. Сад тоже страдал от непогоды и налетов ребятни. Но это был по-прежнему солидный семейный дом с огородом, дававшим по несколько фунтов малины каждое лето, садом и домиком на дереве. Стоял он на Ректори-лейн, рядом с церковью Святого Даниила — это была одна из причин, по которой Саманта выбрала именно его. Как человек воцерковленный, она не пропускала ни одной воскресной службы, приносила в храм цветы, помогала vikarю собирать средства на благотворительные цели, проводить большие праздники и устраивать чаепития для стариков по четвергам, и даже распределять участки на кладбище (они были доступны для всех прихожан за умеренную плату).

Саманта поровну делила свое время между церковью и семьей, включавшей двоих детей: Марка и Агнес, семи и пяти лет. Еще она помогала мужу с медицинской практикой: вела счета, карточки пациентов, занималась текущими нуждами лечебницы. Кое-кто причислял ее к типу слишком деловых женщин, из числа тех, что никуда не выходят без шарфа и сумочки и все время спешат. Но держалась миссис Коллинз неизменно вежливо. И всем приветливо улыбалась, даже если не выражала желания остановиться и поболтать.

Никто не знал о людях, живших в Тоули-на-Уотере, больше ее. Из разговоров с vikarием, считавшим Саманту своей ближайшей соратницей, она черпала сведения о духовных нуждах

прихожан, их заботах и даже грехах. А благодаря мужу была, так сказать, в курсе их физического состояния, различных недугов и причин оных. Так, например, мистер Дойл, мясник, слишком много пил и страдал циррозом печени. Нэнси Митчелл, что работала в «Мунфлауэре», находилась на третьем месяце беременности, хотя и не была замужем. И даже Мелисса Джеймс, при всей своей немалой популярности, была подвержена стрессу и принимала таблетки от бессонницы.

К счастью, Саманте хватало ума держать все эти сведения при себе и не вносить свой вклад в сплетни, которые подчас заставляют провинциальные городки казаться такими невыносимо маленькими. Не будет преувеличением сказать, что она свято уважала тайну исповеди, а пациентов в клинике встречала столь же торжественно, как если бы они пришли на воскресную службу в церковь. Даже миссис Митчелл, мать Нэнси, бывавшая в доме Коллинзов три раза в неделю, чтобы помочь по хозяйству, до сих пор ничего не знала о состоянии дочери. По правде говоря, в данном случае молчание давалось и доктору, и его жене с трудом, но не могли же они нарушить клятву Гиппократова.

В браке Саманта и Леонард жили восемь лет. Доктор Леонард Коллинз служил консультантом в больнице имени короля Эдуарда VII в Слау. Саманта была там волонтером. Они познакомились и вскоре поженились. Он был мужчина худощавый и элегантный, приятный брюнет с аккуратно подстриженной бородкой, питавший особое пристрастие к твидовым костюмам. Все в городке единодушно считали их идеальной парой. Они жили и работали вместе и всегда находились в добром согласии, за исключением двух вещей. Доктор Коллинз не был человеком особенно религиозным. Он ходил с женой в церковь скорее из уважения к ней, а не по внутреннему убеждению. А еще, к большому ее огорчению, он курил трубку, которой обзавелся, когда ему не исполнилось и двадцати лет. Саманте так и не удалось убедить мужа бросить вредную привычку, но в качестве компромисса Леонард не курил, если в комнате находились дети.

— Но я тетю Джойс уже лет сто не видела, — сказала Саманта. — Мы даже не переписывались друг с другом, если не считать открыток на Рождество и день рождения.

— Но она явно не забывала о племяннице, — заметил Леонард. Он взял было трубку, но подумал немного и положил ее обратно.

— Чудесная была женщина, и мне жаль слышать, что она умерла. — У Саманты было такое вечно серьезное лицо, которое больше подходит для выражения печали, нежели радости. — Я попрошу викария провести заупокойную службу в это воскресенье.

— Уверен, она бы это одобрила.

— Я чувствую себя виноватой. Нужно было стараться поддерживать с ней связь.

Саманта молчала, думая о Джойс Кэмпбелл, заменившей ей погибших родителей. Именно тетя Джойс в свое время приобщила ее к религии. Брат Эджернон, разумеется, ходить в церковь наотрез отказался. Еще тетя Джойс оплатила обучение на курсах секретарей, где Саманта выучилась стенографировать и печатать на машинке, а позднее, используя свои связи, устроила племянницу в машинописное бюро в «Хорликс», компанию по производству соевого молока в Слау. Воспитанница привыкла считать тетюшку убежденной старой девой и была ошарашена, когда Джойс вдруг объявила о помолвке с состоятельным американцем Харланом Гудисом, владельцем рекламного агентства в Нью-Йорке. Произошло это почти в то же самое время, когда Саманта познакомилась с Леонардом и вышла за него замуж. Молодые переехали сначала в дом под Торрингтоном, доставшийся доктору по наследству, а затем в Тоули. Наверное, было вполне объяснимо, что две женщины почти перестали общаться.

— Ее муж умер два года назад, — пояснила Саманта. — Детей у них не было. Насколько мне известно, других родственников тоже.

— Как следует из письма поверенных, все наследство переходит к тебе.

— Ты всерьез думаешь, что там может быть... кругленькая сумма?

— Сложно сказать. Замечу, что Гудис был весьма богат. Видимо, все зависит от того, много ли денег успела потратить его вдова. Ты сама позвонишь юристам или это сделать мне?

— Давай лучше ты, Лен. Я слишком переживаю. — Саманта вот уже раз в двадцатый, не меньше, посмотрела на письмо. Судя по ее взгляду, женщине очень хотелось, чтобы оно вообще никогда не приходило. — Быть может, нам не стоит ожидать слишком многого, — продолжила она. — Здесь ведь про деньги нет ни слова. Тетя могла оставить мне нечто такое, что нам совсем без надобности. Например, несколько картин или старые украшения.

- Пару полотен Пикассо или диадему с бриллиантами.
- Перестань! Вечно ты выдумываешь!
- Если речь не идет о больших деньгах, то зачем адвокатам понадобилось с тобой увидеться?
- Не знаю. Возможно...

Договорить она не успела, потому как открылась дверь и вошел одетый в пижаму мальчик, только что из ванной. То был Марк, их семилетний сынишка.

— Мамочка, ты придешь почитать мне? — спросил он.

Саманта очень устала. Она даже чай детям накрыть не успела, а ведь нужно было еще приготовить ужин. Но Саманта улыбнулась и поднялась.

— Конечно, милый. Мамочка сейчас придет.

Они с сыном только начали читать Клайва Стэйплза Льюиса. Марк любил книги. Не далее как накануне вечером Саманта обнаружила сына в шкафу. Он пытался найти вход в Нарнию. Мальчик выбежал из комнаты, и мать собиралась уже пойти за ним, но тут ей в голову пришла одна мысль.

— В письме не упоминается про Эджернона, — сказала она, повернувшись к мужу.

— Да, я это заметил. — Леонард нахмурился. — Там особо подчеркнуто, что ты — единственная наследница.

— Тетя Джойс пришла в ужас, когда Эджи посадили в тюрьму, — продолжила Саманта. — Помнишь ту историю на Пикадилли?

— Это было еще до нашей с тобой встречи.

— Я тебе о ней рассказывала. — Она стояла в дверях, понимая, что Марк ждет ее наверху. — Тетя всегда говорила, что на Эджи нельзя положиться. Водит знакомство не с теми людьми, и все эти его бизнес-идеи. Думаешь, она вычеркнула его из завещания?

— Очень на это похоже.

— Ладно, я сама могу поделиться с ним. Мне столько не нужно. Если, конечно, там... — Саманта помедлила, словно не желая допускать подобную возможность, — и впрямь много!

— Поживем — увидим. — Доктор понизил голос, как если бы старался, чтобы дети не услышали. — Ты не обидишься, дорогая, если я дам тебе один совет?

— Ты знаешь, что я всегда прислушиваюсь к тебе, Леонард.

Это было правдой. Муж неизменно стоял первым в ряду тех, к кому Саманта обращалась за советами. Пусть даже она и не всегда внимала им.

— Так вот, на твоем месте я не стал бы ничего говорить брату.

— Что? Предлагаешь скрыть новость от Эджи?

— До поры до времени. Я к тому, что ты абсолютно права. Мы еще понятия не имеем, о какой сумме идет речь, и не узнаем, пока не съездим в Лондон и не встретимся там с юристами. Неудобно получится, если мы вдруг поднимем шумиху из-за пустяка.

— Но ты же сам только что утверждал...

— Я все это помню, но послушай-ка... — Леонард с осторожностью выбирал слова. Саманта и Эджернон виделись не так часто, но доктор знал, что брат и сестра близки друг другу. Да и как могло быть иначе после той трагедии во время войны, после гибели их родителей и всего, что обоим пришлось пережить? — Я не уверен, что стоит говорить об этом сейчас, когда Эджернон гостит в нашем доме, но я сильно встревожен.

— Что ты имеешь в виду?

— Не хочу пугать тебя, милая, но в твоём брате есть сторона, о которой мы на деле мало что знаем. Вполне может статься, что он...

— Что?

— Опасен. Ты ведь знаешь, как Эджернон одержим своими планами и грезами. Давай не будем пока посвящать его в курс дела. По крайней мере до тех пор, пока не станет понятно, о какой сумме идет речь.

Леонард улыбнулся и в этот миг показался ей таким же неотразимым, как в день их первой встречи, напомнив Саманте о том, почему она вышла за него.

— Ты заслуживаешь лучшего, — сказал он. — Боюсь, мне было не по силам должным образом заботиться о тебе. Не с моими доходами. Это событие может стать для тебя началом новой жизни.

— Не говори ерунды. Мне не на что жаловаться. Я совершенно счастлива.

— И я тоже. Мне очень сильно повезло с тобой.

Саманта быстрым шагом подошла к столу и чмокнула мужа в щеку. А потом поднялась наверх, чтобы почитать сыну про Нарнию.

Глава 3 «Выкуп королевы»

Мелисса собиралась уехать из «Мунфлауэра», как только поговорит с Гарднерами. Но, выйдя из кабинета, увидела за стойкой администратора Нэнси Митчелл, и, естественно, ей пришлось остановиться и поболтать немного. Нэнси работала в отеле с самого открытия. То была добропорядочная, надежная девушка, дочь смотрителя маяка, а Мелисса всегда следовала политике быть с персоналом дружелюбной. Ей было известно, как легко приобрести дурную репутацию, проявляя неприветливость по отношению к подчиненным.

— Как дела, Нэнси? — с улыбкой спросила она.

— Спасибо, мисс Джеймс. Все чудесно.

Но вид девушки явно противоречил ее словам. Нэнси всегда держалась несколько робко, словно боялась обидеть кого-нибудь, но сегодня выглядела совершенно сломленной. Глаза ее были красными то ли от усталости, то ли от слез, длинные белокурые волосы спутались и явно нуждались в расческе. Возможно, причина кроется в неладах с парнем. Вот только есть ли у Нэнси парень? Она недавно перешагнула порог двадцатилетия и не то чтобы была некрасивой, просто черты ее лица — как бы это лучше выразиться? — не вполне сочетались друг с другом. Подобное бывает на портретах, где художник пытается превзойти самого себя. Именно так подумала Мелисса в первый момент, но затем в голове у нее промелькнула другая, более важная мысль: не годится, чтобы гостей отеля встречал на ресепшене заплаканный администратор.

— У тебя все хорошо? — спросила она.

— Да, мисс Джеймс. — Вид у Нэнси стал испуганным.

— Как родители? — Мелисса пыталась держаться ласково, проявляя участие.

— Все здоровы, благодарю вас, мисс Джеймс.

— Рада слышать. — Мелисса огляделась вокруг. Они были одни. — Послушай, Нэнси, если тебя что-то беспокоит, скажи мне. Мне хочется думать, что мы достаточно долго знаем друг друга, чтобы считаться друзьями.

К удивлению хозяйки, девушка посмотрела на нее с выражением, близким к ужасу.

— Нет! — воскликнула она. Потом отчасти взяла себя в руки. — Я это... в смысле, вы очень добры, мисс Джеймс. Но дело такое... У меня просто кое-какие неприятности дома. Папа мучается от боли в колене, когда поднимается и спускается по этим своим лестницам.

Всего минуту назад Нэнси утверждала, что оба ее родителя здоровы. Будучи сама актрисой, Мелисса с ходу распознавала притворство. И по-настоящему рассердилась.

— Имей в виду, что ты представляешь собой лицо «Мунфлауэра», — предупредила она девушку. — Давай говорить начистоту, Нэнси: не дело сидеть здесь с таким видом. Если неважно себя чувствуешь, иди лучше домой.

— Простите, мисс Джеймс. — Нэнси изо всех сил старалась собраться и изобразить улыбку. — Я только отлучусь в дамскую комнату, припудрю носик, и все будет замечательно.

— Ну вот и славно. Держи себя в руках.

Коротко улыбнувшись ей, Мелисса пошла дальше. Кое-что в этом происшествии ее смутило. Реакция на ее замечание, что они друзья. Любой почувствовал бы себя польщенным, но Нэнси это словно бы покорило. Может, Гарднеры наговорили ей чего-нибудь? Девчонке стало известно о связанных с отелем финансовых затруднениях?

Мелисса решила выбросить Нэнси из головы, но на этом неприятности не закончились. Подходя к машине, она заметила стоявшего рядом мужчину, и, когда поняла, что тот специально ее дожидается, под ложечкой неприятно засосало. Мужчина был низенький и плотный, во влажном от дождя черном костюме. Волосы, те немногие, что еще остались, тоже намокли. Хотя он и был выбрит, на подбородке и на верхней губе виднелись синие тени. Человек этот выглядел совершенно неуместным в курортном городке, как мелкий гангстер, только что вышедший из тюрьмы. Еще до того, как этот субъект произнес хоть слово и обнаружил свой восточноевропейский акцент, было понятно, что он приехал из-за границы.

— Добрый вечер, Мелисса, — сказал мужчина.

— Саймон! Вот так сюрприз! Почему вы не сообщили, что приедете?

— Потому что если бы я предупредил, то не застал бы вас здесь. — При этом он широко улыбнулся, как если бы удачно пошутил. Но оба понимали, что он говорил всерьез и что это была правда.

— Вы ведь знаете, что я всегда рада вас видеть, — прошептала мисс Джеймс. — Но вам следовало договориться заранее, поэтому у меня, боюсь, нет времени беседовать с вами прямо сейчас.

— Уделите мне пять минут, Мелисса.

— Мне пора домой, Саймон. Мы с Фрэнсисом сегодня идем в оперу. Давайте в другой раз?

— Нет. Я пять часов ехал из Лондона, чтобы повидаться с вами. Пять минут — это совсем необременительная просьба.

Спорить с ним ей было не с руки. Не здесь, перед отелем. В любой момент могли появиться входящие или выходящие гости. И к тому же не лучше ли покончить с этим как можно быстрее? Мелисса вскинула обе руки, показывая, что сдается, и улыбнулась.

— Хорошо, давайте пройдем внутрь. Вы остановились в «Мунфлауэре»?

— Да.

— Боюсь, я не могу предложить вам выпить. Бар пока еще не открыт. Но если вы хотите чаю...

Они вместе вошли в отель.

Разумеется, на самом деле этого человека звали вовсе не Саймон Кокс. Въехав в страну, он изменил свое имя на английский лад. Скорее всего, на родине он именовался Симеон, Семён или еще как-нибудь столь же неблагозвучно. Агент познакомил Мелиссу с ним в Лондоне, представив Саймона как успешного бизнесмена, который нажил состояние в страховом и банковском бизнесе, а теперь желает войти в киноиндустрию. Мелиссе подобные типы встречались во множестве, но этот, честно признаться, пошел дальше других и купил права на экранизацию одной книги, а потом заказал сценарий. И он хотел видеть Мелиссу в главной роли.

Фильм назывался «Выкуп королевы» и представлял собой историческую мелодраму, действие которой происходило в XII веке. Мелиссе предстояло сыграть Алиенору Аквитанскую, ставшую королевой Англии благодаря браку с герцогом Нормандским, впоследствии Генрихом Вторым Плантагенетом. Сценарий строился вокруг ее отношений с любимым сыном, Ричардом Львиное Сердце. Ей, тогда уже вдовствующей королеве, выпал труд собирать огромный выкуп за сына, плененного на пути домой из Третьего крестового похода. Съёмки должны были начаться через два месяца, все условия были оговорены, но контракт Мелиссы так и лежал неподписанный у нее на столе.

Она пришла к заключению, что не хочет сниматься в этой ленте.

Сначала затея ее впечатлила. Сценарий получился удачный, его написал бывший преподаватель истории, работавший, до того как взяться за перо самому, научным консультантом у Роя Боултинга и Энтони Эсквита. Персонаж Алиеноры находился в самом центре действия. Точнее говоря, она почти не покидала кадра... Это явно была картина из числа тех, что привлекают внимание, как только начинается сезон присуждения наград. Годы прошли с тех пор, как Мелисса снималась в английском фильме, и агент обещал, что вопреки невысокому бюджету ее поклонники будут просто в восторге. Он твердил, что это идеальный механизм для ее возвращения на экран и для возрождения былой славы.

К несчастью, получилось так, что намеченное для съемок время пересекалось с производством фильма Альфреда Хичкока. Картина «В случае убийства набирайте 'М'» (кажется, так, Мелисса не была уверена насчет названия) представляла собой проект более крупный, громкий и лучше оплачиваемый. Да и к тому же международного уровня: съёмки будут происходить в Америке, под солнцем Калифорнии, а не на унылых задворках киностудии «Шеппертон». Глядя на рассеявшегося на кожаной банкетке Саймона Кокса, Мелисса в равной степени злилась и на него, и на себя. Ну с какой стати ей вздумалось связаться с начинающим продюсером, не имеющим ни опыта, ни репутации? И как он смеет заявляться сюда и требовать личной встречи с ней? Ему следовало созвониться с ее агентами в Лондоне или Нью-Йорке. Если ему есть что сказать, пусть скажет им. Ладно, придется пройти через это, и чем быстрее, тем лучше. Едва ли между ними состоится еще одна встреча, напомнила она себе.

— Мелисса... — начал он.

— Простите, Саймон, — перебила она. — Не думаю, что этот разговор уместен. Не здесь. Не сейчас.

Кокс недоуменно посмотрел на нее:

— Что вы имеете в виду?

— Так дела не делаются. Будь у вас больше опыта работы в киноиндустрии, вы бы поняли. Говори не с талантом — говори с коммерсантом!

— Я пообщался с вашим агентом, и тот сказал, что все передал вам. Но от вас я новостей так и не дождался. Ни словечка! А до съемок осталось всего три месяца, даже и того меньше — десять недель. У нас все готово, кроме вас. Где ваш контракт? Почему вы не едете на встречу с режиссером, не смотрите костюмы, не читаете сценарий?

Мелисса потеряла терпение.

— Мне жаль, — заявила она. — Но обстоятельства переменялись, и я больше не заинтересована в вашем предложении.

— Что? — Вид у продюсера сделался такой, словно его ударили по лицу.

— Я не буду сниматься в «Выкупе королевы».

— Мелисса!

— У вас хороший сценарий. Там много всего замечательного. Но меня он не устраивает.

— Но он написан специально для вас! Ваш агент сказал, что сценарий идеально вам подходит!

— Есть много других актрис, способных сыграть эту роль. — Мелиссе хотелось встать и уйти, но Саймон смотрел на нее в упор. — Я не подписала контракт, потому что, признаюсь честно, у меня есть более заманчивое предложение, и этот проект мне без надобности. При всем при том я желаю вам всяческих успехов...

— Вы меня разорили! — Слова застревают у него в глотке, ему с трудом удавалось выдавливать их. — Все эти деньги, что я занял, взяты под ваше имя. Режиссер, костюмер, студия, сценарий, подбор актеров. Мы же целый дворец отстраивать, башню, иерусалимские стены... И все оно ради вас только. Если откажетесь вы сейчас, мне будет конец! Это просто в голове укладываться никак не может! — Чем сильнее Саймон злился, тем хуже становился его английский.

— Вот именно об этом я вам и говорю. Вращаясь вы в киноиндустрии, знали бы, что такие вещи происходят постоянно. Люди могут передумать. Я вот передумала! — Мелисса попыталась найти в себе хоть толику сочувствия. — Но мой агент работает и с другими известными актерами. Допустим, я переговорю с ним. Если вам нужны громкие имена...

— Не нужны мне громкие имена! Мне нужны вы. Именно об этом мы договорились.

— Ни о чем мы не договорились. Это я и пытаюсь вам втолковать. Если начистоту, Саймон, все это ошибка. Вам не следовало приезжать сюда. Не следовало на меня давить.

Кокс выглядел как человек, у которого вот-вот случится сердечный приступ. С Мелиссы было довольно. Она решительно поднялась.

— Я советую вам вернуться в Лондон и поскорее найти замену, — сказала она. — Пожалуйста, не предпринимайте новых попыток договориться со мной.

Мелисса ушла.

Саймон Кокс продолжал сидеть неподвижно, словно бы врос в кресло. Рука его лежала на столе, но пальцы медленно сжимались в кулак. С улицы донесся звук захлопнувшейся автомобильной дверцы, потом негромко фыркнул мотор. Но продюсер не шевелился.

В бар вошел кто-то еще. Это была девушка-администратор, Нэнси.

— Могу я чем-нибудь вам помочь, сэр? — озабоченно спросила она.

— Нет. Нет, спасибо.

Кокс встал, обогнул ее и покинул отель. Пара гостей, входящих в двери, испуганно шарахнулась в сторону, уступая ему дорогу.

Немного позднее они скажут, что в глазах у мужчины, которого они встретили, читалась жажда убийства.

Со своего места за стойкой администратора Нэнси Митчелл слышала большую часть разговора Мелиссы Джеймс с незнакомцем. То была не ее вина. Она не собиралась подслушивать, но дверь

была открыта, и звук без препятствий разносился по безлюдным помещениям «Мунфлауэра». Девушка видела, как мисс Джеймс вышла из бара, а потом исчезла в парадных дверях отеля. Затем, когда она подошла проверить, все ли в порядке, коротышка, зарегистрировавшийся как Саймон Кокс, последовал примеру Мелиссы. Из любопытства Нэнси вышла следом за ним, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как он садится в приземистый черный автомобиль и отъезжает. Насколько она могла судить, продюсер двигался к выезду из Тоули и по направлению к Кларенс-Кип. Уж не преследовал ли он хозяйку отеля?

В любом случае это ее не касалось. Нэнси смотрела вслед, пока машина не скрылась из виду, и заметила, что дождь снова прекратился, хотя вода продолжала капать с деревьев и на подъездной дорожке стояли лужи. Девушка поглядела на часы и вернулась за стойку администратора. Было без четверти шесть: до конца смены оставалось всего пятнадцать минут. Миссис Гарднер предстояло дежурить до десяти вечера, а затем ее придет сменить ночной портье.

Нэнси взяла ручное зеркальце и посмотрела на себя, припомнив слова хозяйки. Волосы находились еще в некотором беспорядке, но ничто не указывало на то, что она недавно плакала. Девушка очень переживала, что не кто-нибудь, а именно мисс Джеймс заметила ее состояние. И представить себе только, будто они могут быть друзьями! Нэнси такого наслушалась про богатую и знаменитую Мелиссу Джеймс, что никто в Тоули и вообразить не мог. Эта женщина делала вид, будто она добрая. Однако на самом деле это не так.

А ведь, говоря по совести, друг Нэнси не помешал бы, особенно сейчас. При одной мысли об этом слезы брызнули у нее из глаз. Как могла она допустить такое? Как могла быть такой дурой?

Две недели прошло после ее визита к доктору Коллинзу. Нэнси тогда даже родителям не сказала, что записалась на прием. Отец был из той породы людей, что за всю жизнь ни единого дня не болеют и от остальных ожидают того же. Девушка не допускала, что это может оказаться что-то серьезное, и озвученный Коллинзом диагноз потряс ее.

— Не знаю, Нэнси, обрадует ли это вас, — сказал врач. — Но вы беременны.

Нэнси никогда прежде не слышала такого слова из уст мужчины, пусть даже врача. Привычный мир разом перевернулся с ног на голову. Известие изменило все так, как она и помыслить не могла.

— Это невозможно! — прошептала девушка.

— Почему вы так говорите? Хотите сказать, что никогда... не были с мужчиной?

Нэнси не в силах была ответить. Чувствовала только, как пылают ее щеки.

— Если вы с кем-то встречаетесь, непременно скажите ему, — продолжил доктор. — Какое бы решение вы ни приняли, этого человека следует поставить в известность.

Что ей делать? Что будет, когда отец узнает правду? Такие вопросы вертелись у Нэнси в голове. А вот ответов не было. Если только, конечно, все это правда. Доктор мог и ошибиться.

— Это ведь всего один раз было, — произнесла Нэнси, готовая разрыдаться. Она потупила глаза, не в силах встретиться с собеседником взглядом.

— Боюсь, одного раза вполне достаточно.

— Вы уверены, доктор Коллинз?

— На сто процентов. Вы, быть может, поговорите с моей супругой? Вероятно, вам легче будет довериться женщине?

— Нет! Я не хочу, чтобы еще кто-нибудь знал.

— Ну, вряд ли у вас получится долго скрывать это. Уже становится заметно, еще месяц и...

Заметно! Она обеими руками обхватила живот.

— Нам нужно еще сделать анализы, и я хочу, чтобы вы съездили в больницу в Барнстепле, — продолжил доктор. — Вы девушка молодая, здоровье у вас отменное, так что оснований для беспокойства нет...

Ага, как бы не так! «Оснований для беспокойства нет...» Есть, да еще и какие! Откровенно говоря, бедняжка была в полном ужасе.

— Ничего не хотите мне сказать по поводу отца ребенка?

— Нет! — Нэнси решила, что не расскажет никому. Пока не поговорит с ним. Вот только сможет ли она признаться хотя бы ему?

— Было бы неплохо, если бы вы пришли ко мне оба. — Доктор Коллинз видел, в каком расстройстве пребывает пациентка, и ободряюще улыбнулся. — Как его зовут?

— Джон, — выпалила девушка. — Местный парень. Я познакомилась с ним в Байдфорде. Мы... — Она закусила губу. — Это всего только один раз было, правда. Я и не думала...

— Не хотите чаю?

Нэнси покачала головой. По щекам ее струились слезы. Доктор Коллинз подошел ближе и положил руку на плечо пациентке.

— Не нужно так переживать, — сказал он. — Иметь ребенка — это замечательно. Моя жена назвала бы это чудом — зарождение новой жизни. И вы не единственная молодая женщина, допустившая ошибку. Вам следует быть сильной... ради ребенка.

— Никто не должен знать!

— Ну, родителям-то сказать придется. Они первыми должны узнать. Они отправят вас погостить у родственников. Все можно устроить, Нэнси. Ребенка отдадут в приемную семью, и вы вернетесь домой как ни в чем не бывало.

Уже на следующий день Нэнси посетила библиотеку в Байдфорде и порылась в медицинских книгах, но не нашла там того, что надеялась узнать. Ей хотелось предотвратить рождение ребенка. От кого-то она слышала, что тут может помочь, если выпить много джина. Не потому ли этот напиток прозвали «материнская погибель»? А еще одна девушка в «Красном льве» говорила, что нужно принять очень горячую ванну. Так она и поступила в субботу вечером, пока ее родители ходили в кино. Применила оба средства. Выпила полбутылки «Старого Тома» и залезла, прямо в одежде, по шейку в воду, от которой шел пар. Ночью ее стошнило, и она надеялась, что рецепт сработал, но когда пошла к доктору Коллинзу, то узнала, что никаких перемен в ее состоянии не произошло.

И тогда Нэнси написала человеку, которого в беседе с врачом назвала Джоном. Она напрямую сообщила, что ждет ребенка и что отец он, поскольку у нее никого больше не было. Она не угрожала ему разоблачением и пообещала никому больше об этом не рассказывать. Но призналась, что ей страшно, она совсем одна и нуждается в помощи.

Ответ пришел на следующее утро, в толстом белом конверте, удивившем ее своей тяжестью. Адрес был напечатан на машинке. Наверное, он написал ей очень длинное письмо, подумала девушка. Но из вскрытого конверта выпали двенадцать пятифунтовых купюр и листок бумаги с именем и адресом некоего доктора на Бейкер-стрит в Лондоне.

Можно ли поступить более жестоко? Записка была без подписи, отпечатанный на машинке текст скрывал почерк, так что установить автора никто не сумеет. Ни тени сочувствия или понимания. И никаких вариантов. «Избавься от плода». Вот и все послание. И было что-то смутно пугающее в этой точно рассчитанной сумме в шестьдесят фунтов, выплаченной помятыми пятифунтовыми банкнотами. Нэнси знала, что этот человек наверняка навел справки. И выясни он, что аборт стоит шестьдесят фунтов и два шиллинга, непременно вложил бы в конверт горсть монет.

Это письмо изменило все.

Прежде Нэнси стыдилась себя. Считала, что одна виновата в случившемся. Теперь все стало иначе. Она знала, что не сможет назвать отца ребенка. В таком случае разгорится скандал, который в первую очередь ударит по ней самой и вынудит навсегда уехать из Тоули. Но она не совсем бессильна. У нее все еще есть шанс заставить мерзавца заплатить за содеянное — и это встанет ему значительно больше шестидесяти фунтов.

Сидя за столом и наблюдая, как минутная стрелка на часах в коридоре потихоньку подбирается к двенадцати, Нэнси Митчелл приняла решение. Отец ребенка думает, что откупился от нее. Она докажет ему, что он ошибается.

Глава 4

Тайны и тени

А тем временем в Кларенс-Кип Филлис Чандлер, готовясь уходить, наносила на губы последний слой помады. Она стояла в своей спальне, бывшей частью комнат для слуг, где они размещались с сыном. Все восточное крыло было их владениями, отделенными от остального дома толстой стеной и прочными дверями. Служебная лестница вела из кухни наверх, в блок из двух спален, общего санузла, гостиной с софой и телевизором, а также другой кухоньки. В остальные жилые помещения отсюда можно было попасть через арку, которую, когда мисс Джеймс была у себя, завешивали тяжелой бархатной шторой. Ее спальня находилась сразу налево, поэтому Филлис легко попадала туда, когда приходило время сменить постельное белье или убраться. Следует отметить, что в целом Чандлеров разместили как нельзя лучше: им хватало места и удобств, да и жили они достаточно далеко, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Филлис переживала, что опаздывает. Она обещала сестре Бетти, что приедет в семь, но было уже почти шесть, а уйти до возвращения мисс Джеймс, разумеется, не получалось. Им требовалась машина. Эрик сидел в гостиной, смотрел по телевизору какой-то подростковый сериал. Передача, на ее взгляд, была довольно глупой, но ему нравилось, кто бы сомневался. Снаружи послышался шум тормозящегося автомобиля. Видимо, это хозяйка! Филлис надела шляпку и пошла посмотреть.

Узкий коридор тянулся от задней стены дома до фасада. В каждом конце коридора было по окну, а стены его украшали картины и фотографии с видами Тоули: маяк, пляж, отель. Филлис направлялась к тому окну, что выходило на двор перед домом. Из него открывался хороший обзор на подъездную дорожку. Но едва женщина вышла из спальни, как ей бросилось в глаза некое несоответствие. Ей следовало заметить это раньше. Филлис всегда гордилась своим умением подмечать детали, будь то крошки в корочке пирога или то, как висит на вешалке полотенце.

Нет, тут определенно что-то было не так.

Встревоженная и озадаченная, она пошла к этому предмету, забыв про то, что дверь в гостиную открыта и Эрик следит за каждым ее шагом.

Фрэнсис Пендлтон тоже услышал шум подъехавшей машины. В одиннадцатый или двенадцатый уже раз он выглянул из окна, но ничего не увидел. Где же Мелисса? Она сказала, что разговор с Гарднерами займет от силы минут тридцать, но прошло ведь уже больше часа, не так ли? Ей давно уже пора вернуться. Он посмотрел на элитные часы «ролекс», которые жена подарила ему на первую годовщину их свадьбы. Они показывали без пяти минут шесть. Если он промедлит еще, то опоздает на представление «Свадьбы Фигаро» в Барнстепле. Но это не заботило Фрэнсиса. У него не было настроения слушать оперу. Ему требовалось поговорить с Мелиссой.

Пендлтон пошел в гостиную и взял сигарету из серебряной шкатулки, преподнесенной Мелиссе администрацией киностудии «Метро-Голдвин-Майер». На крышке был выгравирован их логотип, а также знаменитый девиз: «*Ars gratia artis*»¹³. Кларенс-Кип был завален памятными сувенирами, связанными с фильмами, где снималась его жена, а также всевозможными наградами и подарками. Даже зажигалкой, которую он сейчас взял, пользовался Хамфри Богарт на съемках «Касабланки».

Пока Фрэнсис курил, его взгляд скользил по скопищу черно-белых фотографий на рояле. Мелисса в Лос-Анджелесе. Мелисса с Уолтом Диснеем. Мелисса на съемках «Заложницы судьбы». Последний снимок напомнил ему о том, как они познакомились. Мисс Джеймс была звездой. Пендлтон получил работу ее личного помощника: не потому что нуждался в деньгах, ему просто показалось забавным посмотреть, как снимается кино.

¹³ «Искусство ради искусства» (лат.).

Но стоило Мелиссе войти в комнату, его словно громом поразило. Он, разумеется, знал ее лицо, как и вся страна, но оказался совершенно не готов к тому, какую красоту и великолепие она излучала в реальной жизни. Дело было не только в чистой коже, ослепительно-голубых глазах и задорной улыбке. И даже не в уверенности в себе, свойственной людям, которых обожают весь мир. Мелисса была, без преувеличения, божественна, и Фрэнсис сразу понял, что, вопреки их различному социальному статусу и десятилетней разнице в возрасте, он не обретет покоя, пока не назовет эту женщину своей.

Он быстро вычислил, что ей нравится, а что нет. Мыло с ароматом цветков апельсина в ванной; розы, но ни в коем случае не гвоздики; сигареты «Дю Морье»; никаких фотографов, не согласованных заранее; а когда идет дождь, над ней следует держать зонт. В 1946 году еще всюду действовала карточная система, но при помощи американских агентов и сотрудников студии Пендлтона удавалось доставать все, что она хотела. Ей достаточно было только выразить желание. И мисс Джеймс быстро приучилась звонить ему в любое время дня и ночи. Фрэнсис всегда был в ее распоряжении.

Их отношения изменились, когда Мелисса узнала, что ее восторженный молодой помощник гораздо более значительная фигура, чем ей казалось. На деле он оказался представителем британской аристократии, вторым сыном благородного рода, прослеживающего свои корни до Средних веков. Фрэнсис сказал ей об этом не сам, но позаботился, чтобы нужные сведения дошли до актрисы. Ему вспомнилось, как он приехал вместе с Мелиссой в Кларенс-Кип, когда она заинтересовалась объявлением о продаже усадьбы. Они все обошли, и ему постоянно грезилось, что это будет дом не только для нее, но для них обоих.

Пендлтон стряхнул пепел в хрустальную пепельницу, подаренную на день рождения режиссером «Мунфлауэра». Не на его, Фрэнсиса, день рождения, разумеется. Удивительно, как мало в доме вещей, принадлежащих ему. Он обвел взглядом комнату. Рояль, который стоил целое состояние, но на котором Мелисса играет только изредка. Книги, которые она иной раз открывает, но никогда не дочитывает до конца. Фотографии, на которых изображена только она. Он здесь почти чужак. Женившись на Мелиссе, Фрэнсис получил желаемое. Но за все надо платить. Он во всех смыслах стал невидимкой.

Однако это его не слишком заботило. Фрэнсис Пендлтон понимал, что если стоишь слишком близко к солнцу, то не стоит жаловаться, когда ты превращаешься всего лишь в силуэт. У него отняли даже фамилию. Она так и осталась Мелиссой Джеймс, а собственная семья от него отреклась. «Ты женился на актрисе!» — невозможно представить, что в четыре слова можно вложить столько презрения, но его отцу, лорду Пендлтону, это без труда удалось. Этому Фрэнсис тоже не удивился. Его родитель был самодовольный сноб, никогда не ходивший в кино и даже не мысливший установить телевизор в древних руинах, которые величал домом. Его вкусам больше отвечали томики Диккенса и Смоллетта в выцветших кожаных переплетках. Культура, не развлечения. Эти слова могли бы стать частью родового девиза. Лорд ясно дал понять, что сыну не стоит рассчитывать ни на какое наследство. Так что будущее Фрэнсиса всецело находилось в руках Мелиссы.

И вот теперь, спустя несколько лет, все пошло наперекосяк. Денежные трудности нахлынули, как прилив в полнолуние: тихо и безжалостно. Пытаясь восстановить Кларенс-Кип, они оказались на грани разорения. Отель работает в убыток. Мелисса проводит слишком много времени со своим так называемым финансовым консультантом Эджерноном Маршем, но куда все его инвестиционные схемы не принесли и пенни. Но хуже всего то, что, так сказать, рыночная ценность самой Мелиссы пошла на убыль. Никто больше не хочет ее снимать. Она надеется на встречу с Альфредом Хичкоком, однако тот вряд ли пригласит бывшую знаменитость на пробы. Вот до чего они дожили: да о таком пять лет назад и помыслить было нельзя.

Фрэнсис затушил сигарету. Повинуясь порыву, он встал и подошел к стоящему у дальней стены бюро. Выдвинул набитый старыми чеками и квитанциями нижний ящик, куда Мелисса никогда не заглядывала. Именно поэтому Пендлтон и спрятал здесь то письмо. Теперь он взял его, простой листок бумаги, который сначала смяли в шарик, а затем тщательно разгладили. Написано оно было любимыми темно-голубыми чернилами Мелиссы, да и узнать ее почерк не составляло труда. Фрэнсис читал это послание столько раз, что помнил наизусть, но теперь заставил себя прочесть снова.

13 февраля

Ах, мой милый, милый!

Не могу и дальше жить во лжи. Просто не могу. Нам нужно быть храбрыми и изменить наконец свою судьбу: сообщить всему миру правду о том, что мы значим друг для друга, даже если это и причинит боль тем, кто нам ближе всего. Фрэнсис наверняка понимает, что между ним и мною все кончено. ~~Я собираюсь вернуться в Америку, к своей карьере, и в это путешествие я хочу отправиться вместе с тобой.~~

Я знаю, что ты чувствуешь, но...

Она не завершила последнее предложение, перо ее оставило несколько клякс, пока им чиркали по бумаге. Потом Мелисса решила вовсе не дописывать письмо, скомкала бумагу и бросила в стоящее в спальне мусорное ведро, где Фрэнсис его и нашел. Почему она не разорвала его? Возможно, подсознательно надеялась, что муж прочтет и узнает правду. Мелисса зачастую вела себя в жизни как персонаж из тех душеспитательных фильмов, с которых начиналась ее карьера. Даже сам стиль, употребление слова «судьба» и дважды повторенное «милый» отдавали мелодрамой.

Фрэнсис осознал вдруг, что ему тяжело дышать. Он до сих пор не признался жене, что нашел письмо. Много было мгновений, когда искушение обуревало, но он боялся последствий. Ему хотелось знать, кому оно адресовано, но в то же время это казалось совершенно не важным. Фрэнсиса угнетал страх потерять Мелиссу, ведь жизнь без нее станет пустотой и бессмысленной.

Однако он понимал, что дольше откладывать нельзя. Нужно вызвать Мелиссу на разговор. Даже теперь, подумалось ему, быть может, еще не поздно. Он пойдет на все, чтобы удержать ее.

Абсолютно на все.

Половина восьмого вечера.

Старший инспектор Эдвард Крол посмотрел на висящие напротив его стола настенные часы как раз в тот миг, когда минутная стрелка со звонким щелчком остановилась на получасовой отметке, словно бы у нее не было сил карабкаться вверх, к двенадцати.

Он заработался допоздна в своем кабинете на Уотербир-стрит, в здании, в котором местное отделение полиции размещалось вот уже семьдесят лет. Капли дождя стекали по стеклу, отбрасывая черные тени, похожие на потоки слез, на стену напротив. Кролу нравилась эта комната, с ее мрачноватым уютом и книжными полками, создававшими ощущение того, что все здесь находится на своем месте. Он будет по ней скучать.

Хотя официально об этом еще не объявили, все отделение знало, что их переводят на восток города, в более современный район Хевитри. У Крола сложилось впечатление, что с тех пор, как закончилась война, жизнь стала меняться быстрее, чем прежде, и, хотя он старался поспевать за новым ритмом, инспектору было немного грустно. Здание полицейского управления на Уотербир-стрит являлось уникальным. Сложенное из серого камня, с узкими окнами и круглыми башенками, оно напоминало ему железнодорожный вокзал где-нибудь в Баварии или дворец из народной сказки. Его собственный кабинет располагался в углу под крышей, возведенной в виде шляпы волшебника. Из окна прекрасно был виден местный продуктовый магазин, который открыли вскоре после назначения Крола. Он видел план нового здания — именно такой унылый и утилитарный модерн, какого стоило ожидать. Разумеется, техническое оснащение там будет лучше. Электрическое освещение позволит не напрягать глаза. Однако инспектор был рад, что ему не придется туда переезжать.

После тридцати лет службы, достигнув рубежа в пятьдесят пять, он уходил в отставку. Казалось бы, Крол, проделавший путь от простого констебля до старшего инспектора, имел полное право гордиться собой. Однако ощущение неудачи не покидало его. Крол знал, что начальство ценит его как надежного, трудолюбивого и аккуратного исполнителя, но много ли стоят эти эпитеты? Проще говоря, он так и не оправдал надежд, какие подавал в ранние годы. Разумеется, ему устроят торжественные проводы. Будут бокалы с вином, сыр на палочках, его поблагодарят и подарят часы. И на этом все. Он уйдет.

Вздыхнув, инспектор снова надел очки и вернулся к бумагам. Он готовился к судебным слушаниям, которые должны состояться в этом же самом здании: отделение полиции и суд размещались по соседству. Во время последнего своего выступления ему хотелось выглядеть уверенным, хорошо владеющим фактами.

Зазвонил телефон.

Первой реакцией Крола было удивление. Кто может звонить ему в такой поздний час? Он предположил, что это Маргарет, его многотерпеливая жена, хочет узнать, куда он подевался, и поднял трубку, готовый доложить супруге, что скоро будет дома. Однако голос на другом конце провода быстро его отрезвил. Это был помощник главного констебля.

— Рад, что застал вас, Крол. Засиделись на работе?

— Да, сэр.

— Что ж, боюсь, вам придется задержаться еще. Произошло убийство, в городке Тоули-на-Уотере. Знаете такой?

Название было смутно знакомо Кролу. Городок располагался милях в сорока отсюда, на западном побережье Девона. Инспектор предположил, что жертва должна быть значительной фигурой, иначе помощник главного констебля не стал бы ему звонить.

— Не могу утверждать, что когда-нибудь бывал там, сэр, — сказал он, но потом вспомнил, что вроде как-то однажды ездил туда в выходной на пляж, с женой и девочками. Или то был Инстоу?

— Убита актриса по имени Мелисса Джеймс. Ее нашли задушенной в своем собственном доме.

— Следы взлома имеются?

— Подробностями я пока не располагаю. Местная полиция прибыла на место, и я поручаю это дело вам. И требую немедленных успехов. Мелисса Джеймс была очень известной особой, и теперь от прессы отбоя не будет.

— Сэр, вы в курсе, что я через месяц ухожу в отставку?

— Да. И мне жаль это слышать. Вы уж, пожалуйста, постарайтесь напоследок. Мне нужен результат, Крол, и чем скорее, тем лучше. Сам я не большой знаток кино, но мисс Джеймс была настоящей звездой. Мы не можем допустить, чтобы у нас тут убивали известных персон. Докладывать будете мне лично.

— Но, сэр...

— Это приказ! Возможно, Крол, это именно то, что вам нужно. Последние годы вашей службы прошли чересчур уж спокойно. Это дело позволит вам уйти со сцены с шиком. Удачи!

Телефон умолк.

Кладя трубку, Крол размышлял о том, что сказал ему начальник. Вероятно, он прав во всех смыслах. Инспектору довелось видеть Мелиссу Джеймс в нескольких фильмах, включая и тот, что снимался в их местах. Как он назывался? «Заложница судьбы». Он ходил на картину вместе с женой, и, хотя нашел сюжет несколько надуманным, игра актрисы произвела на него впечатление. Да уж, с учетом ее известности, силам правопорядка придется несладко, если убийцу в самое ближайшее время не привлекут к ответу.

Возможно, это и впрямь именно то, что ему требуется, — нечто, чем будут гордиться его дети. Здорово будет хоть раз увидеть свое имя в заголовках газет. А то ведь журналисты, можно сказать, упорно игнорировали Эдварда Крола, уделяя больше внимания личностям арестованных им преступников.

Инспектор наклонился вперед, поднял трубку и набрал номер. Ему нужно было найти в гараже кого-нибудь, кто отвезет его в Тоули, но прежде следовало позвонить жене и сказать, чтобы она сунула еду обратно в печь. Ужинать некогда. Ему придется заночевать в Тоули, а потому требуется собрать вещи.

Глава 5

Бриллиант «Людендорф»

Аттикус Пюнд поправил галстук и заодно воспользовался возможностью посмотреть на свое отражение в зеркале в ванной. Не будучи по натуре человеком тщеславным, он вынужден был признать, что доволен увиденным. В общем и целом, сыщик находился в поразительно хорошей форме. Он был стройным, но не тощим и не выглядел на свой возраст, что было особенно удивительно, учитывая, сколько испытаний выпало на его долю. Пюнд пережил войну и кое-что похуже, но, хотя бывали времена, когда он опасался не увидеть снова свет солнца, ему удалось пройти через все беды невредимым и с гораздо меньшими потерями, чем можно было надеяться.

Пюнд не удержался от улыбки, и отражение послушно улыбнулось в ответ. Возможно, на руку играло то обстоятельство, что волос он лишился еще молодым. Не было красноречивых седых прядей, способных выдать, что ему уже шестьдесят два. Своей средиземноморской внешностью Аттикус был обязан текущей в его жилах греческой крови, хотя он родился и большую часть жизни провел в Германии. Ну до чего же все это странно. С самого момента рождения он был иностранцем, а вот теперь оказался здесь, в Лондоне, и по-прежнему чужак. Вот только это его вполне устраивало. Он ведь сыщик, частный детектив. Он зарабатывает себе на хлеб, общаясь с людьми, которых не встречал прежде и никогда больше не встретит, причем, так сказать, неизменно воздействует на них извне. Получалось, что это у него одновременно и профессия, и образ жизни.

Не новые ли это морщинки в углах глаз? Пюнд снял очки в проволочной оправе и отложил их в сторону. Он не очень хорошо спал ночью и начинал склоняться к мысли, что ошибся с выбором кровати и матраса «Эйрфоум». «Вы погрузитесь в сон на пенном облаке из крошечных воздушных пузырьков», — обещал рекламный буклет, но не стоило ему доверять. С тех пор как умерла жена, Пюнд спал один и именно по ночам сильнее всего скучал по ней — вокруг было слишком много пустого пространства. Ему требовалось что-то поменьше и попроще, вроде койки, какая стояла в школьной спальне. Да, точно. Идея ему понравилась. Нужно будет завтра обсудить это с мисс Кейн.

Аттикус посмотрел на часы. Десять минут седьмого. Времени полно, он вполне успеет дойти до Грешем-стрит — его ждут к семи. Против обычая, сегодня Пюнд согласился выступить на публике. Писать о своей работе — одно дело, а говорить, рискуя сболтнуть лишнее, совсем другое. В этом-то и заключалась проблема. Опыт подсказывал ему, что, когда речь заходит о работе частного детектива, никого не интересует абстрактная теория, которая являлась темой его не законченной пока книги «Ландшафт криминалистического расследования». Обывателям нужны сенсационные детали: кровавые отпечатки пальцев, дымящиеся стволы, хитроумные преступники. Пюнд никогда не рассматривал убийство ни как игру, ни даже как загадку, требующую решения. Его деятельность представляла собой исследование человеческой природы, самых темных и отчаянных ее сторон. Нельзя раскрыть преступление, если не понимаешь его природы.

Но сегодня Аттикус решил сделать исключение и все-таки произнести речь. Передумать его побудили два обстоятельства. Прежде всего, его слушателями будут люди серьезные. Весьма солидная организация — Столичная гильдия золотых дел мастеров — пригласила его в качестве лектора на свой ежегодный обед. Пюнду ясно дали понять, что тему он может выбрать сам, но она, понятное дело, должна иметь отношение к его профессии. А во-вторых, за потраченные тридцать минут его вознаградят превосходным обедом с первоклассным вином и щедрым пожертвованием в Фонд поддержки сирот полиции: то был излюбленный объект благотворительности со стороны Пюнда.

Он плеснул немного одеколона на щеки, потом выключил свет и прошел в спальню, где его ждал висящий на спинке кресла смокинг. Мисс Кейн приготовила для шефа машинописную распечатку речи. Бумаги лежали на кровати, двенадцать белоснежных листов, соединенных канцелярской скрепкой. На верхнем заглавными буквами напечатано было заглавие:

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ». Пюнд скользнул в смокинг, аккуратно сложил листы, сунул их в карман и перешел в соседнюю комнату.

Он совсем недавно переехал в квартиру на восьмом этаже «Таннер-Корта», элегантного жилого комплекса в Фаррингдоне, и еще не вполне привык к ней. Мебель была антикварной, немецкого производства. Большую часть ее он перевез в Англию после войны. Но все прочее казалось Аттикусу чужеземным. Комнаты с высоченными потолками выглядели намного просторнее, чем им положено быть. Ковры и шторы были новыми, и Пюнд вспомнил, что, выбирая их, поразился мысли о том, какие они дорогие и с какой легкостью способен он теперь позволить себе такую покупку. Кухня так блистала чистотой, что ему совестно было пользоваться ею — хотя сам он никогда не готовил. В обед Пюнд перекусывал салатом, а ужинал где-нибудь в ресторане.

Он посмотрел на принадлежавшие некогда его отцу часы с маятником, висевшие в углу. Сделанные знаменитым мастером Эрхардом Юнгхансом еще в XIX веке (а стало быть, почти сто лет назад), они никогда не ввали даже на минуту. Выходить еще рано. Пюнд налил себе рюмочку шерри и взял черную сигарету «Собрание» из эбонитовой шкатулки, подаренной ему благодарным клиентом. По правде говоря, все эти апартаменты стали ему доступны только благодаря последнему делу. Сыщик закурил и сел, стараясь чувствовать себя спокойным в этой роскошной обстановке и припоминая странную историю с бриллиантом «Людендорф», ставшую во многих отношениях венцом его карьеры на сегодняшний день.

На первый взгляд эта кража казалась в принципе невозможной. Она была магическим фокусом, озадачившим полицию, английскую общественность и, что важнее всего, обескураженного владельца, лишившегося не только бриллианта, но и нескольких других драгоценностей, не считая наличных денег и ценных бумаг на общую сумму почти в сто тысяч фунтов.

Потерпевшего звали Чарльз Парджетер: американский мультимиллионер, сделавший состояние в нефтяной отрасли и имевший особняки в Нью-Йорке и Лондоне. Его жена Элейн была известной хозяйкой светского салона, покровительницей искусств, членом ряда благотворительных обществ и настоящей красавицей. Кража произошла в прошлом году, как раз накануне Рождества.

Парджетеры вернулись с вечеринки и обнаружили, что на их дом в Найтсбридже был совершен налет. Работали явно профессионалы. Сигнализация была отключена, стекло в окне первого этажа разбито. Нельзя сказать, чтобы за домом никто не присматривал. Правда, была суббота, и двое слуг, повар и горничная, получили выходной. На месте оставался дворецкий, но ему было почти семьдесят, и он благополучно проспал все события. В тот вечер вместе с Парджетерами был также некий Джон Беркли, партнер по бизнесу и друг семьи, который и заметил разбитое окно еще до того, как они вошли в особняк.

Поначалу Чарльз Парджетер не встревожился. Будучи человеком предусмотрительным, он установил на третьем этаже дома сейф. И не просто сейф. То была лучшая модель, которую только можно приобрести за деньги: огнеупорная коробка из прочной стали, в двести с лишним фунтов весом, изделие американской фирмы «Сентри». Сейф был прикручен болтами к полу. Кодовый замок с усиленной защитой от взлома состоял из семи дисков и, стало быть, требовал для открытия ввода семи последовательных значений. Только три человека знали комбинацию: Парджетер, его жена и Генри Чейз, юрист. Имелся еще второй замок, отпирившийся ключом, и ключ этот существовал лишь в одном экземпляре. Чарльз Парджетер постоянно носил его с собой. Сейф стоял у дальней стены, в узком темном чулане. Не располагая сведениями от кого-то из домочадцев, воры вряд ли бы даже догадались, где его искать.

Все трое — Чарльз Парджетер, Элейн Парджетер и Джон Беркли — вошли в темный дом вместе и поначалу решили, что вернулись вовремя и ничего не пропало. Но стоило Чарльзу включить свет в спальне, как ужасная правда вышла наружу. Дверца сейфа была распахнута. Все его содержимое исчезло.

Элейн Парджетер позвонила в полицию, а Беркли проводил друга вниз по лестнице и влил в него изрядную дозу виски. Они старались ни к чему не прикасаться. Полиция — в лице инспектора Гилберта и сопровождавшего его сержанта Дикинсона — прибыла незамедлительно. Детективы

задали множество различных вопросов и осмотрели пустой сейф. Сейф и разбитое окно были обследованы на предмет отпечатков пальцев, однако безрезультатно.

Пюнд, как помнится, узнал о краже из газет. Вся страна была поражена случившимся. Впервые, сейф на самом деле был неприступным. Американские производители незамедлительно прилетели в Англию и, тщательно обследовав свое изделие, заявили, что их вины здесь нет. Замок не был взломан. Кто бы ни открыл его, этот человек знал комбинацию. Однако это сужало круг подозреваемых всего до двух персон: Чарльза Парджетера и его жены. Генри Чейз, юрист, единственный посторонний, посвященный в тайну кода, в вечер кражи находился за границей. Разумеется, он мог сообщить комбинацию сообщнику, но это не решало проблему единственного ключа. Парджетер держал его на главной связке и никогда не выпускал из виду. Ключ был при нем во время вечеринки, и он вручил его инспектору Гилберту, подтвердившему, что это тот самый ключ, определенно подходящий к замку. Мог кто-то взять его и сделать дубликат? И снова производители настаивали, что это исключено. Ключ был не такой, как прочие, имел уникальную, патентованную конструкцию. Представители компании «Сентри» устроили пресс-конференцию, на которой почти открыто обвинили Парджетера и его жену в мошенничестве с целью получить страховку. Но и это тоже выглядело в высшей степени невероятным. У американского дельца не имелось денежных затруднений. Напротив, его бизнес процветал. Он входил в число богатейших людей мира.

Но что на самом деле покорило воображение общественности, так это бриллиант «Людендорф». Бывают драгоценные камни, существующие словно бы в мире сказок и легенд, и этот, как следовало из описания, «безупречной формы грушевидный двойной бриллиант с огранкой розой, весивший тридцать три карата и имевший сто сорок граней», не стал исключением. Найден он был в Голконде, том самом регионе Индии, где некогда обнаружили знаменитый «Кохинур». Алмаз принадлежал русскому аристократу, князю Андрею Людендорфу, погибшему на дуэли. Но убил его не противник. Пистолет князя оказался неисправен и разорвался у него в руке, осколок металла попал в глаз. Рассказывали, что бриллиант похоронили вместе с хозяином, но не слишком скорбящая вдова наняла пару грабителей могил, чтобы те достали камень. Парджетер купил алмаз в Нью-Йорке, в частном порядке; цену прямо не называли, хотя намекали на сумму порядка двух миллионов долларов. Вполне возможно, что цифра была существенно большей.

И вот теперь легендарная драгоценность пропала. Парджетер лишился также наличности и акций. Его жена хранила в сейфе жемчужные и алмазные ожерелья, перстни и диадему. Грабители забрали даже паспорта супругов и их свидетельства о рождении. Но все потери казались несущественными по сравнению с бриллиантом «Людендорф». Пюнд обратил внимание, что в голосе общественности присутствует определенная доля восхищения грабителями, сумевшими повернуть столь громкое дело без применения насилия. А вот к Парджетеру народ испытывал значительно меньше симпатий. В нем склонны были видеть скорее виновника, чем жертву преступления, как если бы его вызывающее богатство естественным образом возводило мультимиллионера в разряд мишени.

На деле Чарльз Парджетер вовсе не был неприятным человеком. Появившись в кабинете Пюнда на Олд-Мэрилебон-роуд, он держался спокойно и скромно. С густой шевелюрой седых волос, в очках, одетый в безупречный двубортный костюм с галстуком, он выглядел как профессор Гарварда. Атиккус помнил все, что сказал ему клиент.

— Мистер Пюнд, — начал миллионер, стоя со сцепленными за спиной руками, — мои люди сказали, что вы лучший в мире сыщик. Ознакомившись с вашим послужным списком, я пришел к выводу, что вы единственный, кто способен вернуть мне бриллиант «Людендорф».

Говорил он с американским акцентом и тщательно подбирал слова, прежде чем позволить им сорваться с языка.

— Я хочу объяснить вам причину своего прихода сюда сегодня, — продолжил Парджетер. — Прежде всего, вам наверняка уже известно, что полиция не способна дать вразумительное объяснение тому, как вообще произошло это невозможное на первый взгляд преступление. Я постоянно повторяю полицейским и заверяю в этом также и вас: код замка был известен только трем, я готов поручиться жизнью, что...

— Вы никогда не называли комбинацию кому-то еще? — перебил его Пюнд.

— Нет.

— И никогда нигде не записывали ее? Допустим, из опасения забыть?

— Нет.

— Но насколько понимаю, она состояла из семи отдельных групп цифр.

— У меня отличная память.

— Хорошо, тогда задам другой вопрос. Цифры выбирали вы сами? Быть может, они как-то связаны с событиями из вашей жизни? К примеру, дата рождения — ваша или супруги?

— Нет, ничего подобного. Сейф привезли уже с настроенной комбинацией. Опережая ваш вопрос: в «Сентри» соблюдаются свои протоколы безопасности. Никто в компании не знает, какой именно сейф кому продан и где его собираются установить. Из Америки он приплыл в контейнере. Мои рабочие забрали груз в Саутгемптоне и доставили в мой дом в Лондоне. Комбинация цифр пришла по почте несколько дней спустя.

— Спасибо. Продолжайте.

Чарльз Парджетер перевел дух. Он не принадлежал к людям, которым легко даются просьбы. Ведя дела, он давал указания и ожидал, что они будут неукоснительно соблюдаться. У Пюнда создалось ощущение, что посетитель заранее отрепетировал то, что намеревался ему сообщить.

— Я приобрел бриллиант «Людендорф» по многим причинам, — сказал Парджетер. — Это предмет удивительной красоты, а возраст его насчитывает более миллиарда лет. Только представьте! Уникальная вещь. Но одновременно это, как ни странно, разумное вложение денег. И если уж я решил говорить с вами начистоту, мистер Пюнд, то признаюсь, что в моем решении купить «Людендорф» сыграла роль и толика тщеславия. Когда вам повезло скопить огромные богатства, появляется непреодолимое искушение заявить о них. Не для широкой публики, но для себя. Напомнить себе о собственном успехе. Так что ограбление, считай, нанесло мне урон во всех смыслах. Похититель бриллианта выставил меня дураком. Я всегда хорошо относился к англичанам и, если честно, сильно удивлен тем, как быстро в результате данного инцидента местная общественность настроилась против меня. На меня даже карикатура в журнале «Панч» появилась. Возможно, вы ее видели?

Пюнд сделал отрицательный жест, хотя на самом деле прекрасно помнил эту карикатуру. На ней мультимиллионер был изображен сидящим в пижаме за завтраком. Парджетер ел яйцо вкрутую, в скорлупе которого был спрятан алмаз. Подпись гласила: «Ой, а сюда-то я заглянуть и не догадался!»

— Звучат даже намеки, что я сам замешан в краже, — продолжил посетитель. — Обвинение столь же абсурдное, сколь и обидное. Короче говоря, я стал посмешищем для всей страны, и если честно, переносу это почти так же тяжело, как утрату самого камня. Так что давайте перейдем к сути. Я заплачу любую названную вами сумму, если вы выясните, что на самом деле произошло. Установите, кто это сделал и каким образом. Если вы сможете вернуть мне похищенное, я выдам вам премию в пятьдесят тысяч фунтов. Простите за такую прямолинейность, мистер Пюнд. Уверен, что вы занятой человек, поэтому не стану больше отнимать у вас время. Обдумайте мое предложение и дайте мне знать.

На самом деле Пюнд принял решение в ту самую секунду, как американец вошел в комнату. Сыщик был заинтригован. Он столкнулся с редчайшим образчиком хитроумного преступления, совершенного без применения насилия, и это, пожалуй, можно было рассматривать как вызов его интеллектуальным способностям.

Да и обстоятельства сложились удачно. Срок аренды квартиры и офиса подходил к концу. Пюнд подыскивал себе что-то новое и нашел квартиру в Фаррингдоне, выглядевшую во всех отношениях идеальным вариантом, если не считать заоблачной для него цены. Вообще-то, Пюнд не верил в судьбу или в предначертание свыше. Но Чарльз Парджетер вполне мог быть ответом на его молитвы.

На следующий день сыщик отправился на место происшествия. За ним заехал шофер Парджетера на серебристом «роллс-ройсе». Дом стоял на тихой улочке за универмагом «Харродс». Необычное соседство, но особняк с подъездной дорожкой из гравия и цветочными клумбами располагался на отшибе и был окружен невысоким кирпичным забором. Пюнд начал с разбитого окна, находившегося в боковой стене здания. Уже это обстоятельство озадачило его, поскольку не вязалось с тем, что он слышал и о чем читал в газетах. Через парадный вход Аттикуса

препроводили к ожидавшим его Чарльзу Парджетеру с женой. Элейн оказалась женщиной невероятно элегантной, выше мужа ростом. Одета она была в простой кашемировый свитер и широкие брюки. Никаких украшений. Сам дом выглядел совершенно заурядным. Взгляду Пюнда не предстало ни шедевров живописи на стенах, ни бесценной серебряной утвари. Возможно, резиденция Парджетеров в Нью-Йорке отличалась большей роскошью.

— Хотите кофе, мистер Пюнд? — предложила хозяйка. — Мы можем пройти в гостиную...

— Я предпочел бы подняться наверх, если вы не против, миссис Парджетер. Прежде всего мне хотелось бы увидеть сейф, который, по уверениям его производителей, является... неприступным. Это правильное слово?

— Я провожу вас, — сказал Чарльз Парджетер.

Пока они поднимались по лестнице, Пюнд высказал соображения, возникшие у него на улице.

— Я озадачен, — произнес он. — В ночь, когда произошло ограбление, вы, насколько я понимаю, возвращались довольно-таки поздно с вечеринки.

— Да. Было уже около часа.

— Вас было трое?

— Да. Джон Беркли — мой старый приятель. Он вице-президент компании «Шелл транспорт и трейдинг». Мы с ним вместе учились в колледже. Когда Джон заглядывает в Лондон на пару дней, то обычно останавливается у нас. Экономит на отеле.

— Кто из вас заметил, что окно разбито? Мне кажется, что, направляясь от машины к парадной двери, невозможно увидеть боковую стену дома.

— По правде говоря, это была я, — пояснила Элейн Парджетер. — Джон заметил осколки стекла на дорожке. Они блестели в свете луны. Я свернула за угол, чтобы посмотреть, и увидела разбитое окно.

— Вы сразу поднялись наверх?

— Я хотел, чтобы жена посидела в машине, — ответил Парджетер. — Боялся, что грабители могли быть еще в доме, и не желал подвергать ее опасности.

— Но я отказалась наотрез! — воскликнула Элейн.

— Это верно. И вот мы все втроем вошли в особняк. Я увидел, что сигнализация отключена, и заподозрил неладное. Дома находился дворецкий Харрис, он спит в крыле для прислуги, но даже там сигнализация должна была сработать. Мы сразу поднялись в нашу спальню. Я знал, что все самое ценное, включая, естественно, бриллиант, заперто в сейфе. Помнится, я сунул руку в карман и нащупал ключ. Мне в голову не приходило, что сейф могут открыть.

Они добрались до верхней лестничной площадки, пересекли коридор и вошли в комнату, обставленную с намеком на китайский стиль, с темно-красными обоями на стенах и окнами, выходящими в сад. Как и во всем остальном здесь, наибольшее впечатление производил размер спальни. Кровать была громадной, шторы — театральными, а туалетный столик — антикварным. Одна дверь вела в уборную. Другая выходила в узкий коридор со шкафами по обе стороны. Футов через десять шкафы заканчивались, и оставался маленький альков под сводчатым потолком. Его могли устроить специально для сейфа, установленного задней стороной впритык к дальней стене.

Если миллионер и его супруга полагали, что Пюнд двинется вперед и осмотрит сейф, их ждало разочарование. Он стоял на месте, слегка нахмурившись, и как бы старался почувствовать атмосферу.

— Вы включили свет, когда вошли в помещение? — спросил он наконец.

— В спальне — да. Но не в чулане.

— Почему не здесь?

— Не хотели стереть следы ног или отпечатки пальцев. Но вообще-то, света вполне хватало, чтобы все разглядеть. Дверца сейфа была открыта, внутри зияла пустота. Должен признаться, мне повезло, что рядом со мной тогда был Джон Беркли. Я не склонен к бурному проявлению эмоций. Думаю, привык все держать в себе. Но в тот момент мне стало плохо. Я думал, что вот-вот лишусь сознания. Я не отказываюсь от сказанного вчера, мистер Пюнд, но конкретно в тот миг я думал о том, как велики мои потери. Я лишился многих миллионов долларов — и одновременно понимал, что этого просто не может быть. Единственный ключ от сейфа находился, черт побери, у меня! Я держал его прямо в руке.

— Так что вы предприняли дальше?

— Очевидно, что я не мог войти в чулан — он был местом преступления. Я не хотел уничтожать возможные улики.

— Весьма разумно.

— Джон взял ситуацию под контроль. Элейн он поручил позвонить в полицию, а меня тем временем отвел вниз и щедро напоил скотчем. Потом поднял с кровати Харриса и расспросил, не слышал ли тот чего, однако никакого толку не добился. Увы, дворецкий слишком стар для своей работы, но так долго у нас служит, что мне просто не хватает духу уволить его. Остается лишь надеяться, что Харрис сам уйдет.

— Вы ему доверяете?

— Харрис с нами уже тридцать лет, мистер Пюнд. И когда наконец отправится на покой, я о нем позабочусь. Ему это известно. И потом, скажите на милость, что человек в его возрасте стал бы делать с подобным бриллиантом? Ума не приложу, как бы старик мог им распорядиться.

Пюнд кивнул.

— Вы позволите?

Он прошел по проходу между гардеробами и, присев на корточки перед сейфом, коснулся рукой стальной поверхности. С учетом того, что сейф весил двести с лишним фунтов, по размерам он оказался меньше, чем представлялось Пюнду. Сейф имел пропорции карточной колоды и был высоким, но неглубоким. Поверхность его была совершенно гладкой, если не считать ручки, кодового замка и замочной скважины рядом с ним. Поверху шла надпись с названием фирмы-изготовителя. Дверь сливалась с корпусом настолько плотно, что в щель нельзя было просунуть даже листок бумаги, не говоря уж о ломике. Серый сейф, окруженный с трех сторон оклеенными темно-красными обоями стенами, в том же самом китайском стиле, что и спальня, смотрелся несколько театрально. Пюнд не пытался его сдвинуть, с первого взгляда поняв, что привинченная к месту металлическая конструкция стоит прочно.

— Есть у вас возможность открыть сейф? — спросил сыщик.

— Конечно. Но сейчас он пуст.

— Полицейские обследовали его?

— Да. Очень тщательно. Никаких отпечатков пальцев. Следов взлома нет. Вообще ничего.

Парджетер наклонился и стал вводить цифровую комбинацию. Шестнадцать налево, пять направо, снова налево двадцать два... Ему пришлось произвести семь отдельных операций, прежде чем шестеренки совпали. Он повернул в замке ключ, затем потянул за рукоятку. Послышался щелчок, и дверца открылась. Глядя вверх миллионера, сыщик убедился, что внутри действительно ничего нет.

Пюнд приоткрыл и снова закрыл дверцу, ощутив под рукой ее тяжесть и надежность. Здесь смотреть было больше не на что. Он распрямился и переключил внимание на окружающие стены, простукивая их костяшками пальцев, как если бы искал потайной ход. Элейн Парджетер наблюдала за ним с порога спальни и не выглядела особо впечатленной. Атиккус провел пальцем по небольшой дырке в обоях, потом в глубокой задумчивости потер ее большим пальцем. Сейф снова заперли. Все трое спустились по лестнице вниз.

Они прошли в гостиную, и, когда Пюнду вновь предложили выпить кофе, сыщик согласился. Кофе принесла служанка. В ночь ограбления она отсутствовала и вообще ничего необычного припомнить не могла. Парджетеры расположились на софе напротив Атиккуса. Сам он угнездился немного выше их, в антикварном кресле с высокой спинкой, которое смотрелось бы вполне уместно среди церковной мебели.

— Было бы полезно переговорить с вашим другом, мистером Беркли, — сказал Пюнд.

— Не знаю, сможет ли Джон что-то вам рассказать, — ответил Парджетер. — Он дал подробные показания в полиции и теперь вернулся в Нью-Йорк. Но если угодно, я могу позвонить ему в «Шелл».

— Полиция... — Пюнд отпил кофе, аккуратно поставил чашку на блюдце, которое пристроил на колене, и обратился к Элейн: — Это вы звонили в полицию, миссис Парджетер?

— Да. Инспектор Гилберт прибыл примерно тридцать минут спустя. С ним был еще сержант, приятный молодой человек. Тогда было уже два часа ночи — оба они находились на ночном дежурстве. Полицейские допросили нас в этой самой комнате, где мы сейчас сидим, задав великое множество вопросов. Они поднялись наверх, а также обогнули дом, чтобы осмотреть

разбитое окно. Запретили нам заходить в чулан — тут Джон оказался прав. Наутро наш дом был полон народу из Скотленд-Ярда: криминалисты, фотографы и прочие!

— Любопытно было бы знать, на какой стадии, если это вообще имело место, полицейские высказали предположение о вашей собственной причастности к исчезновению бриллианта? Сразу?

— Нет, они ничего такого не говорили, — возразил Парджетер. — Совсем даже напротив. Полицейские были предельно вежливы. Их интересовал сейф и то, как он работает. Они осмотрели ключ — им прежде явно не приходилось видеть ничего подобного. — Он помедлил. — И они, помнится, всё допытывались, кто еще мог знать комбинацию.

— Вы сказали им то же, что и мне?

— В точности. В мире есть только три человека, которым она известна. Я, моя жена и мой адвокат.

— На самом деле это не так, мистер Парджетер.

— Что? — Бизнесмен сердито посмотрел на собеседника, раздосадованный тем, что ему противоречат.

— Никто больше не знает кода, — поддержала его жена.

Пюнд закрыл глаза.

— Шестнадцать налево, пять направо, двадцать два налево, тридцать направо, двадцать пять налево, одиннадцать направо, тридцать девять налево. — Он снова открыл глаза. — Все верно, так ведь?

Парджетер вспыхнул:

— Вы что, подсматривали за мной, когда я открывал замок?

— Именно это я и сделал.

— Ладно, это был ловкий трюк, мистер Пюнд, но я не вполне понимаю, к чему вы клоните. Никто и никогда не входил со мной в комнату, кроме жены, к тому же я видел, что вы смотрите поверх моего плеча. У вас хорошая память, но можете забыть эти цифры. От них нет больше проку. Лошадь ускакала, как говорится. Я избавляюсь от этого сейфа и покупаю новый.

— Ах да! Нет смысла запирасть конюшню, после того как лошадь ускакала. Так гласит поговорка, которую вы вспомнили. — Пюнд улыбнулся. — И как по мне, так отперли конюшню вы сами!

— Простите?

Пюнд встал.

— Мне нужно навести кое-какие справки, — сказал он. — Но мне уже ясно, каким образом бриллиант «Людендорф» и прочие драгоценности взяли из сейфа и кто это сделал. Вы пробудете в Англии еще несколько дней?

— Останусь так долго, как это потребуется.

— Много времени это не займет, мистер Парджетер. И тогда все откроется!

Арест состоялся четыре дня спустя, и в итоге бриллиант, все украшения миссис Парджетер и большая часть денег вернулись к владельцу. А мультимиллионер сдержал свое слово и щедро наградил сыщика. Сидя сейчас в обставленной новой дорогой мебелью гостиной, потягивая шерри и дымя сигаретой, Пюнд вспоминал, как вместе с короткой благодарственной запиской получил чек на сумму, превышавшую его совокупный заработок за несколько лет. Он внес задаток за квартиру в «Таннер-Корте» в тот же день. Купил новую мебель, включая прекрасный стол в стиле бидермайер. Нанял секретаршу, чтобы помогала с бумажной работой. Последнее воспоминание вновь вернуло мысли Аттикуса к кровати с матрасом «Эйрфоум». Приобретение явно оказалось неудачным. Нужно поручить мисс Кейн от него избавиться.

Так кто же похитил бриллиант?

Пюнд без особого труда установил, что у Джона Беркли, старого школьного приятеля Парджетера, имелись серьезные финансовые затруднения. Клиент сам невольно сообщил ему об этом, сказав, что Беркли останавливался у него в доме, потому что не мог позволить себе отель.

Копнув немного глубже, сыщик выяснил, что инспектор Гилберт (который разводился с женой) и сержант Дикинсон (питавший пристрастие к скачкам) не случайно находились в местном полицейском отделении в половине второго ночи. Они специально напросились на то ночное дежурство, поскольку ожидали вызова. Этой троице удалось преодолеть защиту самого

неприступного в мире сейфа, и, хотя Пюнд не был уверен во всех деталях, существовал только один способ этого достичь.

У Беркли имелся ключ от особняка. Он уехал вместе с Парджетерами на вечеринку, зная, что дом стоит пустой, не считая дряхлого дворецкого, спавшего беспробудным сном. Пока хозяева отсутствовали, Дикинсон проник внутрь, разбив окно, и отключил сигнализацию. В его распоряжении было достаточно времени, чтобы подготовить инсценировку ограбления. Прежде всего он установил обычный щит — элемент театрального реквизита, оклеенный темно-красными обоями с китайским узором, — перед запертым сейфом. Затем принес другой сейф, точную копию изделия фирмы «Сентри», только сделанную из легкого материала, окрашенного дерева. Дверца его была открыта, внутри зияла красноречивая пустота.

Когда Парджетеры возвращались с вечеринки, Беркли «заметил» осколки стекла на подъездной дорожке. Было принципиально важно, чтобы хозяева поверили во взлом прежде, чем войдут в дом, это должно было повлиять на их поведение. Разумеется, они сразу кинулись к сейфу, и тут Беркли снова взял ситуацию под контроль. Именно так, между прочим, и выразился Парджетер. Джон не позволил супругам включить свет в алькове. Запретил им входить туда. С расстояния в десять футов, при плохом освещении, иллюзия сработала идеально. Фальшивая стена слилась с настоящей. Истинный сейф был спрятан за ней. А деревянный стоял открытый и пустой.

Парджетеры поверили, что их ограбили, хотя и понятия не имели, как это произошло. Беркли увел своего друга на первый этаж, якобы с целью позаботиться о Чарльзе, но на самом деле хотел помешать ему рассмотреть все как следует. Разумеется, даже пойми Парджетеры, что их обманывают, серьезной угрозы для Беркли и его сообщников не было. Всю эту историю можно было представить в виде дурацкого розыгрыша. Никто даже и не догадался бы об истинном замысле.

Ситуация переменилась с прибытием Гилберта и Дикинсона. Пюнду не составляло труда представить, как все происходило. «Какова точная комбинация для сейфа, сэр?» И Чарльз Парджетер как на духу называет цифры. Это же полицейские, в конце концов. Да и лошадь в любом случае уже ускакала. «А нельзя ли поближе посмотреть этот ваш ключ, сэр?» И снова Парджетер попадает в ловушку. Он уверен, что его уже ограбили, но на самом деле ограбление происходит в тот миг, пока он сидит внизу в гостиной и отвечает на вопросы. Кто-то из злоумышленников, скорее всего тот же Дикинсон, поспешно поднимается вверх, открывает настоящий сейф и извлекает из него содержимое. Затем он выносит добычу, воспользовавшись черным ходом, прихватив заодно фальшивый сейф и театральный щит, оставив картину, судя по всему, в точности такой, какой увидели ее Парджетеры, вернувшись домой. Он совершает только одну маленькую оплошность. Снимая щит, помещавшийся между стенами алькова, он совсем чуть-чуть разрывает обои. Пюнд обнаружил эту дыру, и все остальное встало на место.

Сыщик посмотрел на часы. Половина седьмого. Пора уже выходить. Он допил шерри, затушил окурок, а затем взял прогулочную трость из палисандрового дерева, которую носил скорее для вида, нежели по необходимости. Бросив на себя последний взгляд в зеркало, Аттикус похлопал ладонью по спрятанной во внутреннем кармане распечатке речи и вышел.

Глава 6

Преступление и наказание

В Голдсмит-Холле собралось около трехсот человек: женщины в длинных платьях, мужчины при черных галстуках. Сидели они за четырьмя большими столами в комнате, величие которой превосходило все, что Пюнду доводилось когда-либо видеть: уходящие ввысь колонны, массивные люстры и кричащее изобилие золотого орнамента, призванного напомнить о ремесле, коему здание сие было обязано своим существованием. Возможно, по причине того, что он был иностранцем, Пюнд всегда особенно восхищался старинными английскими традициями. Столичная гильдия золотых дел мастеров возникла еще в Средние века и даже теперь, шестьсот лет спустя, продолжала существовать, обучая и защищая своих членов. Обед был превосходным, общение живым и непринужденным. Словом, сыщик не пожалел, что пришел.

Речь его тоже приняли хорошо. Он говорил с полчаса и коснулся своего опыта работы офицером в германской Ordnungspolizei¹⁴ и того, что произошло с приходом к власти нацистов. Но ближе к концу Пюнд сменил курс: ему ведь как-никак предоставили карт-бланш, а имелась одна тема, которую он давно хотел осветить.

— Вам следует знать, — начал он, — что Королевская комиссия по смертной казни, созданная предыдущим премьер-министром, в ближайшие несколько месяцев представит отчет о проделанной ею работе. И я надеюсь, что если даже мы и не увидим в итоге полной отмены смертной казни, закон вскоре изменится. Суть не только в возможных судебных ошибках, как было, скажем, в случае с Тимоти Эвансом или Дерекком Бентли. Определенно, если ужасы нацизма и войны должны научить нас чему-либо, так это, прежде всего, вере в святость человеческой жизни, пусть даже это жизнь преступника.

Справедливо ли утверждение, что всех убийц без исключения следует предавать смерти? Нужно ли с человеком, потерявшим на один страшный миг контроль над собой, сорвавшимся и убившим жену или лучшего друга в приступе ярости, обращаться в точности, как и с тем, кто хладнокровно спланировал и совершил убийство с целью наживы? Не пришло ли время разграничить убийства на разные типы и применять, соответственно, различные наказания?

Позвольте заметить, леди и джентльмены, что судьи в наши дни, так сказать, утратили аппетит к вынесению смертных приговоров. И да будет вам известно, почти половина убийц получила помилование. В первой половине этого века были помилованы пятьсот тридцать три человека из тысячи, а двумстам десяти высшую меру заменили тюремным сроком. И эта цифра растет. Я встречал множество убийц. Да, меня возмущает то, что они сотворили, но зачастую я делаю скидку на ужасные обстоятельства, толкнувшие их к совершению преступления. И в конце концов, они тоже люди.

Лишая жизни убийцу, мы неизбежно опускаемся тем самым на его уровень. Я с интересом ожидаю доклада Королевской комиссии. И верю, что он откроет для нас новую эру.

Пюнд опасался, что его точка зрения не найдет поддержки у публики, но аплодисменты, которыми собравшиеся проводили его до места, согревали и успокаивали. И только позднее, за портвейном и сигарами, казначей гильдии, довольно прямолинейный человек, оказавшийся его соседом, вдруг заметил:

— Вы, быть может, не в курсе того, что случилось с Мелиссой Джеймс?

— Вы говорите про актрису, убитую в Девоншире несколько дней назад?

— Да. Простите, мистер Пюнд, но я сильно сомневаюсь, что сказанное вами сегодня применимо к данной ситуации.

— Полиция, если не ошибаюсь, пока еще не нашла убийцу.

— Ну, насколько я понимаю, главным подозреваемым считают мужа. Он был последним, кто видел Мелиссу Джеймс живой. И потом, обратите внимание на способ убийства — удушение. Я бы сказал, что все обстоятельства указывают на то, что американцы называют «преступлением по

¹⁴ Полиция порядка (нем.), объединявшая полицейские силы Третьего рейха.

страсти». Посудите сами. Красивая и талантливая молодая женщина, снискавшая любовь всего мира. Снималась в прекрасных фильмах. Мы с женой ее преданные поклонники. Готовы ли вы вот так легко простить ее убийцу?

— Прощение и милосердие — не одно и то же.

— Вы так думаете? Как, на мой взгляд, милосердие в данной ситуации послужит своего рода сигналом: вовсе не обязательно держать себя в руках — можешь убить жену, если вдруг разозлишься. Закон войдет в положение и проявит к тебе снисхождение!

Пюнд в душе не согласился, но сохранил свое мнение при себе. Его попросили произнести речь, он произнес ее — и все, на этом точка. И тем не менее на следующее утро, покончив с завтраком и отправившись в свой кабинет, он продолжал размышлять над словами казначея. Секретарша пришла ровно в девять и уже ждала его, разбирая почту.

— Как прошло ваше выступление, мистер Пюнд? — спросила она.

— В высшей степени прекрасно, насколько я могу судить, мисс Кейн. — Он отдал ей чек, который получил в качестве вознаграждения. — Не могли бы вы отправить это в Фонд поддержки сирот полиции?

Мисс Кейн приняла документ и посмотрела на сумму. Брови ее изумленно приподнялись.

— Очень щедро со стороны гильдии, — сказала она.

— Да, это определенно весьма значительное пожертвование, — согласился Аттикус.

— А с вашей стороны было весьма щедро выделить для них время, мистер Пюнд.

Сыщик улыбнулся. И подумал, что ему посчастливилось обрести в лице Мэделин Кейн идеальную секретаршу. Ее подыскало весьма уважаемое агентство. Он провел собеседование с тремя женщинами, и мисс Кейн проявила себя лучше всех: отвечала на вопросы быстро и четко — именно так, как теперь работала. Незамужняя дама сорока пяти лет от роду, она была выпускницей Челтенхемского женского колледжа и имела квартиру в Шепердс-Буш. Прежде мисс Кейн работала личным секретарем у ряда крупных дельцов, и все они дали ей превосходные рекомендации. Черные как смоль волосы, строго деловой стиль одежды, очки в роговой оправе — она на первый взгляд внушала робость. Но одновременно могла быть и мягкосердечной. Мэделин Кейн прослужила у Пюнда всего три месяца, но уже прониклась к нему глубочайшей преданностью.

— Позвольте задать вопрос, мисс Кейн?

— Конечно, мистер Пюнд.

— Каково ваше мнение о том, что я говорил вчера?

— О вашей речи?

— Да.

— Ну, не уверена, что мне уместно высказывать свою точку зрения. — Мисс Кейн нахмурилась. Поскольку ей довелось печатать речь, она была знакома с ее содержанием. — Ваше описание Германии тридцатых-сороковых годов показалось мне весьма интересным.

— А мои мысли по поводу смертной казни?

— Затрудняюсь сказать. Я на эту тему никогда всерьез не задумывалась. Мне кажется, разумно высказывать милосердие в определенных случаях, но неправильно укоренять в людях мысль, что зло остается безнаказанным. — Мисс Кейн решила переменить тему. — В одиннадцать к вам придет миссис Аллингем. Она хочет поговорить с вами о своем муже.

— И что такого натворил ее муж?

— Скрылся со своей секретаршей. Хотите, чтобы я присутствовала?

— Это в высшей степени удачная идея.

Мисс Кейн уже вскрыла почту и, пока шел разговор, просматривала письма. И вдруг замерла с одним из них в руке.

— Вам послание из Нью-Йорка, — сказала она.

— Возможно, от герра Парджетера?

— Нет-нет. Это из голливудского агентства.

Она положила письмо перед ним. Пюнд взял документ, отметив, что он отпечатан на бумаге высокого качества. Судя по бланку, отправлено письмо было из агентства «Уильям Моррис», Нью-Йорк, Бродвей, 1740.

Оно гласило:

Уважаемый мистер Пюнд!

Меня зовут Эдгар Шульц, я старший партнер агентства «Уильям Моррис» в Нью-Йорке. Мне выпала честь представлять мисс Мелиссу Джеймс, чрезвычайно талантливую актрису художественного кино и прекрасного человека. Думаю, Вы вполне способны понять, как потрясены мы были известием о ее кончине.

На момент, когда я пишу эти строки, нет ответа на вопрос, что именно произошло в ее доме в Девоншире неделю назад. Не имея желаний ставить под сомнение деятельность английской полиции, я и мои партнеры выражаем тем не менее желание нанять Вас для расследования данного преступления.

Если Вы сообразовите позвонить в мой офис по телефону: Джадсон, 6-51-00, я буду очень рад переговорить с Вами.

Искренне Ваш,

Эдгар Шульц

Пюнд внимательно прочел письмо, потом положил его на стол.

— Чрезвычайно любопытно, — сказал он. — Не далее как вчера разговор коснулся этой темы.

— Сейчас все только и говорят про Мелиссу Джеймс, — согласилась мисс Кейн.

— Именно так. Это дело вызвало большой интерес в обществе, и полученное мной приглашение настолько же своевременно, сколь и неожиданно. Но если память мне не изменяет, Девоншир расположен весьма далеко отсюда, а обстоятельства дела, насколько мне известно, достаточно очевидны. Удивлен, что полиция до сих пор не нашла разгадки.

— Возможно, ей требуется ваша помощь?

— Подобное и впрямь часто случается. Но не ехать же в такую даль...

— Воля ваша, мистер Пюнд. — Секретарша подумала немного. — Однако мисс Джеймс была очень хорошей актрисой, а дел у вас на руках пока нет.

— А как насчет миссис Аллингем?

— Мне думается, ее случай довольно банальный. А вот это расследование куда больше в вашем вкусе.

— Да, быть может, вы правы. — Пюнд улыбнулся. У него уже созрело решение. — Поглядим. Если вы будете так любезны и сумеете организовать мне во второй половине дня звонок через океан, мы послушаем, что скажет нам этот человек, герр Шульц.

— Разумеется, мистер Пюнд. Все будет сделано.

Разговор состоялся в три часа, когда в Нью-Йорке уже вошло в свои права утро. Мисс Кейн установила соединение, дозвонилась до офиса Шульца и только потом передала трубку Пюнду. Приложив ее к уху, сыщик сперва услышал какой-то треск, а потом на удивление четко прозвучал голос с сильным бруклинским акцентом:

— Хэллоу! Это мистер Пюнд? Меня слышно?

— Да-да. Я вас слышу. Это вы, мистер Шульц?

— Спасибо, что позвонили, сэр. Хочу вам сообщить, что у нас тут, в Нью-Йорке, много ваших почитателей.

— Вы слишком любезны.

— Ничуть. Если вы когда-нибудь решите написать книгу о своих подвигах, надеюсь, доверите нашему агентству экранизировать ее.

Типично голливудский подход, подумал Пюнд. Даже обсуждая смерть одного своего клиента, ушлый агент уже норовит за столбить за собой другого. Сыщик ничего не сказал, оставив предложение без ответа, и, возможно, человек на другом конце провода сообразил, что переступил черту.

— Мы все сокрушены смертью мисс Джеймс, — с жаром продолжил Шульц. — Как вам, должно быть, известно, в последнее время она не снималась, но подумывала вернуться, и, смею заметить, это большая утрата для киноиндустрии. К сожалению, я не могу приехать в Лондон и лично переговорить с вами, но очень сильно надеюсь, что вы нам поможете. Мы желаем знать, кто лишил жизни Мелиссу. Хотим выяснить, как все случилось. Мы чувствуем, что обязаны сделать это ради мисс Джеймс.

— Вообще-то, этим делом уже всюю занимается английская полиция, — заметил Пюнд.

— Да, конечно. Но нам показалось, что мы не можем просто так сидеть сложа руки и ждать у моря погоды. Мы хотели предпринять что-нибудь, и тут одной светлой голове у нас в офисе пришла мысль о вас, и мы решили немедленно выйти на связь. Нам повезло, что один из наших коллег как раз отправился самолетом в Лондон и захватил с собой мое письмо. Думаю, вы согласитесь, что время терять нельзя. Мы ведь не хотим, чтобы след остыл.

— Бесспорно, расследование наиболее эффективно в течение дней, непосредственно следующих за совершением преступления, — согласился Пюнд.

— Мы платим обычную вашу таксу, мистер Пюнд. Попросите своего помощника связаться с нашим финансовым отделом. Даже не могу объяснить, как много для нас значит включить вас в игру. В кинобизнесе, что уж греха таить, полно акул, как мужского, так и женского пола, но Мелисса была одним из самых добрейших и скромных людей, коих я имел честь знать. Она сроду не позволяла успеху вскружить себе голову и никогда не забывала о своих поклонниках.

— А когда вы в последний раз общались с ней, мистер Шульц?

— Простите, я не расслышал.

— Когда вы в последний раз беседовали с мисс Джеймс?

— Недели две назад. Мы обсуждали контракт на новый фильм. Ей предстояло заработать кучу денег, и мне пришло в голову, уж не связано ли это каким-то образом с тем, что случилось?

— Такое, думаю, вполне вероятно. — Уверенности в голосе Пюнда не чувствовалось.

— Ну, думать я предоставляю вам. Могу я сказать моим партнерам, что мы пришли к соглашению?

— Вы определенно можете сообщить им, что я всерьез поразмыслю над вашим предложением.

— Спасибо, сэр. Я воистину очень рад. Жду от вас новостей.

Американец повесил трубку. Пюнд молчал.

— Что он сказал? — спросила мисс Кейн. На протяжении всего разговора она сидела напротив сыщика, но слышала только половину реплик.

— Любопытно, — произнес Атиккус. — Если я приму предложение, это будет первый раз, когда меня наняли по телефону с другого конца света!

— Полагаете, им следовало перелететь ради этого через океан? — Мисс Кейн фыркнула.

— Почему бы и нет?

— Вы намерены согласиться?

Пюнд перевернул письмо и тихонько побарабанил пальцами по бумаге, как если бы где-то внутри спрятаны были слова и он пытался стряхнуть их.

Потом сыщик кивнул:

— Да. Не далее как вчера вечером разговор зашел об убийстве мисс Джеймс, а теперь вот ко мне обратился ее агент. Полагаю, вы были правы, предположив, что это дело может оказаться для меня весьма интересным. Пожалуйста, купите два железнодорожных билета первого класса до... Как называется тот городок? Кажется, Тоули-на-Уотере? Еще следует забронировать номера в хорошем отеле.

Мисс Кейн встала:

— Я немедленно этим займусь. Что-нибудь еще?

— Да, будьте так любезны. Нужно связаться с тамошней полицией и известить ее о нашем приезде. Кроме того, позвоните герру Шульцу и сообщите ему, что я согласен взяться за дело.

— Хорошо. Я также улажу вопрос насчет контракта и оплаты.

— Да, и это тоже. Как я понимаю, вы будете сопровождать меня? Или у вас есть на сей счет какие-то возражения?

— Ни малейших, мистер Пюнд. Как только вернусь домой, соберу вещи.

— Благодарю вас, мисс Кейн. И если вас не затруднит немедленно приобрести билеты на поезд, мы оба отправимся в путь завтра.

Глава 7

Вопрос времени

Дорога до Тоули-на-Уотере заняла шесть часов: они отправились с вокзала Паддингтон в полдень и совершили две пересадки, в Эксетере и в Барнстепле. Мисс Кейн организовала все с необычайной предусмотрительностью, которой Пюнд уже привык восхищаться. Она знала все номера платформ, на каждой остановке их встречали носильщики, и это делало путешествие максимально комфортным. Пюнд коротал время, погружившись в изучение труда, присланного из высокоуважаемой Американской академии криминалистических наук, так называемых «Элементарных уроков» Фрэнсис Глесснер Ли, которая занималась воссозданием точной модели сложных сцен преступлений с целью подвергнуть их анализу. А вот секретарша захватила с собой в дорогу взятый в библиотеке новый роман Мэри Уэстмакотт «Дочь есть дочь».

В Байдфорде путешественников ждало такси, которое доставило их через Байдфордский мост в Тоули как раз в то время, когда солнце стало садиться. Дождевые тучи наконец рассеялись, и городок предстал перед ними как на одной из тех почтовых открыток, что продаются в мелочных лавках. Машина проехала мимо ярко окрашенного здания маяка в дальнем конце гавани, вдоль выстроившихся в линию рыбацких шаланд, миновала паб «Красный лев», затем длинный полумесяц песка и гальки. Да, здесь не наблюдалось детишек и песчаных замков, осликов и мороженого, но их не составляло труда вообразить. Плавающий красный ковер был расстелен на воде, волны в неспешном ритме тихо накатывали на берег по мере того, как луна заступала в небесах на место солнца и ночь входила в свои права.

— Сложно представить, что в таком месте, как это, могло произойти убийство, — заметила вполголоса мисс Кейн, глядя в окно.

— Природа смерти такова, что место ей найдется везде, — отозвался Пюнд.

Они остановились в отеле «Мунфлауэр». Такси подъехало к зданию, однако никто не вышел помочь им с багажом. У мисс Кейн округлились глаза, но Пюнд был более снисходительным. Отель оказался в центре полицейского расследования, и едва ли стоило ожидать, что это не отразится на сервисе.

Ну, хотя бы девушка за стойкой администратора держалась приветливо.

— Добро пожаловать в «Мунфлауэр»! — Она улыбнулась. — Как понимаю, у вас бронь на двое суток?

— Возможно, мы задержимся дольше, — предупредила мисс Кейн.

— Просто дайте мне знать. — Она обратилась к сыщику: — Для вас приготовлен Капитанский номер, мистер Пюнд. Уверена, вам там будет очень удобно. А вашу помощницу я помещу этажом выше. Если соблаговолите оставить багаж тут, я распоряжусь, чтобы его подняли к вам...

Во времена, когда это здание использовалось как таможня, на месте Капитанского номера размещался кабинет начальника. Комната имела почти идеальную квадратную форму, кровать стояла там, где прежде был стол, одно окно выходило на пристань для яхт, а второе — на пляж по другую сторону. Здесь царил морской дух: у изголовья кровати помещался рундучок, в углу стояло вращающееся капитанское кресло, а в пространстве между окнами даже обнаружился глобус. Пюнда заинтриговал корабельный шкафчик в ванной — с десятками крошечных ящичков, чтобы все вещи оставались на местах во время качки. Мисс Кейн тем временем осваивалась в комнате поменьше, расположенной под карнизом здания. Оба они устали после долгого путешествия и рано легли спать, сразу после ужина, который доставили в номера на подносах.

Открыв поутру глаза, Пюнд увидел за окном голубое небо и услышал крики чаек. Он спустился к завтраку в половине восьмого, и встретившая их накануне вечером девушка еще не приступила к работе. На ее месте сидел усатый мужчина с зачесанными назад волосами, в свитере и при галстук. Он деловито стучал на машинке двумя пальцами, но сразу поднял глаза, едва заметив Пюнда.

— Доброе утро, — проговорил он. — Это вы приехали вчера из Лондона?

Пюнд подтвердил, что так оно и есть.

- Номер вам понравился?
- Да, в высшей степени удобный, спасибо.
- Я Ланс Гарднер, управляющий отелем. Если вам что-то понадобится, дайте знать. Сейчас, насколько понимаю, вы хотите позавтракать?
- Таково было мое намерение.
- Мы обычно не накрываем раньше восьми. Я посмотрю, приступил ли уже к работе шеф-повар. — Однако с места Гарднер не встал. — Вы тут из-за убийства?
- Да. Я здесь, чтобы помочь полиции.
- Рад, что вы не журналист. Они тут всю неделю крутятся: ясное дело, получают командировочные, поэтому уже выпили весь бар досуха. Что до полицейских, то, если хотите знать мое мнение, им любая помощь не помешает. Прошло семь дней, а они так и не продвинулись в расследовании ни на шаг, только донимают нас своими дурацкими вопросами. Такое чувство, что мы живем не в Англии, а в России!
- Вы были знакомы с мисс Джеймс? — спросил Пюнд, отметив про себя, что на самом деле между Тоули-на-Уотере и Советским Союзом имеется крайне мало общего.
- Ну конечно, я ее знал. Она же была владелицей отеля, а я исполнял для нее обязанности управляющего. Хотя едва ли удостоился за это благодарности.
- По вашему мнению, мисс Джеймс была не из тех, с кем легко работать?
- Сказать по правде, мистер...
- Меня зовут Аттикус Пюнд.
- Немец? Молчу-молчу. Я в войне не участвовал. Рахит. — Он почесал в затылке, обдумывая вопрос Пюнда. — Было ли с ней легко работать? Ну, лично мне мисс Джеймс нравилась. Мы ладили. Но, по правде говоря, в гостиничном деле она соображала мало и уж точно не понимала местной специфики. Тут у нас ничего вперед не распланируешь. Когда работаешь с рыбаками и фермерами, предки которых многие поколения жили в Тоули, нужно иметь соответствующий подход. Мисс Джеймс была не из этой части света и так и не разобралась, как тут все устроено. Вот вам и вся правда.
- За время непродолжительного разговора Ланс Гарднер трижды произнес «правда». По опыту Пюнда, люди, так напиравшие на это слово, крайне редко говорили правду.
- Подозреваю, что для вас весьма тяжело ждать конца расследования, — предположил Пюнд.
- Я определенно не огорчусь, когда оно закончится.
- Есть у вас какие-либо соображения относительно того, кто мог убить мисс Джеймс?
- Ланс Гарднер подался вперед, довольный, что его спросили.
- Все твердят, что якобы виноват муж. Это ведь обычное дело, да? В таких случаях всегда в первую очередь думают на мужа. Бог свидетель, если моя жена утопится на Бичи-Хед, скажут, будто это я дергал за ниточки. И сильно ошибутся. На деле выяснится, что я их обрезал! — Он лающе хохотнул. А потом добавил, уже более серьезно: — Однако попомните мое слово, Фрэнсис Пендлтон тут ни при чем. Он не убийца.
- Тогда кто же это сделал?
- Если хотите знать мое мнение, это человек не из местных. Мелисса Джеймс была звездой. Вокруг нее вечно крутились всякие чокнутые поклонники. Сюда, в отель, на ее имя постоянно приходили письма. Фанаты знали, где ее искать. Не удивлюсь, если один из таких безумцев приехал сюда и убил актрису просто потому, что ему не понравился ее последний фильм, или она не прислала ему автограф, или он всего-то хотел стать таким же знаменитым, как мисс Джеймс. Полицейские рыщут повсюду и задают вопросы, да только мне кажется, они зря тратят свое время. И наше тоже!
- Любопытная теория, мистер Гарднер. Где тут подают завтрак?
- В столовой. — Ланс указал рукой. — Идите вон в те двери. Сейчас проверю, на месте ли повар.

Завтрак оказался на удивление хорошим. Пюнд купил номер «Таймс», прибывший с ночным поездом, и читал, угощаясь яичницей с беконом, тостами, мармеладом и чашкой крепкого цейлонского чая. Мисс Кейн к нему не присоединилась, и это его не удивило. Она принадлежала к

породе женщин, очень внимательных к тонкостям этикета, и завтракать вместе со своим работодателем, даже хотя бы просто в одной комнате, считала чересчур фамильярным.

В результате секретарша вышла в девять утра, в то же самое время, когда приступала к работе в Лондоне, и вдвоем они расположились в главной гостиной. Там они и сидели, когда спустя девять минут появился старший инспектор Крол. Сразу их заметив, полицейский подошел к гостям.

— Мистер Пюнд? — произнес он, остановившись перед сыщиком.

Тот поднялся, и мужчины обменялись рукопожатием.

Крол с интересом разглядывал собеседника, пытаясь составить о нем первое впечатление: худощавый, щеголевато одетый иностранец, явно человек многоопытный — вон каким оценивающим взглядом он смотрит на инспектора, не упуская ни малейшей детали, небось видит его насквозь. И Крол был совершенно прав. Пюнд сразу сообразил, что перед ним офицер полиции, пребывающий на грани поражения и отчаяния: расследование зашло в тупик, загадочное убийство никак не хотело раскрываться. Тем не менее эти двое сразу прониклись взаимной симпатией, как если бы объединение их усилий обещало наконец новые перспективы.

— Старший инспектор Крол, если не ошибаюсь?

— Очень рад познакомиться с вами, сэр. Нет нужды говорить, что ваша слава вам предшествует.

На самом деле Крол, едва услышав о вовлечении Пюнда, ознакомился с нужными досье в Эксетере. Он прочитал подробные отчеты о некоторых расследованиях немца, включая арест Люси Жюльен, всемирно известной художницы из Хайгейта, которая убила мужа специальным ножом для очистки палитры на сороковую годовщину их свадьбы. Это дело прославило Пюнда сразу после войны. Более свежим случаем было, разумеется, возвращение законному владельцу бриллианта «Людендорф», о чем сейчас говорили по всей стране.

— Позвольте представить вам мою секретаршу, мисс Кейн.

Пюнд указал на помощницу, и Крол пожал руку и ей тоже:

— Рад знакомству.

— Можно предложить вам чашечку чая? — осведомился сыщик.

— Нет, сэр, благодарю. Я только что позавтракал.

— Надеюсь, вы не сочтете мое присутствие здесь за вторжение, — начал Атиккус, когда они уселись.

— Ни в коей мере, мистер Пюнд. Если честно, я счастлив вас видеть. — Детектив провел ладонью по лбу. — Я тридцать лет прослужил в полиции. Когда началась война, мне очень хотелось поступить в армию, но меня не пустили. Сказали, что я нужен здесь. Однако беда в том, что у меня, увы, совсем небольшой опыт в расследовании убийств. За все время, проведенное в полиции Девона и Корнуолла, мне довелось принять участие едва ли в десятке таких дел, и в первых трех из них виновники сами сознались на следующий день. Так что любая помощь от вас будет принята с благодарностью.

Пюнд обрадовался. Он сразу понял, что поладит с Кролом, и эти слова лишь подкрепили его убеждение.

— Вам, старший инспектор, повезло жить в той части страны, где жестокие преступления представляют собой редкость.

— Тут вы правы, мистер Пюнд. В годы войны нам приходилось иметь дело с грабежами, вымогательством и дезертирством. Когда солдаты демобилизовались и вернулись по домам, тут поначалу было беспокойно, да и оружия, как стоило ожидать, по рукам ходило немало. Но девонширский народ к кровопролитию не склонен. Так, по крайней мере, гласил мой опыт. До этого дня. — Крол помолчал немного. — А позвольте поинтересоваться, сэр, каков ваш интерес в этом деле?

— Голливудские агенты мисс Джеймс обратились с просьбой провести для них расследование.

— Это, как я понимаю, говорит о том, что в меня они не верят.

— За них ничего сказать не могу, старший инспектор, но смею вас уверить, что лично я подобного мнения не придерживаюсь. Нисколько не сомневаюсь, что мы отлично поработаемся.

Глаза Крола просияли.

— Не вижу к этому совершенно никаких препятствий.

— Вы опережаете меня на несколько дней. Не окажете любезность посвятить меня в то, что вы уже выяснили?

— Охотно.

— Вы не будете возражать, если я стану делать заметки, старший инспектор? — спросила мисс Кейн, извлекая из сумочки блокнот для стенографии и ручку.

— Ничуть. — Крол и сам достал записную книжку, потом откашлялся. — Проблема данного расследования состоит в том, что здесь все на виду. Тоули-на-Уотере — это маленькая община. Мисс Джеймс была фигурой чрезвычайно известной. И временной промежуток, в течение которого могло произойти убийство, составляет всего семнадцать минут. Не могу понять, почему ответ не находится сам собой.

— Как свидетельствует мой опыт, чем очевиднее ответ, тем труднее его найти, — заметил Пюнд.

— Возможно, вы правы, сэр.

Крол открыл блокнот и сверился с записями. В течение нескольких минут инспектор говорил, а собеседник слушал его внимательно, не перебивая.

— Последним, кто видел мисс Джеймс живой, был ее муж Фрэнсис Пендлтон. Вас может удивить, кстати, почему я не называю пострадавшую миссис Пендлтон, но она оставила себе девичью фамилию, под которой стала известна всему миру. Итак, мистер Пендлтон на десять лет моложе жены и происходит из богатой семьи. Его отец лорд Пендлтон, пэр-консерватор, и он, боюсь, не одобрил этот брак, так что в итоге его сын остался без единого пенни в наследство, как это принято говорить.

Существует предположение, что отношения между Фрэнсисом Пендлтоном и его женой были до известной степени напряженными. Естественно, местечки вроде Тоули-на-Уотере полнятся слухами, и необходимость отделять домыслы от правды только усложняет мою работу.

Кстати, они содержат повариху и дворецкого в своем доме — этом недоразумении постройки девятнадцатого века, которое называется Кларенс-Кип и расположено в полумиле от городка. Две части особняка — то есть хозяйская половина и половина для прислуги — тщательно отделены друг от друга и хорошо звукоизолированы, но даже при таком раскладе слуги сообщили мне, что иногда слышали, как мисс Джеймс и мистер Пендлтон ссорятся. Гарднеры, управляющие отелем, также подтвердили, что отношения между супругами складывались не лучшим образом.

У мисс Джеймс была встреча здесь, в «Мунфлауэре», закончившаяся в пять сорок пополудни. Она направилась домой и приехала туда вскоре после шести. Время подтверждают повариха и дворецкий, видевшие, как ее очень приметная машина, «бентли», въезжает в усадьбу. Согласно показаниям мистера Пендлтона, у них с женой состоялся недолгий дружелюбный разговор, после чего он отбыл на другом автомобиле, марки «остин», в Барнстепл, с целью послушать там оперу «Свадьба Фигаро», начинавшуюся в семь часов вечера. Он утверждает, что уехал в шесть пятнадцать, однако это известно лишь с его слов, поскольку никто не видел и не слышал, как он уходит. Машина Фрэнсиса стояла за домом, из крыла для слуг ее не видно. Изначально планировалось, что мисс Джеймс должна была поехать с мужем, но потом она передумала и решила пораньше лечь спать.

Итак, если верить показаниям свидетелей, в шесть пятнадцать в доме оставались всего три человека. Мисс Джеймс была наверху в своей спальне. Филлис и Эрик Чандлер, повариха и дворецкий, находились внизу, в кухне.

— Они муж и жена?

— Нет, сэр. Мать и сын.

— Весьма необычно.

— Да уж. Парочка довольно странная. — Крол прочистил горло. — Примерно в шесть восемнадцать, спустя несколько минут после того, как Фрэнсис, по его уверениям, уехал, в доме появился неизвестный. У нас нет представления, кто это был. О его существовании мы знаем только благодаря тому, что Чандлеры услышали лай собаки. У Мелиссы Джеймс был пес чау-чау по кличке Кимба. Собака всегда лаяла, когда чужой подходил к двери. Будь это Мелисса Джеймс, ее муж, слуги или друзья, Кимба промолчал бы. Но в шесть восемнадцать он зашелся отчаянным лаем. А пару минут спустя Чандлеры услышали, как открылась и закрылась парадная дверь.

— Но при этом ни один из них не вышел из кухни, чтобы посмотреть, кто это был?

— Нет, мистер Пюнд. Рабочий день у них закончился, то есть они были не в униформе, поэтому выходить к гостю было бы неуместно. Ну до чего же обидно: ведь стоило им выглянуть в дверь, и загадка была бы разрешена. А так искать ответы на вопросы приходится нам. Открыла ли Мелисса Джеймс дверь в шесть двадцать, впустив неизвестного в дом, и был ли этот человек ее убийцей? Такое соображение напрашивается само собой. В шесть двадцать пять Филлис и Эрик Чандлер покинули дом, уехав на «бентли» мисс Джеймс. Она разрешила им отправиться в Бьюд, чтобы навестить захворавшую сестру миссис Чандлер. Кстати, по пути Эрик заметил, что «остина» на месте нет. И, опережая ваш вопрос, нет никаких сомнений, что Чандлеры на самом деле покинули Кларенс-Кип. Я разговаривал с несколькими свидетелями, которые видели, как они проезжают мимо — такую машину трудно не заметить, — да и родственница в Бьюде подтверждает историю.

Если я прав, то теперь мисс Джеймс остается в доме наедине с неким чужаком. Она приходит в сильное волнение и в шесть двадцать восемь звонит по телефону доктору Леонарду Коллинзу, своему лечащему врачу и другу. Это также говорит нам, что в тот момент потерпевшая еще была жива. Доктор Коллинз находился дома в Тоули с женой. Видимо, стоит упомянуть, что звонок был зарегистрирован на местном коммутаторе, и нет сомнений, что он имел место. Согласно показаниям доктора Коллинза, мисс Джеймс была испугана. Она сказала, что ей нужна помощь, и попросила срочно приехать. Саманта Коллинз, супруга врача, находилась в комнате во время звонка и могла слышать по меньшей мере часть разговора. Она видела, как муж уезжает, и запомнила время отъезда — шесть часов тридцать пять минут.

Доктор Коллинз приехал в Кларенс-Кип в шесть сорок пять и удивился, найдя парадную дверь открытой. Он вошел в дом. Не было никаких признаков, будто что-то не так, но после телефонного разговора он был встревожен. Доктор позвал Мелиссу, однако ответа не получил. Внешне все было в полном порядке, но врач поднялся наверх.

Мисс Джеймс он обнаружил в спальне. Она была задушена проводом от телефонного аппарата, стоявшего на комодe рядом с ее кроватью. В результате завязавшейся, судя по всему отчаянной, борьбы провод был оторван от стены. Еще потерпевшая ударилась головой об украшенный орнаментом прикроватный столик. Мы нашли под волосами потерпевшей шишку, а на деревянной поверхности кроватное пятно — четвертая положительная, ее группа крови.

Доктор сделал все возможное, чтобы реанимировать мисс Джеймс при помощи массажа грудной клетки и дыхания рот в рот. Согласно показаниям Коллинза, когда он приехал, актриса была еще теплая, и его усилия могли увенчаться успехом. Но, к сожалению, этого не произошло. Полицию и «скорую» он вызвал в шесть пятьдесят шесть. Этот звонок, разумеется, тоже был зафиксирован. Дежурная бригада выехала из Барнстеппла и прибыла примерно тридцать минут спустя.

Вот вам, мистер Пюнд, общая картина случившегося. Как я уже сказал, убийство могло произойти только на протяжении семнадцати минут, а именно между шестью часами двадцатью восемью минутами, когда мисс Джеймс позвонила доктору, и шестью сорока пятью, когда он приехал. Существуют еще некоторые детали и свидетельства, с которыми вам предстоит ознакомиться, но, по сути, они только усложняют дело. То, что я сейчас изложил, представляет базовую временную линию. Я вполне уверен в ее точности, но в этом-то и проблема. Когда все расписано буквально по минутам, как здесь, то очень трудно понять, каким образом убийца сумел улучшить момент.

— Вы установили факты и время очень тщательно, — заметил Аттикус. — Примите мою благодарность, старший инспектор. В конечном счете это значительно облегчит нашу работу.

Крол улыбнулся, вероятно обратив внимание на то, что Пюнд употребил слово «нашу».

— А что вы можете сообщить мне о самой сцене преступления? — спросил частный сыщик.

— Увы, немного. В последние минуты перед смертью Мелисса Джеймс явно пережила чрезвычайно сильное волнение. Нам это уже известно из телефонного разговора с доктором Коллинзом. Но мы также нашли две смятые салфетки на полу спальни и еще одну в гостиной. На них остались следы слезной жидкости.

— Так, — кивнул Аттикус.

— Разговаривая с доктором Коллинзом, мисс Джеймс плакала. Мне больно говорить об этом, мистер Пюнд, но весьма похоже, что во время ее звонка врачу убийца уже находился в доме.

— Вполне может быть, старший инспектор. Хотя возникает вопрос: если преступник намеревался убить женщину, то почему позволил ей совершить звонок?

— Это верно. — Крол перевернул листок в блокноте. — Жертва, видимо, оказала весьма серьезное сопротивление. Постель была смята, настольная лампа опрокинута, вокруг шеи у потерпевшей осталось несколько отметин, говорящих о том, что она по меньшей мере пыталась избежать телефонного провода, которым ее задушили.

Инспектор вздохнул.

— У меня имеются показания разных свидетелей, которыми я готов с вами поделиться, но думаю, вы предпочтете переговорить с этими людьми лично. Они все до сих пор в Тоули, хотя некоторым из них это не очень-то по нраву. Есть, однако, два подозрительных типа, на кого вам стоит обратить особое внимание. Первый — это некий бизнесмен по имени Саймон Кокс. У него с мисс Джеймс состоялся разговор на повышенных тонах в баре отеля вскоре после половины пятого. Нам это известно, так как их подслушала Нэнси Митчелл, администратор гостиницы, чье рабочее место расположено неподалеку. Это приятная, достойная девушка, кстати говоря. Ее отец — смотритель маяка. Но у меня есть подозрение, что она нажила себе бед, нагуляла, что называется, ребенка.

— Что заставляет вас так думать, старший инспектор?

Крол улыбнулся:

— У меня у самого есть дочь. К счастью, она замужем за хорошим человеком. Но в сентябре мне впервые предстоит стать дедушкой, и, смею заметить, я научился определять симптомы.

— Примите мои поздравления.

— Спасибо, мистер Пюнд. С Нэнси я об этом не говорил, потому как это не мое дело, да и не хочется расстраивать ее без необходимости. — Крол снова заглянул в записи. — Так вот. Саймон Кокс покинул отель вслед за мисс Джеймс и не способен дать отчет о своих перемещениях в период от упомянутого часа до без пятнадцати семь, когда он пришел на ужин. Кокс говорит, что якобы просто гулял, но меня такими баснями не убедить!

— Вы пригрозили ему арестом?

— За помехи следствию, вы имеете в виду? Или по подозрению в убийстве? Лично я допускаю и то и другое. Я собирался побеседовать с Коксом еще раз сегодня. Быть может, сделаем это вместе?

— Согласен. А кто второй подозрительный тип?

— Некий Эджернон Марш. Остановился у сестры, которая замужем за доктором Коллинзом. Приятной наружности молодой человек, очень обходительный. Ездит на шустрой такой французской машине. Но я навел справки в Скотленд-Ярде, так там очень интересуются его деловыми предприятиями. Судя по всему, парень тот еще мошенник, однако это не помешало ему наладить близкие отношения с мисс Джеймс.

— Насколько близкие?

— Он отказывается говорить.

— Возможно ли наличие романтической связи?

Крол покачал головой:

— Фрэнсис Пендлтон божится, что у них с женой царили совет да любовь, хотя, понятное дело, в его интересах заставить нас поверить в это. Он ведь остается номером первым в списке подозреваемых.

— И тем не менее, если верить доктору Коллинзу, Мелисса Джеймс звонила ему уже после того, как ее муж уехал слушать оперу в Барнстепле.

— Ну да. Однако я допускаю, что он мог покинуть дом и вернуться обратно.

— Тогда почему жертва не упомянула об этом в разговоре с доктором Коллинзом?

— Все это хорошие вопросы. — Крол вздохнул. — И как нельзя лучше обозначают мою проблему. Вроде бы история кажется такой простой, но в итоге никак не складывается, и все тут.

Пюнд обдумал сказанное.

— С вашего позволения, старший инспектор, я бы предпочел начать с дома Мелиссы Джеймс. Кларенс-Кип — так вы его назвали? Мне очень полезно будет встретиться с Фрэнсисом Пендлтоном и вынести собственное суждение.

— Бесспорно. Могу отвезти вас туда прямо сейчас.

— Возможно, это вам пригодится? — Мисс Кейн молчала до поры, но теперь повернула свой блокнот и вручила его Пюнду. На одной страничке было аккуратно выписано в столбик:

- 17:40. Мисс Джеймс покидает «Мунфлауэр».*
- 18:05. Мисс Джеймс приезжает домой.*
- 18:15. Фрэнсис Пендлтон покидает Кларенс-Кип и едет в оперу.*
- 18:18. Слышен собачий лай. В Кларенс-Кип входит чужак?*
- 18:20. Слышно, как открывается и закрывается парадная дверь Кларенс-Кип.*
- 18:25. Чандлеры уходят. «Остина» нет на стоянке.*
- 18:28. Мелисса Джеймс звонит доктору Коллинзу.*
- 18:35. Доктор Коллинз выходит из дома.*
- 18:45. Доктор Коллинз приезжает в Кларенс-Кип. Мелисса Джеймс мертва.*
- 18:56. Доктор Коллинз вызывает полицию и «скорую помощь».*

Пюнд внимательно прочитал бумагу. Он уже запечатлел детали в памяти, но все равно одобрил способ, каким их изложили для него. В записке различные моменты времени представляли как дорожные указатели на пути к истине.

— Спасибо, мисс Кейн, — сказал он. — Было бы замечательно, если бы вы отпечатали это на машинке.

— Думаю, я смогу устроить это для вас, мистер Пюнд.

— В двух экземплярах: один мне, а второй — старшему инспектору Кролу. Для меня вполне очевидно, что разгадка этой проблемы кроется в каком-то из десяти временных моментов, которые вы обозначили. Все, что нам нужно, это смотреть внимательно, и ответ непременно найдется.

Глава 8

Застигнутый приливом

Они уже собирались уходить, когда в комнату ворвался невысокого роста смуглый мужчина и направился напрямик к старшему инспектору Кролу. Это был Саймон Кокс. Делец и будущий кинопродюсер был одет в тот же костюм, что в день встречи с Мелиссой, и весь так и кипел от гнева.

— Послушайте, инспектор! — начал он. — Мне сказали, что вы здесь, и я хочу окончательно дать понять, что сыт по горло этим нелепым заточением. Я звонил своим адвокатам, и они заверили меня, что это возмутительно и у вас нет никаких полномочий удерживать меня здесь. Смерть Мелиссы Джеймс не имеет ко мне никакого отношения. Я вам уже объяснял. Мы встретились в баре. Поговорили десять минут, а потом она ушла. И я категорически настаиваю, чтобы вы позволили уйти и мне.

Пюнд внимательно разглядывал вновь прибывшего, густые темные волосы которого, наряду со скуластым лицом и характерным акцентом, выдавали уроженца России или какой-то другой славянской страны. Гнев плохо ему шел, слишком уж мелким и несолидным был этот человек. Он выглядел не пугающим, а всего лишь грубым.

— Вы не знакомы с моим коллегой, мистером Аттикусом Пюндом? — как бы невзначай спросил старший инспектор, пытаясь таким образом прекратить поток изливаемой на него злости и перевести стрелку на своего соратника.

— Нет. Не имею чести.

— Думаю, вам следует поговорить с ним, мистер Кокс. Уверен, у него найдется к вам пара вопросов.

— Боже мой! Вы глухой, что ли? Не слышали, что я сказал минуту назад?

— Насчет того, что я удерживаю вас здесь без всяких к тому оснований? Ну хорошо, если вам угодно, я вас арестую. Возможно, это удовлетворит ваших адвокатов.

— Арестуете? За что?

— За намеренное введение полиции в заблуждение. За предумышленную ложь, которая...

— Я вам не лгал! И не имею к этому ни малейшего отношения! — Кокс продолжать гнуть свое, но в голосе его ощущались нотки неуверенности.

— Почему бы вам не присесть? — предложил Пюнд самым радушным тоном, указав на пустое кресло. — Уверен, что все это просто недоразумение. Уделите нам еще несколько минут своего времени, мистер Кокс, и вполне возможно, что мы уладим дело, а вы отправитесь, куда вам угодно.

Бизнесмен посмотрел на Пюнда и, вынужденный выбирать между спокойной беседой и заключением под арест, кивнул в знак согласия. Он уселся на софу между Пюндом и Кролом. Мэделин Кейн снова взяла свой блокнот и застыла с ручкой в руке.

— Вы приехали в Англию перед войной? — спросил Пюнд. В голосе его слышался искренний интерес.

Кокс кивнул:

— Да, в тридцать восьмом году. Из Латвии.

— Значит, Саймон Кокс — это не настоящее ваше имя?

— Оно звучит сходно. На самом деле меня зовут Шиманис Чакс. Мне нечего скрывать, мистер Пюнд. Но вы должны понимать, как непросто вести бизнес в этих местах, если ты иностранец. По крайней мере, вам не следует выглядеть чересчур уж иностранцем...

— Вполне понимаю. Я тоже не уроженец этой страны. — Аттикус улыбнулся, как если бы они двое нашли что-то общее. — Вы приехали в этот городок с целью встретиться с мисс Джеймс?

— Да.

— В таком случае вы явно хотели решить какой-то важный вопрос. Я сам проделал этот путь не далее как вчера, и путешествие заняло много часов. Я ехал на поезде с тремя пересадками, это

очень утомительно. А уж какие бутерброды подают на железной дороге! О них не скажешь доброго слова.

— Ну, вообще-то, я приехал на машине. Но вы правы: дело действительно важное. Я уже говорил инспектору. Мы с мисс Джеймс собирались вместе делать фильм.

— И что это за фильм?

— Историческая драма под названием «Выкуп королевы». Мелиссу заинтересовала главная роль — Алиенора Аквитанская.

— Супруга короля Генриха Второго! — В юные годы Пюнд штудировал историю в Зальцбургском университете. — Вы обмолвились, что мисс Джеймс была заинтересована в проекте. Вы обговорили условия?

— Для этого и понадобилась личная встреча. Съёмки начинаются меньше чем через два месяца, и мне требовалось подтверждение, что она по-прежнему в игре.

— И вы его получили?

Кокс собирался уже ответить, но Пюнд, опередив его, предупреждающе поднял палец.

— Обязан заметить, мистер Кокс, что в маленьком отеле всё на виду, тем более что вы беседовали в баре. Вам следует отдавать себе отчет в том, что ваш разговор могли подслушать многие. Вы окажетесь в дурацком положении, если попытаетесь, что называется, приукрасить истину, особенно в контексте расследования убийства.

Кокс молчал, явно обдумывая, как лучше себя вести. Но он понимал, что путь у него остается только один.

— Ладно. Если вам так нужно знать, то Мелисса Джеймс передумала. Похоже, приняла какое-то более выгодное предложение. Это непорядочно, конечно, но чего стоит ожидать, имея дело с актрисой? Я разозлился. Она морочила мне голову, я столько времени из-за нее потерял напрасно. Но для меня это вовсе не стало таким уж ударом. Есть много других актрис, с которыми можно договориться. В конечном счете мисс Джеймс нигде не снималась вот уже пять лет и была вовсе не той звездой, какой себя воображала.

Говорил он быстро, и Мэделин Кейн едва за ним поспевала. Пюнд услышал, как скрипнуло по бумаге перо секретарши, подчеркнув последние слова Кокса.

— Затем вы вышли вслед за потерпевшей из отеля, — негромко проговорил Крол. Он уже допросил Кокса и был вполне уверен, что Пюнду тот изложит совершенно иную версию событий.

— Я вышел вскоре после мисс Джеймс. И вовсе ее не преследовал.

— И куда же вы отправились?

— Я вам уже говорил. — Глаза у Саймона Кокса сверкнули. — До этого я много часов провел за рулем. Потом сидел в своем номере в отеле. Мне хотелось прогуляться, осмотреть окрестности. Да и дождь, по счастью, прекратился.

— И вы пошли в Эпплдор? — уточнил Крол.

— Да, сколько можно повторять одно и то же.

— Вы сказали, что прогуливались по берегу.

— Прогуливался примерно около часа, да. Вдоль пляжа, который называется Грей-Сэндз.

— Но при этом вы никого не встретили. И никто вас не видел.

Кокс повернулся к Пюнду, как бы ища поддержки.

— Я все уже объяснил инспектору. Был конец дня, без четверти семь. Небо серое, в воздухе сырость после дождя. Я был один! На расстоянии я заметил мужчину с собакой, но тот гулял слишком далеко и не мог меня разглядеть. Собственно говоря, я искал именно уединения! Хотел поразмыслить, как быть дальше, а в такие минуты лучше, когда тебе никто не мешает.

Крол с сомнением покачал головой:

— Но тогда получается, что никто не может подтвердить ваше алиби.

— Пусть так. Но это еще не доказывает, инспектор, что я вас обманываю.

Повисла продолжительная тишина, и Крол решил уже, что разговор окончен, когда слово неожиданно взяла мисс Кейн. Она так редко вносила свой вклад в беседу, что просто услышать ее голос уже было удивительно.

— Простите, мистер Пюнд. Можно мне кое-что сказать?

— Конечно, мисс Кейн.

— Наверное, глупо с моей стороны вмешиваться, но, видите ли, детство мое прошло в Эпплдоре. Я жила там до пятнадцати лет, а потом переехала с родителями в Лондон. Но суть в том, что я знаю здешнее побережье как свои пять пальцев и, при всем уважении к джентльмену, вынуждена заметить: невозможно прогуливаться по Грей-Сэндз после пяти вечера. Только не в конце апреля.

— Почему же?

— По причине весенних приливов. В четыре пополудни вода поднимается до самого обрыва, и в течение следующих четырех или пяти часов пляж полностью затоплен. Можно прогуливаться вдоль края утесов, но даже это весьма опасно. Тут повсюду расставлены таблички с предупреждением. Один раз там погибла парочка отдыхающих. Прилив застал их на полпути.

Снова повисла тишина. Старший инспектор Крол посмотрел на Саймона Кокса обвиняющим взглядом.

— Ну, что вы на это скажете, сэр?

— Я... Я... — Коксу не удавалось найти слова.

— Вы не прогуливались по Грей-Сэндз?

— Я гулял по пляжу. Быть может... вероятно, я перепутал название.

— Тогда потрудитесь описать, как выглядел тот пляж, где вы на самом деле были.

— Да не помню я ничего. Вы совсем запутали меня! — Он спрятал лицо в ладони.

— Боюсь, я вынужден попросить вас проехать со мной в Эксетер, мистер Кокс. Мы продолжим наш разговор под протокол, в присутствии еще одного сотрудника полиции. Можете считать себя арестованным.

— Погодите! — Цвет напрочь сошел с лица Саймона Кокса. Рот его открывался и закрывался, лихорадочно хватая воздух. Никто из присутствующих не удивился бы, случись с ним сейчас сердечный приступ. — Мне бы стакан воды...

— Я принесу, — бодро отозвалась мисс Кейн. Она встала, вышла из комнаты и через несколько секунд вернулась со стаканом и графином.

Кокс пил с жадностью. Секретарша снова взялась за свой блокнот. Пюнд и старший инспектор ждали, когда бизнесмен продолжит говорить.

— Ну хорошо! — заявил он наконец. — Я вам солгал. Но у меня не было выбора. Все это дело обернулось сущим кошмаром.

— Кошмаром оно стало для Мелиссы Джеймс, — с сочувствием в голосе произнес Крол. — И для всех, кто ее знал. Между прочим, ее убийца еще может быть где-то здесь. И вполне способен нанести удар снова. Эта мысль не приходила вам в голову? Или это вы убили ее? Вы следили за мисс Джеймс до самого ее дома? Так это было?

— Да, я поехал за Мелиссой. — Кокс снова наполнил стакан и выпил еще воды. — Вы понятия не имеете, каким ударом стал для меня ее отказ. Я же теперь разорюсь! Я задолжал тысячи фунтов. «Выкуп королевы»! Ха! Так оно и вышло!

— Значит, вы отправились к ее дому, — резюмировал Пюнд.

— Да, именно. Скажи я это вам, вы непременно заподозрили бы меня в убийстве, и, возможно, не без оснований. В тот момент я и впрямь мог ее прикончить. В сердце моем клокотала злоба. Мелисса нарушила свое обещание. Сперва обнадежила, а потом без зазрения совести обманула. И перешагнула через меня, не задумавшись: ведь я никто. В ее глазах я был всего лишь латвийским крестьянином, и мне нечего было предложить ей, кроме искреннего восхищения. Да, я вполне способен был ее задушить. Признаю. Но я этого не делал. И вообще больше не разговаривал с мисс Джеймс.

— Так что все-таки случилось?

— Я разыскал Кларенс-Кип. От отеля до него меньше мили, и я добрался туда за пару минут. Я полагал, что Мелисса приедет раньше, поэтому удивился, не увидев у дома ее «бентли». Обогнать мисс Джеймс я не мог, поэтому решил, что она поехала другой дорогой и вскоре появится.

— Где вы припарковались?

— На обочине, под деревьями, скрывавшими меня из виду. Я не хотел, чтобы Мелисса заметила меня, когда вернется. Иначе, как я полагал, она могла развернуться и снова уехать.

— Когда приехала мисс Джеймс?

— Вскоре после шести.

— Где же она была почти двадцать минут?

Крол задал этот вопрос скорее себе, чем кому-либо из присутствующих, но ответил на него Кокс:

— Понятия не имею. Мелисса пронеслась мимо меня, не заметив, и въехала на подъездную дорожку. Я видел, как она вылезает из машины и входит в дом.

— Что произошло потом?

— Я подождал несколько минут, пытаюсь сообразить, что скажу мисс Джеймс. Я начинал жалеть, что приехал сюда. Понимал, что она приняла решение и мне уже ничего не изменить. Но все равно я вышел из машины и зашагал по дорожке к дому. Подошел к парадной двери, но, прежде чем позвонить, услышал голос, доносившийся из окна, расположенного наверху и чуть в стороне. Это была другая женщина, не Мелисса. Она была старше и ругалась на кого-то: всячески костерила и обвиняла в мерзостях.

— Это были Филлис Чандлер и ее сын, — пояснил Крол. — Видимо, они находились в кухне.

— Понятия не имею, кто это был. Я этих людей не видел.

— Вы расслышали, что именно говорила женщина?

— Частично... Но точных слов не помню. Она говорила, что «Мунфлауэр» кривой, вроде как там что-то перекошилось и она это насковзь видела. — Кокс вздохнул. — И еще добавила, что если Мелисса узнает правду, им придется ее убить.

Повисла долгая пауза. Крол впился глазами в продюсера.

— Мисс Джеймс угрожали убить. Вскоре она была задушена. И вы предпочли не сообщать нам об этом?

Вид у Кокса сделался совсем несчастный.

— Я уже объяснял вам, инспектор. Я не видел, кто находится в комнате и с кем беседует эта женщина. И я до сих пор не понимаю, что именно услышал. Так, обрывки разговора...

— Но вы слышали, как та женщина сказала, что они убьют ее?

— Вроде так. — Кокс достал платок и утер лицо. Его верхнюю губу покрывали капельки пота. — Они не хотели, чтобы Мелисса узнала правду.

— Что вы предприняли далее? — поинтересовался Пюнд более мягким тоном.

— Пошел прочь. Решил, что изначально совершил ошибку, приехав туда. Это было бессмысленно. Мелисса не приняла бы меня. К чему терпеть очередное унижение?

— Когда вы вернулись в отель? — спросил инспектор.

— Вскоре после этих событий. Не знаю точно, сколько было времени, и никто не видел, как я приехал. Мне жаль. Той молодой девушки за стойкой администратора уже не было. Я поднялся в свой номер, чтобы принять душ и переодеться к ужину. Снова вниз я спустился без пятнадцати семь и встретил миссис Гарднер, жену управляющего.

— И как только вам взбрело в голову выдумывать такую запутанную историю? — вскинулся Крол. — Долгая прогулка по пляжу Грей-Сэндз! Судя по тому, что вы теперь сообщили, вас не было в отеле всего полчаса. Если уж собрались солгать мне, проще было сказать, что вы сидели у себя в номере.

— Люди видели, как я выходил из «Мунфлауэра», — промолвил Кокс, совершенно подавленный. — Возможно, кто-то заметил меня и на пути к Кларенс-Кип. Да, признаю, это было глупо с моей стороны. Но факты остаются фактами, инспектор. У меня имелся веский мотив убить Мелиссу Джеймс. Перед самой ее смертью мы поругались, я последовал за актрисой до дома. Для меня было очевидно, что, всплыви эти обстоятельства, я сразу стану подозреваемым номер один. Не думаю даже, что вы поверили бы в мой рассказ о подслушанном разговоре. Наверняка решили бы, что я его выдумал.

Пюнд глянул на старшего инспектора Крола, как бы спрашивая разрешения, и, когда тот коротко кивнул, произнес:

— Вам следует вернуться в Лондон, мистер Кокс. Предельно глупо с вашей стороны было лгать полиции, а мешая расследованию, вы могли причинить огромный вред. Но теперь, когда вы рассказали всю правду, задерживать вас нет необходимости. Тем не менее, если у нас возникнут еще вопросы, мы свяжемся с вами.

Кокс поднял взгляд:

— Спасибо, мистер Пюнд. Я искренне раскаиваюсь, инспектор.

— Старший инспектор, — поправил его Крол, теряя терпение.

— Да, конечно. Простите...

Саймон Кокс встал и вышел из комнаты.

— Так вы и впрямь ему поверили? — осведомился Крол, едва за незадачливым продюсером закрылась дверь. — Если этот тип сказал правду, нам, видимо, следует арестовать Филлис Чандлер и ее сына!

— Нам определенно следует допросить их, — согласился Пюнд. — Но не стоит также забывать, что мистер Кокс не в совершенстве владеет английским, и более того, разговор слуг он слышал, находясь в состоянии сильного возбуждения.

— В ходе расследования я понял, что «Мунфлауэр» оказался убыточным предприятием, — проговорил Крол. — И очевидно, что мисс Джеймс подозревала некоего рода мошенничество...

— Уверен, что мистер Пендлтон сможет дать нам больше сведений по этой части. — Пюнд повернулся к помощнице. — Но прежде чем мы уйдем, я хотел бы задать вам один вопрос, мисс Кейн. Не могу припомнить, чтобы при обсуждении вашего резюме вы упоминали о том, что вам доводилось жить в Девоншире.

Настал черед секретарши смутиться.

— Признаться, мистер Пюнд, я прежде тут даже ни разу не бывала.

— Погодите-ка! — Крол отказывался верить собственным ушам. — Однако вы так уверенно разглагольствовали про Грей-Сэндз...

— Умоляю простить меня, сэр. Но боюсь, я это выдумала. — Мисс Кейн моргнула несколько раз, а потом торопливо продолжила: — Было очевидно, что джентльмен лгал вам, и я вдруг подумала, что могла бы, что называется, вывести его на чистую воду. Я сыграла на том обстоятельстве, что мистер Кокс здесь впервые, поэтому решила сказать, что пляжа, по которому он якобы прогуливался, не существует. По крайней мере, не существовало в то время, когда он был там. — Секретарша повернулась к шефу. — Надеюсь, вы не сердитесь, мистер Пюнд?

Старший инспектор Крол расхохотался.

— Сердиться на вас? Да вам впору медаль дать, мисс Кейн. Блестящий ход.

— Это действительно нам очень помогло, — кивнул Аттикус.

— Вы двое — отличная команда, — сказал инспектор.

— Да, — согласился сыщик. — Так оно и есть.

Глава 9

Место преступления

Старшему инспектору Кролу понадобилось меньше пяти минут, чтобы доставить Аттикуса Пюнда и его помощницу из «Мунфлауэра» в Кларенс-Кип. В вечер убийства дорога заняла у Мелиссы Джеймс двадцать с лишним минут, и это означало, что из графика выпадал промежуток по меньшей мере в четверть часа. Что она делала в это время? Возможно, существовало какое-либо совершенно невинное объяснение. Допустим, женщина повстречала кого-то по дороге и остановилась поболтать. Однако, учитывая, что дома Мелиссу настигла смерть, любое событие того вечера могло оказаться ключевым. И недаром Пюнд писал в предисловии к «Ландшафту криминалистического расследования»: «В некоторых аспектах роли сыщика и ученого соотносятся весьма тесно. Обстоятельства, ведущие к преступлению, связаны между собой, как атомы, образующие молекулу. Очень легко просмотреть один такой атом или пренебречь им, но в подобном случае сахар, который вы рассчитываете получить, может обратиться в соль».

Другими словами, совершенные Мелиссой поступки могли повлечь за собой ее смерть. Пюнд желал знать обо всем, чем она занималась в тот вечер.

Въехав в ворота усадьбы, они подкатили к парадной двери Кларенс-Кип. Дом казался внушительным: с верандой и украшенным орнаментом балконом, он был расположен на безупречно ухоженной лужайке, поднимающейся по склону от прибрежной дороги. Обернувшись, Пюнд увидел большой участок берега, маяк и раскинувшийся сразу за ним Тоулина-Уотере, примерно в полумиле к востоку. На гравии стоял «бентли», лишившийся хозяйки и выглядевший, вопреки своим элегантным обводам, несколько печальным. Тут была еще одна машина, изрядно подержанный «моррис», рядом с осиротевшим «бентли». Ярко-зеленый «остин» был припаркован на площадке за домом.

— «Остин» принадлежит Фрэнсису Пендлтону, — вполголоса пояснил Крол. — «Бентли», ясное дело, ее собственный. А вот чей «моррис», не знаю.

Пюнд осмотрел фасад здания. Фрэнсис Пендлтон показал, что покинул Кларенс-Кип в шесть пятнадцать вечера. То был один из обозначенных мисс Кейн временных моментов. Теперь, глядя на подковообразную подъездную дорожку с двустворчатыми воротами, Пюнд думал о том, что Пендлтон вполне мог выйти через стеклянную дверь рядом с площадкой, где стоял «остин». Фрэнсис мог выехать на большую дорогу и скрыться за склоном так, чтобы его никто не заметил. Насчет времени отъезда оставалось полагаться только на его слово.

Тем временем мисс Кейн выбралась из машины Крола и воззрилась на особняк с нехарактерным для нее восторгом.

— Какой прелестный дом! — воскликнула она.

— У меня мелькнула такая же мысль, — кивнул старший инспектор. — Легко понять, почему мисс Джеймс захотелось поселиться здесь.

— Он великолепен.

— Однако содержание его влетает в изрядную сумму. У мисс Джеймс, кстати сказать, имелись финансовые затруднения. — Последняя фраза была адресована Пюнду. — Я беседовал с ее банкиром. Она подумывала выставить «Мунфлауэр» на продажу, чтобы получить деньги, речь шла также и о других ее активах. Ей определенно требовалась роль в новом фильме.

Они уже собирались позвонить, когда дверь открылась и появился мужчина в твидовом костюме с пузатой медицинской сумкой в руке. Кто он такой, догадаться было не трудно.

— Это доктор Коллинз, — представил его инспектор. — Вы наверняка помните, что именно он обнаружил тело мисс Джеймс.

Пюнд в напоминаниях не нуждался. Он улыбнулся, пожал врачу руку и представился.

— Аттикус Пюнд? — Коллинзу потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить, где же он слышал это имя. — Неужели тот самый знаменитый сыщик, который распутал дело с бриллиантом «Людендорф»?! Какими судьбами вас занесло в здешнюю глушь?

— Мистер Пюнд любезно согласился оказать мне помощь в осуществлении расследования, — пояснил Крол, произвольно переходя на бюрократический язык, к которому привык за тридцать лет службы.

— Да, разумеется. Довольно глупо с моей стороны; зачем еще он мог сюда приехать?

— Вы лечите мистера Пендлтона? — осведомился Пюнд.

— Верно. — Коллинз нахмурился. — Надеюсь, вы пришли сюда не для того, чтобы с ним беседовать?

— А что, Пендлтон плохо себя чувствует?

— Ну, он почти не спал с тех пор, как погибла его жена, и нервы у бедняги совсем расстроились. Совершая сегодня обход, я заглянул к Фрэнсису, осмотрел его и сказал, что его состояние внушает мне серьезные опасения. Я предложил ему госпитализацию, но Пендлтон наотрез отказался, поэтому я дал ему сильную дозу резерпина.

— Это успокоительное?

— Да. Алкалоидный экстракт одного произрастающего в Индии растения. *Rauvolfia serpentina*¹⁵. В годы войны я часто выписывал этот препарат, и он отлично справлялся со своей задачей. Пендлтон принял его в моем присутствии, и, хотя может пройти некоторое время, прежде чем лекарство подействует, не думаю, что вы найдете хозяина дома в полном *compos mentis*¹⁶.

— Уверен, вы сделали то, что должны, доктор Коллинз.

— Вы возвращаетесь домой, сэр? — спросил Крол.

— Осталось заглянуть к миссис Грин в Ливенворт-коттедж, а потом еще к молодой Нэнси на маяк, и я как раз поспею домой к ланчу. А что? Вы хотели поговорить со мной?

— Может возникнуть нужда перекинуться словом, сэр. Если вы не против.

— Я вроде как рассказал все, что знаю, но охотно готов повторить сначала. Так что милости просим к нам. Попрошу Саманту поставить чайник.

Доктор прошел мимо них и, низко пригнувшись, забрался в машину. Ему потребовались три попытки, чтобы запустить двигатель, после чего он выехал из усадьбы на дорогу.

— Надеюсь, я не забежал вперед вас, мистер Пюнд? — произнес Крол. — Я предположил, что вы захотите побеседовать с Коллинзом.

— Вы совершенно правы. Доктор — это определенно еще один атом, который следует принять во внимание, — загадочно ответил Пюнд.

Они позвонили в дверь, и в ту же секунду из дома донесся яростный, визгливый лай. Дверь открылась, из нее выкатилась собака, этакий шар рыжего меха на коротких лапах с загнутым колечком пушистым хвостом. Одновременно послышался голос:

— Кимба, а ну-ка вернись!

Пес подчинился, а вскоре перед Пюндом появился довольно растрепанный мужчина в черном костюме.

— Это Эрик Чандлер, — представил его Крол.

Пюнд с интересом рассматривал слугу, задаваясь вопросом, уж не видит ли он перед собой человека, который по меньшей мере готов был совершить убийство. И решил, что вряд ли. Эрику уже перевалило за сорок, однако в его облике сохранилось что-то от ребенка, причем не в лучшем смысле. Эрик начал лысеть, но волосы на затылке отросли так, что касались воротника. Стоял он как-то скособочившись, и возникала иллюзия, что одна рука у него длиннее другой.

— Доброе утро, старший инспектор, — сказал Чандлер.

— Доброе утро, Эрик. Можно войти?

— Разумеется, сэр. Простите за собаку. Кимба всегда нервничает, когда чует чужих.

Трех гостей проводили в холл с дубовыми панелями на стенах и беспорядочно расстеленными коврами. Лестница с деревянными перилами вела на второй этаж.

— Можно без труда определить, кому принадлежал этот дом, — тихо промолвила мисс Кейн.

И она была абсолютно права. Очень просторный холл, раскинувшийся от гостиной с одной стороны до кухни с другой, был старательно украшен сувенирами, рассказывающими о карьере

¹⁵ Раувольфия змеиная (лат.).

¹⁶ В здравом уме (лат.).

кинозвезды Мелиссы Джеймс. Их тут повсюду было великое множество, начиная с застекленного шкафчика, на полках которого разместились дюжины наград, включая два «Золотых глобуса». На складных столиках возлежало собрание диковинных экспонатов, в том числе устрашающего вида турецкий кинжал с отделанной цветными камнями рукояткой. Пюнд взял его и удивился, обнаружив, что это не муляж, а самое настоящее оружие. Атиккус редко ходил в кино, а вот Крол, в отличие от него, смотрел «Ночи в гареме» и любил эту комедию, действие которой разворачивается в Стамбуле. Ему вспомнилось сейчас, что Мелисса играла там туристку из Англии, которой угрожали в финальной сцене этим самым кинжалом.

Мэделин Кейн тем временем изучала целую галерею развешанных по стенам плакатов. Все они представляли собой постеры фильмов, включая кадры из «Мунфлауэра» и «Волшебника страны Оз» с подписью: «Самой яркой моей звезде! С любовью, Берт Лар».

— Не припомню, чтобы мисс Джеймс снималась в этой картине, — проговорила секретарша как бы сама себе.

Однако Эрик услышал это замечание и пояснил:

— Мистер Лар играл с мисс Джеймс в «Она — мой ангел», после чего оба стали добрыми друзьями. А «Волшебник страны Оз» — один из самых любимых ее фильмов. — Слуга тяжело вздохнул. — То, что случилось, ужасно. Просто словами не выразить, как нам всем будет ее не хватать.

Пес наконец счел, что вновь прибывшим все-таки можно доверять, и скрылся в направлении кухни.

— Нам хотелось бы повидать мистера Пендлтона, — заявил Крол.

— Да, сэр. Я провожу вас наверх. — Эрик Чандлер пошел к лестнице. Походка его была неровной, плечи слегка раскачивались. — Мистер Пендлтон в гостевой спальне, — сообщил он. — У хозяина нет сил войти в свою собственную с тех пор, как произошел этот кошмар. Вам известно, что его навещал доктор?

— Вот почему мы хотим немедленно повидаться с мистером Пендлтоном. Нам нужно поговорить с ним. Затем мистер Пюнд хочет осмотреться, пройтись по дому. И насколько понимаю, побеседует с вами.

— Я буду в кухне с мамой.

— Как поживает ваша мать, Эрик?

— Да все по-старому, сэр. Она приняла случившееся очень близко к сердцу. — Чандлер покачал головой. — Не знаю, что теперь с нами будет. Даже подумать страшно.

Он проводил их наверх до коридора, тянувшегося от одной стены дома до другой, с аркой в дальнем конце. Бархатная портьера была отдернута, открывая еще один коридор. Эрик указал на дверной проем за лестницей.

— Вот комната мисс Джеймс, — сказал он. — Помещения для слуг находятся по ту сторону арки. К мистеру Пендлтону сюда...

Слуга свернул налево и подвел их к двери, находящейся примерно посередине коридора. Он постучал: сначала тихо, потом еще раз, уже громче.

— Войдите. — Голос, донесшийся из-за двери, был едва слышным.

Эрик отошел в сторону, и Пюнд, сопровождаемый старшим инспектором Кролом и мисс Кейн, вошел в темную комнату. Часы показывали уже половину одиннадцатого утра, но шторы оставались задернуты, не оставляя шансов даже тусклому свету этого пасмурного дня проникнуть внутрь. Фрэнсис Пендлтон являл собой живую картину тяжелобольного: он лежал на кровати, приподнятый на подушках, в халате и пижамных штанах, с бледным и изможденным лицом и беспомощно упавшими вдоль туловища руками. Когда гости вошли, Пюнд заметил в его глазах пустоту: результат одновременно горя и действия наркотического препарата, призванного смягчить оное. Безусловно, горе и раскаяние — двоюродные братья. Весьма возможно, что хозяин дома находился бы в точно таком же состоянии, если бы и в самом деле убил жену.

— Мистер Пендлтон... — начал Пюнд.

— Простите. Мы, кажется, незнакомы.

— Это мистер Атиккус Пюнд, мой коллега, — пояснил Крол, усаживаясь рядом с кроватью. — Сэр, если ваше самочувствие позволяет, ему хотелось бы задать вам несколько вопросов.

— Я очень устал.

— Разумеется, сэр. Вам через многое пришлось пройти. Мы постараемся не отнять у вас много времени.

Мэделин Кейн пристроилась в кресле в углу комнаты, стараясь не держаться на виду. Стоять остался только Пюнд.

— Как я понимаю, это оказалось для вас страшным ударом, мистер Пендлтон, — сказал он.

— Я любил Мелиссу. Вы не представляете. Она была для меня всем. — Речь его звучала почти несвязно. Обращался Пендлтон не к Пюнду. Возможно, он вообще не осознавал, что вместе с ним в комнате кто-то есть. — Я познакомился с ней на съемках фильма. Был ее помощником. Затеял все чисто ради смеха. Кино меня не интересовало, и фильм я считал дурацким: похищение девушки, банды, заговоры. Я знал, что получится чепуха. Но когда в комнату вошла Мелисса, все переменилось. словно бы свет включили. Я понял, что хочу жениться на ней. И ни на ком больше.

— Как долго вы были женаты, мистер Пендлтон?

— Четыре года. Я очень устал. Простите. Можем мы поговорить потом?

— Прошу вас, мистер Пендлтон. — Пюнд подошел на шаг ближе. — Я обязан расспросить вас про день, когда случилась трагедия.

Крол подумал, что это бесполезно: бедняга слишком одурманен наркотиком и ничего не вспомнит. Но вопрос словно бы оживил Фрэнсиса. Он сел на кровати и воззрился на сыщика испуганными глазами.

— День, когда это случилось? Мне никогда его не забыть...

— Ваша супруга вернулась домой из «Мунфлауэра»?

— Отель становился убыточным. Это все проклятые управляющие виноваты. Я предупреждал жену на их счет, но она не слушала. Такое за Мелиссой водилось: она была склонна думать о людях лучше, чем они есть на самом деле.

— Но вы полагаете, что там что-то пошло наперекосяк. — Крол тщательно подбирал слова. Он помнил сказанное Саймоном Коксом.

— Наперекосяк. Да...

— В тот вечер ваша супруга ездила туда специально, чтобы побеседовать с мистером и миссис Гарднер? — задал вопрос Пюнд.

— Верно. Мелисса собиралась продать отель. Она не хотела, но выбора не было. Не было, если мы хотели сохранить этот дом. Но прежде чем продать, ей хотелось разобраться, куда деваются деньги...

— Мисс Джеймс считала, что управляющие обкрадывают ее?

— Я так считал. А она доверяла моему мнению.

— Вы встретились с женой, когда она вернулась домой?

— Я ее ждал. Собирался поехать в Барнстепл. У нас были билеты в оперу... «Свадьба Фигаро». Но у Мелиссы разболелась голова, и она отказалась ехать. Так она сказала, но мне кажется, ей просто хотелось остаться одной. На нее давили все эти проблемы. Мне хотелось помочь ей. Я пытался.

— Значит, вы поехали в оперу без нее?

— Да. В тот вечер давали «Свадьбу Фигаро». Я вам это говорил?

— Прежде чем уйти, как долго вы разговаривали с женой? Минут десять?

— Наверное, немного дольше.

— Вы спорили?

— Нет! С Мелиссой нельзя спорить! — Пендлтон слабо улыбнулся. — Можно только исполнять ее желания. Я всегда делал то, что она хочет. Так было проще. — Он зевнул. — Разговор шел про Гарднеров. Она сказала, что видела Нэнси. И того продюсера. Как там его звали? Кокс! Неприятный сюрприз получился. Он приехал за ней сюда и подкараулил в отеле.

Пендлтон откинулся назад, опустив голову на подушки. Было очевидно, что он вот-вот уснет.

Но Пюнд еще не закончил.

— Возможно ли, что мисс Джеймс встретила с кем-то по пути из отеля домой? — спросил он.

— Не знаю. Она мне ничего не говорила...

— Вы были счастливы вместе?

— Я никогда не был таким счастливым, как со дня встречи с Мелиссой. Ну как вам объяснить? Она была богата. Знаменита. Она была прекрасна. Но это еще не все. Она была неповторимой. Я не смогу жить без нее. Не смогу...

Снотворное наконец подействовало. Фрэнсис Пендлтон смежил веки. И секунду спустя погрузился в глубокий сон.

Трое гостей тихонько вышли из комнаты.

— Боюсь, беседа мало чем вам помогла, — вздохнул Крол.

— Вы уже допрашивали его, старший инспектор. И если вы любезно предоставите мне доступ к вашим записям...

— Я передам вам копии протоколов, мистер Пюнд.

— Убежден, в них содержится все, что мне нужно знать. Но я вам сразу скажу, что молодой человек не лгал, говоря о своей любви к Мелиссе Джеймс. Принятый им наркотик мог привести в смятение его ум, но не сердце. — Атиккус осмотрелся вокруг. — Мы еще поговорим с ним, но пока, мне кажется, полезно будет посетить спальню, в которой произошло убийство.

— Она расположена неподалеку.

Они прошли немного по коридору. Пюнд проследовал дальше, до арки, и быстро оглядел коридор с четырьмя фотографиями на стенах и окном в торце. Потом вернулся к указанной Эриком двери. Через нее они попали в просторную светлую комнату, расположенную в фасаде дома, с тремя окнами, выходящими на лужайку и раскинувшееся за ней море. Еще одна дверь вела на балкон, на который сыщик обратил внимание, едва приехав сюда: Пюнду не составило труда представить, какой с него открывается вид в летние месяцы, когда светит солнце и сверкает вода. В таком месте приятно просыпаться по утрам.

Саму комнату украшали шелковые обои в китайском стиле, с птицами и листьями лотоса. Это сразу вызвало у Пюнда некие смутные ассоциации: ему недавно довелось бывать в каком-то похожем месте. Сыщику потребовалось несколько секунд, чтобы связать его со спальней в особняке Парджетеров в Найтсбридже. Он и сам удивился, почему вдруг подумал об этом. У Мелиссы вкус был более изысканным. Она добавила муслиновые занавески, сухие цветы, шелковый балдахин над антикварной кроватью. Ковер был цвета слоновой кости, мебель, выглядевшая французской, имела ручную роспись: бретонский *bonnetière*¹⁷, комод с выдвигающимися ящичками и письменный стол с двумя аккуратными стопками писем. Пара позолоченных столиков и две лампы стояли по обеим сторонам кровати. В одной из ламп была хорошо видна трещина в стеклянном абажуре. Пюнд заметил телефонную розетку в стене и предположил, что сам телефон стоял на том столике, что располагался дальше от двери. Аппарат полицейские забрали, ведь он в конечном счете послужил орудием убийства. Открытая дверь вела в санузел, где имелись душ, ванна, унитаз и, что необычно, биде.

— Боюсь, помещение вычистили и прибрали, — извинился Крол. — Мы сохраняли его в первоначальном состоянии четыре или пять дней и сделали много фотографий, которые я вам покажу. Но мистер Пендлтон очень расстраивался. Комната в таком виде постоянно напоминала ему о случившемся, и в итоге, приняв во внимание его нервное состояние, я уступил и позволил навести здесь порядок. Разумеется, я не знал тогда, что вы приедете. Вы уж простите.

— Ничего страшного, старший инспектор. Вы поступили совершенно правильно. Но будет полезно, если вы опишете, какой обнаружили эту комнату, когда вошли.

— Конечно. — Крол огляделся, собираясь с мыслями, прежде чем начать. — Мелисса Джеймс лежала на кровати. Ужасное было зрелище. Не знаю, доводилось ли вам прежде видеть жертву удушения, но это страшный способ умереть. Голова потерпевшей была повернута, одна рука заведена за шею. Глаза страшно выпучены и налиты кровью. Губы распухли. С вами все хорошо, мисс Кейн?

Мэделин Кейн стояла у письменного стола, но, слушая доклад о жутких деталях, резко побледнела. Она сделала шаг назад, как бы стараясь сохранить равновесие, а затем покачнулась и едва не упала, сбросив при этом на пол одну из стопок писем. На секунду показалось, что сейчас она сама последует за ними.

¹⁷ Высокий узкий шкафчик для хранения головных уборов или белья (*фр.*).

— Мисс Кейн! — Аттикус поспешил на помощь.

— Простите, мистер Пюнд. — Глаза женщины напряженно смотрели из-за очков в роговой оправе. Она с трудом опустилась на колени и подобрала письма. — Так неловко с моей стороны... Я прошу прощения.

— Нет никакой нужды извиняться, — заверил ее сыщик. — Это я сваял дурака и поступил необдуманно. Вам стоит пройти вниз.

— Спасибо, мистер Пюнд.

Он помог секретарше встать, та передала ему письма и заметила:

— Боюсь, для меня испытание в самом деле оказалось слишком тяжелым.

— Давайте я провожу вас?

— Нет, со мной все хорошо. Еще раз извините. — Мисс Кейн натужно улыбнулась. — Пока я работала в «Юнайтед Бискитс», со мной ничего подобного не случалось.

Она поспешно вышла из комнаты.

— Хотите, я буду делать для вас записи? — спросил Крол. Он явно был огорчен случившимся.

— Уверен, я сам смогу запомнить все подробности. — Пюнд закрыл дверь. — Было ошибкой с моей стороны привести мисс Кейн на место преступления, — добавил он. Потом повернулся к письмам на столе. — Но у меня никогда прежде не было секретарши, и я еще не выработал верной линии поведения.

— Мне продолжать?

— Разумеется, старший инспектор.

— Так вот, у потерпевшей на шее были две потертости, а также имелись следы крови в ушных каналах. Боюсь, серьезного сопротивления она не оказала. Покрывало было помято, жертва потеряла одну туфлю, но под ногтями мы ничего не обнаружили. Полагаю, на мисс Джеймс напали сзади. Вот почему она не смогла дотянуться до убийцы.

— Вы уверены, что это был мужчина?

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, мистер Пюнд, но мне почему-то сложно представить, как одна женщина душит другую.

— Это весьма необычно, согласен.

— Тело, как известно, обнаружил доктор Коллинз. Человек он разумный и, за исключением попытки реанимировать мисс Джеймс, больше ничего здесь не трогал.

— Как насчет орудия убийства?

— Она была задушена шнуром от телефона, стоявшего рядом с кроватью. Это наводит меня на мысль, что убийство не было запланированным. Если бы некто пришел с намерением лишить хозяйку жизни, то наверняка захватил бы с собой оружие. Отпечатков на телефонном аппарате, кстати говоря, не обнаружено. Мы его исследовали, но ничего не нашли. Либо убийца протер телефон, либо он действовал в перчатках.

Пюнд принял эту информацию, не сделав никаких комментариев. И лишь спросил:

— Вы, кажется, упомянули, что были обнаружены две выброшенные бумажные салфетки?

— На самом деле их было три. Одна нашлась на нижнем этаже. — Крол подошел к туалетному столику. — Коробка с салфетками стояла здесь. В данный момент она находится в Эксетере, вместе с прочими вещественными доказательствами. — Инспектор помолчал. — Прежде чем подвергнуться нападению, Мелисса Джеймс определенно пережила серьезное расстройство. Обе салфетки мы нашли здесь: одну в корзине для бумаг, другую на полу. Они тоже у нас. Незадолго до гибели потерпевшая сильно плакала, мистер Пюнд.

— Есть соображения, что могло расстроить ее?

— Ну, вы слышали слова Пендлтона. Возможно, виноваты встречи в отеле: сначала с Гарднерами, потом с Саймоном Коксом. С другой стороны, все трое утверждают, что, уходя, мисс Джеймс вполне держала себя в руках.

— Их едва ли можно считать надежными свидетелями.

— Верно. Однако у нее состоялся также разговор с Нэнси Митчелл, девушкой за стойкой администратора, и та подтверждает: по виду с мисс Джеймс все было в порядке.

— Значит, очевидно, что какое-то событие сильно расстроило ее уже после отъезда из «Мунфлауэра».

— Именно. Оно, конечно, могло произойти в те выпавшие из составленного нами графика двадцать минут, на которые Мелиссе удалось исчезнуть из поля зрения. Но по моему предположению, это, скорее, случилось в результате разговора с мужем. Не будем забывать, что Фрэнсис был последним, кто видел ее живой. Они беседовали минут десять, перед тем как он поехал в оперу... что, по его словам, произошло примерно в шесть пятнадцать. Женщина определенно плакала, когда звонила доктору Коллинзу двенадцать или тринадцать минут спустя.

— Вы не сообщили мне, что именно она сказала врачу.

— Думаю, будет лучше, если вы услышите это от него сами. — Крол покачал головой и вздохнул. — Боюсь, в словах мисс Джеймс было мало смысла.

— Ну хорошо. А теперь давайте осмотрим комнату, где нашли третью салфетку.

Выйдя из спальни, они спустились по лестнице в гостиную, занимавшую передний угол дома и имевшую два окна, которые выходили на море, и еще два, обращенных на боковую сторону. Двустворчатая стеклянная дверь вела на площадку с припаркованным «остином» Фрэнсиса Пендлтона. Пюнду бросилось в глаза множество других сувениров, красноречиво свидетельствующих о том, что хозяйка дома была кинозвездой: фотографии Мелиссы Джеймс в рамках, серебряная шкатулка для сигарет с эмблемой студии «Метро-Голдвин-Майер», «хлопушка» со съемок одного из ее фильмов.

— Третью салфетку мы нашли здесь... — Крол указал на алюминиевый стол-тумбу, стоявший напротив дальней двери. Хозяева, похоже, решили его украсить. Посередине располагалась большая ваза сухих цветов, рядом с ней стоял массивный телефон с бакелитовым корпусом. — Салфетка лежала на полу, под столом.

— В доме есть другие телефонные аппараты? — спросил Пюнд.

Крол на минуту задумался.

— Вроде бы есть еще один на кухне, но это все.

— Любопытно... — Пюнд обращался, скорее, сам к себе. — Ваше наблюдение насчет того, что мисс Джеймс пролила немало слез, верно. Бедняжка плакала у себя в спальне, и есть доказательство тому, что она плакала здесь. Но возникает парочка вопросов, старший инспектор: что так расстроило актрису и что побудило ее рыдать в двух разных частях дома?

— Не уверен, что могу предложить ответы, — сказал Крол.

— Простите меня, дружище, но боюсь, это ваша прямая обязанность. Нам известно, что мисс Джеймс убили в спальне. Однако нельзя исключить возможность, что она звонила доктору Коллинзу с нижнего этажа, из этой самой комнаты. Как можно объяснить подобное?

— Это легко. Потерпевшая не звонит отсюда по той простой причине, что убийца находится рядом. Мисс Джеймс знает о грозящей опасности и приходит в волнение. Она плачет. Находит какой-то предлог и поднимается в спальню. Звонит оттуда доктору Коллинзу. Но убийца следует за ней и душит телефонным шнуром.

— В спальне две скомканные салфетки, а здесь только одна. Это не наводит вас на мысль, что женщина больше времени провела наверху, а не внизу?

— Простите, мистер Пюнд, но я в самом деле не понимаю, к чему вы клоните.

— Я всего лишь пытаюсь понять, что здесь произошло, старший инспектор. И пока данное обстоятельство не находит своего объяснения.

— Тут я с вами согласен. В этом деле все лишено смысла.

— Тогда давайте побеседуем с Чандлерами. Они находились в доме почти до самого момента преступления. И я убежден, что вам не терпится узнать, о чем именно они говорили в кухне.

Сыщики вышли из гостиной, пересекли холл и оказались в кухне, где обнаружили Филлис Чандлер и ее сына сидящими за пустым столом. В отличие от прежних времен, тут не наблюдалось ни пирогов, ни флорентини, ни следов еще какой-либо стряпни. Плита стояла холодной, вечеринки по выходным остались в прошлом. Фрэнсис Пендлтон почти ничего в рот не брал со дня смерти жены. Обоим слугам нечем было заняться.

— Вот уж не думала, что все так закончится, — сказала Филлис, едва все уселись вокруг стола. — Мне в следующем году исполнится шестьдесят пять, и, откровенно говоря, я уже подумывала уйти с работы. Однако ума не приложу, как мы будем жить, если вдруг оба разом лишимся места. Идти нам больше некуда.

— А вы не допускаете, что мистер Пендлтон предложит вам остаться? — спросил Пюнд. Он сидел напротив кухарки, рядом со старшим инспектором.

— Я не уверена, что он сам-то здесь останется, после того как хозяйки не стало. Уж так бедняга ее любил, так по ней страдает.

— И тем не менее, как мне говорили, между супругами происходили иногда определенные трения? — Пюнд всего лишь повторил сказанное Кролом, а тот, в свою очередь, узнал об этом от самой экономки. Однако, задавая этот вопрос, частный сыщик смотрел на Филлис почти виновато.

Она потупила глаза:

— Ну, это верно, что у них время от времени бывали ссоры. Так это ж в семейной жизни сплошь и рядом случается. А мисс Джеймс к тому же хватало забот: и с отелем, и с новым фильмом. Но мистер Пендлтон всегда обожал ее. Между прочим, женившись на ней, он разругался со своими родственниками, и никто из них никогда здесь не показывался, но это его не остановило. Только посмотрите, как бедняга сейчас страдает! Она была для него всем.

— Вам знаком некто по имени Эджернон Марш?

— Да. Я с ним встречалась. — Филлис несколько смутилась. Пюнд молчал, давая ей продолжить. — Он часто останавливается в городке у своей сестры. Саманта, его сестра, замужем за доктором. — Кухарка вновь замолчала, но потом, поняв, что сыщик ждет большего, добавила: — Эджернон Марш приезжал несколько раз в этот дом, и, похоже, мисс Джеймс питала к нему благосклонность. Уж не знаю почему. Не хочу лезть не в свое дело, но, на мой взгляд, ее чувства к нему были чересчур щедрыми — и толкуйте мои слова, как вам угодно.

Развивать тему кухарка не собиралась, но и из того, что она уже сказала, можно было сделать немало выводов. Сидевший на другом конце стола Эрик Чандлер поежился, избегая встречаться с матерью взглядом: он явно чувствовал себя неуютно.

— Нельзя ли попросить вас рассказать о событиях того вечера, когда напали на мисс Джеймс? Я знаю, что вы все уже сообщили старшему инспектору, но мне хотелось бы услышать это лично от вас.

— Конечно, сэр, хотя добавить тут особо нечего. У нас с Эриком был выходной вечер. Мы собирались навестить мою сестру в Бьюде. Мисс Джеймс любезно пообещала нам, что разрешит взять «бентли», поэтому нам пришлось дожидаться возвращения хозяйки из городка.

— Она сообщила вам о причине своего визита туда?

— Нет. Сказала только, что у нее болит голова и она хочет вечером лечь пораньше. Я поднялась к себе, чтобы переодеться, это было за несколько минут до шести. У нас с Эриком комнаты наверху. Потом я спустилась сюда, в кухню, и мы оба стали ждать, когда мисс Джеймс вернется.

— Мы услышали, что подъехала машина, но это был не ее автомобиль, — вставил Эрик.

— Когда это было?

Шофер пожал плечами:

— Около шести.

Сказанное Эриком подтверждало то, что Пюнд слышал недавно от Саймона Кокса. Продюсер примерно в это время подъехал к дому, но остался сидеть в машине.

— Мисс Джеймс приехала несколько минут спустя, — продолжила Филлис. — Она вошла в дом и сразу поднялась наверх, так мне показалось. Утверждать не берусь, потому как слух у меня не слишком хороший, а стены в доме очень толстые. Мой сын Эрик скажет точнее.

Эрик на краткий миг оторвал взгляд от стола, но промолчал.

— В какое время вы вышли из дома? — задал вопрос Пюнд.

— Честно говоря, позже, чем мне хотелось бы. Мы собирались к моей сестре Бетти, и нас ждали там к семи, но мы вышли только в двадцать пять минут седьмого.

— Вы видели, как уехал мистер Пендлтон?

— Нет, сэр. Но его машина стоит на площадке с другой стороны дома. Он мог попасть на нее через стеклянную дверь в гостиной.

— Однако вы сообщили полиции, что после его ухода к дому подошел кто-то посторонний?

— Это так, сэр. Звонок не звенел, но мы слышали, как Кимба залаял, а это верный знак, что здесь чужой. Минуту спустя открылась и закрылась дверь, так что наша догадка подтвердилась.

— Но кто именно это был, вы не видели?

— Наше рабочее время закончилось. Мы не были одеты подобающим образом, чтобы встречать посетителей.

— В таком случае вполне вероятно, что после вашего ухода из дома мисс Джеймс осталась наедине с неизвестным, кто бы он ни был. Тем самым человеком, который подходил к двери.

Щеки у миссис Чандлер зарделись.

— Не знаю, на что вы намекаете, сэр. У нас не было причины полагать, что хозяйке что-то угрожает. Тоули — место очень спокойное. У нас даже дома не запирают по ночам. Ничего подобного тут раньше не случалось. Мы с Эриком вышли через черный ход, — Филлис указала на дверь, — сели в «бентли» и уехали.

— И до того как ушли, ничего не слышали? Звуков борьбы? Звона разбившейся лампы?

— Ничего мы не слышали, сэр. В доме было совершенно тихо.

Разговор, судя по всему, подошел к концу. Пюнд встал.

— Я обязан задать вам последний вопрос, — сказал он. — Перед тем как уехать, вы повздорили с сыном.

Он произнес эту фразу как бы невзначай, не придавая ей большого значения.

Филлис Чандлер вскинулась:

— С чего это вы взяли, сэр? Не припоминаю ничего подобного.

— Разве вы не обсуждали отель «Мунфлауэр»? Не высказывали мнение, что там творится нечто, что можно охарактеризовать как кривое? Не говорили, что якобы насквозь все видите?

Эрик растерялся, но его мать быстро овладела собой и невозмутимо произнесла:

— Ах это? Да, вполне возможно. Всем известно, что отель приносит убытки, и, раз уж вы спросили, у мисс Джеймс были сомнения насчет того, как им управляют.

— Вы имели в виду, что насквозь видите махинации Гарднеров, как я полагаю?

— Не хочу разводить сплетни, сэр. Это дело не имеет отношения ни к Эрику, ни ко мне.

— И тем не менее вы тогда здорово разозлились на сына.

— Я разочарована своим сыном. Если бы вы знали его отца, то поняли бы почему.

— Мам, ты не смеешь так говорить обо мне! — Эрик впервые вступился за себя.

— Еще как смею! — Филлис сердито посмотрела на него. — Каждый день твоей жизни — сплошное разочарование для меня. Твой отец был героем войны. А ты чего достиг? — Она сложила руки на груди. — Мне больше нечего сказать.

— Последний вопрос. — Пюнд пристально наблюдал за ней. — Вы опасались, что мисс Джеймс узнает правду, которую вы скрываете от нас? Ту, что обсуждали тем вечером на кухне? Отпираться бессмысленно, у нас есть свидетели.

Пюнд не повторил всего, что сказал им Кокс. Продюсер утверждал, что Чандлеры готовы были убить Мелиссу Джеймс, если истина вдруг откроется.

— Возмутительно, как люди всегда шпионят друг за другом, — посетовала Филлис Чандлер. — Да, мы с Эриком слегка поцапались, но ничего серьезного. Такое бывает, когда обслуживаешь дом вроде этого. Думаете, нам приятно работать вместе? Ну, повздорили маленько — подумаешь, событие. Все ссорятся, дело житейское. А тому, кто подслушивал, лучше прийти сюда и высказать все в лицо, а не вести себя как трус, действуя исподтишка. И вам, сэр, не пристало сплетни собирать.

— Мне жаль, миссис Чандлер. Но мой долг разобраться во всех мельчайших деталях дела.

— Ну, это не имеет никакого отношения к убийству. — Она вздохнула. — Эрик работает недостаточно усердно. Я сочла нужным высказать ему свои претензии, только и всего.

— Очень хорошо, миссис Чандлер. Наш разговор окончен.

Аттикус Пюнд улыбнулся, как бы заверяя женщину, что ей не о чем волноваться, а потом вместе со старшим инспектором вышел из кухни и вернулся в холл.

Мисс Кейн ждала их, сидя в кресле.

— Я так виновата, мистер Пюнд! — воскликнула она.

— Надеюсь, у вас все прошло, мисс Кейн?

— Да, сэр. Я просто прогулялась немного по саду. — Секретарша постаралась улыбнуться, но было заметно, что ее до сих пор трясет.

— Хотите вернуться в гостиницу?

— Нет, сэр, я предпочту остаться с вами. — На щеках у нее горел гневный румянец. — Это такое гнусное преступление! Вы должны непременно выяснить, кто его совершил. Я уверена, что вы сумеете вывести злодея на чистую воду!

— Надеюсь, что не подведу вас, — сказал Пюнд.

— Что нам делать с этими двумя? — спросил Крол, взглядом указав в сторону кухни. — Какого вы о них мнения?

— Это несчастные люди, — ответил сыщик. — И им определенно есть что скрывать. Уж это нам доподлинно известно. Однако не следует забывать, старший инспектор, что Мелисса Джеймс звонила доктору Коллинзу уже после того, как Чандлеры ушли.

— Это если верить их словам. Ну до чего же все запутанно!

— Быть может, доктор Коллинз сумеет внести бóльшую ясность.

Филлис Чандлер наблюдала за тем, как посетители уходят, из окна кухни. Эрик встал из-за стола и подошел к матери.

— Он знает, — сказала Филлис, не оборачиваясь. — А если пока еще и не знает, то обязательно докопается.

— Что же нам делать? — почти взвизгнул Эрик. Он снова чувствовал себя маленьким ребенком, отец которого ушел на войну, а сам он возвращается домой из школы и ждет, что мама решит за него все проблемы.

Но на сей раз мать не оправдала его надежд.

— Ты хочешь сказать, что делать тебе?

Она повернулась и ушла, оставив Эрика наедине с его тяжкими мыслями.

Глава 10 «Приди, сладкая смерть»

— Добрый день! Рады приветствовать вас в «Приюте Айболита»!

Доктор Коллинз встретил гостей на пороге своего дома. Пиджак он снял, но остался в тех же рубашке, жилете и галстук, которые они видели на нем прежде. В руке у него была трубка.

— На самом деле наш дом называется вовсе не так, — продолжил он. — Название у него довольно унылое: «Черч-Лодж»¹⁸. Я хотел его переименовать, да только Саманта и слышать не желает. Ей нравится жить близ церкви. Однако некоторые мои пациенты в шутку именуют его «Приютом Айболита». — Хозяин улыбнулся. — Заходите! Сейчас я угощу вас чаем, как и обещал!

С Пюндом во главе они вошли в уютное семейное гнездышко, свитое врачом и его женой на Ректори-лейн. Все здесь, от ковров до занавесок и обоев, имело вид слегка потрепанный, но от этого лишь приобретало очарование. Висящие в прихожей плащи разных цветов и размеров, выстроенные в ряд резиновые сапоги, работающее где-то наверху радио и аромат свежее испеченного хлеба, доносящийся из кухни, — все это создавало живой дух, напрочь отсутствовавший в Кларенс-Кип.

— Здесь находится мой врачебный кабинет, — пояснил доктор Коллинз, указав трубкой на одну из дверей. — Пройдемте в гостиную.

Он проводил их в непритязательного вида квадратную комнату с двумя мягкими диванами, множеством заставленных книгами полок, пианино, по одному лишь виду которого становилось ясно, что оно не настроено, и несколькими портретами Викторианской эпохи. На крышке инструмента стояло распятие и лежали ноты: «Приди, сладкая смерть», сочинение Иоганна Себастьяна Баха.

— Играете на пианино? — спросил Пюнд.

— Саманта играет. — Коллинз заметил ноты. — Жене нравится Бах, но мне сдается, в данный момент он не вполне уместен. — Доктор перевернул тетрадь заглавной страницей вниз. — Прошу, присаживайтесь. Саманта видела, что вы пришли, и через секунду присоединится к нам.

— Ваш шурин дома, сэр? — осведомился Крол.

— Элджернон? Да, наверху. Вы ведь не хотите сказать, что желаете поговорить и с ним тоже?

— Это было бы замечательно, сэр. Не сейчас, а перед уходом.

— Надеюсь, вы не считаете, что он имеет какое-то отношение к убийству, старший инспектор? Элджи — человек в некоторой степени взрывоопасный, но не думаю, что он мог зайти так далеко!

Оставалось не совсем ясным, насколько велика доля шутки в словах доктора Коллинза. При упоминании имени Элджернона в глазах у него появился стальной блеск.

Пару минут спустя пришла Саманта Коллинз и принесла чай. Эту женщину, подумал Пюнд, трудно представить без подноса в руках, а может, без корзины с бельем или пылесоса. Каким принятым в этой стране словом лучше всего ее описать? Деловая? Нет, не совсем точное определение, хотя дел у миссис Коллинз уж точно по горло. Ее каштановые волосы, уже потерявшие былой блеск, были собраны в хвост и перехвачены лентой. На лице ни следа косметики. Пюнда поразило, что Саманта Коллинз, похоже, вовсе не уделяет внимания тому, как выглядит. Хотя, быть может, учитывая, как она занята в церкви и в лечебнице, у нее просто нет времени на подобные вещи.

— Здравствуйте, мистер Пюнд, — сказала хозяйка дома. — Мне очень приятно с вами познакомиться.

— Взаимно, миссис Коллинз. — Сыщик стал было подниматься.

— Сидите, пожалуйста! Надеюсь, вы не против чая из пакетиков? Черный, с ароматом бергамота. Рада снова видеть вас, старший инспектор. А вы, наверное, мисс Кейн?

— Здравствуйте. — Мэделин Кейн кивнула, но не встала.

¹⁸ Church Lodge (англ.) — церковная ложа.

— Муж сказал, что встретил вас в Кларенс-Кип и что вы собираетесь заехать к нам. Вы попали в удачное время. Дети у миссис Митчелл на маяке, потому как нам нужно уйти сегодня по делам, так что в доме тишина и покой. Молока добавить?

— Немного, пожалуйста.

— Я бы хотела дольку лимона, если можно, — попросила мисс Кейн.

— Лен! Я оставила в кухне блюдце с нарезанным лимоном. Тебя не затруднит принести?

— Один момент! — Доктор поднялся и вышел из комнаты.

— Ну до чего же неприятная история, — продолжила Саманта, разливая чай. — Убийство — такая ужасная вещь, а когда человека душат, так это еще хуже. Только представьте: последнее, что видела Мелисса, это лицо убийцы. Последнее, что чувствовала бедняжка, это его руки вокруг своей шеи. Мы молились за нее в прошлое воскресенье в церкви. Читали Двадцать второй псалом: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях...»

— «Пажити злачные»! — Мисс Кейн делала заметки, но тут вдруг подняла голову. — Это же...

— Верно. Так назывался один из ее фильмов, поэтому мы и сочли выбор уместным. Викарий произнес такую трогательную речь.

— Вы дружили с мисс Джеймс? — спросил Аттикус.

Прежде чем ответить, Саманта задумалась.

— Да нет, мистер Пюнд, мы с Мелиссой не слишком тесно общались. Разумеется, все знали, кем она была, и, наверное, в этом отчасти заключалась проблема. Не так-то просто стать другом знаменитости.

— А вот и я! — Вернулся доктор Коллинз с лимоном.

— Однако знакомство с ней вы поддерживали, — гнул свою линию Пюнд.

— Ну да. Мелисса несколько раз бывала в нашем доме.

— У нее имелись проблемы со здоровьем?

— Мисс Джеймс сильно переживала из-за всех своих проблем, и это не могло не отразиться на ее самочувствии, — сказал доктор Коллинз. — Но, в общем-то, приходила она не ко мне.

— Мой брат Эджернон является ее финансовым консультантом, — пояснила Саманта. — Они проводили вместе довольно много времени.

— И насколько понимаю, в день убийства брат гостил у вас?

— Да, верно. Всю вторую половину дня он был в отъезде, проводил время с друзьями, и вернулся к семи часам.

Стало быть, алиби на момент убийства отсутствует. Пюнд заметил, как мисс Кейн записывает эти слова в блокнот.

— Вы разговаривали с ним? — осведомился сыщик.

— Нет. Он сразу поднялся в свою комнату. — Вид у Саманты стал озабоченный. — А почему вы задаете все эти вопросы про Эдджи? Он и мухи не обидит.

— Я лишь пытаюсь установить факты, — успокоил ее Пюнд, после чего обратился к доктору Коллинзу: — Мне бы очень помогло, если бы вы в точности описали все, что происходило в вечер убийства мисс Джеймс, начиная с того момента, как она позвонила вам по телефону.

Врач кивнул.

— Как вам известно, я пытался спасти ее, — сказал он. — Подоспей я всего на пару минут раньше, это могло бы получиться.

— Уверен, вы сделали все, что могли.

— Сначала мне показалось, что я приехал вовремя. Мелисса лежала на кровати, и я видел следы борьбы, но она выглядела так... ну, как живая. Прежде всего я нащупал пульс, но его не было.

— Прошу, начните с самого начала.

Доктор Коллинз вздохнул.

— Я находился в кабинете вместе с Самантой. Который был час, дорогая?

— Почти половина седьмого.

— Да, правильно. Пациентов в тот вечер было мало. Заходил только мистер Хайсмит, страдающий ревматизмом. И миссис Ли привела близнецов: оба подхватили коклюш, но, к

счастью, мы начали лечение вовремя. Я собирался уже закрываться, когда зазвонил телефон. Это была Мелисса.

— Что она сказала?

— Откровенно говоря, все это звучало как-то невразумительно, мистер Пюнд. Бедняжка явно была сильно расстроена. Сказала, что у нее в доме кто-то есть и что мне следует немедленно приехать.

— Она не назвала вам имя этого человека?

— Не думаю, что Мелисса сама его знала. «Он здесь! — вот ее слова. — Я не знаю, что ему нужно! Я боюсь!» При этом она плакала. Я велел ей успокоиться и заверил, что скоро буду. — Врач снова обратился к жене: — Как долго я говорил по телефону?

— Всего минуту. Может, даже меньше.

— Вы слышали разговор целиком, миссис Коллинз?

Саманта задумалась.

— Я узнала ее голос. Это определенно была мисс Джеймс. Я видела, что Лен встревожен, и поспешила к нему. Я слышала, как она зовет на помощь.

— Я мигом положил трубку, так как понимал, что время терять нельзя, — пояснил доктор Коллинз. — Схватил медицинскую сумку и выбежал.

— Как долго вы добирались до Кларенс-Кип?

— Ну, усадьба на другом конце городка, и мне потребовалось некоторое время, чтобы завести машину. Мы все собираемся купить новый автомобиль. Наш «моррис» скоро откинёт копыта — вернее, колеса! Короче говоря, я выехал как только смог.

— И что случилось, когда вы прибыли?

— Я нажал на звонок, но никто не отозвался. Тогда я открыл дверь, она была не заперта, и вошел. Навстречу выскочила собака и облаяла меня, но в остальном в доме было тихо, как... ну да, как в могиле. Я окликнул хозяйку по имени, но ответа не получил. Я направился в кухню в надежде найти там Эрика или Филлис, однако они ушли. Мне вспомнилось, что на дорожке не было припаркованных машин. Я заглянул в гостиную, потом в столовую, но обе комнаты были пустые, и никаких следов беспорядка. Тем не менее вынужден признать, я изрядно встревожился. Я поднялся на второй этаж, собака бежала следом, и пошел напрямик в главную спальню. У вас может возникнуть вопрос, откуда мне известно расположение комнат, но я несколько раз бывал в доме, когда Мелисса болела. Сперва я подумал, что она прилегла, но, едва свернув за угол, сразу увидел неладное. Дверь была открыта, Мелисса лежала на спине с телефонным шнуром, обмотанным вокруг шеи. Один из столиков был опрокинут. С ноги у Мелиссы соскочила туфля. Я подбежал к ней, пытаясь обнаружить признаки жизни, и стал делать сердечно-легочную реанимацию. Но безуспешно.

— А за свою собственную безопасность вы не переживали, доктор Коллинз? Ведь убийца мог все еще находиться там.

— Знаете, эта мысль мне даже в голову не пришла! В тот момент я думал только о Мелиссе. Поняв, что ничего не могу сделать, я отправился на первый этаж, так как позвонить в полицию из спальни не представлялось возможным. Шнур был оторван от стены. Я спустился в гостиную и позвонил оттуда.

— А как вела себя Кимба?

— Что за странный вопрос, мистер Пюнд? К чему вы клоните?

— Пес пошел за вами?

— Ну да. Бедняга явно был напуган, но у меня не было времени им заниматься. Я вышел на улицу, сел в машину и стал дожидаться приезда полиции.

Последовала короткая пауза, во время которой Пюнд переваривал услышанное. Мисс Кейн стремительно чиркала ручкой, а потом, зафиксировав все сказанное, остановилась.

— Можете вы описать свои отношения с мисс Джеймс? — спросил Пюнд. — Я обратил внимание, что вы называете погибшую просто Мелиссой и, по вашим же словам, хорошо знакомы с планировкой ее дома. Я задаю этот вопрос, поскольку мне непонятно, почему она в первую очередь позвонила вам.

— А кому же еще?

— В полицию, например.

Доктор Коллинз кивнул:

— Этому есть простое объяснение. До меня гораздо ближе. Полицейским пришлось бы добираться из Байдфорда. Что до наших отношений, то Мелисса была до некоторой степени ипохондриком, так что мы встречались довольно часто. Честно признаться, в медицинском смысле я мало чем мог ей помочь, но ей нравилось, когда есть с кем поговорить, и кончилось тем, что мы стали, смею заявить, добрыми друзьями. Думаю, мисс Джеймс находила мое общество успокаивающим.

— Вы стали ее наперсником?

— Можно сказать и так.

— Обсуждала ли она с вами отношения с мужем? Не всплывала тема, что у нее может быть кто-то еще?

— Не уверен, должен ли я отвечать на этот вопрос. — Доктор Коллинз нахмурился. — Я склонен считать, что отношения между врачом и пациентом носят конфиденциальный характер. Но если уж на то пошло: нет, про Фрэнсиса Мелисса ничего не рассказывала. Она была актриса. Любила поговорить о себе, особенно о своей работе. Собиралась сниматься в фильме у Альфреда Хичкока. Ее это очень вдохновляло.

— Нам пора уходить, — сказала Саманта Коллинз, посмотрев на часы. — Нужно успеть на поезд.

— Куда вы едете? — осведомился Крол.

— В Лондон, — ответил доктор Коллинз. — Но всего на один день. Завтра вернемся.

— По делам или ради удовольствия?

— По личному делу, старший инспектор.

— При всем уважении, сэр, не может быть ничего личного во время расследования убийства.

— Извините. Вы правы, конечно. — Доктор Коллинз взял Саманту за руку. — Мы встречаемся с поверенным по вопросу некоей суммы, доставшейся моей жене в наследство от тети. Уверяю вас, это не имеет никакого отношения к смерти Мелиссы Джеймс.

Крол кивнул. И повернулся к Атиккусу:

— Вы хотели бы еще что-то узнать, мистер Пюнд?

— Всего одну вещь. — Пюнд обратился к доктору Коллинзу: — Когда мисс Джеймс разговаривала с вами по телефону, она, случайно, не обмолвилась, где побывала до того, как вернулась домой?

— Простите?

— Она уехала из отеля в пять сорок вечера, но домой приехала только в начале седьмого, — пояснил Крол. — Мы пытаемся установить, что происходило в течение двадцати минут, которые выпадают из составленного нами графика.

— Это я могу вам сказать, — внезапно заявила Саманта Коллинз. И помедлила, заметив всеобщее удивление. — Мелисса была в церкви.

— В храме Святого Даниила?

— Именно, старший инспектор. Поднявшись наверх, чтобы почтить сыну, я выглянула из окна и заметила ее машину, припаркованную у ворот. Из комнаты Марка открывается отличный вид на церковь. Мисс Джеймс вышла из автомобиля и постояла немного. Потом вошла в храм.

Пюнд на миг задумался.

— Как я понимаю, вы деятельно участвуете в жизни местной церковной общины, миссис Коллинз?

— Да. Стараюсь помогать по мере сил.

— Вы часто встречали там мисс Джеймс?

— Она редко посещала службы, зато охотно принимала участие в чтениях на Рождество и на Праздник урожая. И быть может, вам известно, что Мелисса просила похоронить ее на церковном кладбище, хотя полиция до сих пор не отдает тело. — Саманта с укором посмотрела на Крола.

— Это произойдет очень скоро, — заверил ее инспектор.

— Но раз уж вы спросили, то я не раз видела ее входящей в церковь или выходящей из нее.

Пюнд наморщил лоб:

— Не выглядит ли это несколько странно? У меня сложилось впечатление, что покойная была не слишком религиозной особой.

— Не обязательно быть глубоко верующим человеком, чтобы ценить покой и умиротворение, которые обретаешь в церкви, — возразила Саманта.

— Она была одна — в тот, последний день?

— Да.

— Вы видели, как Мелисса выходила обратно?

— Нет. Я вернулась вниз, во врачебный кабинет, и забыла о ней.

Доктор Коллинз встал.

— Нам пора, — сказал он. — Вы обмолвились, что вроде как хотели переговорить с моим шурином?

— Да, это было бы полезно.

— Я попрошу его спуститься. — Доктор подошел к двери, затем остановился, как-то вдруг смутившись. — Это может показаться немного странным, но я буду вам очень признателен, если вы не станете упоминать про то, что я вам сказал, — насчет цели нашей поездки в Лондон. Как я уже говорил, мы с Самантой стараемся это не обнародовать.

— Разумеется.

— Элджи и тетя Джойс не слишком ладили, — пояснила Саманта после того, как ее муж вышел из комнаты.

— Меня удивляет, что вы передали детей на попечение миссис Митчелл, — заметил Крол. — Не проще ли было оставить их здесь, с дядей?

— Боюсь, брат не очень-то умеет управляться с малышами. К тому же Агнес и Марку нравится гостить у Бренды. Дети ее знают, потому как она заходит сюда и помогает мне по хозяйству. Да еще вдобавок это для них настоящее приключение — ночевка на маяке.

Доктор Коллинз вошел в комнату, ведя за собой нервно улыбающегося блондина в белой рубашке и брюках из кавалерийской саржи. Атиккус обратил внимание на дорогие часы и золотой перстень-печатку на пальце.

— Надеюсь, вы простите, что мы вас покинем, — произнес Коллинз. — Нам пора в дорогу.

Саманта встала и надела перчатки.

— До встречи завтра, Эджернон. Ужин в холодильнике. А если вдруг понадобится с нами связаться, номер отеля на моем столе во врачебном кабинете.

— Наслаждайтесь спектаклем.

Получается, они сказали ему, что едут в театр. Пюнд сделал в уме пометку. Это определенно представляет интерес.

Эджернон Марш молча стоял на одном месте до тех пор, пока Леонард и Саманта Коллинз не ушли. И только потом сказал:

— Лен передал, что вы хотите поговорить со мной. О чем именно?

— А вы как думаете, мистер Марш? — парировал Крол. — Мы продолжаем расследовать убийство мисс Мелиссы Джеймс.

— Ах, ну конечно. Да. — Прежде он казался очень напряженным, но теперь несколько расслабился. — Просто мы с вами вроде как уже беседовали, старший инспектор. Я ответил на все ваши вопросы. Поэтому я немного удивлен, что вам понадобилось говорить со мной снова.

— Ответственность тут лежит на мне, мистер Марш, — пояснил Пюнд, извиняясь. — Прошу прощения за беспокойство, но меня заверили, что вы были очень близки с мисс Джеймс.

— Я бы так не сказал. Я давал ей консультации по некоторым финансовым инвестициям.

— И одновременно были ее добрым другом.

— Мне приятно считать себя добрым другом для всех своих клиентов.

— Как часто вы виделись с погибшей? — Вопрос казался безобидным, но вонзился как нож.

— Мы время от времени встречались в обществе в Лондоне. — Эджернон чувствовал, что этот частный детектив в круглых очках и с палисандровой тросточкой может представлять для него опасность. И старался выглядеть насколько возможно беззаботным.

— И сюда вы приехали с целью навестить мисс Джеймс?

— Нет. Я приехал проведать сестру. И вообще-то, если уж на то пошло, именно Саманта познакомила меня с Мелиссой.

— По поводу каких именно инвестиций вы ее консультировали? — задал вопрос Крол.

— Это был весьма обширный портфель, старший инспектор. Но смею вас уверить, что Мелиссу полностью удовлетворяли мои советы.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, сэр, — пробормотал Крол. В его голосе более чем явственно ощущалась нотка сарказма.

Но Эджернон Марш не обратил на это внимания. Казалось, он полностью овладел ситуацией, как если бы сбросил с плеч тяжкий груз.

— Могу я еще чем-нибудь вам помочь? — спросил он.

— Полагаю, вы могли бы рассказать нам, где находились между шестью и семью часами вечера, в который произошло убийство.

— Я был здесь. Крепко спал наверху. — Эджернон улыбнулся. — Немного перебрал за обедом. Проспал все напрочь.

Выходит, машину он вел в состоянии опьянения, отметил Крол. Сейчас не время поднимать эту тему, но и забывать не стоит.

— Ваша сестра утверждает, что домой вы вернулись не раньше семи.

— Саманта ошибается. Было примерно четверть седьмого. Я приехал и сразу поднялся наверх. — Марш пожал плечами. — Боюсь, никто меня не видел, и это очень жаль. Если вы потребуете предъявить алиби, то у меня его нет.

— Как долго вы планируете оставаться в Тоули, мистер Марш? — поинтересовался Пюнд.

— Еще пару дней. Раз Мелисса мертва, то и торчать тут особой причины нет.

— Однако не далее как минуту назад вы утверждали, что приехали сюда ради сестры.

— Ради обеих, мистер Пюнд. Позвольте вас проводить?

Некоторое время спустя трое гостей вышли из дома, и входная дверь захлопнулась у них за спиной.

— Вот человек, которому я ни на грош не доверяю! — процедила мисс Кейн.

— Тот еще субъект, — согласился Крол.

Они прошли мимо припаркованного на подъездной дорожке «пежо», Пюнд скользнул взглядом по серебристой эмблеме и зазубрине на радиаторной решетке.

— Что дальше? — осведомился старший инспектор.

— Думаю, на сегодня достаточно. Я хотел бы почитать стенограммы допросов и поразмышлять над тем, что мы видели. Вы возвращаетесь в Эксетер?

— Нет, мистер Пюнд. Теперь, когда вы здесь, я решил пожить пару дней в Тоули. Маргарет, моя жена, не будет возражать против моего отсутствия, и, по правде говоря, мне хотелось бы проводить как можно больше времени рядом с вами. У меня такое чувство, что я смогу научиться кое-чему полезному. Вот только номер в «Мунфлаэуре» я, боюсь, позволить себе не могу. Поэтому снял комнату в «Красном льве».

— Вы слишком добры, старший инспектор. Быть может, окажете честь присоединиться ко мне сегодня за ужином?

— С превеликим удовольствием.

— Значит, решено.

Все трое забрались в служебную полицейскую машину и уехали, миновав по пути кладбище при церкви Святого Даниила и свежеврытую могилу, в которой вскоре предстояло упокоиться Мелиссе Джеймс.

Глава 11

Тьма сгущается

I

Над Тоули-на-Уотере взошла луна, но каким-то образом благодаря ее мягкому свету тьма, окутывающая маленький портовый городок, сделалась только гуще. Улицы были пустынные, шпиль храма Святого Даниила четко вырисовывался на фоне неба. Луч маяка вспыхивал над морем, уходящим в бесконечность, а рыбацьи шаланды, покачиваясь на волнах, испуганно жались друг к другу и растворялись в пустоте. Невозможно было определить, где кончается галечный берег и начинается вода.

Старший инспектор Крол отдалился на некоторое расстояние от «Красного льва», стуча ботинками по мостовой. Забавно, насколько резче становятся звуки, стоит солнцу зайти. Приглашение на ужин он принял не задумываясь, но затем его начали терзать сомнения. Ему не удавалось предать забвению очевидный факт, что всего восемь лет назад Англия и Германия воевали между собой. Чем занимался в то время Пюнд, Крол не знал и терялся в догадках, не должен ли он рассматривать его как в некотором роде врага. То же самое касалось их совместного расследования. Пюнд заявил о себе как о равном, сказал, что они будут вместе искать убийцу. Вот только правда ли это? Или ему, Кролу, предстоит ровно сидеть на заднице и ничего не делать, беспомощно глядя, как последний шанс отличиться уведут у него из-под носа?

Он только что разговаривал по телефону с женой, и та постаралась его успокоить. Маргарет всегда гордилась супругом, и теперь, когда карьера Крола подходила к концу, она заверила мужа, что, чем бы ни закончилось дело об убийстве в Тоули, ему нечего стыдиться. К тому же не ошибается ли он с расстановкой приоритетов? Ведь самое главное — поймать убийцу, лишить его возможности снова нанести удар. И совершенно не важно, кому достанутся лавры.

Она, разумеется, была права. Маргарет всегда права.

Когда инспектор вошел в «Мунфлауэр», Атиккус Пюнд уже ждал его в вестибюле. Крол удивился, увидев, что сыщик один.

— А разве мисс Кейн к нам не присоединится? — спросил он.

— Она сказала, что устала, и удалилась в свой номер.

На деле секретарша тактично отклонила предложение Пюнда, в очередной раз сочтя неуместным садиться за стол вместе со своим работодателем. Мэделин Кейн уютно расположилась наверху, совершенно довольная выпавшей ей возможностью побыть наедине с книгой и пораньше лечь в постель, согретую грелкой с горячей водой.

Обеденный зал производил приятное впечатление, будучи оформлен строго, но не вычурно, и почти все столики занимали семьи с детьми. Пюнд попросил, чтобы им выделили какое-нибудь уединенное местечко, и двух мужчин проводили к столику, спрятанному в алькове, который образовывал эркер. Им вручили меню, и, увидев цены, старший инспектор растерянно заморгал.

Пюнд заметил это и поспешил его успокоить:

— Нынче вечером вы мой гость, разумеется. Одно из преимуществ частного детектива заключается в том, что он, в пределах разумного, может позволить себе определенные расходы.

— Хотел бы я сказать то же самое про полицейских служащих, — заметил Крол. — Но главный констебль разрешает нам в столовой управления разве что по стаканчику пропустить. По крайней мере, это в его полномочиях, но для этого требуется собрать три комиссии и оформить гору бумаг.

— Как вам «Красный лев»?

— Там на удивление удобно, спасибо. Хотя вида на море нет. Признаться честно, окно моей комнаты выходит на двор мясника. Но я человек непривередливый.

Подошла официантка, оба заказали закуску с креветками и дуврскую камбалу. Что касается десерта, то выбор здесь был небогатый: желе и фруктовый салат.

— Вина выпьете? — спросил Пюнд.

— Не думаю, что могу позволить себе спиртное на службе.

— Уже восьмой час, старший инспектор. И поскольку один я пить не хочу, то вынужден настаивать. Полбутылочки шабли, я думаю.

Последняя фраза была адресована официантке, и та ушла выполнять заказ.

— Ну, раз я не на службе и вы пригласили меня на ужин, мистер Пюнд, то предлагаю отбросить формальности. Называйте меня просто Эдвард.

— Хорошо. А меня, как вам, возможно, известно, зовут Аттикус.

— Это турецкое имя?

— Вообще-то, греческое, хотя мои родители переехали в Германию еще до моего рождения.

— Ваш отец был полицейским?

— Да. А откуда вы знаете?

Крол улыбнулся. Он уже проникся расположением к сидящему напротив человеку и раскаивался в прежних сомнениях.

— Мой отец тоже служил детективом, да и вообще полицейские династии — явление достаточно распространенное. То же самое, как ни странно, относится, кстати, и к преступникам.

— Да. — Пюнд призадумался. — Очень любопытное и верное наблюдение. Стоит уделить ему место в книге, которую я пишу, — «Ландшафт криминалистического расследования».

— Интригующее название.

— Труд всей жизни. Ваши родители живы?

— Оба живы и здоровы. Вышли на пенсию и поселились в Пейнтоне. У меня сын и дочь, и оба хотят пойти по моим стопам. Рад заявить, что в ряды полицейских мы теперь все чаще принимаем женщин.

— Не исключено, что в один прекрасный день пост главного констебля займет не кто-нибудь, а ваша дочь.

— Это было бы событие. А у вас есть дети?

Пюнд печально покачал головой:

— Нет. В этом мне удача изменила.

Крол почувствовал, что вошел в опасные воды, и быстро переменял курс.

— Вы стали частным детективом еще до приезда в Англию?

— Нет. Я перебрался сюда после войны и нуждался в средствах к существованию. Вот и решил заняться сыском.

— Ну, вы отлично справились. Я вам завидую. Вам наверняка довелось иметь дело с восхитительными преступниками.

— Преступники редко восхищают меня, друг мой.

— Вот как?

Пюнд поразмыслил с минуту.

— Они неизменно считают себя умнее, чем есть на самом деле, думают, будто им по силам сбить с толку полицию, обмануть закон, попать самую суть общественного устройства ради достижения своих личных выгод.

— Это делает их опасными.

— Скорее уж предсказуемыми. Опасными преступников делает убеждение, что их нельзя остановить, что они вправе творить свои черные дела. Не стану касаться пережитого мною за время войны, но скажу вот что: величайшее зло вершится тогда, когда люди, вне зависимости от целей и мотивов, безоговорочно убеждены в собственной правоте.

Принесли закуску и вино. Пюнд попробовал шабли и удовлетворенно кивнул.

— Не хочу портить вечер болтовней о работе, — сказал Крол, — но не могу удержаться и не спросить. Есть у вас какие-то мысли по итогам сегодняшнего дня?

— Мыслей много, и должен отметить, что предоставленные вами свидетельские показания весьма мне помогли. Проведенные вами допросы были предельно четкими и информативными.

Инспектор был польщен.

— Мне до сих пор неизвестно, кто это сделал, — сказал он.

— Но у вас есть подозрения?

— Есть. — Крол сообразил, что Пюнд обернул его вопрос на него самого, но отступить не стал. — Существует ряд лиц, заинтересованных убрать мисс Джеймс с дороги, начиная с

управляющих этого самого заведения. Вы заметили, что она обратилась в одну из аудиторских фирм в Лондоне?

— Вы хорошо поработали, установив этот факт.

— Ну, я проверил все телефонные номера, по каким мисс Джеймс звонила в последние несколько недель. Гарднеров предстоящая проверка могла сильно огорчить, хотя убивать хозяйку с целью избежать ее... выглядит как-то чересчур. Потом, есть еще этот странный дворецкий. Я не поверил ни слову из того, что нам сказала его мать, пока мы разговаривали на кухне. И уж когда смотрел на него, сидящего там, за столом... честное слово, было в этом типе что-то такое, отчего у меня по коже мурашки побежали. Да и продюсер, Кокс, слышал, как мать с сыном ссорились в вечер убийства, причем достаточно громко, чтобы звук донесся до лужайки перед домом. Готов побиться об заклад на что угодно, но с этим слугой не все чисто.

— А как насчет самого мистера Кокса?

— Шиманиса Чакса, хотите сказать? Определенно это он был тем чужаком у двери, которого облаяла собака. Он накормил меня ложью, и, если Мелисса Джеймс в последний момент отказалась играть в его фильме, что к тому же повлекло за собой серьезные финансовые затруднения, этот человек вполне мог возжелать мести.

— Месть... Старейший из мотивов. Его можно обнаружить уже в древнегреческих драмах.

— Но если вы предложите мне, так сказать, сделать ставку на одну какую-то лошадь, то я выберу мужа.

— Фрэнсиса Пендлтона?

— Ну да! Фанатичная любовь бывает столь же губительна, сколь и ревность. Насколько я понял, Пендлтон был одержим ею. Допустим, муж обнаружил, что у нее роман на стороне! Вы упомянули про классическую драму, но вот вам настоящий Уильям Шекспир! Вы ведь читали «Отелло»? Дездемону тоже задушили.

— Любопытно. У меня также сложилось впечатление, что Фрэнсис Пендлтон — наиболее вероятный подозреваемый.

— Он определенно был последним, кто видел мисс Джеймс живой, и никто не может подтвердить изложенную им версию событий: нам приходится полагаться только на его собственные слова.

— Но машины возле дома не было.

— Он мог отогнать ее в сторону, а потом вернуться пешком. Вспомните: Чандлеры слышали, как кто-то входит в дверь.

— Но будь это Фрэнсис Пендлтон, разве собака бы залаяла?

— Хороший вопрос.

— Не стоит также забывать про оружие убийства.

— Телефонный шнур?

— Должен признать, меня оно озадачивает.

— Вы имеете в виду, не проще ли было задушить женщину руками?

Пюнд покачал головой:

— Нет, я не о том. Я вам вот что скажу. На мой взгляд, использование телефона делает Фрэнсиса Пендлтона менее вероятным убийцей собственной жены. Но разумеется, полностью не снимает с него подозрений. Вам удалось выяснить, действительно ли он находился на представлении «Свадьбы Фигаро» тем вечером?

— Мы навели справки в театре. Но зрителей было четыреста человек. Личности всех установить нереально.

— Можно было задать вопрос, не опоздал ли кто. Или не бросился ли кому в глаза мужчина, сидевший с отсутствующим видом.

— Хорошая идея. Я так и сделаю. — Крол отпил вина. Дома он позволял себя разве что стакан пива за ужином, и этот напиток был ему непривычен. — Вы, возможно, обратили внимание на то, как Пендлтон, давая показания, расписывал свой восторг от представления?

— Я действительно прочел об этом в ваших превосходных записях.

— Разумеется, он мог солгать. Но едва ли такое поведение свойственно тому, кто только что удушил жену.

Пюнд поднял свой бокал и, наполовину прикрыв глаза, сделал глоток.

— Как верно оброненное мисс Кейн замечание, не правда ли? — сказал он. — Ну до чего же печально, что в таком тихом и очаровательном местечке, как Тоули-на-Уотере, обнаруживается такое множество людей, способных на убийство.

Где-то за стеной шумел прибой, черные волны накатывались на галечный берег.

II

В здании маяка двое детей, Марк и Агнес Коллинз, до сих пор не спали. Они были слишком перевозбуждены, лежа в койках в совершенно круглой комнате, расположенной посреди высокой башни. Пробегая мимо, луч всякий раз освещал два маленьких окошка, заставляя тени метаться. Это было все равно что оказаться внутри приключенческого романа.

Вообще-то, прежде комната была служебным помещением. Бренда Митчелл, мать Нэнси, поставила здесь кровати, чтобы любые дети, кому доведется у них остановиться, испытали волшебное чувство ночевки на настоящем маяке. Она сама, ее муж и Нэнси спали на первом этаже, в куда менее романтичном здании, пристроенном сбоку. Помимо спальни, тут также размещались кухня, гостиная и маленькая ванная; следует признать, что столь тесное пространство едва ли можно было считать комфортным для жизни троих взрослых людей.

Нэнси Митчелл прочитала ребятишкам несколько страниц из книги про Нарнию, которую захватил с собой Марк, подоткнула им одеяла и выключила свет, оставив только тускло горящую на полу лампу. Не далее как через полгода эта комната может пригодиться совсем для других целей. Здесь поселится третий ребенок, на этот раз ее собственный. Мальчик это будет или девочка? Спросить у доктора Коллинза она стеснялась, да и сомневалась, что он способен дать ответ.

Спустившись по винтовой лестнице, девушка вошла через дверь, ведущую в кухню. Отец сидел за столом, мать хлопотала у плиты. Снова будет жаркое. Бренда постоянно покупала у мясника обрезки, да он еще добавлял ей бесплатно несколько косточек на бульон. Все члены семьи работали, но получалось так, что им постоянно не хватало денег. Билл Митчелл заставлял обеих женщин отдавать ему свой заработок и выделял им часть средств на ведение домашнего хозяйства и прочие расходы. Проблема заключалась в том, что значительная часть денег оседала в его кармане.

Нэнси подумала о полученных ею шестидесяти фунтах, которые припрятала в наволочке. На маяке всё на виду, и девушка сильно переживала, что мать, занимавшаяся стиркой, может случайно обнаружить заначку, если хранить ее в одежде.

— Как там дети, Нэнси? — осведомилась Бренда.

— Пока еще не спят, мама. Я почитала им, но они все никак не могли уговориться: хотели посмотреть из окна на море.

— Ты должна предъявить счет. — Билл Митчелл был человеком немногословным. И очень редко отмерял больше трех-четырех слов за одну порцию.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Бренда.

— Доктору Коллинзу и его супруге.

— Миссис Коллинз всегда очень добра ко мне. И они приплачивают за то, что я сижу с детьми.

— Могут себе позволить.

Бренда Митчелл разложила жаркое по тарелкам и поставила их на стол.

— Нэнси, садись ужинать. — Она остановилась, внимательно посмотрев на дочь. — С тобой все хорошо?

— Да, мама, все прекрасно.

— Вид у тебя усталый. И похоже, дело не только в этом...

Мать знает. А если не знает, то заподозрила и вскоре все выяснит. И разумеется, скажет отцу. Бренде не хватит духу скрыть от него такую тайну, но, даже если Нэнси ее уговорит, правда все равно в ближайшее время выльется наружу. Когда это произойдет, настанет ад кромешный. Если кто провинился перед Биллом Митчеллом, долго расплаты ждать не придется. Нэнси потеряла счет случаям, когда видела мать с синяками на спине и руках. Да и самой ей доводилось не раз получать подзатыльники.

Но у нее есть план. Все готово. Передавая тарелку отцу, она поняла, что откладывать дальше нельзя.

Действовать нужно прямо завтра.

III

А тем временем в Лондоне Леонард Коллинз и его жена сидели за столом в отеле, не в силах проглотить ни кусочка. И не потому, что еда, тефтели с тушеной морковкой и картофельным пюре, остыла и выглядела неаппетитно.

Прямо с вокзала Паддингтон они на такси отправились в контору поверенного в Линкольнс-Инн. Там их встретил пожилой юрист, мистер Паркер. Он тепло пожал супругам руки и проводил их в свой личный кабинет. Пока они шли через элегантно обставленные помещения, Саманта ловила на себе любопытные взгляды. Служащие конторы смотрели на них с таким интересом, что нетрудно было догадаться, что им сейчас предстоит услышать. Это было все равно как стать знаменитостью. Она замечала, что люди точно так же вели себя, когда в дверь входила Мелисса Джеймс. «Они кое-что про нас знают, — подумала Саманта. — И то, о чем им известно, должно в корне переменить нашу жизнь».

Она оказалась права. Ей теперь было даже не вполне понятно, почему они вернулись в «Эллейн», обшарпанный отель в ряду викторианских домов в Эрлс-Корте. Его и отелем-то назвать было трудно: всего два соединенных между собой здания, с дешевыми коврами, запахом горелого масла и старого белья. Номер оказался тесным, и выспаться под грохот едущих по улице автомобилей было невозможно. Не стоит ли им перебраться в «Риц» или в «Дорчестер»?

Семьсот тысяч фунтов.

Это было все равно что сорвать банк, хотя Саманта в жизни не брала в руки карты. Столько денег ей даже не снилось. Их было больше, чем она могла осознать.

Любезный мистер Паркер все объяснил. Прежде всего, завещание должно быть введено в законную силу судом. Затем предстоит нанять агента для оценки всех активов миссис Кэмпбелл, включающих квартиру на Манхэттене, коллекцию картин, акции и другие ценные бумаги. Хотя единственной наследницей выступает Саманта, миссис Кэмпбелл завещала определенные суммы библиотеке, детскому дому и нескольким благотворительным фондам. Но в чистом остатке состояние, приближающееся к семи сотням тысяч, достанется молодой женщине, которую тетя вспоминала с такой нежностью, ее родной племяннице Саманте Коллинз. Просто невероятно.

— Вот так поворот! Я даже и представить себе подобное не мог! — воскликнул Леонард. Столь чрезвычайное событие — редкий случай — выбило из колеи даже всегда уравновешенного и невозмутимого доктора. — Это я к тому, что, получив письмо, решил, что тетушка, вполне возможно, оставила тебе кое-какие деньги. Однако насчет богатой наследницы просто пошутил. Кто бы мог подумать, что это окажется правдой...

— Что же нам теперь делать?

— Не знаю, дорогая. Это твои деньги, тебе решать.

Супруги тупо смотрели на ужин, быстро остывающий на тарелках.

— Но если хочешь знать мое мнение... — продолжил Леонард.

— Да?

— С какой стати мы ведем себя так, будто получили плохие новости? Ну не странно ли: сидим тут молча, даже в глаза друг другу не смотрим. Разве мы не должны радоваться?

— Не знаю. Просто деньги...

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что это корень всех зол?

— Нет.

— Или что на деньги нельзя купить счастье? Возможно, это все правда, дорогая, но только подумай, как они пригодятся нам. Дом буквально разваливается на части. Нужно починить крышу, да и все ковры на втором этаже пора заменить. Мы всегда приобретаем Марку и Агнес одежду на два размера больше, на вырост, а ты сама уже сто лет не покупала себе новое платье.

— Ты прав. — Саманта взяла мужа за руку. — Прости, Леонард. Иногда мне кажется, что тебе очень нелегко приходится в браке со мной.

— Ну что же делать, приходится терпеть. Ты ведь единственная, кто согласился за меня выйти!

Она рассмеялась:

— Я воспользуюсь этими деньгами на пользу нам обоим, всей нашей семье. И церкви тоже кое-что выделю.

— В фонд на починку органа.

— Да. — Саманта вдруг посерьезнела. — Думаю, Господь не дал бы нам этих денег, если бы не хотел, чтобы мы ими наслаждались.

— «В богатстве и в бедности» — так мы обещали друг другу. И если теперь мы богаты, то не наша в том вина!

— Мы начнем все сначала. — Саманта отпустила руку мужа, взяла нож и вилку и решительно положила приборы на тарелку. — Не думаю, что нам следует менять гостиницу. Это всего одна ночь, и к тому же неразумно сорить деньгами, пока мы не будем твердо уверены, что они лежат на счете в банке. Но и торчать тут и давиться этой дрянью я тоже не намерена. В окрестностях наверняка найдется небольшая трактир или что-нибудь в этом роде.

— Я вроде как видел подобное заведение около вокзала.

— Тогда идем.

— Ночь развлечений! — Леонард Коллинз встал и поцеловал жену.

И только позже, когда они под ручку выходили из отеля, Саманта повернулась к мужу и спросила:

— Но как же Эджернон?

— А что с ним?

— Мы должны рассказать ему, Лен. Если денег действительно так много, как говорит мистер Паркер, брат рано или поздно все равно узнает. — Женщина вздохнула. — И, по правде говоря, мне кажется, что я должна выделить ему какую-то часть. В конечном счете мы вместе росли. Нечестно получится.

— Ну, это решать тебе, милая. Это ведь твой брат. Но позволю себе заметить: это не то, чего хотела ваша тетя. И к тому же Эджернон спустит все деньги — ты ведь его знаешь.

Саманта ничего не ответила, и муж продолжил:

— Послушайся моего совета, не говори ему пока ничего. Если Эджернон проведаст об этом прежде, чем все утрясется, будет только хуже. Давай подождем, пока пыль осядет.

Трактир обнаружился сразу за углом. Выглядел ресторанчик уютным и гостеприимным, желтый свет лился из окон на мостовую.

— Закажем спагетти и фрикадельки! — провозгласил Леонард Коллинз.

— И по бокалу шампанского!

— Вот теперь ты дело говоришь!

И супруги поспешили к дверям.

IV

В это время Эджернон Марш сидел в своей спальне — точнее говоря, в комнате, где так часто ночевал, когда приезжал в Черч-Лодж. В одной руке он держал большой стакан с виски. В другой — письмо, обнаруженное в нижнем ящике стола своего зятя. И уже в который раз перечитывал его: «Джойс Кэмпбелл, состоявшая в законном браке с Харланом Гудисом. Завещание...»

Не то чтобы он намеренно шпионил. Для этого требовался искренний интерес, желание узнать побольше о личной жизни Саманты и Леонарда. А Маршу по большому счету не было до них никакого дела: помимо убежища, которое он получал в их доме, а также трехразового питания и выпивки, его ничего не волновало. Провинциальный врач-мужлан из забытого Богом городка и религиозная фанатичка, скорее всего превратившая жизнь мужа в ад, — такими Эджернон их видел.

Однако на этот раз он почуял что-то, какие-то перемены. С самого его приезда Саманта и Леонард вели себя не как обычно. Они постоянно перешептывались, украдкой переглядывались, резко умолкали, стоило ему войти в комнату. Но лишь гораздо позже, этим утром, он зашел в кухню и застал Саманту сидящей за столом и читающей письмо. Она свернула листок, едва увидела брата, но тот успел заметить официальный бланк и дорогой белый конверт. Письмо от поверенного. Он сразу догадался.

— Дурные новости? — заботливо спросил Эджернон, делая вид, что не сильно заинтересован.

— Нет. Так, пустяки.

Именно то, как сестра убрала письмо, подсказало ему, что она лжет: Саманта сложила документ и сунула под кардиган, храня его близко к сердцу не только в переносном, но и в буквальном смысле слова. А потом еще эта поездка в Лондон, о которой ему объявили внезапно, как если бы сорваться с места и потратить пять часов на дорогу туда и обратно, да еще и с ночевкой, было для супругов совершенно привычным делом.

Едва оставшись один, Марш сделал телефонный звонок. В Лондоне у него был один приятель. Он три года проработал в рекламной индустрии Нью-Йорка, но затем произошло досадное недоразумение с казенными деньгами, в результате которого его в тот же день уволили. Где-то в закоулках памяти у Эджернона отложилось, что его друг вроде как служил у Харлана Гудиса.

— Нет, на него я не работал, — сообщил Терри. — Но встречался с ним пару раз, да и его все знали. Это ведь Гудис организовал кампании по продвижению напитков «Минит Мейд» и канцелярских товаров «Пейпер Мейт», а также помогал раскручивать сеть отелей «Бест Вестерн». Он начинал с обычного рекламщика, а закончил хозяином собственного агентства на Мэдисон-авеню.

— И что, он был богат?

На той стороне линии раздался смешок.

— С чего это ты вдруг заинтересовался, Эджи? Поздновато уже. Гудис умер еще два года тому назад.

— Это я знаю. Так что, состоятельный был человек?

— Он был упакован по полной программе. Имел жилье с видом на Центральный парк. И не просто квартиру, а пентхаус! Ездил Гудис на «дюзенберге» с откидным верхом. Классная машина. Я бы от такой не отказался, честное слово. Не знаю, за какую сумму старик продал агентство, но, наверное, смогу выяснить.

— Можешь кое-что для меня раскопать?

— А что я с этого буду иметь?

— Брось, Терри, ты мой должник. — В трубке повисло молчание. — Я ведь угостил тебя обедом в клубе. Так что разузнай. Но только нужно пошевелиться. Это может оказаться важно. Гудис оставил деньги жене, его вдове звали Джойс Кэмпбелл. Быть может, в публичных источниках называлась сумма.

— Есть кое-какие ребята, кому я могу позвонить. Но они в Америке. Тебе придется возместить мне расходы.

— Давай уже действуй, — велел Эджернон и повесил трубку.

«ЕДИНСТВЕННАЯ НАСЛЕДНИЦА» — эти два слова взывали со страницы. Так нечестно. Они с Самантой росли вместе. Они были обычными, счастливыми детьми и хорошо ладили между собой. А потом с неба упала бомба, убив обоих родителей и полностью разрушив мир, который Эджернон знал. После этого все изменилось. Он помнил тот день, когда тетя Джойс сказала, что будет заботиться о них. Она ему с самого начала не понравилась, с этими ее крашеными в черный цвет волосами, морщинистыми щеками и излишком румян. Тетка строила из себя даму из общества, но жила в убогом домишке в Западном Кенсингтоне. И что только Харлан Гудис в ней разглядел?

Эджернон постоянно разочаровывал тетю Джойс. Она хотела, чтобы племянник получил профессию, как и его сестра, которую ради этого отправили в адскую дыру в Слау. «Хочешь стать бухгалтером? — спрашивала тетя. — А может быть, дантистом? У меня есть кузен, который работает стоматологом, не исключено, что он поможет». Разменяв третий десяток, Эджернон привык винить тетю в своей загубленной юности почти так же, как винил немцев. И то, что он неизбежно соскользнул в мир подпольных дельцов и преступных элементов, тоже определенно было на ее совести.

При этом настоящим преступником Эджернон не стал. По чистой случайности оказался он у печально известного клуба на Пикадилли, когда разразилась та потасовка — групповая драка. Не будь он во хмелю, ни за что бы в нее не ввязался. Он помнил суд, помнил взгляд тети Джойс,

когда племянника приговорили к трем месяцам за нарушение общественного порядка. Она смотрела на него даже с большим презрением, чем судья! Прежде чем его увели, он повернулся и показал тете язык. То была последняя их встреча. Эджернон порадовался, когда она собрала вещички и свалила в Америку.

И вот теперь, столько лет спустя, она выказала свое отношение к Эджу. Тетя не просто предпочла ему Саманту, но намеренно плюнула племяннику в лицо. Какая-то маленькая частичка внутри Марша сожалела о том опрометчивом жесте в зале суда. Высунутый язык обошелся ему в половину доли в наследстве, вероятно огромном. Но быть может, это только самообман? Тетка была злопамятной старой крысой. И в любом случае никогда не завещала бы Эджернону ни цента.

Однако имелось в его характере свойство, которое тетя Джойс недооценивала, да и Саманта тоже оставила без внимания. Эджернон Марш никогда не сдавался. Всю свою жизнь, включая и тот злополучный инцидент с дракой у «Нат-Хауса», он был бойцом. Например, «Сан-Треп» он запустил после череды неудач в бизнесе, и, хотя перспективы компании на данный момент выглядели не слишком радужно, это был примечательный успех, пусть и до определенной степени. Да, Саманта может разбогатеть. Но Эджернон знает кое-что о жизни в Тоули-на-Уотере, что неведомо ей. И он был твердо уверен, что эти сведения помогут ему получить значительную долю наследства. Если, конечно, это наследство в принципе существует.

Зазвонил телефон. Торопясь снять трубку, Эджернон едва не выронил стакан с виски.

— Эджу?

— Терри! Удалось выяснить что-нибудь интересное?

— Не то слово! Присядь, если стоишь, приятель. Ты не поверишь...

V

Половина десятого.

Филлис и Эрик Чандлер сидели в своей гостиной на третьем этаже Кларенс-Кип. Они слушали по радио «Музыкальную карусель», но постепенно Филлис утомили комедийные интерлюдии, и она выключила приемник. Повисла гнетущая тишина. Эрик предложил матери приготовить горячее какао — они всегда пили какао перед сном, — но она отказалась.

— Пойду-ка я спать, — объявила вдруг Филлис.

— Мам... — Голос у Эрика дрожал. — Ненавижу, когда ты такая.

— Не знаю, о чем ты.

— Еще как знаешь. Ты всегда становилась такой, даже когда я был маленьким, когда злилась на меня. Ты разочаровалась во мне с самого момента моего рождения, из-за моей увечной ноги. А когда папа ушел на фронт, я знал, что он для тебя значил. Я понимаю: ты предпочла бы, чтобы я, а не он погиб на войне.

Филлис скрестила руки на груди:

— Ну и дурные вещи ты говоришь, Эрик. Тебе следует...

— Не стану я прополаскивать рот мыльной водой! Мне уже не десять лет!

Обычно эти двое разговаривали между собой тихо. Они знали свое место в доме и почитали прямым долгом не попадаться на глаза до тех пор, пока их услуги не понадобятся, старались лишней раз не привлекать к себе внимания. Но сейчас Эрик заорал на мать, и первым делом та непроизвольно бросила встревоженный взгляд на дверь, дабы проверить, заперта ли она.

— Тебе не следовало делать того, что ты сделал, — прошипела Филлис. — Не стоило так вести себя.

— Думаешь, мне тут нравится? Думаешь, мне доставляло радость работать с тобой все эти годы? — Грудь у Эрика судорожно вздымалась. Он готов был разрыдаться. — Ты всегда отказывалась смотреть на вещи моими глазами. Ты понятия не имеешь, что значит быть таким, как я.

Было в голосе сына что-то, тронувшее ее, пусть всего лишь на минуту. Но Филлис не поддавалась порыву, не встала с места.

— Ты не должен был врать тому полицейскому, — процедила она.

— А ты не должна была говорить того, что сказала!

— Может, и так. Только я тебя уже предупреждала: рано или поздно они все равно докопаются до правды. И что ты тогда будешь делать? — Филлис сложила руки. — Я приняла решение, Эрик. Когда все закончится и полиция оставит нас в покое, я перееду к сестре. Хватит мне уже работать. И ты прав: это ненормально, что мы служим тут вместе.

Сын уставился на нее:

— А как же я?

— Ты можешь остаться здесь. Уверена, мистер Пендлтон о тебе позаботится. — Она бросила взгляд в направлении хозяйских апартаментов. — Он с тобой разговаривал этим вечером?

В семь часов Эрик отнес Фрэнсису Пендлтону ужин, а часом позже забрал поднос. Хозяин практически не выходил из спальни весь день: проспал несколько часов под действием данного доктором Коллинзом лекарства, а потом просто сидел, ничем не занимаясь. К еде он почти не притронулся.

— Он ничего мне не сказал.

— Ну так тебе следует поговорить с хозяином.

— Не оставит он меня. И сам здесь не останется. Продаст Кларенс-Кип и вернется в Лондон. И куда я пойду?

— Ну, это твои проблемы.

— Пожалуйста, мам... — Голос у Эрика Чандлера задрожал, и, к отвращению матери, сын заплакал. — Не бросай меня. Ты не можешь так со мной поступить.

— Еще как могу, Эрик. Мне еще много лет назад нужно было это сделать. А после того, что ты тут натворил, я вообще не хочу тебя видеть.

Она встала и снова включила радио, как раз когда ведущий «Музыкальной карусели» объявил «Голубой Дунай» Иоганна Штрауса. Мать и сын слушали, не глядя друг на друга. Лицо у Филлис было словно каменное. Эрик тихонько хныкал. Оркестр ударил по струнам, и зазвучал веселый вальс.

VI

Дальше от них по коридору Фрэнсис Пендлтон лежал в темноте, собираясь с мыслями. Он не спал и не бодрствовал, но находился где-то посередине, стараясь отделить кошмар недавних событий от реальности, в которой очутился теперь. Он хотел бы встать, но едва смог пошевелиться: действие принятого утром наркотика до сих пор еще не прошло. Но тяжелее всего давило на него горе из-за утраты Мелиссы, всегда, несмотря ни на что, бывшей единственной его настоящей любовью.

Стоило Пендлтону подумать о ней, и желание жить исчезало.

Он перекатился на бок и медленно, словно старик, поднялся на ноги. На нем были все те же халат и пижамные брюки, в которых он встречал старшего инспектора и того немца, что заходили поутру. Фрэнсис забыл, что говорил им и о чем они его расспрашивали. И надеялся, что ничего не выболтал.

Он покинул комнату и пошел, босой, по коридору. В доме царила тишина, а темнота была почти осязаемой — ему буквально приходилось раздвигать ее, чтобы идти дальше. Однако бархатная портьера была отдернута, и до него, очень слабо, доносились из квартиры слуг звуки вальса. Фрэнсису захотелось приказать им выключить музыку, но сил не было.

Пендлтон не осознавал, куда направляется, но не удивился, оказавшись именно там. Он открыл вторую дверь и оглядел супружескую спальню, которую делил с Мелиссой на протяжении четырех лет их брака. Нет, не совсем так. Ближе к концу она все чаще изъявляла желание спать одна. Эта спальня стала ее личной комнатой, а не их общей.

Лунный свет струился через окна, освещая интерьер, и Фрэнсис скользнул взглядом по кровати, которую они вместе выбирали, по шкафу, найденному женой в маленькой антикварной лавке в Солсбери. Он осмотрел два позолоченных столика и ощутил, как в животе все сжалось при мысли, что телефона здесь больше нет. Естественно, полицейские забрали аппарат. Фрэнсис стоял в дверях как пригвожденный к месту, не решаясь сделать еще шаг.

Нужно продать все, решил он. Продать дом и мебель. Продать... Его глаза пробежали по комнате и заметили нечто, нарушающее порядок. Комод с ящичками между окнами. Верхний

ящик был слегка выдвинут. Разве так должно быть? Фрэнсис заходил в комнату, когда тут работала полиция, и позже, когда здесь наводили порядок. Он заглядывал сюда этим самым утром. Ящик был задвинут, никаких сомнений.

Пендлтон заставил себя войти в дверь, словно бы перешагнув через незримый барьер. Присел и открыл ящик. Здесь Мелисса хранила самые интимные предметы гардероба: чулки, белье. Он смотрел на разные вещи и вспоминал их форму и тепло, пока они были на ней. И каким-то образом, вопреки наркотическому дурману, заметил, что одна из них исчезла. Это была шелковая ночная сорочка, белая в цветочек, которую он купил для жены в Париже. Продавалась она в дорогом бутике на Елисейских Полях. Мелисса, проходя мимо, заметила вещь в витрине и обмолвилась, что та ей понравилась. Когда они вернулись в отель, Фрэнсис бегом помчался назад в бутик, чтобы устроить для супруги сюрприз. И сейчас он перерыл весь ящик, чтобы проверить, не ошибся ли. Но знал, что не ошибся. Он видел сорочку, аккуратно сложенную, после того как в комнате убрались. Она лежала сверху стопки. Она определенно была здесь.

Кто взял ее? Кто совершил подобное кощунство?

Фрэнсис прислушался к доносящейся через темноту музыке. Ему вспомнился Эрик Чандлер и то, как дворецкий всегда смотрел на Мелиссу. Супруги посмеивались над ним, но Фрэнсис часто ловил себя на мысли, что так быть не должно. У него возникло желание немедленно пойти в гостиную и обвинить обоих, мать и сына. Но сил не было. Он чувствовал себя больным. Выяснение отношений можно отложить до утра.

Фрэнсис Пендлтон медленно вышел из комнаты и направился к себе в спальню.

VII

После чудесного ужина в обществе старшего инспектора Крола Аттикус Пюнд вернулся в свой номер. Голова была полна всевозможных мыслей, спать еще не хотелось. Он закурил сигарету и вышел на узкий балкон. С него открывался беспрепятственный вид на море, раскинувшееся, сколько хватало глаз: сплошная линия, идеально очерченная в лунном свете. Сама луна низко висела над горизонтом и казалась одноглазым существом, подглядывающим за ним с другой стороны мира. Аттикус вслушивался в ритмичный шум волн и курил. Тьма нашептывала ему что-то, и он догадывался, что именно.

Ему не следовало братья за это дело.

Приезд в Тоули-на-Уотере был ошибкой, и не только потому, что Пюнд не мог лично встретиться с клиентом, направившим его сюда. Неплохо было бы посмотреть в глаза мистеру Эдгару Шульцу и выяснить истинный мотив его обращения к частному детективу. «Мы желаем знать, кто лишил жизни Мелиссу. Хотим выяснить, как все случилось. Мы чувствуем, что обязаны сделать это ради мисс Джеймс» — именно так Шульц выразился в телефонном разговоре. Однако он говорил и другие вещи, которые не были правдой. И было еще кое-что подозрительное в полученном им письме: сушая мелочь, но она не давала Пюнду покоя.

Не поторопился ли он? Хотя сам Аттикус лично не видел ни одного фильма с Мелиссой Джеймс, но знал, что она доставляла радость множеству людей по всему миру — и за это достойна восхищения. Не поэтому ли он так быстро согласился предоставить американцам свои услуги? Верно и то, что прошла уже неделя, а полиция так и не обнаружила злоумышленника. Разве задача частного детектива заключается не в том, чтобы восстановить правосудие там, где другие потерпели фиаско? Откровенно говоря, Пюнд так не считал. Он не рассматривал себя как мстителя. А полагал, что ему, скорее, отведена роль координатора. Есть преступление. Есть разгадка. Задача сыщика организовать все таким образом, чтобы эти две половинки сошлись.

Разгадки у него еще не было. Ему подумалось, что большинство людей, с кем он встречался, сумели убедительно объяснить, где они находились в то время, когда было совершено преступление. Фрэнсис Пендлтон был в опере. Филлис Чандлер и ее сын держались вместе, и казалось маловероятным (хотя подобная возможность и не исключалась), чтобы один из них мог совершить убийство без ведома другого. Доктор Коллинз находился во врачебном кабинете вместе с женой. Гарднеры оставались в отеле. И так далее.

Саймон Кокс? Убить он мог, подумал Пюнд, но вот только сгоряча, а не на холодную голову. Элджернон Марш? Этот тип заявляет, что якобы спал в своей комнате, выпив лишнего. Однако

согласно показаниям его сестры, он вернулся домой на сорок пять минут позднее, чем утверждает сам.

Все здесь неправильно. Пюнд писал в своей книге о форме преступления, о том, как в процессе расследования обстоятельства выстраиваются таким образом, что становятся распознаваемыми с первого взгляда. Убийцей должно быть такое-то лицо, потому как только в этом случае вся конструкция обретает смысл. Десять опорных моментов времени, обозначенные мисс Кейн, наглядно подтверждают сей факт. Они должны складываться друг с другом в картину, как в одной из любимых детских забав: соедини карандашом точки, и на бумаге проступит рисунок. Но рисунок не проступал.

Пюнд выдохнул табачный дым и посмотрел, как колечки поднимаются вверх и исчезают в темноте. Прямо сейчас он понимал лишь одно: в Тоули-на-Уотере поселилось некое зло, чье присутствие он ощутил с первой минуты приезда сюда. И сейчас оно где-то совсем близко к нему. Теперь Аттикус это чувствовал.

Сыщик вернулся в номер и закрыл за собой дверь.

Глава 12

Произведен арест

— Миссис Чандлер, на пару слов...

Филлис Чандлер как раз вскипятила чайник, когда в кухню вошел Фрэнсис Пендлтон. Он выглядел бледным и крайне изможденным, со впалыми щеками и синяками вокруг глаз, но в поведении хозяина читалась несвойственная ему прежде твердость.

— Какая радость, что вы встали, сэр, — сказала кухарка. — Я как раз собиралась принести вам чаю и пару тостов на завтрак.

— Я не хочу завтракать, спасибо. Где Эрик?

— Ушел в Тоули. Я попросила его купить яиц. — Филлис сразу смекнула, что приближается опасность. Это она угадывала по тону Фрэнсиса и по тому, как он интересовался Эриком.

— Хотел бы спросить вас кое о чем, — продолжил Пендлтон. — Заходил ли кто-нибудь из вас в спальню моей жены после... — Ему не удавалось подобрать слова, чтобы закончить предложение. — Кто-нибудь из вас был там?

— Лично я точно не заходила, сэр...

— Дело в том, что там кое-что исчезло. Я не выдумываю, потому что ящик остался открытым, а я точно знаю, что эта вещь лежала внутри.

— А что именно взяли? — Все краски сошли с лица Филлис, ожидающей, что топор вот-вот обрушится.

— Некий интимный предмет. Шелковую ночную сорочку. Вам, вероятно, известно, какую именно я имею в виду.

— Беленькую такую, с цветочками? — Филлис достаточно часто приходилось ее гладить.

— Да. Вы, случайно, не отдавали ее в прачечную?

— Нет, сэр. — Долю секунды она раздумывала, не стоит ли соврать, но какой от того прок?

— Есть ли у вас догадки, кто мог ее взять?

Филлис выдвинула из-за стола стул и тяжело опустилась на него. Из глаз у нее брызнули слезы.

— Миссис Чандлер?!

— Это был Эрик.

— Простите? — Фрэнсис не сразу расслышал, так тихо она говорила.

— Эрик! — Филлис достала платок и вытерла слезы.

— Но с какой стати вашему сыну...

— На это я ответить не могу, мистер Пендлтон. Не знаю, что вам и сказать. Я со стыда умереть готова. — Начав говорить, она решила выложить всю правду. — Что-то с ним не так. Эрик обожал хозяйку, но ему ударило в голову, и он не мог остановиться. Я ему говорила. Все как есть высказала.

— Так вы об этом знали? — Фрэнсис был потрясен.

— Не про сорочку, сэр. Но да, знала... про другие вещи.

— Так он и другие вещи брал?

— Точно не скажу, сэр. Возможно. Эрик не в себе...

Фрэнсис вскинул руку. Такого поворота он не ожидал, и ему просто не хватало сил справиться с этим. Долгую минуту оба молчали. Потом Пендлтон вздохнул.

— Так или иначе, я вскоре продам Кларенс-Кип, — произнес он. — Это уже решено. Я не могу жить здесь дольше. Один. Но мне кажется, что вы и ваш сын должны покинуть дом немедленно, до конца дня. Моя жена мертва, а все, что Эрик... — Фрэнсис не договорил. — Я заявлю на него в полицию. Нельзя оставлять это безнаказанным.

— Я пыталась его остановить, сэр. — Филлис залилась слезами.

— Мне жаль, миссис Чандлер. Я знаю, что вы тут ни при чем. Но я хочу, чтобы вы оба ушли. Что до вашего сына, то когда он вернется, передайте, что я даже видеть его не желаю. Меня от него тошнит.

Пендлтон развернулся и вышел из комнаты.

В отеле «Мунфлауэр» Атиккус Пюнд как раз покончил с завтраком, когда Морин Гарднер передала ему записку. В ней старший инспектор Крол сообщал, что по совету Пюнда отправляется в Барнстепл — навести дальнейшие расспросы по поводу «Свадьбы Фигаро», а в особенности уточнить насчет опоздавших зрителей. Представление началось в семь. Даже если Фрэнсис Пендлтон, по его словам, выехал из дома в шесть пятнадцать, то едва-едва мог успеть вовремя. Небольшая задержка, и поспеть к началу становилось крайне затруднительно, а то и невозможно. Определенно, он не мог пробраться тайком обратно в дом, убить жену, замести следы, вернуться в машину, доехать до Барнстеппа, припарковаться и войти в театр к началу увертюры.

В очередной раз все сводилось к десяти временным точкам, которые очертила мисс Кейн, — картинке, упорно отказывающейся обретать форму. Выспаться Пюнду минувшей ночью не удалось. Ну никак не получалось выбросить из головы различные схемы, постоянно сменяющие друг друга. В результате он промучился большую часть ночи.

Мисс Кейн присоединилась к нему в гостиной, и с первого взгляда было ясно, что она не в настроении. Позавтракала секретарша у себя в номере, как и прежде, и сразу вручила сыщику стопку машинописных листов.

— Это мои вчерашние записки, — сказала она. — Там было много всего; надеюсь, я ничего не упустила.

— Благодарю вас.

Пюнд взял документы и бегло просмотрел их: тут были подробно описаны разговор с Саймоном Коксом, визит в Кларенс-Кип, беседы с Фрэнсисом Пендлтоном и Чандлерами.

— Все в образцовом порядке, мисс Кейн, — кивнул сыщик. А потом добавил, с усмешкой в глазах: — Я как-то не заметил, чтобы вы брали с собой пишущую машинку!

— Мистер и миссис Гарднер предоставили мне свой кабинет. — Мисс Кейн вздрогнула, как если бы ей не хотелось говорить об этом.

— Есть что-нибудь еще? — мягко спросил Пюнд.

— Вообще-то, да. Есть. Надеюсь, вы не истолкуете мой поступок превратно, мистер Пюнд. Полагаю, со стороны Гарднеров было очень любезно помочь мне. Но спустя десять минут они оставили меня заниматься своими делами, и я, памятуя слова старшего инспектора насчет финансов отеля и возможных махинаций, решила воспользоваться случаем и немного осмотреться.

— Дорогая мисс Кейн! — Пюнд лучезарно улыбнулся ей. — Да вы настоящий Шерлок Холмс. Или, скорее, Артур Раффлс, взломщик-любитель, если уж сравнивать с литературными персонажами. И что вы нашли?

— Управляющие обманывали хозяйку, мистер Пюнд. В этом нет совершенно никаких сомнений. Бедная мисс Джеймс, она доверилась двум бессовестным мошенникам!

Секретарша извлекла еще три документа, составленные и подписанные Лансом Гарднером. Адресованы они были трем различным поставщикам: продовольствия, мебели и услуг прачечной — в Барнстеппе, Тонтоне и Ньюки, соответственно. В каждом письме управляющий сообщал, что по причине ошибки произошла переплата, и просил компанию возратить разницу почтовым переводом.

— Это один из старейших трюков в обойме, — сказала мисс Кейн. — Я полтора года проработала личным помощником управляющего отелем «Савой» в Лондоне, и он разъяснил, как работает схема. Вы намеренно переплачиваете поставщикам, зачастую в десять раз больше нужной суммы — так просто описать, поставив лишней нолик. Затем посылаете письмо с извинениями, вроде этих, и просите вернуть деньги. Но обратите внимание, куда предлагают их перечислить!

Пюнд всмотрелся в шапку письма.

«Ланс Гарднер, эсквайр», — прочел он вслух.

— Именно. Это его персональный банковский счет. Так что Гарднер прикарманивал разницу. У вас в руке три письма, и только на них он заработал почти двести фунтов, а я нашла в папках еще кучу других. Больше я брать не стала, чтобы их не хватились, но неудивительно, что у отеля

возникли финансовые затруднения. Бог знает, о каких суммах идет речь. Эта парочка вполне могла украсть тысячи.

— Это весьма примечательно, мисс Кейн. — Пюнд просмотрел два других письма. Действительно, в них был затребован возврат на суммы от пятидесяти до ста с лишним фунтов. — Нам следует передать их старшему инспектору Кролу, как только он вернется.

— Если вы не против, сэра, я бы предпочла, чтобы вы не упоминали о том, какую роль я сыграла в получении этих документов.

— Как скажете.

— Есть еще кое-что...

Мисс Кейн понурила голову, и Аттикус осознал, что истинной причиной ее расстройства были вовсе не уличающие Гарднеров письма. На душе у секретарши лежал другой груз.

— Мне очень жаль говорить об этом, мистер Пюнд, но я приняла решение уволиться. Разумеется, с месячной отработкой, но отсчет срока прошу начать с сегодняшней даты.

Сыщик посмотрел на нее с неподдельным удивлением:

— Могу я спросить, в чем причина?

— Мне очень нравилось работать на вас, сэра, и я искренне восхищаюсь тем, что вы делаете. Вы определенно замечательный человек. Но вы были свидетелем того, как мне стало дурно вчера, когда вы со старшим инспектором обсуждали детали преступления. Описание убийства, оно... очень угнетающе подействовало на меня, если можно так выразиться.

— Вам нечего стыдиться, мисс Кейн. Это мы виноваты, что так открыто говорили в вашем присутствии.

— Я вас не виню, мистер Пюнд. Вовсе нет. Но боюсь, это свойство делает меня совершенно непригодной к работе у вас. Отели, страховки, производители продуктов: тут я в своей тарелке и, смею думать, весьма неплохо разбираюсь в данных областях. Но когда душат молодых женщин, кругом снуют полицейские и все эти люди лгут вам — тут совсем другое дело. Размышляя об этом, я всю ночь не сомкнула глаз и к утру поняла: пусть мне очень не хочется подводить вас, подобное занятие точно не для меня.

— Что ж, вполне понимаю. — Пюнд печально улыбнулся. — Я принимаю ваше заявление, мисс Кейн. Хотя вынужден признать, что заменить вас будет крайне сложно.

— Ничуть. В агентстве найдется масса молодых женщин, не уступающих мне талантами. Надеюсь только, что вы раскроете это дело прежде, чем я уволюсь. Мне хотелось бы увидеть, как виновник преступления предстанет перед судом.

— Вполне вероятно, что ваше желание исполнится. Старший инспектор вернулся, и, похоже, у него есть новости.

Сыщик не ошибся. Крол шагнул с видом таким целеустремленным и самоуверенным, какого прежде им наблюдать не доводилось. Он направился прямо к Аттикусу и его секретарше.

— Доброе утро, мистер Пюнд... мисс Кейн. Вы оба уже позавтракали?

— Именно так, старший инспектор. Ну что, удалось вам выяснить что-нибудь любопытное в Барнстепле?

— Да, вы оказались абсолютно правы. Мне следовало дать себе пинка за то, что я не сделал этого прежде. Моя беда в том, что я слишком полагаюсь на местных полицейских. Впрочем, я их не виню. И очень благодарен вам за предложение лично все перепроверить.

— Вы поделитесь с нами тем, что узнали?

— Вообще-то, если вы не против, я бы попросил вас пока немного потерпеть и довериться мне. Я собираюсь в Кларенс-Кип. Поедете со мной?

— С удовольствием. Мисс Кейн, вы с нами?

— Разумеется, мистер Пюнд. Только сумочку захвачу...

Во второй из стоящих у отеля машин ждали двое полицейских в форме. Заметив их, Пюнд обратился к спутнику:

— Как понимаю, инспектор, вы намерены произвести арест?

— Верно, мистер Пюнд. — Крол совсем не походил на того растерянного человека, что встречал сыщика совсем недавно. — Вряд ли при этом возникнут осложнения, но я почел за благо попросить двух местных полисменов пойти с нами.

— Так вам известно, кто преступник! — воскликнула мисс Кейн.

— Полагаю, что да, — ответил Крол. — Это следует из слов, сказанных вами вчера вечером, мистер Пюнд. Спасибо за чудесный ужин, кстати. Так или иначе, вы найдете предстоящую нам встречу весьма любопытной.

— В этом я уверен, — согласился Пюнд.

Они миновали небольшое расстояние, отделявшее их от Кларенс-Кип, и, как накануне, Эрик проводил посетителей в холл. Выглядел он еще более неуклюжим и растрепанным, чем обычно. Явно перепуганный появлением полицейской машины и двух мужчин в форме, Эрик уже впал было в панику, но Крол успокоил его.

— У нас дело к мистеру Пендлтону, — сказал инспектор. — Ваш хозяин уже встал?

Пюнд заметил тень облегчения, промелькнувшую по лицу дворецкого.

— Полчаса назад он позавтракал, сэр.

— И где его сейчас можно найти?

— Наверху, сэр.

— Могу я попросить его спуститься? И пожалуйста, передайте миссис Чандлер, что вы оба должны оставаться в своих комнатах, пока я не пришлю за вами. Нам требуется побеседовать с мистером Пендлтоном с глазу на глаз.

Это снова встревожило Эрика, но все, на что его хватило, это кивнуть.

— Я сообщу ему о вашем приходе, — сказал слуга.

Старший инспектор направился в гостиную с видом на море и выходящими в сад стеклянными дверями. Там и обнаружил его Фрэнсис Пендлтон несколькими минутами позже. Хозяин дома успел надеть чистую рубашку и костюм, хотя и без жилета, но пришел в явное замешательство при виде такого количества ожидающих его людей. Пюнд сидел на диване, мисс Кейн примостилась в кресле с высокой спинкой в углу, стараясь держаться по возможности неприметно. Крол стоял посреди комнаты, один из полицейских в форме занял пост у двери, другой у выхода в сад.

— Весьма рад вас видеть, — произнес Пендлтон, быстро взяв себя в руки. — Есть новости?

— Дело сдвинулось с мертвой точки, сэр, — произнес Крол. — Это имеет прямое отношение к тому, что вы рассказали нам о своих перемещениях в день гибели вашей жены.

Пендлтон побледнел:

— Не понял, простите...

— Могу я попросить вас присесть, сэр?

— Мне и стоя вполне удобно.

— Тем не менее... — Крол выждал, пока Фрэнсис сядет, а затем продолжил: — В последний наш приезд сюда, как, собственно, и во время нашей предыдущей беседы, вы заявили, что уехали в оперу в шесть пятнадцать, а ваша супруга осталась дома, сославшись на головную боль. Перед этим вы вкратце обсудили встречу, которая состоялась у нее в отеле «Мунфлауэр», но ссоры между вами не было. Это так?

— Разумеется. Именно это я вам и сказал.

— Еще вы мне сказали, что вам очень понравилась «Свадьба Фигаро». И что вы не заметили ничего необычного во время представления.

— Потому что там и впрямь не было ничего необычного. Играла профессиональная труппа. Артисты постарались на славу.

— Вы находились в зале с самого начала представления?

— Да.

— Что скажете о певце, исполнявшем партию Фигаро?

— Я не помню, кто именно исполнял эту роль. Но пел он хорошо. К чему, собственно, вы клоните, старший инспектор?

Крол помолчал, прежде чем ответить. Голос его звучал внешне спокойно, но одновременно убийственно.

— Вообще-то, представление получилось не совсем обычным, сэр. И, присутствуя вы на нем с самого начала, стали бы свидетелем того, как режиссер вышел на сцену и объявил, что мистер Генри Диксон, исполнитель партии Фигаро, попал в автомобильную аварию. Незадолго до спектакля он вышел прогуляться и стал жертвой наезда. Ему повезло, что он остался жив. Поэтому его роль пришлось передать найденному в последний момент дублеру, мистеру Бентли, который

вынужден был выступать, держа в руках либретто. По общему мнению, певец справился неважно, и к концу вечера некоторые из зрителей потребовали вернуть им деньги.

Фрэнсис слушал все это в глубоком молчании.

— Так вы были в опере, мистер Пендлтон? — спросил старший инспектор.

Последовала еще одна долгая пауза, после которой прозвучал наконец ответ:

— Нет.

— В тот вечер вы не обсуждали с женой финансовые проблемы отеля. Между вами произошла ссора.

Пендлтон ничего не сказал. Лишь кивнул.

— Когда на самом деле вы уехали из дома?

— Понятия не имею. Позже, чем я сказал. Но не сильно позже.

— После того, как убили свою жену.

Фрэнсис Пендлтон закрыл лицо руками.

— Слава богу! — прошептал он. — Вы не поверите, но все, чего я хотел, — чтобы это наконец закончилось. Я во всем признаюсь. Все вам расскажу. Я арестован?

— Если вы не возражаете пройти с нами, сэр, мы официально предъявим вам обвинение, когда приедем в участок.

— Простите, старший инспектор, что обманывал вас. Вы не представляете, что я пережил за эти дни. Это была такая страшная пытка, я просто не мог дольше выносить ее. — Он посмотрел на свои ноги. — Мне нужно обуться. И могу я забрать в комнате наверху свой жилет?

— Да, сэр. Мы подождем вас здесь.

— Спасибо. Я... — Пендлтон собирался сказать что-то еще, но передумал и вышел из комнаты шаткой походкой лунатика.

— Ну вот, все оказалось проще, чем я предполагал, — произнес Крол и повернулся к Пюнду. — Мы оба соглашались, что это самый вероятный из подозреваемых. И оказались правы.

Однако Аттикус не выглядел убежденным.

— По-прежнему остается вопрос с телефоном, — проговорил он вполголоса. — И десять точек, очерченных мисс Кейн, — интервалы времени, на которых покоится все дело. Я не уверен, даже сейчас, что они сойдутся.

— Мы продолжим разговор в местном полицейском участке, мистер Пюнд. Самое важное, что мы нашли убийцу. Он сознался. У нас достаточно времени, чтобы притереть все детали друг к другу за пару ближайших дней.

— Мне бы хотелось задать вам еще один вопрос, старший инспектор. Полиция установила личность водителя, сбившего несчастного мистера Диксона?

— Пока нет. И зацепиться особо не за что. Два человека, проходивших мимо примерно в это время, вроде как видели какой-то стоявший на обочине светлый автомобиль, но точно цвет определить не берутся, потому как шел дождь, да и водителя они не разглядели.

— Светлая машина, однако. Это любопытно...

Пюнд собирался продолжить, но тут мисс Кейн вдруг закричала, указывая в окно:

— Там!

Все разом повернулись и увидели, что за окном стоял какой-то человек и явно шпионил за ними.

— Кто... — начал было Крол.

Но человек уже исчез, отпрянув так быстро, что узнать его никто не успел. Все, что они видели, — это придвинутая к стеклу голова с приложенной ко лбу козырьком ладонью. Не удалось даже определить, был то мужчина или женщина.

Следовало действовать немедленно. Полицейский в форме открыл дверь и выбежал в главный холл, сопровождаемый коллегой. Старший инспектор Крол, сообразив, что стеклянная дверь — самый быстрый путь на улицу, кинулся к ней и повернул ключ, оставленный в замке. И вылетел наружу, подгоняемый наседающим ему на пятки Пюндом.

Они находились с боковой стороны дома. Ярко-зеленый «остин» Фрэнсиса Пендлтона стоял на своей площадке. Перед ними лежала дорога. Пока они стояли там, из парадной двери выскочили двое полицейских в форме.

— Один остается здесь, — быстро распорядился Крол. — Не дайте Пендлтону уйти. Другой — бегом до главной дороги, посмотреть, нет ли там какой машины!

Один из полисменов расположился у парадной двери, а второй понесся по дорожке.

Крол повернулся к Пюнду:

— Вы его видели?

— Видел кого-то, но не узнал.

— Эрик Чандлер?

— Он не смог бы двигаться так проворно. И его мать тоже. Слишком пожилая.

Крол обвел взглядом пустой сад:

— Возможно, это какой-либо совершенно невинный человек. Почтальон или посыльный.

— Однако он поспешил скрыться.

— Это верно.

Пюнд и Крол обогнули угол дома, но и там никого не обнаружили. Черный ход вел в маленький дворик за кухней, и, когда Крол попробовал толкнуть дверь, она оказалась не заперта. Не ушел ли таинственный соглядатай этим путем? Кларенс-Кип окружала невысокая стена с полосой кустарника с обеих сторон. Стоило ему перелезть через стену, и он сразу становился невидимым. Здесь определенно никого не было. Преследователи опоздали.

А потом раздался крик: громкий и истошный вопль из коридора.

Дежуривший у парадного входа полицейский первым вернулся в дом. Пюнд и старший инспектор Крол прибежали на десять секунд позже. И тут глазам их предстало зрелище столь страшное, что его потом до самой смерти не забудешь.

Мисс Кейн стояла у подножия лестницы, прижавшись спиной к двери. Как выяснилось, душераздирающий вопль испустила секретарша, которая до сих пор продолжала кричать, явно пребывая на грани истерики.

Фрэнсис Пендлтон спускался по лестнице. Он надел жилет и ботинки. И словно бы нес что-то перед собой. Лицо его было совершенно белым.

Сквозь пальцы у него сочилась кровь. Пюнду вспомнились сувениры, которые он видел в доме кинозвезды: «хлопушка» и турецкий кинжал с цветной рукояткой, использовавшийся на съемках фильма «Ночи в гареме». Сыщик посмотрел на стол в холле, зная, что не обнаружит там кинжала. Он был у Фрэнсиса Пендлтона. Кривое лезвие глубоко погружалось в его грудь.

Фрэнсис покачнулся. Мисс Кейн двинулась вперед, как если бы хотела обхватить его, и он упал ей прямо на руки. Секретарша снова закричала.

Пендлтон повалился на пол и застыл в неподвижности.

Глава 13

Post mortem¹⁹

Старший инспектор Крол сразу взял ситуацию под контроль.

— Позаботьтесь о ней! — крикнул он Пюнду, а сам поспешил осмотреть распростертое тело.

Поддерживая секретаршу рукой, Аттикус повел ее в кухню. Женщина больше не кричала, но явно пребывала в шоке. Спереди ее платье было залито кровью. Полицейский стоял столбом. Это был совсем молодой парень, лет двадцати с небольшим, и, вероятно, он никогда прежде не видел мертвого человека, а уж тем более такого, который был живым всего пару секунд назад.

— Иди наверх! — рявкнул на него Крол. — Обыскать дом! Вполне вероятно, что убийца до сих пор здесь!

Одновременно с этими словами он опустился на колени и стал щупать у Пендлтона пульс.

Полицейский помчался по коридору второго этажа и скрылся за углом. В кухне Пюнд нашел стул и бережно усадил на него мисс Кейн. Ее трясло, по щекам текли слезы. Где-то в глубине сознания промелькнула мысль, что если бы секретарша не решила уволиться еще раньше, это происшествие неизбежно сыграло бы роль последней капли. Аттикусу не хотелось оставлять ее одну, и он обрадовался, когда в дверях появился второй полицейский, прибежавший на крики.

— Позаботьтесь об этой леди? — обратился к нему сыщик.

— Да, сэр.

— Вы захватили с собой радиопередатчик?

— Боюсь, что нет, сэр. Кто бы мог подумать...

— Не важно. Старший инспектор Крол вызовет по телефону «скорую» и подкрепление. Оставайтесь здесь, пожалуйста.

Пюнд уже собирался уйти, когда дверь в задней стене кухни открылась и появилась Филлис Чандлер.

— Что случилось? — резко спросила она. — Я слышала крики. Почему здесь полиция?

— Миссис Чандлер, я вынужден просить вас оставаться в кухне. Ни в коем случае не входите в холл. Прошу, будьте так любезны и приготовьте моей помощнице чашку крепкого чая. Она пережила сильное потрясение. — Пюнд склонился над секретаршей. — Я должен оставить вас на несколько минут, мисс Кейн. Но я позабочусь, чтобы «скорая» отвезла вас в больницу. Постарайтесь не притрагиваться к одежде, которая на вас, так как она потребуется полиции в качестве вещественного доказательства. Эти люди за вами присмотрят, а я скоро вернусь.

Он кивнул миссис Чандлер, уже ставившей чайник, и возвратился в холл как раз в тот момент, когда Крол встал.

— Мертв, — констатировал старший инспектор.

— Невероятно. Все случилось прямо у нас под носом.

— И это моя вина! — Никогда Крол не переживал такой неудачи. — Я не должен был разрешать Пендлтону покидать комнату.

— Честное слово, я не вижу, за что вы должны себя винить, — успокоил его Пюнд. — Ваш поступок был вполне разумным, а это... — Он посмотрел на распростертое у подножия лестницы тело. — Подобного никто не ожидал.

— Я не понимаю, как это произошло.

— Есть много вопросов, которые нам предстоит задать позже. А сейчас надо срочно позвонить по телефону. Нам нужны две «скорые»: одна для Фрэнсиса Пендлтона, другая для мисс Кейн.

— И еще мне требуется подкрепление.

Поднимавшийся наверх полицейский вернулся. На труп он старался не глядеть, но у него не получалось.

— Там никого нет, сэр, — доложил он. — В кухне наверху сидел какой-то мужчина, но он сказал, что работает здесь.

¹⁹ После смерти (*лат.*).

— Эрик Чандлер, — проговорил Крол.

— Да, сэр. Больше никого. Может, стоит посмотреть снаружи?

— Хорошая идея.

Полисмен бочком протиснулся мимо покойника и вышел.

— Я пойду делать звонки. — Инспектор отправился в гостиную.

Пюнд остался один. По доскам пола растекалось темно-красное пятно. Оно чем-то напомнило ему прошлую ночь, море в лунном свете. Накануне он ощущал присутствие зла в Тоули-на-Уотере. Но не ожидал, что так скоро убедится в своей правоте.

Три часа спустя старший инспектор Крол и Аттикус Пюнд сидели друг напротив друга в гостиной Кларенс-Кип. И на душе у них было скверно, как никогда. Крол продолжал корить себя за случившееся, и даже Пюнд склонялся к мысли, что убийце удалось выставить его дураком. Одно дело появиться на сцене спустя неделю после того, как произошло убийство, и совсем другое — в буквальном смысле при нем присутствовать. Такого с ним прежде не случалось.

События развивались стремительно. Из Барнстеpla приехали две «скорые» и четыре полицейские машины, и начался ритуал, следующий за любым убийством. Полицейский врач констатировал, что Фрэнсис Пендлтон скончался от единственной колотой раны в сердце. Полицейский фотограф сделал двадцать различных снимков места преступления. Тело положили на носилки, погрузили в машину «скорой помощи» и увезли в Эксетер на экспертизу. Вторая машина уехала еще раньше с мисс Кейн.

Было уже установлено, что доктор Леонард Коллинз и его жена Саманта до сих пор не вернулись из Лондона. Саймон Кокс, продюсер, находился в своем доме в Мейда-Вейл. Ланс Гарднер все утро провел в отеле, а его жена Морин заняла место за стойкой администратора, так как Нэнси Митчелл не вышла на работу. Она и Элджернон Марш были единственными причастными к расследованию лицами, местонахождение которых оставалось неизвестным, и полиция теперь разыскивала их.

Загадочный человек, заглядывавший в окно, словно бы испарился. Кто бы он ни был, он не оставил отпечатков ног или каких-то других следов, но, поскольку Крол и Пюнд оба видели его, это исключало возможность игры воображения.

— Я склонен думать, что Фрэнсис Пендлтон совершил самоубийство, — нарушил молчание инспектор. — Разумеется, будет проведено полное дознание, но если спросите у меня, то существует лишь одно-единственное объяснение. Взгляните на улики! Кинжал, которым он воспользовался, — реквизит со съемок одного из фильмов Мелиссы Джеймс — лежал на столе прямо рядом с лестницей. Пендлтон, видимо, заметил его, когда поднимался за жилетом и обувью. Он только что сознался в убийстве жены и понимал, что для него все кончено. И, схватив кинжал, нашел самый простой выход. Возможно, что в конце концов оно и к лучшему. Не придется тратить время на судебное разбирательство.

— А как же наш таинственный соглядатай?

— Не думаю, что это он совершил убийство, мистер Пюнд, даже если вдруг и пришел именно с этой целью. Между тем, как ваша секретарша заметила фигуру в окне, и смертью Пендлтона не прошло и полутора минут. Чтобы убить, тот соглядатай должен был обойти дом и проникнуть в него через черный ход. Он оказался бы в кухне. После чего ему еще предстояло пройти через холл, взять кинжал, заколоть Пендлтона, а затем каким-то образом испариться, растворившись в воздухе. Может, потрудитесь объяснить, как он мог все это успеть?

— На сей счет у меня нет никаких предположений. Я согласен с вами, старший инспектор. Было бы крайне сложно — хотя и не скажу, что абсолютно невозможно, — совершить преступление только что описанным вами способом.

Обычно спокойный Крол кипятился. Он энергично оборонялся, и Пюнд понимал причину. Это было его последнее дело. Крол надеялся уйти в отставку после успешно проведенного расследования, принимая поздравления и благодарности от начальства. Инспектор не предвидел дальнейших осложнений и оказался совершенно не готов, когда они появились.

— Лично мне все кажется предельно ясным, — настаивал полицейский. — Фрэнсис Пендлтон убил жену и только что был изобличен. Вы слышали его слова: он прямо-таки хотел, чтобы все закончилось.

Пюнд развел руками:

— Очень даже возможно, что это он задушил жену. Я все время допускал это, и данная версия выглядит самой убедительной, особенно если учесть, что Пендлтон солгал насчет оперы. Но нельзя упускать из виду вопрос с телефоном. Припоминаете, что мы обсуждали данную тему вчера вечером за ужином?

— Ах да, телефон. Может, объясните уже, о чем речь? А то, я смотрю, вас на этом телефоне явно переклинило!

— Переклинило?! Простите, я не понимаю...

— Чем вас так беспокоит этот телефон?

— Всего одно обстоятельство, старший инспектор. И оно бросилось мне в глаза с самого начала. Вы сказали, что не обнаружили отпечатков пальцев ни на самом аппарате, ни на трубке.

— Верно. Все было стерто.

— Но зачем Фрэнсису Пендлтону было это делать, если именно он воспользовался телефоном как орудием убийства? Он ведь не чужой в этом доме. И много раз прикасался к аппарату. Ему не было нужды замечать следы.

— Вы правы. — Крол задумался. — А вы не допускаете, что он намеренно стер отпечатки, чтобы сбить нас со следа?

— Мне это кажется маловероятным.

— Имеет ли это какое-то значение, мистер Пюнд? Фрэнсис Пендлтон сознался в убийстве! Мы оба слышали это.

— Ну, строго говоря, я не слышал его признания, старший инспектор. Пендлтон сказал только, что намерен во всем признаться.

— Вот именно!

— Но что именно он собирался нам рассказать?

— Не знаю. — Крол потерял наконец терпение. — Быть может, хотел покаяться в краже конфет из деревенской лавки или в парковке за желтой линией. Но поскольку непосредственно перед этим я арестовал Пендлтона за убийство, то это первое, что приходит на ум. — Он взял себя в руки. — Прошу прощения, мистер Пюнд. Боюсь, я погорячился.

— Старший инспектор, — проговорил Пюнд нарочито медленно, — вам нет нужды извиняться. И прошу, поверьте, у меня нет желания усложнять дело сверх необходимого. Но я не уверен, что Фрэнсис Пендлтон признал свою вину. И я могу назвать три причины, которые ставят под сомнение его суицид.

— Выкладывайте!

— Прежде всего, он вышел из комнаты, чтобы надеть жилет и ботинки. Можно предположить, что, замышляя покончить с собой, Пендлтон просто нашел подходящий предлог уединиться. Но вот в чем дело: он действительно надел жилет и ботинки. Они были на нем в момент смерти. Зачем ему это делать? Если человек решил умереть, то какая разница в чем?

— С вашего позволения, мистер Пюнд, вам, возможно, не вполне понятен образ мыслей английского джентльмена. Мне довелось расследовать гибель одного землевладельца из Тонтонна, пустившего себе пулю в висок. У него возникли финансовые затруднения, и самоубийца оставил записку, объясняющую, как именно он намерен поступить и почему. Но прежде чем выстрелить, погибший облачился в жилет. Умирая, бедняга хотел выглядеть как можно лучше.

Пюнд пожал плечами:

— Ну хорошо, допустим. Теперь давайте обратимся к местонахождению кинжала. Он лежал на столе у подножия лестницы. Но в тот момент, когда мисс Кейн замечает Пендлтона, он стоит на несколько ступенек выше. Орудие убийства торчит у него из груди. Как вы объясните случившееся? Фрэнсис захватил кинжал по дороге в спальню? И предпочел зарезаться на обратном пути, спускаясь по лестнице? Это бессмыслица. И наконец, меня сильно смущает способ самоубийства, — поспешно продолжил Пюнд, не давая Кролу снова перебить его. — Будь мистер Пендлтон японцем, я мог бы допустить, что он совершил ритуал харакири! Но как вы правильно заметили, он был английским джентльменом. Вам доводилось слышать, чтобы кто-то покончил с собой таким образом? В ванной у него имелись бритвы. Он мог повеситься на галстук. Но взять кинжал и вонзить его себе в сердце...

— Он был в отчаянии.

— Но не настолько, чтобы умереть без жилета и ботинок.

— Ну ладно. — Крол медленно кивнул, не в силах не признать логики в словах сыщика. — Как, по-вашему, все произошло?

— Пока мы не установим личность человека, замеченного в саду, я не смогу ответить на ваш вопрос. Но прежде чем мы покинем этот дом, нам следует разрешить еще одну загадку.

— Какую же, мистер Пюнд?

— Почему разодраны обои в спальне мисс Джеймс?

Когда Мэделин Кейн увезли, Филлис Чандлер поднялась наверх. Они с Эриком сидели в маленькой гостиной в окружении чемоданов. Фрэнсис Пендлтон велел им убраться к концу дня, и она сразу принялась собирать вещи. Отъезду помешала смерть хозяина. Мать и сын едва обменялись парой слов с самого утра, не разговаривали они и теперь. Также никто из них не ответил, когда раздался стук в дверь и вошли Пюнд и Крол.

— Вы уезжаете? — спросил Атиккус, указав на чемоданы.

— Да, сэр. Сказать по правде, сэр, я и минуты лишней в этом доме не останусь. Ну и ужасы здесь творятся!

— Но вы ведь понимаете, что не можете просто взять и исчезнуть, миссис Чандлер, — вмешался Крол. — Нам может понадобиться задать вам еще какие-то вопросы.

— Никуда я не исчезаю, старший инспектор. Я переезжаю к своей сестре в Бьюд.

— А ваш сын?

Филлис бросила взгляд на Эрика, тот пожал плечами.

— Я не знаю, куда пойду, — сказал он. — Друзей у меня нет. Ничего у меня нет. Мне все равно...

Пюнд подошел на шаг ближе. Редко доводилось ему встречать двух более несчастных людей, томящихся в тюрьме, ими же самими и построенной. Однако оставались проблемы, требующие разрешения.

— Миссис Чандлер, мне нужно кое-что обсудить с вами. И с вашим сыном.

Услышав, что речь идет о нем, Эрик Чандлер виновато посмотрел на сыщика.

— Скажите, в тот момент, когда напали на мистера Пендлтона, вы находились в этой комнате?

— Да, сэр. Упаковывали вещи.

— Выходит, вы приняли решение уехать прежде, чем произошло сегодняшнее ужасное событие?

Филлис сглотнула, сообразив, что выболтала больше, чем намеревалась.

— Признаться, мистер Пендлтон уже известил нас об увольнении, — сказала она. — Он собирался продать дом и не нуждался больше в наших услугах.

— Как-то довольно неожиданно, — вкрадчиво заметил Атиккус.

— Это было его решение, сэр. Уверен, он знал, что делает, — вмешался Крол. — Вы наверняка слышали крики мисс Кейн. В тот момент вы оба находились здесь?

Филлис Чандлер замаялась. Ей не хотелось говорить правду, но выбора не оставалось.

— Я была здесь. А Эрик в своей спальне.

— Я собирал вещи, — сказал Эрик. — И ничего не видел.

— Никто из нас ничего не видел.

— Вы не выглядывали в окно? Не слышали, как кто-то проходил мимо?

— Почему вы без конца задаете мне эти вопросы? — огрызнулась Филлис Чандлер. — Я уже говорила, что туга на ухо. Мы знали только, что в доме полиция, и нам было велено оставаться в своих комнатах, что мы и делали!

— По какой причине мистер Пендлтон захотел вас уволить?

— Я уже говорила вам...

— Вы ввели меня в заблуждение, миссис Чандлер. — Наступил черед Пюнда разозлиться. — Но довольно уже лжи. В этом доме произошли два убийства, и, хотя мне вполне понятно ваше желание защитить сына, вам не удастся и дальше обманывать меня!

— Не знаю, о чем вы толкуете, сэр.

— А я вам сейчас покажу.

И прежде чем кто-либо успел остановить его, Пюнд решительно вышел из комнаты. Крол последовал за ним. Эрик Чандлер и его мать переглянулись, затем поплелись следом.

Аттикус отлично представлял, что ищет. По чистой случайности обои в спальне Мелиссы Джеймс напомнили ему дом в Найтсбридже, где он расследовал кражу бриллианта «Людендорф», однако совпадение это тут же привлекло его внимание к идентичной улике: разрыву в обоях. Все это могло бы еще остаться незамеченным, но Пюнду вспомнился разговор, подслушанный Саймоном Коксом: «Она говорила, что „Мунфлауэр“ кривой, вроде как там что-то перекошилось, и она это насквозь видела». Получалась бессмыслица. Вот если бы Филлис, допустим, заметила, что Гарднеры пошли по кривой дорожке и она видит все их махинации насквозь, то это другое дело. Но каким образом мог быть кривым сам отель?

Пюнд направлялся не в спальню, как то можно было бы предположить. Вместо этого он свернул в коридор, шедший вдоль нее, все еще в отведенном для слуг крыле дома. Прямо на ходу он прикидывал расстояние и остановился перед фотографиями, на которые еще прежде обратил внимание. На них были запечатлены виды Тоули: маяк, пляж и отель. Под исполненными молчаливого ужаса взглядами Эрика и его матери сыщик снял с крючка картинку с «Мунфлауэром», и под ней обнаружилась дырка, просверленная в кирпичной кладке.

— Именно то, что я ожидал, — заключил Аттикус.

Крол подошел и припал глазом к отверстию. И увидел перед собой спальню Мелиссы Джеймс. Он вспомнил узорчатые обои на той стороне стены и понял, что дыра была практически незаметной. Полицейский повернулся. Филлис готова была разрыдаться. Эрик судорожно хватал воздух, лицо у него стало совсем бледным.

— Что это значит? — строго спросил инспектор.

— Если я правильно понимаю, мистер Чандлер соорудил так называемый глазок, — пояснил Пюнд.

Крол с отвращением посмотрел на дворецкого:

— Так ты у нас, оказывается, Подглядывающий Том!²⁰

Эрик не в силах был вымолвить ни слова. Крол повернулся к Аттикусу:

— Но как вы догадались?

— Припоминаете спор, подслушанный кинопродюсером Саймоном Коксом? Он слышал не все, что говорила миссис Чандлер, и истолковал ее слова по-своему. Речь шла вовсе не о том, что творилось в отеле. На самом деле она тогда сказала, что ей известно, чем промышляет сын.

Крол с негодованием посмотрел на Филлис:

— Вы знали об этом?

Пожилая женщина, мрачная как туча, кивнула.

— Узнала в тот самый вечер, когда случилось... убийство мисс Джеймс. Все произошло совершенно случайно. Я собиралась выглянуть из окна и заметила, что фотография с «Мунфлауэром» висит криво. Я сняла картинку со стены и обнаружила под ней сквозное отверстие. Вот почему я тогда бушевала в кухне. Как, вы полагаете, я себя чувствовала? Я была сокрушена, узнав, что мой собственный сын занимается такими мерзостями!

— И вы также сказали, что убьете Мелиссу Джеймс, если она вдруг узнает правду?

— Нет, сэр! — Филлис Чандлер пришла в ужас. — Что вы, мне бы подобное и в голову не пришло! Я лишь сказала, что, если хозяйка узнает правду, это убьет ее. Разумеется, не в прямом смысле, а в переносном. Мисс Джеймс доверяла Эрику. Бедняжка и представить не могла, что он такой извращенец.

— Я не... — Эрик пытался сказать что-то, но слова не шли у него с языка.

Однако Филлис отринула жалость и продолжила:

— А потом, сегодня утром, мистер Пендлтон сообщил мне, что кто-то заходил в спальню его жены и взял одну ее вещь.

²⁰ Подглядывающий Том — персонаж английского фольклора. По легенде, Том был единственным из горожан Ковентри, кто подсматривал за леди Годивой, проезжающей нагой по улицам города ради того, чтобы ее супруг снизил непомерные налоги для своих подданных. Его имя стало нарицательным для вуйериста.

— Какую именно? — спросил Крол.
— Предмет интимного гардероба. Белье. Из ящика у кровати...
— Это был не я! — выкрикнул Эрик.
— Разумеется, ты, кто же еще?! — Мать в ярости повернулась к нему. — Чего ради ты продолжаешь врать? Ты жирный, ленивый и больной на всю голову. Как бы я хотела, чтобы ты никогда не родился. Бог свидетель, твой отец сгорел бы от стыда!

— Мам...

Зрелище было ужасное. Эрик выл, слезы так и брызгали у него из глаз. Он пошатнулся, ударился спиной о стену и осел на пол. Пюнд и старший инспектор поспешили на помощь, совместными усилиями подняли его и кое-как отвели обратно в гостиную. Они усадили Чандлера на диван, Крол подал стакан воды. Но пить Эрик был не в состоянии. Его отчаянно трясло. Мать стояла в дверях, наблюдая за этой картиной без сочувствия во взоре, и Пюнд не мог удержаться от мысли, насколько счастливее сложилась бы жизнь их обоих, люби Филлис своего мужа чуть меньше, а сына — чуть больше.

— Что теперь будет? — спросила миссис Чандлер. — Вы его арестуете?

— Очевидно, что мистер Чандлер нарушил закон, — как бы с нежеланием сказал Крол. — И я имею полное право заключить его под арест...

— Я просто смотрел на мисс Джеймс! — сквозь всхлипывания невнятно проговорил Эрик. — Она была так прекрасна. Я никогда бы не причинил ей вреда. И я ничего не брал, клянусь!

Крол посмотрел на Пюнда, тот кивнул.

— Но раз уж вы двое все равно увольняетесь, а ни мистер Пендлтон, ни мисс Джеймс не могут выдвинуть обвинений, наверное, лучше будет оставить вас в покое. Вы только позаботьтесь, чтобы в случае необходимости мы могли вас найти. И еще. Эрик... Мне кажется, вам следует поговорить с доктором Коллинзом и найти специалиста, способного вам помочь. То, что вы делали, — это очень-очень нехорошо.

— Я не...

— Мне нечего больше сказать.

Крол и Пюнд направились к выходу. Миссис Чандлер посторонилась, давая им пройти. Ни один из сыщиков не обернулся.

— Надеюсь, что я поступил правильно, — пробормотал инспектор, пока они спускались по лестнице. — Если Фрэнсиса Пендлтона убили, то Эрик Чандлер может оказаться главным подозреваемым. А по сути дела, единственным. Он находился в доме. И вы слышали, что сказала его мать: он был в одной комнате, она в другой. Это означает, что Филлис и понятия не имела о его местонахождении. Если Эрик считал, что Пендлтон собирается выгнать его за кражу трусов жены или чего там еще, это вполне могло послужить мотивом.

— В ваших словах есть правда, — согласился Пюнд. — Это явно ущербный человек. Жизнь Эрика, я бы сказал, не сложилась во многих смыслах. И все-таки он не производит впечатления склонного к насилию субъекта. На свой извращенный лад он боготворил Мелиссу Джеймс. Убил бы он того, за кем она была замужем?

Они дошли до холла, где к ним, выйдя из гостиной, направился полицейский в форме. Он держал листок исписанной от руки бумаги, помещенный в прозрачную папку для улик.

— Простите, сэр, — произнес полисмен. — Думаю, вам следует на это взглянуть. Мы нашли документ в глубине письменного стола. Он был запрятан среди кучи старых бумаг, его явно стремились убраться с глаз подальше.

Констебль передал письмо Кролу, и тот внимательно его изучил.

— Что же, это способно заставить вас иначе взглянуть на вещи, — негромко сказал он. — Возможно, я все-таки окажусь прав.

Он вручил улику Пюнду. Листок был смят. Это письмо выбросили, не закончив.

13 февраля

Ах, мой милый, милый!

Не могу и дальше жить во лжи. Просто не могу. Нам нужно быть храбрыми и изменить наконец свою судьбу: сообщить всему миру правду о том, что мы значим друг для друга...

— У Мелиссы Джеймс был роман на стороне, и она хотела вычеркнуть Фрэнсиса Пендлтона из своей жизни. — Крол снова взял письмо. — Можете вы предложить иное объяснение?

— Соглашусь с вами, что эта улика, по внешним признакам, выглядит бесспорной. — Пюнд кивнул. — Но даже если и так, старший инспектор, нам предстоит выяснить еще одно важное обстоятельство, прежде чем дело можно будет счесть закрытым.

— Какое же?

— Мелисса Джеймс изменяла мужу. Это вполне очевидно. Вот только с кем?

Глава 14

Бей и беги

— Что ты здесь делаешь? — спросил доктор Коллинз.

— Вообще-то, тебя дожидаюсь, — ответил Эджернон.

Войдя в кухню Черч-Лодж, Коллинз обнаружил шурина, сидящего за столом и покуривающего сигарету. Саманта помогала викарию готовиться к очередной службе и забрала с собой детей. Ей нравилось, когда они проводили время с ней в церкви. Миссис Митчелл должна была прийти убираться только после обеда. Доктор Коллинз полагал, что находится в доме один.

Эджернона Марша он недолюбливал. Ему было достаточно хорошо известно о его делишках в прошлом и настоящем, и он не радовался визитам шурина. Но в этом, как и во многом другом, уступал Саманте, обладавшей более мягким и отходчивым характером. Леонарду никак не удавалось убедить жену в том, что от Эджернона исходят одни только неприятности, с самого его рождения. Их родители были, надо полагать, провидцами. Они нарекли сына именем, подходящим злодею из мелодрамы, и парень как раз таким и стал.

Сейчас при виде шурина доктор Коллинз ощутил приступ раздражения. Эти двое представляли собой в некотором смысле полную противоположность. Леонард пятнадцать лет работал врачом, сначала в Слау, потом в Тоули, возился с пациентами сутками напролет за плату, которой едва хватало на содержание жены и двоих детей. И никогда не жаловался. Медицина была его призванием — даже во время войны он нес службу в рядах Королевского армейского медкорпуса. Эджернон, разумеется, пороку не нюхал, протирал штаны за бумажной работой в Уайтхолле. И вообще, Марш со своими дорогими костюмами, французской машиной, мутными бизнес-схемами, наверняка придуманными исключительно ради его собственной выгоды, олицетворял новое поколение, вовлекающее страну в эру эгоизма и гедонизма.

Даже манера, в какой Эджернон сидел за столом — за его, Коллинза, столом, — наполняя комнату клубами табачного дыма, выглядела преднамеренно вызывающей. Между прочим, он его к себе в дом не приглашал. Шурин приехал сюда как гость, а теперь ведет себя здесь словно хозяин.

— Не понял? Ждешь меня? — переспросил доктор Коллинз. Ради Саманты он старался сохранять вежливость.

— Да. Полагаю, нам стоит немного потолковать.

— Не представляю, о чем нам с тобой можно беседовать, да и в любом случае вынужден тебя разочаровать: меня ждут в кабинете истории болезни.

— Подождут, я так думаю.

— Боюсь, что нет.

— Садись, Леонард. Нам нужно поговорить.

Это была не просьба, а угроза. Что-то в голосе шурина и его улыбочке предупредило доктора Коллинза, что уходить не стоит. И он подчинился, хотя и весьма неохотно, заняв место за столом.

— Ну хорошо, уделю тебе пару минут.

— Спасибо. — В очередной раз Эджернону удалось вложить в слово интонацию, совершенно искажающую его смысл. Его глаза безжалостно впились в сидящего напротив зятя.

— В чем дело, Эджернон? Я в самом деле не...

— А вот в чем.

Марш вынул из кармана листок бумаги и развернул его. Коллинз с первого взгляда узнал письмо, которое прислали Саманте из адвокатской конторы «Паркер энд Бентли» в Лондоне. Шурин разложил его на столе между ними.

— Где ты это взял? — в ярости воскликнул доктор. — Рылся в моем столе? Да как ты посмел?

— Ничего не хочешь мне рассказать? Дорогая тетюшка Джойс откинула галоши в Нью-Йорке, оставив Саманте... сколько именно? Как понимаю, именно поэтому вы ездили вчера в Лондон.

— Это тебя не касается.

— Очень даже касается, Леонард. Я родной брат Саманты, если ты вдруг забыл. И в свое время тоже жил у старой кошелки.

— Она ничего не завещала тебе, Эджернон. Ей не нравился твой образ жизни. И если на то пошло, мне он тоже не по душе. Не важно, сколько оставила тетя: ты из ее денег не получишь ни пенни.

— Это Саманта так говорит?

— Да.

— Наверняка с твоей подачи! Как подсказывает память, Саманта всегда питала ко мне слабость. По крайней мере до тех пор, пока не вышла за тебя. Готов биться об заклад, что сестренка поделится со мной свалившимся на нее наследством. Сколько там всего, говоришь?

— Ничего я не говорил.

— Ладно. Я сам навел кое-какие справки и выяснил, что Харлан Гудис заработал кучу денег в рекламном бизнесе. Приятели сообщили, что речь может идти примерно о миллионе монет.

— Чего ты хочешь, Эджернон? — Доктор Коллинз смотрел на шурина с нескрываемым презрением.

— Думаю, что половина наследства будет справедливой долей.

Коллинз уставился на него, потом резко хохотнул:

— Да ты никак спятил?

— Значит, ты не согласен со мной поделиться?

— Об этом и речи быть не может. Деньги завещали не тебе, а моей жене. Это было особое пожелание вашей тети, чтобы ее племянничку ничего не досталось, и, если Саманта внемлет моему совету, то, унаследовав состояние, она вообще перестанет иметь с тобой дело.

— Она ведь прислушивается к твоему мнению, так?

— Да.

— Хорошо. Значит, тебе удастся убедить жену в обратном.

— С чего бы мне вдруг это делать?

— А с того, что я знаю про тебя, Леонард, кое-что такое, чем ты вряд ли захочешь поделиться с Самантой или с кем-либо еще.

Доктор Коллинз почувствовал себя так, словно бы ему отвесили пощечину.

— О чем ты говоришь?

— Ты действительно хочешь, чтобы я это озвучил?

— Ты никак пытаешься шантажировать меня?

— Да, пытаюсь. И заметь, у меня неплохо получается. — Эджернон наклонился ближе к собеседнику. — Давай просто назовем это... недостатком профессионализма по отношению к определенным пациентам.

— Я категорически опровергаю все, на что ты намекаешь. Я никогда не совершал ничего дурного, и твои жалкие попытки дискредитировать меня закончатся лишь тем, что тебя посадят в тюрьму, и поделом.

— Саманта может не согласиться с подобной трактовкой фактов.

— Не впутывай сюда мою жену!

Доктор Коллинз готов был вскочить с места и накинуться на противника, но разговор прервался в связи с появлением на подъездной дорожке даже не одной, а сразу двух машин. В первой прибыли Аттикус Пюнд и старший инспектор Крол. Во второй ехали полицейские в мундирах.

Эджернон встал и выглянул из окна.

— Похоже, нам придется на некоторое время отложить нашу приятную беседу, — процедил он и потянулся было за письмом, но Коллинз успел схватить бумагу раньше. — Мы оба понимаем, о чем идет речь, — продолжил Марш. — Пятьдесят на пятьдесят. Я согласен пока держать язык за зубами. При условии, что ты обещаешь испробовать все свое очарование и силу убеждения на Саманте. Времени у тебя мало.

В дверь позвонили.

Доктор Коллинз пристально посмотрел на Эджернона Марша. Потом встал и пошел встречать гостей.

Старший инспектор Крол сразу почувал неладное. Доктор, обычно на редкость спокойный и обходительный, был явно встревожен, причем не только вторжением в свое жилище такого множества служителей закона.

— Что стряслось? — поинтересовался он с порога.

— Мне очень неприятно отрывать вас от дел, доктор Коллинз, но скажите, дома ли ваш шурин?

Что-то в этом вопросе показалось хозяину дома забавным. По губам его пробежала тень улыбки.

— Элджернон? Да. Мы с ним только что беседовали.

— Мне бы хотелось сделать то же самое, если не возражаете.

— Вы, случайно, не арестовать ли его пришли?

— С вашего позволения, сэр, я предпочел бы не разглашать эту информацию.

— Разумеется. Входите. Марш в кухню.

Двое полисменов в форме встали у дверей. После случившегося в Кларенс-Кип Крол не пренебрегал мерами предосторожности. Они с Пюндом последовали за доктором в прихожую. Элджернон Марш вальяжной походкой вышел им навстречу из кухни.

— Инспектор! Мистер Пюнд! Рад видеть вас. Вы со мной хотите поговорить или с моим зятем? Уверен, у Леонарда найдется пара интересных вещей, чтобы рассказать вам.

— Вообще-то, мистер Марш, мы пришли к вам.

Элджернон переменялся в лице, хотя улыбка никуда не делась.

— Это становится несколько утомительным, инспектор.

— Вполне может быть, но такова моя работа. — Крол обратился к доктору: — Можем мы где-то уединиться, сэр?

— Воспользуйтесь моим кабинетом, если угодно.

Пюнд за все это время не проронил ни слова, однако шпилька, подпущенная Элджерноном Маршем в адрес зятя, не ускользнула от его внимания. Доктору Коллинзу есть что рассказать полиции, и Элджернон об этом знает. Имеет ли это отношение к Мелиссе Джеймс? Почти наверняка.

— Увидимся позже, Леонард, — бросил Элджернон. — Поразмысли пока над нашим разговором.

Пюнд укрепился в своих подозрениях. Между этими двумя явно пробежала черная кошка. Доктор Коллинз проводил их в кабинет, использовавшийся также как процедурная, с кушеткой для осмотра в одном углу и ширмой, подвешенной к рейке. Пюнд сел на кушетку, Крол и Элджернон Марш расположились за столом друг напротив друга.

— Я хотел бы поговорить с вами о компании, которой вы владеете, — начал Крол. — «Сан-Треп холдингс».

— А она-то тут при чем? — Элджернон слегка хохотнул. — Вы надумали заняться инвестициями, инспектор?

— Старший инспектор, — поправил его Крол. — И должен предупредить, мистер Марш, что ничего смешного тут нет. — Он сделал паузу. — Множество людей доверили свои деньги этой компании. Не будете ли вы любезны объяснить, чем она на самом деле занимается?

— Да, конечно. Строит недвижимость на юге Франции: отели, виллы и все такое прочее. Там сейчас все равно что золотая лихорадка разразилась. Канны, Ницца, Сен-Тропе — возможно, вам не доводилось слышать эти названия, но очень скоро люди со всего мира ринутся их посетить.

— Как я понимаю, мисс Джеймс выступала в качестве одного из ваших инвесторов?

Лицо Элджернона потемнело.

— Кто вам это сказал? — Он взял себя в руки. — Ну да, Мелисса вложила небольшую сумму, это правда.

— Девяносто шесть тысяч фунтов сложно назвать небольшой суммой, мистер Марш.

— Я не обязан обсуждать с вами свой бизнес. А с кем именно вы разговаривали?

— С ее банковским менеджером. Мы проследили три отдельных чека, выписанных мисс Джеймс в пользу «Сан-Треп холдингс».

— Это небольшая сумма в сравнении с прибылями, которые ей предстояло получить, как только проекты застройки будут завершены.

— И сколько отелей и вилл вы уже построили?

— Вам этого не понять, старший инспектор. Все не так просто.

— На самом деле все проще некуда, — вмешался Пюнд. — Эту схему разработал тридцать лет назад один итальянский аферист по имени Чарльз Понци. Он убеждал инвесторов приносить ему свои сбережения, не имея в итоге намерения ничего им возвращать. Зато использовал деньги последующих вкладчиков, чтобы выплатить дивиденды первым, убеждая их тем самым, что все идет хорошо. А сам тем временем прикармливал их капиталы.

— Я не совершал ничего противозаконного!

— Не могу согласиться с вами, сэр, — заявил Крол. — Акт о мошенничестве от одна тысяча девятьсот шестнадцатого года, статья тридцать вторая, недвусмысленно запрещает получать деньги посредством обмана с намерением присвоить их. Это преступление карается тюремным заключением на срок до пяти лет.

— Да никого я не обманывал! — Эджернон съезжился в кресле, его былая бравада сменилась визгливыми оправданиями. — Мелисса прекрасно понимала, что делает. Я полностью информировал ее.

— Какие именно отношения связывали вас с мисс Джеймс?

— Мы были друзьями.

— Близкими друзьями?

— Да!

— Вы спали с мисс Джеймс?

Марш вытаращился на собеседника:

— Вынужден заметить, что вы чересчур прямолинейны, старший инспектор. И я не понимаю, почему должен отвечать на этот вопрос. Это не ваше дело, черт побери.

Крол не дрогнул. Он извлек найденное в Кларенс-Кип письмо и показал Эджернону.

— Оно адресовано вам?

Эджернон взял письмо и смотрел на него какое-то время. Пюнд внимательно наблюдал. Марш был расчетливым лжецом в том истинном смысле слова, что он тщательно продумывал свои слова и говорил правду только тогда, когда ему это было удобно. Вот и теперь он просчитывал разные варианты. И наконец принял решение.

— Ну хорошо, — сказал Эджернон. Плечи его поникли. Он бросил письмо на стол. — Да. «Мой милый, милый» — так Мелисса всегда обращалась ко мне в письмах. И все эти разглагольствования про совместное бегство. Мы постоянно обсуждали подобную перспективу.

— Между вами существовала интимная связь?

— Да. По правде, Мелисса была от меня без ума. Понимала, что брак с Фрэнсисом оказался ошибкой. Он не мог дать ей того, чего она хотела.

— И чего же она хотела?

— Возбуждение. Риск. Секс. То, чего хотят все женщины. Наш роман начался в Лондоне, и я встречался с Мелиссой всякий раз, когда приезжал в Тоули. На самом деле она была главной причиной, привлекавшей меня в это захолустное местечко. — Он бросил взгляд на письмо. — Где вы его нашли?

— Мы полагаем, что Фрэнсис Пендлтон обнаружил его и...

— И убил жену? Это вы хотите сказать? Неприятная мысль, но он оказался совершенно несостоятельным ни как муж, ни как любовник. Едва ли стоит удивляться, что Мелисса предпочла меня. И хотите верить, хотите нет, но я никогда не причинял ей вреда.

— За исключением того, что обирали ее.

— Поаккуратнее, старший инспектор. Это чересчур сильное выражение.

— У меня сложилось впечатление, мистер Марш, что ваша манера вести бизнес схожа с поведением водителя, который сбивает человека и уезжает с места происшествия. У вас нет ни стыда, ни совести. Вы берете то, что вам нужно, и идете дальше.

И снова Пюнд заметил: страх отразился в глазах Эджернона, пока он осмысливал слова Крола.

— Я ни в чем не виноват, — пробормотал Марш.

— Мистер Генри Диксон с этим бы не согласился.

— Генри Диксон? Никогда о таком не слышал.

— Это оперный певец. В данный момент он лежит в Барнстеплской больнице в тяжелом, но стабильном состоянии. Ранее на этой неделе его сбила машина на Бронтон-роуд. Водитель скрылся.

— Надеюсь, вы не намекаете... — Голос изменил Эджернону. Сознание вины звучало в каждом слове.

— Как вы объясните повреждения на передней части вашего «пежо», мистер Марш?

— Я не могу. Я не...

— Вашу машину заметил другой водитель, проезжавший мимо места происшествия. А еще у нас есть вот это... — Крол извлек вторую папку для вещдоков, в которой лежала наполовину выкуренная сигарета, фильтр которой побурел от дождя. — Кроме того, мы знаем, как много алкоголя вы употребили в Сонтонском гольф-клубе, и имеем все основания предположить, что вы сели за руль в состоянии опьянения.

Крол подождал ответа. Но Эджернону нечего было сказать. Он понимал, что все кончено.

— Мистер Марш, я арестую вас за различные преступления, определенные Актом о дорожном движении одна тысяча девятьсот тридцатого года и Актом о мошенничестве одна тысяча девятьсот шестнадцатого года. Вы имеете право хранить молчание или говорить, но должен предупредить, что все вами сказанное может быть записано и использовано как доказательство против вас. Желаете что-то сказать?

— Да, есть один нюанс.

— Какой же?

Эджернон не испытывал страха. Он уже остался позади.

— Я любил Мелиссу Джеймс, и она любила меня. Это все, что имеет для меня значение в данный момент, старший инспектор. Можете заключить меня под арест, если вам угодно, но вам никогда не отобрать это у меня.

Когда Марша выводили из дома, он улыбался.

Глава 15

Девушка на мосту

Они намеревались препроводить Эджернона Марша в полицейский участок в Барнстепле, но, доехав до Байдфордского длинного моста, неожиданно встали в пробке на дороге. Старший инспектор Крол сразу сообразил, что должно было случиться нечто из ряда вон выходящее. Была середина дня, и не имелось никаких видимых причин для того, чтобы на каждом берегу скопилась вереница из десяти, а то и двадцати автомобилей. Многие водители выходили из машин и смотрели на что-то в самой середине моста. Оставив Эджернона с двумя полицейскими во второй машине, Крол и Пюнд отправились выяснять, в чем дело. По мере того как они продвигались вперед, до них долетали реплики из толпы зевак:

- Бедная девушка!
- Нужно срочно что-то предпринять!
- Кто-нибудь уже вызвал полицию?

Пробравшись вперед, они сразу увидели, что происходит.

Молодая женщина перелезла через идущую вдоль всей длины моста каменную балюстраду и стояла на узком карнизе на другой стороне. Она наклонялась вперед, над рекой, держась на вытянутых за спиной руках. Мост был невысок, не больше двадцати футов, но вода под ним бежала быстро и клубилась водоворотами. Если девушка упадет, то едва ли разобьется, но почти наверняка утонет.

Крол, сам отец взрослой дочери, ощутил острый приступ сочувствия к молодой женщине, доведенной до крайности. По внешнему виду ей было лет двадцать с небольшим, а подойдя ближе, инспектор узнал эти каштановые волосы и слегка неправильные черты лица.

- Это девушка из «Мунфлауэра»! — воскликнул он.
- Нэнси Митчелл. — Пюнд тоже ее узнал.
- Я должен остановить ее.

Крол оттолкнул в сторону двоих мужчин, беспомощно стоявших у входа на мост. Водители хотя бы не стали подъезжать слишком близко, сообразив, что, уловив угрозу, несчастная спрыгнет.

Пюнд удержал детектива за руку.

— При всем уважении, друг мой, будет лучше, если я сам попробую поговорить с ней. Нэнси известно, что вы старший инспектор, а возможно, и то, что суицид считается преступлением. Ваше приближение может ее встревожить...

- Вы правы.

Не время было спорить. Крол повернулся лицом к толпе.

— Я — офицер полиции, — спокойным тоном объявил он. — Позвольте попросить вас сдвинуться немного назад.

Зрители повиновались. Пюнд тем временем двинулся вперед, оказавшись один на опустевшем теперь мосту. Нэнси заметила его и смотрела расширившимися от страха глазами.

- Не подходите ближе! — крикнула она.

Пюнд остановился в десяти шагах.

- Мисс Митчелл, вы меня помните? Я гость отеля.
- Я знаю, кто вы такой. Но не хочу говорить с вами.
- И не нужно. Вам не обязательно говорить. Но позвольте мне сказать несколько слов.

Пюнд сделал два шага вперед, и девушка напряглась. Он остановился и посмотрел на стремительно пронесившуюся под мостом бурю воду. Толпа на другом берегу в тревоге прихлынула было ближе, но тут, по счастью, подоспел другой полицейский и сдержал людей.

— Я не знаю, что привело вас сюда и что подвигло к столь отчаянному поступку, который вы готовы совершить, — произнес Пюнд. — Наверное, вы очень несчастны. Тут нет сомнений. Поверите ли вы мне, если я скажу, что какой бы скверный оборот ни приняли дела сегодня, завтра все может пойти лучше, дайте только этому завтра шанс наступить? Таков порядок вещей, мисс Митчелл, и сам я — живое тому доказательство.

Девушка не ответила. Сыщик сделал еще два шага. Чем ближе он к ней подойдет, тем меньше придется возвышать голос.

— Оставайтесь, где стоите! — выкрикнула Нэнси.

Пюнд поднял раскрытые ладони.

— Я не собираюсь прикасаться к вам. Я только хочу поговорить.

— Вы не знаете, о чем я думаю!

— О чем думаете, нет. А вот что чувствуете — возможно. — Он шагнул еще. — Мне тоже довелось страдать, мисс Митчелл. Я перенес жуткое насилие — в немецком концлагере, во время войны. Мою жену убили. И моих родителей тоже. Я оказался в аду, один, в окружении жестокости и бесчеловечности, которые даже не берусь описать. Подобно вам, я желал смерти. И все же я не умер. Я принял самое глупое, самое нерациональное решение: вопреки всем обстоятельствам, я решил выжить! Рад ли я, что поступил так? Да. Потому что сейчас я здесь и надеюсь убедить вас последовать моему примеру.

— Мне не на что надеяться.

— Надежда есть всегда. — Пюнд подошел еще на два шага. Теперь он находился настолько близко, что стоило им протянуть навстречу друг другу руки, и они бы соприкоснулись. — Позвольте мне позаботиться о вас, мисс Митчелл. Я помогу сделать так, чтобы все плохое осталось позади.

Девушка еще колебалась. Он видел, как в ней борются два противоречивых стремления. И знал, что должен делать.

— Подумайте также о ребенке, которого носите! — добавил Аттикус. — Неужели вы не дадите ему шанс?

До этого Нэнси смотрела на воду, но теперь голова ее резко повернулась.

— Кто вам сказал?

Вообще-то, эту догадку высказал старший инспектор Крол.

— Чудо новой жизни читается в вашем облике, — проговорил Пюнд. — И жизнь — это то, чему вам следует раскрыть объятия.

Нэнси Митчелл разрыдалась. Она слабо кивнула, потом повернулась, продолжая цепляться за балюстраду обеими руками. Пюнд прыгнул вперед, обхватил девушку и, крепко держа, стал перетаскивать на безопасную сторону. Несколько секунд спустя подоспел Крол, а Нэнси без чувств повалилась наземь.

Два часа спустя Аттикус Пюнд и старший инспектор Крол сидели на неудобных деревянных стульях у дверей палаты на втором этаже Норт-Девонской больницы в Барнстепле. Это было то самое лечебное учреждение, в котором медленно шел на поправку Генри Диксон. И, как подумалось Пюнду, Мэделин Кейн тоже должна находиться где-то здесь. Он не видел секретаршу с момента гибели Фрэнсиса Пендлтона, но позаботился, чтобы ей оказали необходимую помощь.

Дверь открылась, и вышел молодой доктор.

— Как она? — спросил Крол.

— Я дал мисс Митчелл легкое успокоительное, и она сейчас немного сонная, но хочет видеть вас. Лично я бы не советовал: после всего, что ей довелось пережить, пациентка нуждается в отдыхе.

— Мы постараемся ее не утомлять, — пообещал Крол.

— Ладно. Она беременна, кстати говоря. Вы были правы. Примерно три месяца. К счастью, ребенок не пострадал.

Врач ушел. Пюнд и Крол переглянулись, потом вошли в палату.

Нэнси Митчелл лежала в кровати, волосы ее разметались по подушке. Выглядела она отдохнувшей и на удивление безмятежной.

— Мистер Пюнд, я хочу поблагодарить вас, — сказала девушка, когда посетители уселись. — То, что я сделала... вернее, намеревалась сделать... было очень глупо. Я чувствовала себя такой несчастной, что свалила дурака.

— Я рад, что вы здесь и чувствуете себя лучше, мисс Митчелл.

— Вы арестуете меня, старший инспектор?

— Это последнее, что могло бы прийти мне в голову, — заверил ее Крол.

— Хорошо. Я хотела видеть вас обоих, потому что мне нужно снять камень с души. Определенно до того, как здесь окажутся мои родители. Доктор сказал, что они уже едут.

Крола удивило, насколько уверенной стала Нэнси Митчелл. Создавалось впечатление, что пережитое на Байдфордском длинном мосту стало для нее своего рода перерождением.

— Думаю, лучше начать с самого начала. Вы были правы, мистер Пюнд. Я уверена, это доктор Коллинз сказал вам, что я жду ребенка. Родителям я пока не призналась, но приняла решение, что сохраню дитя. С какой стати я должна отдавать его на усыновление просто потому, что местный народ в Тоули не одобрит? Разумеется, мой отец будет против, но я с детства боялась его, и теперь с меня хватит. Быть может, как вы и говорили, мистер Пюнд, это для меня шанс самой определять свою жизнь.

Опережая ваш вопрос, я назову вам имя отца ребенка, хотя не сообщала его никому и не собиралась этого делать. Но вы, наверное, обязаны знать правду, так что я скажу. Это был муж Мелиссы, Фрэнсис Пендлтон. Вы удивлены? В том-то все и дело, и как раз поэтому я хотела поговорить с вами. Я не любила этого человека и, на случай, если вам интересно, не убивала его. Впрочем, разве я стала бы говорить иначе?

Нэнси помедлила.

— Я расскажу, как все произошло. Мы с ним были хорошо знакомы, разумеется. Хозяйкой «Мунфлауэра» являлась мисс Джеймс, но мистер Пендлтон постоянно там появлялся. Помогал ей управлять отелем. Не могу сказать, что мы подружились, но ему вроде как нравилось болтать со мной. Еще он обратился ко мне за помощью. Пендлтон заподозрил, что Гарднеры каким-то образом обманывают его жену, и попросил меня приглядывать за ними. Мне это не очень по вкусу — не люблю я шпионить. Но в то же время я была польщена, что хозяин оказал мне доверие, и к тому же Фрэнсис мне нравился. Он всегда был добр ко мне.

А однажды, месяца три назад, он приехал в отель в ужасном состоянии. Мне он ничего не сказал, но пошел прямо в бар и стал пить, в одиночку. К счастью, вернее к несчастью, я дежурила в ночь. Был конец января, отель стоял почти пустой. Часа два я не трогала Фрэнсиса, но потом пошла в бар, потому как волновалась и хотела узнать, все ли в порядке.

Оказалось, что нет. Он изрядно напился и спьяну выболтал, что ему стало известно о романе его жены. Я поначалу не поверила. Она ведь не кто-нибудь, а Мелисса Джеймс! Настоящая звезда! Потом я предположила, что он мог ошибиться. Однако Фрэнсис сказал, что нашел черновик ее письма любовнику. Но кому оно было адресовано, он не знал. Имени там не было, а признаваться в находке жене он не стал. Но сказал, что это убивает его. Он боготворил Мелиссу. В самом деле. Говорил, что просто жить без нее не может. Бедняга был так удручен, что даже страшно стало.

Время было позднее, мы оставались только вдвоем, и я старалась держаться с ним ласково: ну, знаете ли, хотела утешить человека. Сказала, что ему не стоит ехать домой, в таком-то состоянии, и предложила проводить в один из свободных номеров наверху. У нас тогда их целая дюжина была на выбор. Пендлтон счел это хорошей идеей, я предложила проводить его. И это была моя ошибка. Одно тянет за собой другое, как любит повторять моя мать, и в результате случилось то, что случилось.

Нэнси умолкла.

— Фрэнсис меня не любил, — продолжила она через некоторое время безразличным тоном. — Просто ему было плохо. Мелисса была любовью всей его жизни и изменила ему, вот он и решил отплатить ей тем же. Быть может, это позволило ему почувствовать себя более сильным. Почувствовать себя мужчиной. Что до меня, то и сама не знаю, о чем думала. Возможно, мне польстило, что некто вроде Фрэнсиса Пендлтона обратил на меня внимание. Хотя скорее я просто вообще в тот момент не думала ни о чем, и уж тем более о последствиях.

Девушка вздохнула.

— Я повела себя глупо. Ведь я не из тех, кому невдомек про тычинки-пестики и тому подобное. Я чуть не умерла, когда доктор Коллинз сообщил мне про беременность. Разумеется, он сразу подсказал, что ребенка следует отдать на усыновление. Я не призналась ему, кто отец. Точнее, солгала. Заявила, что якобы это один парень из Байдфорда. Мне не хотелось, чтобы кто-то узнал правду. Потому как ничего путного из этого выйти все равно не могло. Ни для мистера Пендлтона, ни для Мелиссы, ни для меня. В конце концов я сообщила новость Фрэнсису. Мы

почти не виделись с той ночи, и у меня возникло ощущение, что он намеренно избегает меня. Поэтому я написала ему письмо. Он должен был знать! В конечном счете это был его ребенок, а я нуждалась в помощи. Я думала, что он позаботится обо мне. У меня и в мыслях не было, что Пендлтон разведется с женой и тому подобное, но у него хватало денег, вот я и вообразила, что Фрэнсис поможет мне переехать куда-нибудь, где я рожу ребенка и начну новую жизнь. А знаете, что он сделал? Буквально на следующий день прислал мне конверт с шестьюдесятью фунтами и адресом доктора в Лондоне. Он написал, чтобы я сделала аборт. Вот и все! Даже поговорить со мной не пожелал. Не захотел иметь с этим ничего общего. Можно ли поступить более жестоко?

— Это вы приходили в Кларенс-Кип непосредственно перед тем, как был убит Фрэнсис Пендлтон, — сказал Пюнд.

— Я его не убивала, мистер Пюнд. Клянусь. — Нэнси судорожно вздохнула. — Вы не представляете, что я чувствовала. Я была унижена. Я сгорала от стыда и... от злости. Конечно, все осложнилось со смертью Мелиссы, но я-то написала ему еще до убийства, так что у Фрэнсиса не было веской причины отказать говорить со мной. Он отверг меня, потому что так ему было удобнее, а на меня он смотрел свысока. Я ничего для него не значила. Но в то же время я понимала, что должна что-то предпринять, причем быстро. Мама уже поглядывала на меня с подозрением, да и отец вскоре наверняка заметил бы неладное.

Я пошла к дому, чтобы поговорить с Пендлтоном. Чего уж греха таить, я намеревалась ему пригрозить, выдвинуть ультиматум: либо он позаботится обо мне как следует, либо я всему свету расскажу, что он за человек. Теперь, когда Мелиссы не стало, рисковать ему было нечем. Фрэнсис получил ее дом, ее отель, ее состояние. И вполне мог позаботиться обо мне. Я пришла напомнить, что он обязан поступить по справедливости, или...

Подойдя к Кларенс-Кип, я заметила стоявшие там машины и попыталась понять, что происходит. В дверь я звонить не стала, а обошла кругом до гостиной и заглянула в окно. И тут увидела вас и старшего инспектора, а еще двух полицейских в форме — и все, мигом передумала! Я сразу поняла, что мне тут делать нечего, так что пригнулась и побежала: вокруг дома и через стену, а затем через лесок на главную дорогу.

Потом, узнав о смерти мистера Пендлтона, я перепугалась. Все в Тоули толковали об этом. Его тоже убили! Мне не понадобилось много времени, чтобы сообразить: я была возле дома как раз в то время, и если правда о нас с ним выйдет наружу, все станут думать на меня. После того, как Фрэнсис со мной обошелся, у меня был веский повод воткнуть в него кинжал. Вероятно, и вы тоже так считаете.

Казалось, все пропало. Теперь меня обвинят в преступлении; кроме того, после смерти Фрэнсиса обо мне некому позаботиться. Меня переполнило отчаяние. Не было даже способа доказать, что ребенок от него. Мама ничем не могла помочь, а отец наверняка убил бы.

Девушка всхлипнула, и Пюнд подал ей стакан воды. Она отпила пару глотков, потом вернула.

— Знаю: то, что я устроила на мосту, глупо и неправильно, но я не видела выхода, — сказала Нэнси. — Я только подумала, что если меня не станет, так будет лучше для всех, включая меня саму и ребенка. Сперва я подумывала зайти в море. Плавать я не умею. Но потом решила, что спрыгнуть с моста будет легче. В результате я выставила себя полной дурой... и вот теперь лежу здесь, и только Небеса знают, что будет дальше, потому как у меня самой нет об этом ни малейшего представления.

Девушка подошла к концу своей истории и замолчала.

Старший инспектор Крол слушал ее, не перебивая, но теперь первым нарушил молчание.

— Это к лучшему, что вы все рассказали нам, мисс Митчелл, — произнес он. — Мы теперь расследуем не одно, а два убийства, и ваши показания способны пролить свет на оба. Уверен, вам пора отдохнуть, но есть еще один вопрос, который я обязан задать. Видели вы кого-нибудь выходящим из дома, когда находились у Кларенс-Кип? Я не ставлю под сомнение ваши слова, но вы совершенно справедливо полагаете, что оказались на месте преступления во время убийства мистера Пендлтона. Вы упомянули, что разглядели в окно мистера Пюнда и меня. Видели вы кого-то еще?

Нэнси покачала головой:

— Простите, сэр. Я хотела только поскорее сбежать оттуда. И никого не видела.

Крол именно такого ответа и ждал, но все равно огорчился.

— Ну хорошо, — сказал он. — Ни слова больше о том, что произошло этим утром. Берегите себя — это самое главное. Поговорите с матерью, а доктор Коллинз, я уверен, сумеет помочь вам. Существуют специальные учреждения, способные оказать поддержку молодым женщинам в вашем положении. «Миссия надежды», например. Или есть еще «Общество морального благополучия Скина». Не чувствуйте себя так, будто вас бросили одну.

— Я также постараюсь помочь вам, — добавил Пюнд. — То, о чем я говорил на мосту, было правдой. — Он улыбнулся девушке. — Позаботьтесь о себе и о ребенке, а ко мне, если что, обращайтесь в любое время.

Сыщик извлек визитную карточку и аккуратно поместил ее на тумбочку возле кровати.

— Все устроится наилучшим образом, — пообещал он. — Вы всегда можете положиться на меня как на друга.

Они со старшим инспектором Кролом вышли из палаты. Прошли по коридору, направляясь к главной лестнице. Только что услышанное расстроило Крола.

— Кто бы мог подумать. — Он вздохнул и печально покачал головой. — И что нам делать дальше? Все это дело в Тоули-на-Уотере похоже на первый подвиг Геракла.

— Какой именно, старший инспектор?

— Очищение авгиевых конюшен. Столько грязи вокруг. Мелисса Джеймс крутила роман с Эджерноном Маршем, а тот одновременно обманывал ее, вовлекая в свои бизнес-махинации. Фрэнсис Пендлтон воспользовался добротой Нэнси Митчелл. Эрик Чандлер — извращенец. Гарднеры — воры и мошенники. Ну будет ли этому конец?

— Если правильно помню, чистка конюшен — это пятый подвиг Геракла, а не первый. Но не отчаивайтесь, друг мой. — В глазах у Пюнда зажглись искорки веселья. — Конец уже совсем близко!

— Хотелось бы верить!

Они уже спустились на первый этаж, и Аттикус собирался ответить, как вдруг остановился и изумленно воскликнул:

— Мисс Кейн!

Он не ошибся. Его помощница стояла у главного выхода, полностью одетая, с чемоданчиком в руке.

— Мистер Пюнд!

Встреча в равной степени удивила и ее тоже.

— Как вы себя чувствуете, мисс Кейн?

— Намного лучше, спасибо, сэр. Вы едете в отель?

— Таково наше намерение.

— Тогда я с вами, если не возражаете. — Женщина замялась. А потом спросила: — Нам долго еще придется пробыть здесь? Признаюсь честно: то, что я пережила в том доме... мне этого никогда не забыть! Чем скорее я уеду назад в Лондон, тем лучше.

— Целиком понимаю ваше желание покинуть эти места. Уверен, для вас это был ужасный опыт, и в очередной раз приношу свои извинения. Но быть может, вас порадует, мисс Кейн, что завтра я собираюсь вернуться в Лондон. К тому времени вся эта загадка будет разрешена.

— Вы знаете, кто это сделал?! — воскликнул Крол.

— Я знаю, кто убил Мелиссу Джеймс и Фрэнсиса Пендлтона, но у меня нет доказательств, старший инспектор. Вы вели это расследование, и именно вы дали мне подсказку, благодаря которой все стало ясно.

— Какую же?

— Вы упомянули о пьесах Уильяма Шекспира и в особенности о смерти Дездемоны из трагедии «Отелло».

— Я польщен, мистер Пюнд. Но боюсь, у меня нет ни малейшего представления, о чем вы говорите.

— Ничего, вскоре все разъяснится. Нужно выяснить всего лишь еще одну маленькую деталь, и наша работа будет окончена.

— И что же это за деталь?

Аттикус улыбнулся:

— По какой причине Мелисса Джеймс в день смерти ходила в церковь.

Глава 16

Пюнд испытывает озарение

Аттикус Пюнд не был верующим человеком. В войну его преследовали не по религиозным убеждениям, а за то, кем он являлся: греческим евреем, прадед которого иммигрировал в Германию за шестьдесят лет до рождения правнука. Пращур и не предполагал, что, изменяя к лучшему собственную жизнь, он обрекает на гибель почти все свое потомство. Оказавшись в концлагере Берген-Бельзен, Пюнд видел евреев, которые совместно молились, прося Бога спасти их от злой участи. А еще видел, как их уводят и казнят. Тогда он усвоил, причем навсегда, что если Бог есть, он предпочитает никого не слушать, и от всех в мире звезд, крестов и полумесяцев нет никакого прока.

Придерживаясь таких воззрений, он в то же время сознавал необходимость религии и уважал ее. Входя во двор церкви Святого Даниила, он размышлял о том, что без храма Тоули-на-Уотере был бы куда хуже, чем есть. То был самостоятельный мирок, этакая зеленая гавань под сенью вязов, где рыбаки и их жены оставались частью созданной ими за многие годы общины, даже лежа в могилах. Сама церковь прослеживала свою историю до XV века: то было аккуратное красивое здание из корнуоллского гранита, известного как мурстон, с башней в форме усеченной пирамиды на западе, которая нуждалась в ремонте. Пюнда охватило чувство глубокого умиротворения. Он мог представить себе английский провинциальный городок без религии, но не без церкви.

Мелисса Джеймс приходила сюда за час до смерти. Зачем? Саманта Коллинз, жена врача, видела ее из окна спальни, хотя не имелось никаких свидетельств того, что Мелисса была набожной или часто посещала церковь, пусть она даже и выразила желание быть погребенной здесь. Пюнд видел свежую могилу, терпеливо ожидавшую, когда полиция выдаст тело. Может, мисс Джеймс с кем-то тут встречалась? Как ни крути, это очень подходящее место для свидания: тихое, скрытое от центра городка. Да и вдобавок здесь никогда не запирают.

Пюнд повернул тяжелое железное кольцо, и дверь открылась. Интерьер церкви его удивил. Внутри храм оказался просторнее, чем можно было ожидать, судя по внешнему виду; он был светлым и очень аккуратным, с синим ковром от скамей до алтаря в дальнем конце. Три витражных окна над алтарем пересказывали житие святого Даниила, и по мере приближения к ним Пюнд оказался окутан разноцветными лучами косоугольного солнца, проходящими через стекла. По одну сторону от него стояла каменная купель. По другую обнаружилась мемориальная табличка с выгравированным на ней именем владельца поместья, который был тут погребен. Весьма символично: всю нашу жизнь, от рождения до смерти, можно легко охватить взглядом.

Сыщик каким-то чутьем уловил, что он здесь не один. И действительно, из-за кафедры вышла женщина, несущая вазу с цветами. Это была Саманта Коллинз. Пюнд не удивился, застав ее здесь. Он читал в переданных ему Кролом записях, что супруга доктора — ревностная прихожанка.

— Ой... добрый вечер, мистер Пюнд. — На миг она растерялась. — Что вы тут делаете?

— Заглянул на минутку посозерцать, — ответил Аттикус с улыбкой.

— Ну, добро пожаловать. Я сейчас освобожусь. Я просто освежаю цветы. И еще нужно распределить по номерам гимны. Орган жутко старый и сиплый, но ему еще по силам сыграть в очередной раз «Вперед, воины Христовы!».

— Пожалуйста, не прерывайте из-за меня работу. Я очень скоро вернусь в отель.

Но Саманта поставила цветы и с внезапной решимостью направилась к сыщику.

— Как понимаю, вы арестовали Элджи, — сказала она.

— Лично я никого не арестовывал, миссис Коллинз. Это старший инспектор Крол поместил вашего брата под стражу и теперь допрашивает его.

— Полагаю, вы не скажете мне, что именно мой брат натворил?

— Мне жаль. — Пюнд пожал плечами.

— Нет-нет. Все в порядке. Я все понимаю. — Она вздохнула. — Сколько я себя помню, Элджи постоянно попадал то в одну историю, то в другую. Мне иногда даже странно становится, как мы можем быть родными братом и сестрой, будучи такими разными. — Саманта помялась, затем собралась с духом. — Скажите мне только одно: его арестовали за убийство Мелиссы Джеймс, да?

— Вы подозреваете его в этом преступлении, миссис Коллинз?

— Нет! Что вы! Я вовсе не это имела в виду. — Женщина явно пришла в ужас. — Элджи способен на дурные поступки, но он никогда намеренно не причинит вреда другому человеку.

«И все же он не только сбил пешехода, — подумал Пюнд, — но и бросил его без помощи на обочине дороги».

— Однако, насколько мне известно, они с Мелиссой были близки, — продолжила Саманта. — И Элджи являлся ее финансовым консультантом.

— Таким образом он охарактеризовал свои отношения с мисс Джеймс?

— Да. Возможно, его интересовали ее деньги, но это ведь не преступление. Лишних денег у Мелиссы хватало.

Что-то в тоне Саманты насторожило Пюнда. Ему вспомнилось, как она говорила о погибшей во время их визита в Черч-Лодж. Две эти женщины явно не были дружны.

— Будет ли справедливо сказать, миссис Коллинз, что вы не слишком любили мисс Джеймс?

— Совсем не любила, если честно, мистер Пюнд. — Слова вырвались у нее прежде, чем она успела прикусить язык. — Понимаю, что не должна так говорить. Нам следует искать в своем сердце любовь к ближнему. Но мне она сильно не нравилась.

— Можно спросить почему?

— Мне казалось, что Мелисса испортила Тоули-на-Уотере своим дорогим отелом, своей дорогой машиной и всеми этими людьми, ее поклонниками, которые приезжали сюда только лишь для того, чтобы на нее посмотреть. И это притом, что она уже много лет как перестала сниматься. Я считала Мелиссу весьма поверхностной особой.

— Вы знали, что у нее с мистером Маршем был роман?

Это оказалось для Саманты ударом.

— Это брат вам сказал?

— Да. Он сознался в прелюбодеянии.

— Ох... Элджи в своем репертуаре. — Она рассердилась. — Теперь мне все равно, что с ним будет. Если он отправится обратно в тюрьму, это его вина. Прелюбодеяние — страшный грех, и я больше не впущу брата в свой дом. Мне с самого начала стоило послушать Леонарда. — Едва переведя дух, женщина продолжила: — Что до Мелиссы, то меня это не удивляет: какого еще поведения следовало ожидать от голливудской актрисы? Нет, я Элджи не оправдываю, ни на минуту, но если хотите знать мое мнение, то во всем городке не было ни одного мужчины, которому не грозила бы опасность со стороны этой красавицы. Она даже к моему Леонарду клинья подбивала: вечно липла к нему со своими болезнями, существовавшими только в ее воображении. Такой уж была Мелисса Джеймс. Она всегда добивалась чего хотела, и да помогут вам Небеса, если вы вдруг окажетесь на ее пути.

Возможно, фраза про Небеса стала причиной того, что Саманта умолкла и огляделась, как бы напоминая себе, где находится.

— Конечно, нехорошо с моей стороны дурно отзываться о покойной, но я надеюсь, Бог смилуется над ее грешной душой. А лично я Мелиссу не любила и считаю, что ей следовало больше помогать церкви, особенно раз уж она хотела, чтобы ее здесь похоронили. Я вот недавно про орган говорила. Мелисса знала, в каком плохом он состоянии, но не пожертвовала и пенни в фонд реставрации. Так вышло, что теперь я сама способна об этом позаботиться, можно будет купить новый инструмент. Но вы подумайте: ей достаточно было только руку в карман сунуть. Нельзя быть такой эгоисткой.

— Вы ничего этого не сказали мне при первой встрече, миссис Коллинз.

— Ну, мне показалось неуместным говорить об этом тогда.

Пюнд уцепился за оброненные собеседницей слова.

— Как я понимаю, вы теперь располагаете собственным капиталом, — заметил он. — С вашей стороны очень милосердно, что вы хотите помочь деньгами церкви.

— Я и не думала тратить все только на себя. Да и сумма, кстати, просто огромная. Деньги оставила мне недавно умершая тетя.

— А орган? Если не ошибаюсь, это дорогостоящее приобретение?

— О да, мистер Пюнд. Орган — самая дорогая вещь в храме, и наш инструмент специально изготавливает на заказ фирма «Хил и компания» в Плимуте. Речь может идти о тысяче с лишним фунтах, но Леонард согласен со мной, что церковь играет важную роль в жизни общины и что это самое меньшее, что мы можем для нее сделать. — Саманта помедлила. — Сам храм тоже нуждается в ремонте, и тут мы также в силах помочь.

— Это более чем щедро с вашей стороны, миссис Коллинз. — Пюнд улыбнулся, но потом вдруг озадачился. — А ваша покойная тетя... Могу я полюбопытствовать: вашего брата она тоже упомянула в завещании?

Саманта смущенно покраснела.

— Нет, — ответила она. — Эджернон ничего не получил. Боюсь, он сильно разочаровал тетю Джойс в годы своей юности, и потому она предпочла вычеркнуть его из завещания. Сперва я хотела поделиться с братом деньгами, но затем — особенно в свете того, что вы рассказали мне сегодня, — передумала. Странное дело, но муж пытается убедить меня в обратном. Он пришел к мнению, что нечестно будет забрать все себе. Я не могу понять, как это случилось, ведь поначалу, едва мы получили новости, Леонард не хотел даже, чтобы Эджернон вообще про них узнал. Но теперь мне нет дела до его мнения. Я приняла решение. Думаете, я поступаю неправильно?

— Я думаю, что не вправе давать вам какие-либо советы, миссис Коллинз. Скажу только, что мне вполне понятен ход ваших мыслей.

— Спасибо, мистер Пюнд. — Она повернулась и задумчиво посмотрела на крест в алтаре. — Я бы хотела немного побыть одна, если вы не против. Это ведь так легко, не правда ли: впустить в сердце ненависть и недостойные христианина мысли? Я считаю, что обязана помолиться за Мелиссу и за брата тоже. Мы все грешны в очах Божьих.

Пюнд отвесил легкий поклон и оставил женщину в одиночестве, подумав при этом, что ей не мешает помолиться и о своей собственной душе. Он вышел из церкви и остановился на улице под яркими солнечными лучами, в окружении могил. Отсюда открывался вид на Черч-Лодж и на окно, через которое Саманта Коллинз заметила в тот вечер Мелиссу Джеймс. Аттикус улыбнулся про себя. Возможно, ему следовало сильнее верить в силу религии, поскольку сыщик только что испытал самое настоящее озарение. Случайная встреча открыла ему все, что он хотел знать.

Глава 17

Все собираются в отеле «Мунфлауэр»

Главная гостиная отеля «Мунфлауэр» была закрыта на утро. На двери висела табличка с извинениями, которая сообщала гостям, что гостиная обслуживает частный заказ и будет доступна только после полудня, но бесплатное печенье и кофе можно получить в баре. На самом деле здесь к десяти часам собралось тринадцать человек, и, хотя Пюнд не был подвержен суевериям, ему пришлось признать, что для одного из них эта цифра определенно окажется несчастливой.

Он стоял посреди комнаты, одетый в аккуратный старомодный костюм, палисандровая трость образовывала диагональ между левой рукой и правой ногой. Благодаря очкам в проволочной оправе и спокойной, менторской манере держаться его легко было принять за местного учителя, которого пригласили сюда, допустим, с целью прочитать лекцию по истории Тоули или же о природе Девоншира — такого рода мероприятия частенько проводились в «Мунфлауэре».

Аудиторию Пюнда составляли разные люди, так или иначе причастные к убийствам Мелиссы Джеймс и Фрэнсиса Пендлтона, подозреваемые и не только. Идея собрать всех вместе принадлежала старшему инспектору Кролу. Эффект получился несколько театральный, он и сам это понимал, но то было последнее его дело, так почему бы не насладиться драматической развязкой, пусть даже в центре сцены окажется другой человек. Эта роль отводилась Пюнду.

Ланс и Морин Гарднер, управляющие «Мунфлауэром», примостились на диване, с видом уже заранее возмущенным, как если бы им не за что было держать ответ. На другой софе расположились, держась за руки, доктор Коллинз и Саманта. Элджернон Марш сидел в кресле, закинув ногу на ногу и сложив на груди руки. Трудно было поверить, что этот человек находится под арестом и доставлен сюда только благодаря хлопотам Крола. Саймон Кокс, вызванный из Лондона, занимал аналогичное кресло с другой стороны от камина.

Эрик Чандлер и его мать выбрали два деревянных стула перед книжной полкой. Сидели они рядом, но оставив между собой широкое пространство, а также избегали встречаться друг с другом взглядами. Выписавшаяся из больницы Нэнси Митчелл пришла с матерью, которая, судя по ее заботе о дочери, узнала правду насчет беременности. По соседству с ними устроилась мисс Кейн, приготовившая блокнот и ручку. Выглядела она подавленной, и Крол нисколько не сомневался, что эта женщина предпочла бы сейчас находиться в Лондоне. После всего случившегося ей явно хотелось вообще никогда больше не приезжать сюда.

— Очень рад видеть вас всех сегодня здесь, — начал Пюнд. — Это было в высшей степени необычное расследование, по двум причинам. Во-первых, хотя было несколько человек, у которых имелся мотив убить Мелиссу Джеймс, а также существовал ряд лиц, заинтересованных в устранении Фрэнсиса Пендлтона, однако две эти группы подозреваемых не пересекались. Каков мотив убийства Мелиссы Джеймс и почему Фрэнсис Пендлтон тоже был обречен умереть? Увязать между собой оба преступления оказалось задачей весьма непростой.

Вторую особенность этого дела обозначила для меня моя помощница, мисс Кейн. — Он повернулся к секретарше. — Понимаю, что это стало для вас ужасным опытом, но тем не менее я у вас в долгу за то, что вы определили для меня десять ключевых моментов времени. Я попросил моего доброго друга старшего инспектора Крола изготовить, так сказать, наглядное пособие, чтобы мы все могли изучить события в интервале между пятью часами сорока минутами и шестью часами пятьюдесятью шестью минутами вечера того дня, когда была убита мисс Джеймс.

Крол сделал копию записки мисс Кейн на большом листе бумаги, так что все в комнате могли видеть написанное. При помощи чертежных кнопок Пюнд прикрепил лист к простенку между окнами, чем вызвал досаду у Морин Гарднер.

— Нам дырки в обоях ни к чему, с вашего позволения, — буркнула она.
Старший инспектор не обратил на нее внимания.

17:40. Мисс Джеймс покидает «Мунфлауэр».

18:05. Мисс Джеймс приезжает домой.

18:15. *Фрэнсис Пендлтон покидает Кларенс-Кип и едет в оперу.*
18:18. *Слышен собачий лай. В Кларенс-Кип входит чужак?*
18:20. *Слышно, как открывается и закрывается парадная дверь Кларенс-Кип.*
18:25. *Чандлеры уходят. «Остина» нет на стоянке.*
18:28. *Мелисса Джеймс звонит доктору Коллинзу.*
18:35. *Доктор Коллинз выходит из дома.*
18:45. *Доктор Коллинз приезжает в Кларенс-Кип. Мелисса Джеймс мертва.*
18:56. *Доктор Коллинз вызывает полицию и «скорую помощь».*

— Как видите, есть отрезок всего в семнадцать минут, в течение которого могла быть убита Мелисса Джеймс, — продолжил Пюнд. — Весьма необычно, когда существует столь узкое временное окно, и это также серьезно повлияло на мое расследование. Например, доктор Коллинз и его жена не могли совершить преступление, поскольку находились дома в шесть часов двадцать восемь минут, когда зазвонил телефон. Когда именно был сделан звонок, нам известно благодаря записи на местном коммутаторе. Более того, миссис Коллинз слышала разговор супруга с потерпевшей. Мы знаем также, что мисс Джеймс была чем-то расстроена и нуждалась либо в докторе, либо в друге, а Коллинз был и тем и другим. Что-то довело женщину до слез. Об этом свидетельствуют бумажные салфетки, которыми она вытирала слезы, причем обнаружены были эти салфетки как в спальне, где затем нашли тело, так и в гостиной этажом ниже.

«Но почему в двух местах?» — задал я себе вопрос. Это сильно озадачило меня. Где разыгралась последняя в жизни мисс Джеймс драма? Если в спальне, то почему она не позвонила доктору Коллинзу оттуда? Если же погибшая звонила из гостиной, то что заставило ее потом снова вернуться наверх? Улики говорят о том, что, придя в расстройство, она больше времени провела в спальне...

— Откуда вы это знаете? — спросил доктор Коллинз.

— В спальне нашлись две брошенные салфетки, а в гостиной лишь одна. Кроме того, остается открытым вопрос: что именно так расстроило актрису? У нас по-прежнему нет ответа. Находился ли убийца в доме, когда она совершала звонок? Мелисса Джеймс определенно верила в это. «Он здесь! Я не знаю, что ему нужно! Я боюсь!» — вот что она сказала по телефону доктору Коллинзу.

Пюнд вернулся к припиленному к стене листу бумаги.

— Говоря об этом периоде времени, мы способны добавить некоторые детали. Теперь нам известно, например, что перед уходом из отеля мисс Джеймс повздорила со своим кинопродюсером Саймоном Коксом. Пути этих двоих разошлись. Вернулась ли она после этого в Кларенс-Кип? Нет. По неясным причинам мисс Джеймс поехала к церкви Святого Даниила, где ее заметила миссис Коллинз. Мистер Кокс тем временем последовал за ней, но на деле опередил ее. Подойдя к дому, он подслушал спор между миссис Чандлер и ее сыном.

— Это личное дело! — Филлис привстала со стула.

— Нам здесь нет необходимости вдаваться в подробности, миссис Чандлер. Не волнуйтесь, пожалуйста. — Пюнд выждал, когда женщина снова сядет. — В результате случившейся ссоры вы с сыном уехали из дома с целью навестить сестру только в шесть двадцать пять, и эти ваши показания приобретают теперь огромную важность. Вы слышали, как в шесть восемнадцать залаяла собака, а две минуты спустя открылась и закрылась дверь. Так как известно, что собака облаивает входящих в дом незнакомцев, мы сделали вывод, что именно тогда в здание проник человек, напугавший Мелиссу Джеймс и заставивший ее десять минут спустя позвонить доктору Коллинзу.

Где же во время всех этих событий находился Фрэнсис Пендлтон? Нам известно, что, вопреки своему заявлению, на представлении «Свадьбы Фигаро» он не присутствовал. Вполне вероятно, что он действительно покинул дом в шесть пятнадцать, воспользовавшись стеклянной дверью из гостиной. Его никто не мог увидеть или услышать. А быть может, он остался и убил жену. Но почему в таком случае Мелисса ничего не сообщила доктору во время телефонного разговора? Знай она имя человека, собирающегося убить ее, наверняка захотела бы поставить Коллинза в известность!

Пюнд стоял, изучая лист на стене.

— Не складывается, — констатировал он. — Мне не удалось сложить картину. Именно об этом я пишу в своей книге «Ландшафт криминалистического расследования». Иногда отдельные факты представляются сыщику как бы имеющими смысл, но в целом получается бессмыслица. Когда такое случается, следует признать, что не все факты являются подлинными, что где-то среди них спрятаны ложные, призванные отвлечь вас от правды: этим-то и объясняются нестыковки. — Атиккус помолчал. — Именно так я и рассуждал. Почти с самого начала я искал альтернативную последовательность событий, объясняющих, как умерла Мелисса Джеймс. И вынужден признать, что потерпел бы полное поражение, если бы не блестящее озарение старшего инспектора. Он сравнил это преступление со смертью Дездемоны из трагедии Шекспира «Отелло» — и тем самым открыл мне глаза на то, как именно все должно было произойти.

— И как понимаю, один из нас — это Яго, — съязвил Эджернон. Он словно бы забавлялся происходящим.

Пюнд не удостоил его ответом.

— Давайте вернемся к первому моему вопросу, — продолжил сыщик. — Каков мотив убийства Мелиссы Джеймс и почему Фрэнсис Пендлтон тоже был обречен умереть? — Он обратился к Лансу Гарднеру. — У вас, мистер Гарднер, как у управляющего отелем имелся веский повод избавиться от хозяйки. Она предупредила вас, что собирается провести аудиторскую проверку.

— Мне нечего скрывать, — парировал Ланс.

— Напротив. Благодаря ценной помощи моей ассистентки, мисс Кейн, мы узнали, что вам очень многое нужно скрывать. Мне известно о систематических переплатах поставщикам и о способе, которым вы переправляли возвращенные ими деньги на свой личный счет. Я передал улики старшему инспектору.

— Мне хотелось бы побеседовать с вами и с вашей женой, как только мы покончим с этим делом, — сурово заявил Крол.

— В случае смерти Мелиссы Джеймс ревизия не состоялась бы и украденные вами деньги никто бы не обнаружил. У вас имелся мотив убить не только мисс Джеймс, но также и ее мужа, так как Фрэнсис Пендлтон заподозрил вас в финансовых махинациях и продолжил бы преследование после смерти жены.

— Никого мы не убивали! — воскликнула Морин Гарднер.

— А как насчет Филлис и Эрика Чандлер? — продолжал Пюнд. — У них тоже имелся веский мотив убить сначала Мелиссу, а потом и Фрэнсиса, чтобы сохранить в тайне весьма неприглядные действия, которые Эрик совершал в Кларенс-Кип...

— Мисс Джеймс об этом даже и не подозревала! — заявил Эрик. Голос его звучал визгливо и обиженно.

— Ну, это вы так утверждаете. Но кто знает: вдруг хозяйка обнаружила ваш секрет и пригрозила вам? Затем, когда правду открыл ее муж, вы устранили и его тоже. Это мог сделать любой из вас: Эрик из страха, а его мать — из стыда. Это могли сделать и вы оба, совместными усилиями. Мне вполне очевидно, что вражда между вами сильно преувеличена, и позвольте напомнить, что вы, и только вы, находились в доме в обоих случаях — почти точно в то время, когда произошли убийства.

— Это возмутительная ложь! — прошипела Филлис.

Но Пюнд уже перешел к Нэнси Митчелл. Теперь манеры сыщика несколько смягчились, однако ее роль во всем случившемся необходимо было разъяснить.

— Затем настает ваш черед, мисс Митчелл.

— Моя Нэнси не сделала ничего плохого! — Бренда крепче обняла дочь.

— Вполне понятная уверенность с вашей стороны, миссис Митчелл. И я тоже всей душой желаю разделить ее. Но если верно, что во время первого убийства ваша дочь работала в отеле, то во время второго она находилась на месте преступления.

Обращаясь к Нэнси, Пюнд заговорил почти с сожалением:

— Вы сами в этом признались. Вы рассказали, как заглянули в окно и затем убежали, но вам бы не составило труда проникнуть в дом через черный ход, заколоть Фрэнсиса Пендлтона турецким кинжалом и только потом сбежать. Он дурно обошелся с вами. Вы были обижены. Мы уже обсуждали причины, и нет нужды делать их достоянием общественности. Но задам такой

вопрос: найдется ли в комнате другой человек, имеющий более веский мотив действовать столь отчаянно и необдуманно?

Нэнси молчала, потупив взгляд. Мать утешала ее. Ни одна из женщин при этом не проронила ни слова.

— А как же я? — спросил Эджернон. — Неужели вы не собираетесь обвинить меня в убийстве Мелиссы?

— Вы находите это забавным, мистер Марш?

— Ну, здесь всяко повеселее, чем сидеть за решеткой.

— Думаю, вам следует попривыкнуть к жизни в тюрьме, — проворчал Крол. — Сдается мне, на свободе вы теперь окажетесь не скоро.

— Разумеется, у вас тоже имелся мотив убить мисс Джеймс, — продолжил Пюнд. — Она вложила большую сумму в ваш бизнес, а на деле вы просто присвоили эти деньги. Нам известно, что у Мелиссы возникли финансовые затруднения. Что бы вы стали делать, затребуй она деньги назад? Вся ваша схема пошла бы прахом.

— Но она не просила ничего вернуть. Мы с Мелиссой собирались пожениться. Вся ее собственность все равно стала бы моей, так что ваша маленькая теория рассыпается на куски.

— Ах да. То последнее письмо, которое она так и не отправила. «Мой милый, милый...» — так, кажется, она вас называла?

— Все правильно.

— Да ничего подобного, мистер Марш. Сомневаюсь, что мисс Джеймс состояла с вами в связи — уж точно не в любовной. Я уверен, вы измыслили всю эту историю, сообразив, что она сыграет вам на руку.

Теперь Пюнд обратился к Саманте Коллинз:

— Когда мы встретились в церкви, вы сообщили, что недавно унаследовали от тетушки большую сумму денег, а ваш брат в завещании не упоминался. Так?

— Да. — Саманте явно неуютно было оказаться в центре всеобщего внимания.

— Вы не хотели, чтобы он об этом узнал?

— Ну...

— В тот день, когда мы побывали у вас в Черч-Лодж, доктор Коллинз просил нас не упоминать о вашей поездке в Лондон. — Сыщик повернулся к врачу. — Как я понимаю, эта поездка была связана с наследством?

— Да, — признал доктор Коллинз. — Это так.

— Позже, во время ареста, ваш шурин сказал кое-что, заинтриговавшее меня. А именно: «Уверен, у Леонарда найдется пара интересных вещей, чтобы рассказать вам». Мне сразу показалось, что на самом деле эти слова предназначались не мне. Он посылал предупреждение вам.

Доктор слабо улыбнулся:

— Не уверен на сей счет.

— А затем, в церкви, миссис Коллинз обмолвилась, что вы ни с того ни с сего вдруг передумали и стали убеждать ее поделиться с братом наследством.

— Ну, я просто изображал из себя адвоката дьявола.

— И кто же у нас выступает в роли дьявола? — с усмешкой поинтересовался Пюнд. — Эджернон Марш шантажировал вас? — Не дождавшись от доктора Коллинза ответа, сыщик продолжил: — Давайте предположим, что роман с Мелиссой Джеймс был не у него, а у вас. Марш каким-то образом проведаль правду, — возможно, сама мисс Джеймс ему сообщила. Он знал, как отреагирует ваша жена, если этот факт выяснится. Я сам был тому свидетелем. Когда мы беседовали в церкви, миссис Коллинз сказала, что прелюбодеяние — страшный грех, и заявила, что отныне видеть больше не желает брата. А уж если бы она вдруг открыла, что ее муж, отец двоих детей, состоял в аморальной связи с замужней женщиной, — последствия легко представить.

— Но это неправда, — возразил врач.

— Нет, правда, доктор Коллинз. В этом-то и заключается причина, почему вы убили мисс Джеймс. И тогда вся картина сразу обретает смысл.

— Вы ошибаетесь, мистер Пюнд! — Саманта Коллинз смотрела на сыщика со смесью ужаса и недоверия. Руку мужа она выпустила. — Леонард поехал в тот дом только потому, что Мелисса срочно нуждалась в его помощи.

— Вы не слышали ее слов, миссис Коллинз.

— Всего я не слышала, это верно. Но я слышала, как кто-то просил о помощи, и узнала ее голос.

— И что же так расстроило мисс Джеймс? — Пюнд снова повернулся к доктору Коллинзу.

— Я вам уже говорил...

— Вы мне солгали! — Пюнд снова подошел к листу, прикрепленному на стене. — И эти десять ключевых моментов времени тоже не соответствуют истине. Давайте снова взглянем на них в свете того, что нам известно. В пять часов сорок минут Мелисса Джеймс покидает отель. Она взвинчена после размолвки с Саймоном Коксом и идет в церковь Святого Даниила, поскольку та находится напротив дома любовника. Она хочет увидеть доктора Коллинза и сказать ему, что этим вечером Фрэнсис Пендлтон уедет в оперу и можно будет встретиться. Но прежде чем поговорить с возлюбленным, нужно убедиться, что он один. Она смотрит на дом и видит наблюдающую за ней из окна миссис Коллинз. Что делать? Мисс Джеймс разворачивается и идет в храм, как если бы изначально туда и собиралась.

В шесть ноль пять она возвращается домой, где ее дожидается Фрэнсис Пендлтон. Он знает о неверности Мелиссы. Он любит ее сильнее всего на свете, и опасность потерять жену сводит его с ума. Супруги ссорятся. Миссис Чандлер этого не слышит. Она глуховата, да и к тому же они с сыном находятся этажом ниже, в кухне, отделенной толстыми стенами. Нам никогда не узнать, что сказали в тот вечер друг другу муж и жена. Возможно, Фрэнсис обвинил Мелиссу в измене, а она во всем призналась и заявила, что их браку конец. Она ведь грозилась рассказать всему миру правду в письме, которое так и не отправила. И тогда, в приступе гнева, Фрэнсис хватается за телефонный шнур и душит им жену. На часах шесть восемнадцать, и собака, которая находится вне комнаты, подает голос не потому, что у дверей дома появился чужак. Кимба лает, поскольку обладает инстинктом, свойственным многим животным, который подсказывает псу, что над его хозяйкой учиняют страшное насилие.

Фрэнсис Пендлтон в ярости. Он ведет себя именно так, как описывал старший инспектор. Он превращается в Отелло и душит единственную любовь всей своей жизни. Затем, узрев содеянное, разворачивается и бежит из дома. Вот чем объясняется звук открывшейся и закрывшейся двери, который миссис Чандлер слышит в шесть часов двадцать минут. Разумеется, Пендлтон едет не в оперу. Он отъезжает от дома, а потом сидит и размышляет над тем, что наделал. Бедняга исполнен раскаяния, страха и отчаяния. Увидев его неделю спустя, я понял, что передо мной человек, утративший все важное в жизни.

— Значит, это Пендлтон убил ее! — воскликнула мисс Кейн.

— Он не убивал мисс Джеймс, — ответил Пюнд. — Именно тут мы допустили ошибку. Что происходит в драме «Отелло»? Отелло поверил ложному обвинению в измене Дездемоны и задушил ее. Эмилия, жена Яго, входит в комнату, и Отелло признается ей в содеянном. «Мертва... — говорит он. — Недвижима... Безмолвна как могила... Нет у меня жены»²¹. Но он ошибается! Несколько секунд спустя Эмилия слышит что-то и восклицает: «О господи, чей это стон?.. О, это голос госпожи». Выясняется, что Дездемона еще не умерла, а только лишилась чувств. Она приходит в себя на время, достаточное, чтобы провозгласить невиновность Отелло в преступлении. А затем умирает.

То же самое происходит с Мелиссой Джеймс. Удушение способно убивать по-разному. Оно препятствует притоку крови и кислорода к мозгу, это самая распространенная из причин. Оно может вызвать сердечный приступ. Может произойти разрыв артерии. Меньше известен факт, что хотя жертва удушения теряет сознание в течение нескольких секунд, собственно смерть происходит спустя минуты.

Давайте представим, как видится случившееся Фрэнсису Пендлтону. Он душит жену и уверен, что она мертва. Мелисса падает и ударяется головой о прикроватный столик. Идет кровь.

²¹ Здесь и далее перевод М.Лозинского.

Женщина не шевелится. Полагая, что убил ее, Пендлтон выбегает из дома. С этого момента он считает себя виновным в убийстве.

Но несколько минут спустя Мелисса Джеймс приходит в себя. Она одна в доме, так как Чандлеры уже ушли. Она находится в спальне и пребывает в расстройстве, слезы катятся по щекам. Ее едва не убили! Воспользовавшись не одной, но двумя бумажными салфетками, она бросает их на пол. Что делать? Позвонить человеку, которого она любит и который, как Мелиссе кажется, тоже любит ее. Но связаться с ним из спальни она не может, потому что телефон сорван со стены. Нужно спуститься в гостиную и сделать звонок оттуда. Взяв еще одну салфетку, мисс Джеймс сходит по лестнице.

В шесть двадцать восемь она звонит Коллинзу и говорит, что Фрэнсис Пендлтон пытался убить ее. Доктор немедленно выходит из дома и приезжает в Кларенс-Кип в шесть сорок пять. Время, по сути, значения не имеет. Когда он приходит, Мелисса лежит в постели. Она едва способна говорить.

Что происходит далее?

У доктора Коллинза роман с Мелиссой Джеймс. Понять это нетрудно. Она — гламурная красавица, звезда Голливуда. У нее есть шикарный дом, отель. Она вот-вот снимется в новом фильме. Доктор, вероятно, подумывает расстаться со своей постылой женой и распрощаться со скучной жизнью в приморском городишке. Но все меняется со смертью родственницы, завещавшей Саманте Коллинз огромную сумму денег. А Мелисса вся в долгах. Ее бизнес рухнет. Жизнь с ней начинает вдруг казаться менее привлекательной.

А Мелисса тем временем настаивает на возобновлении романа. Как она говорит в письме: «Нам нужно быть храбрыми и изменить наконец свою судьбу: сообщить всему миру правду». Если любовница поступит, как обещает, он лишится не только жены, но и ее наследства. Для Коллинза это неприемлемо. И тут вдруг ему выпадает уникальный шанс. Считай, все уже готово. На Мелиссу Джеймс напали. Когда она звонила, доктор был дома, с женой. Звонок зарегистрируют на коммутаторе. Коллинз проворно хватает шнур и довершает дело, начатое Фрэнсисом Пендлтоном. Однако, будучи врачом, знает, как долго необходимо душить жертву, а также способен распознать признаки наступления смерти. Есть, правда, одна-единственная улика: на шее потерпевшей остались два следа. Старший инспектор Крол заметил это обстоятельство, но не уделил ему особого внимания.

Убив Мелиссу Джеймс, доктор Коллинз звонит в полицию. И потчует их историей о том, что якобы прибыл в дом и обнаружил ее уже мертвой. Соблазн сказать, что Мелисса скончалась у него на руках и перед смертью назвала имя убийцы, был велик, но доктор предпочел этого не делать, поскольку не знал точно, когда муж ушел из дома и не видел ли кто Мелиссу живой после его ухода. В конечном счете это не так уж и важно. Коллинз понимает, что Фрэнсис Пендлтон, как ни крути, станет самым очевидным подозреваемым. Но он совершает важную ошибку: берет телефон и стирает с него все отпечатки. Как я вам заметил, старший инспектор, Фрэнсису Пендлтону не было нужды этого делать.

В комнате повисла тишина. Все смотрели на Леонарда Коллинза. Жена отпрянула от него, испытывая физическое отвращение. Эджернон слегка улыбался, удивленный тем, что его шурин оказался способен на такой поступок. Но улыбка эта мигом погасла, когда Марш осознал, что последний его шанс получить долю наследства только что испарился. Филлис Чандлер явно пребывала в ужасе. Мэделин Кейн выглядела потрясенной.

Доктор Коллинз поднялся. Он стоял, как человек перед расстрельным взводом.

— На самом деле я всегда знал, что не сумею улизнуть, — сказал он.

— Леонард... — начала было Саманта.

— Прости, милая. Но сыщик сказал чистую правду. Скучная жизнь, постылая жена... Я грезил о великих вещах. Попрощайся за меня с детьми. — Он подошел к двери и распахнул ее. За порогом дежурил полицейский в форме. — Прошу извинить, но я не хочу выслушивать остальное, — сказал Коллинз. — Думаю, мне лучше побыть одному.

Он вышел и прикрыл за собой дверь. Повисла долгая тишина. Саманта закрыла лицо руками. Мисс Кейн написала что-то в блокноте и подчеркнула.

— Значит, это доктор ее убил! — Крол отказывался поверить услышанному. — Это все полностью объясняет, мистер Пюнд. Просто невероятно. Но тогда неизбежно возникает вопрос: зачем Коллинзу потребовалось устранять Фрэнсиса Пендлтона?

— Он не убивал Фрэнсиса, — возразил Аттикус. — Мне больно говорить об этом, старший инспектор, но мне прекрасно известен человек, повинный в смерти мистера Пендлтона.

— И кто же он?

— Этот человек — я.

Глава 18

Появляется вакансия

Мне необходимо сделать признание, — продолжил Пюнд. — В момент убийства Фрэнсиса Пендлтона я находился в Кларенс-Кип, и я сознаю теперь, что в определенном смысле несу ответственность за его смерть.

— Вы убили его? — с недоверием спросил Эджернон.

— Нет, мистер Марш. Не я вонзил в него кинжал, но прояви я бóльшую наблюдательность или окажись более расторопен со своими дедуктивными выводами, этой смерти вполне можно было бы избежать.

— Никто не мог сделать более вас, мистер Пюнд, — проговорила секретарша, с укором глядя на сыщика.

— Спасибо за добрые слова, мисс Кейн. Но в Тоули-на-Уотере я получил важный урок и как-нибудь коснусь этого опыта в своей книге.

— Думаю, вам лучше выложить все начистоту, мистер Пюнд, — предложил старший инспектор.

Аттикус кивнул.

— Странное дело, — начал он, — но, стоя на балконе своего номера вечером после нашего совместного ужина, я ощутил необъяснимую уверенность, что напрасно взялся за это расследование, и дальнейшие события подтвердили мою правоту. С вашей помощью я разгадал тайну убийства Мелиссы Джеймс, но вот гибель Фрэнсиса Пендлтона — уже совсем другая история. И снова я вынужден задать вопрос: почему его убили? У кого из здесь присутствующих был мотив лишить жизни этого человека? Я уже упоминал, что Нэнси Митчелл питала к нему сильную неприязнь, и не без веской причины. Повод опасаться Пендлтона имелся, допустим, у Гарднеров. Миссис Чандлер и ее сын также, без сомнения, ощущали исходящую от Фрэнсиса угрозу.

— Я его не трогал! — взвизгнул Эрик.

— Перестань верещать, идиот несчастный, — прошипела Филлис.

— Эджернон Марш — безжалостный делец, готовый на все, чтобы спасти свой бизнес. И не стоит сбрасывать со счетов Саманту Коллинз.

С момента признания мужа в первом убийстве Саманта сидела словно бы в трансе. Один из полисменов принес чашку крепкого чая, но она к ней даже не притронулась. Женщина явно была потрясена. Но теперь она вздрогнула и подняла голову.

— К чему вы клоните?

— В церкви вы признались, что не любили Мелиссу Джеймс. На краткий миг я задумался, не могло ли это подвигнуть вас к ее убийству. С вашего позволения, мне показалось, что вы из тех женщин, которые не остановятся ни перед чем, чтобы защитить свою репутацию, свою семью и детей. Что, если Фрэнсис Пендлтон узнал об отношениях Мелиссы и вашего мужа? Что вы могли предпринять, дабы избежать огласки?

— Это смешно!

— Это было лишь допущение, — согласился Пюнд. — Все эти идеи приходили мне в голову, но я отмел их одну за другой. Гарднеры являются мелкими мошенниками, но они не убийцы. Мистер Марш мог сбить человека на машине, но едва ли ему хватит духу совершить преднамеренное убийство. Вы, мисс Митчелл, человек добрый, и я желаю вам счастья в дальнейшей жизни. Миссис Чандлер, вам следует быть терпимее к сыну, нуждающемуся, я бы сказал, скорее в вашей поддержке, чем в понукании. Эрик тоже не мог совершить подобный акт насилия, а если бы и совершил, ему не хватило бы ловкости, чтобы скрыться. Так кто же это был?

Пюнд обвел собравшихся взглядом. А потом продолжил:

— Я скажу вам, почему меня не должно было быть здесь. Ко мне обратился некий американец по имени Эдгар Шульц, представившийся старшим партнером агентства «Уильям Моррис» в Нью-

Йорке. Впервые меня нанимал клиент, с которым я не встретился лично, и это с самого начала угнетало меня. Я навел некоторые справки и выяснил, что такой человек действительно существует и что он представлял Мелиссу Джеймс в кинобизнесе.

Однако, имея дело с мистером Шульцем, я сразу заметил некоторые странности. Так, знаки препинания в американском деловом этикете имеют свои особенности, однако в письме, которое я получил, они были расставлены на английский манер. Затем состоялся телефонный разговор, причем слышимость была на удивление прекрасной. Помнится, мой собеседник, объясняя, почему они решили нанять меня, сказал: «Мы не можем просто так сидеть сложа руки и ждать у моря погоды... Одной светлой голове у нас в офисе пришла мысль о вас». Эти словесные обороты резанули мой слух: будучи типично английскими, они прозвучали несколько странно из уст американца. В общем, я подметил несколько отклонений от нормы, но до поры до времени отставил их в сторону. Письмо могли печатать в спешке. Мистер Шульц мог иметь английские корни.

Минувшей ночью, когда было уже слишком поздно, я сам позвонил мистеру Шульцу и сразу понял, что это не тот человек, с которым я беседовал из своей лондонской квартиры. Он подтвердил, что никогда мне не писал и понятия не имеет о моей причастности к делу. По большому счету у меня нет права находиться здесь, в Тоули-на-Уотере. Меня, по сути, никто не нанимал.

— Но это невозможно! — воскликнула мисс Кейн. — Я лично звонила в агентство «Уильям Моррис». Секретарь переключил меня на кабинет мистера Шульца.

— Весьма загадочная история, мисс Кейн. И как, по-вашему, мог произойти такой казус? Нельзя ли допустить, что вы случайно назвали оператору не тот номер?

— Едва ли такое возможно.

— Вы, помнится, очень ратовали за то, чтобы я подключился к расследованию.

— Я сочла, что вас оно заинтересует. Да и других дел на руках у вас не было.

— Это единственная причина?

— Какая же еще причина может существовать?

— Давайте изучим ваше поведение с момента приезда в Тоули-на-Уотере. Впервые подъехав к Кларенс-Кип, вы были, осмелюсь так выразиться, потрясены видом дома. Вы описали его как «прелестный», а затем «великолепный». Я недостаточно близко вас знаю, но меня эти выражения поразили, так как вам несвойственно высказывать собственное мнение и публично проявлять эмоции. Мне также бросилось в глаза еще одно обстоятельство: вы были хорошо знакомы с творческой биографией мисс Джеймс. В галерее плакатов вас озадачил постер «Волшебника страны Оз», поскольку актриса не снималась в этом фильме. Позднее, во время разговора с миссис Коллинз, вы распознали аллюзию на другой фильм с участием погибшей — «Пажити злачные».

— Ну еще бы мне не знать ее фильмов, мистер Пюнд. Их все знают!

— Вы бы описали себя как фанатку мисс Джеймс?

— Ну...

— Интересное слово, кстати. Есть мнение, что «фанат» — это сокращенная форма от «фанатик».

— Я в самом деле не понимаю, к чему вы клоните.

— Тогда я поясню. Начнем с послания одной из самых преданных поклонниц Мелиссы Джеймс.

Пюнд извлек письмо, написанное на сиреневой бумаге крупным, разборчивым почерком. Ланс Гарднер сразу его узнал. Это письмо пришло на адрес отеля, он лично передал его Мелиссе.

— «Экран стал без вас тусклым, — зачитал Пюнд. — Наша жизнь лишилась света». — Он опустил листок. — Это вы написали?

Мисс Кейн глубоко вздохнула. И призналась:

— Да, я.

— Вы хотели скрыть это от меня, — продолжил сыщик. — И именно поэтому изобразили обморок в спальне мисс Джеймс, сбросив на пол стопку писем. Вы заметили наверху свое собственное послание и поняли, что я узнаю почерк. Затем, передавая мне стопку, убрали его в самый низ. Это был ловкий трюк...

— Ну, это мое личное дело, — запротестовала секретарша.

— Столь же личное, как и кража белья мисс Джеймс из ящика комода? — Пюнд сердито посмотрел на нее. — По причинам, которые не стоит сейчас обсуждать, миссис Чандлер была уверена, что это сделал Эрик.

— Я не виноват! — вскинулся Эрик.

— Я верю вам. Человек, взятый с поличным при проникновении в банк, не будет отрицать кражу денег! Вы уже сознались в одном проступке, и не было никакой нужды отпираться от второго. И я невольно задался вопросом: но если это был не Эрик, то кто? — Сыщик снова повернулся к своей помощнице. — Вы оставались в доме одна, мисс Кейн. Это случилось после вашего притворного обморока. У вас имелась идеальная возможность проникнуть в спальню мисс Джеймс.

Секретарша развернулась на стуле.

— С меня довольно! — заявила она. — Сначала вы обвиняете меня во лжи. Затем говорите, что я воровка.

— Я говорю, что вы фанатка, — сказал Пюнд. — Мелисса Джеймс вдохновляла многих: люди, обожавшие кинозвезду, писали ей восторженные письма и специально приезжали в Тоули, чтобы увидеть своего кумира. Вы были из их числа. И являлись фанатичной поклонницей актрисы.

— Это не преступление.

— Зато убийство — это преступление. Совсем недавно, когда доктора Коллинза уличили в смерти мисс Джеймс, вы выглядели потрясенной. Почему?

— Впредь я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, мистер Пюнд.

— Ну так я сам скажу. Вы были потрясены, потому что, убив Фрэнсиса Пендлтона, совершили ошибку. Вы лишили жизни не того человека!

Тишина в комнате стояла невероятная. Все внимание было приковано к мисс Кейн.

— Вы находились в гостиной, когда старший инспектор обвинил Фрэнсиса Пендлтона в убийстве, а тот, разумеется, верил в свою виновность и сознался. Он понятия не имел, что его жена очнулась, но позднее ее задушил другой человек. Пендлтон был рад, что все кончено, и готов был сделать чистосердечное признание.

Затем он отправляется наверх, чтобы надеть жилет и ботинки, и все было бы хорошо, если бы нас не отвлекло появление в окне мисс Митчелл. Я и старший инспектор тут же выбежали из дома. Полисмены также были заняты поисками неизвестного. Эрик Чандлер и его мать находились наверху. Вы одна оставались на первом этаже дома, когда несколько минут спустя вернулся Фрэнсис Пендлтон. Вы действовали спонтанно. Полагаю, вами овладел неуправляемый порыв ярости, желание отомстить. Вы схватили турецкий кинжал, поднялись по лестнице и ударили Пендлтона в грудь.

Мгновение спустя мы со старшим инспектором вошли в парадную дверь. Вы стояли к нам спиной, поэтому мы не могли разглядеть, что вы сильно перепачкались кровью. Вот почему вы обняли Фрэнсиса Пендлтона, когда он повалился, — с целью скрыть, что кровь была на платье еще прежде. Не думаю, что для вас это было убийство, мисс Кейн. По крайней мере, вы воспринимали это как акт возмездия.

Мэделин Кейн не пыталась ничего отрицать. Лицо ее приняло выражение жутковатого безразличия, говорившего о том, что она считает свой поступок правильным. Женщина находилась на грани безумия.

— Я думала, что это муж убил Мелиссу, — только и произнесла она. Потом с укором посмотрела на Крола. — Так вы сказали. Это ваша вина. — Секретарша снова повернулась к Пюнду. — И Пендлтон сознался, я сама это слышала.

— Но зачем было его убивать?! — воскликнул Крол. — Если бы его признали виновным, закон сам покарал бы негодяя.

Аттикус печально покачал головой:

— Здесь снова моя вина. Непосредственно перед отъездом из Лондона я сочинил речь. В ней я высказывал мнение, что смертную казнь в Великобритании следует отменить, и упомянул, что за последние пятьдесят лет почти половина приговоренных к высшей мере была помилована. Мисс Кейн печатала для меня эту речь, и мы ее даже обсуждали.

— Если Фрэнсис Пендлтон убил жену, его следовало повесить. — Мэделин Кейн отказывалась признавать, что совершила ужасную ошибку. Взгляд ее был расфокусирован. На губах играла странная полуулыбка. — Мелисса Джеймс обладала невероятным талантом. Она была одной из величайших актрис современности и олицетворяла собой силу природы. В своем письме я писала правду. Теперь, когда ее нет, свет погас навеки. — Секретарша встала. — Я хочу уйти.

— У меня остался последний вопрос, мисс Кейн, — произнес Аттикус. — Кто был тем человеком, который звонил мне по телефону и изображал Эдгара Шульца?

— Один мой друг, актер. Но он не имеет никакого отношения к этому делу. Я просто сказала ему, что хочу устроить розыгрыш.

— Понятно. Благодарю вас.

Крол подошел к ней:

— Я отвезу вас в полицейский участок, мисс Кейн.

— Очень любезно с вашей стороны, старший инспектор. — Секретарша с мольбой посмотрела на него. — А не могли бы мы напоследок проехать мимо Кларенс-Кип?

— Итак, мистер Пюнд, похоже, нам пора прощаться?

Это происходило вечером того же дня. Старший инспектор Крол и Аттикус Пюнд стояли на железнодорожной платформе в Барнстепле. Все остальные свидетели тоже покинули отель «Мунфлауэр». Эджернона Марша вернули в камеру в полицейском участке в Барнстепле. Там к нему присоединились Ланс и Морин Гарднер, которым тоже предстояло держать ответ. Пюнд с огорчением смотрел, как Эрик Чандлер и его мать уходят порознь, все еще не разговаривая друг с другом. «Неужели Филлис Чандлер и в самом деле питает такое непреодолимое отвращение к поступкам сына? — подумалось ему. — Или, может, женщина начинает понимать, что отчасти и сама виновата в том, каким он стал?»

Хотя бы Нэнси Митчелл уходила в более приподнятом настроении. Когда мисс Кейн увели, она подошла вместе с матерью к Пюнду, и сыщику стало очевидно, что эти две женщины сообща обрели силу, какой у них не было прежде.

— Хочу поблагодарить вас, мистер Пюнд, — сказала девушка. — За то, что вы сделали на мосту.

— Рад, что смог помочь вам, мисс Митчелл. Это было тяжелое испытание для всех нас, но надеюсь, вы скоро оправитесь от случившегося.

— Я позабочусь о ней, — пообещала Бренда Митчелл, беря дочь за руку. — И мы оставим ребенка, если этого хочет Нэнси. Мне все равно, что скажет муж. Я устала терпеть его выходки.

— Желаю вам обоим счастья, — произнес Пюнд, подумав, что из трагических событий в отеле «Мунфлауэр» вышло хоть что-то доброе.

Саймон Кокс возвращался в Лондон. Он предложил подвезти Аттикуса, но сыщик отказался.

— Вы удивительный человек, мистер Пюнд, — заметил бизнесмен. — О вас непременно нужно снять фильм. — Глаза его просияли. — Быть может, обсудим эту тему?

— Думаю, не стоит, мистер Кокс.

Пюнд оглянулся, высматривая Саманту Коллинз, но та уже ушла. Крол заверил сыщика, что сотрудница полиции заглянет в Черч-Лодж и убедится, что с ней и с детьми все в порядке.

Поезд, влекомый стареньким локомотивом LMR-57, подошел к станции, громыхая колесами и выпуская клубы белого пара. Носильщики устремились к открывающимся дверям, откуда начали выходить пассажиры.

— Чем займетесь, когда вернетесь в Лондон? — спросил Крол.

— Первым делом найду себе нового секретаря, — ответил Пюнд. — Похоже, что эта должность теперь вакантна.

— Да. И, откровенно говоря, мне очень жаль, что все так получилось: мисс Кейн казалась очень толковой помощницей... весьма ловкой и деловой особой.

— Все правильно, именно такой она и была. А какие планы у вас, друг мой? Уходите в отставку?

— Да, — отозвался Крол. — И благодаря вам с почестями. Хотя моей заслуги тут нет.

— Напротив, именно благодаря вам эта загадка была разрешена.

Двое мужчин обменялись рукопожатием, а затем, взяв чемодан, Аттикус Пюнд сел в вагон. Двери начали закрываться; несколько секунд спустя машинист дал свисток, и поезд, выдав очередную порцию шипения и скрежета, тронулся с места.

Крол смотрел, как он покидает станцию, и не сошел с места до тех пор, пока состав не исчез вдали, после чего повернулся и зашагал к машине.

СОВЫ ОХОТЯТСЯ НОЧЬЮ

(окончание)

Книга

Странно было столько лет спустя вернуться к роману «Аттикус Пюнд берется за дело». Как правило, я не перечитываю книги, которые редактировала, да и знакомые мне авторы тоже чрезвычайно редко обращаются к ранним своим произведениям. Процесс редактуры, как и процесс написания, очень напряженный и подчас сопровождается такими трудностями, что, вне зависимости от удовлетворения конечным продуктом, я всегда с облегчением расстаюсь с ним.

И что же я почувствовала, когда старший инспектор Крол проводил сыщика обратно в Лондон, а я перевернула последнюю страницу? Пожалуй, разочарование. Я внимательно читала книгу до самого вечера, но, похоже, лишь напрасно потратила время.

На первый взгляд роман «Аттикус Пюнд берется за дело» не имел никакой связи с тем, что случилось в «Бранлоу-Холле» в июне две тысячи восьмого года. В нем не было ни свадьбы, ни остановившегося в отеле владельца рекламного агентства, ни подсобного рабочего румына, ни секса в лесу. Действие происходит в Девоне, а не в Суффолке. Никого не забивают до смерти молотком. По сути говоря, большая часть событий в книге выглядит весьма фантастично: знаменитую актрису душат (дважды!), ключом к разгадке становится «Отелло», чокнутая поклонница шлет письма на сиреневой бумаге, а тетушка умирает, оставив наследство в семьсот тысяч фунтов. Алан явно все это выдумал и не имел нужды ехать в «Бранлоу-Холл» в поисках вдохновения.

И тем не менее, если только я не заблуждалась коренным образом с самого начала, Сесили Трехерн прочла роман и каким-то образом убедилась в невиновности Штефана Кодреску. Она позвонила родителям на юг Франции и сказала: «Разгадка была там, прямо у меня перед глазами». Вот ее слова, если верить отцу. Я только что снова прочитала книгу от корки до корки. Я полагала, что тщательно изучила все факты, связанные с убийством, которое произошло в реальности. Однако, увы, понятия не имела, что именно заметила Сесили.

Как ни странно, я получила удовольствие от книги, хотя с самого начала знала развязку. Несмотря на то, что Алан Конвей питал отвращение к детективам, включая и собственные произведения, он определенно был мастером своего дела. Алан никогда не обманывал ожидания читателей, желающих получить занимательную историю про убийство и достойную разгадку. Думаю, это было одной из составляющих его успеха.

А вот общаться с самим автором было, прямо скажем, делом малоприятным. Мне пришлось потратить много часов, работая над деталями, например обсасывая те самые десять моментов времени, с целью убедиться, что они действительно стыкуются друг с другом и вся картина имеет смысл. Большая часть моей редакторской работы велась через Интернет, потому как мы с Аланом находились не в лучших отношениях, но однажды нам довелось посидеть в моем лондонском кабинете. И сейчас, перечитывая книгу в саду отеля «Бранлоу-Холл», я вспоминала о спорах, которые мы вели тем долгим осенним днем. Ну почему Конвей держался так неприязненно? Одно дело, когда писатель защищает свой труд. Но он переходил на крик и тыкал пальцем, заставляя меня почувствовать, что я нагло вторгаюсь на запретную территорию его воображения, а вовсе не пытаюсь помочь продать его проклятый детектив.

К примеру, я бы предпочла открыть роман появлением Аттикуса Пюнда. В конце концов, это его история, и я задавалась вопросом, станут ли читатели добрых четыре главы дожидаться встречи с главным героем. Не вдохновляла меня и глава под названием «Бриллиант

‘Людендорф’»: по сути, она представляла собой отдельную историю внутри главного расследования и никак не соотносилась с событиями в Тоули-на-Уотере. Я предлагала опустить ее, но Алан и слушать не желал. Возможно, я просто трепала ему нервы, так как мы оба знали, что при объеме в семьдесят две тысячи слов книга получается слишком короткой. Это не такой уж страшный грех: у Агаты Кристи были романы и покороче. «Щелкни пальцем только раз» и «Смерть на Ниле» (общепризнанный шедевр) тянули всего на шестьдесят с лишним тысяч слов каждый. Да, с изъятием истории про похищение бриллианта роман съеживался почти до размеров повести, что могло повредить его продажам. Но главная причина заключалась в том, что Алан не был готов проделать необходимую работу по увеличению объема других глав, вот мне и пришлось смириться с тем, что есть. Сама глава, кстати, была довольно интересной. Идея разодрать обои в спальне Мелиссы Джеймс принадлежала мне: так можно было хоть как-то оправдать присутствие в романе истории о похищенном бриллианте.

Самый серьезный наш спор разгорелся вокруг фигуры Эрика Чандлера. Эрика я восприняла как типа крайне несимпатичного, а дело происходило за несколько лет до наступления поры, когда автору нужно крепко подумать, прежде чем ввести в книгу персонаж с ограниченными возможностями. Наделить человека колченогостью — это еще куда ни шло. Однако сделать из него великовозрастного ребенка с сексуальным извращением выглядит почти намеренным оскорблением, так как в некотором смысле уравнивает физический изъян с моральным уродством. В то время, разумеется, я и не подозревала, что прототипом Чандлера был Дерек Эндикот, ночной администратор из отеля «Бранлоу-Холл». В результате получилась, как выразился Лоуренс Трехерн, донельзя злая карикатура, и, знай я в то время истинную подоплеку, тверже стояла бы на своем.

Еще мне пришлось сразиться с Аланом по поводу одного момента ближе к развязке. Навещая Нэнси Митчелл в больнице, после того как он спас ей жизнь на мосту, Аттикус Пюнд заверяет девушку, что является ее другом и всегда готов помочь. И тем не менее пару глав спустя обвиняет Нэнси в убийстве Фрэнсиса Пендлтона.

— Едва ли это выглядит по-дружески! — заметила я тогда.

— Он делает это ради пущего эффекта! — возразил Алан, и у меня перед глазами до сих пор стоит эта его покровительственная усмешка.

— Но это не в характере Пюнда.

— Таково негласное правило. По законам жанра сыщик собирает всех подозреваемых вместе и по очереди их изобличает.

— Алан, это мне прекрасно известно. Но зачем изобличать Нэнси?

— А вы что предлагаете, Сьюзен?

— Так ли необходимо ее участие в этой сцене?

— Ну конечно необходимо! Сцена без нее не получится!

В итоге он несколько смягчился, хотя и крайне неохотно. Я все равно осталась недовольна. В общем, мороки с редактурой было немало. Как я уже упоминала, Алан любил запрягивать в свои книги разные штуки, и мне теперь пришло в голову, что именно поэтому он так яростно возражал против некоторых моих предложений, ведь в процессе правки я бессознательно удаляла часть столь ценимых им тайных посланий. Сейчас такие вещи, как понимаю, называют «пасхалки». Я уже говорила, что мне не понравилось имя Эджернон, так как от него несло пантомимой. Мне также представлялось маловероятным, чтобы в 1953 году Эджернон мог разъезжать на «пежо» французского производства. Я не одобрила латинские цифры, нумерующие части в главе под названием «Тьма сгущается». Они стилистически выбивались из остальной книги. По той же причине меня не радовали разбросанные по тексту упоминания реальных личностей: Берта Лара, Альфреда Хичкока, Роя Болтинга и других.

Все это автор наотрез отказался менять.

Меня смущало также «Тьма сгущается» в качестве названия главы, а это определенно была одна из «пасхалок». Вопреки всему, Конвей благоговел перед Агатой Кристи и зачастую крал у нее идеи. «Тьма сгущается» и описание ночного Тоули — явная отсылка к ее роману «Вечная тьма», точно так же как и другая глава, «Застигнутый приливом», воздает дань «Приливу». Использовать «Отелло» как ключ к разгадке — весьма в ее стиле. Мало того, королева детектива даже сама

мельком появляется на страницах романа. В поезде до Девона мисс Кейн читает новую книгу Мэри Уэстмакотт, а ведь это на самом деле псевдоним Агаты Кристи.

Доставалось не только мне. Литературный редактор тоже получала оплеухи, поскольку высказывала разные замечания. Мне запомнилось одно, про локомотив LMR-57, увозящий Пюнда в Лондон в последней главе. Эта модель вышла из эксплуатации за сто лет до времени действия романа. К тому же работали подобные паровозы на Манчестерской и Ливерпульской железной дороге, а не в Девоне и по большей части использовались для товарных составов. Но Алану было плевать. «Никто не заметит», — заявил он и настоял на своем. Но почему? Разве так трудно было внести коррективу? Коллега также согласилась со мной, что в 1953 году крайне сложно было встретить машину «пежо», у которой руль бы находился с правой стороны.

Однако ни одна из этих дискуссий не имела никакого касательства к вопросу о том, кто на самом деле убил Фрэнка Пэрриса. Как ни крути, получается, что Алан знал правду. «Они взяли не того человека», — сказал он своему сожителю Джеймсу Тейлору, вернувшись из «Бранлоу-Холла». Но тогда почему он промолчал? Почему не сообщил в полицию? Этот вопрос не давал мне покоя и раньше. Повторное прочтение романа «Аттикус Пюнд берется за дело» не прояснило картину, хотя теперь я знала, что под обложкой детектива притаилась разгадка. Как же мне заставить книгу выдать ее секрет?

Я начала с имен.

Алан всегда играл с именами персонажей. В романе «Гость приходит ночью», четвертой книге серии, это были реки Англии. В «Мистере Пюнде за границей» фамилии были позаимствованы у производителей чернильных ручек. Определить первоисточник имен в «Аттикус Пюнд берется за дело» мне труда не составило. Это были знаменитые авторы, работавшие в криминальном жанре. Ключом к тайне послужили Эрик и Филлис Чандлер. За ними явно скрывался Реймонд Чандлер, создатель Филипа Марлоу, одного из самых канонических частных детективов. Эджернон Марш происходил от Найо Марш, Мэделин Кейн — от Джеймса Кейна, автора знаменитого романа «Почтальон всегда звонит дважды» и восхитительной повести «Двойная страховка». Нэнси Митчелл — от Глэдис Митчелл, написавшей шестьдесят с лишним детективных романов. Их, кстати, обожал Филип Ларкин.

Вроде бы все лежит на поверхности. Но Алан оказался хитрее. Заодно он связал каждого из главных персонажей с реальными людьми, которых повстречал и расспросил в «Бранлоу-Холле», многим из них дав те же самые инициалы и всем — созвучные имена. Пример навскидку: Ланс Гарднер (от Эрла Стэнли Гарднера) — персонаж, столь возмутивший Лоуренса Трехерна. Другой пример: доктор Леонард Коллинз, явно связанный с Лайонелом Корби (Л.К.). Если следовать шаблону, то латвийский продюсер Шиманис Чакс должен соотноситься со Штефаном Кодреску, хотя любопытно, что в книге ему отводилась совсем небольшая роль. Он даже настоящим подозреваемым не был.

Мне пришло в голову, что если я смогу понять ход мыслей Алана Конвея, то сумею начертить что-то вроде карты, объединяющей миры «Бранлоу-Холла» в Суффолке и Тоули-на-Уотере в Девоне, причем самыми заметными ориентирами послужат все эти персонажи и их отношения с другими действующими лицами и своими реальными прототипами. Книгу я дочитала, сидя за одним из столиков на улице близ отеля, но к тому времени солнце уже зашло, поэтому я вернулась в номер, схватила блокнот и набросала следующее:

Мелисса Джеймс

Фамилия позаимствована у: Филлис Дороти Джеймс, автора романов «Невинная кровь» и «Пристрастие к смерти». Или, возможно, у Питера Джеймса (его цитата приведена в отзывах о книге!).

Прототип персонажа: Лиза Трехерн, сестра Сесили.

Примечания: персонаж и прототип имеют мало общего, за исключением сходства имен: Лиза/Мелисса. Есть также однократное упоминание о том, что у актрисы имелся на лице шрам (с. 5). Лиза, вероятно, занималась сексом со Штефаном Кодреску, что наблюдал Лайонел Корби. Но в «АПБЗД» Мелисса крутит роман с доктором Леонардом Коллинзом.

Жену Алана Конвея тоже зовут Мелисса, и она, похоже, состояла в близких отношениях с инструктором по фитнесу Лайонелом Корби (Л.К.). Не намекает ли Алан, что между этими двоими был роман?

Фрэнсис Пендлтон

Фамилия позаимствована у: американского детективщика Дона Пендлтона, автора серии «Палач».

Прототип персонажа: Фрэнк Пэррис.

Примечания: Помимо одинаковых инициалов (Ф.П.), Конвей определенно олицетворял Пендлтона с Пэррисом. У обоих были волнистые волосы и смуглая кожа, а на с. 9 «АПБЗД» говорится, что у Фрэнсиса есть парусная яхта «Сандоунер». Точно так же называлось рекламное агентство Фрэнка в Австралии.

Оба были убиты: один кинжалом, другой молотком. Вроде как еще одна параллель. Но в книге нет ничего, подобного мотиву, побудившему Мэделин убить Фрэнсиса.

Нэнси Митчелл

Фамилия позаимствована у: Глэдис Митчелл, автора детективов про миссис Брэдли.

Прототип персонажа: Наташа Мэлк (Эйден сообщил мне полное имя нашедшей тело служанки, и инициалы сошлись).

Примечания: здесь сказать особо нечего, хотя Конвей мог беседовать с Наташей. Лично я с ней встречалась. Связь Нэнси с Фрэнсисом не находит никакого отражения в реальной жизни. Фрэнк, в конце концов, был геем!

Мэделин Кейн

Фамилия позаимствована у: Джеймса Кейна.

Прототип персонажа: Мелисса Конвей?

Примечания: очевидных совпадений нет, за исключением инициалов М.К., но Алан мог просто позабавиться, превратив бывшую жену в чокнутую фанатку кинозвезды и убийцу. Конвей в любом случае решил избавиться от Мэделин: он собирался ввести в четвертую книгу Джеймса Фрейзера.

Доктор Леонард Коллинз

Фамилия позаимствована у: трудно сказать с уверенностью. Возможно, Майкл Коллинз (это псевдоним американского писателя Денниса Линдса, сочинявшего детективные рассказы) или же Уилки Коллинз, автор «Женщины в белом» и «Лунного камня»?

Прототип персонажа: Лайонел Корби (Л.К.)

Примечания: это загадка. В «АПБЗД» доктор Леонард Коллинз является убийцей и одним из центральных персонажей. Но убивает он Мелиссу Джеймс, а вовсе не Фрэнсиса Пендлтона. Хочет ли Алан таким образом заявить, что Лайонел Корби не убивал Фрэнка Пэрриса?

И еще: в «Бранлоу-Холле» орудовал один убийца, но в «Мунфлауэре» их было двое. Тут мне ничего не ясно.

Саманта Коллинз

Фамилия позаимствована у: аналогично с Леонардом Коллинзом.

Прототип персонажа: Сесили Трехерн?

Примечания: довольно затруднительно определить, с кого списана Саманта, и, хотя она на короткое время попадает под подозрение, ей в «АПБЗД» отведена лишь небольшая роль. Имена Сесили и Саманта начинаются с одной и той же буквы, да и внешне женщины похожи.

Саймон Кокс (Шиманис Чакс)

Фамилия позаимствована у: Энтони Беркли Кокса, написавшего в 1929 г. «Дело об отравленных шоколадках». Кроме того, есть еще одна параллель с «АПБЗД» — Альфред Хичкок экранизировал в 1941 г. его книгу, сняв фильм «Подозрение».

Прототип персонажа: Штефан Кодреску.

Примечания: любопытно, что Саймон Кокс играет в романе относительно небольшую роль, тогда как Штефан Кодреску является ключевой фигурой в убийстве Фрэнка Пэрриса. В книге Саймон даже не подозреваемым.

В то же время Алан Конвей злорадно характеризует его как «мелкого гангстера, только что вышедшего из тюрьмы» — именно так описывает продюсера Мелисса на с. 32.

Верил ли Алан, что Штефан был повинен в преступлении? Или знал, что он невиновен, и просто развлекался, издеваясь над ним?

Ланс Гарднер / Морин Гарднер

Фамилия позаимствована у: Эрла Стэнли Гарднера, создателя Перри Мейсона.

Прототипы персонажей: Лоуренс и Полин Трехерн.

Примечания: Ланс и Морин описаны как мелкие мошенники. Вероятно, Алан Конвей сделал их такими ради собственного удовольствия. Ни в одном из убийств эти двое не замешаны. Лоуренс имел полное право подать на автора в суд!

Эрик Чандлер / Филлис Чандлер

Фамилия позаимствована у: Реймонда Чандлера.

Прототипы персонажей: Дерек Эндикот и, предположительно, его мать.

Примечания: как и в случае с Гарднерами, Алан Конвей, похоже, не связывает Дерека Эндикота с убийством Фрэнка Пэрриса, хотя он мог что-то упустить. Допустим, Пэррис не был намеченной жертвой?

Побочный сюжет с Подглядывающим Томом вкупе с явной издевкой над людьми с ограниченными возможностями — это вам фирменный Конвей. Встречался ли автор с матерью Дерека? Мне самой, вероятно, следует это сделать!

Элджернон Марш

Фамилия позаимствована у: Найо Марш, крупнейшей детективной писательницы Новой Зеландии, автора романов про Родерика Аллейна.

Прототип персонажа: очевидно, Эйден Макнейл, как он сам это заметил (Э. М.).

Примечания: Эйден отказался беседовать с Аланом. «Я встречался с ним дважды: сначала, когда он выбирал номер, а потом мы с ним еще минут пять поговорили. Мне он не сильно понравился». Конвей, в свою очередь, превратил его в мелкого жулика, создал почти карикатурный персонаж. Была ли то месть со стороны Алана? Однако нигде нет намек на то, что он убийца.

Но хватит про имена. Если бы Алан Конвей хотел упростить мне задачу, то Фрэнсиса Пендлтона прикончил бы персонаж, инициалы которого совпадают с кем-то из «Бранлоу-Холла». Тем самым автор указал бы на убийцу Фрэнка Пэрриса.

И тут меня вдруг осенило: а ведь, похоже, на самом деле так оно и есть! Мэделин Кейн убила Фрэнсиса. Значит, Фрэнка лишила жизни Мелисса Конвей? У них обеих инициалы «М.К.».

Однако мне все равно как-то не верилось, что Алан стал бы сознательно указывать пальцем на бывшую супругу. Прежде всего, ко времени убийства она вернула себе девичью фамилию Джонсон. Во-вторых, чем ей мешал Фрэнк Пэррис? К тому же в книге есть ее тезка — Мелисса Джеймс, которую душат в главе 4. Ее образ тоже мог быть вдохновлен Мелиссой Конвей. Похоже, Алан видел бывшую жену одновременно и убийцей, и жертвой.

Ну почему все так запутано?

Кроме того, в романе «Аттикус Пюнд берется за дело» обнаружилось еще две улики, намеренно перенесенные из реальной жизни, если вспомнить события в «Бранлоу-Холле». Я выписала их в блокнот:

«СВАДЬБА ФИГАРО»
СОБАКА, ЗАЛАЯВШАЯ НОЧЬЮ

Не может быть простым совпадением, что в книге Фрэнсис Пендлтон жмет, будто ходил на ту же самую оперу, про которую упоминает Фрэнк Пэррис в разговоре с Сесили Трехерн. На этот раз даже инициалы идентичны. Остается загадкой: зачем Фрэнку потребовалось выдумывать эту историю? Куда он на самом деле ездил? И зачем вообще утруждаться и сочинять легенду? Что до собаки, то Кимба в Кларенс-Кип и Медведь, золотистый ретривер из «Бранлоу-Холла», оба подали голос примерно в то время, когда совершалось убийство. И снова у меня возникла уверенность, что Алан пытается мне что-то подсказать, и я сделала себе в памяти зарубку: надо будет поподробнее расспросить Дереха о том, что случилось в ту ночь.

Когда я снова выглянула в окно, на улице было уже совсем темно, и я внезапно поняла, что проголодалась. Я закрыла блокнот и положила его рядом со своим экземпляром романа «Аттикус Пюнд берется за дело».

Я собиралась уже пойти поужинать, когда вспомнила вдруг кое-что важное. Я открыла первую страницу книги, нашла то, что искала, и здорово разозлилась на себя. Вот же она, подсказка, буквально у меня перед носом, а я едва ее не упустила.

Посвящение.

«Посвящается памяти Фрэнка и Лео».

Под Фрэнком определенно подразумевался Фрэнк Пэррис. Лео — это, должно быть, тот мальчик по вызову, о котором упоминал Джеймс Тейлор во время нашей встречи в Лондоне. Фрэнк и Лео, Алан и Джеймс — все четверо ужинали вместе. Фрэнк Пэррис помог Алану раскрыть свою сексуальную ориентацию. А еще он наслаждался извращенным сексом с Лео.

«...памяти».

Это слово бросилось мне в глаза. Фрэнк был убит в «Бранлоу-Холле». Интересно, Лео тоже умер?

Повинуясь порыву, я схватила телефон и настрочила сообщение:

Джеймс, я поблагодарила Вас за чудесный ужин в «Le Carriage»? Так здорово было повидаться снова. Один короткий вопрос вдогонку. Вы упоминали друга Фрэнка Пэрриса по имени Лео. Вам известно о нем что-то еще? Он, случайно, не умер? Заметила в книге Алана посвящение: «...памяти».

Спасибо, Сьюзен. Чмок.

Долго ждать не пришлось. Минуту спустя телефон пискнул, и на экране высветился ответ.

Привет, Сьюзен! Про Лео много не скажу. Он работал на шикарной квартире в Мейфэре (ума не приложу, как он мог себе ее позволить), но я слышал, что парень уехал из Лондона, и понятия не имею, жив он или нет. Лео довольно регулярно встречался с Фрэнком, но я удивлен, что книга посвящена ему. Алан о нем вообще никогда не упоминал. Больше добавить нечего, потому как мы виделись лишь однажды. Он был блондин (крашеный?) и красавчик. Невысокий. Без одежды я его не видел, поэтому судить о его достоинствах не берусь. Лео много работал. Был в отличной форме. Кстати, вполне возможно, что это не настоящее его имя. Многие из нас брали псевдонимы (лучше перебреть). Жеребец и Крепыш, например, были очень популярны. И еще уменьшительные формы. При первой нашей встрече с Аланом я был Джимми... мило и по-ребячески. Докопались уже до чего-то? Я тут поразмыслил и решил, что Фрэнк Пэррис, вполне вероятно, получил по заслугам: он был тот еще козел, настоящий извращенец. Звоните, если снова окажетесь в наших краях.

Джимми. Чмок-чмок-чмок

Джеймс не знал, жив Лео или умер. Я пыталась сообразить, как бы мне это выяснить.

Два дня сроку

Едва проснувшись, я попыталась вызвать Андреаса по «Фейстайм». На Крите уже половина одиннадцатого, и он наверняка покончил с завтраком и ходил поплавать. Затем, если не происходило ничего такого, что требует его внимания, он обычно возвращался на террасу с маленькой чашкой крепкого черного кофе (по-гречески, не по-турецки) и с книгой. К моменту моего отъезда Андреас читал Никоса Казандзакиса и рекомендовал его мне — как будто у меня есть время на беллетристику.

Ответа не последовало, поэтому я позвонила на мобильный. Звонок переадресовался на голосовую почту. Я уже подумывала, не набрать ли Нелл, Паноса или еще кого-нибудь из работавших в «Полидорусе», но от этого пахло отчаянием. К тому же мне не хотелось вовлекать сотрудников в наши личные дела. В этом проблема жизни на Крите: у всех там деревенский менталитет, даже у горожан.

Я была несколько озадачена и, если честно, немного раздражена тем, что мне не отвечают. Я ведь не загоняла Андреаса в угол. Только выразила некоторые свои чувства и предложила все обговорить. Неужели он принял это так близко к сердцу? Правда, Андреас зачастую не сразу читает электронные письма, но он наверняка просматривал почту и видел, что от меня пришел имейл. В его характере, и я это прекрасно знала, имелась одна черта: он неохотно обсуждал чувства, отношения, говорил «о нас». Возможно, отчасти то было следствием вялотекущих дней под средиземноморским солнцем, порождающих ощущение некоей отрешенности, даже лени. Ведь многие из знакомых мне греческих мужчин вели себя точно так же.

В конце концов я сдалась. В Англии мне еще предстоит пробыть всего несколько дней. Сесили Трехерн до сих пор не нашли, подходил к концу список людей, с которыми мне требовалось поговорить, и вопросов, которые нужно задать. Новое прочтение романа «Аттикус Пюнд берется за дело» не принесло почти никаких открытий. Что до моего личного будущего, то Майкл Били более или менее ясно дал понять, что у меня практически нет шансов вновь заняться редакторской работой: ни на фрилансе, ни в офисе. Ну и что в результате остается? Только возвращаться в «Полидорус», сидеть рядом с Андреасом и делать вместе ту работу, которая есть.

Я приняла душ, оделась и спустилась вниз. Завтрак накрыли в том же помещении, где мы ужинали с Лоуренсом. Обслуживали гостей официанты в черных брюках и белых рубашках, все они приезжали на работу на автобусе из Вудбриджа. Был обычный фуршетный стол, яичница с беконом и бобами, все это поблескивало как-то не слишком аппетитно в свете старомодных ламп накаливания. Мне вдруг страшно захотелось греческого йогурта и свежей дыни, но пришлось сделать заказ из меню и ждать, в компании блокнота и кофейника с ароматным кофе, пока его принесут.

Едва приступив к завтраку, я почувствовала, что рядом кто-то есть, и подняла голову. Надо мной стояла Лиза Трехерн. Она улыбалась, но улыбка была из тех, что миглом отобьют аппетит к любой вкуснятине. Мне подумалось, что наверняка в точности так же Лиза смотрела на Штефана Кодреску, перед тем как его уволить.

— Доброе утро, Сьюзен, — произнесла она. — Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

— Будьте моей гостьей. — Я указала на пустующий стул с другой стороны стола.

Но Лиза не оценила юмора.

— Я бы сказала, что ситуация как раз обратная. — Она чопорно уселась. Когда подошел официант, чтобы предложить ей кофе, Лиза отослала его прочь. — Это мы вас тут принимаем.

— И по высшему разряду, спасибо.

— Вам нравится наш отель?

— Здесь очень мило. — Я чувствовала приближение неприятностей, и любезность не была лишней. — Вполне понятно, почему «Бранлоу-Холл» пользуется такой популярностью. Я смотрю, от постояльцев нет отбоя.

— Да, тем более что сейчас самый сезон. Вообще-то, об этом я и хотела с вами поговорить. Как продвигается ваше расследование?

— Я бы не рискнула назвать это расследованием.

— Можете сообщить мне что-нибудь насчет Сесили?

— Вчера я перечитала книгу «Аттикус Пюнд берется за дело». У меня есть кое-какие мысли по поводу того, что могло произойти. — Я захлопнула блокнот, как бы защищая его секреты.

— Кое-какие мысли? — Лиза скосила глаза на мою тарелку. Заказ мой был скромным: яйцо пашот и тост, но по выражению ее лица можно было решить, будто я сгребла себе весь фуршетный стол. — Вот в чем дело, Сьюзен... Не хочу быть грубой, но вы занимаете номер, который приносил бы нам двести пятьдесят фунтов за сутки. Вы поглощаете нашу еду да и в мини-бар наверняка заглядываете. Вам удалось раскрутить моих родителей на весьма изрядную сумму, да еще и выбить из них аванс. И что мы получили взамен? Насколько мы можем судить, от вас нет абсолютно никакой пользы.

Если сейчас Лиза старалась не быть грубой, то чего от нее ожидать в случае намеренной агрессии? Мне вспомнилась характеристика, данная ей Лайонелом Корби: «Та еще штучка». Возможно, я была слишком строга к парню во время встречи в Лондоне.

— А ваши родители в курсе этого нашего разговора? — спросила я.

— Вообще-то, отец сам меня попросил побеседовать с вами. Мы хотим положить конец этому предприятию и думаем, что вы должны уехать.

— Когда?

— Сегодня.

Я аккуратно положила на тарелку нож и вилку. Потом посмотрела Лизе в глаза и спросила самым невинным тоном:

— А ваш отец знает, что у вас был секс со Штефаном Кодреску до того, как вы его уволили?

При этих словах лицо девушки вспыхнуло от ярости, и, странное дело, шрам в углу рта заалел так, словно рану нанесли минуту назад.

— Да как вы смеете?! — прошипела она.

— Вы интересовались ходом расследования, — напомнила я. — Я бы квалифицировала этот факт как весьма ценную информацию, заставляющую взглянуть на вещи в ином свете. Вы не согласны?

Интересно получилось. Выдвигая обвинение, я не была на сто процентов уверена, но Лиза не стала его отрицать. Опять же, все улики сходились. Во время ужина Лоуренс Трехерн обмолвился, что Штефан нравился Лизе и они много времени проводили вместе. Потом она уволила парня под несправедливым, как настаивал Корби, предлогом. А еще старшая сестра завидовала младшей. «Между ними вечно существовало соперничество... Сесили уродилась более красивой, и стоило ей познакомиться с кем-нибудь, это всегда бесило Лизу» — именно так выразился Лоуренс. И мне пришло в голову: уж не объясняется ли неприязнь Лизы к Эйдену Макнейлу этой застарелой завистью?

— Кто вам это сказал? — требовательно спросила моя собеседница. Меня удивило, что она не выбежала из столовой. Я бы на ее месте, наверное, не сумела бы сохранить самообладание.

— Вы уволили Штефана, потому что он отказался и дальше спать с вами.

— Он был вором.

— Нет. Воровкой была Наташа Мэлк, та самая горничная, которая нашла труп. Все это знали.

Я только повторила версию Лайонела Корби, но, похоже, и тут фитнес-инструктор попал в точку. Лиза побледнела.

— Это ложь, — негромко заявила она.

— Лиза, я встречалась со Штефаном в тюрьме Уэйленд в Норфолке, — сказала я. — Ему нет нужды вводить меня в заблуждение.

Если называть вещи своими именами, то это я соврала ей, поскольку на самом деле еще не разговаривала со Штефаном. Но Лиза-то об этом не знала.

Она так скривилась, что я испугалась, как бы молоко в кофе не скисло.

— Почему вы верите всему, что говорит этот тип? Он ведь преступник, пожизненно осужденный за убийство.

— Я вовсе не уверена, что это он убил Фрэнка Пэрриса.

Любопытно, но, произнося эти слова, я вдруг с абсолютной уверенностью ощутила, что и впрямь так думаю. Штефана арестовал полицейский, бодро отправивший его за решетку только

потому, что подозреваемый оказался румынским иммигрантом. Улики против него были до смешного легковесными. Сто пятьдесят фунтов под матрасом? Никто не прячет деньги под матрасом, не считая старых дев в плохих комедиях, да и, если уж на то пошло, стал бы Штефан рисковать ради такой пустячной суммы?

Оставалось слишком много невыясненных обстоятельств: невесть почему залаявшая собака; табличка «Не беспокоить», которая висела на двери, а потом загадочно исчезла; Фрэнк Пэррис, солгавший насчет оперы. И был еще один, самый важный, по моему мнению, вопрос: если Алан Конвей знал имя настоящего преступника (недаром ведь расшифровавшая его загадку Сесили Трехерн исчезла), то почему он предпочел не разглашать правду?

— Но если убийца не Штефан, то кто? — вскинулась Лиза.

— Дайте мне неделю, и я вам скажу.

Она впилась в меня глазами:

— Даю вам два дня срока.

— Хорошо. — Я хотела поторговаться с ней, но это только выказало бы слабость моей позиции. По меньшей мере мне не грозило больше оказаться на улице до обеда.

Лиза начала подниматься, но я еще не закончила с ней.

— Расскажите мне о вас и о Сесили, — попросила я.

Она снова села.

— Что вы хотите знать?

— Вы ладили?

— Очень даже.

— Почему вы не хотите сказать правду, Лиза? Почему мешаете мне выяснить, что случилось с вашей сестрой? — Ее взгляд сделался сердитым, и я спросила: — Откуда у вас шрам сбоку рта?

— Это сделала Сесили. — Лиза вскинула руку, прикрыв рубец. — Но она не хотела. Ей было всего десять лет. Она не сознавала, что творит.

— Из-за чего вы тогда поругались?

— Это не имеет отношения к делу.

— А вдруг имеет?

— Из-за мальчика. Не мальчика... парня. Вы ведь знаете, как это бывает у девочек. Его звали Кевин, он работал у нас на кухне. Ему было лет двадцать, и мы обе втюрились в него. А он поцеловал меня. Вот и все. Как-то раз я разговаривала с Кевином, смеялась, и он чмокнул меня в щеку. Когда я рассказала об этом Сесс, та взбесилась. Сказала, что я увела у нее парня. И в этот момент под рукой у нее оказался нож, кухонный. Она бросила им в меня. На самом деле сестра даже не целилась. Но лезвие чиркнуло меня по лицу. Оно было очень острое и оставило порез. — Лиза опустила руку. — Кровь лилась сильно.

— Вы до сих пор вините ее за это?

— Я никогда ее не винула. Сесили не знала, что творит.

— Как вы относитесь к Эйдену?

— Нормально.

— Когда мы в прошлый раз беседовали, у меня сложилось ощущение, что зять вам не слишком нравится.

— Против него лично я ничего не имею. Просто думаю, что Эйд впрягается не в полную силу, вот и все.

— Вы считаете, что ваша сестра любила его?

— Наверное, любила. Не знаю. Мы с ней никогда такие вещи не обсуждали.

Я намеренно употребила прошедшее время, и Лиза не поправила меня. Она тоже считала, что Сесили нет больше в живых.

— А как насчет вас и Штефана? — спросила я.

— В смысле?

— За что вы на самом деле уволили его?

Я дала Лизе какое-то время собраться с мыслями. Наконец она решилась.

— Мы с ним несколько раз занимались сексом, потому что... А почему бы и нет? Он был симпатичный, холостой и пылкий, скажу я вам! Еще он был преступник без гроша за душой и, если бы не я, оказался бы на улице. Так что можно сказать, с его стороны это была благодарность за

услугу. Но я никого не принуждала, и если вы считаете, будто я выперла парня за то, что он не соглашался больше укладываться со мной в койку, то лучше убирайтесь прочь из этого отеля, и мне плевать, знаете вы, кто убил Фрэнка Пэрриса или нет. Штефан Кодреску исполнял все, что я ему скажу. В этом была часть забавы. Стоило мне щелкнуть пальцами, и он уже мчится. К несчастью, что бы вы там ни говорили, деньги воровал именно он, а вовсе не Наташа. Вот почему я не оставила его здесь. Отель значил для меня больше.

Лиза поднялась и так резко отодвинула стул, что ножки его царапнули пол.

— Сьюзен, в вашем распоряжении сегодняшний день и завтрашнее утро. После этого мы с вами больше не увидимся. — Она не удержалась от контрольного выстрела. — Расчетный час в двенадцать.

Элоиза Радмани

Я не переживала, что Лиза Трехерн, если уж называть вещи своими именами, попросту выставила меня вон. Я желала вернуться к Андреасу, и, если мне предстояло покинуть Англию, так ничего и не раскрыв, Лиза лишь обеспечила мне оправдание. Мне требовалось поговорить с Андреасом. Вместе ли мы еще? Этот вопрос беспокоил меня гораздо сильнее, чем пустяковая загадка, кто убил Фрэнка Пэрриса восемь лет тому назад.

До изгнания из «Бранлоу-Холла» оставалось меньше сорока восьми часов. Как мне лучше использовать это время?

Прежде чем за мой столик опустилась Лиза, донельзя злая и явно сексуально озабоченная, я составляла список шагов, которые могла предпринять, и теперь, оставшись одна, снова открыла блокнот. Сделать предстояло много, а время поджимало. Приоритетной задачей было навестить Штефана Кодреску в тюрьме «Уэйленд». Он определенно очень многое мог мне рассказать, начиная с воспоминаний о ночи убийства, об истинных своих отношениях с Лизой, обо всем, что видел и слышал, о том, кто имел доступ в его комнату, и, самое важное, почему он сознался. Но могли пройти недели, а то и месяцы, прежде чем Штефан ответит на мое письмо, а ждать у моря погоды я попросту не имела возможности.

Был еще Лео, мальчик по вызову, «познанный» — это причастие я употребила в библейском смысле — как Фрэнком Пэррисом, так и Аланом Конвеем. Если он мертв, как заставляет предположить посвящение Алана, то как именно умер? И почему книга вообще посвящена ему? Очевидно, что он был не сожителем Фрэнка, а просто одним из многих партнеров, доступных за деньги.

Требовалось снова навестить Мартина и Джоанну Уильямс, эти двое по-прежнему оставались единственными, у кого имелся реальный мотив для убийства. При встрече оба показались мне на редкость скользкими типами, но теперь я понимала, что они нагло солгали мне. Мне сразу следовало это понять. Получилось так, что Эйден дал мне сведения, способные уличить супругов, а Лоуренс подтвердил это в своем длинном электронном письме. Мартин приезжал в «Бранлоу-Холл» в день смерти Фрэнка. Он проболтался об этом, сам того не заметив.

Я не успела еще переговорить ни с Джорджем Сондерсом, отставным директором школы, за которым первоначально был забронирован номер двенадцать в крыле «Мунфлауэр», ни с Элоизой Радмани, няней Роксаны и, вероятно, приспешницей Эйдена. Еще мне хотелось разыскать вдову Алана, Мелиссу. Во время убийства она жила в непосредственной близости от отеля и той ночью вполне могла прогуливаться где-то неподалеку, никем не замеченная.

И наконец, был еще Уилкокс — адвокат, о котором упомянул Саджид Хан во время нашей встречи во Фрамлингеме. Это имя также значилось в списке моих приоритетов, хотя всплыло совершенно случайно и к убийству Фрэнка и исчезновению Сесили никакого отношения не имело. Я намеревалась разобраться с Уилкоксом во второй половине дня.

Покончив с завтраком, я направилась в номер. Но едва вошла в вестибюль, как заметила Элоизу Радмани, проходившую мимо стойки администратора с корзиной белья. Очевидно, она пользовалась прачечной отеля для нужд Бранлоу-коттеджа. Заметив меня, француженка свернула в надежде улизнуть прежде, чем я ее остановлю, но не тут-то было. Я поспешила следом и перехватила няню у задней двери.

Я наскоро припомнила все, что мне известно. Элоиза Радмани приехала из Марселя. В «Бранлоу-Холле» объявилась в 2009 году, через два месяца после рождения Роксаны и добрых девять месяцев спустя после убийства Фрэнка Пэрриса. До этого она училась в Лондоне, где познакомилась с мужем, умершим впоследствии от СПИДа. В первую нашу встречу Элоиза смотрела на меня как на дьявола во плоти. Да и сейчас тоже держалась не слишком любезно. На няне была грязно-синего цвета футболка, с накинутой поверх свободной бирюзовой ветровкой, добавлявшей немного цвета в тусклую палитру из черного и серого.

— Утро доброе! — окликнула ее я как можно дружелюбнее.

— Здравствуйте. — Она насупилась.

— Меня зовут Сьюзен. Мы виделись у коттеджа. У меня тогда не получилось объяснить вам, зачем я здесь.

— Мистер Макнейл мне рассказал. — Она употребила слово «мистер», а не «месье», но ее французский акцент оставался кричащим, на грани пародии. — Вы пытаетесь помочь найти Сесили.

— Верно. Может, есть новости? Я вчера была в Лондоне, поэтому...

Она тряхнула головой:

— По-прежнему ничего.

— Должно быть, это для вас ужасно.

Элоиза немного расслабилась, но взгляд ее оставался настороженным.

— Да, всем нам сейчас непросто. Сесили была добра ко мне. Сделала меня частью семьи. А особенно тяжело Роксане. Она очень скучает по мамочке, постоянно про нее спрашивает. Не понимает, что происходит.

— Вы давно живете в семье?

— Да.

— Когда вы в последний раз видели Сесили?

— Зачем вы задаете мне эти вопросы?

— Лоуренс и Полин Трехерн попросили меня выяснить, что случилось. Я со всеми уже поговорила. Вы ведь не против, надеюсь? Или против? — Я намеренно пошла в атаку, пытаюсь понять, есть ли ей что скрывать.

Элоиза поняла это и покачала головой.

— Конечно, я не отказываюсь отвечать на ваши вопросы, просто мне нечего вам сказать...

— Так когда вы в последний раз видели Сесили?

— В тот самый день, когда она исчезла. Вскоре после обеда. Я повезла Роксану к доктору в Вудбридж. Девочка приболела. У нее было... ну, вы знаете, что-то с желудком. Сесили сказала, что собирается выгулять собаку. Мы недолго поговорили в кухне дома, и это был последний раз, когда я ее видела.

— В тот вечер у вас был выходной?

— Да. За Роксаной присматривала Инга из отеля.

— Куда вы пошли?

Последовала вспышка гнева, памятного мне по первой встрече.

— Какое ваше дело?

— Я просто пытаюсь сложить все части воедино.

— Я ходила в кино в Олдборо.

— Что смотрели?

— Какая разница? Французский фильм. Как вы смеете задавать мне такие вопросы? Что вы о себе вообразили?

Я выждала, давая ей время успокоиться. Нянька хотела было отправиться дальше по своим делам, но я не сдавалась.

— Чего вы боитесь, Элоиза? — спросила я.

Она захлопала глазами, и я с удивлением увидела, что женщина вот-вот расплачется.

— Я боюсь, что Сесили мертва. Боюсь, что маленькая девочка лишилась матери. Боюсь, что мистер Макнейл остался один. А вы! Вы заявляете сюда и воображаете, будто вам тут *policier*, детективный роман. Вы ничего не знаете об этой семье, обо мне и о моих трудностях.

— Вы потеряли мужа.

Не будь у нее в руках корзины с бельем, она бы меня ударила. Я заметила, как руки ее стиснули пластиковые ручки.

— Люсьен учился на архитектора, — сказала Элоиза, и в голосе ее прорезалась хрипотца. — Он стал бы великим зодчим. У него были такие идеи — вы не поверите! Знаете, сколько я работала, чтобы поддержать его? Мыла посуду. Убиралась в офисах. Служила администратором в рекламном агентстве, а потом устроилась в «Харродс» и продавала мужскую одежду. Я делала все это для него, а потом ваши драгоценные медики убили Люсьена, влив не ту кровь, а когда он

умер, то даже не выплатили мне компенсацию. Вообще ничего. Люсьен был для меня всем, а они его убили.

— Мои соболезнования.

Я заметила, как два гостя спустились по лестнице, намереваясь выйти прогуляться. Интересно, что бы они подумали, услышав наш разговор? Такого не ожидаешь встретить в загородном отеле.

— Ну почему меня не хотят оставить в покое! — бушевала Элоиза. — Сначала полиция, теперь вы! Эйден не имеет никакого отношения к смерти своей жены. Это я вам как на духу говорю. Он хороший человек, и Роксана его обожает.

— Что, по вашему мнению, случилось с Сесили?

— Понятия не имею! Может, ничего криминального с ней и не произошло. Допустим, попала в аварию и погибла. Я думаю, вам стоит убраться отсюда и оставить нас в покое.

С этими словами Элоиза развернулась и, подхватив корзину, выскочила в дверь. На этот раз я не стала ей мешать. Побуждаемая гневом и ощущением собственного мученичества, она сказала мне кое-что такое, чего, возможно, говорить не намеревалась. Я решила проверить.

Я пошла напрямик в свою комнату и нашла номер кадрового агентства, которое, по словам Эйдена, и прислало им няньку. Я позвонила и представилась мамочкой, собирающейся нанять Элоизу на работу. Женщина на другом конце линии удивилась.

— Я и не знала, что мисс Радмани оставила текущую службу, — сказала она.

Неужели в наше время кто-то еще употребляет подобные выражения? Но видимо, в такого рода агентствах свои порядки.

— Элоиза Радмани еще служит у Макнейлов, — заверила я собеседницу. — Но боюсь, она столкнулась с трудностями, вынуждающими призадуматься о смене места работы. Вы, быть может, слышали об исчезновении миссис Макнейл?

— Ну да, конечно!

Это несколько смягчило даму на том конце провода.

— Я поговорила с Элоизой и думаю, что она чудесная няня, но мне хотелось бы уточнить одну маленькую деталь из ее резюме. Мисс Радмани упомянула, что работала в одном рекламном агентстве. Так уж совпало, что мой муж тоже рекламщик, и мне просто интересно, как оно называлось.

Последовала пауза, я услышала клацанье компьютерной клавиатуры.

— «Маккан-Эриксон», — сообщила женщина, найдя нужную информацию.

— Спасибо вам огромное.

— Когда снова будете беседовать с мисс Радмани, пожалуйста, попросите ее связаться с нами. И если у вас не получится договориться с ней, уверена, мы поможем вам найти подходящую кандидатуру.

— Благодарю. Будем на связи.

Я повесила трубку, подошла к столу и открыла ноутбук, чтобы найти газетные вырезки, которые просматривала в Лондоне. Компьютер загружался, как мне показалось, целую вечность, но наконец на экране появилась нужная информация: именно то, что я искала. Это была статья из «Кэмпейн», рекламного журнала:

Зарегистрированное в Сиднее рекламное агентство «Сандоунер», основанное Фрэнком Пэррисом, бывшим креативным директором компании «Маккан-Эриксон», вышло из бизнеса. Австралийская комиссия по безопасности и инвестициям, этот официальный финансовый сторожевой пес, подтверждает, что после всего трех лет работы агентство прекращает свою деятельность.

Вот так, что и требовалось доказать. Фрэнк Пэррис работал в «Маккан-Эриксон». Элоиза Радмани сидела там на ресепшене. Эти двое могли быть знакомы. А теперь она здесь. Аттикус Пюнд часто говорил, что в расследовании преступлений случайных совпадений не бывает. «Все в жизни следует определенному шаблону, и совпадение — это просто момент, когда этот шаблон становится на краткое время видимым».

Мне подумалось, что он, вероятно, был прав.

Снова в Уэстлтон

Я покинула отель и снова поехала в Хит-хаус — дом, который достался в наследство от родителей Фрэнку Пэррису и его сестре Джоанне Уильямс. На этот раз на улице никто не работал, поэтому я позвонила в дверь и дождалась, когда та откроется. На пороге стоял Мартин Уильямс, одетый в ту же синюю спецовку, что и прежде. В руке у него был молоток, это стало неприятным напоминанием о причине моего приезда сюда, да и вообще в Суффолк. Однако создавалось впечатление, что этому человеку просто нравится делать мелкую работу по дому в минуту, свободную от продажи по телефону страховых полисов.

— Сьюзен! — Судя по виду хозяина, мое появление не обрадовало и не огорчило его. А возможно, на некий странный лад, огорчило и обрадовало одновременно. — Не ожидал увидеть вас снова.

Мне стало интересно, знает ли он о словах жены, сказанных мне на прощание.

— Очень жаль снова беспокоить вас, Мартин. Но я вскоре уезжаю из Англии и хотела бы прояснить еще пару моментов. Не могли бы уделить мне немного времени, минут пять или десять?

— Входите, — сказал он и добавил весело: — Хотя не думаю, что Джоанна будет рада видеть вас снова.

— Да, она очень ясно дала это понять.

— Ничего личного, Сьюзен. Просто они с Фрэнком не были особенно близки, и ей хотелось бы забыть о случившемся.

— А разве нам всем не этого хочется? — проговорила я, но сомневаюсь, что он услышал.

Мартин проводил меня в кухню, где хлопотала Джоанна, помешивая что-то в кастрюле. Она обернулась, и улыбочка мигом стерлась с лица женщины, стоило ей понять, кто пришел.

— Что вы тут делаете? — спросила она резко. На этот раз не было даже намек на вежливость: чаю не предлагали, ни с мятой, ни какого-либо еще.

— Все просто. — Я уселась, в расчете заявить о своем месте в этом доме. А еще надеялась, что это несколько осложнит Уильямсам задачу выпихнуть меня вон. — В прошлый мой приезд вы сказали две вещи, оказавшиеся неправдой. — Я сразу перешла к делу. Судя по тому, как смотрела на меня Джоанна, чем скорее с этим будет покончено, тем лучше. — Во-первых, вы утверждали, что Фрэнк Пэррис предлагал вам вложить деньги в его новое агентство, но, как мне стало известно, на самом деле он пришел потребовать половину этого дома — вашего дома. Фрэнк собирался вынудить вас продать его.

— Это не ваше дело! — Джоанна размахивала деревянной поварешкой, как оружием, и я порадовалась, что приехала не в тот момент, когда она резала мясо. — У вас нет никакого права находиться здесь, и если вы не уйдете по-хорошему, я вызову полицию.

— Я теперь сотрудничаю с полицейскими, — сказала я. — Хотите, чтобы я сообщила им то, что знаю?

— Меня не колыхает, с кем вы там сотрудничаете. Выметайтесь отсюда.

— Минутку, Джо. — Спокойствие, с которым Мартин держался, было почти зловещим. — Кто предоставил вам эти сведения? — спросил он у меня. — Думаю, мы имеем право знать.

Естественно, правду я им сказать не могла. Я не питала особого расположения к Саджиду Хану, но и вовлекать его в неприятности тоже не хотела.

— У меня состоялся разговор с одним из агентов по недвижимости во Фрамлингеме, — пояснила я. — Фрэнк хотел узнать примерную стоимость дома и сказал в конторе, что у него есть имущество, которое будет выставляться на продажу. А также назвал причину.

Уже произнося эти слова, я подумала, что версия выглядит неубедительной. Но Мартин предпочел поверить и противоречить не стал. А лишь уточнил:

— Мне хотелось бы понять, к чему вы, собственно, клоните, Сьюзен?

Я не знала, стоит ли вообще отвечать на этот вопрос.

— Почему вы солгали мне? — осведомилась я.

— Ну, прежде всего потому, что это не ваше дело. Тут Джоанна абсолютно права. И признаться, с вашей стороны весьма невежливо было обвинять нас во лжи. На самом деле то, что мы сказали, не так уж далеко от правды. Фрэнк действительно нуждался в деньгах для запуска новой компании и рассматривал нас как инвесторов. Нам эта идея не особенно улыбалась. Мы оба любим Хит-хаус. Джоанна всю свою жизнь здесь прожила. Но мы поговорили со своим поверенным и поняли, что выбора нет — остается лишь покориться обстоятельствам. — Мартин пожал плечами. — А потом, как известно, Фрэнк умер.

— Мы к этому никак не причастны, — без нужды добавила Джоанна. Ее слова только подкрепляли уверенность в обратном.

— Вы говорили о двух вещах, — напомнил Мартин. — Какая вторая?

— Зачем ты вообще это с ней обсуждаешь? — Джоанна гневно воззрилась на мужа.

— Нам нечего скрывать. Если у Сьюзен есть к нам вопросы, то думаю, правильно и честно будет дать на них ответы. — Он улыбнулся мне. — Итак?

— Вы сказали мне, что Фрэнк Пэррис жаловался на то, что свадебный шатер в «Бранлоу-Холле» якобы загорался ему вид. Так?

— Да, кажется, припоминаю.

— Не сходится. Он приезжал к вам рано утром в пятницу. А шатер привезли только в пятницу после обеда.

Этой информацией меня снабдили Эйден Макнейл и Лоуренс Трехерн. И теперь нестыковка не давала мне покоя, почти как какой-нибудь изъян в первой редакции рукописи.

— Как вы объясните это? — спросила я.

Мартин Уильямс не дрогнул.

— Не уверен, что обязан это делать. — Он на миг задумался. — Фрэнк мог что-то перепутать.

— Согласитесь, ему не могло загораться вид из окна сооружение, которого не было.

— Значит, он соврал нам.

— Или же вы ездили в отель тем вечером и сами видели шатер, — высказала я предположение.

— Ну зачем мне было ездить туда, Сьюзен? И уж тем более скрывать это?

— Бред какой-то! — вскинулась Джоанна. — Мы не обязаны разговаривать с этой женщиной...

— Если, конечно, Сьюзен не намекает, что это я убил своего шурина, чтобы помешать ему продать дом, — продолжил Мартин.

Он посмотрел на меня, и было в его взгляде нечто такое, чего я раньше не замечала. Это была своего рода угроза, от которой мне стало не по себе. Она казалась еще более пугающей, потому что мы сидели в уютной сельской кухне, с горячей плитой, с развешанными по стенам кружками, кастрюлями и с сухими цветами в вазе. Все выглядело так заурядно, включая и самого хозяина в потрепанной спецовке. Однако Мартин явно смотрел на меня, бросая вызов. Я скосила глаза на Джоанну и поняла, что она тоже это заметила. И испугалась за меня.

— Разумеется, я так не думаю, — сказала я.

— Тогда, если у вас нет больше вопросов, я полагаю, что Джоанна права и вам пора покинуть наш дом.

Никто из Уильямсов даже не пошевелился. Я поднялась, едва дыша.

— Не трудитесь меня провожать, дверь я найду сама.

— Хорошо. И пожалуйста, не возвращайтесь больше.

— Это еще не конец, Мартин. — Я решила, что не позволю себя запугать. — Правда все равно выйдет наружу.

— Прощайте, Сьюзен.

Я ушла. И если быть честной, мне не терпелось как можно скорее оказаться подальше от этого места.

Не сознался ли только что Мартин в убийстве Фрэнка Пэрриса? «Это я убил своего шурина, чтобы помешать ему продать дом». Он сам озвучил эту мысль вместо меня, но надо признаться, именно так я и думала. Если исходить из того, что Штефан Кодреску невиновен, то ни у одного человека, кроме Уильямсов, не имелось мотива убивать Фрэнка Пэрриса. В отеле никто даже не

знал, кто он такой. И Мартин абсолютно точно солгал насчет шатра, а когда я только что его разоблачила, даже не попытался придумать убедительное объяснение. И он, и жена угрожали мне, каждый по-своему. Но все это выглядело так странно. Создавалось ощущение, что оба подталкивали меня узнать, что они сделали.

Я села в машину и двинулась прочь из Уэстлтона. Я медленно ехала по шоссе, пока не нашла, примерно в миле оттуда, нужный мне дом. Назывался он «Брамблс» — один из тех маленьких розовых коттеджей, без которых трудно представить Суффолк. Стоял он рядом с фермой, отделенный от нее низкой деревянной изгородью.

Дом оказался именно таким, в каком, по моим представлениям, и должен был обитать Дерек Эндикот, ночной администратор. Он сказал мне, что живет близ Уэстлтона, а перед выездом из отеля я раздобыла у Инги точный адрес. Коттедж, вполне вероятно, переходил в этой семье из поколения в поколение. Об этом говорили старомодная телевизионная антенна на крыше, уличный туалет, который не снесли и не перестроили, стекла окон, покрытые слоем вековой пыли. Дверной звонок установили, должно быть, еще в шестидесятые годы прошлого века. Когда я нажала кнопку, он сыграл мелодию.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем дверь открыла преклонного возраста женщина в просторном платье в цветочек, которое при ближайшем рассмотрении оказалось ночной сорочкой. Она опиралась на ходунки. Волосы у нее были седые и спутанные, за обоими ушами торчали проводки слухового аппарата. Лоуренс сказал, что мать Дерека тяжело больна, но мне она на первый взгляд показалась довольно шустрой и смышленной старухой.

— Да? — спросила она. Голос у дамы был надтреснутый, высокий, немного напомнивший мне дискант ее сына.

— Вы миссис Эндикот?

— Да. А вы кто?

— Меня зовут Сьюзен Райленд. Я из «Бранлоу-Холла».

— Вам Дерек нужен? Он еще спит.

— Я могу заглянуть попозже.

— Не надо. Входите, входите. Звонок наверняка его разбудил. Ему все равно уже пора обедать.

Она повернулась ко мне спиной и, опираясь на ходунки, дотопала до комнаты, занимавшей большую часть первого этажа. Помещение это служило одновременно кухней и гостиной, и обе эти функции хаотично здесь смешивались. Вся мебель была антикварной, но в плохом смысле этого слова. Диван был продавлен, дубовый стол покрыт царапинами, а кухонная утварь — сплошное старье. Единственной данью двадцатому веку был широкоэкранный телевизор, неуютно примостившийся на этажерке из ДСП.

Но вопреки всему этому, тут было уютно. Я не могла не заметить, что все здесь было в двух экземплярах: две подушки на диване, два кресла, два деревянных стула за столом, две конфорки на плите.

Миссис Эндикот с трудом опустилась в одно из кресел.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Сьюзен Райленд. Миссис Эндикот...

— Зовите меня Гвинет.

В книге Алана Конвея она превратилась в Филлис, но я сразу поняла, что между этими двумя женщинами нет почти ничего общего. Любопытно, побывал ли здесь Алан? Едва ли.

— Если вы собирались обедать, мне не хотелось бы мешать вам.

— Ничуть вы не мешаете, милочка. У нас только суп и пастуший пирог. Можете к нам присоединиться, если хотите.

Хозяйка сделала паузу, чтобы отдышаться, и я услышала хриплый свист, с каким воздух проходил через ее горло. И еще, когда она нагнулась, я заметила кислородный баллон, спрятанный под креслом. Женщина прижала ко рту маску и сделала несколько вдохов.

— У меня эмфизема, — пояснила она, закончив процедуру. — Сама, дура, виновата. По тридцать сигарет в день всю жизнь. Вот и расплата. Вы курите, милочка?

— Да, — призналась я.

— Не стоит.

— Кто там, мам?

Сначала я услышала голос Эрика, потом увидела его самого. Дверь открылась, и он вошел, в брюках от спортивного костюма и свитере, слегка ему маловатом. Он удивился, увидев меня здесь, но, в отличие от Джоанны Уильямс, против моего присутствия не возражал.

— Миссис Райленд!

Меня немало впечатлило, что он запомнил мою фамилию.

— Привет, Дерек, — сказала я.

— Есть новости?

— Насчет Сесили? Боюсь, что нет.

— Миссис Райленд помогает полиции искать Сесили, — сообщил он матери.

— Жуткая история, — вздохнула Гвинет. — Такая приятная молодая женщина. Да и к тому же у нее ведь маленький ребенок! Надеюсь, бедняжку найдут.

— Ради этого я сюда и приехала. Дерек, не возражаете, если я задам еще пару вопросов?

Он сел за стол. Места ему едва хватило, чтобы втиснуться.

— Буду счастлив помочь.

— Меня заинтересовало одно замечание, которое вы обронили во время нашей встречи в отеле, — осторожно продолжила я, стремясь направить беседу в нужное русло. — Сесили прочитала книгу, которая обеспокоила ее. И недели две назад, это было во вторник, примерно в тот же час, что и теперь, она позвонила родителям на юг Франции, дабы поговорить об этом. Она сказала, что нечто в романе навело ее на мысль о невиновности Штефана Кодреску в убийстве Фрэнка Пэрриса.

— Лично мне Штефан нравился, — вставил Дерек.

— Я его знала? — спросила Гвинет.

— Нет, мам. Он сюда не приходил.

— Так вот, мы говорили про Сесили, и вы, помнится, сказали: «Когда она сделала тот звонок, я сразу догадался: что-то неладно. Сесили была сильно встревожена». Мы говорим об одном и том же телефонном звонке, Дерек? Том самом, когда она звонила своим родителям?

Он задумался, роясь в воспоминаниях о случившемся, а заодно и прикидывая возможные последствия для себя.

— Сесили звонила родителям, — сказал наконец Эндикот. — Я находился за стойкой администратора, а она у себя в кабинете. Но что она говорила, я не слышал. Точнее... не собирался подслушивать.

— Но вы поняли, что хозяйка встревожена.

— Она сказала, что Штефан этого не делал. Что его обвинили несправедливо. Дверь была закрыта неплотно, и через щель до меня долетали отдельные фразы.

— Дерек, а почему вы тогда находились в отеле? Был полдень. Я думала, что вы только по ночам работаете.

— Иногда, если у мамы выдается плохая неделя, я меняюсь с Ларсом. Мистер Трехерн относится к этому с пониманием. Я не могу оставить ее одну на всю ночь.

— У меня эмфизема, — напомнила Гвинет. Потом улыбнулась сыну. — Дерек ухаживает за мной.

— Значит, вы дежурили днем. Был еще кто-то поблизости, когда Сесили сделала тот звонок?

Он пожевал губами:

— Ну да, постояльцы. Отель был полон почти под завязку.

— А Эйден Макнейл находился в тот момент рядом? Или Лиза?

— Нет. — Дерек покачал головой. Потом взгляд его просиял. — Но я видел там няню!

— Элоизу?

— Да, она искала Сесили, и я сказал ей, что та в кабинете.

— Элоиза входила туда?

— Нет. Она услышала, что Сесили разговаривает по телефону, и не захотела мешать, поэтому попросила передать, что она ее искала, и ушла.

— Вы сказали это Сесили?

— Нет. Положив трубку, она выскочила из кабинета и ушла, не знаю куда. Вы правы, она была сильно взволнована. Думаю, она плакала.

При этих словах Дерек помрачнел, словно это он был виноват в том, что Сесили огорчилась.

— Ты рассказал про это полиции? — спросила Гвинет.

— Нет, мам. Полицейские не спрашивали.

Я начинала чувствовать себя неуютно, оказавшись в этой маленькой комнате с больной матерью и ее заботливым сыном. Я злилась на Алана Конвея, который поиздевался над этими людьми, поместив карикатуры на них в своей книге. Но одновременно я понимала, что часть вины лежит и на мне тоже. Мне следовало более критично отнестись к персонажу по имени Эрик Чандлер — с его колченогостью, инфантильностью и сексуальным извращением, но я предпочла особо не заморачиваться и опубликовала текст. И прямо скажем, не сетовала, когда роман стал бестселлером.

Нужно было задать еще один вопрос. Делать это мне не слишком хотелось.

— Дерек, — начала я, — чем были вы так расстроены накануне свадьбы, что отказались пойти на вечеринку для персонала? Почему у вас внезапно испортилось настроение?

— Я не отказывался. Просто так совпало, что у меня заболел живот. Вот и пришлось пропустить вечеринку. Жаль, поскольку остальные, судя по всему, славно повеселились. Я неважно себя чувствовал, но настроение у меня было нормальное.

А вот Лоуренс Трехерн утверждал совсем иное. В своем длинном отчете он упомянул, что Дерек выглядел странно, «словно он вдруг призрака увидел».

— В отеле был кто-нибудь, кого вы узнали?

— Нет. — Дерек напугался. Он понял, что мне известно.

— Вы уверены?

— Я уже и не помню...

Я старалась не давить на собеседника и произнесла как можно мягче:

— Разумеется, вы могли запомнить. Но вы ведь знаете Джорджа Сондерса? Того самого постоянного, которого вселили в номер шестнадцать вместо Фрэнка Пэрриса? Он был директором, когда вы учились в средней школе «Бромсуэлл-Гроув».

Мне понадобилось около часа, чтобы найти нужную информацию в Интернете. Есть дюжины сайтов, помогающих старым школьным товарищам встретиться: *Classmates.com*, *SchoolMates* и так далее. У школы «Бромсуэлл-Гроув» имелся свой очень активный форум. Меня заинтересовало то обстоятельство, что отставной директор изначально забронировал номер, где был убит Фрэнк Пэррис, и, скорее для очистки совести, я решила проверить, не связан ли он тем или иным образом с кем-то из сотрудников или гостей «Бранлоу-Холла», находившихся там во время свадьбы. Имя Дерека весьма быстро всплыло на мониторе.

Почитав посты, а затем пройдя через них по ссылкам на «Фейсбук», я быстро поняла, что Дерека жестоко травили в школе («жирный», «тупой», «онанист») и даже сейчас, спустя многие годы, его продолжают троллить в Сети. Сондерсу тоже доставалось немало. Его клеймили деспотом, ублюдком, педофилом и занудой. Послушать выпускников школы, так они просто дождаться не могли, когда их бывший директор откинет копыта.

Алан Конвей любил говорить, что Интернет — худшее, что могло случиться с детективной литературой; кстати, это была одна из причин, по которой он перенес действие своих романов в пятидесятые годы прошлого века. Тут он был прав. Нелегко добиться, чтобы твой сыщик выглядел умным и проницательным, если достаточно пару раз щелкнуть мышью — и вся информация на свете будет доступна любому человеку. Следует признать, что сама я вовсе не пыталась выглядеть умной и проницательной. Я просто искала правду. Но я не сомневалась, что Аттикус Пюнд не одобрил бы мои методы.

— Почему вы вдруг заговорили про Джорджа Сондерса? — спросила Гвинет. — Это ужасный человек.

— Он находился в тот вечер в отеле, — сказала я, продолжая обращаться к Дереку. — Вы видели его?

Ночной администратор с несчастным видом кивнул.

— А он вас? — уточнила я.

— Да.

- Сказал что-нибудь?
- Сондерс меня не узнал.
- Но вы-то его узнали.
- Еще бы.

— Это ужасный человек, — повторила Гвинет. — Дерек сроду не совершал ничего плохого, но другие ребята вечно обижали его, а Сондерс никогда им не мешал. — Женщина собиралась продолжить, но стала задыхаться и снова потянулась за кислородной маской.

— Сондерс всегда ко мне придирался, — продолжил Дерек с того места, на котором остановилась его мать. В глазах у него стояли слезы. — Постоянно отпускал шуточки на мой счет в присутствии других. Говорил, что я бесполезный, что из меня не выйдет толку. Это правда. Я никогда не преуспевал в науках. Но Сондерс утверждал, что я вообще ни на что не годен. — Эндикот потупил глаза. — Быть может, он был прав, а я и впрямь никчемный человек.

Я встала. Мне было стыдно, как если бы я сама присоединилась к троллям и обидчикам, просто приехав сюда.

— Да ничего подобного, Дерек, — возразила я. — Трехерны о вас очень высокого мнения. Вы часть их семьи. И я думаю, что то, как вы заботитесь о матери, дорогого стоит.

Боже, ну почему я говорю в столь покровительственном тоне? Почувствовав себя неловко, я распрощалась и как можно быстрее вышла из дома.

Возвращаясь к машине, я размышляла о том, что узнала. Снова и снова прокручивала информацию в уме. Почти все ученики школы «Бромсуэлл-Гроув» ненавидели Джорджа Сондерса и наверняка обрадовались бы его смерти. Одного вида этого человека хватило, чтобы превратить Дерек Эндикота в моральную развалину.

Но погиб-то не Джордж Сондерс, а Фрэнк Пэррис.

Кэти

Я позвонила с дороги и предупредила Кэти о своем приезде, но в кои-то веки не радовалась предстоящей встрече.

Когда я подрулила к «Трем трубам», сестра была в саду, вооруженная секатором и парой перчаток: обрезала розы, прореживала бархатцы или занималась еще чем-то, что было способно придать ее и без того идеальному дому еще чуть более идеальный вид. Я люблю Кэти. По-настоящему люблю. Она — единственная прямая линия, проходящая сквозь мою извилистую жизнь, но все равно бывают времена, когда я сомневаюсь, что в самом деле хорошо знаю сестру.

— Привет! — весело поздоровалась она. — Надеюсь, ты не против обеда из полуфабрикатов? Каюсь, купила киш в «Хони плюс Харви» в Мелтоне, ну и к нему салат нарезала.

— Чудесно...

Кэти проводила меня в кухню, где уже был накрыт стол, и достала из холодильника графин с самодельным лимонадом. У нее был свой фирменный рецепт: цельные лимоны измельчались и смешивались с водой и сахаром. В результате напиток, ясное дело, получался на порядок вкуснее того, который можно купить в банке или в бутылке. Киш сестра разогрела в духовке. На столе лежали даже настоящие тканевые салфетки, продетые в металлическое колечко. Ну кто так сейчас делает? Чем обычные, из бумажного рулона, плохи?

— Ну, как продвигается твое дело? — спросила Кэти. — Как я понимаю, полиция еще не нашла Сесили Трехерн?

— И едва ли найдет.

— Думаешь, ее убили?

Я кивнула.

— В прошлый раз ты, помнится, придерживалась иного мнения. Полагала, что это мог быть несчастный случай: дескать, Сесили упала в реку или что-нибудь в этом духе. — Кэти размышляла над моими словами. — Но если ее убили, значит Сесили могла быть права и Штефан, или как там его, все-таки невиновен.

— Сдается, что так оно и есть.

— И что заставило тебя переменить мнение?

Хороший вопрос. Улик в данный момент у меня не было, ни в каких смыслах. Я поговорила с фигурантами дела, исписала несколько страниц, но никто себя не выдал — не сказал и не сделал ничего такого, что позволило бы указать на него. Все, чем я располагала, это лишь смутные подозрения. Попроси вы меня составить список подозреваемых в порядке убывания, получилось бы что-то вроде этого:

Элоиза Радмани

Лиза Трехерн

Дерек Эндикот

Эйден Макнейл

Лайонел Корби

Двое из них, Элоиза и Дерек, подслушали судьбоносный телефонный разговор. Лиза Трехерн терзалась жестокой завистью по отношению к Сесили и обижалась на Штефана. Эйден был мужем Сесили и, вопреки всем доводам в его пользу, оставался самым очевидным подозреваемым. Лайонел замыкал список, но парень просто не понравился мне при нашей первой встрече, и я ощущала в нем какую-то фальшь.

Так где же я оказалась в итоге?

В романе «Аттикус Пюнд берется за дело» два убийства произошли по совершенно разным мотивам, и, естественно, преступников тоже оказалось двое. Я почти не сомневалась, что мой случай проще, и Сесили заставили замолчать именно по той причине, на которую указали ее

родители. Она слишком много знала. Дочь позвонила им из общественного места, и ее подслушали.

Сесили поняла, кто убийца Фрэнка Пэрриса, потому что прочитала книгу. Я тоже ее прочла, и, хотя обязана была увидеть то же самое, что и она, однако каким-то образом проскочила мимо зацепки. Мне пришло в голову, что следует больше расспросить про саму Сесили: чем она интересуется, что ей нравится, а что нет. Тогда мне проще будет проникнуть в ход ее мыслей.

— Это просто интуиция, — сказала я, отвечая на вопрос Кэти. — К тому же в моем распоряжении всего лишь сегодня и завтра. Лиза Трехерн попросила меня уехать.

— Почему?

— Она полагает, что я только напрасно трачу свое время и их деньги.

— Или считает, что ты знаешь слишком много.

— Мне такая мысль тоже приходила в голову.

— Переезжай ко мне, если хочешь.

Мне хотелось. Очень хотелось быть рядом с Кэти. Но ввиду предстоящего нам разговора такой исход выглядел едва ли возможным.

— Кэти, ты знаешь, как я тебя люблю, — начала я. — Мне лестно было думать, что мы близки и доверяем друг другу.

— Так и есть. — Сестра улыбнулась, но в ее улыбке читался страх. Она догадывалась о грядущем.

— Почему ты не рассказала мне про Гордона? — спросила я.

— А что такое с Гордоном? — Она попыталась прикинуться непонимающей.

— Мне известно про Адама Уилкокса, — сказала я.

Пять простых слов, но сестру они буквально раздавили. Не было никаких театральных эффектов: ни слез, ни гнева, ни восклицаний. Вот только в одну секунду все то внешнее благополучие, которым она себя окружала: цветы, экзотические салаты, домашний лимонад, киш из магазина деликатесов в Мелтоне, — оказалось вдруг эфемерным, и с его исчезновением горе, прятавшееся за фасадом, вырвалось наружу. Я бы и раньше это сообразила, не будь моя голова забита проблемами множества других, совершенно чужих мне людей.

Ну да, я заметила сухой куст в саду, опечатки в электронном письме, курящего Джека, его мотоцикл, но не позволила этим обстоятельствам соединиться в эмоциональную цепь. Я отнеслась к ним как к уликам в попутной детективной истории — их полагается принимать во внимание, но не близко к сердцу. И тут вдруг Саджид Хан проговорился. В конце нашей встречи он упомянул, что Кэти обращалась к нему и он порекомендовал ей некоего Уилкокса. Хан быстро понял ошибку и попытался замести следы, но я почуяла неладное. С какой стати Кэти вдруг обращаться к поверенному? В очередной раз на помощь мне пришел Интернет. Я начала с того, что забила в поисковик «Уилкокс Лондон адвокаты». Думаю, мне повезло, что фамилия эта не самая распространенная. Первый запрос выдал дюжину вероятных кандидатов. Достаточно просто было отметить Джерома Уилкокса (торговые патенты), Пола Уилкокса (интеллектуальная собственность) и прочих. Затем меня осенило, и я набрала: «Уилкокс Ипсуич адвокаты». И буквально сразу наткнулась на Адама Уилкокса, который специализировался на бракоразводных процессах.

— Это Гордон тебе сказал? — спросила Кэти.

— Я с Гордоном уже сто лет не разговаривала, — ответила я.

— И я тоже. — Сестра попыталась улыбнуться, но этот номер уже не прошел. — Я не хотела говорить тебе, потому что это такая скучная история. Учítывая, как я поучала тебя все эти годы, мне казалось, ты сочтешь меня надутой и глупой и решишь, что я получила по заслугам.

Я взяла ее за руку:

— Да мне бы в жизни в голову такое не пришло.

— Прости. — Кэти наконец-то заплакала. Она схватила салфетку и вытерла глаза. — Я не хотела обидеть тебя. Это было несправедливо.

— Просто расскажи, что случилось.

Кэти вздохнула:

— У Гордона завязался роман с его секретаршей. Ее зовут Наоми. На двадцать лет моложе его. Разве это не самая скверная новость, какую ты слышала?

— Он выставляет себя дураком, — сказала я.

— Он и есть дурак.

Кэти не плакала больше. Если до этого она переживала, так как, по ее мнению, нечестно обошлась со мной, то когда разговор зашел о Гордоне, гнев вытеснил остальные эмоции.

— Меня досыта накормили всей этой ерундой про то, что Гордон любит меня и детей и не хочет разрушать семью, но несчастен в душе, а Наоми снова позволяет ему почувствовать себя молодым, и что всем нам нужно начать сначала, и так далее и тому подобное. Он жалок, но отчасти я сама виновата. Зря я согласилась на эти условия: рабочая неделя в Лондоне, выходные в Вудбридже. Надо же было сразу сообразить, что добром это не кончится.

— Когда это случилось? — осведомилась я.

— Началось пару лет назад, вскоре после твоего отъезда на Крит. Гордон заявил, что устал от разъездов и хочет снять однушку рядом с банком. А я как дура согласилась. Поначалу это были одна или две ночи в неделю. Но внезапно он стал появляться дома только на выходные, да и их сплошь и рядом умудрялся пропускать. Конференции. Командировки за рубеж. Гольф с боссом. Бог свидетель, я должна была догадаться. Это было просто написано у него на лбу, причем заглавными буквами!

— Как ты узнала?

— Из эсэмэски. Его телефон запищал поздно ночью, и я успела прочитать до того, как Гордон успел свернуть экран. Подозреваю, милая крошка Наоми поступила так намеренно. Хотела, чтобы я узнала. Ну конечно, так оно и было.

— Почему ты не поделилась со мной?

— Написать по электронке на Крит? Какой от этого прок?

— Я же была здесь пару дней назад...

— Прости, Сью. Я должна была. Я хотела. Но часть меня сгорала от стыда. Понимаю, это смешно, потому что мне нечего стыдиться. Но я вечно поучала тебя насчет вас с Андреасом, давала советы, как строить личную жизнь. Наверное, поэтому мне не хватило духу признаться, что мой собственный брак трещит по швам.

— Ты ведь знаешь, что я всегда на твоей стороне.

— Да. Но пожалуйста, не надо меня жалеть, а то я снова расплачусь. Я понимала, что рано или поздно ты узнаешь, и боялась этого.

От следующего вопроса было не уйти.

— Джек и Дейзи, как я понимаю, в курсе?

Сестра кивнула:

— Мне пришлось им сказать. Боюсь, оба тяжело восприняли новость. Дейзи даже говорить с отцом отказывается. У нее вся эта история вызвала отвращение. Что же до Джека... Ты его видела. Я пытаюсь держать фасон: «Это все-таки ваш отец. Кризис среднего возраста». Ну и все такое прочее. Но если хочешь правду, Сью, мне отчасти приятно, что дети настроены против него. Он эгоистичный ублюдок и превратил все в прах.

Я чувствовала, что плохие новости еще не закончились.

— Гордон потратил кучу денег на Наоми, — продолжила Кэти. — Одновременно его карьера в банке пошла под уклон, и он лишился работы. Но ему сейчас на это плевать. Он свил себе любовное гнездышко в Уиллсдене, и у него все хорошо. Но нам приходится продавать этот дом. Я бы выкупила «Три трубы», да денег не хватает, а по изначальной договоренности мы делим его пополам. Не стану вникать во все финансовые подробности. Это настоящие дебри.

— Где же ты будешь жить?

— Пока еще не думала. Куплю что-нибудь поменьше. «Три трубы» выставляются на продажу на следующей неделе.

Кэти поднялась из-за стола и поставила чайник. Ей требовалось на минуту повернуться ко мне спиной.

— Я рада, что ты все знаешь, — сказала сестра, все еще не глядя на меня.

— Сочувствую тебе, Кэти. Но все равно хорошо, что я узнала правду. Между нами не должно быть секретов.

— Двадцать пять лет! Просто удивительно, как мало требуется времени, чтобы все разрушить.

Она стояла и ждала, когда закипит чайник. Мы обе молчали. Наконец сестра вернулась к столу с двумя чашками кофе. Мы посидели еще немного, друг напротив друга.

— Останешься в Вудбридже? — спросила я.

— Если получится. Здесь все мои друзья, да и начальство говорит, что я могу работать в «Гринуэйс» полный день, если захочу. Вот и приплыли: мне скоро пятьдесят, и пора снова впрягаться на полную ставку! — Кэти уткнулась взглядом в черный кофе в своей чашке. — Это нечестно, Сью. В самом деле!

— Хотела бы я тебе помочь.

— Оттого что ты знаешь, мне уже легче. И все со мной будет отлично. Этот дом стоит хороших денег. У меня есть сбережения. Дети уже взрослые и могут сами о себе позаботиться...

Мы поболтали еще немного, я пообещала заглянуть к сестре, прежде чем уеду из Суффолка, и заверила, что я всегда на другом конце провода, если ей вдруг захочется поговорить. Я понимала, что это неправильно с моей стороны, но все это время я думала об Андреасе и жалела, что у нас случилась размолвка на Крите, что я написала то письмо и что вообще поехала в «Бранлоу-Холл».

Позже тем вечером я еще раз попробовала дозвониться ему. Он опять не ответил.

Сова

Когда я вернулась в отель, было три часа. Мне хотелось просто подняться в номер, лечь на кровать, положить на лоб влажное полотенце и выбросить из головы всю эту историю про Фрэнка Пэрриса и Сесили Трехерн. Лиза Трехерн дала мне время до двенадцати часов следующего дня, чтобы найти ту или иную разгадку, но я, увы, так нисколько и не приблизилась к истине. После встречи с Кэти я чувствовала внутреннее опустошение. Я переживала за сестру. А разговор про мое так называемое расследование только лишней раз показал, как мало мне удалось выяснить.

Но когда я вошла в вестибюль, чтобы забрать у администратора ключ, то услышала, как меня окликнули по имени. Повернувшись, я увидела перед собой человека, которого меньше всего ожидала здесь встретить. Мелисса, бывшая жена Алана Конвея, стояла со своей обычной тонкой улыбочкой. Мелисса, как свидетельствовала эта улыбка, вполне отдавала себе отчет, что это скорее мне положено изумляться, чем ей удивляться или радоваться подобной встрече. Два года минуло с того дня, когда мы виделись с ней в ее доме в Бредфорде-на-Эйвоне. Она нисколько не переменилась: невысокая, с каштановыми волосами, скуластая; во всем ее облике сквозила элегантность, граничащая с аскетизмом.

— Вы меня не помните? — произнесла она.

Я сообразила, что таращусь на нее.

— Прекрасно помню, Мелисса, — сказала я. — Просто не ожидала увидеть вас здесь. Что вы делаете в Вудбридже?

— Я жила тут некоторое время. После Орфорда я сняла коттедж на территории «Бранлоу-Холла».

— Да, я слышала.

— У меня здесь много друзей. Эйден Макнейл помог мне в самый тяжелый период, сразу после развода. Прочитав об исчезновении Сесили, я сочла своим долгом приехать и поддержать его. Знаете, вы очень его расстроили.

— Я этого не хотела.

— Эйден думает, что вы копаете под него. — Не дождавшись от меня ответа, Мелисса продолжила: — Я собираюсь вернуться в Бредфорд-на-Эйвоне сегодня вечером, но хотела сперва повидаться с вами. Найдется время выпить чашку чаю?

— Конечно, Мелисса. С удовольствием.

Чаю мне не хотелось. И еще меньше мне хотелось сидеть и выслушивать обвинения этой дамочки. Но в то же время мне требовалось поговорить с ней. Она находилась в отеле в четверг накануне свадьбы и, если верить Лайонелу Корби, видевшему ее в спа, пребывала в скверном расположении духа. И хотя к моменту издания романа «Аттикус Пюнд берется за дело» они с Аланом Конвеем расстались, Мелисса знала его лучше, чем кто-либо. Эта женщина восемь лет была его законной супругой и, если на то пошло, первая дала ему совет писать детективные романы. Любопытно, что у нее завязалась дружба с Эйденом Макнейлом. Прежде мне казалось, что книга Алана является единственной связующей ниточкой между смертью Фрэнка Пэрриса и исчезновением Сесили Трехерн. Теперь я поняла, что есть и другая.

Мы отправились в комнату отдыха. Я бы предпочла посидеть на открытом воздухе с сигаретой, но Мелисса почти заставила меня следовать за собой. Мы сели в кресла.

— Так когда вы встречались с Эйденом? — спросила я.

— Мы только что обедали вместе в его доме. В отель я пришла в надежде найти вас.

Подошел официант, я заказала минералку. Мелисса попросила кофе.

— Вам известно, что Эйден очень любит свою жену? — продолжила она, как только мы остались одни. — Я видела их еще до свадьбы и могу заявить, что он души в Сесили не чает.

— Они пригласили вас на свадьбу?

— Нет.

Получается, близкими друзьями они не были. Мелисса угадала ход моих мыслей.

— Я больше общалась с Эйденем, чем с Сесили. Это он показал мне Оуклендс, а когда я переехала, позаботился, чтобы все было в порядке. Я рассказала ему про Алана, и Эйден в некотором смысле взял меня под крыло. Он устроил для меня бесплатный абонемент в спа, и мы с ним пару раз вместе ужинали.

— Так насколько хорошо вы с ним знакомы? — уточнила я.

— Думаете, я не вижу, что у вас на уме? Ваша проблема, Сьюзен, в том, что вы слишком прямолинейны и никогда не щадите ничьих чувств. — Мелисса криво улыбнулась. — Мы с Эйденем не состояли в связи. У нас не было секса. Бога ради, мы с ним познакомились буквально за несколько недель до его свадьбы! К тому же он не такой — не из тех, кто любит подбивать клинья к женщинам.

— Я вовсе не это имела в виду, — запротестовала я, хотя подумала именно об этом.

— Мы виделись от силы раз десять. И к тому же во время ужина с нами была Сесили.

— Что скажете о ней?

— Она мне показалась милой, хотя не особенно общительной. Возможно, переживала из-за предстоящей свадьбы. Они с сестрой поссорились, и, наверное, это выбило ее из колеи.

— Вам известно, из-за чего произошла ссора?

— Понятия не имею. Не уверена, что между ними вообще были особо теплые отношения. — Мелисса помедлила. — Я вроде бы припоминаю, что всплывало имя Штефана. Это ведь тот самый парень, которого потом обвинили в убийстве, да? Сесили злилась, что Лиза уволила его.

— А Штефана вы знали?

— Видела как-то раз. Он приходил в Оуклендс прочистить канализацию. Я дала ему пять фунтов чаевых.

Подошел официант с подносом. Мелисса выждала, пока он уйдет, а затем продолжила:

— Я не особенно вникала в то, что происходило в отеле, когда жила здесь, Сьюзен. У меня, если помните, был трудный период. Мой муж, отец моего ребенка, только что сообщил мне, что он гей и хочет развода. Пришлось продать наш дом в Орфорде. Мы с Фредди не представляли даже, где будем жить.

Фредди звали ее сына. В то время парню было двенадцать.

— Фредди жил с вами в Оуклендсе?

— Временами. Это была одна из причин, по которой я сняла коттедж. Сын только что поступил в школу в Вудбридже, и мне хотелось быть рядом.

— Где он теперь?

— Учится в школе искусств Сент-Мартин.

Мне вспомнилось, что когда мы в прошлый раз встречались с Мелиссой, Фредди как раз подал туда заявление.

— Рада, что он поступил, — сказала я.

— Я тоже. Я думаю, Алан обошелся с сыном очень жестоко. Я ничего не имею против, если мужчина оказался геем, даже если это означало конец нашим отношениям. Я имею в виду, что не обрадовалась этому, но и старалась не винить Алана. Если такова его сексуальная ориентация, нет смысла скрывать. Но с Фредди дело иное. Ему было двенадцать лет: новая школа, и вдруг во всех газетах он читает про своего знаменитого папочку-гея. Должна сказать, что персонал и учителя в Вудбридже вели себя безупречно, но над ним все равно издевались. Вы же знаете мальчишек. Алан никогда и ничем не помогал сыну. Он к тому времени уже сошелся с Джеймсом, переехал в Эбби-Грейндж, и все, что мы от него получали, это ежемесячные алименты.

— Фредди поддерживал с отцом отношения?

— Он не хотел. Я старалась навести мосты. Думала, что так будет лучше. Но лишь зря тратила время. Фредди об отце и слышать не желал.

Я сама была тому свидетельницей. Два года назад Фредди Конвей с большой неохотой приехал во Фрамлингем на похороны Алана. И не выказывал никаких эмоций, кроме желания поскорее уехать.

— Просто невероятно, что вы были здесь, в отеле, как раз в те выходные, когда убили Фрэнка Пэрриса, — заметила я.

— Кто вам это сказал?

— Лайонел Корби. — Мелисса забыла, кто это такой, и мне пришлось напомнить. — Он работал в спа.

— А, это вы про того австралийца, Лео? Да, я занималась с ним.

— Лео?

— Так я всегда его называла.

Интересный поворот. Мне никогда и в голову не приходило, что Лео может быть уменьшительной формой от Лайонела.

— А еще кто-нибудь так к нему обращался? — задала я вопрос.

Мелисса пожала плечами:

— Не знаю. А что, это важно?

Я не ответила.

— Лайонел сказал, что вы злились на что-то.

— Когда?

— В четверг.

— Не могу припомнить, Сьюзен. Давно это было. Наверняка какой-нибудь пустяк. Лео бывал несносен. Может, это он вывел меня из себя? У него такое раздутое самомнение.

Насчет Лайонела она попала в точку. У меня создалось такое же впечатление при встрече с парнем в Лондоне. И все равно я чувствовала, что у Мелиссы на уме что-то другое.

— Вы знали Фрэнка Пэрриса? — спросила я.

— Да.

— Встречались с ним?

— Видела фотографии в журнале «Кэмпейн», и Алан мне про него рассказывал.

— В тот самый четверг он приехал в отель.

— Да. — Мелисса вздохнула. — Ну ладно. Не стану скрывать, это был довольно неприятный сюрприз. Я заметила Фрэнка Пэрриса в вестибюле, пока шла в спа. Возможно, именно поэтому я была в плохом настроении.

Она склонилась ко мне. В гостиной находились еще несколько человек, и ей не хотелось, чтобы нас подслушали.

— Понимаете, насчет меня и Алана я изложила вам все очень прямолинейно, — начала она. — Мы были женаты. Потом он оказался голубым, и мы развелись. Не стану утверждать, что все могло пойти иначе, но Фрэнк Пэррис сыграл тут ключевую роль: он лоббировал его интересы, если так можно выразиться. Именно Фрэнк взял Алана в оборот и ввел того в совершенно новый для него гей-мир Лондона. Они спали вместе, хотя Фрэнк и был не во вкусе Алана. Алану с самого начала нравились молодые мальчики. Но Фрэнк и тут руку приложил, в образном смысле. Он водил моего бывшего мужа по клубам и помогал ему устроить секс за деньги с ребятами, едва вышедшими из подросткового возраста. А уж чем он сам занимался! Я не ханжа, но честное слово, об этом даже подумать противно.

— Алан делился с вами подробностями?

— Однажды он напился и рассказал мне вполне достаточно.

— Так что вы винили во всем Фрэнка Пэрриса?

— Ну, не настолько, чтобы забить его молотком до смерти, если вы на это намекаете, Сьюзен. Но скажем так: узнав новость, я не пролила много слез.

Вопреки себе, я почувствовала расположение к Мелиссе. Подойдя ко мне в вестибюле отеля, она казалась враждебной и явно намеревалась высказать обвинения. Также мне тяжело было забыть, что у нее был роман с Андреасом, пусть даже еще и до нашего с ним знакомства. Но чем больше она говорила, тем более разумной и уравновешенной выглядела в моих глазах. Кроме того, эта женщина наравне с Конвеем была создательницей Аттикуса Пюнда. В другой жизни мы вполне могли бы стать подругами.

— Вам известно, что Алан посвятил Фрэнку Пэррису книгу? — спросила я.

— Роман «Аттикус Пюнд берется за дело»? Вообще-то, нет. Я его не читала.

— А вы знаете, по какой причине я оказалась здесь, Мелисса?

— Знаю. Эйден мне сказал. Алан приезжал в отель шесть недель спустя после убийства. Задавал кучу вопросов. А потом использовал все, что узнал, для нового романа. — Она покачала

головой. — Это так типично для него. Он мог быть конченым ублюдком, когда хотел. А хотел он этого почти постоянно, как я теперь начинаю думать.

— Вы не виделись с Аланом, когда он был здесь?

— Нет. К тому времени я уже уехала, слава богу. Мне бы не хотелось наткнуться на него. Только не тогда.

— Конвей вывел в своей книге многих из работавших здесь людей. Лоуренса и Полин Трехерн. Дерека Эндикота. Эйдена. Между прочим, главную героиню зовут Мелисса. Быть может, он думал о вас.

— Что с ней случилось?

— Ее задушили.

Моя собеседница расхохоталась:

— Это меня не удивляет. Алан постоянно играл в игры. То же самое было в романах «Аттикус Пюнд расследует» и в «Нет покоя нечестивым». Ну и в «Английских сорочьих убийствах», естественно. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Он сделал Эйдена убийцей?

— Нет.

— Эйден никого не убивал. Поверьте мне, Сьюзен. Я вот что хочу до вас донести. Когда я приехала сюда, никто не отнесся ко мне добрее, чем Макнейл. И повторяю, я видела его с Сесили. В ней было что-то детское. Она напомнила мне Дору из «Дэвида Копперфильда». Немного инфантильная. Явно не отличалась особым умом. Но Эйден буквально ворковал с ней. Я хорошо разбираюсь в людях, и позвольте сказать, что он никогда не причинил бы жене вреда. Вы же вцепились в него мертвой хваткой и обвиняете беднягу в...

— Ни в чем я его не обвиняю, Мелисса.

— Ну, по крайней мере, он так это воспринял.

Возможно, мы снова начали бы спорить, но тут появился Ларс и направился к нашему столику.

— Мисс Райленд? — спросил он. — Вы ездите на красном «Эм-Джи-Би»?

— Да. — Я была озадачена и встревожена.

— Кто-то только что позвонил на ресепшен. Говорят, вы там выезд заблокировали.

Я припарковалась полчаса назад, и, насколько могла припомнить, никаких других машин рядом не было.

— Вы уверены?

Ларс пожал плечами. Я посмотрела на Мелиссу и пообещала:

— Вернусь через пару минут.

Я покинула комнату отдыха, миновала круглый вестибюль и вышла через главный вход. Случившееся далее отпечаталось у меня в мозгу как серия образов, следующих один за другим. Они описывали последовательность событий, но смысл приобрели только позже.

Моя машина стояла на месте. Как я и думала, проезд я никому не перегородила. Мне стоило сразу повернуть назад, но я пошла дальше с намерением выяснить, кто это на меня жаловался.

На подъездной дорожке перед отелем я увидела Эйдена Макнейла. Он закричал на меня. Сперва мне показалось, будто он по какой-то причине разозлился. Но потом я поняла, что это было предупреждение. Эйден указывал на что-то наверху, находящееся вне поля моего зрения.

Я подняла глаза как раз вовремя — передо мной предстало необыкновенное зрелище. Это была сова с распростертыми крыльями, как бы в полете. Мозгу потребовалась микросекунда на осознание того, что это вовсе не настоящая сова. То была каменная скульптура птицы, располагавшаяся в середине парапета на фасаде отеля. Кстати, я заметила ее, еще впервые приехав в отель. И сова вовсе даже не летела, а падала.

На меня.

Я находилась прямо под ней. И ничего не могла сделать. Отскочить в сторону просто не было времени. Но тут я заметила краем глаза темное пятно, и кто-то врезался в меня. Мужчина, стоявший рядом с входом. Я почувствовала, как его руки обхватили меня, а плечо уперлось в грудь, когда он приемом регбиста оттолкнул меня прочь, спасая от опасности. Почти в тот же миг сова грохнулась на землю и разлетелась на пятьдесят кусков. Я слышала мощный удар и ничуть не сомневалась, что скульптура убила бы меня.

Пока мы падали, мужчина извернулся так, что я приземлилась на него сверху. Он защитил меня от падения на гравий. Эйден, донельзя перепуганный, бежал к нам. Я слышала чьи-то крики.

Я уже поняла, что все это произошло не случайно. Меня обманули. Телефонный звонок. Моя машина, якобы перегородившая выезд. Это было проделано с целью выманить меня из отеля.

Мужчина-спаситель наконец выпустил меня, и я повернулась. Еще не видя лица, я уже знала, кто это. И не ошиблась.

Это был Андреас.

Апартаменты «Мунфлауэр»

Он рывком поставил меня на ноги.

— Андреас... — пролепетала я. — Что ты?..

Но я была слишком потрясена, чтобы закончить вопрос. Никогда я не испытывала ничего подобного: на меня снизошло величайшее облегчение, не только потому, что я счастливо избежала смерти, но и потому, что Андреас каким-то непостижимым образом оказался здесь. Я притянула его ближе.

— Да уж, с тобой хлопот не оберешься, — сказал он.

— Ты как сюда попал?

Прежде чем он успел ответить, подоспел насмерть перепуганный Эйден Макнейл. Он не мог знать, что мы с Андреасом знакомы, поэтому, на его взгляд, меня спас случайный прохожий.

— Вы в порядке, Сьюзен? — спросил он. В голосе его звучала искренняя тревога, и мне стало неудобно, что я включила Эйдена под номером четыре в свой список подозреваемых. Наверное, стоит, подумалось мне, переместить его на пятую позицию.

Я кивнула. Мои локоть и плечо проехали по гравию и уже начинали саднить. Я посмотрела на обломки каменной совы. В том месте, где птица ударилась о землю, возникла заметная воронка.

— Там на крыше кто-то был, — сказал Эйден. — Я видел!

— О чем вы говорите? — спросил у него Андреас, не выпуская меня.

— Не знаю. Но там точно кто-то был. Я пойду проверю. — И, проскочив мимо нас, он вбежал в отель.

Мы остались одни.

— Кто это такой? — спросил Андреас.

— Эйден Макнейл. Муж Сесили Трехерн. Один из моих главных подозреваемых.

— Кажется, он только что помешал кому-то убить тебя.

— В смысле?

— Он крикнул, предупреждая.

— Спас меня вовсе не Эйден, а ты. — Я обхватила Андреаса и поцеловала его в губы. — Что ты тут делаешь, милый? Как здесь оказался? И почему не отвечал на мое письмо?

Андреас улыбнулся хорошо знакомой мне улыбкой: слегка лукавой, дразнящей. Он был небритый и лохматый. Таким он мог возвращаться с пляжа.

— Ты действительно хочешь обсудить это сейчас? — спросил он.

— Нет. Прямо сейчас я хочу выпить. Хочу побыть с тобой наедине. Хочу убраться из этого треклятого отеля. Зря я вообще сюда приехала.

Андреас бросил взгляд на крышу:

— Похоже, кто-то придерживается того же мнения.

Мне так много хотелось ему сказать, но нам снова помешали — на этот раз Лиза Трехерн, выскочившая из отеля. Она была бледная и запыхавшаяся.

— Я только что видела Эйдена! — воскликнула она. — Что случилось?

— Одна из скульптур упала с крыши, — ответила я.

— Или кто-то ее сбросил, — добавил Андреас. — Сьюзен едва не погибла.

Лиза возмущенно посмотрела на него, как если бы он обвинил ее.

— Простите, — вскинулась она, — а вы кто такой?

— Это мой партнер Андреас, — пояснила я. — Он только что приехал с Крита.

— Эйден пошел проверить крышу, — сказала Лиза. — На верхнем этаже есть служебная дверь.

— Вероятно, ее держат запертой, — заметил Андреас.

Забавно, я еще не успела ему рассказать, что эта девица выставляет меня из отеля, но он уже проникся к ней интуитивной неприязнью.

— Я не знаю, что произошло, — отрезала Лиза. — Но не представляю, с какой стати кому-то вдруг понадобилось причинять вред Сьюзен.

— Ну, она ведь расследует убийство и исчезновение, так что некто вполне мог решить, что она слишком много знает.

Пора было положить этому конец.

— Я повредила руку, — сказала я и показала Лизе ссадины. — Если не возражаете, мне хотелось бы подняться в свой номер.

— Если Эйден что-то выяснит, я сообщу.

При Андреасе имелась дорожная сумка, которую он бросил, поспешив мне на выручку. Теперь он поднял ее, взял меня под руку и повел в отель. В дверях мне вдруг пришло в голову, что мы можем наткнуться прямо на Мелиссу Конвей, которая наверняка еще ждет меня в комнате отдыха. Я хотела избежать этой неуместной встречи, поэтому сразу направилась на ресепшен и остановилась перед столом, за которым сидела Инга.

— Инга, в гостиной меня ожидает одна женщина, — сказала я. — Вас не затруднит передать ей, что мне пришлось подняться в свой номер?

Ответа я дожидаться не стала и, все еще опираясь на Андреаса, пошла к лестнице.

— Что это за женщина? — спросил он.

— Да так, — отмахнулась я. — Ничего важного.

Выдохнула я, только когда дверь за нами закрылась и мы оказались одни в комнате, которую я про себя окрестила апартаменты «Мунфлауэр». Андреас обвел одобрителем взглядом постель (простыни из египетского хлопка, плотность пятьсот нитей на дюйм), телевизор с плоским экраном, роскошный санузел.

— «Полидорус» отдыхает, — подытожил он.

— Зато у нас виды из окна лучше, — возразила я.

Я села на кровать. Андреас направился прямиком к мини-бару, взял миниатюрную бутылочку виски, налил в стакан, добавил воды. Потом подал мне и сел рядом. Я отпила глоток и почувствовала себя лучше, вот только не берусь сказать, от напитка или от того, что Андреас был рядом. Боюсь, я не до конца осознавала, как потрясло меня только что случившееся на улице.

— Ответь на мой вопрос, — сказала я. — Как ты сюда попал?

— Прилетел на самолете.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду совсем другое! Все эти дни от тебя не было ни слуху ни духу. Я уже думала... — У меня перехватило горло. Не хотелось говорить, о чем я думала.

Он снова взял меня за руку.

— *Agariti mou*, — сказал Андреас, и оттого, что он заговорил по-гречески, на сердце у меня стало теплее. — Я виноват. Прости меня. Я не видел твоего письма. Вплоть до вчерашнего вечера. Этот дурацкий компьютер загнал твой имейл в спам.

Мне следовало помнить про эту беду с компьютером. Незадолго до моего отъезда мы именно по этой причине лишились двух броней.

— Я нашел его только вчера вечером, — продолжил Андреас. — Сперва собирался позвонить, но потом решил вылететь утром первым рейсом. Хотел поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Кто присматривает за отелем? — спросила я.

— Ну, за отель не беспокойся.

— Мне жаль, что я написала то письмо, Андреас. Мне жаль, что я вообще покинула Крит.

— Нет. Ты была права. — Он вздохнул. — Это моя вина. Я так старался заставить «Полидорус» работать, что совсем не думал о тебе. Нам уже давно пора поговорить, и, если ты чувствовала себя несчастной, тебе следовало сказать об этом, или я сам обязан был догадаться. «Полидорус» всегда был моей мечтой, не твоей, и допускаю, что я насильно скормил тебе эту идею. Но я не хочу потерять тебя из-за какого-то здания. Я могу продать его. Мой двоюродный брат способен присмотреть за отелем. Я хочу, чтобы мы были вместе, как прежде, и если это означает необходимость переехать в Лондон и начать все сначала, то так тому и быть. Я поступлю в школу учителем. Ты вернешься к работе в издательстве.

— Нет. Я не этого хочу. — Я крепче сжала его руку. — Я хочу быть с тобой. Вот и все.

Возможно, я думала о Кэти или была потрясена пережитым только что, но ум мой вдруг прояснился.

— Я не останусь здесь, Андреас, — продолжила я. — В большей или меньшей степени я сожгла свои корабли в Лондоне. Продала квартиру. И буду откровенна с тобой, издательская отрасль не ждет меня с распростертыми объятиями. Знаешь, если мне удастся заполучить какую-нибудь редактуру, пусть на основе фриланса, этого будет вполне достаточно. Просто книги всегда играли такую большую роль в моей жизни, что оказаться на Крите и не иметь вообще никакого касательства к ним... Это было слишком жестоко.

— Ты спрашивала насчет работы?

— Я обедала с одним приятелем, но это ничем не закончилось.

Про ужин с Крейгом Эндрюсом я рассказывать не стала. Из него тоже ничего не вышло, так что испытывать угрызений совести не стоило. По крайней мере, я себя в этом убедила.

— Ты простишь меня за этот мой побег?

— Тут не за что просить прощения.

— Я думала, ты злишься на меня. Думала, поэтому ты мне не отвечаешь.

— Не могу я на тебя злиться. Я люблю тебя.

Я допила виски. Это был первый мой налет на мини-бар со дня приезда, но в данный момент меня так подмывало вернуться домой и откупорить шампанское. Это напомнило мне о деле.

— Ты получил деньги от Лоуренса Трехерна? — осведомилась я.

— Пока нет.

— Я просила его перевести аванс на твоё имя.

— Да не нужны мне деньги, Сьюзен. Особенно если ради них тебя готовы убить.

— Ладно, с моим великим расследованием так и так, наверное, уже покончено, — сказала я. — И мне абсолютно ничего не удалось выяснить. Нынче утром меня уволили. Лиза Трехерн хочет, чтобы я съехала завтра до двенадцати.

— Это та женщина, что встретила нас на улице? — Андреас улыбнулся. — Я сразу понял, что она мне не по душе.

— То была пустая трата времени, не считая кучи денег на перелеты и гостиницы. — Я встала. — Зато ты можешь остаться здесь на ночь, и мы закажем самый дорогой ужин, какой способен предложить нам ресторан отеля. Хотя бы это бесплатно. Возможно, тебе удастся выбить из Лоуренса Трехерна чек. А завтра мы возвращаемся назад.

— На Крит?

— В «Полидорус».

— А чем займемся до ужина?

— Вообще-то, у меня есть одна идея.

Я подошла к окну, чтобы задернуть шторы.

И как раз вовремя, чтобы заметить садящегося в машину Мартина Уильямса. Держался он воровато, явно не желая быть замеченным. Не далее как сегодня утром я более или менее открыто обвинила его в убийстве шурина. Я пригрозила разоблачить его самого и опровергнуть данные им ложные показания. И вот пожалуйста, этот тип здесь.

Я стояла и смотрела вслед его уезжающей машине.

Королевская тюрьма Уэйленд

На следующее утро все переменялось. Я завтракала с Андреасом, когда Инга принесла адресованное мне письмо. Было что-то такое в надписи на конверте, сделанной корявым крупным почерком, что сразу подсказало, откуда пришло это письмо. Вложенный в конверт единственный листок разлинованной бумаги вскоре подтвердил мою догадку. Штефан Кодреску согласовал мое посещение тюрьмы на этот самый день. Мне оставалось только пройти регистрацию через Интернет. Я это сделала, и пару часов спустя мы с Андреасом уже мчались в моем родстере «Эм-Джи-Би» с опущенным верхом по трассе А14 в Норфолк.

Я раньше никогда не посещала места заключения, так что в Уэйленде мне было интересно абсолютно все, начиная с расположения тюрьмы среди тихого поселения из зданий, похожих на дома престарелых и бунгало, в паре миль от Тетфорда. Последовательность узких извилистых улочек привела нас к уединенно стоящему строению, которое можно было принять за университетский корпус, если бы не зловещие ворота тройной высоты. Им полагалось раздвигаться, чтобы пропускать тюремный автобус. Еще здание было обнесено бесконечной стеной с колючей проволокой за ней. Хотя и окруженная домами, тюрьма стояла, по сути, посреди пустыни, куда не ходили пригородные автобусы, ближайшая железнодорожная станция располагалась в двенадцати милях, а двадцать фунтов (в один конец) за поездку на такси являлись суровым штрафом для того, кто вздумал нанести сюда визит. Впечатление создавалось такое, будто власти решили наказать не только тех, кто находился в заключении, но также их родных и близких.

Я остановилась на тюремной автопарковке, и мы с Андреасом посидели вместе несколько минут. Входить в заведение разрешили только мне, а поблизости не видно было пабов или ресторанов, так что моему спутнику предстояло торчать в машине.

— Не хочется мне тебя оставлять, — сказала я.

— Не переживай. Всю дорогу из Греции я мечтал посидеть немного в автомобиле, припаркованном рядом с тюрьмой строгого режима.

— Если меня вдруг не выпустят, набери три девятки.

— Непременно наберу этот номер и попрошу, чтобы тебя там оставили. А насчет меня не волнуйся. У меня есть что почитать.

Он извлек экземпляр романа «Аттикус Пюнд берется за дело» в мягкой обложке. Не знаю, можно ли любить человека сильнее, чем я люблю Андреаса?

Затем я вошла в тюрьму.

Любопытно, как королевская тюрьма Уэйленд ухитряется соединять в себе современность и старомодность. Возможно, именно такой выглядит в наши дни и сама идея содержать людей под стражей: прорывная для Викторианской эпохи, но слишком примитивная и, если уж на то пошло, несуразно дорогая для технологий и возможностей XXI века. Я вошла в маленькую, с ярко окрашенными стенами пропускную зону, увешанную напоминаниями про наркотики и мобильные телефоны, которые могли быть незаконно спрятаны на поверхности или внутри моей персоны. Мне пришлось низко наклониться, чтобы переговорить через окошечко с охранником в форме, который проверил мой паспорт и принял на хранение сотовый. Вместе с парой других посетителей я прошла в клетку. Послышалось громкое жужжание, и дверь за нами захлопнулась. Секундой спустя открылась вторая дверь, с противоположной стороны клетки, и мы прошли в отделение для посетителей. Я оказалась в помещении, которое описала бы как самый скверный в мире кафетерий: слишком яркий свет, три десятка столиков, привинченных к полу, маленькое окошко в кухню, где можно было заказать еду и напитки. Неудивительно, что, поскольку это была мужская тюрьма, окружали меня по большей части женщины. Я поймала на себе сочувственный взгляд одной из них.

— В первый раз, милочка? — спросила она.

Я удивилась, как она догадалась, но решила, что в тюрьме наверняка проявляется не один признак, способный выдать новичка. В любом случае держалась она дружелюбно.

— Да, — призналась я.

— Если нужно купить какие-нибудь продукты, сделайте это сейчас. Когда мужчин впустят, образуется длинная очередь и меньше останется времени поговорить.

Я вняла совету и подошла к окошку. Я понятия не имела, что любит Штефан, поэтому накупила всякой всячины: гамбургер, чипсы, три шоколадных батончика, две банки кока-колы. Гамбургер был очень похож на те, что можно купить поздно вечером на выходе с футбольного матча, но только без символики фирмы «Кордон Блю». Я положила его между двумя картонными тарелками, в надежде, что угощение не успеет остыть до прихода Штефана.

Минут десять спустя потянулись мужчины. Они входили через боковую дверь и направлялись к женам, матерям и подругам, сидевшим за столиками. Одеты все были в спортивные штаны, майки и воистину жуткого вида кроссовки. Несколько охранников располагались по сторонам, но атмосфера была спокойной, мирной. Я видела фотографии Штефана Кодреску и сразу его узнала. Он меня, разумеется, не знал, поэтому я подняла руку и помахала. Штефан подошел и сел.

Необыкновенный это был момент, встреча с ним. Все равно как столкнуться с главным героем романа после двухсот или трехсот прочитанных страниц, при этом зная, что до конца остается совсем немного. Разные мысли проносились у меня в голове. Первая — что я, возможно, сижу сейчас напротив настоящего убийцы. Но я сразу отбросила ее. Даже после восьми лет тюрьмы этот человек излучал своего рода ауру невинности, сразу располагавшую к нему. Он был правильно сложен, широк в плечах, но худощав, как танцор. Не составляло труда понять, почему Лизе хотелось обладать им. В то же время во взгляде его горел огонь возмущения допущенной по отношению к нему несправедливостью, погасить который оказались не способны даже долгие годы заключения. Штефан знал, что не должен находиться здесь, и я сразу поделила с ним это чувство.

В эту самую минуту я задала себе вопрос о своих собственных мотивах — и внезапно смутилась. Я приехала в Англию, потому что мне обещали достойную плату. Я взялась за дело с энтузиазмом человека, разгадывающего кроссворд, тогда как с самого начала должна была понимать, что столкнулась с вопиющей несправедливостью. Восемь лет в тюрьме! Пока я дефилировала между Вудбриджем и Лондоном, задавала вопросы и делала пометки в блокноте, он сидел здесь. Что мне следовало делать, так это биться за человеческую жизнь.

Было в Штефане и еще нечто странное. С первого взгляда он напомнил мне кого-то, но пока я не могла понять, кого именно.

Он обвел взглядом разложенную на столе еду:

— Это для меня?

— Да, — сказала я. — Я не знала, что вам нравится.

— Не стоило вообще ничего покупать. Я не голоден. — Штефан отодвинул в сторону гамбургер и открыл банку с коллой. Я смотрела, как он отпил глоток. Потом он продолжил: — В письме говорилось, что вы издатель.

— Работала раньше редактором. Вообще-то, я живу на Крите, но познакомилась с Лоуренсом и Полин Трехерн, и они попросили меня приехать в Великобританию.

— Хотите написать обо мне книгу? — Штефан смотрел на меня со спокойной враждебностью.

— Нет, — ответила я.

— Но вы заплатили за это Алану Конвею.

— Не совсем так. Алан сочинил роман, имеющий сюжетное сходство с событиями в «Бранлоу-Холле», но в то время я ничего не знала ни про вас, ни про Фрэнка Пэрриса. Об этом я услышала только из уст Лоуренса. — Я помолчала немного. — Вы встречались с Конвеем?

Штефан молчал какое-то время. Было очевидно, что он мне не доверяет и взвешивает каждое слово.

— Конвей написал мне, когда я еще находился в следственном изоляторе. Но с какой стати мне было с ним встречаться? Помощи он мне не предлагал. У меня других забот хватало.

— Вы читали ту книгу?

Штефан покачал головой:

— В тюремной библиотеке я ее не видел. Хотя здесь много детективов, они тут пользуются спросом.

— Но вы знали о ней?

На этот вопрос Кодреску не ответил.

— Где Сесили? — спросил он. — В своем письме вы сообщили, что она пропала.

Штефан ничего не знал об исчезновении Сесили до тех пор, пока не получил мое письмо. Да и откуда ему было узнать? К газетам доступ в тюрьме, вероятно, ограничен, а по государственным телеканалам про нее, ясное дело, не сообщали. И снова я разозлилась на себя. Я вывалила на парня новости, не думая о последствиях.

Теперь пришел мой черед с осторожностью подбирать слова.

— Нам пока неизвестно, где она. Полицейские ее ищут. У них нет оснований полагать, что Сесили угрожает опасность.

— Зачем вы так говорите? Конечно, она в опасности. Сесили была сильно напугана.

— Откуда вы это знаете? Она навещала вас?

— Нет. Но она прислала письмо.

— Когда?

Вместо ответа он достал из кармана листок бумаги, подержал его немного в руке, потом передал мне. Первое, что бросилось мне в глаза, это дата наверху страницы: 10 июня. Выходит, Сесили написала Штефану за день до своего исчезновения! Письмо было короткое, отпечатанное на принтере. Меня захлестнуло волнение. Новое свидетельство! Улика, которую никто раньше не видел.

— Можно прочесть? — осведомилась я.

— Валяйте. — Он откинулся на спинку стула, продолжая наблюдать за мной.

Я развернула листок и прочитала:

10 июня

Дорогой Штефан!

Ты, наверное, удивишься, получив от меня весточку после столь долгого молчания, но мы же договорились не писать снова друг другу, а после того, как тебе вынесли обвинительный приговор, я сочла, что так будет лучше.

Я ошибалась. Мне так жаль! Теперь я знаю, что ты не убивал Фрэнка Пэрриса. Я до сих пор не понимаю, почему ты взял вину на себя, поэтому хочу увидеться с тобой и поговорить.

Это сложно объяснить. Человек по имени Алан Конвей приезжал в отель после тех событий и написал книгу, которая называется «Аттикус Пюнд берет за дело». Это всего лишь детективный роман, но в книге фигурируют наша гостиница и люди, которые здесь работают. Там есть, например, мои родители и Дерек, и даже отель называется «Мунфлауэр». Сюжет, правда, совсем другой, но это не важно. Главное, что с самой первой страницы я поняла, кто убил Фрэнка Пэрриса. Я уже давно догадывалась, но, прочитав роман, осознала все с полной ясностью.

Мне нужно приехать и поговорить с тобой. Мне сказали, для этого ты должен включить меня в какой-то там список. Можешь это сделать? Я также отправила ту книжку маме и папе. Они поймут, что следует предпринять. Мне нужно быть осторожной. Не думаю, что мне угрожает опасность, но ты ведь знаешь, что такое отель — тут все про всё знают, а мне не хотелось бы, чтобы кто-то проведал раньше времени.

Пишу это второпях, но непременно напишу еще на следующей неделе, обещаю. А при встрече объясню тебе все.

С любовью,

Сесили

Получается, Сесили и впрямь узнала, кто убийца. И поняла это с самой первой страницы. Я пожалела, что не захватила книгу с собой. Роман открывался сценой, где Эрик и Филлис Чандлер сидят на кухне в Кларенс-Кип. Там упоминалось про итальянское печенье флорентини и ежуху Ухти-Тухти; однако ни то ни другое не имело касательства к убийству Фрэнка Пэрриса. Тут я

вспомнила, что у Андреаса, который ждет меня в машине, есть экземпляр книги. Как только выйду на улицу, сразу перечитаю первую главу еще раз.

— Едва получив это письмо, я сразу внес Сесили в список посетителей, — сказал Штефан. — И не мог понять, почему от нее нет вестей. Потом вы написали мне. Вот почему я согласился встретиться с вами.

— Штефан... — Я была полностью выбита из колеи. Мне хотелось задать столько вопросов, но одновременно я боялась обидеть его. Восемь лет в тюрьме! Как он может выглядеть таким спокойным, таким невозмутимым? — Я в самом деле хочу помочь вам, — продолжила я наконец. — Но мне нужно знать: какие именно отношения связывали вас с Сесили Трехерн?

— Это она приняла меня на работу, после того как я освободился из колонии. Ее отец участвовал в той программе по реабилитации молодых преступников. Сесили очень по-доброму относилась ко мне, пока я работал в отеле. А когда меня обвинили в убийстве, была единственной, кто поверил мне.

— Вы знаете, что это письмо способно все изменить?

— Откровенно говоря, я в этом сомневаюсь.

— Можете отдать его мне, Штефан? Я контактирую с детективом, который занимается поисками Сесили. Он также расследовал убийство Фрэнка Пэрриса.

— Суперинтендант Локк, что ли?

— Старший суперинтендант Локк, да.

Штефан в первый раз за время нашего разговора разозлился.

— Я не хочу, чтобы вы ему это показывали, — отрезал он. Потом взял письмо и убрал его в карман. — Именно по милости этого человека я здесь и сижу.

— Но вы же сами сознались.

— Он вынудил меня сознаться!

Я видела, как Штефан борется с собой, стараясь не сорваться. Он наклонился ближе ко мне и заговорил тихо, но с напором:

— Этот ублюдок убедил меня, что в моих же интересах признать вину. Дескать, все улики против меня. У меня за плечами судимость. В моей комнате нашли деньги и обнаружили пятна крови. Он обещал, что, если я сознаюсь, он замолвит за меня словечко. Я, как дурак, повелся и сказал все, что Локк мне велел. И в результате получил пожизненное с правом подать прошение о помиловании лишь через двадцать пять лет. Это значит, что в лучшем случае я смогу выйти на свободу, когда мне будет уже почти пятьдесят. Вы отдадите Локку письмо, а он порвет его на клочки. Не в его интересах, чтобы мне поверили. Если меня вдруг оправдают, то как он сам будет выглядеть? Для Локка лучше, чтобы я сидел и гнил тут.

Штефан снова откинулся на спинку стула, но, как выяснилось, сказал еще не все.

— Со мной все было кончено с той самой минуты, как я приехал в эту страну, — проговорил он тихо. — Мне было двенадцать, и я не хотел жить в Англии. И я здесь никому не был нужен. Я ведь шваль, румынская шваль, и при первой возможности меня упрятали сюда и забыли. Думаете, кто-то станет читать это письмо? Думаете, кому-то есть дело? Нет! Я могу умереть тут. Может, завтра я покончу с собой. Я бы давно умер, если бы не одно светлое пятно в моей жизни, тот рассвет, что дает мне надежду.

Я хотела уточнить, что он имеет в виду, но тут Штефан спросил:

— Вы знаете, кто убил Фрэнка Пэрриса?

— Нет, — честно ответила я. — Пока не знаю.

— Вы редактор. Издаете книжки! Вы не адвокат, не полицейский и не частный детектив. Вы не сумеете мне помочь.

— А может, и сумею. — Я положила ладонь на его руку. Это был первый физический контакт между нами. — Расскажите, что случилось той ночью, в пятницу, пятнадцатого июня две тысячи восьмого года.

— Вы же прекрасно знаете, что тогда произошло. Постояльца отеля по имени Фрэнк Пэррис забили до смерти молотком.

— Да. Но как насчет вас? Где вы были той ночью? — Ему не хотелось отвечать, поэтому я продолжила: — Что вы намерены делать, Штефан? Вернуться в камеру и сидеть дальше? Чем это поможет вам? Или Сесили?

Он поразмыслил немного, потом кивнул.

— Я был на вечеринке. Сесили и Эйден устроили у бассейна вечеринку для персонала.

— Вы сильно напились?

— Выпил немного вина. Пару бокалов. Я очень устал. Спустя какое-то время мне там надоело, и я пошел в свою комнату, вместе с тем парнем из спа...

— Лайонелом Корби.

— Точно. Его комната находилась рядом с моей.

— Скажите, вы обращались к нему как к Лео?

— Нет. Я звал его Лайонелом. А почему вы спрашиваете?

— Не важно. Продолжайте.

— Я почти сразу уснул. Вот и все, что я могу вам рассказать. Я проспал всю ночь и встал довольно поздно. В половине девятого утра, наверное. В отель я не возвращался. И к номеру двенадцать даже близко не подходил.

— Но Дерек Эндикот видел вас.

— Он видел кого-то другого. Не меня.

— Вы думаете, вас подставили?

— Конечно подставили. Вы что, совсем меня не слушали? Я был очевидной мишенью.

— Расскажите мне о вас с Лизой.

Тут он напрягся.

— Сука она, — сказал Штефан, в первый раз выругавшись.

— У вас с ней был роман?

— Да какой там роман. Просто секс.

— Она заставила вас...

— Вы с ней знакомы?

— Да.

— Ну тогда не понимаю, как вы вообще могли подумать, что парень вроде меня мог хотеть заниматься сексом с кем-то вроде Лизы?

— И когда вы отказались удовлетворять ее желания, Лиза вас уволила?

— Нет. Разумеется, нет. Лиза действовала намного хитрее. После того как я перестал с ней встречаться, она начала распространять слухи, что я краду деньги и вещи. Это все ложь. Она мне угрожала. Лиза добилась, чтобы все подозревали меня, и потом уволила.

— Но вы продолжали с ней встречаться. — Я помнила рассказ Лайонела Корби о том, что он видел в лесу. — За пару недель до свадьбы вас видели вместе в лесу близ коттеджа Оуклендс.

Штефан смутился. Я заметила, как в его глазах промелькнуло что-то, какое-то воспоминание.

— Это был последний раз, — сказал он. — Я думал, что если дам Лизе, что она хочет, то смягчу ее сердце. Не сработало. Две недели спустя она все равно меня уволила.

Он мне солгал. Не знаю, как я это поняла, и не имела понятия, что именно собеседник скрывает, но поведение его переменялось. Уверенность в невинности Штефана оказалась немного подмоченной по краям. Я подумала, не стоит ли нажать на него, но решила, что из этого все равно не выйдет проку. Я смотрела, как он допил колу и отставил банку, сжав ее с боков, почти смяв.

— Вы не сумеете помочь мне, — заключил Штефан.

— Позвольте мне хотя бы попытаться, — ответила я. — Доверьтесь мне. Я на вашей стороне. Мне жаль, что мы не встретились раньше, но теперь это произошло, и я вас не подведу.

Он посмотрел прямо на меня. Глаза у него были очень мягкие, темно-карие.

— С чего мне вам доверять? — спросил Штефан.

— А у вас есть выбор? — парировала я.

— Ну хорошо. — Он кивнул. Потом, очень медленно, достал письмо и придвинул через стол ко мне. — Это все, что у меня есть, — сказал он.

Штефан встал. Несмотря ни на что, он забрал со стола все продукты: чипсы, шоколадные батончики, даже остывший гамбургер. Это рассказало мне о жизни в тюрьме больше, чем все, вместе взятое, с момента моего приезда. Потом, не произнеся больше ни слова, он ушел.

Вести автомобиль я не могла.

За руль сел Андреас. Он не спрашивал, как прошел мой визит в тюрьму. Видел, что я слишком взволнована для разговоров. Мы проехали несколько миль по Норфолку, и местность становилась все более живописной и гостеприимной по мере приближения к Суффолку, а потом остановились пообедать в пабе «Плуг и звезды», немного южнее Тетфорда. Андреас заказал бутерброды, но я не чувствовала голода. Еда напоминала мне тот жуткий остывший гамбургер, который Штефан унес к себе в камеру. Восемь лет жизни!

— Сьюзен, не хочешь поделиться со мной? — спросил Андреас некоторое время спустя.

По вечерам в пятницу в этом пабе наверняка было шумно. Я осмотрелась: вымощенный плиткой пол, дровяная печь и старомодные дощатые столики. Но сейчас мы были тут почти одни. Бармен за стойкой явно скучал.

— Прости, — сказала я. — Я просто злилась на себя за то, что ввязалась во все это. Сперва бросила тебя. Потом, увидев этого бедолагу, который сидит в том ужасном месте...

— Ты поняла, что он невиновен?

— Я всегда это знала, Андреас. Просто никогда не пыталась посмотреть на вещи с его точки зрения.

— Так что будем делать дальше?

— Не знаю. И это хуже всего. Я просто понятия не имею, что еще могу предпринять.

Я точно помню тот миг. Мы сидим в углу. Бармен протирает стакан. Другой посетитель, мужчина с собакой, встает и уходит. Налетает порыв ветра, я вижу, как вывеска паба поворачивается на столбе. И вдруг...

— Я знаю, кто убил Фрэнка Пэрриса, — объявила я.

— Не понял! — Андреас воззрился на меня. — Ты, вроде как, только что сказала...

— Знаю, что сказала. Но я догадалась!

— Это Штефан подсказал тебе?

— Нет. Он сказал мне больше, чем намеревался. Но дело не в нем. Просто все вдруг сошлось воедино.

Андреас смотрел на меня:

— Ты мне скажешь?

— Да. Конечно. Но не сейчас. Мне нужно все обдумать.

— Правда?

— Дай мне немного времени.

Он улыбнулся:

— Ты хуже Алана Конвея!

Так и не притронувшись к бутербродам, мы вернулись к машине и уехали.

Убийца

Мы не стали возвращаться в Вудбридж, а поехали прямо в Хит-хаус в Уэстлтоне. Мы подошли к двери вместе, и я довольно настойчиво стала давить на звонок, как бы бросая здешним обитателям вызов. Примерно через полминуты на пороге появился Мартин Уильямс. На Андреаса он посмотрел с подозрением, а на меня со смесью удивления и гнева. В конце концов, он не далее как вчера велел мне больше сюда не возвращаться.

— Я не пущу вас в дом, — решительно произнес хозяин.

— Вам некогда?

— Джоанна не желает вас видеть. И я тоже. Мы вам так и сказали в прошлый раз.

— Я знаю, кто на самом деле убил Фрэнка Пэрриса, — заявила я. — Мой друг Андреас тоже в курсе. Вы можете узнать об этом от меня или от полиции. Выбирайте.

Мартин уставился на меня, прикидывая варианты. Он был не из породы здоровяков, но привалился наискось к дверному проему, преграждая мне путь. Сегодня на нем были не спецовка, а джинсы, кожаные сапоги и ковбойка с расстегнутым воротом. Он словно бы на вечеринку в стиле кантри собрался. Затем Уильямс встал ровно.

— Вы несете вздор, — сказал он. — Но я не хочу выставять себя дураком. Так и быть, у вас есть пять минут.

Когда мы вошли в кухню, по лестнице спустилась Джоанна. При виде меня она рассердилась и не пыталась скрыть этого.

— Что она тут делает? — спросила женщина у мужа, не удостоив меня даже взглядом. — Ты обещал, что ее тут больше не будет!

— Добрый день, Джоанна, — сказала я.

— Сьюзен утверждает, будто знает, кто на самом деле убил Фрэнка, — сообщил жене Мартин. — Мне подумалось, что лучше выслушать ее соображения.

— Нет уж, увольте, мне ее бредовые домыслы не интересны.

— Вы уверены? — спросила я. — Быть может, повторить вам то, что я сказала вашему мужу: если вы не хотите разговаривать со мной, я пойду прямо в полицию. Ну как?

Я заметила, как супруги переглянулись, и поняла, что дальнейших убеждений не потребуется.

— Проходите, — кивнул Мартин.

Мы снова расположились в кухне. Я уже начинала чувствовать себя здесь как дома.

Мы с Андреасом устроились по одну сторону стола, а Джоанна и Мартин по другую. Наши взгляды скрещивались над поверхностью из сосновых досок. Это походило на военный совет.

— Много времени я у вас не отниму, — пообещала я. — Это уже третий мой приезд сюда, и спешу вас обрадовать, последний. Как я с самого начала объяснила, Лоуренс и Полин Трехерн попросили меня принять участие в поисках их дочери и выяснить, не связано ли исчезновение Сесили с убийством Фрэнка Пэрриса, случившимся восемь лет назад. В первый мой визит вы не то чтобы солгали мне, но, скажем так, весьма вольно обошлись с правдой. Не составило особого труда выяснить, что у вас двоих, и только у вас, имелся веский мотив убить Фрэнка Пэрриса. Крах его рекламного бизнеса в Австралии означал, что ему понадобятся деньги и что он заставит вас продать Хит-хаус, чтобы получить свою долю наследства. Если бы Фрэнк внезапно умер, не составив завещания, Хит-хаус стал бы полностью вашим.

— Вообще-то, он завещал все свое имущество Джоанне, — вставил Мартин.

— Неужели? — Мы с Андреасом недоуменно переглянулись.

— Да, и Фрэнк никогда этого не скрывал.

Я с недоверием поглядела на собеседника.

— Вот чего я никак не могу понять, Мартин, — сказала я, — так это зачем вы говорите мне все это? Логичнее было бы, напротив, скрывать данное обстоятельство, поскольку оно только усиливает подозрения в отношении вас. Если Фрэнк упомянул дом в своем завещании, то у вас *определенно* имелся мотив для убийства. Однако вы необдуманно трезвоните об этом. Да и во

время вчерашнего моего визита вы вели себя странно: вместо того чтобы все отрицать, как поступил бы любой человек в здравом уме, вы без обиняков называете причину, по которой могли совершить преступление. И почему вы позволили мне сегодня войти, если накануне решительно запретили приезжать сюда снова?

— Потому что хочу уже раз и навсегда отмести все эти нелепые подозрения.

— По мне, так это звучит неубедительно. А ты как считаешь, Андреас?

— Действительно, — согласился Андреас. — Я бы сказал, что подобное поведение только подогревает эти самые подозрения.

Джоанна наблюдала за Мартином так напряженно, что в буквальном смысле слова затаила дыхание. Я ждала его ответа.

— Думаю, вам стоит уйти, — сказал Уильямс.

— Для этого уже слишком поздно, — возразила я. — Я знаю правду.

— Выкладывайте свои обвинения, если угодно. Но вы ничего не сможете доказать.

— Вообще-то, смогу, — парировала я. — Я на сто один процент, без малейшей доли сомнения, убеждена, что вы не убивали Фрэнка. Откуда мне это известно? Еще с порога я заявила вам, что знаю, кто настоящий убийца. И это не вы.

— Тогда зачем вы снова сюда приехали? — вскинулась Джоанна.

— Потому что я сыта вами обоими по горло и хочу уже наконец распутать вашу маленькую шараду. С самого первого моего визита в этот дом вы водили меня за нос, притворялись...

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — заявил Уильямс.

— Да неужели? Ну хорошо, я поясню. Давайте представим, просто чисто теоретически, что Мартин очень несчастен в браке: беднягу угораздило связаться с вечно третирующей его властной женщиной, рядом с которой он ощущает себя ничтожеством...

— Как вы смеете! — Джоанна выпрямилась на стуле, щеки ее побагровели. — Да вы, если уж на то пошло, нас знать не знаете.

— Да. Однако косвенным образом мне об этом поведала моя сестра Кэти. Она как-то раз ужинала в вашем обществе и, как мне помнится, чтобы описать вас, Джоанна, употребила выражение «настоящий деспот». А вы, Мартин, выглядели со стороны как «законченный подкаблучник». Она еще удивлялась, как вы двое ухитряетесь оставаться вместе.

— Ну, это ее частное мнение... — пролепетал Уильямс. — Мало ли кому что показалось...

— Сейчас все обстоит уж точно не так, да? Картина явно изменилась. Главным в семье стали вы, Мартин. И как же, интересно, это произошло? А если причина в том, что Джоанна пришла к выводу, что с вами лучше не связываться, поскольку это вы убили Фрэнка? И вполне возможно, что вы поддерживали жену в этой уверенности, потому как это позволяло вам приобрести вес и свободу в семейной жизни.

— Чуть собачья!

— Вот как? Эта гипотеза вполне объясняет, почему вы рассказали мне сегодня про завещание и почему дали накануне столь нелепый ответ на мои обвинения по поводу свадебного шатра. С самой первой нашей встречи вы хотели, чтобы я подозревала вас!

Уильямс поднялся.

— Я не буду больше это выслушивать! — заявил он.

— Будете, Мартин. Потому что вы действительно совершили попытку убить человека. Меня. Я видела вчера, как вы потихоньку отъезжаете от «Бранлоу-Холла». Возможно, вы намеренно показались мне на глаза, но я точно знаю, что это вы сбросили с крыши каменную сову. У меня есть доказательства.

Тут Мартин застыл как вкопанный.

— Звоня в отель, чтобы выманить меня на улицу, вы уже находились наверху, наготове, — продолжила я. — Вы ждали, когда я выйду, чтобы столкнуть скульптуру с парапета. — Я повернулась к Джоанне. — Муж рассказывал вам, что произошло?

— Сказал, что слышал об этом... — Джоанна смотрела на мужа так, что не возникало сомнений: весь наш сегодняшний визит окупится сторицей.

— А не говорил ли он также, что там работала камера видеонаблюдения и что номер и время звонка легко отследить по коммутатору отеля? И может, Мартин заодно упомянул, надел ли он

перчатки? Потому что полиция обследует сейчас пожарный выход на крышу и осколки скульптуры.

Это был блеф. В полицию я не обращалась. Но это выглядело вполне вероятным. В лице у Мартина не осталось ни кровинки.

— И пока я настроена благодушно, скажите мне одну вещь, Мартин. Просто признайтесь, что не собирались в самом деле меня убить и что намеренно попались мне на глаза, покидая отель. Все, чего вы хотели, это напугать меня, убедить, что вы опасны. Потому как это была часть спектакля, устроенного вами для своей жены. «Мартин — убийца! Мартин — крутой мужик!» Вы не убивали Фрэнка и не пытались лишить жизни меня — все это только имидж, который вы стремитесь создать. Это правда?

Последовала долгая пауза, после которой прозвучало-таки, хотя и шепотом, столь желанное для меня слово:

— Да.

— Простите, что вы сказали, я не расслышала?

— Да! — повторил он, на этот раз громче.

— Спасибо. Это все, что я хотела узнать.

Я встала и вышла из дома, Андреас держался рядом. Мы не успели дойти до садовой калитки, когда нас нагнал Мартин Уильямс. Вид у него был раздавленный, жалкий. Не стоило ему идти за нами.

— Я не хотел причинить вред! — воскликнул он. — Вы правы. И в том, что говорили про Фрэнка. И насчет того, что я сделал вчера в отеле. Клянусь, я не желал вам зла. Вы ведь не скажете ничего полиции, а?

Андреас сорвался прежде, чем я успела его остановить. Он развернулся и со всей силы впечатал кулак Уильямсу в лицо. Происходи это в одной из книг Алана, Мартин бы повалился на землю без сознания. На деле все произошло менее драматично. Послышался громкий звук: чвак. Мартин остался стоять, пьяно пошатываясь, кровь заливала его верхнюю губу. Вероятно, Андреас сломал Уильямсу нос.

Мы вдвоем пошли дальше.

— Ты обещал, что не причинишь ему вреда, — сказала я, подходя к машине.

— Знаю, — ответил Андреас. — Извини.

Я открыла дверцу машины:

— Извинения приняты.

Расчетный час

Пока я редактировала роман «Аттикус Пюнд берет за дело», у нас с Аланом Конвеем произошел еще один спор. Он касался последних двух глав, в которых сыщик собирает всех действующих лиц в отеле «Мунфлауэр».

Согласна, такие сцены отлично работают в фильмах и сериалах. Я видела Дэвида Суше в роли Пуаро, Джона Неттлза в роли инспектора Барнаби, Анджелу Лэнсбери в роли Джессики Флетчер. Знаю, сыщики проделывали подобное сотни раз: указывали на одного подозреваемого за другим, пока не разоблачали наконец истинного убийцу. Именно на это я и напирала. Я тревожилась, что даже если роман замышлялся как оммаж «золотому веку» детективной литературы, такая кульминация выглядела слегка чрезмерной. Мне хотелось понять, способен ли автор найти иной способ подать информацию.

Что же, вы прочли книгу. И можете судить, как высоко ценил Алан Конвей мои редакторские суждения.

Так что он, наверное, изрядно повеселился бы, увидев меня в комнате отдыха отеля «Бранлоу-Холл» в окружении ни больше ни меньше как семи человек и собаки. Собакой был Медведь, золотистый ретривер Сесили. И он хотя бы мирно спал в углу. Но остальные пришли послушать мои объяснения. Я буквально ощущала направленные на меня телевизионные камеры.

То был последний день моего пребывания в отеле. По сути, расчетный час уже миновал. Лиза Трехерн попросила меня съехать до двенадцати, и отец, как она сказала, полностью ее поддержал. Но я позвонила Лоуренсу и сообщила, что знаю, кто убил Фрэнка Пэрриса и что случилось с его младшей дочерью. Я напомнила ему, что он, наверняка по наущению Лизы, до сих пор не заплатил мне ни пенни из обещанных денег. Трехерн согласился встретиться со мной во второй половине дня.

— Приходите в комнату отдыха в три часа, и я разъясню, как все было, — сказала я. — И принесите чек на ту сумму, которую мне должны. Десять тысяч фунтов на имя Андреаса Патакиса.

Конечно, по-хорошему чек следовало выписать на мое имя, но Андреас совершил перелет в две тысячи миль и прибыл как раз вовремя, чтобы спасти меня от падающей совы. Я хотела, чтобы удовольствие обналичить чек выпало на его долю.

Я надеялась, что Лоуренс будет один, но Полин пришла тоже. К ним также присоединился Эйден. Мне подумалось, что это справедливо: он сыграл в случившемся важную роль. И жаждал услышать вести о Сесили. Правда, мне показалось несколько странным, что он захватил в качестве поддержки Элоизу Радмани. Эти двое сидели рядышком на диване, и мне подумалось, что их, возможно, связывают не только отношения из разряда няня — наниматель, и это выглядело странно и даже несколько зловеще. Ну, хотя бы Роксану они оставили на попечении Инги. Хуже всего, с моей точки зрения, было то, что на вечеринку также вломилась и Лиза Трехерн. Со мной был Андреас. Лиза небрежно кивнула ему, меня же не удостоила вниманием. Она развалилась в кресле с таким видом, будто была заранее уверена, что вся эта затея — напрасная трата времени.

И наконец, на стуле рядом с дверью устроился старший суперинтендант Локк. Андреас убедил меня пригласить детектива, хотя мне это решение далось нелегко. После последнего нашего разговора в Мартлшем-Хит я не горела желанием его видеть. Локк был грубиян, не отличался политкорректностью и в значительной степени был повинен в несправедливости, учиненной со Штефаном Кодреску. Однако Андреас настоял, что присутствие полиции необходимо. Это придавало собранию официальный характер.

Признаться, я немало удивилась, что Локк вообще согласился прийти. Мы с Андреасом заехали к нему в управление, и мне подумалось, что паре местных хулиганов и то оказали бы более радушный прием. Старший суперинтендант не допускал, что мне известно имя убийцы Фрэнка, и разозлился, когда я отказалась немедленно сообщить ему, что сумела выяснить. И только полученное от Кодреску письмо заставило Локка передумать. Оно доказывало, что Сесили была убеждена в невиновности Штефана, и подтверждало гипотезу о том, что ее исчезновение

напрямую связано со случившимся много лет назад. Локк никак не мог проигнорировать это письмо, которое в свете произошедших событий становилось важной уликой. Думаю, именно поэтому он и пришел в отель.

Собравшиеся были не того сорта публикой, к которой обращался Аттикус Пюнд: никаких дворецких, викариев или горничных, — но даже так меня не оставляло странное ощущение его присутствия в комнате. Я почти воочию видела, как сыщик примостился на одном из свободных стульев, положив рядом трость, и ждет, когда я начну. Мне часто кажется, что весь мой подход к детективной работе — то, как я беседовала с людьми или рассматривала улики, был неким образом навеян Пюндом и этой его пресловутой книгой «Ландшафт криминалистического расследования». Поэтому не стоит удивляться, что я питала к Аттикусу теплые чувства. В моих глазах он являлся своего рода наставником. Это странно, поскольку прежде всего это был вымышленный персонаж, но главное — потому, что я на дух не выносила его создателя.

— Мы ждем, Сьюзен, — сказала Лиза.

— Прошу прощения. Я просто собиралась с мыслями. — Я улыбнулась. Быть может, в итоге я даже получу удовольствие. Но больше в подобные истории ввязываться определенно не стану. — Наверное, мне стоит начать с того, что я не знаю, где сейчас Сесили, но знаю, что с ней случилось. И точно знаю, что именно она нашла в романе «Аттикус Пюнд берется за дело». — Издание в мягкой обложке лежало передо мной на столе. — Боюсь, Алан Конвей зашифровал в тексте послание, вернее, даже несколько посланий, и тем самым подверг Сесили опасности.

Я посмотрела на Андреаса. Тот кивнул. Он прикрывал меня.

— Главная проблема заключается в том, что ни у кого в «Бранлоу-Холле» не имелось причин убивать Фрэнка Пэрриса, — продолжила я. — Он находился здесь проездом, с целью навестить сестру и шурина, проживающих в Уэстлтоне. Фрэнк только что вернулся из Австралии. Помимо дома, унаследованного от родителей, у него не имелось никаких связей с Суффолком. Первая моя версия состояла в том, что его убил Дерек Эндикот. Это могло произойти по ошибке. Как известно, Фрэнку не понравилась комната, в которой его изначально поселили, и он переехал в номер двенадцать, забронированный для Джорджа Сондерса, отставного директора средней школы «Бромсуэлл-Гроув». Как выяснилось, Дерек учился в этом заведении, когда его возглавлял Сондерс, и ему там сильно доставалось. Увидев Сондерса снова, он определенно испытал сильное потрясение.

Допустим, Дерек берет молоток и крадется вверх под покровом ночи. В коридорах темно, и он убивает Фрэнка, прежде чем понимает, что это не тот человек. Алиби у ночного администратора нет: мы имеем только слово Эндикота, который якобы заметил Штефана, входящего в номер. Больше никто его не видел.

— Нелепая история, — сказал Эйден. — Дерек никому не способен причинить вреда.

— Согласна. Поэтому я исключила его. Кстати, Дереку не пришло бы в голову подстроить улики, указывающие на Штефана, в первую очередь я имею в виду деньги под матрасом и пятна крови в душе. Мне кажется, ему просто не хватило бы на это ума.

Далее остаетесь вы четверо. Но еще двоих потенциальных подозреваемых нет в этой комнате, и мне сначала хотелось бы разобраться с ними. Начнем с Мелиссы Конвей. Она жила в коттедже Оуклендс на краю усадьбы и во время свадебного уик-энда бывала в отеле. Она, прямо скажем, не обрадовалась, когда увидела Фрэнка, поскольку в глубине души невольно винила этого человека за то, что он направил ее мужа на кривую дорожку, которая привела его в гей-клубы и бани. Допустим, Мелисса решила свести счеты с тем, кто разрушил ее семейную жизнь. Меня часто удивляло, как такое возможно, но она действительно любила Алана.

Как поступил бы Конвей, выясни он, что его бывшая жена виновна в преступлении? Не было ли это весомым основанием не открывать правду в своей книге? Пожалуй, он стал бы помалкивать с целью защитить ее, а заодно и себя. Таким образом, едва узнав, что Мелисса была здесь, я сразу включила ее в число подозреваемых. Существовала всего одна проблема: она никак не могла подслушать телефонный разговор Сесили с родителями. Во время исчезновения Сесили она, скорее всего, находилась у себя дома, в Бредфорде-на-Эйвоне.

Тем не менее Мелисса сказала кое-что, что навело меня на мысль. Она упомянула, что, пока жила в коттедже Оуклендс, часто пользовалась спа и занималась там с Лайонелом Корби. Вот только она назвала его не Лайонелом. Для нее он был Лео.

Так случилось, что Фрэнк Пэррис знал некоего Лео, мальчика по вызову, работавшего в Лондоне. Это я выяснила, пока была в столице. Те двое спали вместе. Алан Конвей даже книгу посвятил Фрэнку и Лео. Прошу меня простить, Лоуренс, за эти некрасивые детали, но дальше, боюсь, будет еще хуже. Фрэнк был не просто геем. У него имелись весьма извращенные сексуальные пристрастия, включая связывание партнера, садо-мазо и тому подобное. Предположим, что Лайонел — это и есть тот самый Лео, и Фрэнк узнал его, приехав в отель. Во время нашей с ним встречи Лайонел обмолвился, что в Лондоне у него было много частных клиентов. «Вы даже не представляете, с какого сорта народом мне приходилось иметь дело!» — вот его точные слова. Я полагала, что речь шла об индивидуальных занятиях фитнесом, но как знать?

Проблема была та же, что в случае с Мелиссой: да, Лайонел мог оказаться тем самым Лео и убить Фрэнка, но он находился далеко в тот момент, когда Сесили звонила родителям. Я не вижу способа, как он мог напасть на нее или причинить ей вред. Откуда ему вообще было знать, что она прочитала книгу?

А вот Элоиза Радмани была здесь и знала.

Стоило мне произнести эти слова, как няня вышла из себя, на манер, столь свойственный уроженцам Средиземноморья.

— Да как вы смеете впутывать меня в это! — вскричала она. — Я тут совершенно ни при чем!

— Вы находились здесь, когда исчезла Сесили, и, мало того, вы даже подслушали ее разговор с родителями про книгу. Вы стояли под дверью кабинета.

— Я не имею никакого отношения к Фрэнку Пэррису!

— Это неправда. Вы работали в одном с ним рекламном агентстве — «Маккан-Эриксон». Сидели там на ресепшене.

Моя осведомленность ошеломила Элоизу. Она переменялась в лице.

— Я проработала там всего несколько месяцев.

— Но вы знали Пэрриса.

— Видела. Но мы даже ни разу не разговаривали.

— Вы жили тогда с мужем, так? Его звали Люсьен.

Няня потупила взгляд:

— Я не собираюсь говорить о нем.

— У меня только один вопрос, Элоиза. Каким было уменьшительно-ласкательное имя вашего мужа? Вы когда-нибудь обращались к нему Лео?

Это была единственная деталь, которую мне нужно было выяснить, чтобы быть полностью уверенной. Я не собиралась говорить это Элоизе, особенно в присутствии прочих, но мне подумалось, что убивший ее супруга СПИД мог быть вовсе не результатом неудачного переливания крови. Нельзя ли допустить, что Люсьен нашел дополнительный источник существования, пока учился на архитектора? Не работал ли он под псевдонимом Лео? И не подцепил ли СПИД, будучи мальчиком по вызову? Именно об этом я на самом деле ее спрашивала.

— Я никогда так не называла Люсьена. И никто не называл.

Я ей поверила. Эйден и Сесили наняли Элоизу спустя месяцы после свадьбы. У меня просто в голове не укладывалось, как она могла оказаться в отеле в ночь убийства Фрэнка, если только не приехала сюда под чужим именем. К тому же Дерек был уверен, что видел мужчину, крадущегося по коридору к номеру двенадцать. Даже напирая сейчас на Элоизу, я знала, что это не она. Андреас открыл бутылку с минералкой, передал мне стакан, я выпила. Локк у двери сидел прямой, как будто шомпол проглотил, и старался делать вид, будто его тут нет. Я чувствовала, что остальные наблюдают за мной и страшатся грядущего. Но в том не было моей вины. Я собиралась поговорить с одним лишь Лоуренсом Трехерном. Это уже он сам, по собственной инициативе, притащил сюда всю компанию.

— Есть и другая вероятность, — продолжила я, тщательно подбирая слова. — Мне приходило в голову, что намеченной жертвой мог быть вовсе не Фрэнк Пэррис. Допустим, главной целью преступления было подставить Штефана Кодреску?

После этого моего заявления воцарилась тишина. Нарушил ее Лоуренс.

— Но кому это могло понадобиться? — спросил он.

Я повернулась к Лизе:

— Боюсь, придется поговорить о вас и Штефане.

— Хотите вывалить всех нас в грязь? Это ваша цель? — Она переменяла позу, закинув ногу на ногу.

— Моя цель, Лиза, поведать правду. И нравится вам это или нет, вы сыграли весьма значительную роль в том, что случилось. У вас со Штефаном были «отношения»? — Последнее слово я сопроводила жестом, обозначающим кавычки.

— Да. — Она уже признала это раньше в разговоре со мной, и теперь не было смысла отпираться.

Родители в смятении посмотрели на дочь.

— Штефан отказался продолжать эту связь?

Лиза помялась, но кивнула:

— Да.

— Вы знали, что у Штефана был также секс с Сесили?

Теперь рассердился Эйден:

— Это гнусная ложь!

— Боюсь, что нет. — Я специально выдержала паузу, нагнетая напряжение. — Я виделась со Штефаном сегодня утром.

— Виделись с ним? — удивилась Полин.

— Навестила его в тюрьме.

— И он рассказал вам о Сесили? — хмыкнул Эйден. — А вы ему поверили?

— Он мне ничего такого не рассказывал. Напротив, как мог старался это скрыть. Но все улики очевидны. Я просто свела их воедино. Лайонел Корби рассказал, что за пару недель до свадьбы видел в лесу близ коттеджа Оуклендс парочку, занимающуюся любовью. Поначалу он принял мужчину за вас, Эйден. Но потом заметил, что у него нет на плече татуировки, и узнал Штефана. Женщину он с того места, где стоял, разглядеть не мог. Она находилась внизу. Но Лайонел знал, что Штефан, против своей воли, встречается с Лизой, и решил, что это была она. Однако фитнес-тренер ошибся. — Я снова обращалась к Лизе. — Откуда я знаю? Вообще-то, все очень просто. Вы кое-что сказали мне за завтраком, сразу после того, как попросили уехать из отеля. Вы отрицали, что уволили Штефана, так как он, цитирую: «не соглашался больше укладываться со мной в койку». Именно эта фраза сообщила мне все, что я хотела знать.

Зачем подвергаться риску, да еще и терпеть неудобства, встречаясь с ним в лесу, когда можно спокойно заниматься сексом в собственном доме? Вы живете в Вудбридже одна. Прятаться вам резона нет. А вот с Сесили, конечно, все обстояло иначе. Она жила под одной крышей с Эйденом. Они были помолвлены. Ей даже номером в отеле нельзя было воспользоваться — их могли увидеть. Секс в лесу оказался выходом.

— Сесили никогда мне не изменяла! — Эйден пришел в ярость. — Мы были счастливы вместе.

— Мне жаль...

— Лайонел не разглядел женщину. Вы сами сказали.

— Верно.

— Так, значит, вы лжете!

— Боюсь, что нет, Эйден. Я видела письмо, которое Сесили прислала Штефану после того, как прочитала книгу. Оно было короткое и написано спустя много лет. Однако тон его до сих пор был интимным. Оно подписано «с любовью». И это еще не все. Когда я спросила у Штефана, с Лизой ли он был в лесу, Кодреску замялся, а потом заявил, что это и впрямь была она, хотя эти слова явно противоречили сказанному им минутой ранее. Я сразу поняла, что парень лжет и кого-то выгораживает.

Я отпила еще глоток воды. И, посмотрев поверх края стакана, встретила взглядом с Андреасом. Тот ободряюще кивнул. Я все рассказала ему по пути из Норфолка, и он знал, что будет дальше.

— Штефан сказал еще кое-что, — продолжила я. — Тогда это показалось мне лишним смыслом, но позднее я поняла, о чем речь, и это подтвердило давние мои подозрения. И снова данное обстоятельство напрямую касается вас, Эйден. Едва ли оно вам понравится, но вы, сдастся, и так уже знаете правду, да?

— О чем вы говорите? — Эйден смотрел на меня в упор, и взгляд его так и сочился ядом.

— Штефан говорил, как сильно ненавидит Англию, а потом добавил: «Может, завтра я покончу с собой. Я бы давно умер, если бы не одно светлое пятно в моей жизни, тот рассвет, что дает мне надежду». Я пыталась понять, о чем он толкует. И одновременно, беседуя с Кодреску лицом к лицу, ловила себя на мысли, что он кого-то мне напоминает. — Больше терпеть я не могла и выложила все напрямик: — Он отец Роксаны.

— Нет! — Крик муки вырвался из горла Эйдена. Он привстал, и Андреас тоже приподнялся, готовый броситься на мою защиту, если понадобится. Сидевший на другом конце комнаты Локк даже не пошевелился.

— Это подлая ложь! — Элоиза вскинула руку. — В ней нет ни слова правды.

— Как вы смеете... — пролепетал Лоуренс, желая опровергнуть мои слова. Но он не мог этого сделать, потому как знал, что я права.

— У Эйдена русые волосы. Сесили блондинка. Роксана же черненькая, темноглазая и вылитая копия отца. Эйден сказал мне, что имя выбрала жена, и я полагаю, выбор был вполне осознанным. Сесили знала, кто отец ее ребенка. Роксана — очень популярное имя в Румынии. В переводе оно означает «светлая», «ясная», «рассвет» — вот о чем толковал Штефан.

Я ускорила темп, желая как можно быстрее покончить с этой частью рассказа.

— Вот как все было. Когда Штефан отказался спать с Лизой, та его уволила. А потом узнала, что он предпочел ей Сесили. И вспомнила, как сестричка, по случайности, еще когда они обе были детьми, оставила ей шрам. Какие чувства обуяли Лизу? Она придумывает план мести: можно убить совершенно незнакомого человека и свалить вину на Штефана, чтобы его упекли за решетку на всю оставшуюся жизнь. Если Лиза была у себя в кабинете, она с легкостью могла подслушать телефонный разговор Сесили с родителями. Так я полагала до самого недавнего времени. Я была убеждена, что за обоими преступлениями стоит именно она.

— В таком случае вы фиговый сыщик! — огрызнулась Лиза. — Никого я не убивала.

— Думаю, с нас хватит, — сказал Лоуренс. — Суперинтендант Локк, вы так и позвольте мисс Райленд продолжать в том же духе?

Прежде чем полицейский успел ответить, вмешался Андреас.

— Сьюзен знает, кто убил Фрэнка Пэрриса, — произнес он таким тоном, словно снова стал учителем и обращался к классу, полному мальчиков. — Если вы сядете и позвольте ей закончить, она вам это скажет.

Пятеро: Лоуренс и Полин, Лиза, Эйден и Элоиза — переглянулись между собой. Решение за всех принял Макнейл. Он снова сел и сказал:

— Ладно, продолжайте. Но не пора ли уже наконец перейти к сути? Довольно с нас всех этих... измышлений.

Для человека, только что узнавшего, что отец его дочери — другой мужчина, Эйден держался на редкость спокойно. Впрочем, я подозревала, что он с самого начала был в курсе.

— Все началось с книги, — сказала я. — Все вертится вокруг романа «Аттикус Пюнд берет за дело». Сесили заметила в нем какую-то важную деталь и именно поэтому исчезла. Письмо к Штефану, о котором я недавно упомянула, было написано после того, как Сесили прочитала детектив.

— Она сообщила ему, что именно увидела? — спросила Полин.

— Увы, нет. Вот что она пишет: «С самой первой страницы я поняла, кто убил Фрэнка Пэрриса. Я уже давно догадывалась, но, прочитав роман, осознала все с полной ясностью». Обратите внимание: Сесили нашла доказательство *на самой первой странице*. Вопрос в том, какую именно страницу она имела в виду? Я предположила, что начало первой главы, но там ничего такого не было. Так, быть может, речь шла о биографии автора, отзывах о книге или оглавлении? Я

просмотрела эти разделы вдоль и поперек. Но в действительности все оказалось куда проще. Это было посвящение: «...памяти Фрэнка и Лео». Почему Алан так написал? Может, потому, что оба эти человека умерли? Или он подразумевал нечто совсем иное? Фрэнк, понятное дело, был мертв. А вот Лео, возможно, и нет. Уж не хотел ли Конвей таким образом сообщить ему, что он помнит, кто это такой, и все знает. Быть может, это было и не посвящение вовсе? Вдруг на самом деле это предупреждение?

Я помедлила, давая слушателям переварить сказанное. А потом продолжила:

— Я никогда не встречалась с Сесили и хотела бы знать ее ближе, потому как поняла, что характер молодой женщины служит ключом ко всему происшедшему. Когда она родилась, кстати? Мне так кажется, что где-то в конце ноября или в начале декабря.

— Двадцать пятого ноября, — сказал Лоуренс. — А вы откуда знаете?

— Это означает, что она по зодиаку Стрелец, — заметила я. — А ведь астрология была очень важна для Сесили. Это с самого начала сильно впечатлило меня. Эйден упомянул, что каждый день жена начинала с чтения гороскопа. Более того, в день свадьбы звезды предупреждали ее о грядущих превратностях судьбы, но вместо того, чтобы с улыбкой отложить газету и выбросить прогноз из головы, Сесили заметно расстроилась. Когда она шла под венец, на ней было ожерелье с астрологической символикой. Я видела на фотографии: три звезды и стрела. Стрелец. По пути из Норфолка мы заехали в паб «Плуг и звезды», и именно это название открыло мне глаза на то, что все время было прямо у меня под носом. Астрология в очень значительной мере определяла жизнь Сесили. Даже свою собаку она назвала в честь созвездия Большой Медведицы.

Услышав свое имя, пес лениво стукнул хвостом о пол.

— Но и это еще не все, — продолжала я. — В своем длинном электронном письме Лоуренс упомянул, что Сесили сразу почувствовала расположение к Эйдену, поскольку поняла, что они «совместимы». Обратите внимание на слово «совместимы» — это термин из лексикона астрологов. Эйден повстречал Сесили в свой день рождения, когда показывал ей квартиру. Нам известно, что это происходило в начале августа, а стало быть, Эйден по зодиаку...

— ...Лев, — закончил за меня Андреас.

— Сесили знала, что Львы и Стрельцы хорошо подходят друг другу. Оба они огненные знаки: им свойственны одни ценности, одни эмоции, их отношения строятся на взаимопонимании и доверии. Так, по крайней мере, она считала. И естественно, татуировка на плече у Эйдена укрепила ее в этом мнении. По словам Лайонела, там изображен гигантский головастик: большое кольцо с хвостом. Но на самом деле он видел символ — его иногда называют глифом, — обозначающий знак зодиака Лев.

— Да, я Лев, — сказал Эйден. — А Сесили была Стрельцом. С точки зрения астрологии мы хорошо подходили друг другу. Ну и что в этом такого?

— Вы прежде знали Фрэнка Пэрриса.

— В жизни его не встречал.

— Это неправда. Вы утверждали, что работали агентом по недвижимости в Лондоне, но даже Лоуренс удивлялся, как быстро вы сумели продвинуться на этом поприще. Вам было всего лишь двадцать с небольшим, так откуда у вас нашлись деньги, чтобы купить себе квартиру на Эджвер-роуд? На самом деле у вас имелся иной источник доходов. И еще один момент. Когда я задала вопрос одному своему приятелю, знающему толк в таких вещах, он выразил удивление, что двадцатилетний мальчик по вызову смог заработать на дорогое жилье в Мейфэре. Едва ли он мог себе такое позволить. Но предположим, что в силу профессии у него имелись ключи от незанятой квартиры? Что, если он работал...

— Вы ошибаетесь, — вставил Эйден, не дав мне закончить.

Я не обратила на него внимания.

— Давайте вернемся к приезду Фрэнка в «Бранлоу-Холл». Постояльцу не понравилась комната, в которую его поселили, и вам поручили разобраться. Вы встретились, и вот он уже ваш лучший друг. Я слушала запись разговора с Сесили, и даже ей показалось, что Фрэнк держался как-то слишком уж по-свойски. По ее выражению, он так и увивался вокруг Эйдена. Еще бы! Ведь он с вами спал, причем не один раз! А прощаясь, он заключил ваши руки в свои. Мне запала в память эта деталь, поскольку она показалась очень странной.

— Пэррис был извращенец.

— У Сесили создалось впечатление, что он как бы играл с вами. Потешался. Потом еще эта история со «Свадьбой Фигаро». Фрэнк сказал, что это его любимая опера, великая вещь, и он, дескать, ждет не дожидается представления в Снейп-Молтингс. Вот только все это ложь. Никакой оперы в тот день не было. Ради чего тогда он затеял весь этот спектакль?

— Понятия не имею.

— А вот я думаю, что имеете, Эйден. Каков сюжет «Свадьбы Фигаро»? Он строится вокруг распутного аристократа графа Альмавивы. Граф влюблен в Сюзанну, служанку своей жены. Но девушка собирается замуж за Фигаро. И вот в первую брачную ночь граф пытается воспользоваться своим «droit de seigneur»²²[22], дающим ему право провести ночь с Сюзанной.

Будучи в Лондоне, я навела справки о Фрэнке Пэррисе. Он любил сексуальные игры, включающие унижение и подчинение. В некотором смысле он олицетворял себя с графом Альмавивой. Представим, что Фрэнк приехал в «Бранлоу-Холл» и столкнулся с мальчиком по вызову, которого знал много лет назад. В былые времена он часто платил Лео за секс. Но Лео поднялся по социальной лестнице. Он вот-вот женится на девушке из почтенного семейства и получит непильную работу в придачу. Что скажут Лоуренс и Полин Трехерн, если узнают истинную подноготную будущего зятя? Фрэнк обрел власть над Лео, и ему в голову пришла заманчивая идея. Он воспользуется своим droit de seigneur и трахнет жениха в ночь накануне свадьбы.

Я предполагаю, что, заключив ладонь Эйдена в свои руки, он передал ему дубликат ключа от своего номера.

К тому времени они уже пришли к соглашению. Видимо, Фрэнк получил истинное удовольствие, вручая Лео ключ прямо на глазах у женщины, на которой ему предстояло жениться.

— Вы все выдумали! — заявил Макнейл. — Это все наглая ложь!

— Ну давайте посмотрим, что было дальше. Представим, что вы, Эйден, приняли решение не играть по правилам Фрэнка. Вместо этого вы задумали избавиться от этого мерзкого извращенца раз и навсегда. И у вас есть очень удобный козел отпущения.

Вы отправляетесь на вечеринку, устроенную Лоуренсом и Полиной Трехерн для персонала. Сесили принимала снотворное, диазепам, и вам не составило труда украсть пару таблеток и подбросить их в напиток Кодреску. Отправляясь спать в ту ночь, Штефан был одурманен, а не пьян. На следующее утро он едва разлепил глаза, а спал наверняка как убитый.

Сесили тоже приняла таблетку и уснула, после чего вы тайком отправились на полуночное свидание. Для вас было важно, чтобы Штефана видели входящим в номер двенадцать, и вы тщательно все подстроили. Вы взяли из подсобки ящик с инструментами и надели шапочку-бини, такую же, как у него. Вы вошли через главную дверь и поднялись на лифте на третий этаж. Дерек Эндикот сидел за стойкой администратора внизу. Как выманить его наверх, чтобы он вас увидел?

Выход нашелся — это Медведь, пес. Предположу, что вы воспользовались ирландской брошью, лежащей на столике рядом с его корзиной.

Я заранее взяла брошь и теперь достала ее из сумочки и отстегнула заколку, имевшую дюйма два в длину. Я положила украшение на стол перед Локком.

— Когда все закончится, — сказала я, — вам стоит отдать эту вещицу в лабораторию, старший суперинтендант. На ней могли остаться следы крови Медведя. Думаю, Эйден специально уколол его пса, чтобы тот подал голос.

Я снова повернулась к Макнейлу:

— Итак, Дерек поднимается наверх, чтобы посмотреть, в чем дело. Он наклоняется к собаке, и вы тем временем проскакиваете по коридору по направлению к номеру двенадцать. В коридоре темно. Дерек едва успевает разглядеть вас и замечает только бини и ящик с инструментами. И разумеется, принимает вас за Штефана. Однако он все равно идет по коридору, чтобы убедиться, но за те несколько секунд, которые ему на это потребовались, человек исчезает. О чем это говорит? Стука Дерек не слышал. Голосов тоже. Ни обмена приветствиями, ни объяснений — ничего подобного. Фрэнк мог помешать двери защелкнуться, подставив корзину для мусора или еще что-нибудь, но мне это кажется маловероятным. Часть забавы заключалась в том, чтобы Лео вошел сам, и у него, разумеется, был ключ.

²² «Сеньориальное право» (*фр.*) — феодальная норма, определяющая права феодала по отношению к зависимым от него людям.

Вы в двенадцатом номере. Фрэнк встречает вас. Вы ждете, когда Дерек спустится к себе. Потом достаете молоток и избиваете Пэрриса с такой жестокостью, что на следующий день его с трудом можно опознать. Это было убийство на почве лютой ненависти, я с самого начала это поняла. И у вас имелись все причины злиться.

Но это еще не конец. Лишив Фрэнка жизни, вы вытаскиваете деньги у него из кошелька. Еще вам нужно немного крови, чтобы испачкать простыни и душевую в комнате у Штефана. Думаю, именно для этого вы стащили поршневую ручку Лоуренса. Она никогда не была в использовании и не могла запачкать образцы крови. Вы заполнили емкость для чернил кровью Фрэнка, а потом, взяв ручку и деньги, отправились в конюшню. В кабинете у Лизы хранился дубликат ключа, и вы без труда завладели им. Штефан не проснулся. Одурманенный снадобъем, он крепко спал и не слышал, как открылась дверь. Не видел, как вы прячете деньги и разбрызгиваете кровь Пэрриса. Затем вы избавились от ручки и вернулись в постель.

А теперь вспомним про табличку «Не беспокоить». Вы прикончили Фрэнка, потому что он представлял угрозу вашему браку с Сесили. Для вас было принципиально важно, чтобы свадьба состоялась. Вот почему после убийства вы повесили на дверь это предупреждение. Вероятно, вы позаботились о том, чтобы на табличке обнаружались отпечатки пальцев Штефана. Но затем, после церемонии и перед свадебным обедом, вам понадобилось убрать ее. Почему, Эйден?

— Я не буду отвечать ни на какие ваши вопросы.

— Раз так, рискну предположить: вы не хотели отправляться в свадебное путешествие. В конце концов, вы ведь не любили Сесили. Не думаю, что она хотя бы просто нравилась вам. Выскажу догадку: вы женились на ней ради денег, безопасности и возможности вести жизнь сельского сквайра. Не исключено, что вы даже получили удовольствие, испортив ей таким образом великий день.

И ведь вам почти удалось выйти сухим из воды. Вот только несколько недель спустя в отель, на вашу беду, заглянул в поисках сюжета один писатель. Алан Конвей тоже сразу вас узнал, да? Вот почему вам так не хотелось с ним общаться. Я прослушала запись его разговора с Полин, и какие были первые слова Конвея, едва он вас увидел? «Мы, кажется, уже встречались». В тот миг Алану все стало ясно. Он понял, кто убийца, и на свой лад подкалывал вас, как это делал Фрэнк несколькими неделями ранее. Разумеется, вы пытались отпереться. «Да. Я был на ресепшене, когда вы приехали», — пояснили вы, чтобы убедить Полин. Но что Конвей говорит пару минут спустя? «Пожалуйста, зовите меня просто Аланом». И ваш ответ: «Я в эти игры не играю». Ведь это была самая настоящая игра, весьма для вас неприятная. Вы оба знали правду. Вы встречались за ужином в Лондоне... И Фрэнк Пэррис в тот вечер тоже сидел за столом!

В течение восьми лет ничего не происходило. Алан исчез, и вы, наверное, облегченно вздохнули, узнав о его смерти. Возможно, вы даже прочитали написанный им детектив, но на первый взгляд роман «Аттикус Пюнд берется за дело» не имеет ничего общего с событиями в «Бранлоу-Холле». Вы сочли, что вам все сошло с рук.

Я отпила еще глоток воды. Все в комнате молча смотрели на меня, ожидая продолжения. Лишь один из слушателей, старший суперинтендант Локк, не спускал глаз с Эйдена. Видимо, он осознал, что совершил фатальную ошибку, и теперь прикидывал, как это может отразиться на его будущей карьере.

Я поставила стакан. Краем глаза заметила ободряющую улыбку Андреаса.

— Затем Сесили прочла книгу, — продолжила я. — Давайте вернемся к тому, что мне известно о ее характере. Лоуренс сказал, что она была чересчур добросердечной, слишком доверчивой, из тех, кто стремится видеть в каждом человеке лучшее. Он говорил об этом применительно к Штефану, но с таким же успехом мог иметь в виду и ее отношения с вами. Помнится, Мелисса Конвей даже сравнила Сесили с Дорой из «Дэвида Копперфильда». Мне кажется, познакомившись с вами, Сесили наивно полагала, что судьба послала ей идеального мужчину. И понятия не имела, во что на самом деле вляпалась.

Но выяснила это достаточно скоро. Не берусь судить, какой была ваша семейная жизнь, Эйден, но жена наверняка поняла, что вы не очень похожи на чудесного принца из ее грез. Даже в период помолвки вы явно не проявили особых успехов по части постельных утех, раз ей пришлось искать удовлетворение в объятиях Штефана. А потом она и вовсе заподозрила, что вы причастны к преступлению. Каким образом? Не знаю. Однако у женщин очень сильно развита интуиция.

Но даже если Сесили и подозревала вас в убийстве Фрэнка Пэрриса, доказательств у нее не было. И прежде всего потому, что у вас отсутствовал мотив. Вы ведь уверяли всех, что якобы даже никогда не встречались с Фэнком. Так что случилось, когда Сесили открыла книгу и увидела посвящение: «Фэнку и Лео»? Если Эйден и есть Лео, то все, что происходило, когда Пэррис остановился в гостинице: его странное поведение, ложь про «Свадьбу Фигаро», — вдруг обретает смысл. И не будем забывать, кем именно вы были для нее: возлюбленным Львом²³, идеальным спутником Стрельца.

— А вы ничего не забыли? — Эйден с вызовом посмотрел на меня. — Именно я дал жене ту книгу. Я прочитал ее раньше Сесили. Между прочим, я уже говорил вам об этом.

— Да, Эйден, говорили, но это не соответствует действительности. Вы хотели заставить меня так думать, чтобы отвести от себя подозрения. Ясное дело, что если книга указывает на истинного убийцу Фрэнка Пэрриса, то преступник, кем бы он ни был, ни в коем случае не дал бы ее Сесили.

Но правда заключается в том, что на момент моего приезда в отель вы эту книгу еще не прочли, по крайней мере до конца. Конечно, вы собирались это сделать. Вам нужно было выяснить, что же увидела в ней Сесили. Но вам никак не удавалось раздобыть экземпляр, потому что, так уж случилось, на складе в Дидкоте произошел крупный системный сбой. Я встречалась с издателем, и тот сообщил мне, что никто не мог получить «Аттикус Пюнд берет за дело» на протяжении последних двух месяцев. Экземпляр, который вы мне показали, был новеньким и, я думаю, приехал всего за пару дней до меня, так что вы еще только-только начали читать роман. Когда я спросила, понравился ли он вам, вы описали его как запутанную историю, с концовкой, бьющей прямо под дых. Но это не ваши слова.

Я взяла книгу и вручила Лоуренсу.

— Если вы посмотрите на помещенные в начале отзывы, то увидите, что «Обсервер» описал роман как запутанную историю, которая держит в напряжении до самого конца, а литератор Питер Джеймс сказал, что это детектив, который бьет под дых. В издательском мире мне приходилось встречать множество таких людей. Они делали вид, что читали книгу, хотя на самом деле лишь пробежались по выдержкам из рецензий. — Я сердито посмотрела на Эйдена. — Вы дошли только до девятнадцатой страницы, на которой и появляется Эджернон. Вы не имели понятия, что произошло дальше.

— Где Сесили? — подал голос молчавший до того Локк. Он наконец встал, сочтя момент подходящим, чтобы взять управление ситуацией на себя.

Поскольку Эйден не ответил, это сделала я.

— Полагаю, муж убил ее. — Я посмотрела на Лоуренса и Полин. — Мне жаль. Вам следовало задать себе вопрос: почему Сесили звонила из кабинета в отеле, а не из дома? Ответ очевиден: ей не хотелось, чтобы Эйден был рядом. К несчастью, Элоиза подслушала разговор и, как понимаю, все рассказала ему. — Я глянула на француженку. — Это правда?

Элоиза смотрела на Макнейла так, будто видела его в первый раз.

— Да.

Я заметила, что она больше не держит его за руку.

— Эйден сообразил, что Сесили выяснила по меньшей мере часть правды, и испугался за свою шкуру. Поэтому, когда жена пошла гулять с собакой, отправился следом. Он знал ее маршрут, и ему не составляло труда подкараулить Сесили на другой стороне леса возле Мартлшема. Я не знаю, как Макнейл ее убил и каким образом избавился от тела, но предполагаю, что сначала положил труп в багажник своей машины. Вот почему он заявился в благотворительный магазин во Фрамлингеме с пестрой коллекцией ее одежды, включая только что купленное и ни разу не надетое платье. Ему просто необходимо было объяснить наличие ДНК супруги в машине, если полиция вдруг возьмется проверять.

Локк сделал шаг по направлению к Эйдену.

— Думаю, вам лучше пройти со мной, — сказал он.

Эйден огляделся, и на миг что-то в нем напомнило мне загнанного в ловушку льва. Андреас встал и обнял меня за плечи. Я порадовалась, что он рядом.

— Мистер Макнейл... — продолжил Локк. И протянул руку, словно бы собираясь его схватить.

²³ Leo (лат.) — лев.

Вот тогда-то все и произошло. В глазах Эйдена появилось какое-то странное выражение, которое я могла бы описать только словом «пугающее». Я поняла: это было последнее, что увидел Фрэнк Пэррис восемь лет назад в отеле, да и Сесили Трехерн тоже наверняка распознала его там, в лесу под Мартлшемом, — взгляд человека, собирающегося убить тебя.

Эйден выбросил вперед кулак, и я сначала подумала, что он просто двинул детектива в подбородок. Локк был значительно выше его и отличался крепким сложением, но удар, казалось, словно бы парализовал полицейского, лишив возможности ответить. На миг все застыло, а потом, к своему ужасу, я увидела, как кровь фонтаном брызнула из шеи суперинтенданта, заливая рубашку. Я догадалась, что, вставая, Эйден схватил старинную брошь и вонзил ее булавку в горло полицейскому.

Локк издал странный звук, нечто среднее между рыданием и криком боли. Потом упал на колени, одной рукой зажимая рану. Кровь хлестала у него между пальцев. Никто не пошевелился. Эйден стоял с невозмутимым выражением на лице, продолжая сжимать в руке брошь с торчащей заколкой. Я испугалась, что Андреас попытается предпринять что-нибудь. Но даже он растерялся. Пес вскочил на лапы и залился яростным лаем. Локк так и стоял на коленях и стонал. Я заметила, как Полин в ужасе отвернулась. Эйден побежал ко мне, и я вздрогнула в ожидании худшего. Но он проскочил мимо, и, услышав звон стекла и треск дерева, я поняла, что Макнейл разбил ногой стеклянную дверь в задней стене комнаты. Я едва успела ухватить взглядом его спину, после чего злоумышленник скрылся в саду.

Элоиза бросилась к Локку и, опустившись на колени, принялась его успокаивать. Лоуренс суетился вокруг Полин. Лиза достала телефон и стала звонить в «скорую».

Андреас обнял меня.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я была потрясена. Меня шатало. Я слышала, как Лиза дозвонилась до службы спасения.

— Просто уведи меня отсюда, — прошептала я.

Мы вместе вышли из комнаты. Никто из нас даже не обернулся.

Последние слова

На Крит нам разрешили вернуться только через несколько дней. Хотя я не имела никакого отношения к смерти Фрэнка Пэрриса или к исчезновению Сесили Трехерн, мне пришлось дать подробные показания, в основном повторяющие то, что я сказала в комнате отдыха отеля «Бранлоу-Холл». Меня не покидало чувство, будто я лично ответственна за то, что произошло со старшим инспектором Локком. Ему повезло остаться в живых. Острие булавки пробило сонную артерию, что объясняет столь обильное кровотечение, и если бы не быстрый приезд неотложки, его бы не спасли. Полицейские, которые меня допрашивали, держались, мягко выражаясь, недружелюбно.

Остаться больше в «Бранлоу-Холле» я не могла. Признаться честно, у меня не было ни малейшего желания никого из них видеть: ни Трехернов, ни Элоизу, ни Дерека, ни даже пса по кличке Медведь. К Кэти тоже переезжать не хотелось. В итоге мы с Андреасом сняли номер в гостинице «Корона» во Фрамлингеме, где я останавливалась, когда приезжала на похороны Алана. Мне там понравилось, да и от Вудбриджа близко.

О дальнейшем развитии событий мы знали очень мало. Мы намеренно не читали газет, а в полиции нам ничего не сообщали. Но на третий день нашего вынужденного пребывания здесь я обнаружила на накрытом к завтраку столе конверт. Откуда он пришел, я поняла прежде, чем распечатала конверт с оттиснутым на нем силуэтом совы.

Внутри лежали два письма. Первое было от Лоуренса Трехерна. Я рада была увидеть наконец чек на сумму, которую он мне задолжал.

Уважаемая Сьюзен!

Признаться, мне очень не по себе, когда я пишу Вам это письмо, но первым делом прикладываю чек, как было оговорено, и прошу прощения за долгую задержку. Надеюсь, Вы не обидитесь, если я скажу, что Вы нанесли нашим жизням больший урон, чем даже Алан Конвей, но в то же время я склоняюсь к мысли, что обязан поблагодарить Вас. Мы сами поручили Вам эту работу, и Вы выполнили ее очень успешно, хотя едва ли кто из нас представлял, насколько сокрушительными могут оказаться последствия.

Хочу довести до Вашего сведения краткий отчет о прочих событиях, наверняка представляющих для Вас интерес.

Прежде всего, Эйден Макнейл мертв. После жуткого происшествия в отеле он уехал на станцию Мэннингтри, где бросился под поезд. Я удивлен, что полиция не смогла его остановить, но боюсь, суперинтендант Локк пришел в отель на свой страх и риск — грубая ошибка, — а события развивались слишком стремительно. Ну что ж, как говорится, собаке — собачья смерть: Эйден получил по заслугам. Мы с Полин горько сожалеем, что наша бедная дорогая девочка повстречала этого ужасного человека. Сесили была слишком добросердечной и доверчивой. Вы совершенно правы.

Прежде чем покончить с собой, Эйден написал адресованное мне письмо, и я, с разрешения полиции, сделал копию для Вас и прилагаю ее, чтобы показать, что это был за человек и с чем Вам довелось столкнуться. В письме содержатся также ответы на некоторые вопросы, которые, как я думаю, Вам будет интересно узнать, хотя в ряде аспектов сказанное нашим зятем и представляет собой вопиющую ложь. Хладнокровие, с которым он планировал убийство Сесили, сложно себе представить. Должен предупредить, что это весьма тягостное чтение.

Есть еще один момент, который мне хотелось бы Вам сообщить. Мы с Полин чувствуем вину за то, как обошлись со Штефаном Кодреску, хотя в то время, естественно, не знали всей правды. Нам известно, что полиция уже начала процедуры, которые позволят ему выйти из тюрьмы и вернуться к нормальной жизни. Это вопрос нескольких недель. Я написал Штефану и предложил любую поддержку, которая может ему понадобиться. Мы будем рады его возвращению в «Бранлоу-Холл», и, безусловно, мы с Полин признаем

его в качестве настоящего отца нашей единственной внучки и вообще сделаем все, чтобы загладить грехи прошлого.

Надеюсь, Вы с Андреасом сможете вскоре вернуться на Крит, и еще раз хочу поблагодарить Вас за труды.

Искренне Ваш,

Лоуренс Трехерн

Таким было первое письмо. Второе было написано на трех листах, вырванных из простой ученической тетрадки, которую Эйден купил, видимо, по пути в Мэннингтри. Почерк у него оказался на удивление детским, с крупными петельками и скорее с кружочками, чем точками над «i». Прочитала я это послание не сразу, а значительно позже, когда мы с Андреасом были одни в номере, вооружившись большими стаканами виски. Спиртное очень нам пригодилось.

Дорогой Лоуренс!

До чего же странно я себя чувствую, когда пишу Вам и знаю, что минут через двадцать уже буду мертв. Готов поспорить, что известие об этом Вас не огорчит. Но для таких, как я, тюрьма точно не вариант. Среди тамошних извращенцев я и пяти минут не протяну, так что лучше уж подождать следующего лондонского поезда. Того, который не останавливается.

Зачем я это пишу? Толком сам не знаю. Если честно, ни Вы, ни Полин никогда мне особо не нравились. Вы двое всегда держались так покровительственно, словно мне полагалось постоянно питать к вам благодарность, тогда как я буквально жилы рвал, работая на вас в отеле. Но я ощущаю в данный момент близость к вам обоим, потому что убил вашу дочь. Вы согласитесь, я уверен, что такие вещи сближают людей.

Это не признание. Вы и так все уже слышали. Но есть пара деталей, которые мне хотелось бы Вам сообщить. Снять камень с души, если угодно. Все время, пока я находился с Вами в отеле, в коттедже или в отпуске во Франции, я притворялся. Но теперь я хочу, чтобы Вы узнали меня настоящего.

Я всегда сознавал, что отличаюсь от других. Не стану рассказывать Вам о своей жизни. Времени мало, да и кому есть до нее дело? Но Вы даже не представляете, что значит расти в Хэгхилле, одном из самых дерьмовых районов Глазго, жить в дерьмовом доме, ходить в дерьмовую школу, при этом знать, что ты особенный, но так никогда и не сможешь жить, как того заслуживаешь.

Мне хотелось разбогатеть. Стать значимым. Вот смотришь по телевизору на футболистов и знаменитостей и думаешь: ну почему им дано столь многое? Они обладатели какого-то ничтожного таланта, а весь мир расстилается у их ног. Да, у меня тоже был талант. Я умел расположить к себе людей. Быть очаровательным. Но в местечке вроде Хэгхилла от этих способностей нет никакого проку, поэтому при первой же возможности, в семнадцать лет, я уехал из дома и перебрался в Лондон. Я думал, что там смогу стать великим.

Разумеется, этого не произошло. В Лондоне всё против тебя. Мойщик машин зарабатывает три фунта в час. Официант — пять. Приходится снимать комнату на двоих с типом, который ворует твои носки, прежде чем они успеют высохнуть, да еще платить за этот жалкий угол несуразные деньги. А вокруг тебя вращаются такие богатства, что и представить трудно. Полки в магазинах ломятся от элитных товаров. Повсюду шикарные рестораны и пентхаусы. Я так сильно всего этого хотел, и был только один способ это заполучить.

Я стал Лео.

Вам не понять, что значит продавать себя. Позволять богатым жирным мужикам лапать тебя и делать с тобой все, что им заблагорассудится, просто потому, что они могут себе это позволить. На случай, если Вам вдруг интересно, Лоуренс: гомосексуалистом я никогда не был, и хочу, чтобы Вы это знали. Я просто занимался тем, чем занимался, потому что другого способа зарабатывать не было. И ненавижу его. До тошноты.

Но у меня завелась деньги. Я устроился на работу агентом по недвижимости. Видите, опять сработало мое обаяние. Но именно Лео приносил реальный доход. Три сотни монет за ночь. Пять сотен за ночь. Иногда даже тысячу за ночь. Они все трусы. Большая часть моих клиентов

были женатые люди. Чертовы лицемеры. Я улыбался им и исполнял их желания, пусть даже мечтал превратить их рожи в кровавое месиво. Но я знал, что однажды непременно выреусь на волю. Эта мысль поддерживала меня. Нужно только заработать достаточно денег, чтобы вылезти из шкуры Лео и начать ту жизнь, которую я хочу. А потом я познакомился с Сесили, когда показывал ей квартиру.

Думается, я с первого взгляда понял, что она — это то, что нужно. Сесили была такой живой и чертовски отзывчивой. Стоило сказать ей, что сегодня мой день рождения, как она вцепилась в меня мертвой хваткой. «Ах, как здорово: ты же по зодиаку Лев! А я Стрелец. Мы просто созданы друг для друга. Ах! Ах! Ах!» Мы пошли выпить тем вечером, и Сесили рассказала мне все про вас с Полиной, про отель, про ужасную сестричку, которую она ненавидела, и про все остальное. Я сразу понял, что смогу вертеть ею как хочу. Потому что я ее маленький Лев. Лео.

Мы стали встречаться, я приехал в Суффолк, познакомился с Вами, с Полиной и с прочими, и, разумеется, сразу всем понравился, потому что такое уж мой единственный талант. А потом мы с Сесили обручились. Я сделал предложение в соответствии с рекомендациями астрологов, выбрав день, когда звезды сулили ей перемены к лучшему, поскольку знал, что для нее это важно. И Сесили сказала «да». Кто бы сомневался.

Вот и свершилось, думал я. Больше никакого долбаного Хэзилла, и унижаться в Лондоне тоже не нужно. Я решил, что получил желаемое. Я работал в отеле и присматривал за гостями, потому как был хорош в этом деле. И в качестве утешения, я всегда знал, что рано или поздно убью Сесили. И Лизу, наверное, тоже. Понимаете, я хотел заполучить все. Отель, землю, деньги. Это было будущее, о котором я мечтал, в нем не было места для других.

Когда за два дня до свадьбы объявился Фрэнк Пэррис, это оказалось для меня страшным ударом! Все было, как и рассказывала Сьюзен. Мерзкий ублюдок узнал меня. И чисто забавы ради стал шантажировать, заставляя прийти в первую брачную ночь к нему в номер, чтобы он мог поразвлекаться со мной. У меня от одной мысли об этом все внутри переворачивалось. Я хотел убить его. И не смог сдержаться. Я отправился к Фрэнку в номер, как он требовал, но вместо того, чтобы ублажать мерзавца, размозил ему голову, причем сделал это с наслаждением.

Времени остается мало. Давайте расскажу, чем все закончилось.

С Аланом Конвеем я познакомился тем же путем, что и с Фрэнком Пэррисом. Еще один извращенец средних лет, охотившийся на мальчиков вроде меня. Я и его не прочь был убить, но он знал правду, и тут уж ничего не поделаешь. Я до ужаса боялся, что Конвей меня выдаст, но он не мог этого сделать, не выдав заодно и себя самого. В любом случае я был рад, когда Алан уехал из отеля, и обрадовался еще сильнее, узнав о его смерти несколько лет спустя.

Я понятия не имел, что он написал эту долбаную книгу. Равно как и о том, что Сесили прочла ее, и до сих пор теряюсь в догадках, как детектив вообще попал к ней в руки. Восемь лет спустя! Казалось бы, ничего не предвещало. Штефан в тюрьме. Отношения между мной и женой безоблачные, как в раю. Ну, пусть не совсем. Конечно, я знал, что Роксана не от меня. Думаю, нужно честно признать, Лоуренс, что я не находил Вашу дочь привлекательной. Без обид. Я знал, что Сесили встречалась со Штефаном. Ей не удалось утаить это от меня. Вот почему я подставил его, и слов нет описать, сколько мне доставило удовольствия, когда ему впаяли пожизненное.

Сесили определенно подозревала, что это я убил Фрэнка Пэрриса, до тех пор, пока Штефан сам во всем не признался. В ее присутствии я всегда старался убедительно играть роль, но пару раз ей удавалось меня раскрыть. Сесили была глупа, но не беспросветно, и поняла, что я не совсем тот мистер Совершенство, о котором она мечтала. Мне удалось убедить жену, что мы с Фрэнком прежде никогда не встречались, а чего ради мне причинять вред абсолютно незнакомому человеку? Такова была линия моей защиты, и она в нее поверила.

Но потом Сесили прочтала книгу, и все перевернулось. Фрэнк и Лео. Я постоянно ждал подвоха и догадался, что попал в беду, еще до того, как

Элоиза рассказала о подслушанном телефонном разговоре. Это было во вторник, и я сразу понял, что для Сесили все кончено.

Той ночью я пошел и выкопал для нее могилу. Еще до того, как убил жену.

Проблема заключалась в том, что, как я знал, в среду у меня не будет достаточно времени. Лишить человека жизни — это одно, а вот похоронить — совсем другое, а мне предстояло держать отчет за каждую минуту того дня. И вот во вторник вечером я поехал в Рендлшемский лес и выкопал там яму. Если вы хотите найти ее, то она по другую сторону от Бромсуэлла. Следуйте по тропе, отмеченной под номером двенадцать. Могила находится за седьмым деревом слева. Я вырезал на коре стрелу, она покажет верное направление. Стрелец. Сесили бы это понравилось.

В среду я старался вести себя как обычно, но все пытался понять, знает ли жена правду. Я всю свою жизнь притворялся и стал мастером этого дела. Но могу сказать, что Сесили была сама не своя. Примерно в три она повела Медведа на прогулку, и я отправился за ней. Я видел, как она остановилась у станции Вудбридж, и точно знал, куда она пойдет, поэтому объехал Мартлшем, припарковал машину и вошел в лес с противоположной стороны. Поблизости никого не было. В те края редко заглядывают.

Сесили сразу догадалась, что будет дальше, когда увидела меня, и даже не пыталась бороться. «Я всегда знала». Это все, что она сказала, и, когда я накинул ей на шею чулок (один из ее собственных), только горестно посмотрела на меня и позволила мне закончить начатое.

Я захватил с собой несколько платьев жены и заодно чистую рубашку для себя. Труп Сесили я засунул в багажник и вовсю погнался к Рендлшемскому лесу, чтобы ее похоронить. Это была самая рискованная часть плана, потому что приходилось остерегаться тех, кто выгуливал там собак. Но труп находился на поверхности не больше тридцати секунд. Мне понадобилось двадцать минут, чтобы засыпать могилу, тогда как рыл я ее чертовых сто лет. Потом я надел чистую рубашку и поехал во Фрамлингем. К благотворительному магазину я подрулил в начале пятого как ни в чем не бывало. Я отдал продавщице одежду Сесили и кое-что из своих вещей, включая рубашку, в которой копал могилу, чтобы избавиться от нее.

Этим все и кончилось.

Я в самом деле думал, что мне все удалось, и знаете, что меня огорчает? Это было идеальное убийство. Я не совершил никаких ошибок. Два идеальных убийства. Я дурачил вас всех с самого начала и был уличен в результате событий, никак от меня не зависящих. Это Фрэнк виноват, что все так получилось. И Сесили. И вы с Полин: надо же было додуматься притащить сюда ту чертову бабу с Крита.

Так или иначе, все кончено. Мне пора. Нужно успеть к поезду.

Эйден

Пещера Зевса

В вечер долгожданного возвращения в «Полидорус» мы с Андреасом устроили вечеринку для всех наших друзей: отчасти чтобы отпраздновать приезд, отчасти чтобы оставить эту историю позади. Панос при помощи своей восьмидесятишестилетней матушки приготовил нечто, напоминающее целикового барана. Мы распили ящик аргиротского вина с острова Санторини. Вангелис играл на гитаре и на бузуки, и мы танцевали под чернильно-черным небом с тончайшим серпиком луны. Пара гостей спустилась, чтобы пожаловаться, но в итоге присоединилась к нам. Чудесная была ночь.

Я потихоньку вернулась к повседневной жизни в Айос-Николаосе, и две вещи помогли мне в этом.

Прежде всего, моя сестра Кэти приехала на неделю, в первый раз посетив отель. Ей нужно было встряхнуться от неприятностей. Кэти начала бракоразводный процесс, а Гордон тем временем только что переехал со своей молодой возлюбленной в ужасную квартиру-студию в Лондоне. О нем мы почти не говорили. И о событиях в «Бранлоу-Холле» тоже. Мы прогуливались, осматривали главные туристические достопримечательности и наслаждались обществом друг друга. Увидев, что Кэти безнадежно влюбилась в Крит, я вспомнила, какой безмозглой была сама, когда решила все бросить.

А во-вторых — это произошло как гром среди ясного неба, — мне предложили работу помощника редактора в издательстве «Пенгуин Рэндом хаус». К Майклу Били, который обещал при случае замолвить за меня словечко, а на самом деле даже и пальцем не пошевелил, это не имело никакого отношения. Как выяснилось, Крейг Эндрюс во время ланча в честь выхода своего романа «Время умирать», четвертой книги из серии про Кристофера Шоу, упомянул в разговоре с кем-то, что виделся со мной. Должно быть, я обмолвилась ему, что ищу работу, потому как вскоре мне пришло электронное письмо из «Пенгуин Рэндом хаус», и меня приняли в это издательство — правда, на основе фриланса, — но прислали рукопись в четыреста страниц в качестве первого заказа.

В то же время выписанный Лоуренсом чек позволил разобраться с большей частью долгов «Полидоруса». Также, к нашему удивлению, вторая половина туристического сезона сложилась удачно, и гостиница была полна под завязку. Учитывая, что теперь у меня появился дополнительный источник дохода, мы смогли нанять помощника. Поэтому, хотя утром мне по-прежнему приходилось буквально с ног сбиваться, приглядывая за гостями и персоналом (трудно сказать, какая из этих категорий более проблемная), однако к обеду я могла позволить себе усесться на террасе и насладиться работой, которую выполняла всю свою жизнь.

И все равно, я никак не могла выкинуть из головы страшные события, с которыми столкнулась: все размышляла об убийстве Фрэнка Пэрриса и о том, что случилось уже потом, когда Алан Конвей писал книгу. Уезжая из Лондона, я захватила с собой не только сделанные во время расследования заметки, но и рукописи, оставшиеся со времен «Клоуверлиф букс». Еще я совершила вылазку в книжный магазин и прикупила полный комплект романов про Аттикуса Пюнда, хотя это и пробило брешь в моем кошельке. И потом все лето поглощала их, уверенная, что упустила нечто важное. Я слишком хорошо знала Алана. Он буквально размахивал чем-то прямо у меня перед глазами, а я никак не могла сообразить, в чем дело.

Я поняла, почему он не стал разоблачать убийцу, почему намеренно скрыл правду. Тут Эйден оказался прав. Конвей оседлал первую волну успеха, имея в активе два бестселлера и третий на подходе. Его имя приобретало известность во всем мире.

В ту пору он еще не объявил себя геем. Разумеется, это не имело значения. Когда Конвей наконец сообщил, что разводится с Мелиссой и сходится с Джеймсом, никто даже бровью не повел. Вот один из ярких индикаторов того, как переменился мир: никто сегодня не боится открыто выражать свою сексуальную ориентацию, за исключением, наверное, фанатичных проповедников и крупных голливудских актеров. С другой стороны, Алан наверняка переживал

насчет историй, которые мог поведать «Лео». Признать себя голубым — это одно, а вот вещи, которые он проделывал с мальчиками по вызову, общественность могла принять далеко не так благосклонно. Алан чувствовал потенциальную угрозу и предпочитал не афишировать подобные детали.

Выдача Эйдена полиции поставила бы под угрозу его карьеру. По крайней мере, сам он думал именно так. И должна согласиться, что с точки зрения пиара это могло отразиться на продажах не лучшим образом. В конечном счете Аттикус Пюнд — образец нравственности. В книгах этой серии почти совсем не было секса. В них никто даже не ругался.

Но наверняка Конвей, желая поразвлечься, не ограничился одним лишь только посвящением. Алан был не из тех людей, кто молча сидит и хранит тайну. Он непременно раскидал бы по тексту намеки посредством своих особых ключей, сюжетных поворотов, всевозможных шуточек. Я раз десять перечитала роман «Аттикус Пюнд берется за дело», а некоторые отрывки из него запомнила чуть ли не наизусть. Я испещрила страницы карандашными пометками. Я сидела за книгой, обгорая под солнцем.

И наконец узрела то, что искала.

Благодаря сведениям, собранным в «Бранлоу-Холле», я увидела, что сделал Конвей. Начало положил паб «Красный лев» в Тоули-на-Уотере: такое, казалось бы, заурядное название, но, без сомнения, выбранное автором неспроста.

Все вращалось вокруг Лео. Раз за разом Алан упоминал его в тексте, стуча в барабан подсознания, призванный эхом отозваться в мозгу Сесили Трехерн.

Но это был не непосредственно сам Лео.

Вместо него книгу населяла дюжина самых разных львов. Они встречались повсюду. Церковь была освящена в честь пророка Даниила, известного тем, что он вошел в логово львов. Навещая храм, Аттикус Пюнд видит витражи с изображением чудесного спасения этого святого во рту львином.

Кларенс-Кип, дом, где жила Мелисса Джеймс, получил имя в честь фильма «Кларенс, косоглазый лев» — комедийной ленты шестидесятых годов, а Уильям Рэйлтон, якобы обитавший там, был архитектором, создавшим фигуры четырех монументальных львов на Трафальгарской площади в Лондоне. Пес у Мелиссы китайской породы чау-чау, известной как «собака — лохматый лев». Его даже зовут Кимба, как белого льва из японского мультсериала. А помните эпизод, когда Мэделин Кейн замечает в коридоре постер из «Волшебника страны Оз» с автографом актера Берта Лара? Секретарша еще отпускает замечание, что Мелисса не снималась в этом фильме. А Лар, естественно, играл там Трусливого Льва.

Шли недели, мною просто овладевало наваждение, и я заметила, что Андреас раздражается, видя, как я в любую свободную минуту шуршу страницами. А находки продолжались. Саманта только-только начала читать детям книги Льюиса про Нарнию, так что явно подразумевалась первая часть: «Лев, колдунья и платяной шкаф». Мелисса должна была сняться в фильме в роли Алиеноры Аквитанской, то есть матери Ричарда Львиное Сердце. Серебряная шкатулка для сигарет в гостиной Мелиссы украшена логотипом «Метро-Голдвин-Майер» — рычащим львом. А на странице 182 старший инспектор Крол бросает совершенно случайную, казалось бы, фразу про первый подвиг Геракла, который, по его мнению, заключался в чистке авгиевых конюшен. Но он ошибся. Первым подвигом знаменитого античного героя была победа над немейским львом.

Теперь мне вспомнились некоторые спорные моменты, которые мы обсуждали с Аланом в процессе редактуры. Естественно, он хотел, чтобы Эджернон ездил на «пежо». Серебряный шильдик, перепачканный в итоге кровью оперного певца, представляет собой фигуру прыгающего льва. И, немного пошарив в Википедии, я обнаружила, что локомотив LMR-57, увозящий Пюнда со станции в Байдфорде, тоже был известен как «Лев» — вот почему автор наотрез отказался убрать этот анахронизм.

К концу месяца я в буквальном смысле вставала по ночам с постели, чтобы продолжить охоту на львов. Я до сих пор так еще и не приступила к редактуре четырехсотстраничной рукописи и часто ловила на себе косые взгляды Андреаса.

И все же мне не давало покоя, что я упустила что-то в романе «Аттикус Пюнд берется за дело». Я была уверена, что Сесили заметила нечто такое, чего не вижу я. У меня есть книга. Есть все мои записи. Должно быть что-то еще. Что же?

Я точно помню момент просветления, когда роман открыл мне последний хитроумный секрет, похороненный в своем коварном сердце. Самое обидное, что правда все это время была у меня перед глазами. Но я так до конца и не поняла, почему узрела ее лишь в тот самый миг, когда сидела в своем крошечном кабинете над баром, в лучах палящего солнца. Хотела бы я сказать, что мимо пролетела сова — у нас на Крите их довольно много, — но это не так. Без всякой видимой причины мне вдруг вспомнилось, что Сесили Трехерн любила анаграммы. Она взяла название отеля «Бранлоу» и переставила буквы, получив «барн оул». И тут меня осенило.

Первое убийство совершил Леонард Коллинз. В его имени, что очевидно, скрыт еще один лев.

Но Мэделин Кейн тоже преступница, и ее жертвой становится Фрэнсис Пендлтон — Ф. П. — литературный эквивалент Фрэнка Пэрриса.

Мэделин Кейн — анаграмма имени Эйден Макнейл.

Когда я поняла это, Андреас находился в комнате. Помню, как я буквально взвыла от возбуждения, подбросила в воздух бумаги и замахала руками, почти разрыдавшись от простоты разгадки. Андреас посмотрел на меня поверх газетных вырезок, блокнотов, писем. И девяти томов, посвященных приключениям Аттикуса Пюнда.

А потом заключил мои руки в свои.

— Сьюзен, — начал он. — Ты не рассердишься, если я предложу кое-что?

— Конечно не рассержусь.

— Мы любим друг у друга. У нас есть отель. Ты получила работу редактора. Все для нас складывается хорошо.

— И что?

— Так, может, пора уже покончить со всем этим? — Он указал на разбросанные бумаги. — Ты нашла уже много львов. И честно говоря, я думаю, что ты и без того позволила Алану Конвею причинить тебе в жизни достаточно вреда.

Я медленно кивнула:

— Ты прав.

— Я вот что хочу предложить. Давай соберем это все... все эти бумаги и книги. Особенно книги. Положим их в машину и поедем на плато Лассити. Оно такое красивое в это время года, со своими оливковыми деревьями и ветряными мельницами. Я отвезу тебя к пещере Психро, известной также как пещера Зевса, потому что именно там, если верить легенде, он и родился. Я хочу, чтобы ты сложила все это стопкой перед входом и подожгла — принесла жертву богам, в благодарность за то, что они вернули тебя ко мне и избавили от всех темных призраков, воспоминаний о прошлом. А потом я доставлю тебя в один известный мне маленький отель близ Каминаки, и мы поужинаем вместе и будем сидеть на террасе, попивая ракию, в окружении гор и смотреть на звезды. Ибо, уверяю тебя, нигде больше в мире звезды не выглядят более величественно.

— А созвездие Льва сейчас видно?

— Надеюсь, что нет.

— Тогда я поеду.

И мы поступили в точности так, как предложил Андреас.

Горовиц Э.

Г 70 Совы охотятся ночью : роман / Энтони Горовиц ; пер. с англ. А. Яковлева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-18643-9

Смерть знаменитого писателя Алана Конвея поставила точку в редакторской карьере Сьюзен Райленд. Теперь она управляет отелем на берегу Эгейского моря, однако не слишком успешно — денег катастрофически не хватает. Скучая по лондонской суете, Сьюзен подумывает о том, не сбежать ли из этого райского местечка, и кажется, сама судьба подкидывает ей шанс. Супруги-англичане обращаются к Райленд за помощью, обещая хорошо заплатить. Исчезла их дочь, успев признаться родителям, что на страницах детективного романа Конвея нашла ключ к разгадке кровавого преступления, совершенного восемь лет назад в Суффолке... Редактором этой книжной серии, оказывается, была Сьюзен. Удастся ли ей распутать хитросплетения авторской мысли? Мисс Райленд срочно отправляется в Англию, испытывая настоящий азарт сыщика, и ей не сразу приходит в голову, что нельзя безнаказанно ворошить тайны прошлого. Но это становится очевидным, когда над ней нависает смертельная опасность...

Роман в романе, литературная игра, полная загадок и мистификаций.
Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ
СОВЫ ОХОТЯТСЯ НОЧЬЮ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Маргарита Ахметова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.12.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 8000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ABB-27276-01-R

the big book.

Лабиринт подсказок. Детективный роман, скрывающий смертельную тайну. Убийца, действующий по невероятно жестокому плану.

Anthonyhorowitz.com

Умно сделано — история внутри истории внутри истории.
Триумф!

Кейт Мосс,
автор бестселлера «Лабиринт»

Эта книга демонстрирует полный набор сильных сторон Горовица: хлесткий сюжет, гладкая как лед проза, отвага и энергия... и прежде всего, яркая искра радости, которая зажигает лучшую художественную литературу — радость рассказчика, находящего новые смелые способы ослепить свою аудиторию.

А. Дж. Финн,
автор бестселлера «Женщина в окне»

Великолепно написано — яркие характеры подозреваемых, идеальное чувство времени и громкий финал!

The Spectator

Гениальный роман в романе... наполовину криминальный роман, наполовину стилизация. Это великолепное произведение... играет с жанром, одновременно принимая его всерьез.

Sunday Times

www.azbooka.ru

Cover art © Sinem Erkas